

МОЛОДОЙ

ISSN 2072-0297

УЧЁНЫЙ

ежемесячный научный журнал

5

2011
Том II

ISSN 2072-0297

Молодой учёный

Ежемесячный научный журнал

№ 5 (28) / 2011

Том II

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г.

Редакционная коллегия:

Главный редактор:

Ахметова Галия Дуфаровна, *доктор филологических наук*

Члены редакционной коллегии:

Ахметова Мария Николаевна, *доктор педагогических наук*

Иванова Юлия Валентиновна, *доктор философских наук*

Лактионов Константин Станиславович, *доктор биологических наук*

Воложанина Олеся Александровна, *кандидат технических наук*

Комогорцев Максим Геннадьевич, *кандидат технических наук*

Драчева Светлана Николаевна, *кандидат экономических наук*

Ахметова Валерия Валерьевна, *кандидат медицинских наук*

Ответственный редактор: Шultzга Олеся Анатольевна

Художник: Евгений Шишков

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются.

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов. При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Материалы публикуются в авторской редакции.

Адрес редакции:

672000, г. Чита, ул. Бутина, 37, а/я 417.

E-mail: info@moluch.ru

<http://www.moluch.ru/>

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый»

Тираж 1000 экз.

Отпечатано в ООО «Формат», г. Чита, ул. 9-го Января, д. 6.

Дизайн — студия «Воробей»

www.Vorobei-Studio.ru

Верстка — П.Я. Бурьянов

raul50@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЯ

Алиомарова Г.И., Семиляк В.И.

Градационный повтор в ССЦ портретного описания (на материале произведений русских писателей второй половины XX века)7

Арименова Р.С.

История изучения названий млекопитающих (на материале монгольских и русского языков). 9

Замятина Е.В.

Образ *сада* в повестях М.П. Погодина «Сокольницкий сад» и «Адель»12

Nadezda A. Kobzeva

Education Idioms and Exercises at Foreign Language Classes15

Nadezda A. Kobzeva

Using the Internet Resources for Teaching English as a Foreign Language to University Students 17

Красман В.А.

К вопросу о специфике «ночного хронотопа» в европейском романтизме.....18

Кушнарёва Е.С.

К вопросу об истории возникновения Black English..... 20

Кушнарёва Е.С.

Black English в контексте американской культуры22

Кушнарёва Е.С.

Black English и американский английский язык – пример двустороннего лексического заимствования.....25

Лисик Л.

Литературоведы об особенностях языка и художественного стиля Н. Гоголя 27

Набати Ш., Моазами М., Агаева М.

Рассмотрение русского предлога «в» в винительном падеже и способы его передачи на персидский язык.....33

Набати Ш., Маджид Э., Моазами М., Агаева М.

Сопоставительный анализ временных отношений в сложноподчиненных предложениях с отношением разновременности в русском и персидском языках39

Нерсесова Э.В.

Категория «национальное самосознание» и ее художественное воплощение в романе «Вашингтонская площадь» 47

Савинич С.С.

Проблема ответственности личности в романе Р.П. Уоррена «Вся королевская рать»53

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО

Бугаевская Н.О.

Некоторые проблемы совершенствования законодательства о противодействии налоговым преступлениям58

Журов С.Ю.

Административная ответственность – исторический аспект 61

Сарыглар Н.С.

Связь мифологического и правового сознания .64

ПОЛИТОЛОГИЯ

Андреева Е.В.

Роль средств массовой информации
в терроризме XXI..... 67

ИСТОРИЯ

Андреева Е.В.

Характеристика системы международной
безопасности в период Холодной войны 70

Головченко Н.Н.

К вопросу о классификации «мягких» головных
уборов скифо-саков 72

Лёвина К.А.

The United Nations Current History: Contribution
of Kofi Annan to the Organisation Reforming
Process 76

Милюков А.Н.

Русско-монгольские дипломатические
отношения 1607–1679 гг. как фактор
присоединения Сибири 79

Окопная О.П.

Вклад ростовских купцов Парамоновых
в просвещение и образование народа..... 80

ПСИХОЛОГИЯ И СОЦИОЛОГИЯ

Вознюк Г.А.

Все плюсы и минусы обязательного медицинского
страхования в новом законе. 84

Кушнарёва Е.С.

Multiculturalism: Ideology, Policy,
Academic Study 85

Невесенко Е.Д.

Специфика формирования и функционирования
интернет-сообществ: социальный аспект 88

Райкова Е.Ю.

Терапия и профилактика профессионального
выгорания у представителей помогающих
профессий 92

Скрипка Е.Ю.

Механизмы прерывания контакта у больных
артериальной гипертензией 97

Скрипка Е.Ю.

Сравнение патопсихологических
и нейропсихологических методов исследования
нарушений мышления..... 100

Скрипка Е.Ю.

Особенности нарушений мышления
у больных простой и параноидной формами
шизофрении..... 102

Скрипка Е.Ю.

Особенности структурно-функциональной
организации мозга при шизофрении 103

Соколов Р.В.

Морфологический анализ районов г. Волжского
с различным уровнем предпочтительности
проживания 105

Шерифов А.М.

Система социальной защиты участников боевых
действий..... 109

Шерифов М.Ш.

Основные проблемы молодежи в Дагестане... 112

ПЕДАГОГИКА

Авдеюк О.А., Крохалев А.В., Приходькова И.В.

Общие подходы к формированию методики
преподавания теории графов в вузе 115

Азимова Н.Э.

Технология духовно-нравственного воспитания
преподавателя профессионального образования
в процессе обучения 117

Атаханова С.О.

Некоторые факторы формирования сознания
здорового образа жизни студенческой
молодежи 118

Бакулина Е.А.

Организация проектных домашних заданий
учащихся по математике с использованием
средств информационных технологий..... 121

Балалиева О.В.

Социально-педагогическое партнерство:
историко-генетический анализ становления.. 124

Бегматова Д.М.

Некоторые особенности обучения профессии:
на основе семейного образования в узбекской
семье..... 127

Беззубова В.В.

О некоторых возможностях применения
игровых упражнений при изучении грамматики
немецкого языка 129

Горшенина Н.М.

Нравственное воспитание школьников на уроках
истории 133

Горькина Е.В.

Развитие образной памяти детей старшего дошкольного возраста с нарушениями слуха.. 135

Егорова А.М.

Музыкальное образование старшеклассников в общеобразовательной школе: вчера, сегодня, завтра 137

Захарова И.В.

Роль родителей в гендерной социализации ребенка 140

Кобзева Н.А.

К вопросу о педагогических технологиях 142

Nadezda A. Kobzeva

Computer-Assisted Language Learning for Supporting English Classes 144

Кушнарёва Е.С.

Black English в американской системе образования..... 146

Митрофанова Г.Г.

Трудности использования проектной деятельности в обучении 148

Петрова И.В.

Средства и методы формирования универсальных учебных действий младшего школьника 151

Покушалова Л.В.

Метод case-study как современная технология профессионально-ориентированного обучения студентов 155

Редько А.М.

Функциональность хора в пространстве древнегреческого представления..... 157

Тоторкулова К.А.

Проектирование модели подготовки педагогов к деятельности по гражданскому воспитанию учащихся средствами национальных традиций в пространстве малого города..... 161

Уринов У.А.

Пути формирования системы социального партнерства в профессиональных колледжах 165

Фалькович Ю.В.

Пропедевтический курс как педагогическое условие развития профессиональной компетенции студентов-регионоведов в курсе языковой подготовки..... 168

Цветкова Л.И.

Активизация познавательной деятельности на уроках биологии 171

МЕДИЦИНА

Барабанов Р.Е.

Этиология нарушения слуха и речи у глухих и слабослышащих детей 174

Джонбобоева Г.Н, Цахилова С.Г., Пырегов А.В.

Оптимизация инфузионной терапии гестоза средней и тяжелой степени в периперационном периоде 176

Егоров С.А.

Имитационное моделирование динамики алгоритма управления биомеханического тренажера 181

Аманжолов Б.Р., Игисинов Н.С., Нарманова О.Ж., Ташимов Р.И.

Оценка качества жизни пациентов при диагностической и лечебной эндоскопической помощи..... 184

Мауенова Д.К., Игисинов Н.С.

Особенности заболеваемости раком щитовидной железы в Казахстане 188

Корабаева Г.Т., Игисинов Н.С., Асанова С.А., Мауенова Д.К.

Эпидемиологические особенности заболеваемости катарактой в Казахстане 191

Нарбаев А.Е., Кожахметов С.К., Игисинов Н.С.

Рак прямой кишки в Казахстане: эпидемиологические аспекты 194

Терешкевич Д.П., Игисинов Н.С., Шарбаков А.Ж.

Оценка смертности женщин фертильного возраста в экологической зоне бедствия – Кызылординской области..... 198

Игисинов Н.С., Терешкевич Д.П., Корабаева Г.К., Мауенова Д.К.

Динамика показателей первичной заболеваемости катарактой в Приаралье 200

Вавринчук С.А., Косенко П.М.

Системный подход в оценке показателей периферической электрогастроэнтерографии у больных с осложненной язвенной болезнью 204

Новиков Д.Г.

Состав воспалительного инфильтрата в слизистой оболочке желудка и генетический полиморфизм цитокинов при раке желудка кишечного типа 212

Соколова Н.А., Савина М.И.

Изменения в представлении о патогенезе
Rh-негативных миелопролиферативных
заболеваний..... 215

Тугжсурэн О., Жав Б., Авирмэд Д.

Факторы риска рака яичников среди
монгольских женщин..... 219

Нуралина И.С.

Смертность женского населения Казахстана
от рака шейки матки в репродуктивном
возрасте 219

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

Быстрова О.И.

Традиции формообразования текстиля
Беларуси..... 225

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Дивакова Н.А.

Музыкально-звуковые характеристики
произведения искусства (на примере
живописи) 229

Овчинников А.В.

Ценностные ориентации в субкультуре Донского
казачества по модели Гирта Хофстеде..... 232

Симонова О.А.

Истоки творчества Казимира Малевича 234

Фадеева Т.Ф.

Документально-историческая справка
о пути развития и окончании преследований
в «Охоте на ведьм» 237

МУЗЫКОВЕДЕНИЕ

Игнатова М.А.

Чудо-свирель Эдельвены Смеловой 241

Игнатова М.А.

«Видения Иоанна Грозного» С. Слонимского:
к вопросу специфики интерпретации истории
в современной опере..... 249

Климова В.В.

Транскрипторская деятельность
В.В. Борисовского..... 252

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

Данатаров А.

Разработка методов управления водным,
воздушным, тепловым и пищевым режимами
мелиорируемых земель в аридной зоне..... 255

Кудин С.М.

ДЕМЕТРА – серьезный аргумент в борьбе
с вьюнком и подмаренником на зерновых 258

Розметов К.С.

Влияние различных способов предпосевной
подготовки семян и технологии сева
на динамику появления всходов
хлопчатника 261

Розметов К.С.

О повышении качества подготовки посевных
семян хлопчатника 265

Розметов К.С.

Влияние мульчирования на влажность почвы
и мощность почвенной корки..... 268

ФИЗИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И СПОРТ

Уколов А.В.

О проблеме слабой физической подготовки
курсантов 1 курса Санкт-Петербургского
университета ГПС МЧС России..... 271

ПРОЧЕЕ

Лёвина К.А.

Россия и Европейский Союз – сможет
ли Россия помочь Евросоюзу преодолеть
внутренний кризис? 273

ФИЛОЛОГИЯ

Градационный повтор в ССЦ портретного описания (на материале произведений русских писателей второй половины XX века)

Алиомарова Г.И., кандидат филологических наук, доцент; Семияк В.И., кандидат филологических наук, доцент
Дагестанский государственный педагогический университет

Портрет персонажа как компонент композиции художественного произведения чаще всего является составной частью структуры образа, одним из звеньев «наращиваемого единства» и служит важным средством раскрытия характера.

Принципы создания портрета, распределение и роль портретных доминант определяются как мировоззренческой позицией автора, так и идейно-художественной задачей, решаемой непосредственно в данном произведении. Употребление той или иной единицы обусловлено глубиной внутренней связью с другими единицами текстовой структуры, сложным образом переплетающимися друг с другом, взаимообусловленными друг другом и формирующими художественное содержание.

Целью данной статьи является описание градационного повтора в портретных характеристиках персонажей художественных произведений русских писателей.

Градация — стилистический приём, состоящий из ряда словесных компонентов (выраженных словоформами, словосочетаниями, частями предложения и целыми предложениями), расположенных в порядке их возрастающей или убывающей семантической или эмоциональной значимости, которая порождает стилистический эффект. Градация может быть принципом построения как текстового фрагмента (ССЦ), так и целого текста, т.е. являться текстовой фигурой.

Использование градационного повтора в составе ССЦ портретного описания неразрывно связано с коммуникативной направленностью художественного текста, его эстетической функцией — воздействия на эмоциональное, чувственное восприятие читателя. Градационный повтор позволяет не только сконцентрировать внимание читателя на типической детали в портретной характеристике персонажа, но и передать нарастание (убывание) проявления признака, при этом внося в высказывание различные экспрессивные оттенки и углубляя образ.

«Она опять раздвигала занавеску. Опять в рубашке, волосы растрепанные и глаза шальные. И опять это *невозможное, звериное выражение счастья*. День солнечный, яркий, но она сквозь тюль видна, как в тумане. Как в первый раз, когда она шла в фате и кружевах, с белыми лилиями, с этим пленительным и отталкивающим взглядом. Словно туман того

дня рассеялся и спустился там, в этой комнате, вокруг нее — и она в нем живет» (Г. Иванов Невеста из тумана).

«Сегодня в половине первого один из пышных тюлевых волянов задвигался и я увидел невесту. Я хорошо разглядел ее. На ней было что-то легкое, белое, вроде ночной рубашки. Она глядела в сад и в мое окно тем же расширенным, невидящим счастливым взглядом. И она улыбалась так же счастливо. Нет — еще более счастливо, уже не улыбкой — *grimасой счастья. Счастья, ненасытности и усталости*» (Там же).

«Я видел ее лицо: оно сияло счастьем. Оно было самым счастьем. Это *искаженное счастьем лицо*, эти прозрачные шальные глаза. Рубашка сползла с плеча, и я увидел продолговатое родимое пятно. Больше ничего не помню, на рассвете я проснулся один» (Там же).

«*Счастливый взгляд*» — «*grimаса счастья*» — «*невозможное, звериное выражение счастья*» — «*искаженное счастьем лицо*» — уровни градационного повтора, используемого автором в рассказе, позволяющие выразить не просто типическую, характерную деталь во внешнем облике персонажа, но и подчеркнуть ее необычность.

«*Grimаса счастья*» — метафорическое сочетание, построенное на необычной сочетаемости слов: grimаса — намеренное или невольное искажение черт лица при выражении какого-либо чувства, но ни в коем случае счастья. Основой для употребления данного необычного сочетания (оксюморона) в тексте стали неметафорические словосочетания «*счастливый взгляд*» («*наполненный счастьем*»), «*улыбалась счастливо*».

В следующих текстовых фрагментах писатель употребляет метафорические сочетания «*звериное выражение счастья*» (отражающее еще большую степень проявления признака по сравнению с предшествующей метафорой «*grimаса счастья*»), и «*искаженное счастьем лицо*» (являющееся по сути описательным оборотом по отношению к метафоре «*grimаса счастья*»).

В III текстовом фрагменте писатель использует градацию при построении ССЦ портретного описания. Инициальное предложение содержит информацию о части внешнего облика героини (констатацию факта: «я видел ее лицо»), представляющую собой рематический элемент высказывания. Второе и третье предложения ССЦ содержат

новую информацию о лице героини — «сияло счастьем», «было самим счастьем». Именно эта новая информация (рема высказывания) выражает градуированные отношения. Градуированные отношения создаются употреблением определительного местоимения «самим» при существительном «счастье», указывающим на крайнюю степень количества (или качества).

Градация в приведённом ниже текстовом фрагменте создает впечатление нарастания выразительности:

«Высокого роста, благообразный, милый и важный старик, с полуседыми волосами, зачесанными на верх плешивой головы, с продолговатым, тонким и бледным лицом, с двумя болезненными морщинами около рта — в них меланхолия и чувствительность, — весь *тихий, тишайший, осенний, вечерний*, — Николай Михайлович Карамзин, стоя у камина, грелся. Все эти дни был болен» (Д. Мережковский Царство зверя).

В данном примере градуированные отношения выражает суперлатив с контекстуальными синонимами «*милый старик*» — «*весь тихий, тишайший, осенний, вечерний*».

Нарастание признака выражается суперлативом (*тишайший*), указывающим, что признак представлен в своем максимальном проявлении. Значение суперлатива усиливается с помощью контекстуальных синонимов — прилагательных «*осенний, вечерний*», употребленных в метафорическом значении, обозначающих почтенный возраст старца русской словесности.

«О. Сергию — так звали схимника — судя по сильной проседи в черных волосах, было лет за пятьдесят, но походка и все движения его были так быстры и легки, как у двадцатилетнего юноши: лицо — *сухое, постное*, но тоже южное: карие, немного близорукие глаза постоянно щурились, как будто усмехались... лукавою усмешкою: похоже было на то, что он знает про себя что-то веселое... Но, вместе с тем, в этом веселье была та тишина, которую видел в лице его Тихон во время ночной молитвы» (Д. Мережковский Петр и Алексей).

Градация выражается с помощью эмоционально-окрашенных синонимов, различающихся стиливой окрашенностью (*постный* — разговорный, шутливый; *сухой* — нейтральный): «лицо — *сухое, постное*». Кроме того, прилагательные «*сухое*», «*постное*» различаются степенью проявления признака, отражают нарастание признака, углубляя создаваемый образ.

Наблюдения над текстом показывают, что основой градуированных отношений в портретных характеристиках довольно часто являются суперлативные сравнения, выражающие непревзойдённый эталон качества, например:

«На шаланде навстречу нам пошёл Катаоко, невысокий человек,

с *лицом коричневым, как жжёный кофе*, человек мирового имени, в европейской рабочей блузе, запачканной машинным маслом, в белых перчатках, как, к слову сказать, и остальные японцы на палубе, рабочие и инженеры. Он улыбнулся прекраснейшими зубами, помахал па-

намой, пожал наши руки, познакомил с японцами и русским доктором Павловским, тем, который нашёл «Чёрного принца». (Б.Пильняк Синее море.)

«Но мало-помалу лицо его омрачилось: он вспомнил, как несколько лет назад любовался этою же самою потехою, вместе с мадонной Лукрецией. Образ дочери встал перед ним как живой: белокурая, голубоглазая, с немного толстыми чувственными губами — в отца, *вся свежая, нежная, как жемчужина*, бесконечно — покорная, тихая, во зле не знающая зла, в последнем ужасе греха непорочная и бесстрастная» (Д.Мережковский Воскресшие боги).

В приведённых примерах суперлативные сравнения: «*как жемчужина*», «*как жжёный кофе*», содержат эталон качества «*жемчужина*», «*жжёный кофе*». Несомненно, что у персонажа очень коричневое лицо, что героиня очень свежая и нежная. Однако в данных выражениях сочетание «*как жжёный кофе*»; «*как жемчужина*» не являются семантическим элементом лексемы «*очень*», своеобразным стилистически маркированным контекстным вариантом этого слова. По мнению А. Вежбицкой, устойчивые обороты подобного типа в точной семантической записи нельзя приравнять к лексеме «*очень*», они имеют другой семантический инвариант: «*ничто не могло быть более/больше/*». [1, 139]

В приведённых примерах:

1. ...Катаоко, невысокий человек с лицом коричневым, *как жжёный кофе*... = У него коричневое лицо, ничто не могло быть более коричневым; впрямь, это мог быть только жжёный кофе.

2. Вся свежая, нежная, *как жемчужина* = Она свежая нежная, ничто не могло быть более свежим, нежным; впрямь, это могла быть только жемчужина.

Градуированные отношения могут также выражаться посредством компаративных сравнений, которые указывают на превзойдённый эталон качества, например:

«Какая веселая комната! — опять подумал Голицын. — Это от солнца... нет, от нее «, — решил он, взглянув на Мариньку.

Переделась: была уже не в утреннем капоте и чепчике, а в своем всегдашнем простеньком платьице, креповом, белом, с розовыми цветочками; умылась, причесалась, заплела косу корзиночкой; черные, длинные локоны, висели, качаясь, как легкие гроздьи, вдоль щек. И, несмотря на бессонную ночь, лицо было *свежее* — «*свежее розы утренней*», как Фома Фомич говаривал, — и спокойное, веселое: от давешних слез ни следа» (Д.Мережковский Царство зверя).

Компаратив прилагательного *свежее* обозначает признак, характерный для героини в большей степени, чем для избранного автором эталона — *утренней розы*: *свежее, свежее розы утренней* = *более свежее, чем сама роза утренняя*.

Употребление градации в произведениях писателей I-ой половины XX века обусловлено стремлением писателей зафиксировать яркую, запоминающуюся деталь во внешнем облике персонажа, с помощью отдельной изоб-

разительной детали добиться нужного впечатления, нужного воздействия на читателя. Становясь синтаксическим элементом художественной речи, конструкции с градационным повтором выполняют функцию эстетического воздействия на читателя, являются средством, реализующим категорию модальности в тексте, усиливающим субъективное авторское начало в художественном тексте.

В анализируемых текстовых фрагментах градация выполняет различные стилистические функции. При этом общей стилистической функцией градационного повтора является функция выразительности. К частным стилистическим функциям относятся характерологическая, эмоционально-усилительная, оценочная, изобразительная, текстообразующая.

Литература:

1. Вежбицкая А. Сравнение — градация — метафора // Метафора в языке и тексте. — М.: Наука, 1988.
2. Лосев А.Ф. Знак. Символ. Миф. — М., 1982.
3. Федорова М.В. Градация в поэтической речи // Филологические науки, 1992, №3

История изучения названий млекопитающих (на материале монгольских и русского языков)

Арименова Р.С., аспирант
Бурятский государственный университет

Фауна как объект окружающего нас мира вызывает всевозрастающий исследовательский интерес. Будучи составной частью проблемы «человек и окружающая среда», она рассматривается как в плане биологическом, так и через призму общественных наук. Фаунистическая тематика связана с важнейшими аспектами лингвистики, прежде всего с номинацией. Исходя из активного творческого характера процесса познания как общественно-исторического акта, направленного на отражение объективной действительности в сознании человека [8, с. 235], фаунистическая лексическая подсистема может быть определена как самобытно выделяющаяся область лексики, основанная на общественных реалиях (названиях животных) окружающего нас мира. Изучение различных тематических пластов лексики является одной из актуальных тем. Фауна (от лат. *fauna* - богиня лесов и полей - покровительница животных в римской мифологии) — исторически сложившаяся совокупность видов животных, обитающих на определенной территории. Термин «фауна» применяется относительно совокупности животных какой-либо систематической категории.

В данной статье предпринята попытка исследования фаунистической лексики на материале монгольских и русского языков, выявления особенностей, присущих данным языкам, а также сходств и различий между ними. Тесная взаимосвязь названий фауны с историей, мышлением и этнографией народа открывает широкие перспективы для изучения общих универсальных и специфических особенностей в их номинации данными народами. Фаунистическая лексика хранит в себе огромную историческую информацию, что обуславливает специфику лексикологии — её многоаспектность, преобладание в ней

конкретного описания, направленного на детализацию, тонкую нюансировку отдельного слова.

Следует подчеркнуть, что изучение данной группы лексики русского языка было положено во второй половине XX в., причем в рамках теоретических исследований общего характера. В частности, в 70-х гг. появилась монография М.А. Бородиной и В.Г. Гака «К типологии и методике историко-семантических исследований» [1979]. В монографии рассматриваются развитие внешней формы номинации, развитие семантики слова и структуры лексических групп, развитие слова на уровне речи. Авторы отмечают, что «собственно историко-этимологическому методу не свойственно обращение к семантике слова — его традиционным объектом была форма слова». Отдельно отмечают новизну семического анализа применительно к исторической лексикографии.

В период 80—90-х гг. Ф.П. Филиным опубликован ряд теоретических работ, в частности монографии: «Происхождение русского, украинского и белорусского языков» [1972]; «Истоки и судьбы русского литературного языка» [1981]; статья «О происхождении праславянского языка и восточнославянских языков» [1980]. Автор считает, что отсутствие исконно славянских названий, относящихся к степям, горам и морям с их специфическим животным и растительным миром, и наличие массы наименований особенностей ландшафта, животных и растений, характерных для лесов и лесостепи с умеренным климатом, нельзя признать случайностью, с которой можно не считаться. Не надо забывать, что звуки и формы без слов с их значениями не существуют. Именно лексика, в которой заключается содержание всего, что выражает язык, наиболее перспективна для дальнейших исторических исследований, что теперь признается мно-

гими исследователями. «Идея неразрывной связи языка с жизнью народа — это важнейшие пласты словарного состава языка, связанные с обозначением самых основных явлений материальной и духовной культуры народа, характеризующие народное мышление» [13, с. 40].

П.Я. Черных в своих фундаментальных трудах [«Очерк русской исторической лексикологии», «Историческая грамматика русского языка», 1956] рассматривает пути развития данной лексической группы. Следует отметить большой раздел «Общеславянский словарный фонд и его развитие в древнерусскую эпоху» [Очерк русской исторической лексикологии], где словарный состав рассматривается по главным семантическим группам (животный мир, человек, люди, терминология родства, природа, труд, материальная и духовная культура), сообщаются определенные сведения об отличиях восточнославянской лексики от лексики остальных славянских языков.

В монгольских языках данная тематическая группа лексики практически не подвергалась специальному исследованию. Так, ещё в 1960-е годы Т.А. Бертагаев в работе «Лексика современных монгольских литературных языков» писал «лексикология монгольских языков является самым слабым местом в монголоведении. Если фонетика и морфология в какой-то степени исследованы, то этого нельзя сказать в отношении лексики» [2, с. 43]. В 1980-е гг. появилась небольшая работа Э.Ч. Бардаева, посвященная калмыцким названиям птиц в сопоставлении с тюркскими и тунгусо-маньчжурскими языками [Бардаев 1988]. Отдельные слова данной тематической группы лексики подвергались анализу и в работах по диалектологии, например, в работах Н.Н. Поппе «Аларский говор» (1930), Ц.Б. Цыдендамбаева «Руководство для сбора материалов по говорам бурят — монгольского языка» (1957), Д.А. Абашеева «Тункинский говор» (1965), Ц.Б. Будаева «Лексика бурятских диалектов в сравнительно-историческом освещении» (1979), «Бурятские диалекты. Опыт диахронического исследования» (1992).

Несмотря на то, что прошло несколько десятилетий, изучение различных тематических пластов лексики, в том числе и названий фауны, остается одной из важнейших задач современной монгольской лингвистики.

Подчеркнем, что добыча диких животных **зэрлиг амитан** или **ан гүрөөл** у монгольских народов имеет далекое историческое прошлое. В древности она составляла основу хозяйственной жизни существования людей. В более поздний период на первый план выходят хозяйственные интересы, связанные со скотоводством. Охота **агнуури**, **облавная охота**, **аба хайдак** (вост.), **зэгэтэ аба** (зап.-бур.) занимала значительное место в хозяйстве древнего человека, охватывая фауну как таёжной, так и горно-степной и полупустынной зон. Значение охоты было велико из-за её непрерывности в течение круглого года и разнообразия добычи. Охота мясного направления была целиком ориентирована на удовлетворение личных нужд. Объекты мясной охоты зависели от времени года.

В жаркое время охотились, как правило, на косулю — **анзаһан** (бур.) и кабаргу **хүдэри** (бур.). Охота на крупных животных (**лось — хандагай**, **изюбрь — буга**, **медведь — баабгай**) проводилась в начале осени и в течение зимы. Практика охоты на них в осенне-зимний период определялась и тем, что в летнее время из-за гнуса и жары мясо и шкуры этих зверей были плохого качества.

Мясо диких животных **зэрлиг амитанай мяхан** (бур.) оценивалось по-разному: особенно ценилось мясо кабана **бодон гахайн мяхан** (бур.). Следующим по качеству шло лосиное мясо **хандагайн мяхан** (бур.). Изюбрия **бугын мяхан** (бур.) уступала другим видам по вкусовым свойствам, она быстро застывала. Мясо косули **анзаһанай мяхан** (бур.) ценилось в любое время, потому что не теряло вкусовых качеств ни зимой, ни летом.

Следует отметить, что у монгольских народов мясо диких (**зэрлиг**) животных всегда идентифицируется по вкусовым, цветовым, жировым качествам с мясом домашних (**тэжээмэл амитан**) животных.

Так, мясо кабана и медведя идентично конине, лосиное — говядине. **Баабгай — медведь**, **бодон гахай — кабан**, **шоно — волк** относят к животным с «горячей кровью» (халуун шанар, букв.: «горячего свойства»).

Известно, что начиная с каменного века, образ волка **шоно** в традиционных верованиях разных народов, в том числе и монголоязычных занимает важное место. У монгольских народов существовало табу **сээр**, запрещающие называть почитаемых диких животных, в частности волка, поэтому в речи употреблялись другие слова вместо прямого названия данного зверя. Это своего рода магический запрет, чтобы удача не отвернулась и возникла она, очевидно, из элементарных мер предосторожности на охоте.

Следует подчеркнуть, что лексема **шоно** (бур.), **чоно** (монг.), **чон** (калм.) — **волк** является общемонгольской. В качестве табу используются следующие названия **хээрын нохой** «степная собака», **тэнгэрийн нохой** «небесная собака», **һүүлтэ** «хвостатый», **нооһон толгой** «шерстяная голова», **хүдөөгэй таабай** «степной дедушка», **нагаса** «дядя», **алтан араата** «с золотыми клыками», **хүхэ шоно** «серый волк».

Как известно, в русском языке **волк** др.-рус. **вълкъ**, ст. — слав. **вълкъ**, **въльк**, первоначально имело значение «растерзающий». Другим вариантом происхождения слова **волк** считается его связь с глаголом **волочить**, так как волк буквально «уволакивал» домашний скот. С мифологической точки зрения в славянской культуре волка связывают с собакой, при этом сам волк у многих народов ассоциировался с войной. Наблюдается сходство со словами «валить», «валить», «волна». Также слово **волна** неслучайно находится в списке родственных, так как его обозначение может использоваться не только к водяному валу, но и к шерсти [волка]. В слове присутствует корень «uel», которое переводится как «щипать, дергать, рвать». **Медведь** в бурятском языке обозначается словами **хара гүрөөһэн** «черная косуля», **таабай** «дедушка», **ойн эзэн**

«лесной хозяин», **баабгай**. Можно полагать, что наименование **баабгай** возникло из слияния двух слов — *баабай* и *абгай*. Первое переводится как «отец», «предок», «праотец», «старший брат», «старшая сестра» (диал.). Под *абгай* понимается «старшая сестра», «жена старшего брата», «старший брат» (диал.). Также, говоря о медведе часто используют эпитеты, например, «могучий дядя» *хүсэтэй абага* (*нагаса, хураха*), «одетый в доху» *даха хубсаһатай*, «дедушка в дохе» *дахатай үбгэн аба* (*үбгэн эсэгэ, нагаса аба, үбгэжөөл*), «мать-отец» *эхэ — эсэгэ* (*аба, баабай*) и т.д.

Для номинации медведя используется еще лексема **гүрөөһэн** (бур.) В зависимости от зоологического вида выделяют **хара гүрөөһэн** (букв. черный медведь) или **сагаан гүрөөһэн** (букв. белый медведь). Можно предположить, что такое наименование возникло как производное от обобщающего термина **ан гүрөөл** «дикие звери».

Сдревнейшего времени славяне называют этого хищника иносказательно: **едящий мед, медоед, любитель меда: рус. медведь, укр. медмідь, слов. medved, чеш. medvěd**. В Сибири запретным считалось слово *медведь*. Вместо него говорили **зверь, хозяин, бурый**. Срав. нем. *bego>bäг*, собственно: бурый. Следует упомянуть о другом, хотя и межславянском, но малоупотребительном наименовании медведя. Срав: старослав. **мечькъ** — медведь, **мечька** — медведица, болг. **мечха** — медведь (медведица); серб. **мечха** — медведица, **мече** — медвежонок; в белорусском языке оно отмечено в форме **меха** — медведь.

А русские лексемы **олень, лань и лось** надо полагать, происходят от одного индоевропейского корня **el: ol: јелень, олень, олсь**. Последние две праформы предполагаются, но они не зарегистрированы в живых славянских языках. В слове же **олень** начальное **о** не обязательно из общеславянского **јелень**: срав. латыш. **alnis** — **олень и лось** при литературном **elnis**., срав. литов. **elne** и **alpe** — **лань из олнь**. Следует подчеркнуть, что в русском языке используется ещё лексема **сохатый** (лось). Слова на — **атый** составляют своеобразную группу в данном языке: **хвостатый** зверь — зверь с хвостом, **горбатый** — с горбом, **сохатый** — это зверь с сохой или с большой сохой. Соха — это сельскохозяйственное орудие,

которым раньше пахали землю. И сейчас лемех, или часть плуга, подрезающая снизу пласт земли, называется сошником. Древнейшая соха представляла собой большой развилистый сук или ветвь дерева. Один конец сохи заострялся и обжигался для большей прочности на огне. Позднее на него стали насаживать металлический наконечник. Таким образом, лось был назван **сохатым**, — за его ветвистые, разлапистые рога.

В бурятском же языке олень обозначается лексемой **оро**. *Оро үсхэбэрлгэ или үдхэлгэ* — оленеводство, оро үдхэгшэ — оленевод, оро унаа — олень как средство передвижения. Ортон — люди занимающиеся оленеводством.

Природа (**байгаали, юртэмсэ** (бур.)) является постоянным окружением и средой обитания человека на протяжении всей его истории. Взаимодействие с окружающими ландшафтами важный фактор формирования образа жизни и путей развития каждого отдельного народа. В традиционном мировоззрении монгольского народа особое место занимают представления о животном мире **амиды юртэмсэ** (бур.). Идеи единства всего живого, родства двух миров — людей и зверей, как известно, относятся к наиболее ранней истории человечества.

В этой связи изучение различных тематических пластов лексики, в том числе и названий фауны, является одной из важнейших задач современной лингвистики. Фаунистическая лексика представляет собой достаточно информативную лексико-семантическую систему для изучения процессов и закономерностей этимологии, номинации, словообразования.

Зоологическая лексика отличается древностью и богатством, многообразием и самобытностью входящих в их состав лексических единиц. Терминология, относящаяся к зоонимической лексике, также привлекает внимание зоологов и этнографов. Проведенный анализ фактического материала позволяет констатировать, что именование предмета не может быть совершенно случайным. Мотивация большей частью осуществляется на основе биологически существенного признака, так как, называя предметы или их признаки, качества, человек закрепляет в сознании все то, что имеет значение для общественной практики.

Литература:

1. Бардаева Э.Ч. Калмыцкие названия птиц в тюрко-монгольских и некоторых тунгусо-маньчжурских языках. Улан-Удэ, 1988.
2. Бертагаев Т.А. Лексика современных монгольских литературных языков. М., 1974.
3. Богатова Г.А. История слова как объект русской исторической лексикографии. М., 1984.
4. Будаев Ц.Б. Лексика бурятских диалектов в сравнительно-историческом освещении. М., 1979.
5. Будаев Ц.Б. Бурятские диалекты. Опыт диахронического исследования. Новосибирск, 1992. — 217 с.
6. Дондуков У-Ж.Ш. Развитие лексики монгольских языков. Улан-Удэ, 2004.
7. Жамбалова С.Г. Традиционная охота бурят. Новосибирск, 1991.
8. Краткий философский словарь. М., 1970.
9. Русско монгольский словарь / под ред. Ш. Лувсанвандана. Улан Батор, 1982.
10. Цыренов Б.Д., Рупышева Л.Э. Русско латинско бурятский словарь названий растений и животных. Улан-Удэ, 2005.

11. Шагдаров Л.Д., Очиров Н.А. Русско-бурятский словарь. Улан-Удэ, 2008.
12. Толковый словарь русского языка / под ред. Д.Н. Ушакова. М., 1
13. Филин Ф.П. Проблемы исторической лексикологии русского языка (древнерусский период) // Вопросы языкознания. 1981. №5. с. 3–16.
14. Черных П.Я. Очерк русской исторической лексикологии. М., 1956.

Образ сада в повестях М.П. Погодина «Сокольницкий сад» и «Адель»

Замятина Е.В., кандидат филологических наук, доцент
Томский политехнический университет

Важное место в истории русской повести первой трети XIX в. занимает творчество М.П. Погодина. Писатель родился и жил в Москве, вел «московский» образ жизни, учился и преподавал в Московском университете. Летом 1819 г. Погодина пригласили в качестве учителя в подмосковную усадьбу И.Д. Трубецкого Знаменское. Здесь в 1825 г. им были написаны такие повести, как «Нищий», «Как аукнется, так и откликнется», «Русая коса», «Сокольницкий сад». Со Знаменским связана и повесть «Адель», которую Погодин начал писать летом 1826 г., а закончил лишь в 1830 г.

В повести «Как аукнется, так и откликнется» садово-парковые образы упоминаются лишь для характеристики светских обычаев: «Дамы наши, отпраздновав первое мая в Сокольниках и Вознесенев день в Дворцовом саду, закупив соломенные шляпки и тафтяные зонтики, начали разъезжаться по деревням проводить, или, лучше сказать, уже провожать лето» [1. С. 32]. Помещая образы Сокольников и Дворцового сада в один ряд с вещами (шляпками и зонтиками), повествователь не наделяет данные топосы внутренним содержанием.

Совершенно другие функции выполняют садово-парковые образы в повестях из жизни «культурной элиты». Так, топос сада становится сюжетобразующим и выносятся в заглавие повести «Сокольницкий сад». Это произведение имеет для нас особое значение, так как в нем сад — уже особое знаковое пространство.

С описания сада начинается повествование. Главный герой — Б.Б. — совершает прогулку в Сокольницкой роще. Под влиянием неведомых внутренних сил он заходит в незнакомый сад, и перед ним разворачивается необъятная по содержанию и внутреннему богатству картина. В саду герой видит прекрасную девушку Луизу, здесь завязываются и развиваются их отношения, выстраивающиеся из прогулок по саду, размышлений о книгах, искусстве: «Мы говорили о ее саде, о лучших садах в Москве, об искусстве, о природе» [1. С. 57]. Сад в повести становится тем пространством, в котором открывается духовный мир героев, являющийся основой их взаимного притяжения. Любовь приходит именно сюда и влечет за собой счастливый финал, в котором герои не просто поженились и были счастливы, а разливали «около себя благой свет просвещения, и на лоне природы, в мире с богом, людьми и совестью» [1. С. 76].

Повествование в «Сокольницком саду» построено в форме писем (героя и его друга, героини и ее подруги друг другу), что делает садовые образы составной частью и внутреннего мира героев. Так, Б.Б. предстает перед нами как чувствительный герой, тонко чувствующий окружающую природу, мы видим движения его души, когда он смотрит на Луизин сад. Например, когда он впервые очутился в саду, его охватили чувства очарования, он погрузился в мечтательную задумчивость. Он замечает запахи и слышит звуки сада прежде, чем видит его. Если в первый день знакомство героя с садом и его хозяйкой предваряло прекрасное благоухание, то, прогуливаясь около сада на следующий день, герой слышит музыку, приближение к топосу сада начинается со звуков: «вдруг я слышу музыку» [1. С. 49]. Б.Б. слышит звуки фортепиано и голос поющей девушки. Она пела романс Пушкина «Слыхали ль вы за рощей глас ночной...». Известный романс на стихи Пушкина особо тонко выражает душевное состояние героев, способных прислушаться к голосу природы и сердца, их ожидание любви. Герой вновь отворяет калитку по какому-то невольному порыву сердца и оказывается в саду.

Сад с его звуками, красками, запахами завораживает героя и обращает к самому себе, к своему внутреннему миру, нюансам чувств и переживаний, природа способствует развитию воображения и творческих наклонностей. Не случайно герой дарит Луизе на день рождения собственный перевод «Шиллерова Валленштейна, в котором она восхищается ролею Теклы» [1. С. 68]. Героиня нескладно рада такому подарку, ведь возвышенная душа Теклы, ее сильный характер и верность возлюбленному являет собой романтический идеал личности, отстаивающей свое право на счастье.

Образ героини предстает перед читателем уже в самом начале повести: его тоже предваряет описание сада, созданного и украшенного ею. Б.Б., описывая прекрасные просторы увиденного сада в первом своем письме, восклицает: «С каким вкусом расположено все! <...> И какая везде чистота! какой везде порядок! Казалось, каждое растение имело своего садовника <...>» [1. С. 48]. Образ Луизы сближается с образом садовника, творца красоты и гармонии.

Автор обращает нас и к письмам Луизы подруге Катеньке. Уже в первых строках ее первого письма заме-

чено, что «дяденька» позволил ей «отделать» по своему вкусу сад и дом, что именно она занимается украшением и уходом за садом, хотя дядя ее и сам интересуется садоводством. Б.Б. пишет о нем: «Весь свой досуг употребляет он на садоводство и чтение, не пропуская, однако ж, ни одного утра без того, чтоб не полюбоваться солдатским учением на Сокольниковом поле» [1. С. 61].

Луиза Винтер — идеальная девушка, и герой с любовью пишет о ней своему другу, сомневающемуся в пользе их общения, рассказывая о ее распорядке дня. Тонко подмеченные детали распорядка дня Луизы раскрывают нам гармоничное слияние быта и культуры, занятия чтением, музыкой, живописью (наряду с работой в саду, в кухне) у Луизы входят в повседневную жизнь, придавая ей смысл и достоинство. Луиза читает Байрона, мадам Сталь, Крылова, Карамзина, Жуковского, Батюшкова и др. В ее библиотеке находятся и описательные поэмы, среди которых «Сады» Делиля, «Георгики» Вергилия в переводе Раича, «Времена года» Томсона.

Герои повести согласны с Ж. Делилем, воспевающим сельский труд, противопоставляющим его войнам. Так, Б.Б. в разговоре о войне и мире высказывает следующее суждение: «<...> если я стану воевать, так это для того, чтоб променять поскорее саблю на заступ и лопатку» [1. С. 57]. Труд в сельском огороде «с заступом и лопаткою в руке» становится составляющей истинной жизни, осуществляемой по законам добра и красоты.

В день, когда Б.Б. впервые издали увидел очертания облика Луизы, он приметил, что одета она была по-простому: «с синею сеточкою на голове, в белом переднике, с лейкою в руке...» [1. С. 48]. Замечание — «с лейкою в руке...», — после которого следует многоточие, раскрывает нам образ героини-садовницы, сотворившей свой сад и ухаживающей за ним.

Сад в повести — это и место, влекущее героев к рефлексии. Созерцание прекрасного садового пространства приводит героя к философским раздумьям о красоте, истине, добре, о жизни и искусстве. Сад выражает философию жизни героев. Восклицание «словом сказать, здесь было всё», которым завершается описание героем прекрасного сокольниковского сада в первом письме, характеризует масштаб восприятия картины:

«С каким вкусом расположено все! По стороне, около решетчатого забора насажены липы, которые, сплетаясь своими ветвями, составили такую плотную сень, что ни один солнечный луч сквозь нее проникнуть не может. По другой также аллея из душистой акации. В углу на высокой насыпи беседка с стеклянными дверями; другая, напротив, открытая. Дорожки, крепко убитые, усыпанные песком, перепутаны дедами и обсажены разными цветами; здесь розы, там нарциссы, резеда, мирты; в середине большой цветник с тополевым деревом, около которого соединяются все дорожки. Близ него оканчивается также полукругом средняя крытая аллея, в коей стол и около него скамейки. — Между этою аллеєю и другой, из акации, о которой говорил я выше, сделано несколько

гряд, со всех сторон закрытых, на коих растут разные огородные овощи. По забору, отделяющему сад от переуллка, насажена малина. Кое-где виделись плодовые деревья. Словом сказать, здесь было все» [1. С. 48].

Картина сада во всем многообразии его элементов (аллей и дорожек, деревьев и цветов, кустов и огородных растений, скамеек и столиков) расширяется до мироподоба героя. В этом саду есть все как для труда (гряды, овощи, плодовые деревья), так и для отдыха, творчества и созерцания природы (липовые своды, беседки, цветники, аллеи). Здесь нет ничего лишнего, все только самое необходимое для развития разного рода способностей. Данное пространство выразило именно *всё*, представление героя о полноте жизни в ее целостности и разнообразии.

Таким образом, в повести «Сокольниковский сад» сад входит в художественный мир произведения, пронизывает его, становится одним из главных его элементов, двигателем и основой сюжета. Именно садовые образы раскрывают богатый внутренний мир героев, мир их чувств, переживаний и мечтаний, а также отражает философию жизни героев, основанную на трех идеях: истины, добра и красоты.

Сформировавшиеся в повести «Сокольниковский сад» садово-парковые образы получают развитие в художественном мире повести «Адель». «Эта повесть лишена бытовых оснований, по своей форме она романтична: в ней есть противостояние одаренной личности и толпы, есть духовный мир в ней резко противопоставлен обыденному, — отмечает М.Н. Виролайнен, — <...> В сюжете «Адели», самом личном, автобиографическом у Погодина, проблематика повестей из культурного быта сомкнулась с проблематикой «Психологических явлений». Трезвость, невозмутимость, идиллическая сентиментальность и рационализм Погодина оказываются вовлеченными в конфликт мечты и сущности. В этом конфликте сущность является и исходным основанием, и единственно приемлемым конечным результатом, но в той же сущности возникает шкала ценностей, в которой превыше всего ценится мечта, хотя никакой мечтой эта сущность не удовлетворится» [2. С. 12, 14].

Особенностью произведения является и то, что за фигурами главных героев стоят три реальные личности: Александра Трубецкая, Дмитрий Веневитинов и сам Погодин [О сходстве героя с Веневитиновым см.: 3. С. 244]. Герой повести Дмитрий — человек возвышенных идеалов, погруженный в размышления об истории, искусстве, религии, занимающийся философией и поэзией — в духе романтической эстетики, противопоставляет себя толпе, как противопоставляет истинную жизнь — пустоте. Это объясняет использование в повести топоса пустоты наряду с топосами поля, дома, сада и многочисленных стран, которые хотел бы посетить герой.

Топос *пустоты* выражается прежде всего пространствами пропасти, пустыря. Великолепие светской жизни герой сравнивает с пропастью, усеянной яркими цветами.

Пустота для Дмитрия — это стихия, поглощающая людей, в нее погружаются люди, ведущие праздный и светский образ жизни. Топос пустыря входит и в подсознание героя, проявляясь в его сне.

Адель в жизни Дмитрия — это словно вторая половина его собственного «я», герои дополняют друг друга, помогают раскрывать внутренний мир друг друга, она для него «душа всего», поэтому пространство «с ней» противопоставлено пространству «без нее». Так, например, ему снятся сны после того, как они с Адель почти неделю не общались:

«Я всякую ночь вижу теперь странные сны. Вчера, например, я очутился в каком-то глухом переулке. Кругом ни души не видеть, не слышать. Как будто б все живое здесь давно уж вымерло. — Спешу выбраться — передо мною *пустырь* и кучи, кучи деревянных развалин по всем сторонам. Здесь упавший забор, там дом без крыши, без окончин, разломанные ворота. Иду-иду. Опять все то же. Пустырь один другого больше, и нет им конца. Никакого цвета, никакого движения!» [1. С. 270].

Нагнетание пустоты и разрушения во сне предвещает будущую трагедию героя и выражает мир «без нее», бесцветный, безрадостный, статичный, мертвый, неодушевленный.

Совершенно другой мир — «с ней»: это мир звучащего сада, гармоничной природы, где героя наполняют высокие идеи и мечты. Усадебный мир герою ближе самых прекрасных мест во всем мире. Мечтая о путешествии вместе с Аделью, Дмитрий пишет о различных европейских странах, Египте, Иерусалиме, Индии и др., но замечает:

«<...> мысль о сельской жизни даже приятнее путешествия моему воображению, и ни об чем еще не мечтал так сладостно! Вдали от сует, недостойных человека, без тщетных замыслов и желаний, свободные от мелких условий и отношений, не смущаемые страстями, будем мы жить мирно и спокойно в нашем заповедном уединении, наслаждаться любовью и с благоговением созерцать истинное, благое и прекрасное в природе, науке и искусстве» [1. С. 273–274].

Эти слова продолжают размышления, отраженные в повести «Сокольников сад», углубляя их, одновременно автор погружает их уже не в пространство реальности, а в топос воображения и мечты героя.

Садовые образы в повести «Адель» служат также местом развития отношений героев. Так, именно в саду Дмитрий хочет обратиться к возлюбленной на дружественное простое *ты*: «Непременно, непременно я попрошу у ней позволение говорить ей *ты*. Сколько раз хотел я сделать это и всегда забываю. Мы друзья с нею; на что ж эти пустые приличия? Как приятно нам будет говорить так под окошком, в саду, украдкою от Аргусов» [1. С. 268, курсив авт.].

Чередующиеся тишина и звуки темной аллеи, ведущей в сад, будоражат чувства и влекут за собой и философские раздумья о взаимоотношениях человека и природы.

«Вчера, после ужина вместе с гостями ходили мы в сад слушать соловья. Приятная минута! — Все было тихо; мы, впереди других, приближались к нему на цыпочках *в темной аллее*. Вот звуки! сладостно было дожидаться их, не смея перевести дыхание. — Вдруг раздадутся на всю рощу и вдруг опять благоговейное безмолвие. — Как мне хотелось поцеловать мою Адель!»

На каждом шагу природа представляет удовольствия человеку, и как мало он пользуется ими, ожесточенный! — Ночь, синий свод, осыпанный сверкающими алмазами, полный светлый месяц, дробящийся между древесными ветвями, воздух благоухает, дорога покрыта тенью, тишина в природе, а душа всего — Адель» [1. С. 272].

Важно, что садовый пейзаж описан именно в свете ночи. Ночь в романтизме является особым временем, отражающим мир человеческой души.

Сад предстает и в воображении героя, когда он уезжает от возлюбленной по делам дядюшки в Малороссию. Аллеи, береза над оврагом, пруд, старая ива, липовая роща проносятся в его воспоминаниях как места их с Аделью любви: «Что делает теперь моя Адель? Может быть, она гуляет в саду по тем аллеям, где мы гуляли с нею вместе, и останавливается на тех местах, где мы встречались: у крайней березы над оврагом, за прудом под старую ивой, в липовой роще» [1. С. 280–281].

Возвращаясь после долгого отсутствия, герой видит картину, вид которой тоже влечет сладкие воспоминания, волнует сердце: «С каким трепетом поднимался я на ту гору, с которой видна вдали, верст за семь, их прелестная усадьба! Вот домик, в котором живет она <...> Вот поле, окруженное со всех сторон лесом, где она обыкновенно гуляет! — Вот березовая роща, где мы с ней отдыхали. — Куда не проникал мой острый взор! — как билось мое сердце, когда между деревьями показывалось что-нибудь белое, цветное. Не она ли, не она ли?» [1. С. 282].

Эту картину разрушает весть о смертельной болезни его возлюбленной, и в повести появляется пространство рубежа двух миров, между небом и землей, и становится ясным, почему садовые пейзажи так часто были связаны с образом ночного звездного неба.

Таким образом, в романтических повестях М.П. Погодина сад входит в художественный мир произведения, пронизывает его, становится одним из главных его элементов, двигателем и основой сюжета. Именно садовые образы раскрывают богатый внутренний мир романтических героев, а также отражает философию жизни героев, основанную на трех идеях: истины, добра и красоты. В повести «Адель» наряду с пространством сада присутствует пространство пустоты, которое выражается прежде всего пространствами пропасти, пустыря. Великолепие светской жизни главный герой сравнивает с пропастью, усеянной яркими цветами. Пустота здесь — стихия, поглощающая людей, в нее погружаются люди, ведущие праздный и светский образ жизни. Совершенно другой мир — мир звучащего сада, гармоничной природы, где героя напол-

няют высокие идеи и мечты. В повести садовые пейзажи тесно связаны с образом ночного звездного неба, отражая присутствие пространство рубежа двух миров, между небом и землей.

Литература:

1. Погодин М.П. Повести. Драма. — М.: Сов. Россия, 1984. — 432 с.
2. Виролайнен М.Н. Молодой Погодин // М.П. Погодин. Повести. Драма. — М.: Сов. Россия, 1984. — С. 3–18.
3. Манн Ю.В. Поэтика русского романтизма. — М.: Наука, 1976. — 376 с.
4. Грихин В.А. Русская романтическая повесть первой трети XIX века. // Русская романтическая повесть. — М., Изд-во Моск. Ун-та, 1983. — С. 5–28.
5. Иезуитова Р.В. Пути развития романтической повести. // Русская повесть XIX века. История и проблематика жанра. — Л.: Наука, 1973. — С. 77–107.
6. Канунова Ф.З. Эстетика русской романтической повести (А.А. Бестужев-Марлинский и романтики-беллетристы 20–30-х годов XIX в.) — Томск: Из-во ТГУ, 1973. — 308 с.
7. Кожуховская Н.В. Эволюция чувства природы в русской прозе XIX в. — Сыктывкар, 1995. — 150 с.

Education Idioms and Exercises at Foreign Language Classes

Nadezda A. Kobzeva

Seniorlecturer

National research Tomsk polytechnic university

Teaching vocabulary at foreign language classes, any teacher deals with diverse difficulties like: set-expressions, phraseological units, collocations and idioms. «Idiom is an expression, word, or phrase that has a figurative meaning that is comprehended in regard to a common use of that expression that is separate from the literal meaning or definition of the words of which it is made [1]. In general it's hard to translate idioms, except in a circuitous way. Besides idioms are not easy to teach and learn. However, the use of idioms makes the speech more colourful, expressive and authentic. Undoubtedly, the knowledge and use of various idioms helps to understand another language and culture.

In this article we offer some widely-used idioms on the topic «Education» and provide exercises which can be used by linguistic teachers at classes.

— *A for effort* (realize that someone tries one's best to do something even though they may not be successful)

e.g. William received an A for effort for his work on the research.

— *above average* (better or higher than average)

e.g. This month Sarah received above average marks in all tests except the test in physics.

— *as easy as ABC* (very easy)

e.g. Learning how to make an effective presentation was as easy as ABC for the third-year students.

— *below average* (worse or lower than average)

e.g. Unfortunately Miranda was below average in her test in chemistry.

— *bookworm* (someone who reads a lot)

e.g. My neighbour is a bookworm and is always reading books for university classes.

— *brainstorm something* (try to develop an idea or think of new ideas)

e.g. After classes we stayed to brainstorm ideas for the birthday party.

— *cover a lot of ground* (complete a lot of material in a class or course)

e.g. They covered a lot of ground during the fall term.

— *crack a book* (open a book to study [usually used in the negative])

e.g. Russell did well enough in the mathematics course even though he didn't crack a book until the last week of classes.

— *get credit for* (a course) (receive official recognition and credits after passing a course)

e.g. What should be done to get a credit for the informatics course?

— *higher education* (education after graduating from high school — usually college or university)

e.g. To apply for this job it is necessary to have higher education.

— *learn by heart* (memorize something so you can repeat it without thinking)

e.g. This poem should be learnt by heart by Tuesday.

— *make the grade* (be satisfactory and of an expected level)

e.g. My results for the laboratory work didn't make the grade and I had to do it again.

— *meet the requirements* (for something) (fulfill the requirements [for something])

e.g. The technical report wasn't accepted because it didn't meet the requirements.

— *pass with flying colors* (pass something easily and with a high score)

e.g. Nobody expected Tomas to pass the ecology test with flying colors.

– *read to oneself* (read without saying anything so that other people cannot hear you)

e.g. I spent the morning in the library reading to myself.

– *school of hard knocks* (the ordinary experience of learning from work and daily life)

e.g. Andrew spent some years abroad learning about life in the school of hard knocks.

– *teach someone a lesson* (do something to someone in order to punish them for their bad behavior)

e.g. Timothy didn't pass his tests on time and the professor taught him a lesson and didn't let him pass the exam together with his group.

– *teacher's pet* (the teacher's favorite student)

e.g. Vivian was always the teacher's pet when she was in primary school.

– *university of life* (learning from daily life and work rather than going to university)

e.g. John started working at the age of sixteen and learned everything from the university of life.

– *work one's way through college* (work at a job to help pay for your college or university expenses)

e.g. My nephew has to work his way through college as a lifeguard [2].

Thus having studied these idioms, the following exercises can be done to master the material:

I) Match these idioms with their equivalents:

1 A for effort	A worse or lower than average
2 below average	B be satisfactory and of an expected level
3 cover a lot of ground	C learning from daily life and work rather than going to university
4 higher education	D realize that someone tries one's best to do some thing even though they may not be successful
5 make the grade	E education after graduating from high school – usually college or university
6 teach someone a lesson	F complete a lot of material in a class or course
7 university of life	G do something to someone in order to punish them for their bad behavior

II) Choose the correct variant:

1) It is hard to believe but Benjamin got ____ average marks in all his exams.

- a) on high

References:

1. <http://en.wikipedia.org/wiki/Idiom>
2. <http://www.englishbaby.com>

b) over

c) above

2) Most of the students in my group are ____.

a) bookworming

b) bookworm

c) bookworms

3) You should study hard during the term to ____ a credit for this philosophy course.

a) get

b) obtain

c) gain

4) These words are to be learnt ____ heart for the next lesson.

a) close to

b) by

c) towards

5) In the library people read ____ themselves.

a) to

b) for

c) about

6) Deborah started working to learn about life in the school of ____ knocks.

a) tough

b) hard

c) severe

7) Have you ever thought about working your ____ through college?

a) path

b) road

c) way

III) Complete these sentences with idioms:

1) Rebecca wasn't able to pass the test because she didn't even ____.

2) The teacher gave Lydia ____ for her last homework.

3) When we started this project, we ____ ideas.

4) Studying this course was ____ for Charles because he was fond of physics.

5) Nancy is a diligent student and she is ____.

6) I was so happy when I knew that I ____ higher mathematics.

7) Unfortunately your work wasn't considered because it didn't ____.

8) Could you ____ because I am trying to concentrate on my report.

9) I didn't think it would be so easy to study this course and pass it ____.

10) Which mark did you expect if you didn't even ____?

Using the Internet Resources for Teaching English as a Foreign Language to University Students

Nadezda A. Kobzeva

Senior lecturer

National research Tomsk polytechnic university

Information and communication technology has affected language instruction in higher education. The advent of the Internet and the wide spread of technology in our life create new opportunities for language learning. Since most of the Internet content is in English, teachers of English gain access to the enormous variety of authentic materials relating to all spheres of life at almost no cost.

In our article we will try to propose some suggestions on how to use the Internet in the classroom to enhance learning. Thus there exist different means:

1) English speaking newspapers, magazines and books. One can hardly deny the usefulness of reading in the process of learning. If suited to the students' level of English, newspaper and magazine articles can be interesting to read and may trigger some in-class discussion, as well as increase students' cultural awareness. Therefore, electronic newspapers are a great chance for educators and learners, since they are easily accessible and virtually free;

2) The following questions can be discussed at classes:

- How has the Internet changed your life?;
- What is your opinion of Facebook?;
- What is your opinion of «Internet Blog»?;
- What is in your opinion of «Cyberdemocracy»?;
- Can the Internet replace regular book?;
- What is your opinion about the Internet advertising?;
- What is your opinion about the Internet gambling?;
- What is your opinion about online games?;
- What is your prediction for the future of the Internet?;
- What is the Internet addiction?;
- What is custom writing on the Internet?;
- Will the Internet replace TV?;
- Is the Internet fun?;
- What is your opinion about the Internet copyright protection?;
- Will the future of the Internet be written in Chinese?

3) Students can write essays on the following topics:

- The Internet as a form of communication;
- The development and future of the Internet;
- Advantages and disadvantages of the Internet in students' life;
- The effects of the Internet;
- Social networking: Communication revolution or evolution?;
- Problems and solutions of the Internet piracy;
- The Internet censorship: pros and cons;
- Education through the Internet;
- Pros and cons of music and video downloading;
- Industry of the Internet information influence;

- Effects of computer and the Internet on the society;
- The Internet: what lies ahead?;
- E-commerce and the Internet marketing.

Writing an essay the following tips can be used:

I) Topic / Title should be written.

II) Introduction of Essay:

A) write a few sentences that lead into the main point of your essay;

B) end the paragraph with your thesis statement (3 main points you are going to support):

- first point in thesis;
- second point in thesis;
- third point in thesis.

III) Body of Essay

A) Topic One – First Point in Thesis:

– support your point with either quotations or solid evidence;

– have at least five sentences.

B) Topic Two – Second Point in Thesis:

– support your point with either quotations or solid evidence;

– have at least five sentences.

C) Topic Three – Third Point in Thesis:

– support your point with either quotations or solid evidence;

– have at least five sentences.

IV) Conclusion:

A) write a few sentences summarizing your essay;

B) restate your thesis and how you proved your point [1].

4) Internet chat activities. The most motivating chat activities for language students are likely to be ones which include interaction with native speakers. There are a number of ways that students can interact with guests. They can interview guests about themselves, their country, their job, their family, and so on. Students can engage in a debate or discussion about a given topic with the guest. Students can also be interviewed by the guest;

5) E-mail. As many researchers have noted, e-mail extends what one can do in the classroom, since it provides a venue for meeting and communicating in the foreign language outside of class. Because of the nature of e-mail, FL learners do not have to be in a specific classroom at a particular time of day in order to communicate with others in the foreign language. They can log in and write e-mail from the comfort of their own room, from a public library or from a cyber-cafe, and these spatial possibilities increase the amount of time they can spend both composing and reading in the foreign language in a communicative context;

6) Watching video episodes. Teacher can download diverse video depending on a studied topic. There are three basic stages which can be used while working with video at lessons: pre-viewing, while-viewing and after-viewing;

7) Listening to songs. As most teachers find out, students love listening to music in the language classroom. It can also be a teaching tool. Often students hold strong views about music and students who are usually quiet can become very

talkative when discussing it. In many cases, the teacher plays a song and leads a discussion on the meaning of the lyrics in a song. This can be effective, but this is just one of the many ways that music or song can lead to a fruitful discussion.

On the ground of the above-stated, it can be said that the Internet can bring effective and positive benefits to the process of teaching and learning a foreign language with university students at classes.

References:

1. <http://www.classbrain.com>

К вопросу о специфике «ночного хронотопа» в европейском романтизме

Красман В.А., кандидат филологических наук, доцент
Национальный исследовательский Томский политехнический университет

Романтизм, являясь ярким и неоднозначным направлением искусства, постоянно привлекает внимание различных исследователей. Существует целый ряд работ, посвященных изучению принципов романтической эстетики. В этих работах на первый план выходят такие темы как любовь, одиночество, невыразимое. Однако достаточно мало внимания уделяется такой значимой теме как ночь. В данной статье мы попытались собрать воедино уже существующие высказывания о важности хронотопа ночи в романтизме, а также наметить основные подходы писателей и поэтов-романтиков в прочтении «ночной тематики».

В романтизме интерес к теме ночи можно увидеть в различных видах искусства. К данной теме обращались многие музыканты, художники, философы. Так, например, Шеллинг в работе о самофракийских божествах 1815 г. отмечает, что «ночь — древнейший объект поклонения; исчисления времени у многих народов — в том числе у славян — первоначально велось по количеству ночей» [1, с. 290]. Это высказывание подчеркивает древнейшую значимость ночи, особый ее статус в жизни человека.

XIX век подарил мировой культуре расцвет особого музыкального жанра — нокturna. Шопен, Лист, Шуман, Чайковский работали в нем. «Элегическая мечтательность, тихое созерцание умиротворенной природы, грезы любви или бурное смятение чувств, мрачные душевные порывы, щемящая тоска — таковы основные полюсы его настроений» [2, с. 94]. Помимо этого, например, Шуман создал «Ночные отрывки», при чем само название существенно для культуры романтизма.

Вагнер также неоднократно обращался к образу ночи. Например, его всемирно известная «Песня ночной звезды» из оперы «Тристан и Изольда». Ночь, снимающая некий покров с дневной реальности, в творческой концепции Вагнера занимает особое место. Он говорит, что «сама музыка ведет нас из мира разделенного в глу-

бины иного мира, который скрывает от нас дневное сознание» [3, с. 191]. Большое количество авторов начала XIX века обращалось к теме ночи, а многие выносили это даже в заглавие. Например, Гейне «Флорентийские ночи», Новалис «Гимны к ночи», Гофман «Ночные повести», Мюссе «Ночи».

Возникает вопрос, почему обнаруживается столь пристальное внимание именно к этому времени суток. Конечно, можно говорить о ночи как о мотиве, как о единице неразложимой и повторяющейся. Например, фольклор имел свой образ ночи (достаточно вспомнить хронотоп сказки, где все необычное, страшное, загадочное происходит ночью). Античная мифология также не обходит стороной образ ночи. В греческой мифологии божество ночи — Нюкта (Никта) — является дочерью Хаоса, сестрой Эреба (Мрака), матерью Танатоса (Смерти) и Гипноса (Сна). Ночь представляет собой одну из первичных мирообразующих потенций, она породила силы, скрывающие в себе тайны жизни и смерти, вызывающие дисгармоничность в бытии мира, без которой, однако, не мыслим ни мир, ни его конечная гармония [4, с. 218]. Ночь — символ таинственности жизни и смерти. Ночь в соотношении с силами смерти, сна, мрака и хаоса близка для восприятия романтиков, хотя и не ограничивается только этим.

Если согласиться и опереться на рассуждения немецкого исследователя Ю. Петерсена, который изучает основные принципы в эстетике романтизма, можно приблизиться к пониманию такого большого интереса к ночи. Ю. Петерсен отмечает: «пафос романтизма — индивидуальное (в отличие от классицизма, где главный пафос скрыт в общественном), герой-романтик — созерцатель, и наиболее важны для него чувства» [2, с. 197]. Никакое другое время суток не дает человеку возможности воплотить вышеописанное. Ночь — возможность побыть наедине с самим собой, со своими мыслями, переживаниями. Это время спокойного созерцания, время пылких

страстей, время покаяния и искупления грехов, это время дьявольщины, чертовщины и смертных преступлений.

Ночь несет в себе иллюзию бесконечности, изменчивости и единства. Ночь — это мировая мистика, это всеобъемлющая музыка, сила, причем иррациональная сила. Известно, что В.М. Жирмунский писал: «Романтизм является своеобразной формой развития мистического сознания» [3, с. 6]. Ночь в своей непознаваемости и загадочности подтверждение тому. Опираясь на работу Ванслова «Эстетика романтизма», можно выделить несколько аспектов понимания ночи.

1) Ночь как «спасение, укрытие от неприглядной жизни дня. Она вуалирует противоречия мира, вносит в него недостающую гармонию. Ночью спадают обманчивые внешние покровы жизни, исчезает слепящий свет, подлинная же сущность мира выступает в ее неприкрытой наготе. Человеческая душа вступает в интимное соприкосновение с духовным содержанием мира, в ней оживают и просыпаются чувства, заглушаемые днем внешней поверхностной жизнью» [2, с. 93]. Подобное восприятие ночи мы находим у Тика, Новалиса, Байрона. Например, байроновский Манфред говорит о себе: «Ночи лик был для меня и ближе, и милей, чем человек». Ряд стихотворений Байрона рисует особую лирично-светлую ночь, связанную с образом яркой звезды. Например, в стихотворении 1812 г. «Еще усилье — и, постылый...» он пишет:

«Нам звезды кроткими лучами
Отрадный мир вливают в грудь.
Я сам бессонными ночами
Любил глядеть на Млечный путь...» [5, с. 52].

Тик в драме-мистерии «Жизнь и смерть святой Генофевы» также использует ночной хронотоп. Ночь усиливает, драматизирует конфликт, именно ночь позволяет открыть свои чувства, свою любовь. «Гимны к ночи» (1799–1800) называет Новалис (Фридрих фон Гарденберг) цикл стихотворений, в которых оплакивает смерть своей возлюбленной (Софии Кюн). Как пишет В.М. Жирмунский, ««Гимны» Новалиса демонстрируют отказ от светлого дня и этого земного существования. В «Гимнах» объявляется, что смерть — истинная сущность жизни, а ночь — истинная сущность дня. «Человек глубже дня и всего дневного, человек старше дня, корни человека ночные, из ночи он приходит и в ночь уходит» [6, с. 198].

2) Ночь символизирует «мрачный характер бытия вообще. Чернота ее — выражение темного колорита мира» [2, с. 93]. Ночь несет с собой безысходность, ужас, страх, пессимистические переживания, кошмары и муки совести. Ночью проявляют свою мощь потусторонние силы. Отчасти подобное восприятие связано со средневековьем, с традицией готического романа. В это время совершаются все самые ужасные преступления. Достаточно вспомнить новеллы Гофмана (например, «Майорат», «Песочный человек», «Пустой дом»), где все самые таинственные, самые страшные и невероятные события происходят

ночью. Не случайно Генрих Гейне назвал сочинения Э.Т. А. Гофмана «криком ужаса в двадцати томах» [7, с. 11].

Мрак и тайна, ночь и смерть неразрывно связаны, особенно ярко это проявляется в романе «Эликсиры сатаны». Ночью к героям ниспускаются откровения. Так, например, первая «встреча» Медарда с Аврелией происходит во сне. Ночная природа оказывается соучастником и свидетелем страшных преступлений и человеческой распущенности (убийство монаха-капуцина, измены и любовные утехы Евфимии, а также ее смерть). Безумство как никогда набирает силу, охватывая сознание целиком. Вспомним полуночную встречу с сумасшедшим монахом.

Не стоит считать, что ночь несет на себе исключительно негативную окраску. Конечно, мрачное, пугающее, мистическое начало сильно, и все же через преодоление ужаса и искушений человек находит путь к высшему, к прекрасному. Конец романа «Эликсиры сатаны» демонстрирует возможность преображения. «В ночь с третьего на четвертое сентября 17** года в обители нашей произошло много, поистине достойного удивления. Около полуночи до меня стали доноситься из соседней с моею кельи отца Медарда то какое-то странное хихиканье и смех, то глухие жалобные стенания <...> Как раз при пении реквиема распространилось по всей церкви весьма сильное благоухание роз...» [7, с. 308]. Ночь становится неким пограничным началом, неким испытанием, несущим либо полный крах, либо духовную победу, озарение.

3) Ночь как сказка, связанная со сновиденческой природой. В романтических текстах часто выводится на первый план иллюзорность ночи, её фантастичность, связанная с категорией сна. Возникают проблемы соотношения сна и смерти, сна и иллюзии, сна и яви. Романтическое восприятие ночи и сна предельно разнообразно. Как уже было показано, ночь может сочетать в себе многое. Но важно отличать ночь, заданную как реальность (пусть даже с мистическим колоритом), и ночь как время чудесного, сказочного, невероятного, светлого и доброго.

Х. К. Андерсен в своих произведениях часто использует хронотоп ночи, который создает особое настроение. Целая серия историй, связанных с Оле-Лукойе, рисует читателю своеобразный мир детства, мир, в котором сбываются мечты, где сны не отличить от яви (такое понятие как «сон наяву» значимо в контексте сказки), где фантастическое несет добро. Ночь может быть связана и с проблемой инициации, например, в «Принцессе на горошине» героиня приобретает свое новое качество, пройдя испытание ночью сном.

Сказка Андерсена «Райский сад» выстроена таким образом, что именно ночь задает основные этапы злоключений героя. Первая ночь — завязка конфликта, возможность познать тайну с помощью братьев-ветров. Вторая ночь — момент искушения, испытания принца: «...но вот солнце село, небо засияло, как расплавленное золото, и на лилии упал розовый отблеск. Принц выпил пенис-того вина, поднесенного ему девушками, и почувствовал

прилив несказанного блаженства» [8, с. 109]. Герой не выдерживает «ночные испытания» земными наслаждениями (любовь, музыка, вино, плоды познания добра и зла), и Райский сад становится далекой сияющей звездой на небе.

Важно подчеркнуть, что ночь дается в знаковых контекстах: тайна, искушение, грех, любовь, музыка, звезда. Звезда, как правило, является светлым, чудесным эквивалентом ночного бытия. Следует обратить внимание, что тема звезды часто встречается в поэзии как европейских, так и русских романтиков, и прочтение этой тематики неоднозначно. Так, например, Дж. Г. Байрон часто использовал образ звезды. В прочтении Байрона он обычно связан с любовными переживаниями, с тоской об утерянном чувстве. Образ возлюбленной метафорически выражен в звезде. Свет далекой звезды как послание тому, кто остался на земле и хранит воспоминания о былом.

Литература:

1. Гулыга А. Шеллинг. — М., 1994. С. 290.
2. Ванслов В.В. Эстетика романтизма. — М.: Искусство, 1966. — 402 с.
3. Жирмунский В.М. Немецкий романтизм и современная мистика. — СПб.: Аxioma, 1996. — 232 с.
4. Лосев А.Ф. Никта // Мифы народов мира. — Т.2. — М.: Сов. Энциклопедия, 1992. — С. 218.
5. Байрон Дж. Г. Избранное. — Ростов-на-Дону: Феникс, 1998. — 544 с.
6. Берковский Н.Я. Романтизм в Германии. — Л.: Худож. лит., 1973. — 570 с.
7. Гофман Э.Т. А. Эликсиры сатаны. — Ижевск: Квест, 1992. — 464 с.
8. Андерсен Х.К. Сказки. — М.: Худ. лит., 1991. — 492 с.

К вопросу об истории возникновения Black English

Кушнарёва Е.С., ст.преподаватель
Томский политехнический университет

Афроамериканский диалект (African American English — AAVE) — является одним из диалектов американского английского языка, который используется афроамериканцами рабочего класса в повседневной жизни. Как и другие американские диалекты, афроамериканский диалект является систематичным вариантом языка, с собственным набором правил, который отличается от других диалектов фонетикой, лексикой и грамматикой.

Изучение афроамериканского диалекта началось в 1960 г. и первоначально использовались такие термины как Negro Speech или Negro English. В 1970 г. , появились термины Black English или Black English Vernacular — BEV (просторечный черный английский), которые использовались до 1980 года. В середине 1980-х гг. предпочтительным термином стал афроамериканский английский (African-American), и до 1991 года лингвисты употребляли термин Афроамериканский просторечный диалект (African American Vernacular English — AAVE). В 1996 г. , после того как школьный совет города Окленд, штат

Необходимо обратить внимание на тот факт, что ночной хронотоп в сказках Андерсена имеет отличный характер от наиболее часто встречаемого, связанного с одиночеством, тоской, болью по ушедшему безвозвратно. Андерсен акцентирует иллюзорную и сновиденческую природу ночи, он наполняет ночное бытие не ужасающей мистикой, а по-сказочному светлой фантастикой.

Рассмотрение ночной тематики в европейском романтизме подводит к следующим выводам. Данная тема является знаковой в эстетике романтизма и очень распространенной. Можно говорить о нескольких аспектах восприятия ночи: ночь-смерть, ночь-сон, ночь-страдание, ночь-любовь, ночь-искушение, ночь—искупление, а также ночь связана с проблемой «прапамяти», т.к. она открывает нечто скрытое, потаенное, несет с собой открытие и озарение. Это единственное время, позволяющее отойти от дневной суеты и обратиться к себе, в себя, стать созерцателем и философом.

Калифорния опубликовал «Оклендскую резолюцию», возник термин Ebopics, состоящий из двух слов «ebony» (амер. сленг — негр, черный) и «phonics» (акустика).

Откуда взялся Black English лингвисты до сих пор толком не знают. Не могут даже прийти к согласию, как этот феномен относится к литературному английскому. Один, самые экстремисты, считают, что это отдельный язык. Другие называют его диалектом — но диалект понятие областное, а не национальное, да еще несет в себе некорректное значение неправильности, отклонения от нормы. К тому же, в Нью-Йорке, Техасе, Алабаме есть свои местные, так сказать вариации. Сленгом «черный английский» тоже не назовешь, тем более что и собственный сленг в его системе тоже имеется и называется jive — а есть и стандартная форма языка, так говорят в черной негритянской церкви. Словом, ученые осторожно называют Black English афроамериканским вариантом английского языка, по-английски variety — слово подходящее, поскольку политкорректное: пусть расцве-

тают «сто цветов». А само явление гораздо глубже, чисто языковая загадка, потому что в нем намешано множество социальных, этнических, культурных, политических веяний и проблем; добавить извечный вопрос расовых отношений — получается гремучая смесь.

Афроамериканский английский и нормированный вариант английского языка (литературный английский) — две разновидности, похожие друг на друга и в то же время столь отличные по своему характеру и языковым нормам. Что их сближает и в чем они противопоставлены друг другу? На этот вопрос мы и попытаемся дать частичный ответ.

Начнем с того, что большинство лингвистов высказывается в пользу креольского происхождения Black English. Для того же, чтобы отнести конкретный язык к этой группе, необходимо дать определение пиджина и креольского языка.

Пиджины и креольские языки описываются как новые разновидности языка, появляющиеся в ситуациях языкового контекста. Пиджин — это язык, с резко ограниченными социальными функциями, используемый для обеспечения коммуникации между носителями двух или более языков, вступающих в повторные или длительные контакты, такие как, торговля, рабство, миграции. Пиджин обычно соединяет в себе элементы родных языков своих пользователей и обладает упрощенной морфологией, фонологической и синтаксической системами, а также меньшим словарным запасом, по сравнению с языком-источником. Креольский язык появляется в результате дальнейшего развития пиджина, расширения его функций и совершенствования структуры. Следует отметить так же, что креольский язык, в отличие от пиджина, является родным языком для своих носителей.

Есть несколько теорий происхождения негритянского английского языка.

Первая теория — креольская. Говоря об истории изучения возможного креольского происхождения Black English, необходимо затронуть два аспекта.

Первый касается креольских корней Black English, а именно, основывается ли Black English на креольских языках, подобных Галла (Gullah) (используется в прибрежных районах около Чарльстона, Саванны и на островах штатов Джорджии и Южной Каролины), креольским вариантом английского, существовавших на ямайке, Гаити, в Тринидаде, Гвиане, Сьерра Леоне, или же он сформировался непосредственно на основе британских диалектов.

Второй аспект связан с вопросом увеличения числа отличий Black English от разговорных вариантов, используемых белым населением США, и нарастанием расхождений между Black English и стандартным вариантом английского языка.

Рабы, привезенные в Североамериканские штаты, привезли с собой западноафриканские языки, в контакте с белыми хозяевами развили примитивный способ общения с использованием английской лексики, а звуковой строй

языка представляет собой нечто среднее между его английским и африканским источниками.

Причиной появления этого языка послужила необходимость общения африканских пленников между собой и со своими захватчиками, относящихся к разным культурам. работая на плантациях Западного Африканского побережья, эти пленники, многие из которых были уже многоязычными говорящими на языках Волоф (Wolof), Тви (Twi), Хауса (Hausa), Йоруба (Yoruba), Догон (Dogon), Акан (Akan), Кимбунду (Kimbundu), Бамбара (Bambara) и других языках, создали пиджины. На протяжении времени некоторые из этих пиджинов стали креолизированными языками (у которых появились собственно носители, т.е. люди, для которых пиджин — родной основной язык). Огромное число африканских американцев до сих пор разговаривают на некоторых из этих креольских языков, особенно Галла (Gullah).

Вопрос о креольском происхождении Black English обсуждается уже давно. первыми лингвистами, выдвинувшими гипотезу о том, что в основе Black English лежит некий пиджин или креольский язык, были Шухардт (1914), Блумфилд (1933), Уайз (1933), Пардо (1937). Вопрос более детально рассматривался в работах Бэйли (1965, 1985, 1987, 1989, 1998), Холла (1966), Лабова (1982, 1986, 1998) и др. В ранних работах [1] было выдвинуто предположение, что ранняя разновидность Black English представляла собой базилектный креольский, который постепенно декреолизовался в мезолектную форму, таким образом, приблизившись к стандартному английскому языку. В последних работах [2] подчеркивается неоднородность процессов креолизации и декреолизации Black English.

Вторую теорию разрабатывают американские диалектологи. Они считают, что язык появился на основе специфических диалектов юга США, на которые особенно повлияли восточно-английские диалекты. Black English был создан непосредственно на основе английских диалектов, минуя стадию пиджинизации и креолизации (диалектологический подход), была представлена в исследованиях Краппа (1924, 1925), Шнайдера (1982, 1983, 1989, 1993), МакДэвида (1951, 1965) и др. Следует отметить, что в работах многих креолистов не проводится жесткого различия между этими двумя подходами. Так, МакДэвид [3], в целом придерживаясь диалектологической теории в отношении Black English, указывал на влияние креольского в случае с Галла и пытался найти сходные процессы в Black English. Уинфорд, подходя к изучению Black English с позиций креольской теории происхождения, отмечал значительную долю влияния британских диалектов [2]. Как указывает Муфвинэ, «ни диалектологический подход, ни теория креольского происхождения Black English, применяемы порознь, не в состоянии объяснить все языковые явления Black English [4].

Третья, самая актуальная, — теория социолингвистическая. Она говорит, что своей непохожестью, другим словарным составом язык обязан тому неприятному

факту, что его носители в течение веков были загнаны в черные гетто больших городов (так называемые «внутренние города», inner cities) — и в замкнутых, вытесненных в нижний класс сообществах, в ограниченном пространстве и появилось это своеобразное явление. За каждой теорией — своя правда, так что лучше учитывать все три.

Вопрос о нарастании числа расхождений между Black English и литературным английским языком впервые был предложен к обсуждению в тезисах Лабова [5] в 1986 на основе данных, полученных в ходе исследования в Филадельфии. В дальнейшем эта проблема получила развитие в работах Рикфорда [6] и др.

В работах по креолистике обычно приводится одно или два свидетельства в пользу креольских корней Black English. Так, Холм Холл и др. указывают на социо-исторические условия существования Black English, как основное свидетельство образования исходного пиджина и креольского языка [7], [8]. Однако в последнее время можно встретить порядка семи направлений, позволяющих установить креольский характер происхождения Black English [6]. А именно, анализ социоисторических условий, образцов ранних вариантов Black English, сов-

ременных записей носителей Black English; выявление сходств между Black English и креольскими языками, западноафриканскими языками; выявление отличий Black English от других вариантов английского, включая диалекты; описание различий в вариантах Black English, присущих разным возрастным группам.

Таким образом, Black English есть язык с креольской основой, развившийся на базе исходного пиджина. А как обстоит дело в отношении литературного английского языка, ставшего таким влиятельным и пронизывающим самые разные сферы нашей жизни? Бесспорно, это нормированный язык, традиционно входящий в германскую группу индоевропейских языков. И все же, следует вспомнить, как мир получил то, что мы сегодня называем английским языком. Это ничто иное, как сплав англо-фризских наречий, латыни, скандинавских диалектов и норманнского варианта французского языка. Значит, английский язык Британский островов — это тоже своего рода язык креольского происхождения. То же самое тем более можно отнести к американскому английскому, вобравшему значительное количество слов и принявшему определенные словообразовательные модели таких языков как немецкий, идиш, иврит, итальянский и многих других.

Литература:

1. Dillard J.L. Black English. N.Y.: Random House, 1972
2. Winford D. Back to the past: The BEV/Creole connection revisited//Language Variation and Change 4.3, 1992, p. 311–357
3. R. I. McDavid, Jr. and V. McDavid. The relationship of the speech of American Negroes to the speech of Whites. «American Speech», 26, 1951, 3–17
4. Mufwene S. S The structure of the noun phrase in AAVE//African-American English. Structure, history and use/Ed. By Mufwene S., Rickford J., Bailey G., Baugh J., London and New York, 1998
5. Labov, William. Language in the Inner City: Studies in the Black English Vernacular. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1972
6. Rickford J.R. The Creole origins of AAVE: evidence from copula absence//African-American English. Structure, history and use/ Ed. By Mufwene S., Rickford J., Bailey G., Baugh J., London and New York, 1998
7. Hall R.A. Pidgin and Creole Languages. Ithaca: Cornell University Press, 1966
8. Holm J. Pidgins and Creoles. Cambridge: Cambridge University Press, 1996

Black English в контексте американской культуры

Кушнарёва Е.С., ст.преподаватель
Томский политехнический университет

African American Vernacular English (AAVE), также Ebonics, Black English или Black English Vernacular (BEV) — это все термины диалекта Американского варианта английского языка.

Термин Ebonics состоит из слов «ebony» (амер. сленг — негр, черный) и «phonics» (акустика), и был предложен как альтернативное название этого диалекта. Тем не менее, этот термин широко не используется в лингвисти-

ческой литературе. Неологизмом Ebonics назвал в 1973 году язык афроамериканцев Р.Л. Уильямс, доктор психологии, профессор Вашингтонского университета в городе Сент-Луис (Миссури). Слово означает буквально «черная фонетика» (от ebony — черный и phonetics — фонетика). В 1997 году Уильямс выступал на слушаниях в Сенате, где требовал для Ebonics лингвистического статуса полноправного языка. У Ebonics, утверждал он, есть

собственная словарная система, есть особая грамматическая структура и морфология. Многие языковые и неязыковые признаки (жестикуляция, мимика, заполнители пауз) роднят его с языками и диалектами, на которых общаются в Западной Африке и Карибском регионе. В Ebonics, доказывал он, есть и местные наречия, и жаргоны, и социальные диалекты — все, что присуще настоящему языку.

18 декабря 1996 года школьный совет города Окленд в штате Калифорния (этот город особенно славится своей культурной терпимостью) опубликовал «Оклендскую резолюцию» с предложением узаконить преподавание на Ebonics, родном языке негритянских детей: на литературном английском им тяжелее учиться. Резолюция работала как детонатор: разразилась буря политических дебатов, «культурных войн», начались слушания в Сенате и многочисленные конференции лингвистов и культурологов. Главное возражение против предоставления Ebonics особого школьного статуса — очень простое: дети, обучаемые на нем, так и не освоят литературного английского, не смогут справляться с тестами, не впишутся в общество, говорящее стандартно, останутся социальными маргиналами, не преуспеют в жизни.

На самом деле вид английского, который в настоящее время обозначается термином Ebonics различными изданиями, такими как TESOL Matters долгое время был известен как Black English или Black English Vernacular (BEV) или African American Vernacular English (AAVE). Термин Ebonics звучит более живо, более удобно в написании и не имеет отношения к расе или цвету.

В прошлом, речь Черных американцев, со своим характерным произношением, словарным запасом и грамматикой, рассматривался как ленивый, или грамматически неправильный, или даже с намеком на низкий уровень интеллекта язык. Возможно никакая другая форма речи в истории английского языка не вызывала столько дебатов и аргументов в свою защиту. К черному английскому всегда обращались многие образованные люди, принадлежащие к европейской расе. Джоэль Чандлер Харрис (1848—1908), который в начале века написал знаменитые «Сказки дядюшки Римуса» — собрание народных сказок американских негров, рассказанных дядюшкой Римусом белокожему мальчику. Джоэль Харрис был белым, сыном ирландского разнорабочего. Он никогда не читал свои сказки людям вслух, потому что был очень застенчивым. Джоэль Харрис восхищался этим диалектом и его богатой культурной традицией.

Харрис преуспел в возрождении сущности этого диалекта в своих историях, переведенных на русский язык, ставшими очень известными более чем одному поколению юных читателей и их родителей в России. Кроме того, они были адаптированы и широко использовались в российских средних школах на уроках английского языка в качестве классного чтения.

Так или иначе, появление Black English в контексте американской культуры, в американской жизни связано с

появлением историй «Братец Кролик». Позднее он нашел свое место в мюзик-холлах, радио и кино.

Пример смешения Черной и Белой американских культур можно найти в истории писателя Дюбос Хейворда из Чарльстона. Белый уроженец юга, Хейворд в 1925 году опубликовал роман «Порджи» («Porgy»), в дальнейшем ставший бестселлером. Тем временем в Нью-Йорке молодой композитор Джордж Гершвин искал сюжет, подходящий для Американской народной оперы. Один друг дал ему «Порджи» в качестве развлекательной литературы, и Гершвин быстро осознал потенциал этого произведения. В 1934 Джордж Гершвин, его брат Айра Гершвин и писатель-романист Хейворд провели лето, совместно работая над оперой «Порджи и Бесс». Она наполнена звуками черной музыки и черного английского языка. Мелодия «Summertime» (летнее время) не обошла стороной ни одну англо-говорящую страну.

Кроме того, большинство русских читателей узнают, что основы Black English были очень эффективно использованы в таких произведениях как «Приключения Тома Сойера», «Хижина дяди Тома» и других хорошо известных романах написанных американскими писателями.

С другой стороны, некоторые афроамериканцы представили наиболее яркие примера народной речи и письменности.

Замечательный пример доктора Мартина Лютера Кинга младшего, представившего примеры современного американского английского языка — его выступление «У меня есть мечта» (I have a dream), не имеющего себе подобного в способе выражения и будет оставаться актуальным пока актуален сам английский язык:

У меня есть мечта, что однажды на красных холмах Джорджии потомки бывших рабов и потомки бывших хозяинов этих рабов смогут сидеть за общим столом ... у меня есть мечта, что мои четверо детей в один прекрасный день будут жить в стране, где их не будут осуждать за их цвет кожи ...» [1].

Black English приобрел свой ярлык благодаря движению за гражданские права и позднее, благодаря исследовательской социолингвистической работе Вильяма Лабова [2]. Именно Вильям Лабов тщательно изучал диалект Black English. По существу, он обратил внимание на систематический характер его грамматических основ; он показал, что эти основы не являются «ошибками», а представляют собой стандартные признаки, которые в наименьшей степени снижают качество ежедневного общения.

Следовательно, было достигнуто признание некоторыми лингвистами, но признание общественностью, однако, было достаточно длительным и вызвало больше споров. причиной конфликта была система образования. Некоторые активисты Black English утверждали, что если Black English является вариантом языка со своими нормами и правилами, то учебные заведения должны принимать во внимание детей разговаривающих на Black English. Другими словами, они требовали, чтобы права

афроамериканцев признавались наравне с их политическими и социальными правами.

Тем не менее, сложившаяся ситуация вскоре стала довольно запутанной, так как многие образованные черные среднего класса отказались от отклонения литературного американского английского. Родители и учителя задались вопросом — хотели бы они, чтобы дети обучались методом, который в дальнейшем поставит их в невыгодное социальное и экономическое положение. Констанс Клейтон, директор школы в Филадельфии, ясно выразила свою точку зрения:

«Я рассматриваю Black English как диалект отдельной этнической группы — темнокожих. Я не знаю ни одной компании или корпорации, которая наняла бы вас на основе вашей способности говорить на Black English. Если человеку, проводящему с вами беседу при поступлении на работу, вы скажете «I've come to asks you for a job» вместо «ask you for a job», полагаю, предполагаемый работодатель будет в какой то степени сбит с толку» [3].

Несомненно, единственным известным представителем черного сообщества в США, извлечшим пользу из искоренения особенностей Black English в своей речи является бывший мэр Филадельфии, Уинсон Гуд. Когда он занимал эту должность, он брал лингвистические уроки для устранения всех признаков Black American English из своей речи.

Так как язык использовался изолированными и различающимися группами людей, язык сам стал изолированным и отличающимся. Фонетические аспекты Black English частично основаны на варианте английского языка Южной Америки, влияние которого без сомнения сыграло важную роль в расхождении диалектов. Характерные отличительные особенности Black English в отличие от литературного английского языка:

1) грамматические структуры, прослеживаемые в языках Западной Африки;

2) варьирования произношений, которые можно найти в диалектах креол и пиджин других поселений, имеющих свое происхождение в Западной Африке (которые также можно найти в диалектах пиджин, не находящихся под влиянием языков западной Африки, например язык ньюфаундленд);

3) характерный сленг;

4) различия в употреблении грамматических времен.

Black English имеет большой словарный запас, мало понимаемый за пределами афроамериканского общества и внес несколько слов африканского происхождения, теперь уже широко используемых в английском языке Южной Америки: gumbo (суп из стручков бамии), goober (земляной орех, арахис), yam (батат, сладкий картофель), banjo (лопата, савок), bogus (фальшивый, поддельный) — и даже некоторые сленговые выражения такие как hip (знающий толк в чем-то, секущий) и hip cat

(стиляга, продвинутый тип, знаток).

Для притесненных людей (например, африканских рабов в Америке) не трудно развить диалект, отличный от языка их притеснителей. Этим и объясняются их культурные различия. Однако социологи, лингвисты и психологи полагают, что такое отличающееся развитие языка считается отчасти пассивным сопротивлением подчинению, притеснению или культурной враждебности. Язык становится средством самоутверждения, которое помогает создать индивидуальность, единство и национальную гордость группы. На примере афроамериканцев Black English выжил и развивался на протяжении веков как результат группового социального изолирования — путем изоляции, дискриминации и социального разделения.

Большая часть носителей Black English говорят на двух диалектах, доминирующим из которых является Литературный Американский Английский (LAE). Афроамериканцы, говорящие исключительно на Black English, как правило, южане или сельчане, или те, кто имеет корни рабочего класса. Вообще говоря, чем выше социально-экономический статус родителей, тем более высокий уровень образования может быть достигнут, и чем выше уровень общения с носителями LAE или других диалектов, тем меньше вероятность того, что человек будет разговаривать на Black English. Тем не менее, большинство афроамериканцев, несмотря на социально-экономический статус, полученное образование или географическое расположение, используют Black English, по крайней мере, в неформальном и внутри этническом общении. Некоторые выражения из Black English вошли в американскую культуру и могут использоваться, в соответствии с контекстом, говорящими, принадлежащими различным этническим группам.

Сторонники превосходства белых полагали, что этот язык возник в результате неграмотности использования литературного английского языка африканскими рабами из-за их низкого интеллекта. Такие предубеждения продолжают существовать и сегодня. Black English зачастую воспринимается большинством представителей общества как показатель низкого интеллекта или необразованности. Более того, как и большинство других креольских диалектов, Black English иногда называют ленивым или плохим английским («lazy» или «bad» English). такие определения могут возникнуть в связи с заменой в Black English вида времени, и определенными грамматическими и фонетическими сокращениями. Также стоит вопрос, может ли вообще Black English рассматриваться как диалект.

Тем не менее, можно сделать вывод, что Black English является языком, со своими собственными правилами и уже на протяжении многих лет является источником заимствования значительного числа лексических единиц в американский английский язык.

Литература:

1. Martin Luther King Jr., I Have a Dream, 1963.

2. Labov, W. The Social Stratification of English in New York City, Washington D.C., Center for Applied Linguistics, 1966
3. <http://www.answers.com/topic/constance-clayton>
4. Delpit, L. Language diversity and learning. In S. Hynds & D. Rubin (Eds.), Perspectives on talk and learning. Urbana, IL:NCTE. 1990, pp.247–266
5. Rickford J.R. The Creole origins of AAVE: evidence from copula absence//African-American English. Structure, history and use/ Ed. By Mufwene S., Rickford J., Bailey G., Baugh J., London and New York, 1998
6. Rogers B. How to talk American. Washington. Penguin, 1999

Black English и американский английский язык – пример двустороннего лексического заимствования

Кушнарёва Е.С., ст.преподаватель
Томский политехнический университет

Black English является уже на протяжении многих лет источником заимствования значительного числа лексических единиц в американский английский язык. Во многом благодаря влиянию афроамериканской культуры и особого образного переосмысления слов, американский английский стал тем, что он является вариантом, отличным от исторического английского Британских островов настолько, что еще с конца XIX в. его начали рассматривать как самостоятельный язык.

Тем не менее, следует помнить о том, что заимствование слов Black English в американский английский есть обратный процесс, и что большая часть словаря самого Black English состоит из лексических единиц литературного английского языка, которые зачастую были заимствованы не в своем прямом значении, а в составе метафорической или метонимической группы, или являлись продуктом семантического сдвига того или иного типа.

Каковы же мотивы, побуждавшие носителей Black English расширить его словарь методом активнейшего заимствования единиц американского английского? Можно говорить как о сугубо языковых причинах, так и о причинах экстралингвистического характера. К числу первых можно отнести:

- ограниченность лексического запаса и его неадекватность в процессах обозначения новых предметов;
- потребность в синонимах, связанную с тенденцией аффективных слов терять свою выразительность;

Недостаточную дифференцированность семантических полей тех или иных лексических единиц Black English.

Языковая ситуация также влияет на мотивы и характер лексической интерференции. Если носитель только одного языка пользуется только исконным лексическим материалом и заимствованиями, которые были переданы ему предшественниками, то в ситуации билингвизма двуязычный индивид использует в качестве источника лексических инноваций еще один язык. Кроме того, в условиях ситуации билингвизма лексическая интерференция может быть обусловлена социокультурными причинами.

Говоря о последних, следует упомянуть социальную значимость языка-источника, когда заимствование происходит по мотивам престижа, и прямо противоположные цели, когда другой язык связан с неблагоприятными ассоциациями.

Наконец, может иметь место заимствование слов другого языка под влиянием аффекта, когда внимание говорящего отвлекается от формы и содержания сообщения.

Роль вышеперечисленных факторов легко проследится в лексических заимствованиях, благодаря которым словарь Black English пополнялся за счет литературного английского языка. Итак, экстралингвистическими причинами лексических заимствований в Black English из литературного английского языка являются:

- социальный престиж владения литературным английским языком;
- неблагоприятные ассоциации, обусловленные историей появления и существования афроамериканской диаспоры;
- состояние аффекта.

Далее, хотелось бы привести примеры, подтверждающие влияние вышеупомянутых факторов на расширение словарного состава Black English, непроиллюстрированной останется только необходимость заимствования по причине ограниченности лексического запаса, что, очевидно, не требует особых доказательств в случае с Black English. Что касается потребности в синонимах и недостаточной дифференцированности семантических полей тех или иных лексических единиц Black English, то примерами влияния первой может являться заимствование таких слов, как:

- cirb; downhome; pad – дом, домашний очаг;
- blood; (soul) brother; crew; deep; dog; homey (<home); niggarr (<negro); peeps; ponder (<partner); posse; sidekick; (soul) sister; squeeze; young – афроамериканец, друг;
- cracker; devil; peckerwood; pig; silk; vanilla – евроамериканец, белый;
- folks; laws; mallet; (the) man; scull-buster – полиция, полицейский;

— black; bud; chronic; grass; gunny; prescriptions; refer; soul; toothpick — наркотики;

— gusto; juice; pluck; smash; squeeze — спиртные напитки;

— bank; bread; cheese; cheddar; cream; green; snaps — деньги;

— to chill; to jam; to kick; to roll — отдыхать, хорошо проводить время;

Под влиянием второй причины в Black English вошли слова:

— cut — самый последний и удачный хит — vs. hit;

— to cruise — ехать на малой скорости, выставляя на показ машину — vs. to roll;

— to front — пытаться затеять ссору — vs. to mess;

— jammin' — особо удачное музыкальное произведение — vs. Hit;

— to jet — оставлять, покидать в спешке — vs. to roll out, to ball out, to bust out;

— lowdrivin' — езда на машине с низко расположенной подвеской — vs. rollin', drivin';

— to scrap — драться в первый раз — vs. to mix.

Высокий социальный статус литературного английского языка привел к заимствованию высокопарной и книжной лексики, часто с измененной орфографией и орфоэпией. Так появились:

— bourgeoisie — заинтересованный только в материальном благосостоянии;

— communicate — вести беседу;

— confront; confrontational — противостоять; оппозиционный;

— flicted (<afflicted) — неуклюжий, неловкий;

— knowledgeable — готовый;

— Lord — Бор;

— solid — да, хорошо.

Рабство, тяжкий низкооплачиваемый труд и вековая зависимость от белого населения были причиной образов, легших в основу следующих единиц:

— BMW (Black Man Workin') — работающий негр;

— cotton-picker — ничтожество;

— cotton-pickin' — никчемный, проклятый;

— devil — белый;

— jungle fever — отказ от африканского наследия и попытки примкнуть к белым.

Под влиянием аффекта, когда говорящий особо не вникает в смысл произносимых слов, в Black English вошли устойчивые сочетания:

— Bump that! — Не обращай внимания!

— Don't make me read yo! — Не сердь меня, разве ты не видишь кто я!

— I gonna steal yo! — Сейчас получишь!

— My Gag! — Извините! (ирон.)

— Nigger, please! — Шутишь! Не может быть!

Если раньше Black English только заимствовал единицы американского английского языка, подвергая их ассимиляции и переосмыслению, то с конца 19 в. он сам становится источником заимствования. Причин тому несколько:

Отсутствие названий определенных новых явлений, чаще всего в музыке. Так в литературном английском языке появляются blues, boogie, break, breaker, break-dancing, chart, funky, hip-hop, jazz, jitterbug, jive, map, punk, rap, scat, shake, slam-dancing, solid, trash-talking.

Потребность в синонимах, связанная с тенденцией аффективных слов терять свою выразительность, чаще всего в уголовной лексике. Примерами могут служить синонимы в сфере наркоторговли, так для обозначения наркотиков и наркотиков были заимствованы (African) black, bud, budhead, conga, gungeon, gunny, (heavy) soul, jive (gyve), jivestick, mariweege, monkey, pluck, prescriptions, toothpick, wana. Другой пример — синонимы слова «полицейский»: blue boys, blue coats, little boy blue, Charlie Irvine (Ervine; Irv), Peter Jay, Sam & Dave, (Uncle) Nab. Это может затронуть и другие сферы, например, Charles, honk (honkey, hunky), ofay, peckerwood, wigga — евроамериканец; boogie, dude, jig — афроамериканец; cool, clean, dope, fly, hip, righteous, stupid, tough — великолепно.

Определенный престиж владения Black English в некоторых кругах. Так в литературный английский язык вошли boom-box — большой переносной магнитофон; bones — домино, кости; to bounce — уходить; to chill — развлекаться; (the) hawk — холодный ветер; to high five — здороваться.

Следует отметить, что в литературный английский заимствуются как его исходные единицы с новым значением, так и совершенно новые слова. Подобный процесс приводит к появлению в литературном английском языке омонимов и новых переносных значений хорошо известных слов. Black English так же продолжает активно пополняться за счет литературного английского, при этом заимствуемые единицы, как бы широко они не употреблялись в литературном английском, являются новыми для Black English. В ходе заимствования они подвергаются переосмыслению и ассимиляции, приводящей к изменению орфографии и орфоэпии, и чаще всего входят в Black English со значением, написанием и произношением, весьма отличными от исходных. Необходимо также отметить характерный для носителей Black English активный процесс замещения слов по мере того, как они начинают употребляться белым населением. В то же время слово, которое по какой либо причине не включается в лексикон белых, может веками сохраняться в Black English. Причины этого кроются в истории США, необходимости кодировать свою речь, а так же подсознательном желании иметь что-то сакральное, чего не так просто лишиться. Потребность же в постоянном обновлении, присущая сленгу, и сленгу английского языка в частности, стимулирует процесс дальнейшего пополнения за счет различных источников, один из которых Black English.

Межкультурная коммуникация, общение представителей разных культур — вопрос безопасности. От непонимания произошло немало конфликтов — и межличностных, и международных, и от непонимания Black English в том числе.

Вот, например, слово *bad* афроамериканцы переосмыслили в своем духе: у них это положительное определение, оно означает гордость, непокорность, достоинство. Однажды во время холодной войны Мухаммед Али сказал, обращаясь к народу Танзании: «There are two bad white men in the history of the world, the Russian white man and the American white man. They are the two baddest men in the history of the world» [1]. Естественно, Али имел в виду «самых великих, могущественных, бесстрашных», но его не поняли, и едва не разгорелся крупный международный дипломатический скандал.

Вопрос межкультурной коммуникации может быть вопросом жизни и смерти. В 1992 году черный репер Ice T потряс всю Америку своей песней *Cop Killer*, которая стала его ответом на гибель молодого афроамериканца Р. Кинга, забитого насмерть группой полицейских [2]. В песне содержится много слов и выражений, непонятных для непосвященных, специфичных для *Black English*, и никто из белых американцев не понял настоящего смысла песни, в которой в основном поднимались социально-политические вопросы. Общество восприняло ее как призыв к убийствам стражей порядка. Полиция организовала демонстрацию протеста перед зданием компании, выпустившей диск. Столкновение демонстрантов и афроамериканцев вылилось в кровавые волнения, потрясшие Лос-Анджелес. В результате песней заинтересовалось ФБР; правительство США публично предало Ice T анафеме, свое неуважение к хип-хопу выразили знаменитые американские киноактеры.

Возвращаясь к проблеме мотивов лексического заимствования в *Black English* и литературный англий-

ский, следует отметить, что основное отличие кроется в причинах экстралингвистического характера. Так, литературный английский на протяжении веков не принимал лексику *Black English* по причинам социального престижа. Ситуация начала меняться сравнительно недавно, в частности благодаря изменению языковой политики и началу обучения на *Black English* в средних школах США. Однако причины расового и социального неравенства часто оказывают негативное воздействие на процесс лексического заимствования, который в иных условиях мог бы быть гораздо шире. Более того, как показали исследования, проведенные группой экспертов под руководством Дж. Рикфорда, четверть респондентов считают афроамериканцев «тупым, ленивыми, с преступными наклонностями, нездоровым интересом к сексу и не заслуживающими доверия людей», а *Black English* — «сленгом, сквернословием, искаженным английским» [3, p.25]. Также доля афроамериканизмов в речи белого и его отношение к *Black English* и носителям может зависеть от его проживания в том или ином районе.

Что касается *Black English* и изменения лексического значения определенных слов в его составе, то к этому можно относиться по-разному. Согласно Роберту Мак-Нейл, «мир становится все теснее, а его жители все больше зависят друг от друга и нуждаются в общем языке. Изменения обогащают английский, который всегда был великолепен в своем несовершенстве, смешении сокровищ других языков, прихваченных им из мировых лингвистических карманов. Каждое поколение сожалеет об этом, но только одно можно предсказать наверняка — новые изменения» [4].

Литература:

1. <http://www.time.com/time/magazine/article/0,9171,921821,00.html>
2. <http://www.nytimes.com/1992/07/29/arts/cop-killer-to-be-cut-from-ice-t-album.html>
3. Rickford, John R. *African American Vernacular English*. Malden, Massachusetts: Blackwell Publishers, Inc., 1999, p. 25.
4. BBC Series «The Story of English»
5. Labov, William. *Language in the Inner City: Studies in the Black English Vernacular*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1972
6. Rogers B. *How to talk American*. Washington. Penguin, 1999

Литературоведы об особенностях языка и художественного стиля Н. Гоголя

Лисик Л., студент

Student Magisterprogram i slaviska språk universitet Göteborg, Sverige

Исследователи творческого наследия Гоголя единогласны в том, что Гоголь занимает важное место в истории русской художественной литературы XIX века.

«Гоголевские образы, имена типов Гоголя, гоголевские выражения вошли в общенародный язык. От них

произведены новые слова, например, *маниловщина*, *ноздревщина*, *тряпичкинство*, *по-собакевичевски* и т.п. [...]

Ни один из других классических писателей не создал такого, как Гоголь, количества типов, которые вошли бы

в литературный и бытовой обиход в качестве имен нарицательных. Гоголь был истинно-народным писателем, который «как бы вторично сделался русским», проникнулся весь «сущностью своего народа, его языком, его бытом» [3, с. 96].

Гоголя еще при жизни Белинский называл «гениальным поэтом и первым писателем современной России» [3, с. 54], утверждает Виноградов. Гоголь положил начало применения в русской литературе народно-бытового языка и отражения чувств всего народа.

Виноградов видит величие Гоголя в том, что он быстро оценил важность пушкинского понимания народности для национального развития русской литературы.

Становление и развитие писательского стиля Гоголя имеет очень важное значение для истории русской художественной литературы XIX века, утверждает В. Виноградов, но, не смотря на многочисленные исследования, многие крайне важные аспекты изучения языка Гоголя до сих пор «не разъяснены, не разрешены и не осмыслены с исторической точки зрения» [3, с. 5].

Язык Гоголя, принципы его стилистики, его сатирическая манера оказала неоспоримое влияние на развитие русского литературно-художественного языка с середины 30-х годов. Благодаря гениальности Гоголя, стиль разговорно-бытовой речи был освобожден от «условных стеснений и литературных штампов» [3, с. 54], подчеркивает Виноградов.

Необыкновенный, удивительно естественный язык Гоголя, его юмор действовали опьяняющим образом, отмечает Виноградов. На Руси появился абсолютно новый язык, отличающийся своей простотой и меткостью, силой и близостью к натуре; обороты речи, придуманные Гоголем, быстро вошли во всеобщий обиход, продолжает Виноградов. Великий писатель обогатил русский язык новыми фразеологическими оборотами и словами, взявшими начало от имен гоголевских героев.

Виноградов утверждает, что Гоголь свое главное предназначение видел в «сближении языка художественной литературы с живой и меткой разговорной речью народа» [3, с. 56].

Одной из характерных черт стиля Гоголя, на которую указывает А. Белый, была способность Гоголя умело смешивать русскую и украинскую речь, высокий стиль и жаргон, канцелярский, помещичий, охотничий, лакейский, картежный, мещанский, язык кухонных рабочих и ремесленников, вкрапляя архаизмы и неологизмы в речь как действующих лиц, так и в авторскую речь [1, с. 201].

Виноградов отмечает, что жанр самой ранней прозы Гоголя носит характер стилистики школы Карамзина и отличается высоким, серьезным, патетическим повествовательным стилем. Гоголь, понимая ценность украинского фольклора, очень хотел стать «подлинно народным писателем» [1, с. 16] и старался вовлечь разнообразную

устную народную речь в русскую литературно-художественную повествовательную систему.

Писатель связывал достоверность передаваемой им действительности со степенью владения классовым, социальным, профессиональным стилем языка и диалекта последнего. В результате язык повествования Гоголя приобретает несколько стилистических и языковых плоскостей, становится очень неоднородным.

Русская действительность передается посредством соответствующей языковой среды. Вместе с тем выявляются все существующие семантические и экспрессивные оттенки официально-делового языка, которые при ироничном описании несоответствия условной семантики общественно-канцелярского языка с действительной сущностью явлений выступают довольно резко. Виноградов отмечает, что в ранних редакциях «Мертвых душ» применение Гоголем канцелярской лексики и фразеологии было шире, свободнее и естественнее. С ноткой иронии использует Гоголь канцелярские и чиновничье-официальные выражения при описании «неслужебных», будничных ситуаций и жизни чиновников [2, с. 27].

Стиль просторечия у Гоголя переплетается с канцелярским и деловым стилем. Ссылаясь на В.Ф. Переверзева¹, В. Виноградов находит, что Гоголь стремился ввести в литературный язык просторечие разных слоев общества (мелкого и среднего дворянства, городской интеллигенции и чиновничества) и посредством смешения их с литературно-книжным языком найти новый русский литературный язык.

В качестве делового государственного языка в произведениях Гоголя Виноградов указывает на переплетение канцелярской и разговорно-чиновничьей речи. В «Записках сумасшедшего» и в «Носе» канцелярско-деловой стиль и разговорно-чиновничья речь используются Гоголем гораздо больше, чем другие стили просторечия.

Официальный деловой язык связывает воедино разнообразные диалекты и стили у Гоголя, который одновременно пытается разоблачить и удалить все ненужные лицемерные и фальшивые формы выражения. Порой Гоголь, для показания условности какого-либо понятия, прибегал к ироническому описанию содержания, вкладываемого обществом в то или иное слово. Например: «Словом, они были то, что называется счастливы»; «Более не находилось ничего на сей уединенной или, как у нас выражаются, красивой площади» [4, с. 300].

Гоголь считал, что литературно-книжный язык высших классов был болезненно поражен заимствованиями из иностранных, «чужеземных» языков, невозможно найти иностранные слова, которые бы могли описать русскую жизнь с той же точностью, что слова русские; в результате чего некоторые иностранные слова использовались в искаженном смысле, некоторым приписывался иной смысл,

¹ Народный язык у Гоголя // Лит. Критик. 1934. № 9. С. 80.

в то время как некоторые исконно русские слова безвозвратно исчезали из употребления.

Виноградов указывает на то, что Гоголь тесно связывая светский повествовательный язык с европеизированным русско-французским салонным языком, не только отрицал и пародировал его, но и открыто противопоставлял свой стиль повествования языковым нормам, соответствовавшим салонно-дамскому языку. Кроме того, Гоголь боролся и со смешанным полуфранцузским, полупростонародным русским языком романтизма. Гоголь противопоставляет романтическому стилю стиль реалистический, отражающий реальную действительность более полно и правдоподобно. По мнению Виноградова, Гоголь показывает противостояние между стилем романтического языка и будничностью, которую может описать лишь натуралистический язык. «Образуется смесь торжественно-книжного с разговорным, с просторечным. Сохраняются синтаксические формы прежнего романтического стиля, но фразеология и строй символов, сравнений резко отклоняются от романтической семантики» [4, с. 293]. Романтический стиль повествования не исчезает целиком и полностью из языка Гоголя, он смешивается с новой семантической системой.

Что касается национально-научного языка — языка, который, по мнению Гоголя, призван быть всеобщим, национально-демократическим, лишенным классовой ограниченности, то писатель, как отмечает Виноградов, был против злоупотребления философского языка. Гоголь видел особенность русского научного языка в его адекватности, точности, краткости и объективности, в отсутствии необходимости приукрашивать его. Гоголь видел значимость и силу русского научного языка в уникальности самой природы русского языка, пишет Виноградов, писатель считал что подобного русскому не существует языка. Источники русского научного языка Гоголь видел в церковнославянском, крестьянском и языке народной поэзии.

Гоголь стремился включить в свой язык профессиональную речь не только дворянского, но и буржуазного сословия. Придавая огромное значение крестьянскому языку, Гоголь пополняет свой словарный запас, записывая названия, терминологию и фразеологию принадлежностей и частей крестьянского костюма, инвентаря и домашней утвари крестьянской избы, пашенного, прачечного, пчеловодческого, лесоводного и садоводного, ткацкого, рыболовного дела, народной медицины, то есть всего, что связано с крестьянским языком и его диалектами. Язык ремесел и технических специальностей был также интересен писателю, отмечает Виноградов, как и язык дворянского быта, увлечений и развлечений. Охотничий, картежно-игрецкий, военный диалекты и жаргон привлекали пристальное внимание Гоголя.

Особенно пристально наблюдал Гоголь за административным языком, его стилистикой и риторикой, подчеркивает Виноградов [4, с. 317].

В устной речи Гоголя интересовали, прежде всего, лексика, фразеология и синтаксис дворянско-крестьянского

просторечия, разговорный язык городской интеллигенции и чиновничий язык, указывает Виноградов [4, с. 320].

На взгляд В. Виноградова характерен интерес Гоголя к профессиональному языку и говорам торговцев [4, с. 321].

Гоголь стремился найти пути реформирования взаимоотношений между современным ему литературным языком и профессиональным языком церкви. Он вводил в литературную речь церковную символику и фразеологию, отмечает Виноградов [4, с. 325]. Гоголь считал, что введение элементов церковного языка в литературный привнесет жизнь в закостенелый и лживый деловой и чиновничий язык. [4, с. 326].

По мнению Виноградова, язык «Мертвых душ», а также «Шинели» — это «структурное объединение различных стилистических слоев» [4, с. 286].

Новый и самый важный этап литературной и художественно-речевой деятельности Н.В.Гоголя В.Виноградов видит в «Ревизоре», «Шинели» и «Мертвых душах».

Гоголь использовал народно-разговорную речь более широко и глубоко, чем все его предшественники, подчеркивает Виноградов. Гоголь мастерски сочетал разнообразные, порой практически противоположные «стилистические элементы русского языка» [3, с. 95]. Применение им жаргона мелкого чиновничества, дворянства, помещиков и армейских офицеров не только обогатило литературный язык, но и стало средством сатиры в стиле самого Гоголя и его последователей.

Уже в первых своих повестях Гоголь, пользуясь украинской литературной традицией, изображает народ через реалистическую атмосферу народно-бытового языка, украинских обрядов, поверий, сказок, пословиц и песен, подчеркивает Виноградов. Академик обращает особое внимание на значение языка и стиля двух повестей «Вечеров», «Майская ночь» и «Вечера накануне Ивана Купалы», сыгравших определяющую роль в формировании прозаического языка Гоголя, который, в свою очередь, имеет огромное значение в истории языка русской художественной литературы XIX в. [3, с. 8].

Гоголь объясняет в предисловии «Вечеров» разнообразие стилей социальным различием рассказчиков и их речевой манеры, на что обращает внимание Виноградов. Тем самым автор «Вечеров» иронически предупреждает читателя о «глубоком внедрении просторечия в язык русской художественной прозы» [3, с. 5].

Таким образом, подчеркивает Виноградов, в предисловии четко оговаривается тип повествовательной речи, оказывающий определяющее влияние на «социально-экспрессивную» атмосферу произведения. Одновременно автор рисует портреты рассказчиков и характеризует стиль их речи.

В первой книге «Вечеров» читатель встречает двух рассказчиков. Язык Фомы Григорьевича, дьяка диканской церкви, с самого начала характеризуется Гоголем как просторечно-бытовая, народно-украинская речь, пишет Виноградов. «Эх, голова, что за истории умел он отпус-

коть!» (*Вечера на хуторе близ Диканьки*). Его стиль противопоставляется книжно-повествовательному стилю того времени. Язык Фомы Григорьевича близок по стилю языку Панька, «издателя» повестей «Вечеров». Это, на взгляд Виноградова, имеет большое значение, особенно учитывая, что второй рассказчик, панич в гороховом кафтане из Полтавы, говорил «таким вычурным языком, которого много остряков и из московского народу не могли понять» [3, с. 6].

Виноградов утверждает, что Гоголь противопоставляет не только сложный, искусственно-приукрашенный, далекий от живой устной народной речи язык панича простому, доходчивому, народно-бытовому языку Фомы Григорьевича, но и их образы противопоставлены друг другу. Причем стиль Фомы Григорьевича выносится автором на первый план и ему отдается явное предпочтение, подчеркивает Виноградов.

Виноградов сравнивает две редакции «Вечеров накануне Ивана Купалы» и делает вывод, что прежний, «карамзинский» метод построения образа повествователя несовместим с новым, реалистическим, «пушкинским» пониманием литературной народности. Согласно прежним правилам речевого построения образа рассказчика, кем бы он ни был, его речь не могла отклоняться от общепринятого литературного стиля в сторону характеристики его профессионального или социального положения. Повествовательный стиль художественной прозы в системе Карамзина олицетворялся со стилем и мировоззрением обобщенного и отвлеченного писателя, стилем, который не мог выходить за рамки общепринятых норм речи. Стиль сказа Фомы Григорьевича уже в первой редакции часто выходил за рамки стилистики школы Карамзина, подчеркивает Виноградов. Но образ рассказчика был еще слишком сближен с образом автора, вследствие чего «приемы метафоризации, выбор выражений, синтаксический строй, экспрессивная окраска речи чаще всего непосредственно относилась к автору. Все это лишало народно-сказовый стиль реалистического правдоподобия» [3, с. 17].

Язык рассказчика во второй редакции «Вечеров накануне Ивана Купалы» приобретает более синтаксически изобразительный, драматичный и разнообразный характер.

Виноградов наблюдает при сравнении двух редакций «Вечеров» стремительное изменение стиля Гоголя в сторону использования экспрессивного многообразия живой разговорной речи. Гоголь устраняет во второй редакции стандартную, однотипную книжно-литературную лексику и фразеологические обороты или заменяет ее на синонимичные более экспрессивные, динамические выражения из живой устной речи. Это, в свою очередь, ведет к изменению словесного состава языка.

Во второй редакции меняется характер описания действия и душевного состояния героев, отмечает Виноградов. Мысли и настроения действующих лиц передаются более динамично, в их движении. Характер описания

имеет более детализированный и субъективный характер, общие выражения исчезают.

Гоголь хотел найти новые методы и средства «образной выразительности», стремился к «конкретному, выразительному, насыщенному жизненными красками и подробностями, образно-экспрессивному устному повествованию» [3, с. 34–35].

Важную роль, на взгляд Виноградова, играл для Гоголя принцип метафорического одушевления. Кроме того, Гоголь все больше использует характерные для устной народной речи слова и образы, приводит в соответствие «словестную ткань» повествования образу рассказчика, описывает ход действий последовательно и придает языку субъективный характер, пишет Виноградов [3, с. 5].

По мнению Гуковского, «в»Шинели» элементы, из которых складывается образ рассказчика нашли большее равновесие, чем это было в прежних повестях Гоголя» [5, с. 386]. В образе рассказчика «Шинели» нет той острой смены авторов, которая наблюдалась в «Невском проспекте», утверждает Гуковский, он более един, хотя и здесь у него два лица. Одно слито с миром Акакия Акакиевича, другое — «русский поэт. Но это даже не различные облики, а лишь разные стороны одной души, одного сознания; [...]» [5, с. 386].

В «Шинели» рассказчик более персонифицирован, подчеркивает Гуковский. Он не просто рассказчик, а автор, писатель, говорящий о себе и обращающийся к своему читателю, и этот писатель — не просто писатель, это Гоголь.

Автор «Шинели» близок среде, в которой живет его герой, пишет Гуковский, он понимает заботы и проблемы, мечты и реальность жизни Акакия Акакиевича, он рассказывает обо всем не понаслышке, а как знакомый, который и родню Акакия Акакиевича знал, и чиновника. И в то же время, автор — «он же и поэт, более того — проповедник и почти пророк, полный высоких дум о человеке и человечности, [...]», автор, отражающий не просто нравы и быт, «но поэзию действительной жизни, воплощенную в сложном единстве образа автора» [5, с. 387].

В «Шинели», как и в «Носе» повествователь часто ссылается на неведение и забывчивость: «но когда, в какое время и каким образом произошла она от башмака, ничего этого не известно»; «Где именно жил пригласивший чиновник, к сожалению, не можем сказать: память начинает нам сильно изменять» («Шинель»). В то же время рассказчик делится с читателем подробнейшим описанием привычек и отдельных моментов жизни героев и их родственников, выступая таким образом всеведущим. Притворческое неведение, фиктивная неуверенность и мнимые провалы памяти выполняют все ту же роль достижения натуралистического правдоподобия и убедительности, подчеркивает М.Вайскопф. Ту же функцию, по мнению критика, выполняет и ущербный облик самих персонажей. Повествователь, сетующий на то, что он забыл ту или иную подробность, только усиливает доверие читателя к себе и к самому рассказу, рванный

капот Башмачкина только еще более подтверждает реальность последнего, утверждает Вайскопф.

Многие критики единогласны в том, что Гоголю присущ особый стиль описания фантастики. Ю. Манн пишет, что Гоголь нашел особое средство в «сфере повествования и стиля повести» [8, с. 376], автор сочетает «чистый комический сказ, построенный на языковой игре, каламбурах нарочитом косноязычии» [8, с. 376] с описанием в возвышенных, подчеркнуто патетических с точки зрения риторики тонах когда речь идет не о действительно высоких понятиях и явлениях, а, наоборот, о чем-то будничном и мелком.

Ю. Манн отмечает, что Гоголь описывал цепь совпадений, предположений и слухов, а не конкретное событие, тем самым предлагая читателю не готовое свидетельство повествователя, не описание сверхестественного события или явления, а его толкование, переживание и восприятие действующими лицами, т.е. участниками происходящего. Что, в свою очередь, давало возможность и можно даже сказать подталкивало читателя к самостоятельному толкованию и интерпретации прочитанного. Гоголь часто повторяет ощущение странности, неправдоподобности, небывалости описываемых событий, выражая восприятие происходящего рассказчиком или действующими лицами. В речи автора и действующих лиц повести «Нос» звучат слова: странный, несбыточный, неправдоподобный, несообразно, чепуха, никакого правдоподобия; в «Мертвых душах»: «*Но это однакож несообразно, это не согласно ни с чем, это невозможно ...*».

На наш взгляд, Гоголь как бы дает возможность читателю самому задуматься над описываемыми событиями, автор ничего не разъясняет читателю, не проясняет смысл происходящего, скорее наоборот, он вносит некое недоумение.

Вайскопф отмечает, что Гоголь пришел к выводу о том, что «писать о высших чувствах и движениях человека нельзя по воображению» и что он, Гоголь, свершенно не имеет никакой фантазии. Вайскопф цитирует Гоголя: «Я никогда ничего не создавал в воображении и не имел этого свойства. У меня только то и выходило хорошо, что взято было мной из действительности, из данных мне известных. Я никогда не писал портреты в смысле простой копии. Я создавал портрет, но создавал его вследствие соображения, а не воображения» [2, с. 481–482]. Интересно, насколько это утверждение соответствует применительно к таким произведениям Гоголя как «Нос», «Вий», «Страшная месть», удивляется Вайскопф.

Ю. Манн указывает, что встречаемая в произведениях Гоголя повторяемость, или тавтология, это не что иное как изящный стилистический прием, «свидетельство тонкой стилистической игры, построенной на природе самого языкового материала, его нарочитой сложности и двусмысленности» [9, с. 114]. Литературовед приводит в качестве примера фразы из «Мертвых душ»: «почмейстер ... выразил на *лице* своем мыслящую *физиономию* ...»; Манилов сделал «такое глубокое выражение, какого,

может быть, и не видано было на *человеческом* лице ...». Мотив «лица», по мнению Манна — это «часть гоголевского гротескного стиля, проявление гоголевского комизма». [9, с. 118]

Манн отмечает, что кажущееся случайным словесное повторение — мнимое. Гоголь, использует грамматическую «фактуру» слова *лицо*, с одной стороны — существительное среднего рода, нечто безличностное, с другой — это же слово применяется при указании на положение человека в обществе: официальное лицо, почетное лицо, высокое лицо. И первое, и второе, по мнению Ю.Манна, превращают *лицо* в «знак отвлеченной, абстрактной иерархичности, не зависящей от ее конкретного, человеческого воплощения» [9, с. 117]. Манн ссылается также на пример из «Шинели», когда Акакий Акакиевич дает для себя копию, если «бумага была замечательна не по красоте слога, но по адресу к какому-нибудь *новому или важному лицу*»; или далее из той же повести, когда портной приносит Башмачкину готовую шинель, «в *лице* его показалось выражение такое *значительное*, какое Акакий Акакиевич никогда еще не видывал» [9, с. 118].

Важный момент в разрушении форм книжного синтаксиса у Гоголя был связан, по мнению Виноградова, с приемами включения в авторскую речь несобственно-прямой, «чужой речи», с их постоянно колеблющемся соотношением. Писатель включал в авторское повествование «чужую речь», зачастую противоречащую авторской точке зрения, без каких-либо предупреждений или оговорок. Это приводило к комическому смещению разных семантических плоскостей, к резким «скачкам» экспрессии, изменениям повествовательного тона, в то же время это соотношение служит Гоголю средством создания комических повторений.

Для гоголевского текста, как и для натуралистической поэтики в целом, отмечает М. Вайскопф, характерна атмосфера мелочей, сопутствующих судьбоносной вещи и приводит в качестве примера описание реакции Башмачкина на варварски спокойное заявление Петровича о стоимости изготовления новой шинели: «Полтора рубля за шинель!» воскликнул бедный Акакий Акакиевич, всплеснув руками, вскрикнул, может быть первый раз от роду, ибо всегда отличался тихостью голоса» [2, с. 332].

Л.И. Еремина указывает на то, что Гоголь часто очень подробно описывает детали повествования, при этом избыточность какого-либо качества писатель показывает избыточностью средств грамматического выражения этого самого качества, например, голос у доктора ни громкий, ни тихий, но чрезвычайно уветливый и магнетический (Нос); Петрович «обсмотрел... весь вицмундир его, начиная от воротника до рукавов, спинки, фалд и петлей...»; «купили сукна очень хорошего ... сам Петрович сказал, что лучшего сукна и не бывает»; (Шинель) [7, с. 74–75]. Отмечая подробность описания рассказчиком, Еремина делает вывод, что масса подробностей делает происходящее более действенным, реальным, убедительным для читателя.

Г.А. Гуковский, обращая внимание на подробность описания, отмечает, что в литературе 30-х годов можно найти массу произведений, в которых в изобилии встречаются подробные описания быта и обыденных явлений и людей. Уникальность Гоголя не в том, что он подробно изображает быт и обыденность, а в том, что он «увидел и изобразил» [5, с. 369] эти явления иначе, подчеркивает Гуковский. «Белинский говорил, что гоголевские повести открыли в русской литературе период поэзии действительности; это значит и то, что они открыли русской литературе и русскому читателю поэзию самой действительности» [5, с. 369].

Гоголь, отрицая и осуждая изображаемый им быт, все же ищет положительные ценности внутри него, а не вне его, утверждает Гуковский. Идеал Гоголя он находит в том, что он нашел «ростки высокого» [5, с. 370], ценность, веру, поэзию в изображаемых им обыденных, земных людей. Заслуга Гоголя в том, что он сумел преодолеть «представление о противостоянии идеала, поэзии, с одной стороны, — и быта, обыденного, обычных людей, «маленьких людишек» — с другой. Это и значило, что он открыл поэзию в действительности» [5, с. 370].

Гуковский обращает внимание на то, что в «Шинели» есть больше, чем в других произведениях Гоголя детальных, конкретных, предметных описаний предметов, вещей, людей и т.д. Писатель дает подробный портрет героя, его одежды и даже пищи. Подробное описание конкретных деталей «сопровождает весь рассказ событий, пронизывая его насквозь» [5, с. 359], подчеркивает известный литературовед.

Гуковский находит, что «Шинель» в этом отношении является торжеством поэзии действительности. Герой повести — ничтожный человек — герой «поэтического и лирического повествования» [5, с. 372].

Речь гоголевских персонажей тоже отличается смешением стилей и диалектов, подчеркивает Виноградов. С той лишь разницей, что это смешение обуславливается классовой принадлежностью действующего лица.

Виноградов отмечает, что Гоголь смешивал украинский язык с различными диалектами и стилями русского языка. Причем стиль украинского языка напрямую зависел от характера действующего лица произведения. Гоголь сочетал украинский простонародный язык с русским посредством просторечия. В качестве примера В. Виноградов сопоставляет простонародный язык Рудного Панька и Фомы Григорьевича и городской, обруселый язык «горохового панича» из «Вечеров на хуторе близ Диканьки».

Виноградов отмечает характерные в речи гоголевских персонажей «глоссолалические повторы»¹, например: *он вновь начал выглядывать, нельзя ли по выражению*

в лице и в глазах узнать, которая была сочинительница; но никак нельзя было узнать ни по выражению в лице, ни по выражению в глазах, которая была сочинительница» [4, с. 311].

Речь гоголевских героев находит своеобразной М. Вайскопф, который отмечая сходство образа Акакия Акакиевича с очень популярной в 30-е годы темой бедного чиновника и вообще «маленького человека», видит помимо жалкой, убогой внешности сходство и в том, что герои указанных произведений были робкими и смиренными людьми, их речь была косноязычной.

А. Белый также не обходит вниманием нарочитое косноязычие, так часто используемое Гоголем. Например, «— А я вот к тебе, Петрович, того ...»

Нужно знать, что Акакий Акакиевич изъяснялся большею частью предлогами, наречиями и, наконец, такими частицами, которые решительно не имеют никакого значения.» (Шинель); «еще ... там этакое ...какого-нибудь там того ...» (Мертвые души).

На основе вышеизложенного мы видим, что все авторы работ отмечают своеобразие и оригинальность писательского стиля и языка Гоголя, оказавшие неоспоримое влияние на развитие русского литературно-художественного языка.

Язык Гоголя естественнейшим образом соединяет в себе простоту, емкость и разнообразие живой разговорной речи и язык художественной литературы, русский и украинский языки. Гоголь мастерски использует язык различных общественных слоев и классов, профессиональный язык, жаргон и высокий стиль.

Разнообразие языковых стилей и диалектов мы наблюдаем и у персонажей Гоголя, и в речи рассказчиков. Разница в том, что язык действующих лиц зависит от их классовой принадлежности.

Оригинальность языка Гоголя заключается и в том, что он намеренно использует тавтологию, синтаксическую синонимию, необычные слова и словосочетания, метафорические и метонимические смещения и аллогизм. Писатель нагромождает глаголы и существительные, перечисляет в одном ряду совершенно несовместимые вещи и предметы, и даже прибегает к грамматической неточности выражений.

Гоголю присущ особый стиль описания фантастического. Автор предлагает читателю не описание, а толкование, восприятие необычайного действующим лицом или рассказчиком, подчеркивая при этом всю необычайность и сверхестественность описываемого.

Многочисленные особенности языка Гоголя являются объяснением тому, что язык писателя просто и естественно вошел как в литературный, так и в обиходный русский язык.

¹ Глоссолалия (от греч. glossa — язык и lalia — болтовня — пустословие), особый вид расстройства речи: произнесение бессмысленных сочетаний звуков, сохраняющих некоторые признаки связной речи (темп, ритм, структура слога ит. п.) — <http://www.vseslovари.com.ua/bes/page/glossolaliya.14995/>, 03.12.2010.

Литература:

1. Белый А. Мастерство Гоголя. München, Wilhelm Fink Verlag, 1969, с. 196–283
2. Вайскопф М. Сюжет Гоголя. Морфология. Идеология. Контекст. Москва, 1993. с. 305–482
3. Виноградов В.В. Избранные труды. Язык и стиль русских писателей. От Гоголя до Ахматовой. Москва «Наука», 2003. с. 5–97
4. Виноградов В.В. Избранные труды. Язык и стиль русских писателей. От Карамзина до Гоголя. Москва «Наука», 1990. с. 271–331
5. Гуковский Г.А. Реализм Гоголя. Москва — Ленинград, Государственное издательство художественной литературы, 1959. с. 240 — 387
6. Eliasberg A. Russische Literaturgeschichte in Einzelporträts. München, Beck'sche Verlagsbuchhandlung Oskar Beck, 1922
7. Еремина Л.И. О языке художественной прозы Н.В. Гоголя. Москва, Наука, 1987. с. 5–176
8. Манн Ю.В. Гоголь// История мировой литературы. М., 1989. Т.6, с. 369–384
9. Манн Ю. Постигая Гоголя. Москва, Аспект Пресс, 2005, с. 1–205
10. Слонимский А. Техника комического у Гоголя. Петроград, «Академия», 1923. с. 1–68
11. Эрлих В. Русский формализм: история и теория. Санкт-Петербург, Академический проект, 1996. с. 1–352

Рассмотрение русского предлога «в» в винительном падеже и способы его передачи на персидский язык

Набати Ш., магистрант;
Университет Тарбиат Модаррес

Моазами М., преподаватель; Агаева М., преподаватель
Мешхедский государственный университет имени Фирдоси (Иран)

Предлоги как служебные слова, с одной стороны служат для соединения слов, а с другой стороны подчиняют одни слова другим. Предлогу «в» свойственна многозначность. Этот предлог в винительном падеже в русском языке связан с широким кругом разнообразных грамматико-синтаксических форм и семантических конструкций. Рассмотрение способов выражения данных форм и их значений в персидском языке, безусловно, поможет персидским учащимся лучше усвоить эту тему.

Основные значения предлога «в» составляют пространственное, временное, определительное, объектное, целевое, количественное, а также значение уподобления, орудия, превращения, соединения, разделения и эмоционального состояния. Эти значения при переводе с русского на персидский в большинстве случаев осуществляется при помощи других конструкции и слов. Мы в этой статье стараемся показать разные варианты перевода таких значений в персидском языке.

Ключевые слова: предлог, «в», винительный падеж, русский язык, персидский язык

Введение

Предлог «в» по происхождению относится к простым, первообразным предлогам, который состоит из одного элемента. Время проявления в языке предлога «в» установить очень трудно, так как он практически утратил семантические, морфологические и словообразовательные связи с теми словами, от которых образован. Его можно увидеть в составе ряда отыменных предлогов, например: *ввиду, в целях, в продолжение, вследствие, в отличие от, в течение, вниз, внизу, в начале, в конце, в результате, во время, во имя, во избежание* и др.

Соединительная функция предлога «в» (в винительном и предложном падежах) реализуется в разных типах словосочетаний, где этот предлог служит показателем разных отношений между словами. Например, в словосочетании

верить в успех предлог «в» лишен какой-либо семантической функции, его присутствие обусловлено исключительно синтаксическими свойствами глаголов. В словосочетании *ехать в город* имеет пространственное значение, а в словосочетаниях *кутать в шубу, верить в успех, превратиться в воду, и т.д.* выполняет лишь синтаксическую функцию. Поэтому подчас невозможно определить значение предлога, взятого изолированно. В контексте же предлог взаимодействует со значимыми единицами лексического и словоизменительного уровней.

Основная часть

Теория предлога углубляется в работах ведущих русистов XIX века: В.В.Виноградова, Г.А.Золотовой, Н.Ю.Шведовой и др. В «Современном русском языке»

под редакцией И.А. Белошапковой отмечается, что предлог, как и иные служебные части речи, не может быть членом предложения и не может сам образовать предложение. По мнению И.А. Белошапковой, предлог служит лишь для связи существительных с другими существительными, прилагательными и глаголами. Они выражают различные «подчиненные» отношения существительного к другим словам в словосочетании и предложении. Предлоги, как и другие служебные части речи, принадлежат к неизменяемым словам. Следовательно, у них нет окончаний и вопрос о морфологической структуре предлогов должен был бы быть предметом словообразования, однако и он по традиции рассматривается в морфологии. (Белошапкова, 2003, с. 600)

В «Лингвистическом энциклопедическом словаре» представлено следующее определение предлога: «Разряд служебных, морфологически неизменяемых слов, выражающих различные отношения между зависимыми и главными членами словосочетания и осуществляющих подчинительную синтаксическую связь внутри словосочетания и предложения». (Лингвистический энциклопедический словарь, 1990, с. 394)

Розенталь отмечает, что «предлог — служебная часть речи, которая в сочетании с косвенными падежами имен существительных, местоимений, числительных, склоняемых субстантивированных слов выражает разные отношения между формами имен и другими словами в словосочетании и предложении». (Розенталь, 1991, с. 341)

Тихонов так описывает предлоги: «предлог — это служебная часть речи, которая в сочетании с косвенными падежами имен существительных, местоимений, числительных, склоняемых субстантивированных слов выражает различные отношения между формами имени и другими словами в словосочетании и предложении». (Тихонов, 2005, с. 270)

«Лексическое значение предлога как отдельно взятого слова абстрагировано от тех отношений, которые он выражает в словосочетании. Эти отношения могут быть как определённо абстрактными, широкими, так и более конкретными, узкими. Например, предлог «на», употребляясь с предложным падежом имени, может выражать пространственные (*встретить на улице*), временные (*собираться на неделю*), образа и способа действия (*разговаривать на ходу*) и другие отношения, а предлог об (о) в сочетании с тем же падежом выражает только объективное отношение (*сообщить о брате*)». (Карпов, 2002, с. 164)

Если в русском языке предлоги обозначают синтаксические отношения между формами косвенных падежей имен существительных, местоимений или субстантивированных прилагательных, с одной стороны, и глаголами, именами существительными, местоимениями, прилагательными, реже наречиями, с другой стороны « (Виноградов, 1972, с. 531), то в персидском языке важнейшая роль принадлежит предлогам, осуществляющим подчинительную связь между членами словосочетаний и пред-

ложений. Поскольку в персидском языке отсутствует система падежей, персидские предлоги оказываются функционально более нагруженными по сравнению с предлогами тех языков, которые обладают и падежной системой, и предлогами. (Рубинчик, 2001, с. 311)

Между компонентами словосочетания устанавливаются самые разнообразные виды отношений: пространственные, временные, объективные, причинные и проч. В выражении этих отношений предлоги принимают непосредственное участие, поэтому определение таких отношений является и определением функционального значения предлогов.

Описание категории одушевленности-неодушевленности имен существительных обычно проводится на примере беспредложных конструкций, однако в форме винительного падежа, по которой определяется грамматическая одушевленность/неодушевленность, субстантивы регулярно употребляются с различными предлогами. Таким образом, возникает необходимость рассмотреть особенности функционирования категории одушевленности-неодушевленности имен существительных в различных предложно-падежных конструкциях.

1. Свободные предложно-падежные конструкции с предлогом «в» имеют различия в падежных формах субстантива /В.П.=Р.П. или В.П.=И.П./, как и в беспредложном употреблении. Так, например, сохраняются грамматические различия между одушевленными и неодушевленными существительными в предложно-падежных сочетаниях с пространственным значением:

бросить камнем в человека — бросить камнем в дом.

2. Своеобразно проявляется одушевленность-неодушевленность субстантивов в несвободных конструкциях с предлогом «в». В современном русском языке особняком стоят сочетания типа *выйти в люди, произвести в офицеры, годиться в матери* и под., в которых субстантивы, обозначающие людей и животных, имеют грамматический показатель неодушевленности /В.П.=И.П./:

Кто в кони пошел, тот и вози (Посл.);

3. Своеобразно проявляется одушевленность-неодушевленность субстантивов в конструкциях с предлогом «в» в сочетании с глаголом *играть* (существительным *игра*). В основном, в подобных сочетаниях выступают имена существительные, являющиеся специфическими названиями игр: *играть в жмурки (в салочки, в горелки, в кошки-мышки, в казаки-разбойники, в дочки-матери и т.д.)*.

Худо в карты играть, а козырей не знать (Посл.);

Употребление предлога «в» в винительном падеже обнаруживает следующую закономерность: Непроизводный предлог «в» в составе предложно-падежных сочетаний употребляются как с одушевленными (семантически и грамматически), так и с неодушевленными субстантивами. (http://egf.tsure.ru/egf_files/11_486.doc)

Персидский язык, как и русский, принадлежит к семье индоевропейских языков. По своему строению персидский язык относится к аналитическим языкам. В аналитических

языках как персидский, романский, английский, датский, и др. грамматические значения отделяются от выражения лексических значений; лексические значения сосредоточены в самом слове, а грамматические значения выражаются либо сопровождающими знаменательное слово служебными словами, либо порядком самих знаменательных слов, либо интонацией, сопровождающей предложение, а не данное слова. (Реформатский, 2001, с. 313)

Овчинникова говорит, что «грамматические значения в персидском языке аналогичны, тем которые в русском языке выражаются падежной формой или сочетанием падежной формы с предлогом, в персидском языке передаются аналитическими средствами: предложными и послеложными конструкциями, изафетными сочетаниями и другими способами». (Овчинникова, 1374 (хиджри), с. 1063)

Поскольку в персидском языке падежные окончания полностью отсутствуют, предлоги в нем играют исключительно важную роль, т.е. если в русском языке все решают окончания, то в персидском языке эту функцию выполняют предлоги, например: если в русском лететь самолетом, то в персидском *ندرك زورپ اميپاوه اب* (ба навапейма парваз кардан)

Хатиб Рахбар так описывает персидский предлог: «Слова, стоящие перед существительным (или любым заменяемым его словом) или после него, с тем чтобы показать зависимость существительного (или заменяемого его слова) от другого слова, называются предлогами (в первом случае) или послелогоми (во втором случае)». (Хатиб Рахбар, 1372 (хиджри), с. 3)

Ахмади-Гиви и Анвари определяют предлог как слова, которые относят слова или группу слов к глаголам. Такие слова в персидском языке называются «мотаммемами».

م.تفر مردم هب مناخ زا سوبوتا اب

(ба отубус аз ханэ бэ мадрасэ рафтам : на автобусе я пошел из дома в школу)

هب (бэ), زا (аз), اب (ба)

В данном примере существуют три предлога:

Данные предлоги относят слова «سوبота» (автобус), «м.تفر» (дом), «م.سردم» (школа) к глаголу «م.تفر» (пошел).

В разговорной речи в персидском языке опущены предлоги (Ахмади Гиви Хасан, Анвари Хасан, 1367, сс. 265–266)

ك.تسين مناخ رد ي.سك : ك.تسين منوخ ي.سك кэси дар ханэ нист): (кэси хунэ нист

Итак, на основе вышесказанного понимается, что предлоги в персидском языке из-за отсутствия падежных окончаний играют очень важную роль, что без них непонятно значение слов и предложений. Все предлоги выполняют сходные функции, но различаются происхождением, семантикой и структурой.

В русском языке предлог «в» в винительном падеже употребляется в пространственном, временном, целевом, количественном, определительном и объектном значениях, а также в значениях орудия, уподобления, превращения, соединения, разделения и эмоционального со-

стояния. В ходе работы автор опирается на материалы, представленные в работе Г.А. Золотовой и в толковых словарях русского языка.

(Золотова, 1988, с159–179, Словарь русского языка в 4 томах. Под редакцией А.П. Евгеньева, 1981)

Предлог «в» в пространственном значении:

1) При обозначении направления действия, движения внутрь, в пределы названного предмета:

а) В заголовках: *в Америку* (Гарин-Михайловский) *ب (бэ) Амрика*,

в Сибирь (Пушкин) *ب (бэ) Сибри*

Указанные словосочетания указывают на направление действия и предлогу «в» при передаче на персидский язык соответствует персидский предлог «ب» (бэ).

б) В сочетаниях с глаголами движения, перемещения: *Отвели они девицу вверх во светлую светлицу.* (Пушкин) *دن در ب ينشور قاتا ل خاد هب ال ابار رتخد انآ* (Анһа дохтар ра бала бэ дахеле отаghэ рошани борданд)

в) Более тесная, словообразовательно мотивированная связь с данной синтаксемой у глаголов движения, перемещения с приставкой *в-*:

В сад осторожно въехал длинный черный лимузин. (К.Федин) *غاب هب طايحت اح اب گنر هويس زارد نيزوميل نيشام* (Машины Лимузин деразе сияh ранг ба эһтят бэ баг варед шод (дахеле баг шод)

Здесь предлогу «в» соответствуют персидские предлоги «ب» (бэ), «ل خاد» (дахел).

г) Ряд глаголов приобретают семантику направленности, способность сочетаться с директивом В+В.П. только с приставкой *в-*: (директив—это компонент, выражающий направление движения, ориентированного действия или положения предмета): *Вслушайтесь в их [женщин] литературные суждения, и вы удивитесь кривизне и даже грубости их понятия....* (Пушкин)

ي.تخ و هابتشا زا ، دي.يامن هجوت(نانز) انآ ي.بدا ي.هه.يرظن هب *درك دي.هاوخ ب.جعت انآ مي.هافم تنوشخ*

(Бэ назарийеһайе адабийе анһа (занан) таваджо на-майид, аз эштэба ва натта хшунатэ мафаһимэ анһа та-аджоб хаһид кард.)

Здесь предлогу «в» соответствует персидский предлог «ب» (бэ).

2) В сочетаниях с конкретными именами, содержащими семантику протяженности или ориентированности в пространстве в том числе, *дорога* *داج (джадэ)*; *путь* *دار (рах)*; *дверь* *رد (дар)*; *окно* *رجنپ (панджарэ)*; *поезд* *راطق (Гатар)*; *ветер* *داب (бад)*; *билет* *طيلب (блит)*; и др.

Окна в сад были очень низко от земли. (С.Аксаков) *اراق نيمز زا ي.ني.ياپ عافترا رد غاب تيمس هب ي.هه.رجنپ دن.تشاد* (панджареһайэ бэ самтэ баgh дар эртэфаэ пайини аз замин ghарар даштанд.)

Здесь предлогу «в» соответствуют персидские предлоги «ب» (бэ самтэ), «ف.رط هب» (бэ тарафэ)

Иногда предлогу «в» не соответствует персидский коррелят и перевод делается через изафетное словосоче-

тание: билет **в** театр رتات طيلب (блит-э тэатр)

3) В сочетаниях с именами существительными, которые коррелятивны с глаголами движения.

выстрел كيشل (шеллик); поездка ترفاسم (мосаферат); путешествие رفس (сафар); прогулка شدرگ (гардеш); движение تكفر (харэкат) и др.

Вышеуказанные слова употребляются в сочетании с предлогом «**в**», например:

Сделав выстрел **в** роу, он даже.... (Достоевский)
يـتـحـ، درك كيشل شيب تـمـس هـب مكنأ زا سـپ وا
(يـكـسـفـيـاـتـسـاـد) (у пас аз анкэ бэ самтэ бишэ шэллик кард, хатта,...)

Здесь предлогу «**в**» соответствуют персидские предлоги «**تمس هب**» (бэ самтэ), «**فرط هب**» (бэ тарафэ).

Иногда передлог «**в**» переводится на персидский язык через изафетное словосочетание: **выстрел в воздух** يـيـاـوه كيشل (шелликэ хавай)

4) В сочетаниях с именами существительными, производные от глаголов с приставкой «**в-**», в т.ч. **внесение** от глагола **внести**; **въезд** от глагола **въездить**, **вход** от глагола **входить**, и др.

В некоторых случаях перевод на персидский язык делается через изафетное словосочетание:

Он приказал своему вознице остановиться у въезда **в** парк. (Тынянов)

فـقـوت كـراپ يـدـور و كـيـدـزن كـ داد روتـسـد دـوخ يـچ كـشـرد مـب و اـديـان

(у бэ дорошкэчье ход дастур дад кэ наздикэ врудие парк тавагһоф намайад).

В некоторых случаях как в последнем примере при переводе на персидский язык соответствующий предлог отсутствует.

(дждэе Новосибирск) **дорога в Новосибирск** كـسـريـبـيـسـاـوون دـاـج

5) При указании на предмет, в который кто-либо или что-либо облачается, заключается, чаще с названием одежды, бумаги.

напрягать **в** кибитку يوت (لخاد) ندرک نامنپ مميخ (туйэ (дахэлэ) хэймэ пэнһан кардан)

Здесь предлогу «**в**» соответствуют персидские предлоги «**يوت**» (туйэ), «**لخاد**» (дахэлэ).

6) При указании на предмет, место, и т.п., на поверхность которого направлено действие (при глаголах и существительных, обозначающих соприкосновение, столкновение и т.п.): **бить в грудь** نـدـز مـنـيـس مـب (бэ синэ задан), **поцелуй в щеки** رـب مـسـوب (дб) (бусэ бар (бэ) гу-нэһа)

Здесь предлогу «**в**» соответствуют персидские предлоги «**رب**» (бар), «**دب**» (бэ)

Предлог «**в**» во временном значении:

1) При обозначении срока действия в сочетаниях с глаголами,

(Ты у меня **в** неделю поправишься. (Чехов)

(то пишэ ман зарфэ йэк йэк һафтэ бэһбуд хаһи йафт)
تـفـاي يـهـاـوـخ دـوبـم مـتـفـه كـي فـرـظ نـم شـيـپ و تـ

Они собирались **в** одну минуту (анһа фуран джам шоданд) دنـدش عـمـج اـنـا اـرـوف

Здесь предлогу «**в**» соответствуют вторичные персидские предлоги «**فرظ**» (зарфэ), «**تدم رد**» (дар модатэ), «**رد**» (дар тэйэ)

Иногда для предлога «**в**» отсутствует персидский коррелят и словосочетание переводится без предлога как единое слово, например:

Он по когтям узнал меня **в** одну минуту,... (Пушкин)

(у ман ра фуран аз руйэ нахонһайам шэнахт...) ار نم وا
تـخـانـش مـيـانـخـان يـور زا اـرـوف

2) Для обозначения временных границ процесса в именных сочетаниях при процессуальных именах.

Трижды в день с интервалами **в** два часа доят в Новоалександровске кобылиц. («Правда», июнь 1983).

اـتـسـفـورـدنـاسـكـلـاـوون رد تـعـاس ود دـلـصـاف هـب زور رد راب مس
دنـشـودـيـم ار نـايـدام يـامـبـسا

(сэ бар дар руз бэ фасэлэе до саат дар Новоалександровска асбһае мадһан ра мидушанд)

3) Для указания периодичности при количественно-именных сочетаниях со значением единиц измерения — для указания периодичности.

Занятия кино клубов проводятся один раз **в** месяц. («Веч. Москва», авг. 1983)

. نوش يم رازگرب هام رد راب كي يـيـاـمـنـيـس يـاـه بـولـك يـاـه سـالـك
(кэлашайэ клупһае синемаи ек бар дар маһ баргозар мишаванд)

Предлогу «**в**» здесь соответствует персидский предлог «**رد**» или просто словосочетание без предлога, например: **раз в месяц** راب كي يـهـام (маһи ек бар)

4) При указании на приурочивание сообщения ко времени через:

а) Обозначение временного отрезка

в последнюю минуту («Правда», июль 1984) رد
مقيـقـد نـيـرخـا (дар ахарин даghighэ)

б) Обозначение природного или общественного явления.

в любую погоду ره يـيـاـوه ره (дар һар хавай)

و امـرگ رد مه و жару, и **в** холод (Правда июль 1983)

امـرس رد مه (һам дар гарма ва һам дар сарма)

в) Обозначение возраста лица

в те далекие годы (Перегулов) رد رود يـاـمـلـاس نـا (дар ан салһайэ дур)

г) В качестве распространителя различных моделей предложения, глагольных и именных. **в** дни сомнения رد
كـشـيـاـمـزور (дар рузһайэ шак)

д) В качестве распространителя предложения, соотносящий содержание предложения с возрастным периодом названного лица.

И вот **в** свои семнадцать лет я стал в солдатский строй. (Н.Старшинов)

مـتـفـر يـزـاـبـرس مـب يـگـلـاس مـدـفـه رد نم و (ва ман дар һэфда салэги бэ сарбази рафтам)

ё) С именами 'момент', 'мгновение', 'период', 'пора', 'миг', 'сезон', 'эпоха' указывает неопределенное время

в послевоенный период گنج زاسپ مروود رد (дар дурэйэ пас аз джанг)

В большинстве предыдущих словосочетаний, включающих предлог «в» с В.П., предлогу «в» соответствует персидский предлог «رد».

Предлог «в» в целевом значении:

1) При обозначении цели действия

Употребляется с переходными глаголами движения: принести (ندروا), отнести (ندرب), отдать (نداد), их синонимы и др. (Пешковский, 1986, с. 36)

отдать, отнести, принести в ремонт ياربم دادرى عت (барае тамир дадан)

отдать, отнести, принести в прачечную
ب (бэ) лэбасшун бордан и др.

2) При указании, ради чего совершается действие, и соответствует по значению предлогам ради, для и предложным сочетаниям «в качестве», «в виде».

...Я так много пережил..., что, кажется, мог бы написать в написание потомству целый трактат. (Чехов)

يم مرطن مام...ام مدرك لمحت يداي يامزي يگدنز رد...
مسيونب يلماك لاسر فالخا م نداد تربع سرد يارب متسن اوت

(Дар эндеги чизнай-э зяди тахаммол кардэам... амма бэ назарам митаванэстам **барайэ** дарсэ эбрат дадан бэ ахлаф рэсалэйэ камэли бэнвисам.)

Предлогу «в» в целевом значении могут соответствовать персидские предлоги

يارب (барае), ب (бэ), روظنم (бэ манзурэ), ناونع (бэ онванэ)

Предлог «в» в количественном значении:

1) При указании на количественную характеристику предмета или действия, вес, признак и т.п.:

а) Предикативная характеристика предмета в квантитативных моделях (иногда в сопровождении синтаксемы т.п. с параметрическим значением величиной, высотой и др.)

Комната была в два окошка. (А.Н. Толстой) قاطا
وتشاد كچوك مرجنپ ود (отаг до панджарэй-э кучак дашт)

Это, впрочем, не дом, а домик. Он мал, в один маленький этаж и в три окна. (Чехов)

نآ. تسا يكچوك مناخ كلب، تسين مناخ نيا، دوجو نيا اب
دراد مرجنپ مس و كچوك مقبط كي، تسا كچوك

(ба ин вджуд ин ханэ нист, балкэ ханэйэ кучаки аст. Ан кучак аст, йэк табaghэйэ кучак ва сэ панджарэ дарад)

При переводе вышеуказанных предложений предлогу «в» может соответствовать такой коррелят, как «اب» (ба).

نآ. تسا يكچوك مناخ كلب، تسين مناخ نيا، دوجو نيا اب
مرجنپ مس و كچوك مقبط كي اب، تسا كچوك

(ба ин вджуд ин ханэ нист, балкэ ханэйэ кучаки аст. Ан кучак аст, **ба** йэк табaghэйэ кучак ва сэ панджарэ)

б) При указании на кратность соотношений (чисел, величин):

Кто любит Вас, тот очень глуп, конечно; но кто не любит вас, тот во сто раз глупей. (Пушкин) يسك

تسود ار امش لك يسك اما، تسا قمح يلخي، دراد تسود ار امش لك
رت قمح ربارب دص درادن

(каси кэ шома ра дуст дарад, хэйли ahmagh аст, амма каси кэ шома ра дуст надарад сад барабар ahmaghtar.)

Как видно, при переводе данных конструкций на персидский, для предлога «в» отсутствует соответствующий коррелят и конструкция обозначает кратность соотношений (величин, чисел) **во сто раз** دص ربارب (сад барабар), **в двадцать раз** ربارب تسيب (бист барабар)

в) В качестве распространителя глаголов со значением уменьшения, увеличения:

Производительность труда возросла в десять раз по сравнению с фрезерованием.

بتغاي شيازفا ربارب مد يرالفزرف ب تبسن راك نامدنار
(рандэманэ кар нэсбат бэ фэрэзкарри даh барабар афзайэш яфт)

Предлог «в» в определительном значении :

Употребляется при обозначении внешнего признака, свойства, качества, присущего чему-л.:

Мальчишка вытащил из кармана листок бумаги в клетку.

شبيج زار يجنرطش ذغاك، هچب رسپ (Паустовский)
دروآرد

(пэсар бачэ, йэк барг kaghazэ шатранджи ра аз джибаш даравард.)

В этих случаях конструкция В+В.П. передается на персидский язык через определительное словосочетание, ср:

бумага в клетку يجنرطش ذغاك (kaghazэ шатранджи)

Предлог «в» в объектном значении:

1) Объектное значение, соответствующее грамматическому объектному падежу, выражается предложно-падежными формами при словах объектной семантики и сильного управления:

вглядеться в лицо ب تروص مشچ (бэ сурат чашм духтан), стрелять в медведя ب سرخ يزدن اريت
ندرک (бэ хэрс тирандази кардан)

Предлогу «в» в этом значении часто соответствует персидский предлог «ب» (бэ), а иногда, как в последнем примере, для предлога «в» отсутствует персидский коррелят и перевод делается через изафетное словосочетание.

Предлог «в» в значении орудия или средств действия:

Предлог «в» в этом значении употребляется в следующих случаях:

1) При указании на предмет, служащий орудием или средством осуществления действия в глагольных сочетаниях:

И русский 'Н', как 'N' французский произносить умела в нос. (Пушкин)

ندن نام مه ار ديامن ظفلت ينيب اب تسن اوتيم يوسنارف
يسور فرح

(нарфэ русий-э н ра нам манандэ n фарансави митава-нэст **ба** бини талафоз намайад)

Здесь при передаче на персидский предлогу «в» соответствуют предлоги «اب» (ба), «*قيرط زا*» (аз таригһэ), «*دل يسو دب*» (бэ василэйэ), «*لخاد زا*» (аз дахэлэ).

2) При отглагольных именах для обозначения предмета, через который, сквозь который совершается (или направляется) действие, движение.

Раздалось двенадцать мерных и звонких ударов в колокол. (Горький)

دش یم متخاون سوقان اب مکترادگنز نوزوم مبرض مدزاد يادص
دش زادن نينط

(сэдайэ даваздаһ зарбэ музун зангдар кэ ба naḡhуs на-вахтэ мишод, танин андаз шод)

рассматривать в лупу ندرک هاگن نيې مرد اب لپو (ба заррэбин нэгаһ кардан)

В предыдущих словосочетаниях персидский предлог аб (ба) можно заменить предложениями «*لخاد زا*» (аз дахэлэ), «*زا*» (аз бэйнэ), «*قيرط زا*» (аз таригһэ) и все эти предлоги обозначают предмет, сквозь который совершается действие и как заметно в некоторых случаях при переводе опускается соответствующий коррелят русскому предлогу «в», например:

бить в барабан ندز لبطبان (табл задан), *бить в бубен* ندز ف (даф задан).

Предлог «в» в значении уподобления:

1) При указании на сходство с кем-л. (от органического круга имен, называющих старших родственников):

Словосочетание, включающее в себя предлог «в» сочетается с вспомогательными глаголами *пойти, выйти* и выражает отношение тождества и генетического подобия с лицом.

Алексей был в батюшку. (Пушкин) . ديبش يسكلأ
Алэкси шабиһ бэ педар буд. (

Предлогу «в» в этом значении часто соответствует персидский предлог «*دب*» (бэ).

Предлог «в» в значении превращения:

1) При обозначении предмета, состояния и т.п., в которые что-л. переходит, превращается в результате какого-л. действия (с глаголами «превратиться», «обратиться» и др.)

Превратить (ся), обратить (ся) دش ليدبت (ся табдил шодан бэ)

Очень жестоко изуродовала сорную глинистую землю, превратив ее в рыжую слому, цепко хватающую за ноги. (Горький)

دب ار امنأ و درک بارخ ار يلگ زره يامن یمز نامحر يې زي ياپ
ديبس چ یم اداپ دب هک درک ليدبت يکانبس چ مریش

(паиз бираһманэ заминһай-э заминһай-э һарзэ гэли ра хараб кард ва анһа ра ширэй-э часбнакил кард кэ бэ паһа мичасбид)

Здесь предлогу «в» соответствует персидский предлог «*دب*» (бэ).

В качестве результата самопревращения, автокаузации предмета или явления:

Гусеничка превращается в личинку, а личинка в

мотылёк. (слов. Даля)

من اورپ دب من یمرک و دوش یم ليدبت من یمرک دب مرک . (кэрм бэ кэрминэ табдил мишавад ва кэрминэ бэ парванэ)

Здесь предлогу «в» соответствует персидский предлог «*دب*» (бэ).

Предлог «в» в значении соединения:

1) При указании на результат каузации соединения частей в целое при глаголах преимущественно с приставкой с-:

в великую семью соединяться دباوناخ دب يگرزب
ханэвадэйэ бозорги пэйвастан)

Предлогу «в» в этом значении соответствует персидский предлог «*دب*» (бэ).

Предлог «в» в значении разделения:

1) При указании на результат каузации разделения предмета на части или уничтожение при глаголах преимущественно с приставками *раз-* и *из-*:

рассыпаться в пыль درگ تارذ دب ندرک
зарратэ гард ва ghобар паракандэ шодан)

Иногда при переводе на персидский язык для предлога «в» отсутствует персидский коррелят и перевод делается без предлога, например:

Старуха сбегала на чердак, нашла какую-то книжку и разодрала ее в клочья. (Горький)

و درک ادیپ یباتک ، تفرین اوریش دب باتش نزرپ
درک مرابمکت ارنا

(пирэзан ба шэтаб бэ ширвани рафт, кэтаби пэйда кард ва анра тэккэпарэ кард)

Предлогу «в» в этом значении может соответствовать персидский предлог «*دب*» (бэ), но иногда, как выше указано, для предлога «в» отсутствует соответствующий коррелят и перевод делается через изафетное словосочетание.

Предлог «в» в значении эмоционального состояния:

1) При указании на какое-либо внутреннее состояние *прийти в восторг* ندما دجوب (бэ ваджд амадан)

впасть в сомнение نداتفا کش دب (бэ шак офтадан)

Предлогу «в» при передаче на персидский в составе словосочетания отсутствует соответствующий коррелят. При переводе таких устойчивых словосочетаний на персидский, главную роль играют имена существительные, поэтому персидский коррелят может отсутствовать.

Заключение

Предлоги синонимичны при указании местонахождения, средств передвижения, направления движения, сферы деятельности. В одних случаях они совпадают в своём значении, в других — различаются оттенками значения, частотой употребления, профессиональным или устарелым характером одного из сочетаний, сочетаемостью с определёнными словами. Рекомендуется при усвоении материала по данной теме стремиться к использованию самых разнообразных примеров употребления

изученного нами предлога в разных контекстах. На занятиях по данному предмету следует использовать наиболее эффективные примеры из разных текстов для освещения вопроса. Исходя из разнообразности стилей речи, существующих в русском и персидском языках, трудно и даже иногда невозможно выразить окончательное и конкретное значение данных предлогов в русском и их эквивалентны

в персидском языке. Для предупреждения ошибок необходимо при представлении соответствующих предлогов (еще до изучения семантически близких слов) дать будущим переводчикам (студентам) разъяснение на все лексико-семантические варианты данного предлога вместе с соответствующим контекстом, перевод на персидский и дословный перевод и предупредить возможные ошибки.

Литература:

1. Виноградов В.В. Русский язык. грамматическое учение о слове. М., Высшая школа, 1972.
2. Золотова Г.А. Синтаксический словарь. М., Наука, 1988.
3. Карпов А.К. Современный русский язык. М., Владос, 2002.
4. Лингвистический энциклопедический словарь. Под редакцией В.Н. Ярцевой. М., Советская энциклопедия, 1990.
5. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. — М.: Учпедгиз, 1986
6. Реформатский А.А. Введение в языковедение. М., Аспект Пресс, 2001.
7. Розенталь Д.Э. Современный русский язык. М., Айрис-Пресс, 1991.
8. Рубинчик Ю.А. Грамматика современного персидского литературного языка. М., Восточная литература, 2001.
9. Современный русский язык. Под редакцией И.А. Белошапковой. М., Азбуковник, 2003.
10. Словарь русского языка в 4 томах. Под редакцией А.П. Евгеньева. М., Русский язык, 1981.
11. Тихонов А.Н. Современный русский язык. М., Цитадель-трейд, 2005.
12. Овчинникова, Фругиян, Бади. Персидско-русский словарь. Тегеран, издательство Гутенберг, 1376 (хиджри)
13. Ахмади Гиви Хасан, Анвари Хасан. Дастан забан фарси. Тегеран, издательство Фатеми, 1363 (хиджри)
14. Хатиб Рахбар Халил. Дастан забан фарси. Тегеран, издательство Махтаб, 1381 (хиджри)
15. Электронный источник:
16. http://egf.tsure.ru/egf_files/11_486.doc

Сопоставительный анализ временных отношений в сложноподчиненных предложениях с отношением разновременности в русском и персидском языках

Набати Ш., магистрант; Маджид Э., магистрант
Университет Тарбият Модаррес

Моазами М., преподаватель; Агаева М., преподаватель
Мешхедский государственный университет имени Фирдоси (Иран)

Временные предложения с отношением разновременности обычно передают информацию об очередности ситуаций; это значение, в зависимости от семантики того или иного союза, может осложняться добавочными семантическими компонентами. Конкретизация признака очередности состоит в указании на порядок следования тех ситуаций, о которых говорится в главной и придаточной частях. В одних случаях очередность конкретизирована как предшествование, в других — как (следование за). Дифференцирующая способность союза обусловлена его семантикой. Временные специализированные союзы могут быть носителями таких частных значений, как ограничительность, прерванность, опережение, преждевременность, внезапность, либо указание на отсутствие интервала между ситуациями или на минимальность этого интервала¹.

В конструкциях с отношением разновременности сам союз выполняет функцию квалификатора: он однозначно определяет, какова временная последовательность ситуаций, соотносящихся в рамках сложного предложения.

Ключевые слова: сложноподчиненные предложения, отношение разновременности, значение предшествования, значение следования.

Введение

В персидском языке состояние изученности синтаксических явлений по ряду причин кажется еще сложнее: во-

первых, сущность персидского языка (а он принадлежит к числу флективно-аналитических языков) не допускает его всестороннего синтаксического рассматривания; во-

¹ Академия наук СССР. Академическая русская грамматика. — М. 1982. — с. 2969.

вторых, в персидском языке в противоположность русскому языку до сих пор нет ни одного полного справочника по грамматике, в котором заодно разбирали бы все грамматические вопросы и на который могли бы ссылаться студенты-филологи, изучающие персидский язык. Освоение синтаксических вопросов для инофонов намного труднее морфологических. В связи с этим одной из серьезных проблем инофонов при изучении иностранного (и конкретно русского) языка является выражение времени в сложных предложениях. Здесь речь идет о выборе студентом самого подходящего для данного контекста подчинительного союза, наилучшим образом передаваемого временное значение сложного предложения исходного языка.

При этом, проблемы, связанные с недостаточным овладением временными конструкциями и способами их выражения, особенно могут происходить при переводе сложноподчиненных предложений с персидского языка (как родного языка) на русский (как изучаемый иностранный язык). А когда перевод осуществляется с русского языка на персидский, сравнительно меньше трудностей наблюдается, хотя здесь тоже надо учитывать ряд тонких оттенков в значении союзов, чтобы не перепутывать их с другими союзами.

Основная часть

Сложноподчиненное предложение состоит из двух неравнозначных предикативных частей; это его элементарная структура: господствующая часть — «главное предложение», подчиненная (зависимая) часть — «придаточное предложение». Связь частей и выражение отношений между ними осуществляются с помощью формальных показателей — подчинительных союзов и союзных слов. Они принадлежат форме зависимой части, которая в русской грамматике обозначается термином «придаточная»: *Когда мы вышли с вокзала, синеватый свет уже брезжил над Феодосией* (Пауст.); *Мальчик осторожно прошёл между камнями, где мелькали змеи* (А. С.). Одновременно союз или союзное слово является важнейшим структурным компонентом сложноподчиненного предложения, показателем его грамматической формы¹. Характеристика сложноподчиненного предложения затрагивает и его содержательную сторону, и формальную. Обе они важны и обе учитываются в классификации. В русской синтаксической науке и в школьной практике разрабатывались и применялись различные принципы классификации сложноподчиненных предложений. В них или отдавалось предпочтение одной из сторон — содержательной, формальной, или по возможности учитывались обе.

Предложения со значением предшествования, следо-

вания и предложения фразеологической структуры выражают временные отношения с отношением разновременности.

1. Предложения со значением предшествования

Предложения со значением предшествования содержат информацию о том, что ситуация, представленная в главной части, предшествует ситуации, представленной в придаточной части. Специальным средством оформления этого отношения служат союзы *до того как*, *перед тем как*, *прежде чем* (*раньше чем*, устар. *прежде нежели*), *пока не* (*до тех пор пока не*, прост. *покуда не*, *покамест не*), *как вдруг*.

Конструкции, построенные при участии отрицания (общего или частного), представляют очередность ситуаций в обратном виде:

Никуда я не пойду, прежде чем не доложу (Симон.)².

Союзы *до того как*, *перед тем как*, *прежде чем*

Предложения с союзами *до того* (,) *как*, *перед тем* (,) *как*, *прежде чем* (*раньше чем*) объединены формальным признаком, отличающим их от предложений с союзом *пока не*: при обозначении ситуаций ожидаемых, предстоящих позицию придаточного в них может занимать инфинитивная конструкция:

По слухам, до того как сделаться корреспондентом промышленной американской печати, гость был крупным инженером (Леон.);

Прежде чем выступить в большой и незнакомой аудитории, мне надо было поговорить с самим собой (А. Крон)³.

Значение предшествования в наиболее общем виде передается союзом *до того как*:

Она входила, здоровалась, но до того как посадить класс, имела привычку внимательным образом осматривать почти каждого из нас (В. Распутин).

Союз *до того как* может употребляться в тех случаях, когда между событиями главной и придаточной части допускается возможность временного интервала.

Непосредственное предшествование одного события другому, их временная сближенность, соприкосновение во времени выражаются союзом *перед тем как*:

Перед тем как изложить на бумаге свои воспоминания, Репин рассказывал их своим гостям (К. Чуковский).

На контактность двух событий указывают лексические конкретизаторы типа *непосредственно*, *как раз*, *в последний момент*, *в самую последнюю минуту* и т.п.:

Шаляпин совершенно спокойно вышел, на сцену и занял свое место за столом непосредственно перед тем, как взвился занавес (Н. Черкасов)⁴.

¹ Лекант П. А. Современный русский язык. — М. 2001. — с. 504.

² Академия наук СССР. Академическая русская грамматика. — М. 1982. — с. 2970.

³ Академия наук СССР. Академическая русская грамматика. — М. 1982. — с. 2971.

⁴ Практическая грамматика русского языка. под редакцией Н. А. Метс. — М. 1985. — с. 239.

Информация об отсутствии временного интервала, т.е. о непосредственном соприкосновении ситуаций, может быть передана и в предложениях с союзом *до того как* при помощи лексического конкретизатора **вплоть**:

*Федор Иванович был крепкий мужик, бессменный председатель нашего маленького колхозника **вплоть до того**, как он влился в укрупненное хозяйство большого колхоза (В. Пришвина).*

В отличие от предложений с союзами *до того как*, *перед тем как* в предложениях с союзом *прежде чем* предшествование не конкретизируется указанием на интервал:

Ему необходимо, прежде чем класть руки на локотники, рассмотреть и понять, куда он их кладет, на что опирается (Станисл.);

В тех предложениях, в которых отношение предшествования не осложнено добавочным значением, союз *прежде чем* (раньше чем) синонимичен союзам *до того как*, *перед тем как*:

И еще раньше чем Сережа мог рассмотреть, что это такое, он понял по наполнившему степь стрекоту, что это движется отряд мотоциклистов (Фад.)¹.

В персидском языке в сложноподчиненных предложениях, в которых действие главного предшествует во временном плане действию придаточного времени, употребляются сложные союзы (هکن یا ز شیب *pish az an-ke (in-ke)*), (هکن یا لبق *qabl az an-ke (in-ke)*) 'прежде чем':

هکن یا ز لبق ارم ره درگب لد هب اره هکن یا ز لبق
دوب دهکشچن

Gabl az an-ke mehr-e ma-ra be del begirad, aslan maze-ye esq-o mehrebani-ra naceside bud

(**Прежде чем** испытать мою любовь, он вообще не знал, что такое любовь (Аляви. Ее глаза));

تسد وا هب هک کبارطضا رب دن او تب ون اب ره هکن یا ز شیب
...مفتگ و مدرک کتسدشپ نم دنک هبلغ دوب داد
Pish az an-ke Mehrbanu betavanad bar ezterab-i-ke be u dast dade bud, qalabe konad, man pisdasti kardam va goftam...

(**Прежде чем** Мехрбану смогла перебороть в себе волнение, которое ее охватило, я, опередив ее, сказала... (Аляви. Ее глаза))².

В некоторых случаях персидское предложение, в противоположность русскому, является простым (где временной союз принимает форму предлога):

درک رکف دکاب نذر فرح ز لبق

Qabl az harf zadan bayad fekr kard

(**Прежде чем** говорить, надо думать.)

В сложноподчиненных предложениях с союзами *прежде чем*, *до того как*, *перед тем как* обычно глаголы-сказуемые придаточного предложения употребляются в форме настояще-будущего времени (аориста):

هکن یا ز شیب دکاب اجن یا هب وا هکن یا ز شیب
درک کم راک هقطنم نیا گرزب

Pish az in-ke u be inja biayad dar yeki az karkhane-haye bozorg-e in mantaghe kar mikard

(**Прежде чем** (до того как, перед тем как) **приехать** сюда, он работал на одном из больших заводов этого района.)

Союз пока не

Значение предшествования может выражать союз *пока не*, специфика которого состоит в том, что он подчеркивает конечную границу действия, содержащегося в главной части:

Илюшин ходил по перрону, пока не пришел поезд (Ю. Яковлев).

Событие, обозначенное в главной части, длится до того момента, когда возникает событие, выраженное в придаточной части:

Четыре дня шел он к юго-востоку, пока, наконец, не вышел на открытое место (Ю. Казаков) — действие, вышел прерывает длящееся действие шел: оба высказывания соприкасаются во времени, но то, которое содержится в главной части, происходит раньше.

Поскольку событие, названное в главной части, обладает признаком длительности, процессности, глагол-сказуемое обычно имеет форму НСВ, а в придаточной части, наоборот, — форму СВ. Признак протяженности, длительности может подчеркиваться лексическими конкретизаторами союза *до тех пор пока не*:

И опять они целые сутки ждали, пока не стали за ними съезжаться из окрестных деревень санные подводы (Г. Семенов);

В главной части возможно употребление глаголов СВ, но только тех, которые содержат в своей семантике значение длительности, хотя и ограниченной; это обычно глаголы типа *постоять*, *поговорить*, *попрыгать*, *погулять*, *помолчать* и т.п.:

Мы помолчали, пока их силуэты не поглотились темнотой (А. Куприн);

Коврин постоял минут двадцать, пока не начала тускнеть вечерняя заря (А. Чехов).

Значение повторяемости в предложениях с союзом *пока не* создается при помощи форм НСВ в обеих частях предложения:

Шевченко выходил с вечера к стенам укрепления бродил всю ночь вокруг этих стен, пока не появлялась на чистом небе утренняя Венера (К. Паустовский).

Частица *не* может отделяться от союза и стоять непосредственно перед глагольным сказуемым, она входит в состав союза и не имеет отрицательного значения:

Онегин едет на бульвар И там гуляет на про-

¹ Академия наук СССР. Академическая русская грамматика. — М. 1982. — с. 2974.

² Рубинчик Ю. А. Грамматика современного персидского литературного языка. — М. 2001. — с. 538.

³ Метс Н. А. Практическая грамматика русского языка. — М. 1985. — с. 240, 241.

² Академия наук СССР. Академическая русская грамматика. — М. 1982. — с. 2977.

момента сталкивается с трудностями' (Хеджази. Слеза)).

В последнем примере отношения одновременности поддерживаются также постановкой глаголов-сказуемых в разных временных формах.

В тех случаях, когда высказывание относится к будущему и в нем имеется оттенок предположительности, глагол-сказуемое придаточного предложения ставится в форме одного из времен сослагательного наклонения (чаще всего аориста), а глагол-сказуемое главного предложения — в настояще-будущем или будущем категорическом времени. Такие сложноподчиненные предложения по своему значению и употребляемым в них глагольным формам приближаются к сложным предложениям с условными придаточными. Поэтому вместо аориста в придаточных времени, как и в соответствующих условных придаточных, часто употребляют простое прошедшее время:

ما مت مل ی صحت ی ت ق و ه دش ن درک راک ه ب ر و ب ج م ه کار مردام ت م ح ز
درک م ها و خ ن ا ر ب ج دش

Zahmat-e madar-am-ra-ke majbur be kar kardan shode, vaqt-i tahsil-am tamam shod jobran xaham kard

(**Когда** я закончу учение, я полностью возмещу все труды моей матери, которая была вынуждена работать из-за меня (Хеджази. Слеза))¹.

م و ر ک م ز ا ر ک ش ه ب د ا د ا ر م ت ا ن ا ح ت م ا ی ت ق و

Vaghti emtehanatam ra dadam be Shiraz miravam

(**Когда** я сдам все экзамены, я поеду в Шираз).

Союз *после того как*

Значение следования в наиболее общем виде выражается при помощи союза *после того как*:

Разойтись по домам после того, как отряд остановился в центре города и стал размещаться по квартирам (Н. Островский).

В предложениях с этим союзом может указываться на наличие временного интервала между двумя событиями при помощи лексических конкретизаторов: **Через четверть часа** *после того, как она покинула меня, ко мне в окно постучали* (М. Булгаков).

В предложениях с союзом *после того как* наблюдается временная одноплановость обеих частей, в них всегда употребляются одинаковые видо-временные формы глаголов-сказуемых, чаще всего прошедшего времени. Исключение составляют те предложения, в которых на временные отношения накладываются оттенки условного или причинного значения:

*После того как **ввели** новую автоматическую линию, **увеличится** производительность труда.*

В персидском языке наиболее отчетливо следование действия главного предложения за действием придаточного проявляется при наличии сложных союзов *هکن آ ز ا سب* (هکن آ ز ا سب) *pas az an-ke (in-ke)*, *هکن آ ز ا دعب* (هکن آ ز ا دعب) *ba'd az an-ke (in-ke)* 'после того, как'. Придаточные времени

с этими союзами обычно располагаются перед главными предложениями:

ت ف گ م ی د و ب ت ک ا س ی ا ه ط ل ه ک ن آ ز ا س ب

Pas az an-ke lahze-I saket budim goft...

(**После того как** некоторое время мы оставались в молчании, она сказала... (Хеджази. Слеза));

Доктор Хатиб Рахбар в книге «Кетаб-е-хоруфе эзафэ ва рабт» приводит следующие варианты союза *после того как*:

ه ک ن آ ز ا دعب : (*после того как*)

درک ت س ب د گ ل ب ش ر س ی ک ن آ ز ا دعب ، د ا ت س ی ا ب ش ن درگ ر ب

Bar gardanash beistad baad az an ke sarash be-lagad past kard

(**После того как** ударом ногой он опустил его голову, он стоял на его шее.)

ه ک ل ع س ی ر د ا ه ک ن آ ز ا دعب ... ت س ا خ ی و ز ا م و ج ن م ل ع ف ی ل ا ت
د ر و آ ت س د ب م ا ل س ل ا

Taalife elme nojum az vey khast baad az an-ke Edris alayhe-salam bedast avard

(Об астрономии он начал писать ... **после того как** Эдрис (мир ему) освоил ее.)

ه ک ا م دعب : (*после того как*)

د ن ت ف ر گ ر ه ق ب ت ب ق ا ع ، د ن درک ا ه ش ش و ک ی ز و ر د ن چ ه ک ا م دعب

Baade ma ke chand ruzi kusheshha kardand aqebat be-qahr gereftand

(**После того как** несколько дней они предприняли попытки, наконец их охватила ярость.)

Союз *с тех пор как*

Значение следования одного события за другим может выражаться также союзом *с тех пор как*, и в этом случае он выступает как синоним союза *после того как*; ср.:

Прошло всего полчаса с тех пор, как его подняли сонного с постели (Г. Семенов) = *Прошло всего полчаса после того, как его подняли сонного с постели.*

Однако эти союзы не всегда синонимичны, союз *с тех пор как* обладает специфическим оттенком значения. Событие, о котором сообщается в главной части, в своем начале соприкасается с событием, обозначенным в придаточной части, действие придаточной части отнесено в прошлое, оно как бы «тянется» оттуда, а его конечная граница совпадает с моментом речи, таким образом, оба события соприкасаются, происходит их «наложение»:

С тех пор как мы знаем друг друга, ты ничего мне не дал кроме страданий (М. Лермонтов).

Наиболее характерными для предложений с союзом *с тех пор как* являются сочетания глагольных форм прошедшего времени в придаточной части с формами настоящего или прошедшего в главной, возможно сочетание формы настоящего в придаточной с формами прошедшего в главной. Не исключаются формы будущего времени в придаточной части, что вполне допустимо для предло-

¹ Рубинчик Ю. А. Грамматика современного персидского литературного языка. — М. 2001. — с. 537.

² Халил Хатиб Рахбар. Кетаб-е-хоруфе эзафэ ва рабт. — Т. 1367. — с. 441, 442.

жений с союзом *после того как*; ср.:

Вот эти-то места, или, как он выразился, фрагменты, после того как я над ними еще поработаю, наверно, можно будет включить в сборник (К. Симонов).

Значение повторяемости событий может быть выражено в предложениях с союзом *с тех пор как* только в главной части:

С тех пор как он уехал на Дальний Восток, на имя его матери стали поступать довольно часто письма и посылки;

ср.: *После того как он уезжал на Дальний Восток, на имя его матери часто поступали письма или посылки*¹.

В персидском языке союз *с тех пор как* имеет несколько вариантов: *هک ینامز را*, *هک یتقو را* (которые по стилистике являются нейтральными), *هک یم اگنه را* (который употребляется в книжном стиле речи), и *هک یم عقوم ز*. Здесь тоже самыми распространенными среди предложений с союзом *с тех пор как* являются те, глаголы-сказуемые придаточной части которых употреблены в форме прошедшего времени, а в главной части — в форме прошедшего или настоящего времени:

هک یم عقوم ز
هک یم عقوم ز / هک یم عقوم ز / هک یم عقوم ز
هک یم عقوم ز / هک یم عقوم ز / هک یم عقوم ز

Az vaghti ke pesareman be-donya amade ruhiie hamsaram az in ru be an ru shode ast

(*С тех пор как* наш сын родился, у моей жены появилось совсем другое настроение).

هک یم دن خیل تاردن بکچوک ره اوخ, *دش و حرم مردب هک ینامز را*
دن ز

Az zamani ke pedaram marhum shod khahare kuchekam be-nodrat labkhand mizanaad

(*С тех пор как* мой отец скончался, моя младшая сестра редко улыбается).

Союз *как только* и его синонимы

Отношения следования с оттенком быстроты и непосредственности чередования событий передаются предложениями с союзом *как только* и его синонимами, при этом акцентируется минимальность интервала между двумя событиями, т.е. отсутствие разобщенности во времени:

Как только мы уселись в шалаше, все замерло, будто по команде (Ю. Нагибин).

При помощи частиц *только*, *лишь* и наречий *едва*, *чуть* образуются составные специализированные союзы: лишь только, только лишь, чуть только, едва только, едва лишь только. В качестве аналогов выступают союзные частицы только, лишь, едва, чуть:

Лишь только мы вступили в этот очаровательный сад... усталость была забыта (А. Керн);

Едва только раздалась первые выстрелы — ожила безлюдная степь (Л. Толстой);

Я всегда начинал любить свою маму, чуть только мы с ней разлучались (Ф. Достоевский);

Но едва я оставался один, сразу наваливалась тоска по дому, по деревне (В. Распутин).

Значение непосредственного следования может подчеркиваться лексическими конкретизаторами *сразу же*, *тотчас*, *мгновенно*, *сейчас же*, *уже*: *Как только я сделал несколько шагов от крыльца, сразу же был окликнут высунувшимся в окно отцом* (Ю. Олеша);

Едва я спустил его (пса) с поводка, как он уже исчез в темной норе (В. Бианки).

В предложениях непосредственного следования наиболее частотными являются сочетания однотипных видо-временных форм глаголов-сказуемых — прошедшего времени СВ. При наличии форм НСВ в обеих частях предложение выражает повторяемость, но значение быстроты сменяемости событий благодаря семантике союза сохраняется; ср.:

Едва я вступил на опушку леса, как сразу наткнулся на кабанов (В. Арсеньев);

Как только наставало утро, пение птиц раздавалось по всему лесу.

Возможны разновидности комбинации глагольных форм, но при этом предполагается завершенность предшествующего события, поэтому в придаточной части не может быть форм НСВ при наличии форм СВ в главной:

Он только проснется у себя дома, как у постели его уже стоит Захарка (И. Гончаров);

Как только собака забежит во двор, кошка бросается на нее и яростно царапается (В. Бианки)².

В персидском языке сложноподчиненные предложения с союзами *هک ینامز* *hamin-ke*, *هک ینامز* *be mahz-e an-ke (in-ke)*, *هک ینامز* *be mojarrad-e an-ke (in-ke)* 'как только', 'едва только', 'лишь только' всегда имеют главные предложения, действия которых следуют за действиями придаточных времени.

При этом названные союзы указывают на быстрое наступление действия главного предложения вслед за действием придаточного. Как правило, придаточные, вводимые этими союзами, находятся в начале сложноподчиненного предложения:

تساوخ یم و درک هت شغ آ گنر هک ار شیوم ملق داتسا هک ینامز
داتسا رکز و تروص هک شاه گنر، دشکب هدرپ کور

Hamin-ke ostad qalammu-yas-ra be rang aqeste kard va mixast ru-ye parde bekeshad, negah-ash be surat-e vazir oftad

(*Как только* художник обмакнул кисточку в краску и хотел провести ею по полотну, его взгляд упал на лицо министра (Аляви. Ее глаза));

درک رارف نارای را داتسا هک ار اداص و رس ینامز هک مردام

¹ Практическая грамматика русского языка. под редакцией Н. А. Метс. — М. 1985. — с. 242, 243.

² Метс Н. А. Практическая грамматика русского языка. — М. 1985. — с. 243, 244.

Madar-am be mahz-e in-ke sarosedaha rah oftad, az Iran farar kard...

(**Едва только** началась смута, моя мать бежала из Ирана... (Аляви. Ее глаза))¹.

Комбинация видо-временных форм глаголов с союзом **هکینکه** как **только** (и его синонимами) разнообразнее, чем с союзом **هکیتقو** *с тех пор как*:

Возможно употребление форм прошедшего времени глаголов СВ в обеих частях:

دش کن ابصرع و ا متفگ ار نا یکنیده

Hamin-ke in ra goftam u asabani shod

(**Как только** я **сказал** об этом, он **рассердился**.)

Возможно употребление форм настоящего времени глаголов НСВ в обеих частях:

م ت ف ا م ت مدخ نارود دای، م ن ی ب کم ار و ت هکینیا ضرحم هب

Be mahze in ke to ra mibinam yade dorane khedmat mi-oftam

(**Как только** я **вижу** тебя, я **вспоминаю** о военной службе.)

И реже с названными союзами употребляются формы прошедшего времени глаголов НСВ как повторяющихся действий:

م ی دش کم تکاس ام، دش کم دراو مردام هکینیا ضرحم هب

Be mahze in-ke madaram vared mishod ma saket mishodim

(**Едва только** моя мать **входила**, мы **замолкали**.)

Иногда в значении союза **هکینکه** (как **только**) и его синонимов употребляется союз **تا** *ta*, который характерен для разговорного стиля речи:

درک ندر راتینگ هب عورش، دکسر ات

Ta resid shoru be gitar zadan kard

(**Как только** он пришел, начал играть на гитаре.)

3. Предложения фразеологизированной структуры

В сфере временных предложений особое место занимают фразеологически связанные (фразеологизированные) конструкции. Они имеют ряд формальных и смысловых ограничений, не свойственных временным предложениям свободной структуры.

В оформлении фразеологизированных конструкций принимают участие подчинительные союзы *как, чтобы*; однако эти конструкции лишены существенных признаков сложноподчиненного предложения:

1) подчинительный союз в них не является самостоятельным выразителем отношений, а выступает в качестве компонента двухместного соединения: *не успел... как; не проходило дня, часа... чтобы не*;

2) в позиции подчинительного союза здесь возможен сочинительный союз; 3) в них нет четкого противопоставления главной и придаточной части.

В предложениях фразеологизированной структуры очередность ситуаций определяется как следование — в

соответствии с композиционным расположением частей: ситуация, представленная во второй части, следует за ситуацией, представленной в первой части.

Характерным свойством фразеологизированных конструкций является также тенденция к идиоматизации компонентов, т.е. к их семантическому преобразованию: при идиоматизации конструктивно необходимый компонент имеет значение, не обусловленное прямым значением образующих его слов; так, например, сочетание частицы *не* с глаголом *успеть* (*не успел, не успевает*) в составе соединения *не успел... как* передает информацию ('едва успел'), ('только успел') (такая идиоматизация не является, однако, необходимым признаком всех фразеологизированных конструкций с *не успел... как*)².

3.1. Предложения, построенные по схеме

не успел ... как

В предложениях, построенных по схеме *не успел... как*, заключено отношение непосредственного следования: в них акцентируется минимальность интервала между ситуациями или отсутствие интервала, причем вторая ситуация противопоставляется первой как внезапная, неожиданная.

Не успел он сделать двух шагов, как увидел бегающих навстречу соседей (Д. Григорович);

Но не успел я этого сделать, как уже стал раскаиваться (Л. Толстой)³.

Особое место среди построений с *не успел... как* принадлежит таким предложениям, в которых в позиции инфинитива находится глагол или сочетание, специально предназначенное для указания на быстроту и неожиданность наступления чего-л.: *ахнуть не успел* (*моргнуть, чихнуть, оглянуться, пикнуть, рот раскрыть, дух перевести, слово проронить не успел*):

Оглянуться не успела, Как зима катит в глаза (Крыл.);

В таких случаях предшествующая ситуация представлена символически, поэтому значение очередности здесь ослаблено или совсем устранено.

Значение непосредственности следования, минимальности интервала между ситуациями в персидском языке передается схемой «*...هک ...زونه*»:

فک هب عورش نالاس هک دوب هدرکن ماجت ار دوخ کن ار نخس زونه درک ندر

Hanuz sokhanranie khod ra tamam nakarde bud ke salon shoru be kaf zadan kard

(**Не успел он закончить** выступление, **как** зал начал аплодировать.)

زا مه ار موس و مود تال اوس هک دوب هدادن باوج ار لوا لاوس زونه دن دکسرپ و

Hanuz soale aval ra javab nadade bud ke soalate dovom va sevom ra ham porsidand

¹ Рубинчик Ю. А. Грамматика современного персидского литературного языка. — М. 2001. — с. 537, 538.

² Академия наук СССР. Академическая русская грамматика. — М. 1982. — с. 2990.

³ Академия наук СССР. Академическая русская грамматика. — М. 1982. — с. 2992.

(Не успел он ответить на первый вопрос, как ему задали второй и третий.)

نیفل لآخ هک دوب هدرکین اضما ار دیکج نامرف روهج سیکی زونه
دن درک ار نأ وغل تساوخر د.

Hanuz reis jomhur farmane jadid ra emza nakarde bud ke mokhalefin darkhaste laqve an ra kardand

(Не успел президент подписать новый указ, как оппозиция потребовала его отмены.)

Иногда в разговорной речи вместо «...هک زونه» употребляется «... ات».

При этом союз هک исключается:

دن درک ار گنز، میروخ یزی چی کی می دم آیت

Ta amadim yek chizi bokhorim zang ra zadand

(Не успели что-нибудь поесть, как раздался звонок.)

3.2. Предложения, построенные по схеме не прошло и ..., как

В основе значения предложений, построенных по схеме *не прошло и ..., как* лежит отношение следования с акцентированием минимальности интервала между ситуациями; значение очередности здесь осложнено элементом внезапности, неожиданности или преждевременности:

Не прошло и часу после их разговора, как уже грянули в литавры (Гоголь);

Не прошел Никитин и двухсот шагов, как и из другого дома послышались звуки рояля (Чехов);

Как видно из примеров, это конструкция может употребляться как в безличных, так и в личных предложениях.

Здесь тоже подобно конструкциям с *не успел, как...* минимальность интервала между ситуациями в персидском языке передается схемой «...هک زونه»:

ار رهش لاغشا ربخ ویدار زا هک دوب هتش دگن تعاس کی زونه
دن داد.

Hanuz yek saat nagozashte bud ke az radio khabare eshqale shahr ra dadand

(Не прошло и часа, как по радио передали сообщение о захвате города.)

Данное предложение в разговорной речи также имеет следующий вариант:

دن داد ار رهش لاغشا ربخ ویدار زا هک دوب هتش دگن تعاس کی

Yek saati nashode bud ke az radio khabare eshqale shahr ra dadand

3.3. Предложения, построенные по схеме не... как

Предложения, построенные по схеме *не... как*, в первой части всегда содержат информацию о незавершенности ситуации; эта информация не является самостоятельной, а формирует отношение опережения. Частица *не* здесь всегда сохраняет свое отрицательное значение. Временное несоответствие ситуаций поддерживается соотношением наречий *еще... уже*; ситуация второй части предстает как несвоевременная или неожиданная:

Еще солнце не дошло до половины неба, как все заповоржцы собрались в круг (Гоголь);

Еще солнце не закатилось, как уже все было готово (В. Шишк.).

В персидском языке конструкции, построенные по схеме *не... как*, подобно конструкциям двух предыдущих типов, употребляются по схеме «...هک زونه»:

یرگدی یراتفرگ هک دوب هتش غفر شا کیضی رم زونه
دمأ شغارس

Hanuz mariziash raf nashode bud ke gereftari digari soraqash amad

(Он еще не оправился от болезни, как на него обрушилось новое горе.)

3.4. Предложения с отрицанием и союзом чтобы не

Предложения с отрицанием и союзом *чтобы не* означают регулярность воспроизведения одной и той же ситуации. Обе части построены как отрицательные предложения. Однако частица *не* в обоих случаях лишена отрицательного значения: обе части содержат утверждение.

С той поры не проходило недели, чтобы не показалась на большой дороге его крепкая крашеная тележка, запряженная парой круглых лошадок (Тургенев);

Не проходит обеда и чая, чтобы вы не поднимали шума (А.Чехов);

В отдельных случаях некоторые персидские предложения по значению соответствуют конструкциям со схемой «*не проходит ..., чтобы не*»:

چنک کم ضوع ار شرآک وا هک دشح کمین هام هب

Be mah nemikeshad ke u karash ra avaz mikonad

(Не проходит и месяца, чтобы он не помнил своего занятия.)

Такие конструкции в персидском языке, как правило, носят разговорный характер.

Помимо рассмотренных выше конструкций, в русском языке существует еще конструкция *стоит (стоило)... как*, которая, выражая значение следования, указывает на мгновенную смену действий (в главной части возможно употребление глаголов как СВ, так и НСВ):

Стоит ему высказать предложение, как его все поддерживают;

Стоило ему высказать предложение, как его все поддержали.

Эта конструкция в персидском языке имеет варианты: *هک ... (هک) ات ... (دوب یفاک) تسیفاک ...*:

دننک داقتنآ وا زا هلاصافالب ات دیوگب هلمج کی تسیفاک
(دننک-یم داقتنآ وا زا هلاصافالب، دیوگ کم هلمج کی هک نیه =)

Kafist yek jomle beguyad ta belafasele az u enteqad konand (Hamin ke yek jomle miguyad belafasele az u enteqad mikonand)

(Стоит ему высказать какое-либо предложение, как его сразу же начинают критиковать.)

Заключение

Среди разнообразных синтаксических отношений, характеризующих сложные предложения, наиболее важными являются временные. Это связано с тем, что обу-

чение русскому языку требует специального знания передачи важнейших проблем выражения времени в разных языковых ситуациях. Более того, даже в других синтаксических отношениях следы вопроса времени очевидны. Например при рассмотрении обстоятельственных отношений мы видим, что некоторые предлоги носят чисто временной характер.

С точки зрения количества подчинительных союзов, употребляемых в сложноподчиненных предложениях, тоже временные союзы по сравнению с другими подчинительными союзами занимают первое место. Это вызвано необходимостью согласования выражения времени в предложении с временными формами глаголов-сказуемых, что в свою очередь влияет на выбор говорящим подходящего временного союза.

Анализируя и рассматривая временные отношения в сложноподчиненных предложениях с отношением разновременности в русском и персидском языках мы пришли к следующим выводам:

1. Характер временной связи в сложноподчиненных предложениях так бывает: при подчинении действие одного предложения уточняет время действия другого.

2. В персидском языке, так же как и в русском, придаточные времени в сложноподчиненных предложениях могут занимать любую позицию (предпозицию, интерпозицию или постпозицию) по отношению к главному предложению.

3. Ввиду многочисленности сложных союзов в персидском языке иногда один и тот же сложный союз является коррелятом нескольких русских союзов.

4. В персидском языке временная соотнесенность опирается, главным образом, на смысловую сторону

предложений и значение подчинительных союзов. Соотнесенность временных форм глаголов-сказуемых главного и придаточного предложений не имеет большого значения.

5. Многозначный союз *تا* *ta*, передавая временное значение, употребляется в следующих случаях:

а) Передавая значение предшествования, употребляется в значении союза *пока не*

б) Передавая значение следования, употребляется в значении союза *как только*

6. В персидском языке нельзя передать полностью все оттенки значения, характерные для каждого из союзов *до того как*, *перед тем как*, *прежде чем*, так как союзы *هکنا* *za* *לב* *q* и *هکنا* *za* *شپ* *sh* *p*, употребляемые для передачи значения предшествования, почти синонимичны и лишены указанных оттенков значения.

7. В персидском языке, так же как и в русском, самыми распространенными среди предложений с союзом *с тех пор как* (*هک یتقو* *za*) являются те, глаголы-сказуемые придаточной части которых употреблены в форме прошедшего времени, а в главной части — в форме прошедшего или настоящего времени.

8. Комбинация видо-временных форм глаголов с союзом *как только* *هکنا* *im* (и его синонимами) разнообразна и допускает его употребление в прошедшем, настоящем и будущем временах.

9. Для предложений фразеологизированной структуры характерен ряд специфических черт, в том числе в них нет четкого противопоставления главной и придаточной части. В этих предложениях очередность ситуаций определяется как следование и в позиции подчинительного союза здесь возможен сочинительный союз.

Литература:

1. Академия наук СССР. Академическая русская грамматика. — М., 1982.
2. Академия наук СССР. Институт русского языка. Словарь русского языка в 4-х т. — М. 1981.
3. Аникина М.Н. Синтаксис сложноподчиненного предложения. — М., 2004.
4. Лекант П.А. Современный русский язык. — М. 2001.
5. Метс Н.А. Практическая грамматика русского языка. — М., 1985.
6. Рубинчик Ю.А. Грамматика современного персидского литературного языка. — М., 2001.
7. Ахмади Гиви Хасан, Анвари Хасан. Дастуре забанэ фарси. Тегеран. 1994
8. Хатиб Рахбар. Халил. Хруфе эзафэ ва рабт. Тегеран. 1988

Категория «национальное самосознание» и ее художественное воплощение в романе «Вашингтонская площадь»

Нерсесова Э.В., кандидат филологических наук, доцент
Московский городской педагогический университет

«Вашингтонская площадь» (1880) — полностью американский роман: его герои — американцы, а Вашингтонская площадь — район Нью-Йорка, в котором

происходит действие романа. Парадоксален тот факт, что Г. Джеймс достигает высокой правдивости в изображении событий, создавая роман вдалеке от родины. Но очевидно

одно: он свободен от иллюзий и пристрастий. Само собой напрашивается сравнение с работой Н.В. Гоголя над поэмой «Мертвые души» (1842). Русский классик писал свое великое творение под жарким небом Италии, но его взгляд на родину издали был так же беспристрастен и лишен идеализации.

В «Вашингтонской площади» Г. Джеймс опирается на общепринятые правила описания реальных событий, рухнувших надежд и предательства, которые подходят под определение, данное У.Д. Хоуэллсом реализму как отражению жизни обычных людей. Но автор также обращается к традициям, утвердившимся уже в прежних произведениях, повествующих о жизни высшего общества.

Создавая новый тип романа, Г. Джеймс сохраняет уже знакомых читателю героев такого плана, как доктор Слопер и Моррис Таунсенд, — выходцев из высшей касты, и вводит совершенно новый, интересный и очень сильный образ — Кэтрин Слопер, противостоящей миру собственников и лицемеров. Автор не останавливается так подробно на описании бедности героев и их отчаяния, как Т. Драйзер и Ф. Норрис, называвших это реализмом в XIX веке.

Художник следует определенным правилам в написании романа. Повествование изобилует описаниями традиций жизни высшего общества, его эгоистической морали. В семье Альмонд все идет как и должно идти: мальчики растут, поступают в колледж, работают в канцелярии. Девушки вовремя выходят замуж, и это последнее событие побуждает миссис Альмонд устроить вечеринку, на которую приглашена и Кэтрин. Таунсенд ухаживает за героиней как это принято в обществе. Проблема состоит в том, что она живет совершенно по другим моральным принципам. Кэтрин верит в чистые помыслы, в любовь — она живет сердцем. Безусловно, она романтична, сентиментальна, наивна, непосредственна. Все романы Г. Джеймса являют собой концентрацию эмоций, которые автор реализует с помощью различных языковых средств.

«She was strong, however, and properly made, and, fortunately, her health was excellent. It has been noted that the Doctor was a philosopher, but I would not have answered for his philosophy if the poor girl had proved a sickly and suffering person. Her appearance of health constituted her principal claim to beauty, and her clear, fresh complexion, in which white and red were very equally distributed, was, indeed, an excellent thing to see. Her eye was small and quiet, her features were rather thick, her tresses brown and smooth. A dull, plain girl she was called by rigorous critics — a quiet, ladylike girl by those of the more imaginative sort; but by neither class was she very elaborately discussed» —

«Она была крепка, правильно сложена и, по счастью, отличалась завидным здоровьем. Как уже говорилось, доктор был по природе философ, однако если бы бедняжка оказалась больным и несчастным ребенком, едва ли он сумел бы отнестись к этому философски. Здоровая внешность составляла основу ее привлекательности; воистину удовольствие было

видеть ее свежее лицо, в котором гармонично сочетались белизна и румянец. Глаза у Кэтрин были небольшие и спокойные, черты лица довольно крупные, а свои гладкие каштановые волосы она заплетала в косы. Строгие ценители женской красоты считали ее внешность скучной и простоватой; судьи с более живым воображением отзывались о Кэтрин как о девушке скромной и благородной; ни те, ни другие не оказывали ей особого внимания».

Портрет этот весьма интересен с точки зрения отражения в нем черт характера. Завидное физическое здоровье, возможно, предполагает устоявшийся нравственный мир, с крепким стержнем. Именно духовное богатство, скромность и благородство — главные черты характера Слопер. Писатель не разделяет оценок ни «строгих ценителей женской красоты», ни «судей с более живым воображением». Он рисует портрет с помощью таких ключевых слов и выражений: «крепка», «с завидным здоровьем», «свежее лицо», «белизна и румянец», «скромной и благородной», «гармонично сочетались». Г. Джеймс позволяет внимательному читателю самому составить представление о Кэтрин. При этом иронии писателя по поводу мнения строгих ценителей красоты или людей с более живым воображением нельзя не заметить. Простоватая, на первый взгляд, внешность Кэтрин Слопер позволяет еще раз убедиться в том, что в этой девушке главное — содержание. Именно портрет, внешне сдержанный и внутренне содержательный и глубокий, становится выражением «национального самосознания». Это достигается еще и манерой Г. Джеймса создавать различное богатство оттенков, группируя их по различным признакам.

Автор романа позже погружает свою героиню в мир любовных переживаний, связанных с ними надежд на будущее. Это та же героиня, с теми же чертами характера, что и в начале романа. Но теперь характер будет подвергаться испытаниям, мир, в котором пребывала героиня, теперь потребует от нее новых решений, оценок, поступков.

Героиня вступила в совершенно новый, как ей казалось, счастливый период жизни. Но доктор Слопер рассуждает по-другому. Его не волнуют чувства дочери, он, как ему кажется, только заботится о ее счастье, поэтому наставляет «без всякого снисхождения к нервическому состоянию бедняжки».

«There is, of course, nothing impossible in an intelligent young man entertaining a disinterested affection for you. But the principal thing that we know about this young man — who is, indeed, very intelligent — leads us to suppose that, however much he may value your personal merits, he values your money more. The principal thing we know about him is that he has led a life of dissipation, and has spent a fortune of his own in doing so. That is enough for me, my dear. If Morris Townsend has spent his own fortune in amusing himself, there is every reason to believe that he would spend yours» —

«Нет, разумеется, ничего невозможного в том, чтобы неглупый молодой человек проникся к тебе вполне бескорыстной симпатией. Однако главное из того, что мы знаем об этом молодом человеке — весьма и весьма неглупом, заставляет предположить, что, при всем уважении к твоим личным качествам, он ценит твои деньги еще больше. Главное, что мы знаем о Морисе Таунсенде, это что он жил беспутно и растратил свое состояние. Для меня этого достаточно, дитя мое. Если Морис Таунсенд, забавляясь и веселясь, растратил свое состояние, он, надо думать, растратит и твое».

Как видим, доктор Слупер не намерен делить свой капитал с искателем богатых невест, даже если придется перешагнуть через счастье дочери. Так в роман вступает уже знакомая нам по предыдущим произведениям тема власти денег. В романе «Вашингтонская площадь» вновь сталкиваются антигуманный практицизм и нравственная чистота. Мы согласны с Т.Л. Морозовой в определении нового подхода Г.Джеймса к этой теме, «традиционной для европейского критического реализма XIX века. Отношение к собственности выполняет у писателя роль пробного камня, на котором испытывается «вульгарность» или «избранность» натуры человека» [2, с. 18].

Тема власти денег развивается благодаря уже привычной контрпозиции — искушенности и наивности. Кэтрин не верит в человеческую подлость, коварство. Она еще не сталкивалась с ними в жизни. Поэтому она противоречит отцу, отстаивая, на его взгляд, мнимые достоинства Таунсенда:

«He is kind, and generous, and true», said poor Catherine, who had not suspected hitherto the resources of her eloquence. «And his fortune — his fortune that he spent — was very small!» —

«Он добрый, и щедрый, и верный ... А его состояние ... состояние, которое он растратил, было совсем крошечное!».

Позиция автора в этой сцене предельно ясна: он на стороне своей героини. Это находит выражение в таких словах, как «бедняжка», «с ужасом понимая», «склонив голову», «дрогнувшим голосом», «необходимость возражать отцу угнетала и парализовала девушку»; «собрала все свои силы», «какой-то неуклюжей серьезностью», «полная чувств». Именно так должна рассуждать наивная девушка и именно так должна себя вести воспитанная в послушании отцу, но тем не менее свободолюбивая внутренне. На наших глазах происходит взросление героини.

Изменение в поведении героини, свидетельствующее о ее взрослении и становлении как духовно независимой личности, мы наблюдаем и в другом эпизоде, в котором доктор Слупер говорит о предстоящей поездке в Европу.

«She felt in every way at present more free and more resolute; there was a force that urged her» —

«Она чувствовала себя свободней и решительней; в ней появилась сила, которая ее поддерживала: страсть наконец всецело и неукротимо завладела Кэтрин».

Интересно, как Г. Джеймс сталкивает две натуры, две правды. Как видим, отец и дочь по-разному относятся к этой перспективе. Доктор Слупер надеется, что дочь забудет молодого человека. Кэтрин же уверена, что там, в Европе, сумеет переубедить отца. Налицо явное взросление героини при сохранении прежних черт характера. Бесспорно, это не изменение характера, а его эволюция.

Также следует отметить благородный практицизм Слупера. Он искренне желает счастья дочери, но жизненный опыт не позволяет ему поверить человеку, растратившему последние гроши на свои прихоти.

«The fact that Morris Townsend was poor — was not of necessity against him; the Doctor had never made up his mind that his daughter should marry a rich man. The fortune she would inherit struck him as a very sufficient provision for two reasonable persons, and if a penniless swain who could give a good account of himself should enter the lists, he should be judged quite upon his personal merits»

«Сама по себе бедность Мориса Таунсенда еще не говорила против него; доктор не считал, что его дочь должна непременно выйти за богатого. Ее будущее наследство казалось ему достаточно солидным, чтобы обеспечить двух благоразумных людей, и если бы среди претендентов на руку Кэтрин появился обожатель без гроша за душой, но с хорошей репутацией, о нем судили бы лишь по его личным качествам».

Доктор не в состоянии понять чувств, бурующих дочь. Так, рассказывая о запретной любви Кэтрин, жалком эгоизме Слупера и вмешательстве миссис Пеннимен — все это «искаженная картина», — Джеймс опирается на традиции семьи, отражающие стиль прошлого, а также включающие чрезмерную манерность, не мешающую при этом яростной борьбе за состояние. Но Кэтрин любит, и традиции не могут быть ей препятствием. Она готова к жертвам, а ее возлюбленный оказывается не достоин этого высокого чувства. Счастье героини неосуществимо, но она до конца проходит путь разочарований. В разговоре с миссис Пеннимен повзрослевшая Кэтрин восклицает:

«Yes, I am braver than I was. You asked me if I had changed; I have changed in that way. Oh, — the girl went on, — I have changed very much» —

«Я и вправду стала храбрее. Вы спрашивали, переменялась ли я. С этой стороны я переменялась. О да, — повторила девушка, — я очень переменялась».

Как к месту употреблено прилагательное «храбрее» (*«braver than I was»*)! Оно синонимично таким словам, как «мужественный», «отважный», также в качестве контекстуальных синонимов можно привести «опытный», «мудрый». На наш взгляд, этот спектр эпитетов расширяет представление о новом состоянии героини. Более того, в вышеприведенном контексте мы слышим авторскую оценку поведения Кэтрин: «чувствовала себя свободней и решительней». Так что мнение

автора и его героини о новом состоянии или же новой ступени, которую она преодолела, выраженное синонимами, совпало.

Рассмотрим одно из центральных понятий, особый национальный тип — «*innocent*» (простодушный герой, чье сознание не знает зла), имеющий как положительные, так и отрицательные смыслы. Понятие это напрямую связано с идеей книги и ее главным героем. Преданная всеми (отцом, возлюбленным, тетушкой), Кэтрин не озлобляется, не изменяет своим моральным принципам. Пожалуй, ее главное качество — «*innocence*» («невинность», «простота»)) переходит в новый, зрелый этап. Это уже не «ласковый теленок», не смиренная бедняжка. Понятие «*innocent*» как бы освещается одновременно с разных сторон, и автор для этого использует богатые ресурсы языка, приемы и методы. Так, в начале читатель знакомится с Кэтрин как с девушкой, являющейся олицетворением добродетели. Когда же под конец жизни отец обращается к Кэтрин с просьбой после его смерти не выходить замуж за Таунсенда, то встречает неожиданный отпор:

«She had suffered from it then; and now all her experience, all her acquired tranquility and rigidity, protested» —

«Тогда она от этого страдала, и теперь весь ее жизненный опыт, все ее благоприобретенное спокойствие и вся ее невозмутимость восстали».

Невозмутимость и спокойствие Кэтрин — это видимость, своего рода маска, за которой она прячет «старую рану» и «былую боль», а также бунтарский дух. Героиня живет по законам, принятым в обществе, но при этом не допускает вмешательства в свой мир, а тем более какое-либо насилие над ним. Осознание себя в новом качестве — мудрой и опытной — несколько меняет ее поведение. И далее мы находим следующее описание:

«She had been so humble in her youth that she could now afford to have a little pride, and there was something in this request, and in her father's thinking himself so free to make it, that seemed an injury to her dignity» —

«Она была столь смиренна в юности, что теперь могла себе позволить проявить известную гордость, а в просьбе отца (и в том, что он считал себя вправе обратиться к дочери с этой просьбой) таилось нечто оскорбительное для ее достоинства».

Вот проявление национального характера через понятие независимости, доходящей до бунтарства, познания, расширяющего, а порой изменяющего мировосприятие жизни и общества. Но в то же время характер героини отличается удивительным постоянством.

С развитием сюжета образ становится все более совершенным, то есть все положительные качества характера героини достигают своей зрелости, а с жизненным опытом появляются и другие: уверенность, цельность.

«In all these years Catherine had had time to forget how little she had to thank her aunt for in the season of her misery; she had long ago forgiven Mrs. Penniman for taking too much upon herself» —

«За долгие годы Кэтрин успела позабыть о том, сколько несчастья принесла ей тетка в трудное время ее жизни, она давно простила тетке вмешательство в ее судьбу».

Эти приобретенные качества являются следствием добродетели героини. Благородные поступки Кэтрин продиктованы христианской моралью, и нет ничего удивительного, что гнев, злость если и посещают ее, то лишь на мгновение.

«But for a moment this attitude of interposition and disinterestedness, this carrying of messages and redeeming of promises, brought back the sense that her companion was a dangerous woman. She had said she would not be angry; but for an instant she felt sore» —

«Но, услышав теперь, как та притворяется бескорыстной посредницей, бесстрастным курьером, который не может не исполнить свое обещание, Кэтрин вспомнила, как опасна ее собеседница. Кэтрин сказала, что не рассердится, но на мгновение ощутила острую досаду».

В этом эпизоде можно говорить о выражении сущностных сторон характера с помощью эмоционально окрашенной лексики (в данном случае глаголов) «забыть», «простить», «не рассердиться». Обратим внимание на то, что глаголы объединены в одну смысловую группу — синонимы прямые и контекстуальные.

Понятие «*innocent*» репрезентируется во второй части романа через ассоциации с чувствами и эмоциями — гневом, решительностью, импульсивностью. И, таким образом, приобретает особое смысловое наполнение. Кэтрин не желает следовать правилам, нарушающим ее мировосприятие, — в этом цельность личности героини, ее верность тому главному в себе, что составляет, по Джеймсу, суть национального характера, — мужество перед лицом зла.

Отцовская немилость давно уже, как нам известно, причиняла Кэтрин глубокое горе — горе «искреннее и великодушное», без примеси обиды или озлобления. Но когда она как-то попыталась извиниться перед отцом за то, что остается на его попечении, а он с презрением отказался ее слушать, в горящем сердце Кэтрин впервые проснулся гнев:

«He has put me off. I have come home to be married. This was a more authoritative speech than she had ever heard on her niece's lips, and Mrs. Penniman was proportionately startled. She was indeed a little awestruck, and the force of the girl's emotion and resolution left her nothing to reply» —

«Я ему не нужна. Я вернулась и выхожу замуж. Никогда прежде миссис Пеннимен не слыхивала от своей племянницы таких властных речей; естественно, она немало испугалась. Решительность Кэтрин, ее горячность испугали тетку, и она не нашла, что ответить».

Данный эпизод раскрывает нам характер новой Кэтрин, в ней и следа нет от той робкой и нерешительной девушки. Новые нотки, появившиеся в ее голосе, — яркое свидетельство становления характера на новую ступень. Ис-

пользуя прием парцелляции, Г. Джеймс показал скрытые до сих пор стороны характера героини, а с помощью экспрессивной лексики:..... — значительно расширил границы данного концепта и углубил его содержание. Это показывает интенсивность эмоции, ее кульминацию.

Безусловно, героиня освобождается от иллюзий по отношению к окружающему обществу. Прозрение проходит болезненно и не без последствий для нее.

«From her own point of view the great facts of her career were that Morris Townsend had trifled with her affection, and that her father had broken its spring. Nothing could ever alter these facts; they were always there, like her name, her age, her plain face. Nothing could ever undo the wrong or cure the pain that Morris had inflicted on her, and nothing could ever make her feel towards her father as she felt in her younger years. There was something dead in her life, and her duty was to try and fill the void» —

«Сама Кэтрин главными событиями своей жизни считала то, что Морис Таунсенд посмеялся над ее любовью, а отец эту любовь задушил. Эти события ничто уже не могло изменить, они были всегда с ней, как ее имя, ее возраст, ее некрасивое лицо. Ничто не могло загладить обиды, которую нанес ей Морис, или облегчить страдания, которым он подверг ее, и ничто не могло вернуть ей прежнего преклонения перед отцом. Что-то ушло из ее жизни...».

В этом эпизоде уже другая Кэтрин Слопер, но только внешне. Она не утратила цельности характера, не впала в грех уныния, хотя радости было немного. И в той судьбе, что выпала ей на долю, она сумела найти смысл.

«Catherine recognized this duty to the utmost; she had a great disapproval of brooding and moping. She had, of course, no faculty for quenching memory in dissipation; but she mingled freely in the usual gaieties of the town, and she became at last an inevitable figure at all respectable entertainments. She was greatly liked, and as time went on she grew to be a sort of kindly maiden aunt to the younger portion of society» —

«...долг Кэтрин заключался в том, чтобы заполнить образовавшуюся пустоту. К этому долгу она относилась с величайшей серьезностью: она не одобряла безделья и хандры. Заглушить свое горе разгульным весельем Кэтрин, разумеется, не могла, но она живо участвовала в обычных нью-йоркских развлечениях и наконец сделалась непременно украшением светских приемов. У Кэтрин появились кое-какие безобидные чудачества, она неукоснительно следовала своим привычкам, ее взгляды на нравственные и общественные вопросы отличались чрезвычайной консервативностью, и, не будучи еще и сорокалетней женщиной, она уже считалась старомодной особой и знатоком старинных обычаев».

Рассмотрим, с помощью каких понятий раскрывается в связи с этим новый смысл эволюции характера героини. Такие слова, как «долг», «не одобряла безделья и хандры», «следовала своим привычкам», яв-

ляются ключевыми в описании мировосприятия Кэтрин. Она не допускает и мысли, что в сложившихся условиях можно опустить руки, или изменить себе, или жить за творницей и не находить саму жизнь подарком. Она продолжает жить. Именно в этом эпизоде проявляется самое лучшее качество характера Кэтрин Слопер — умение противостоять жестоким обстоятельствам жизни. Нет сомнения в том, что Г. Джеймс апеллирует здесь к главным моральным ценностям американского характера.

Счастье, о котором она мечтала, как и всякая молодая особа, не состоялось, более того, она поняла, что дорогие, близкие ей люди вовсе не идеальны и никогда не любили ее. Кэтрин Слопер находит смысл жизни в филантропической деятельности. Она не подчиняется двойной морали Вашингтонской площади, а остается прежней Кэтрин Слопер — добродетельной, высокоморальной, чуть-чуть наивной.

Смерть отца мало что изменила в жизни Кэтрин, но мы читаем следующее:

«A vague oppression had disappeared from her life, and she enjoyed a sense of freedom» —

«Прежде она была несколько угнетена, теперь же наслаждалась свободой».

В заключительной части романа мы находим такое описание героини:

«Catherine, however, became an admirable old maid. She formed habits, regulated her days upon a system of her own, interested herself in charitable institutions, asylums, hospitals, and aid societies; and went generally, with an even and noiseless step, about the rigid business of her life» —

«Между тем Кэтрин сделалась примерной старой девой: обзавелась привычками, придерживалась своего собственного распорядка, помогала благотворительным обществам, приютам и больницам и вообще жила спокойно, уверенно и скромно».

В словах, характеризующих образ жизни героини, слышится легкая ирония писателя. «Ирония выполняет у Г. Джеймса безграничное разнообразие функций. Она может быть сочувственной и беспощадной, беззаботной и трагической, почти неуловимой и резко откровенной. Ее отличает легкость, изящество, блеск, неистощимость. Порой кажется, что сама атмосфера книг Г. Джеймса насыщена пропитана иронией» [2, с. 48], — отмечает Т.Л. Морозова.

В самом последнем упоминании о Кэтрин Слопер мы вновь слышим иронию писателя, замешанную на глубоком драматизме.

«Между тем в гостиной Кэтрин снова уселась вышивать — теперь уже, так сказать, до конца жизни».

Неслучайно писатель сажает свою героиню за вышивку. В этом эпизоде читается явный подтекст, данный в развернутом сравнении: она сама вышила узор собственной судьбы и до конца жизни останется ее хозяйкой.

Назвать счастливой эту жизнь вряд ли возможно, но видеть в героине цельную, сильную натуру, способную на

протест, вполне допустимо. А если сравнивать этот роман с «Американцем», то можно увидеть определенную закономерность: финал невеселый, герой или героиня не побеждены обстоятельствами жизни, не изменили своим принципам, а, пройдя испытания, обрели цельность, стойкость. В этом их основное отличие: они не утратили чистого, скорее наивного взгляда на жизнь, то есть в какой-то степени в глубине души остались детьми. Но и определенная доля скептицизма, приобретенная с годами, в свою очередь, сделала этот характер законченным. Поздние произведения писателя подтверждают эту мысль. В известной книге «Генри Джеймс и проблемы английского романа 1880–1890 гг.» Т.Л. Селитриной мы находим справедливое замечание: «Немногословный финал романа полон сдержанного лиризма. Кэтрин, простившись с призраком своей молодости, посетившим ее так неожиданно и напрасно, снова садится на свое привычное место, в качалку перед окном, за которым виднеются чахлые печальные деревья Вашингтон-сквер. Этот финал, где между строк, без слов говорится о несбывшемся счастье, о несостоявшейся жизни, предвосхищает эмоциональную атмосферу более поздних и зрелых реалистических произведений американской литературы». [3, с. 59]

По мнению критика М. Белла, Кэтрин Слопер — героиня, казалось бы, лишенная индивидуальности. Ее стиль «бездействен и беззвучен» [6, с. 103]. И этот недостаток романтичности и драматичности в характере Кэтрин весьма многозначителен. А для Джеймса простота Кэтрин — это проявление реальности в ее характере. Ее склонность раздражать отца усиливается, когда она начинает отстаивать свой жизненный выбор. М. Белл отмечает, что красота Кэтрин в ее простоте, «естественности» — качестве, которое Джеймс считает чисто американским. Более того, он полагает, что писатель выбрал верное место в Нью-Йорке: «Небольшая площадь, где волна растущего богатства остановилась на мгновение в кирпичном особняке с каменной лестницей и изысканным веерообразным окном... Только в этом контексте он мог описать простодушие Кэтрин» [6, с. 103]. Вашингтонская площадь не просто фон, на котором разворачиваются события романа, — это персонаж романа. Но если соотнести образ площади и образ главной героини, как портрет и раму к нему, то площадь окажется именно рамой, причем золоченой, изысканной, дорогой рамой к скромному портрету Кэтрин Слопер. Но так покажется только на первый взгляд. Портрет скромный, однако отражает внутреннее богатство, духовность, глубину чувств, способность к самопожертвованию. Рамка, заключающая в себе портрет, прекрасна только лишь внешне. Она олицетворяет собой только материальное богатство, роскошь. Вашингтонская площадь явилась золотой клеткой для героини, как рама для портрета. Но при этом героиня только внешне живет по законам общества, внутренне она осталась верна своим принципам.

Писатель не прикладывает усилий, чтобы закончить роман красиво; герои его одиноки, раздавлены судьбой. Но главная героиня Кэтрин Слопер все же одерживает

верх в борьбе за свою свободу, хотя и остается на Вашингтонской площади с сентиментальной подругой — тетей Пеннимен.

В своей героине Джеймс обнаруживает «хрупкие сосуды, в которых хранятся сокровища человеческого чувства [1, с. 43]. В то же время он видел в ней и «сосуд опыта», и «сосуд сознания». Кэтрин мучительно постигает сущность окружающего мира, оказавшегося для нее враждебным. «Вашингтонская площадь» стала для Джеймса еще одной попыткой создания «романа-прозрения» [1, с. 512]. А М. Шерешевская усматривает в стойком интересе Джеймса к персонажам, проходящим путь обретения нравственного чувства через страдание, «влияние этики Готорна» [5, с. 512].

«Вашингтонская площадь» позволяет исследователю творчества Джеймса понять, почему так неотступно занимала этого писателя, как и стольких его героев, проблема приобщения к европейской культуре. Этот роман написан спокойнее и сдержаннее, чем «Бостонцы», где Джеймс прибегает к злому сатирическому гротеску. Но в «спокойном», неспешном повествовании «Вашингтонской площади» разворачивается картина жизни, ужасающе провинциальной, прозаичной, бесчеловечной в своей пошлости даже тогда, когда она внешне течет в русле самого мирного буржуазного благополучия [7, с. 46].

Роман написан в «хорошем аристократическом вкусе» [8, с. 182], в нем отражены жестокие нравы общества, в котором живут и страдают герои Джеймса, особенно такие, как Кэтрин Слопер, что проявляется такая реальность, «какая она есть на самом деле» [8, с. 138], — рухнувшие надежды и жестокое влияние горькой правды. Говоря о реализме романа, следует также отметить, что повествование «Вашингтонской площади» необыкновенно детализировано.

Особый характер финала романа можно объяснить стремлением автора отказаться от навязывания читателю собственного концептуального осмысления произведения. Концовка романа скрыла авторскую оценку, создала загадку художественного произведения.

В романе «Вашингтонская площадь» читатель знакомится с новым проявлением «*innocent*» — его женским вариантом. В этом, пожалуй, один из моментов новаторства писателя, но Г. Джеймс на этом не останавливается, так как уже знакомый по «Американцу» характер наделен в романе новыми чертами или же выражен с помощью других концептов. Немаловажно и то, что конфликт как мировоззренческий, так и поведенческий развивается в обществе, которому героиня принадлежит от рождения. Но так же, как и в первом романе, налицо противостояние наивной, романтической, немного простоватой героини с консервативным, прагматичным, бездуховным обществом. На первый взгляд кажется, что общество одержало верх в этой борьбе. Но так только кажется, потому что Кэтрин Слопер, как и Ньюмен, пройдя путь взросления, осталась верна собственным принципам, проявила вовсе не женскую волю духа, нашла в

жизни если не счастье, то радость для себя. Она одинока в личной жизни, но обратим внимание на то, как востребована она в обществе, как органично вписывается и в круг молодежи, и в круг людей солидного возраста.

Следует отметить, что в начале романа составляющими понятия «*innocent*» являются такие человеческие качества, как наивность, простота, робость, застенчивость, абсолютное послушание, иллюзорность в восприятии мира. Постепенно эта категория наполняется следующими смыслами: пытливость, честолюбие, независимость, дерзость, уверенность в себе, склон-

ность к самоанализу, смесь оптимизма и скепсиса.

Исходя из намерения раскрыть личность Кэтрин, «американской Евы» [4, с. 134], писатель представляет ее в динамике сложного формирования духовного характера, проявившейся в повороте сознания от молодости к новому мудрому мирозерцанию, выраженному в прежнем чистом взгляде на жизнь. Судьба не особенно была благосклонна к героине, но характер выдержал испытания и не изменился, а укрепился в самых лучших чертах, отражающих, на наш взгляд, писательскую трактовку понятия «национальное самосознание».

Литература:

1. Елистратова А.А. Вильям Дин Гуэлс и Генри Джеймс: К вопросу об их роли в развитии критического реализма в литературе США. // Проблемы истории литературы США. — М.: Наука, 1964. — 286 с.
2. Морозова Т.Л. Экспатрианство: сущность и модификации. — В кн.: Проблемы становления американской литературы. — М.: Наука, 1981. — 94 с.
3. Селитрина Т.Л. Г. Джеймс и проблемы английского романа 1880—1890 гг. — Свердловск: Изд-во Уральского ун-та, 1989. — 125 с.
4. Солодовник В.И. История литературы США: нравственный идеал через века. — Краснодар: Изд-во КГУ, 1997. — 207 с.
5. Шерешевская М.А. Генри Джеймс и его роман «Женский портрет» // Генри Джеймс. Женский портрет. — М.: Наука, 1982. — 591 с.
6. Bell M. Style as Subject «Washington Square» in *Sewanee Review*. New York: Rowman & Littlefield Publishers, 1985. Vol. 83. 151 p.
7. Edel L., Laurence D.H. and Rambeau J., A Bibliography of Henry James. — Oxford: Clarendon Press, 1982. — 367 p.
8. Trachtenberg A. Fictions of the Real // *The Incorporation of America: Culture & Society in the Gilded Age*. — New York: Hill and Wang, 1982. — 215 p.

Проблема ответственности личности в романе Р.П. Уоррена «Вся королевская рать»

Савинич С.С., аспирант

Московский городской педагогический университет

По мнению многих исследователей творчества Роберта Пенна Уоррена, роман «Вся королевская рать» является вершиной его творчества. Опубликованный в 1946 году, роман описывает события периода Великой депрессии в США. В основу сюжета романа положена история прихода к власти в штате Луизиана губернатора Хьюи Лонга, многие черты которого автор использует при создании образа одного из главных героев романа, Вилли Старка. Тем не менее нельзя считать Вилли Старка литературной копией губернатора Хьюи Лонга. Сам автор в статье «Вся королевская рать: Опыт и роман», рассказывая об истории создания произведения, подчеркивает тот факт, что не был лично знаком с Х.Лонгом и образ губернатора Луизианы послужил для него лишь отправной точкой при написании романа.

Описываемые в романе события происходят в промежутке между 1928 годом, когда Х.Лонг был избран на пост

губернатора, и 1935 годом, когда он был застрелен. Уоррен приступил к написанию романа в начале 40-х годов, следовательно, около пяти лет отделяло его от этих событий. Кроме того, по словам Уоррена, при создании образа Старка, его интересовал «скорее миф, чем факт, скорее символ, чем действительность» [1, с. 522].

В отечественном литературоведении этому произведению уделялось большое внимание. А.М.Зверев рассматривал этот роман в контексте литературы модернизма в США. Острая социальная проблематика романа вызвала интерес у таких известных отечественных критиков как Н.А.Анастасьев и А.С.Мулярчик. В своей книге «Художественные ориентиры XX века» Д.В.Затонский называет этот роман «прежде всего политическим», хотя не отрицает и то, что проблема личности находится в центре внимания автора. На основании этих исследований создается впечатление, что отечественные и зарубежные кри-

тики предпринимали попытки рассматривать этот роман как остро политический. Сам Р.П.Уоррен резко отвергал такую точку зрения, считая свой роман, прежде всего, художественным произведением, исследованием темы личности, находящейся у власти. В одном из интервью он говорит следующее: «Когда я говорю о романе, я не могу мыслить этими категориями <...> Мне больше импонируют такие категории, как эмоциональная тональность романа, тематическое наполнение, т.е. более глубинные категории» (перевод автора — С.С.) [5, с. 85].

Следуя за логикой автора, которого в наибольшей степени интересуют проблемы личности, мы будем рассматривать этот роман под несколько иным углом. В центре нашего внимания будет находиться проблема *Ответственности личности* перед другими людьми, перед собственным прошлым и настоящим. Здесь эта проблема рассматривается на примере историй нескольких персонажей, центральной среди которых является история Джека Бердена. Она композиционно организует роман и позволяет нам взглянуть на остальных героев через призму сознания Бердена. Но перемена, произошедшая с ним от начала к концу романа, позволяет нам взглянуть на повествование глазами двух разных людей.

В начале романа Джек не признает ответственности по нескольким причинам. Он утратил веру в Бога и, считая существование бессмысленным, объясняет человеческие поступки при помощи некой философской системы, отдаленно напоминающей философию натурализма. Согласно его мнению, в основе человеческих поступков лежат естественные причины, такие как врожденные инстинкты, действие гормонов, нервные импульсы и прочее. Человек подобен биологической машине, выбор которой заранее обусловлен ее физиологией, поскольку «все наши слова ничего не значат, а есть лишь биение крови и содрогание нерва, как в лапке подопытной мертвой лягушки, когда через нее пропускают ток» [1, с. 371].

Из этого он делает вывод, что мы принимаем решения не самостоятельно, следовательно, не несем никакой ответственности за собственные мысли и действия. Берден достигает апогея своего неверия и отрицания ответственности, создавая образ великого Тика. Все действия людей он считает подобными содроганиям лягушачьей лапки, отрезанной от тела, мышцы которой продолжают сокращаться под воздействием нервных импульсов. Так и все человеческие поступки, имеющие по его мнению биологическую мотивацию, подобны тiku — нервному сокращению, лишенному всякого смысла. Эта грандиозная мысль захватывает его: действия всех людей — бессмысленны и являются лишь нервным содроганием; так он создает свою теорию великого Тика.

Это новое понимание позволяет ему спокойнее и циничнее взглянуть на мир. Все то, что болело у него в душе, находит простое и рациональное объяснение. Заботясь о собственном благе, человек совершает некие действия и возможными, но допустимыми, издержками этого является страдание, причиняемое другим людям. Так он пы-

тается оправдать поведение своей матери, не сумевшей удержать его отца и поведение Анны Стентон, у которой развиваются отношения с Вилли Старком. Вполне очевидно, что негативное мировоззрение Бердена уходит корнями в его детство.

Незаживающей раной для него стало то, что отец ушел из семьи, когда Джеку было шесть лет. Всех остальных мужей своей матери он воспринимает, не как людей, а как социальные типы, как тени общества, назойливо проникающие в его жизнь. Об этом свидетельствует то, что он никогда не называет их по имени, только как Магнат, Граф, Молодой администратор. Это отношение впоследствии распространяется и на его отца, Элиса Бердена, которого он называет Ученый прокурор. Мать Джека — единственный по-настоящему близкий ему человек, но в их отношениях всегда присутствует невысказанная горечь, неброшенный вызов, скрытый конфликт. Берден не понимает мотивации ее действий и считает, что ею руководит лишь грубый инстинкт.

Конфликт с матерью накладывает отпечаток неудачи на всю дальнейшую жизнь Бердена. Подсознательный страх перед будущим не позволяет ему развивать отношения с Анной Стентон, но глубина взаимного чувства навсегда привязывает их друг к другу. И эта агония нереализованного чувства длится на протяжении всего повествования, лишь в конце получая развязку. В университете Джек приступает к написанию диссертации, посвященной исследованию американского общества времен Гражданской войны. Материалом для исследования служат письма и дневниковые записи родственника Джека по отцовской линии — Касса Мастерна. Джек с успехом собирает необходимый материал, но не может завершить исследование, поскольку не понимает мотивации Касса. Это вынуждает его прекратить исследование и отказаться от научной карьеры. Позже, рассуждая о своем поступке, Джек делает вывод, что «он отложил дневник Касса Мастерна не потому, что не мог его понять, а потому, что боялся понять, ибо то, что могло быть там понято, служило бы укором ему самому» [1, с. 236].

Берден отрицает существование ответственности, в то время как история Касса, это история личности, глубоко осознавшей свою ответственность и последствия своего преступления. Эта история поначалу представляется второстепенной, но является ключом к пониманию проблематики романа. Вот что говорит о значении этого персонажа американский исследователь Б.Коттрелл: «История Касса проходит красной нитью через роман «Вся королевская рать». Постепенно читатель начинает понимать, насколько важной является эта история для понимания мировоззрения Джека Бердена, и насколько важным свидетельством того, что Уоррен, подобно Фолкнеру, считает Прошлое судьей Настоящего» (перевод автора — С.С.) [3, с. 39]. Касс вступает в запретную связь с женой своего друга, Дункана Трайса. Узнав об этом, Трайс заканчивает жизнь самоубийством. Преступление, совершенное Кассом, изменяет весь окружающий его мир.

Ужас от содеянного наполняет душу Касса после того, как все события выстраиваются в его сознании в некую последовательность. Смерть его друга, душевная перемена в женщине, которую он любил и то, с какой осознанной жестокостью она отрывает свою любимую служанку от мужа и семьи и продает работоторговцу, — все это является следствием его преступления. Касс начинает осознавать, что впустил в мир зло, и оно обретает все большую власть над окружающим миром. В своем дневнике, который позже попадает в руки Джека Бердена, Касс пишет, что «вдруг почувствовал, как весь мир вокруг меня пошатнулся в самой основе основ и в нем начался процесс распада, центром которого был я» [1, с. 222]. Он пытается противостоять этому, но все больше убеждается в необратимости последствий своего преступления. Вся оставшаяся жизнь Касса — это путь искупления, начиная с освобождения принадлежащих ему рабов и заканчивая вступлением в армию южан, где он сознательно ищет смерти. Касс заканчивает жизнь в госпитале Атланты, умирая от гнойной раны, но именно в этот момент он испытывает просветление от того, что сумел реализовать возможность искупления своего греха, предоставленную ему судьбой.

Самая важная мысль, которую Джек Берден выносит из истории Касса Мастерна, — это мысль об ответственности, о неизбежности возмездия, но Джек понимает ее в полной мере лишь в конце повествования. Нельзя уйти от ответственности за совершенное злодеяние, как нельзя уйти от себя. В образно-символической системе романа возмездие подобно пауку, который просыпается от совершенного злодеяния и устремляется к своей жертве. И нельзя уйти от возмездия, поскольку все события жизни связаны между собой, ведь «жизнь — это гигантская паутина, и, если до нее дотронуться, даже слегка, в любом месте, колебания разнесутся по всей ее ткани, до самой дальней точки, и сонный паук почувствует дрожь, проснется и кинется, чтобы обвить прозрачными путями того, кто дотронулся до паутины, а потом укусит и впустит свой черный мертвящий яд» [1, с. 236].

История Касса Мастерна тематически связана с историей судьи Ирвина при помощи таких мотивов, как преступление и супружеская неверность. Только в случае с Кассом преступление и измена совпадают, а в случае с судьей Ирвином, прямым следствием его супружеской неверности является Джек Берден. Символично то, что именно он становится орудием возмездия и причиной самоубийства судьи. Здесь особенно заметно ироничное отношение автора к своему герою, который, отрицая существование причин и следствий, сам является и следствием и причиной. Судья вкладывает конверт с материалами, обличающими судью, в руку его сына. И это становится грозным напоминанием того, что возмездие неизбежно.

Еще одна тематическая линия, объединяющая истории Касса и судьи Ирвина, это погружение в прошлое. Мотив Прошлого в этом произведении играет чрезвычайно важную роль. Для многих героев романа Прошлое явля-

ется обвинителем, судьей и исполнителем наказания. Интересно то, что именно Джек Берден является связующим звеном между прошлым и настоящим, хотя сам не осознает этого. Джек — историк, и ищет в прошлом ответы на те вопросы, которые волнуют людей в настоящем. Принимаясь за «дело судьи Ирвина», Джек искренне верит, что «ничто не пропадает бесследно, ничто и никогда. <...> И все времена — одно время, и все умершие не жили до тех пор, пока мы не дали им жизнь, вспомнив о них» [1, с. 281]. Человечество, по мнению Бердена, было бы значительно счастливее, если бы не помнило своего прошлого. Ибо прошлое подобно бремени, которое становится тяжелее с каждым годом, и хранит память обо всех совершенных злодеяниях, ставших явными, или оставшихся тайной. Неслучайно фамилия «Берден» переводится с английского языка как «бремя, ноша, груз».

В этой статье исследуется проблема ответственности *Личности*, поэтому нам представляется важным определить, что понимается под Личностью в рассматриваемом романе. В одном из эпизодов рассказывается о том, как Джек присутствует при операции лоботомии в клинике своего друга Адама Стентона. На операционном столе оказывается пациент, страдающий психическим расстройством, в результате которого он постоянно испытывает грызущую тоску, которой сопутствует бред преследования. Доктор Стентон удаляет у пациента участки мозга, отвечающие за возбуждение и сдерживание психических реакций. После этого, по словам Адама, если больной останется жив, то станет совершенно другим человеком. Вероятнее всего, он будет жизнерадостным и общительным, менее вероятно, но вполне возможно, что он станет жизнерадостным и аморальным. Но и в том и в другом случае, прежним человеком он уже не будет никогда. Из этого следует, что, разрушая сложившуюся систему мотивов, снимая уже существующие стереотипы поведения, закрепленные в памяти, мы разрушаем человеческую личность. Следовательно, личность человека настолько тесно связана с его прошлым, что, разрушая прошлое, мы разрушаем личность.

Эта мысль поможет нам лучше понять мотивацию судьи Ирвина, который совершает самоубийство после того, как Джек напоминает ему о преступлении, совершенном двадцать пять лет назад. В течение всех этих лет судья старался не вспоминать про этот неприятный эпизод своей биографии. Иногда он неделями, месяцами не вспоминал про человека по имени Мортимер Л. Литтлпо, который в результате совершенного им преступления оказался безработным и свел счеты с жизнью. Но после разговора с Берденом судья понимает, что все, совершенное им, является неотъемлемой частью его личности. Судья больше не сможет забыть об этом, и не сможет жить дальше, ощущая на себе весь груз ответственности за смерть этого человека и за совершенное преступление. Это заставляет судью *покончить с собой*. Немаловажно то, что именно Джек Берден, его сын, заново поднимает всю историю Литтлпо, давая ему новую жизнь, и оба они тем самым ста-

новятся «...спаренным орудием замедленного, но неотвратимого самоуничтожения судьи Ирвина» [1, с. 419].

Довольно важным связующим звеном между судьбами Джека Бердена, судьи Ирвина и Касса Мастерна, является дом судьи Ирвина. Именно ради того, чтобы сохранить этот дом, судья пошел на преступление. Но после самоубийства судьи дом переходит по завещанию к Джеку Бердену, который впоследствии работает под его сводами над завершением исследования, посвященного жизни Касса Мастерна. Образ этого дома в романе весьма *символичен*. Попробуем проследить его судьбу: он спасается ценой преступления отца. После смерти отца дом достается сыну, но одновременно с этим, сын узнает правду о том, кто его настоящий отец и о том, какое преступление он совершил. В дальнейшем дом отходит банку как уплата за долги, и сыну остается только память об отце и истории, связанной с этим домом. Очень похоже, что это символически выражает механизм передачи личного опыта последующим поколениям, когда произошедшее становится опытом, опыт — памятью отдельно взятой личности, а память отдельной личности — генетической памятью. Память о возмездии, настигшем судью Ирвина, становится неотъемлемой частью личности Джека Бердена и изменяет его отношение к проблеме ответственности личности радикально, но не окончательно.

Окончательные изменения в сознании Джека происходят под влиянием личности Вилли Старка. Берден подсознательно тянется к Старку, в личности которого есть качества, которых ему не хватает. Личность Старка такова, что каждый человек находит в нем то, к чему стремится. Вот как об этом говорит сам Р.П.Уоррен: «Образ Старка, который в конце концов сложился — я говорю сложился, потому что он не был продуман заранее, а появился в результате долгих размышлений — это образ человека, который обладает всем, чего не хватает окружающим его людям» (перевод автора — С.С.) [5, с. 86]. Водитель Старка, Рафинад, страдающий от своего заикания, восхищается Вилли, потому что он «так красиво говорит», Берден находит в нем непоколебимую веру в удачу, в жизнь, в свою способность что-то изменить. Отсутствие этой веры заставляет Анну Стентон разорвать отношения с Джеком, избыток этой веры в Старке вызывает у Анны восхищение и притягивает ее к нему. Но отношения с Анной становятся последним звеном в цепочке событий, которые становятся причиной трагической смерти Старка.

Когда Старк становится губернатором штата, он руководствуется общим благом. Но со временем его мотивы меняются, и, как метко сказал Касс Мастерн, «все мы приходим в мир наги и босы, а достигнув благоденствия, «устремляемся к злу, как искры к небесам» [1, с. 204]. Добившись власти, Вилли использует незаконные методы чтобы ее усилить и устранить соперников. Он теряет доверие немногих честных людей, окружавших его. Его представления о Добре и Зле смещаются и наконец становится очевидным, что Вилли использует Зло для со-

здания большего Зла. Не замечая того, что его понятия искажены, Старк продолжает диктовать свою волю окружающим, укрепляя свою власть лишь для того, чтобы добиться еще большей власти. В этот момент он, по мнению американского литературоведа, Ч. Каплана, «чувствует себя подобным Богу, безапелляционно навязывая окружающим свое видение мира. Последствием такой непомерной гордыни является крушение всех его надежд и смерть» (перевод автора — С.С.) [6, с. 10].

Еще одна линия поведения Вилли, которая приводит его к трагедии, это супружеская неверность. Уверенный в своей безнаказанности, Старк настолько игнорирует нормы нравственности и моральные устои, что от его семейной жизни остается только фасад. Сын Старка, Том, следуя по стопам отца, ведет беспорядочную половую жизнь, и Старк не может воздействовать на него по двум причинам. Во-первых он, в глубине души, не считает что это плохо. Во-вторых, Старк, активно поддерживающий отношения на стороне, не имеет морального права запретить это сыну. Поэтому огромная доля ответственности за все, что впоследствии происходит с Томом, лежит на нем. Но наиболее роковой ошибкой Вилли становятся отношения с Анной Стентон, которые неотвратимо приводят его к гибели.

Довольно закономерно то, что Вилли погибает от руки Адама Стентона. После того, как ему становится известно об отношениях между его сестрой и Старком, он чувствует, что загнан в тупик. Любое его действие неминуемо влечет за собой унижение и позор, а Адам не может с этим мириться. Он мог бы жить в нищете, но мысль о публичном унижении для него невыносима. Он понимает, что принял сторону Зла, считая его приемлемым, как инструмент для созидания Добра. Но убедившись в том, что с помощью Зла невозможно создать Добро, Адам решается искоренить Зло, даже ценой собственной жизни.

Трагедия Старка заключается в том, что смерть настигает его в тот момент, когда он уже осознал свое моральное падение и встал на путь исправления, когда все могло быть иначе. Как считает американский исследователь Дж.Дж.Хан, «трагедия, произошедшая с его сыном, воспринимается, как частичное искупление злодеяний Вилли. Это заставляет его по-новому взглянуть на себя и свои поступки» (перевод автора — С.С.) [4, с. 4]. Огромное потрясение, испытанное Старком после травмы, навсегда приковавшей к постели его сына, нравственно очищает его. Он готов отринуть Зло и делает первые шаги в этом направлении, но чаша его ответственности оказывается исполнена и возмездие настигает его, не давая завершить начатое восхождение к Добру. Личность Старка такова, что к ней неприменимо понятие справедливости или несправедливости, даже относительно обстоятельств его смерти. Тем не менее, ответственность за его гибель лежит на двух людях, на Джеке Бердене и на Анне Стентон. Именно они свели вместе две таких противоположных личности, как Адам Стентон и Вилли Старк, чем обрекли их на самоуничтожение.

Гибель двух близких людей, завершает формирование нового мировоззрения Джека Бердена. Он начинает видеть логику в событиях, которые прежде казались ему совершенно несвязанными между собой. Он видит как смерть Мортимера Литлпо влечет за собой смерть судьи Ирвина, которая, в свою очередь, влечет за собой смерть Вилли Старка и Адама Стентона. Весь этот груз ответственности в конечном счете ложится на него. Мы уже говорили о том, что перемена, произошедшая с личностью Джека Бердена позволяет нам взглянуть на повествование глазами двух разных людей. В начале романа для Джека «мир состоял из разрозненных явлений, обрывков и осколков фактов и был похож на свалку поломанных, ненужных, запыленных вещей на чердаке. Либо это был поток явлений, проходивших у него перед глазами (или в его сознании), и ни одно из них не было связано с другим» [1, с. 204]. Но произошедшая в нем перемена позволяет ему увидеть связь между всеми событиями прошлого и настоящего. Он начинает лучше понимать мотивацию действий своей матери, когда узнает о ее любви к судье Ир-

вину. Это позволяет ему по-новому взглянуть на свое прошлое, а, следовательно, и на себя самого. Берден преодолевает чувство неполноценности, которое прежде отделяло его от окружающих, «восстанавливая утраченную связь с обществом и преодолевая изначальное чувство отчужденности, чтобы снова почувствовать себя частью мира людей» (перевод автора — С.С.) [4, с. 10].

Каждый из героев этого романа по-разному принимает на себя ответственность за прошлое. Но автор убедительно доказывает что человек не сможет состояться как личность в настоящем, если будет все время убежать от прошлого. В сознании главного героя романа, Джека Бердена, запечатлелось множество историй, но все они приводят его к сознательному выбору, — принятию той ответственности, которую накладывает время на личность каждого человека, поэтому вполне закономерно, что роман заканчивается словами, которые в точном переводе звучат так: «...мы уйдем из дома в биение времени, из одной истории к другой и к невероятной ответственности, которую на нас накладывает время».

Литература:

1. Анастасьев Н.А., Обновление традиции: Реализм XX в. в противообороте с модернизмом, М.: Советский писатель, 1984, 350 с.
2. Затонский Д.В., Художественные ориентиры XX века, М.: Сов. писатель, 1988, 413 с.
3. Зверев А.М., Модернизм в литературе США. Формирование. Эволюция. Кризис., М.: Наука, 1979, 320 с.
4. Мулярчик А.С., Современный реалистический роман США, 1945—1980, М.: Высшая школа, 1988, 172 с.
5. Уоррен Р.П., Вся королевская рать, М.: АСТ, 2007, 531 с.
6. Уоррен Р.П., Как работает поэт. Статьи, интервью. М.: Радуга, 1988, 544 с.
7. All the King's Men: A Symposium. // Beekman W. Cottrell: Cass Mastern and the awful responsibility of time // Pittsburgh: Carnegie Institute of Technology, 1957, 96 p.
8. Bloom's Literary Themes: Sin and Redemption, Edited by H.Bloom // «Sin and Redemption in All the King's Men», by John J. Han, Missouri Baptist University // N.Y.: Infobase Publishing, 2010, 324 p.
9. Conversations with Robert Penn Warren, Edited by Gloria L. Cronin, Ben Siegel // Robert Penn Warren: Willie Stark, Politics, and the Novel; William Kennedy, 1973 // Univ. Press of Mississippi, 2005, 235 p.
10. Robert Penn Warren's All the King's Men, Edited by H.Bloom // Charles Kaplan: Jack Burden: Modern Ishmael // New York: Chelsea House, 1987, 168 p.

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО

Некоторые проблемы совершенствования законодательства о противодействии налоговым преступлениям

Бугаевская Н.О., аспирант

Московский государственный областной университет

В противодействии налоговой преступности немаловажная роль отводится уголовно-правовым средствам. Поэтому вопросы совершенствования законодательства о противодействии налоговым преступлениям представляются актуальными.

Исключение Федеральным законом от 08.12.2003. № 162-ФЗ из диспозиций ст.ст. 198 и 199 УК РФ указания на уклонение от уплаты налогов и (или) сборов иным способом вызвало возражения ученых юристов.

П.С. Ефимичев и С.П. Ефимичев полагают, что указанное решение российского законодателя необоснованно. Весомым аргументом представляется указание П.С. Ефимичева и С.П. Ефимичева на множественность способов уклонения от уплаты налогов: «Способов уклонения от уплаты налогов столь много, что перечислить их в законе практически невозможно. Сущность преступлений, квалифицируемых ст. 198 и 199 УК РФ, состоит в реальной неуплате налогов и (или) сборов в срок, установленный законом. Использование различных способов уклонения от уплаты налогов является свидетельством наличия умысла на неуплату налогов» [2, 87].

Количество известных юридической практике способов уклонения от уплаты налогов исчисляется не одним десятком. По данным Д.А. Глебова насчитывается более ста способов уклонения от уплаты налогов и сборов [1, 214].

На тот факт, что не все способы уклонения от уплаты налогов могут быть квалифицированы по ст.ст. 198 и 199 УК РФ в их нынешней редакции, указывает И.А. Клепицкий: «Казуистичность формулировки закона, возведение в закон частного случая в общее правило имели неизбежным следствием его пробельность. Люди уклонялись от уплаты налогов иными способами, нежели это было указано в законе, что исключало возможность привлечения их к уголовной ответственности за содеянное» [3, 168].

Исходя из изложенного, полагали бы целесообразным, чтобы российский законодатель вновь вернулся к рассмотрению формулировок диспозиций ст.ст. 198 и 199 УК РФ на предмет включения в них указания на совершение преступления иным способом. Одним из вариантов решения данной проблемы мог бы служить отказ от указания ст.ст. 198 и 199 УК РФ на конкретные способы уклонения от уплаты налогов, например:

«Уклонение от уплаты налогов и (или) сборов с физического лица, — наказывается...».

Возможно также использовать формулировку, которую российский законодатель применил при определении в НК РФ понятия неуплаты налогов как налогового правонарушения (ст. 122 НК РФ): «Неуплата или неполная уплата сумм налога (сбора) в результате занижения налоговой базы, иного неправильного исчисления налога (сбора) или других неправомерных действий (бездействия)».

На наш взгляд, повышению эффективности уголовно-правовых мер противодействия налоговой преступности будет способствовать оптимизация штрафных санкций. В настоящее время УК РФ предусматривает наказание в виде штрафа, размеры которого устанавливаются либо в твердой сумме — от двух тысяч пятисот до одного миллиона рублей, либо привязываются к размеру заработной платы или иного дохода осужденного за период от двух недель до пяти лет (ч. 2 ст. 46 УК РФ). При этом законодатель прямо не связывает размер штрафа с размером причиненного преступлением материального ущерба, требуя только, чтобы размер штрафа определяется судом с учетом тяжести совершенного преступления и имущественного положения осужденного и его семьи, а также с учетом возможности получения осужденным заработной платы или иного дохода (ч. 3 ст. 46 УК РФ). Между тем, привязка размера штрафа к размерам причиненного материального ущерба могла бы повысить эффективность штрафных санкций, поскольку такая мера, с одной стороны, способствовала бы более полному возмещению материального ущерба, причиненного преступлением, с другой — сводила на нет выгоду от совершения корыстного преступления и, непосредственно затрагивая экономические интересы виновного в совершении такого преступления лица, более эффективно служила целям предупреждения преступности.

В связи с этим полагаем целесообразным дополнить ч. 2 ст. 46 УК РФ после слов «за период от двух недель до пяти лет» словами:

«либо в размере, превышающем причиненный преступлением материальный ущерб от двух до десяти раз».

Соответственно, в санкциях первых частей статей 198—199.2 УК РФ предусмотреть возможность наказания

в виде штрафа в размере, превышающем ущерб от преступления от двух до четырех раз, а в санкциях вторых частей — от пяти до семи раз.

Санкции статей 199, 199.1 и 199.2 УК РФ предусматривают в качестве дополнительного наказания лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет. Санкции обеих частей ст. 198 УК РФ такого вида наказания не предусматривают. Между тем, по указанной статье УК РФ к уголовной ответственности может быть привлечен не только уклоняющийся от уплаты налогов и сборов рядовой налогоплательщик, но и индивидуальный предприниматель, легально занимающийся предпринимательской деятельностью. Если в отношении первого дополнительное наказание в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью не имеет смысла, то в отношении второго этот вид наказания обладает достаточно большим потенциалом предупредительного воздействия. Поэтому, с учетом повышенной общественной опасности уклонения от уплаты налогов и сборов при наличии квалифицирующих признаков состава преступления, считаем возможным дополнить перечень наказаний, предусмотренных санкцией ч. 2 ст. 198 УК РФ, указанием на возможность применения к основному наказанию также и лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет.

В связи с распространенностью неуплаты (не полной уплаты) организациями (юридическими лицами) налогов и сборов, встает вопрос о целесообразности признания их субъектами преступления и привлечения к уголовной ответственности.

Однако предложения о введении уголовной ответственности юридических лиц не нашли поддержку у российского законодателя.

В проекте Общей части УК РФ [7] было закреплено, что юридическое лицо подлежит уголовной ответственности за деяние, предусмотренное уголовным законом, если:

- юридическое лицо виновно в неисполнении или ненадлежащем исполнении прямого предписания закона, устанавливающего обязанности либо запрет на осуществление определенной деятельности;
- юридическое лицо виновно в осуществлении деятельности, не соответствующей его учредительным документам или объявленным целям.

Деяние, причинившее вред либо создавшее угрозу причинения вреда личности, обществу или государству, было совершено в интересах данного юридического лица либо допущено, санкционировано, одобрено, использовано органом или лицом, осуществляющим функции управления юридическим лицом. Уголовная ответственность юридических лиц не исключает ответственность физического лица за совершенное им преступление.

Но эти положения были отвергнуты.

Столь кардинальная для российского уголовного права идея как введение уголовной ответственности юридических лиц, не могла не вызывать возражений и у ряда ученых-юристов.

А.Г. Корчагин и А.В. Кушниренко писали: «...с введением наказуемости юридического лица теряют силу принципы виновной и личной ответственности, а также запрет двойной наказуемости. На практике реализация идеи уголовной ответственности юридических лиц затруднена. В случае восприятия российским законодателем данной идеи ему предстоит серьезная реконструкция не только общей части УК РФ, но и особенной. На наш взгляд, правильно, что сама идея уголовной ответственности юридических лиц была категорически отвергнута юридическими кругами и законодательным органом России» [4, 213].

Однако в юридической литературе высказывается и иная точка зрения. Так, рассматривая вопрос о возможности привлечения к уголовной ответственности юридических лиц, Ю.В. Трунцевский пишет: «...отсутствие возможности применить уголовную ответственность юридических лиц по действующему законодательству, на мой взгляд, тормозит проведение и других решительных мер борьбы с преступностью, конкретными видами преступлений, в том числе угрожающими экономической безопасности страны» [6, 21]. Но здесь, как отмечал А.С. Никифоров, возникает затруднение «материально-правового свойства: как можно приписать корпорации вину — умысел или неосторожность? Ведь во многих правовых системах понятие виновности включает в себя элемент упрека, который, согласно классической теории уголовного права, может быть обращен только к физическому лицу. Поэтому правовые системы ряда европейских государств не знают уголовной ответственности юридического лица: они привержены традиционному правилу о том, что виновным в совершении преступления может быть признано только физическое лицо» [5, 16].

Промежуточную позицию заняли Н. Щедрин и А. Воскоков. Они предлагают отказаться от попыток внедрения в российскую уголовно-правовую систему модели «уголовная ответственность юридических лиц», а ограничиться использованием модели «меры уголовно-правового характера в отношении организаций». При этом в перечень «уголовных санкций безопасности» в отношении организаций предлагают включить следующие меры воздействия: 1) лишение предоставленных льгот; 2) лишение лицензии; 3) ограничение предпринимательской свободы (передача организации под опеку); 4) наложение ареста на имущество; 5) запрет заниматься определенной деятельностью или приостановление определенной деятельности; 6) возложение иных специальных обязанностей; 7) ликвидация; 8) публикация судебного решения о применении мер безопасности; 9) полная конфискация имущества [8, 58–61].

Рассматривая вопрос об уголовной ответственности юридических лиц, стоит обратить внимание на то, что аналогичная проблема в административном праве решена

российским законодателем в пользу признания возможности привлечения юридических лиц к административной ответственности. В соответствии с ч. 1 ст. 2.1 КоАП РФ, административным правонарушением признается противоправное, виновное действие (бездействие) физического или юридического лица, за которое настоящим Кодексом или законами субъектов Российской Федерации об административных правонарушениях установлена административная ответственность. Тем самым в рассматриваемой статье впервые в качестве субъекта административного правонарушения закрепляются не только физические, но и юридические лица. В соответствии с ч. 2 ст. 2.1 КоАП РФ вина юридического лица признается в том случае, если будет установлено, что у него имелась возможность обеспечить соблюдение установленных правил и норм, за нарушение которых предусмотрена административная ответственность, но оно не приняло все зависящие от него меры по их соблюдению. Ответственность юридического лица возможна только в случаях, если она прямо предусмотрена в конкретных составах. В ч. 3 ст. 2.1 КоАП РФ закрепляется важное положение о том, что субъектом одного правонарушения могут быть одновременно и физическое, и юридическое лицо. При этом назначение наказания юридическому лицу не освобождает от административной ответственности за данное правонарушение виновное физическое лицо. Одновременно привлечение к административной или уголовной ответственности физического лица не освобождает от административной от-

ветственности за данное правонарушение юридическое лицо. Следовательно, орган, рассматривающий конкретное дело об административном правонарушении, должен будет доказать вину как юридического лица, так и физического.

Полагаем, что опыт законодательного регулирования административной ответственности юридических лиц может быть использован при решении вопроса о введении уголовной ответственности юридических лиц.

На наш взгляд, введение уголовной ответственности юридических лиц за преступления, предусмотренные ст.ст. 199 и 199.2 УК РФ будет способствовать повышению эффективности уголовно-правовой борьбы с уклонением от уплаты налогов.

Для этого полагаем целесообразным:

1) указать в УК РФ перечень составов, по которым юридические лица могут быть привлечены к уголовной ответственности. Перечень этих составов расширительному толкованию не должен подлежать;

2) закрепить в УК РФ специальные меры уголовного наказания, которые могут применяться к юридическим лицам;

3) закрепить в УК РФ положение о том, что привлечение юридического лица к уголовной ответственности не освобождает от уголовной ответственности соответствующих должностных лиц, а также любых иных физических лиц, если они виновны в совершении преступного деяния.

Литература:

1. Глебов Д.А. Уголовно-правовая борьба с уклонением от уплаты налогов. Дисс... канд. юрид. наук. Владивосток, 2002.
2. Ефимичев П.С., Ефимичев С.П. Налоговые преступления и проблемы борьбы с ними // Журнал российского права. 2008. № 8.
3. Клепицкий И.А. Налоговые преступления в уголовном праве России: эволюция продолжается // Закон. 2007. № 7.
4. Корчагин, А.Г., Кушниренко, А.В. Правовые основы борьбы с «отмыванием» преступных доходов // Правоведение. 1999. № 4.
5. Никифоров А. К вопросу о признании юридических лиц субъектами преступлений // Адвокатские вести. 2001. № 7.
6. Трунцевский Ю.В. О некоторых уголовно-правовых и криминологических проблемах борьбы с преступностью // Российский следователь. 2009. № 15.
7. Уголовный кодекс Российской Федерации (проект) // Юридический вестник. 1992. N 20 (22). Октябрь. Спецвыпуск.
8. Щедрин Н., Востоков А. Уголовная ответственность юридических лиц или иные меры уголовно-правового характера в отношении организаций // Уголовное право. 2009. № 1.

Административная ответственность – исторический аспект

Журов С.Ю., аспирант

Ростовский государственный экономический университет

В настоящей статье мы исследуем процесс становления института социальной ответственности, ответственности перед обществом. Для системы ценностей Древнего мира восприятие справедливости и общего блага, ассоциируемых с сохранением извечного порядка, является характерной особенностью. Представления о свободе и правах человека, в основном, отсутствуют. Личность не рассматривалась как отдельная самостоятельная ценность, она поглощалась обществом.

Средние века не существенно продвинулись в области завоевания интересов личности. И лишь, после веков господства теологии и религиозного идеала, с наступлением эпохи Возрождения, в центре внимания оказался человек.

Темой диссертационного исследования автора является «Административная ответственность за нарушения в области дорожного движения: сравнительно-правовой анализ на примере законодательства Российской Федерации и Федеративной Республики Германия». Говоря об административной ответственности в целом, полезно обратить свое внимание в глубь веков прошлого, мысли величайших ученых которого, актуальны и по сей день.

В настоящей статье автор ставит перед собой задачу рассмотреть административную ответственность в ее историческом аспекте. А поскольку понятие «административная ответственность» относительно недавно укоренилось в законодательстве, то рассматривать эту категорию, начиная с античных времен, при ее зарождении, возможно лишь как гражданскую ответственность перед обществом, социумом.

Изучая произведения Платона «Государство», рассматривая вопросы о зарождении института социальной ответственности, выявляются понятия «справедливости» и «законности».

Согласившись с тем, что общественную жизнь необходимо урегулировать нормами писаного права, Платон не мог по своим идейным соображениям допустить верховенство закона над религиозной моралью. «Ведь если бы по воле божественной судьбы появился когда-нибудь человек, достаточно способный по своей природе к усвоению этих взглядов, — писал Платон, — то он вовсе не нуждался бы в законах, которые бы им управляли. Ни закон, ни какой бы то ни было распорядок не стоят выше знания».

В диалоге «Законы» Платон писал: «Я вижу близкую гибель того государства, где закон не имеет силы и находится под чьей-либо властью. Там же, где закон — владыка над правителями, а они — его рабы, я усматриваю спасение государства и все блага, какие только могут даровать государствам боги». Однако такие высказывания нельзя вырывать из контекста произведения. Ведь под законом здесь понимается не что иное, как совокупность ре-

лигиозно-нравственных норм, установленных мудрыми людьми государства в качестве ориентира для остальных граждан. В приведенном фрагменте речь идет о подчинении правителей божественным законам [3, с. 36].

Рассматривая вопросы о зарождении института социальной ответственности следует уделить внимание понятиям «справедливости» и «законности». Довольно подробно эти понятия освещены у Платона в диалоге «Государство».

«Справедливость — это то, что пригодно сильнейшему. И ведь верно, в каждом государстве силу имеет тот, кто у власти. Устанавливает же законы всякая власть в свою пользу: демократия — демократические законы, тирания — тиранические, так же и в остальных случаях. Установив законы, объявляют их справедливыми для подвластных — это и есть как раз то, что полезно властям, а преступающего их карают как нарушителя законов и справедливости. Справедливость и справедливое — в сущности это чужое благо, это нечто, устраивающее сильнейшего, правителя, а для подневольного исполнителя это чистый вред, тогда как несправедливость — наоборот... Подданные осуществляют то, что пригодно правителю, так как в его руках сила» [10]. С таким утверждением, пожалуй, можно согласиться. Но мне ближе следующее определение справедливости и к чему привело нежелание терпеть несправедливость.

Платон говорит, что «творить несправедливость обычно бывает хорошо, а терпеть ее — плохо. Однако, когда терпишь несправедливость, в этом гораздо больше плохого, чем бывает хорошего, когда ее творишь. Поэтому, когда люди отвели и того и другого, то есть и поступали несправедливо, и страдали от несправедливости, тогда они нашли целесообразным договориться друг с другом, чтобы и не творить несправедливость, и не страдать от нее» [10]. Таким образом, из взаимного договора, взяло свое начало законодательство. То, что устанавливал закон, то впредь считалось законным и справедливым. Выходит, что справедливость «занимает среднее место — ведь творить несправедливость, оставаясь притом безнаказанным, это всего лучше, а терпеть несправедливость, когда ты не в силах отплатить, — всего хуже. Справедливость же лежит посередине между этими крайностями и этим приходится довольствоваться, но не потому, что она благо, а потому, что люди ценят ее из-за своей собственной неспособности творить несправедливость. Ведь всякий человек про себя считает несправедливость гораздо более выгодной, чем справедливость... Если человек, овладевший такою властью, не пожелает когда-либо поступить несправедливо и не притронется к чужому имуществу, он всем, кто это заметит, покажется в высшей степени жалким и неразумным, хотя люди и станут при-

творно хвалить его друг перед другом — из опасения, как бы самим не пострадать. Все в один голос твердят, что рассудительность и справедливость — нечто прекрасное, однако в то же время тягостное и трудное, а быть разнужданным и несправедливым приятно и легко и только из-за общего мнения и закона это считается постыдным. Несправедливые поступки по большей части целесообразнее справедливых: люди легко склоняются к тому, чтобы и в общественной жизни, и в частном быту считать счастливыми и уважать негодяев, если те богаты и вообще влиятельны, и не во что не ставить и презирать каких-нибудь немощных бедняков, пусть даже и признавая, что они лучше богачей. После всего сказанного есть ли какая-нибудь возможность, чтобы человек одаренный душевной и телесной силой, обладающий богатством и родовитый, пожелал уважать справедливость, а не рассмеялся бы, слыша, как ее превозносят? Да и тот, кто может опровергнуть все, что мы теперь сказали, и кто вполне убежден, что самое лучшее — это справедливость, даже он будет склонен извинить людей несправедливых и отнестись к ним без гнева, сознавая, что возмущаться несправедливостью может лишь человек, божественный по природе, и воздерживаться от нее может лишь человек, обладающий знанием. А вообще-то никто не придерживается справедливости по доброй воли: всякий осуждает несправедливость из-за своей робости, старости или какой-либо иной немощи, то есть потому, что он просто не в состоянии ее совершать. Ведь из таких людей первый, кто только войдет в силу, первым же и поступает несправедливо, насколько способен» [10]. Это вечные истины, не теряющие своей значимости.

Подводя свои рассуждения к рассуждениям о законе, Аристотель рассматривает наряду или совместно с другими категориями понятие — «добродетель», в соответствии с которым, или «сообразно» которому действуют люди.

Аристотель говорит: «Правосудные и мужественные поступки и все прочее, что от добродетели мы совершаем в отношении друг друга при сделках, при нужде, при всевозможных действиях и претерпеваниях — все это явно человеческие дела» [1]. Так устроено естество человеческое, что только рассуждений недостаточно, чтобы сделать людей добрыми. В действительности оказывается, что силой рассуждения можно вдохновить людей возвышенных, потому как нрав благородный и любящий прекрасное можно заставить вдохновляться одной добродетелью. Однако, живя страстью, люди ищут удовольствий и избегают страданий, но о прекрасном, доставляющем удовольствие они не имеют понятия, так как не знают его вкуса.

Какие же рассуждения могли бы переменить подобных людей. Ведь, во всяком случае, непросто с помощью рассуждения совершить перемену в том, что издавна воспринято нравами. Рассуждения и обучение не для всех имеют силу, а нужно, чтобы душа слушателя благодаря привычкам заранее была подготовлена для правильного вос-

приятия наслаждения и ненависти, подобно вспаханной земле, готовой взрастить семя. Следовательно, необходимо, чтобы уже заранее были в наличии привычки, принимающие добродетель, любящие прекрасное и отвергающие постыдное. Получить в молодости правильное руководство на пути к «добродетели» трудно, если не быть воспитанным соответствующими законами; ведь жить благоразумно и выдержанно большинству не доставляет удовольствия, поэтому воспитание и занятия должны быть установлены по закону, так как близкое не будет причинять страданий [1].

Поэтому лучше всего, если — появится общественное внимание к воспитанию, причем правильное внимание.

Говоря о законе нельзя обойтись без понятия «справедливости». Итак, что оно есть такое? Справедливость, по мнению Аристотеля, бывает двух сортов. Один из них — это соответствие закону: справедливым называют то, что приказывает закон. Закон велит поступать мужественно, благоразумно и вообще вести себя в согласии с тем, что зовется добродетелями. Вот почему говорят, что справедливость — это некая совершенная добродетель. Ведь если справедливое — это то, что велит делать закон, а закон приказывает исполнять все добродетели, то поступающий справедливо в соответствии с требованиями закона достигнет совершенного достоинства, так что справедливость — это некая совершенная добродетель. В этом состоит и к этому относится один род справедливого [1, с. 324]

Второй род справедливого — справедливое по отношению к другому человеку. Справедливое по отношению к другому — это равенство. Так и есть, несправедливое — это неравное: когда кто-либо наделяет себя хорошими вещами больше, а плохими меньше, то тут имеет место неравенство, и принято думать, что таким путем совершают несправедливость и подвергаются ей. Таким образом, если несправедливость сводится к неравенству, то справедливость и справедливое состоят в равенстве обязательств. Следовательно, справедливость есть некая середина между многим и малым: несправедливый, совершая несправедливость, имеет больше, а терпящий несправедливость, имеет меньше. Середина между ними — справедливое, среднее же — это равное. Поэтому справедливый человек — это человек, стремящийся иметь равное с остальными. Из сказанного следует, что быть равным по отношению к другим справедливо, и такого человека следует называть справедливым.

Вряд ли кто-нибудь будет сомневаться в том, что законодатель должен отнестись с особым вниманием к воспитанию молодежи, так как в тех государствах, где этого нет, и самый государственный строй терпит ущерб [1, с. 628]

Граждане, являясь частями государства, принадлежат государству. Ясно, что и забота о каждой частице должна быть под контролем государства. Итак, ясно, должны существовать законы, касающиеся воспитания, и воспитание должно быть общим.

Ж.Ж. Руссо вошел в историю как поборник идей равенства, законности, социальной справедливости.

Переход от естественного состояния к гражданскому состоянию производит в человеке заметную перемену, заменяя в его поведении инстинкт — справедливостью и придавая его действиям тот нравственный характер, которого они до сих пор были лишены. «Только тогда, когда голос долга сменяет плотские побуждения, а право — желание, человек, который до сих пор считался только с самим собою, оказывается вынужденным действовать сообразно другим принципам и советоваться с разумом, прежде чем следовать своим склонностям. Мы должны благословлять тот счастливый миг, который из тупого и ограниченного животного создал разумное существо — человека» [11]. Насколько актуально и по сей день. Не плохо бы об этом не забывать.

Развивая идеи о возникновении государства и права Ж.Ж. Руссо говорит об общественном договоре, по которому люди договорились жить совместно, дабы максимально обезопасить себя и все то, чем обладают, жертвуя своей естественной свободой.

Но следует заметить, что «поступать лишь под воздействием своего желания есть рабство, а подчиняться закону, который ты сам для себя установил, есть свобода».

«Для того чтобы открыть наилучшие правила общежития, подобающие народам, нужен ум высокий, который видел бы все страсти людей и не испытывал ни одной из них; который не имел бы ничего общего с нашею природой, но знал ее в совершенстве; чье счастье не зависело бы от нас, но кто согласился бы все же заняться нашим счастьем; наконец, такой, который, уготовляя себе славу в отдаленном будущем, готов был бы трудиться в одном веке, а пожинать плоды в другом. Потребовались бы Боги, чтобы дать законы людям» [11].

Как нельзя точнее сказано: «Всякая справедливость — от Бога, Он один — ее источник; но если бы мы умели получать ее с такой высоты, мы бы не нуждались ни в правительстве, ни в законах» [11].

Рассуждения И. Канта о морали неразрывно связаны с пониманием права. Сиюминутной полезности и выгоде Кант противопоставляет мораль. Основу учения его составляет долг. «Нужда не знает закона»; и тем не менее, нет такой нужды, которая сделала бы законосообразным то, что неправо», — говорит Кант.

«Поведение человека морально только тогда, когда, преодолевая в себе любые благородные или низменные склонности и совершенно независимо от возможных последствий его действий, он руководствуется исключительно чувством долга» [4, с.234].

Кант приводит отличие права от морали, но кладет в их основу одни и те же принципы. Различаются мотивы его соблюдения и способ обеспечения. Когда закон соблюдается в силу внутреннего убеждения лица, речь идет о моральном поведении. Когда закон соблюдается внешне, под влиянием мотивов (выгода, страх наказания и т.п.), — речь идет о легальном поведении. Мотив разграничи-

вает сферы законности и добродетели. Законность формальна и требует только соблюдения правила. Добродетельное поведение подразумевает соблюдение правила по убеждению. Следовательно, если вы поступаете хорошо по принуждению, добродетель здесь не причем. В праве наоборот. Применение принуждения не разрушает право, а укрепляет. Возможность принуждения — важнейшее отличие права от морали. Предложенное Кантом определение права может быть истолковано следующим образом: нормы права охватывают область, в которой человек может действовать свободно. Выход за эту область недопустим, потому что он означал бы покушение на свободу других лиц. Другими словами, право — это определение пределов свободы человека [4, с.235].

Осуществление права требует того, чтобы оно было общеобязательным, и достигается такая всеобщая обязательность права через наделение его принудительной силой. Иначе людей нельзя заставить соблюдать нормы права. Если право не наделить принудительной силой, оно окажется не в состоянии обеспечить подготовленную ему общественную роль. Передать праву столь нужное ему свойство способно лишь государство, являющееся первичным носителем принуждения. Выдвижение Кантом тезиса о том, что благо и назначение государства — в совершенном праве, в максимальном соответствии устройства и режима государства принципам права, дали основание считать Канта одним из главных создателей концепции «правового государства». Кант многократно подчеркивал насущную необходимость для государства опираться на право и согласовывать с ним свои акции. Государство, которое не обеспечивает охраны позитивных законов, уклоняется от соблюдения прав и свобод, рискует потерять доверие и уважение своих граждан. Мероприятия государства могут перестать находить в них внутренний отклик и поддержку. Люди будут сознательно занимать позицию отчужденности и безучастности от такого государства [5].

Согласно Канту, закон должен быть всеобщим необходимым предписанием [6, с.17].

По Ницше, ответственность — это философско-социологическое понятие, отражающее объективный, исторически конкретный характер взаимоотношений между обществом, коллективом, личностью с точки зрения сознательного осуществления предъявляемых к ним взаимных требований. У индивида ответственность формируется как результат внешних требований, которые к нему предъявляет общество, класс, данный коллектив. Воспринятые индивидом они становятся внутренней основой мотивации его ответственного поведения, регулятором которого служит совесть.

Совесть же так соотносится к морали, как справедливость относится к праву. «Тогда, прежде всего мы могли бы сказать, что мораль заключается в подчинении обычаям, каковы бы они не были. От этих обычаев ни в малейшей степени не требуется, чтобы они и в самом деле приносили какую-либо пользу. Существует огромное число обычаев, видимая полезность которых сомнительна.

Тем не менее, просто быть обычаем, независимо от содержания, уже означает обладать определенной полезностью. Любое правило лучше, чем его отсутствие. Этот принцип стоит у истоков цивилизации» [2, с. 167].

Ницше, в «Утренней заре...» высказывает следующие мысли о выполнении закона: «В случае, если выполнение морального предписания влечет за собой совсем иной результат, чем предусматривалось и ожидалось, и блюститель нравственности обретает не обещанное счастье, а — вопреки ожиданиям — беды и невзгоды, всегда остается в запасе отговорка совестливых и боязливых: «Что-то не заладилось в выполнении». В наиболее скверном из всех случаев глубоко страдающее и удрученное человечество даже постановит: «Хорошо выполнять это предписание невозможно: мы слабы и грешны вдоль и поперек, и быть моральными нам по большому счету не по плечу, следовательно, мы не можем и претендовать на счастье и успех. Моральные предписания и обетования даны свыше существам более совершенным, чем мы» [9, с. 49].

Ницше рассматривает относительность морали, когда «некоторые сильные и опасные инстинкты, такие как, на-

пример, предприимчивость, безумная смелость, мстительность, хитрость, хищничество, властолюбие», могут быть полезными и считаться добродетелью, при определенных условиях. При определенной ситуации некоторые опасные инстинкты могут считаться добродетелями, например, при агрессии извне. Тогда эти агрессивные стремления получают выход вовне, при противоборстве с врагами группы. Мы наблюдаем здесь, как одна и та же вещь может по-разному оцениваться в зависимости от обстоятельств.

В рамках данной статьи кратко изложены основные идеи о праве, морали, справедливости известных ученых мыслителей прошлого. Основные философские проблемы были поставлены именно в древности: происхождение и назначение государства, роль принуждения во власти, естественное право, обязанности человека и многое другое.

Многие века мысли этих Великих ученых не теряют своей актуальности и легли в основу всеобщего права в целом и административного права и ответственности, в частности.

Литература:

1. Аристотель. Сочинения: В 4-х т. Т. 4. М.: Мысль, 1984.
2. Данто А. Ницше как философ. — М.: Идея-Пресс, 2001.
3. История политических и правовых учений/ Учебник / Под ред. О.Э. Лейста. — М.: Юридическая литература, 1997//studylaw.narod.ru/leyst.txt.
4. История политических и правовых учений: учеб. для вузов / под общ. ред. О.В. Мартышина. — М.: Норма, 2007.
5. История политических и правовых учений/ Под общ. ред. Нерсесянца В.С. — М.: Норма, 2000// <http://obuk.ru/other/13638-istorija-politicheskikh-i-pravovykh.html>.
6. Кант И. Сочинения в шести томах. М., «Мысль», 1963—1966 (Т. 4. ч. 1, 2).
7. Нерсесянц В.С. Философия права: Учебник для вузов. — М.: Норма, 2003.
8. Ницше Ф. Сочинения в 2 т. Т. 2. — М.: Мысль, 1990.
9. Ницше Ф. Утренняя заря: Мысли о моральных предрассудках. — М.: Академический проект, 2008.
10. Платон. Государство//lib.ru/POEEAST/PLATO/gosudarstvo.txt.
11. Руссо Ж.Ж. Об общественном договоре. Трактаты / Пер. с фр. — М.: «КАНОН-пресс», «Кучково поле», 1998.//lib.ru/FILOSOF/RUSSO/prawo.txt.
12. Самыгин П.С. Учебно-методический комплекс учебной дисциплины «История политических и правовых учений», Ростов н/Д-2009.
13. Сравнительное правоведение / А.В. Малько, А.Ю. Саломатин. — М.: Норма, 2008.
14. Философский словарь Владимира Соловьева. Ростов н/Д: «Феникс», 1997.

Связь мифологического и правового сознания

Сарыглар Н.С., соискатель
Тывинский государственный университет

Важным в современной юридической науке является подход дифференциации форм сознания по определенным элементарно-структурным свойствам выделяемых видов мышления. Это демонстрирует ряд исследований при характеристике правосознания и сравнении его с иными формами общественного и индивидуального сознания. Многие существующие на настоящий момент юридические исследования подтверждают связь правового и мифологического сознания. В архаичном обществе мифологическое и правовое сознание не разделены четко, и могут лишь угадываться в первоначальном сознании. На сегодняшний день, возможно,

вполне определенно выделить разные формы сознания и разные типы мышления. Есть возможность утверждать, что древние формы общественного сознания сохранены в современных формах. Это утверждение в полной мере относится к мифологическому сознанию.

Со времени появления революционных работ З. Фрейда и К. Юнга не замечать роль бессознательного уже невозможно, хотя в юридических исследованиях ему уделяется крайне недостаточное внимание. Очевидно значительное воздействие неосознаваемых процессов и явлений на правовое поведение. Оно связано с «экономией» мышления: если бы мы обдумывали каждый наш шаг, то практически ничего не успевали бы в этой жизни. Поэтому многие действия, имеющие в том числе юридическое значение, совершаются людьми без «включения» сознания — на уровне привычек, стереотипов поведения.

Бессознательное в правовой реальности проявляется в индивидуальных установках и архетипах коллективного бессознательного. Установка — это «внутренняя склонность, самонаправленность, готовность индивида к совершению определенных действий, позволяющих ему удовлетворять потребность [1], «собственная норма поведения» [2]. Когда нет времени или желания на обдумывание ситуации, «включается» установка, которая и определяет результат действия, в том числе правомерный или противоправный.

Архетипы (от архэ — греч. начало) коллективного бессознательного — это исходные начала любой культуры, проявляющиеся в мифах, легендах, сказках и стереотипах массового поведения. Они представляют собой формы фиксации в коллективной памяти основополагающих идей соответствующей человеческой общности и, возможно, человечества как такового¹.

«В каждой душе, — писал К. Юнг, — присутствуют формы, которые, несмотря на свою неосознаваемость, являются активно действующими установками, предугадывающими наши мысли, чувства и действия и постоянно оказывающими на них влияние» [3]. «Архетипами... являются символы, внушающие базовые ритуалы, мифологии и видения посредством летописей человеческой культуры», — отмечает Д. Кемпбелл. О том, как различаются «правовые» архетипы коллективного бессознательного у различных народов (культуры).

Важным в современной юридической науке является подход дифференциации форм сознания по определенным элементарно-структурным свойствам выделяемых видов мышления. Это демонстрирует ряд исследований при характеристике правосознания и сравнении его с иными формами общественного и индивидуального сознания [4].

Многие существующие на настоящий момент юридические исследования подтверждают связь правового и мифологического сознания. В архаичном обществе мифоло-

гическое и правовое сознание не разделены четко, и могут лишь угадываться в первоначальном сознании. На сегодняшний день, возможно, вполне определенно выделить разные формы сознания и разные типы мышления. Есть возможность утверждать, что древние формы общественного сознания сохранены в современных формах. Это утверждение в полной мере относится к мифологическому сознанию.

Мифологическое мышление в отличие от правового мышления «пралогично», но это вовсе не значит, что им игнорируются причинно-следственные связи и закономерности вообще, оно не задействует аппарат формальной логики в их выявлении и констатации. Мифологическое сознание, в отличие от правового, иррационально и оперирует не понятиями (логическими смысловыми единицами), а идеями и символами. Как правовое мышление оно не понятийно, а, образно-символично. Как характеристика мифологического сознания, иррациональность указывает на вторичную роль самого мышления в мифологическом сознании, тогда как в правосознании мышление занимает очень важное место, поэтому мы говорим как о рациональности (разумности, логичности) правового мышления, так и о рациональности правового сознания в целом. Мифологическому сознанию, так же как и правосознанию, свойственна нормативность. На нормативность как на важнейшую черту юридического мышления обращают внимание многие российские правоведы [6]. Но нормативность правового и мифологического плана очень своеобразна.

Мифологическое сознание не содержит абстрактного, отвлеченного свода норм, как правосознание, не имеет рационально выстроенной системы этих норм. Оно оперирует конкретными символами, образами и ситуациями, которые предстают как «архетипические» [7], не только и не сколько в том смысле, что они связаны с архетипами, а в том, что они претендуют на их выражение, на их трансляцию в сознание людей. Конкретная мифологизированная ситуация воспринимается как образец правильного поведения и верного знания. По такому принципу, доказавшему свою действенность в истории всех народов, действует и государство, вводя элементы мифа в правовую сферу, придавая отдельной ситуации, имевшей место или выдуманной, несомненное значение.

Правовому сознанию свойственна внутренняя противоречивость содержательного характера при сравнении ситуации, изображенной в юридической литературе, с непосредственным отражением в правосознании социальной действительности. В правосознании функциони-

¹ Доказано существование однотипных символов у народов, никогда не контактировавших друг с другом. Однако смысл этих символов у них несколько отличен. Поэтому доказательство существования общечеловеческих архетипов, на чем настаивал К. Юнг, до сих пор остается проблематичным.

рует механизм преодоления конфликтов, и этот механизм приводится в движение способностью к рефлексии, что совершенно чуждо мифологическому сознанию. Непротиворечивость, которую привычно ассоциируют с правовым мышлением, напротив, характеризует сознание мифологическое. Миф, прежде всего объясняет, он способен объяснить абсолютно все, притом даже игнорируя любые противоречия, в том числе и противоречия с действительностью. Все оппозиции в мифе не носят ценностного характера, они выполняют не ценностную, а объясняющую функцию.

Свойство экстенсивности, присущее мифологическому сознанию, связано с тем, что оно постоянно создает новые образы и схемы для объяснения окружающей действительности; оно является основой для беспрерывного разрастания мифа, рано или поздно ведущего к изменению значений его символики. Во многом в силу этого можно объяснить «живучесть» мифа, его способность избегать любых противоречий с реальностью. Мифологическое сознание вполне способно объяснить происходящее, руководствуясь лишь каким-нибудь единственным принципом, вне зависимости от вновь возникающих обстоятельств и условий. Именно поэтому такое качество, как рефлексивность, ему не присуще.

Исходя из сказанного выше, можно утверждать, что мифологическое сознание, в содержательном плане являясь вполне конкретным, по сути, выражает реальность универсальным способом, оно универсально. К данному утверждению приведем несколько примеров.

Существуют такие юридические понятия, как «человек совершивший преступление», «преступник». Нетрудно установить, какое из указанных понятий более соответствует рациональному и требованиям к точности правового мышления и какое выступает в качестве универсальной

мифологизированной характеристики личности, ставя на нее своего рода «печаль Каина».

Если мифологическое сознание в значимой области расширено, то правовое сознание, нацеленное на выработку конкретных суждений, на формирование определенного мнения относительно отдельных ситуаций, постоянно соотносит правовую реальность с системой правовых норм и ценностей. Это возможно в силу того, что в правосознании функционирует механизм рефлексии, а также того, что правовое сознание фрагментарно, оно имеет своим объектом конкретную ситуацию и норму.

Мифологическое сознание является сознанием цельным. Действительно, если норма правосознания конкретна и выступает не как сюжет, а как норма, все же она слишком схематична, чтобы просто поверить в ее истинность, а ее реализация в конкретной ситуации также отделяет нас от ее смысла. Такое недоверие часто выражается в том, что нельзя применять некую формальную меру к реальным людям, что нормы права слишком схематичны, чтобы полностью регулировать «живые человеческие отношения».

В сфере мифологического сознания ситуация и норма есть непротиворечивое целое и нормативные начала, содержащиеся в мифах, всегда несли в себе способность освобождать человека от сомнений. Рациональное в правосознании не вытесняет мифологическое, так как «право оплодотворенное мифом, становится могучим фактором развития цивилизованных отношений» [8]. Без мифологического элемента в правосознании невозможно схватывание правовой ситуации в цельности. Такое влияние мифологического сознания на правовое может иметь как положительные, так и отрицательные стороны для современного общества, оно должно изучаться в рамках современной юридической науки.

Литература:

1. Ошеров М. С., Спиридонов Л. И. Общественное мнение и право. Л., 1985.
2. Узнадзе Д. Н. Психологические исследования. М., 1966.
3. Юнг. К.-Г. Душа и миф: шесть архетипов. Киев, 1996.
4. Малахов В.П. Философия права. М., 2007. С. 82-89.
5. Гурвич Г.Д. Магия и право//Философия и социология права: Избранные сочинения. СПб., 2004. С. 473 - 556
6. Лейст О.Э. Сущность права. Проблемы теории и философии права. М., 2002. С. 195.
7. Полосин В.С. Миф. Религия. Государство: Исследование политической мифологии. М., 199. С. 45-49.
8. Бачинин В.А. Указ. Соч. С. 489.

ПОЛИТОЛОГИЯ

Роль средств массовой информации в терроризме XXI

Андреева Е.В., студент
Ульяновский государственный университет

Терроризм в любых формах своего проявления превратился в одну из самых опасных проблем, с которыми человечество вошло в XXI столетие. В современном мире проблема терроризма занимает особое место среди явлений социальной действительности и является реальной угрозой основы политической стабильности и мирового порядка. Под терроризмом в современной политической практике понимается применение негосударственного насилия или угрозы насилия с целью вызвать панику в обществе, ослабить и даже свергнуть правительство и вызвать политические изменения в государстве. [1] Терроризм представляет реальную угрозу национальной безопасности страны: похищение людей, взятие заложников, случаи угона самолетов, взрывы бомб, акты насилия в этно-конфессиональных конфликтах, прямые угрозы и их реализация и т.д.

Последние террористические акты в Москве и на Северном Кавказе показывают, что информационная составляющая — важнейший элемент современного терроризма. Отсутствие освещения в массмедиа обесмысливает теракт. Соответственно, та или интерпретация теракта может означать его успех или неудачу, задавать реакцию на него населения. Некоторые зарубежные и российские СМИ так освещают террористические акты, что объективно создают информационное прикрытие для террористов. Терроризм сам по себе представляет крайне опасный способ политической дестабилизации современного общества. Террористические акты при соответствующем информационном освещении в СМИ представляют мощнейшее оружие: они демонстрируют обществу бессилие власти (на месте теракта власть утратила монополию на применение силовых методов), и в зоне теракта реализовывалась альтернативная власть, создаёт прецеденты активного неповиновения и противостояния власти, как правило, что немаловажно, активизирует оппозиционные силы и настроения, ударяет по экономике и ухудшает имидж страны в целом.

В связи с недавними терактами в России обращалось внимание на подмену понятий: ответственность за злодеяние подменялась обсуждением неспособности государства предотвратить теракт или ликвидировать его последствия, и невольно внимание наблюдателей переключается с террористов непосредственно на правительство. Удивительно, что на фоне шквала негодования

в адрес «властей» отсутствуют возмущённые реплики в адрес самих террористов или тех, кто их обучил, вооружил и финансировал. Моральный релятивизм по отношению к террористам, которым грешат отечественные СМИ, едва ли возможен в других странах. Там есть чёткое понимание того, что с террористами надо обращаться по законам войны, как с солдатами вражеских армий.

Невозможно оказывать эффективное информационное противодействие терроризму без четкого правового определения террора и террористов. Террористы — это все, кто принимает участие в террористической деятельности. Публично именуя их иначе («сепаратистами», «экстремистами», «шахидами») СМИ «героизируют» террористов. Это ведет к моральному оправданию их действий, резко повышает их политический статус. Они предстают как одна из сторон конфликта. Такая интерпретация основана на полном непонимании разницы между законной монополией государства на применение силовых методов и террором как преступлением.

Первейшей обязанностью государства является защита безопасности своих граждан, в том числе и с помощью силовых методов. Если гражданин совершает теракт, он становится террористом независимо от движущих им религиозных, этнических или политических мотивов. Именно так относятся к «своим» террористам общественное мнение и СМИ на Западе. Невозможно представить, чтобы в США кто-то назвал участников террористических атак 11 сентября «шахидами» или «боевиками». В западной прессе также не найти «романтизированных» деталей из жизни террористов, их биографий, фотографий и т.д. Любые открытые сведения о них крайне скупы и дозируются спецслужбами.

Средствам массовой информации следует поддерживать свое правительство, силовые структуры и, в случае необходимости, предоставлять им информацию, которой обладают журналисты. Пресса должна формировать негативный образ террористов, а не романтизировать и оправдывать их действия. Особое значение приобретает сотрудничество между СМИ и властями во время критических моментов — например, захвата заложников. СМИ не должны информировать общественность и террористов о действиях и планах правоохранительных органов, избегать публикаций драматических историй родных и жертв заложников, чтобы не давать террористам допол-

нительных преимуществ в переговорах с властями. После разрешения кризиса, СМИ не должны сообщать о деталях проведенной операции. Кроме того, СМИ следует в позитивном ключе описывать деятельность правоохранительных органов. Особое значение в этой сфере приобретает использование дезинформации, которую могут использовать как правоохранительные органы, так и террористы.

Такой же подход применяется и к освещению событий с места теракта, реакции на него населения. Главный принцип — безопасность граждан и сотрудников спецслужб — должен преобладать над всеми остальными соображениями. С этой точки зрения поражают действия российских СМИ, когда они обрушились на федеральные телеканалы за то, что те во время терактов в метро сразу же не предоставили «живой» трансляции с места событий. Это говорилось в тот момент, когда масштабы теракта и возможность новых взрывов еще были не ясны, а под землей в утренние часы пик находились сотни тысяч людей. В подобной ситуации призывы к «прозрачности» равносильны требованию ознакомить с деталями изготовления и применения оружия массового поражения.

Опыт введения ограничений доступа к личной информации и свободы публикации существуют во многих странах мира. Например, в 1960-е годы Великобритания запретила теле- и радиоккомпаниям давать слово спикерам террористов. Однако этот запрет был обойден: дикторы зачитывали текст, который произносили представители террористических организаций. В 1970-е годы в Федеративной Республике Германия вступил в силу закон, запрещающий СМИ публиковать материалы, которые способны поощрить читателей к действиям, способным нанести угрозу стабильности государства. [2]

Как известно, после 11 сентября 2001 года США приняли Патриотический акт, который существенно облегчил доступ спецслужб к личной информации граждан и ограничил публикацию информации, которая, по мнению спецслужб, могла бы помешать борьбе с террором. Данный документ узаконил прослушивание телефонов, доступ к обычной и электронной почты, а также наружное наблюдение, но легитимными стали и вторжения в личную жизнь, как изъятие деловых документов и медицинских историй болезней.

Попутно в США учредили «военные комиссии» для рассмотрения дел иностранных граждан, подозреваемых в терроризме. Кроме того, Акт позволил устанавливать наблюдение за иностранными гражданами, подозреваемыми в террористической деятельности, но не входящими в террористические организации, а также усилил наказание за финансирование террористов и террористических организаций. [2]

Данный документ вызвал широкий общественный резонанс, но виден блестящий результат: более в США терактов не было.

После взрывов в московском метро в марте 2010 Дмитрий Медведев объявил, что аналогичная шкала

будет введена и в России. Тем, кто критикует данную идею, можно было бы обратить своё внимание на пример США, где понимают, что ограничения «свободы информации» в борьбе с террором необходимы, ибо современный терроризм не существует без информационной поддержки.

Для ведения успешной информационной политики, власти следует антитеррористические программы. Государству необходимо уметь управлять информационными потоками при помощи налаживания конструктивного сотрудничества со СМИ, чтобы ограничить ущерб, наносимый террористами обществу. Целесообразно, к примеру, информировать отдельных представителей прессы сведениями, касающимися планируемых террористических актов. Кроме того, в случаях крайней необходимости, когда речь идёт об интересах национальной безопасности, спецслужбы должны иметь возможность распространять через СМИ заведомо ложную информацию, способную предотвратить, нейтрализовать или отодвинуть террористические акты. Следует также заметить, что важно ограничить свободу творчества журналиста в ходе теракта. Понятно, что каждый журналист стремится к полной свободе в освещении рассматриваемого вопроса. Но необходимо также понимать, что при освещении террористических актов СМИ должны критически оценивать ситуацию и объективно проследить последствия своих репортажей. Когда террорист выступает «главным лицом» в репортаже, когда дано слишком много личных подробностей о нём, когда террорист, образно говоря, присваивает себе большую часть журналистских формулировок, это заставляет читателей невольно фокусировать мнение на нём и его требованиях и бессознательно заставляет их задуматься о возможности справедливости их требований. Необходимо понимать, что СМИ не должны оправдывать или даже каким-то образом объяснять действия террористов. И рефреном во всех докладах СМИ должна проследиваться идея о недопустимости применения насилия, какими бы лозунгами оно не оправдывалось. Необходимо обратить внимание на то, что проблемой может являться и воздействие показа СМИ актов насилия на потенциальных террористов. Кадры об убийствах, сценах насилия оказывают возбуждающее зрелище на зрителей, в особенности на тех, кто склонен к жестокости и преступлениям. Немаловажным моментом является также то, что СМИ не должны давать трибуну террористам ни при каких условиях. Свободно предоставляя слово террористам и тем самым позволяя им привлекать к своим действиям внимание общественности, средства массовой информации, фактически, выполняют роль пропагандистской машины террора. СМИ также не должны содействовать террористам в получении какой-либо информации.

Конечно, информационная безопасность не может быть обеспечена за короткий промежуток времени. СМИ сами должны осознать свои интегрирующие функции и взять на себя обязательства как по объективному и беспристрастному информированию населения, так и по обеспечению информационной безопасности — как в контексте

общественности, так и на уровне отдельного гражданина. СМИ в современном мере являют собой важнейший и сильнейший механизм, направленный на реализацию интересов гражданского общества. Пресса должна играть роль интеграции и консолидации, и должна быть выработана такая политика, которая бы отвечала запросам гражданского общества.

Обеспечить безопасность можно лишь одним способом — «работать над упреждением, и это задача правоохранительных органов и органов безопасности» [4], —

заявил премьер-министр России Владимир Путин после трагедии с «Невским экспрессом». Единственное правильное решение в отношениях с терроризмом — это его предотвращение. А предотвратить подобные проявления силы очень сложно. И дело тут не в компетенции тех или иных государственных структур, а в развитии общей политической культуры общества. Когда в отношениях между обществом и государством существует гармония, доверие и взаимопонимание, тогда такие явления как терроризм маловероятны.

Литература:

1. Терроризм и его проявления: <http://nicbar.narod.ru/lekziya27.htm>
2. Israland: Пресса как оружие массового поражения: <http://www.isra.com/lit-29124.html>
3. Агентура: «Патриотический акт»: Юридический анализ: <http://www.agentura.ru/dossier/usa/zakon-antiterror/>
4. Взгляд. Деловая газета: <http://vz.ru/society/2009/11/30/354146.html>

ИСТОРИЯ

Характеристика системы международной безопасности в период Холодной войны

Андреева Е.В., студент

Ульяновский государственный университет

Холодная война — термин, обозначающий состояние военно-политической конфронтации государств и групп государств, при которой ведется гонка вооружений, применяются экономические меры давления (эмбарго, блокада экономическая и т.п.), осуществляется организация военно-стратегических плацдармов и баз. [1]

Вряд ли можно назвать этот период всего лишь одним из многочисленных эпизодов XX-го века, так как он в огромной степени затронул социальные, экономические и психологические аспекты жизни многих народов в то время.

Во время Холодной войны сформировался биполярный мир с США, чьи потери во Второй Мировой Войне были минимальными из-за отдалённого от центра военных действий географического положения, с одной стороны и Советской Россией, которая ценой невероятных усилий сумела восстановить своё прежнее могущество и обеспечить рост во всех сферах, с другой.

Естественно, что в годы Холодной войны международная безопасность определялась двумя ведущими сверхдержавами — США и СССР — и, следовательно, на несколько последующих десятилетий характер международных отношений стал зависеть от решений, принимаемых в Вашингтоне и Москве, что, конечно же, не могло не вызвать недовольства со стороны «традиционных» центров силы Европы — Франции и Великобритании, что ещё больше усиливало элементы конфронтационности в биполярной структуре мира.

Отправной точкой начала холодной войны принято считать легендарную речь Уинстона Черчилля, которая была произнесена в Вестминстерском колледже американского города Фултон. В своей речи Уинстон Черчилль откровенно осуждает политику коммунистических государств, открыто говорит о «железном занавесе», опустившемся на Европу, «сфере советского влияния», «давления».

Черчилль говорил о возможной политике обеспечения и поддержания безопасности в мире, обращая внимания общественности на своё нежелание делиться с организацией, «пока ещё переживающей период младенчества», имея в виду Организацию Объединённых Наций, секретами о производстве и способах применения атомной бомбы, считая сею информацию совместным достоянием Канады, США и Великобритании: «Было бы настоящим безумием

и преступной неосмотрительностью сделать эту информацию доступной для всеобщего пользования. ... Если мы приложим максимум усилий, то сумеем сохранить достаточное преимущество в этой области и тем самым предотвратить опасность применения кем бы то ни было и когда бы то ни было этого смертоносного оружия». [2]

Можно условно разделить Холодную войну на 3 этапа.

В первом её этапе [1946—62 гг.] наблюдалась крайняя острота противостояния двух центров биполярного мира.

В марте 146 года была произнесена вышеупомянутая речь У. Черчилля в Фултоне с призывом защитить всеми возможными средствами западный мир от «распространения влияния СССР». В феврале 1947 года была принята «Доктрина Трумэна», которая перечисляла меры по «спасению Европы от советской экспансии» (включая создание сети военных баз вблизи советских границ). Главными доктринами на то время были доктрины «сдерживания» и «отбрасывания» коммунизма; данный период также ознаменовался созданием Советским Союзом (при опоре на местные компартии и советские военные базы) просоветского блока восточноевропейских стран, воспроизведение в этих странах советской модели развития. По ту сторону «железного занавеса» же господствовал сталинский диктат во внутренней и внешней политике стран социалистического лагеря, проводилась политика чисток, репрессий, расстрелов.

В этот период произошли также такие события, как создание НАТО, Совета Экономической Взаимопомощи и Организации Варшавского Договора. Шло яркое противостояние двух военно-политических блоков и наращивание вооружений, в том числе ракетно-ядерных.

Данный период был ознаменован конфликтами и войнами в Юго-Восточной Азии (Корея, Вьетнам), на Ближнем Востоке, в которых прямо или косвенно участвовали США и СССР. В 1962 мир стоял на пороге новой мировой войны во время Карибского кризиса 1962 г.

Карибский кризис стал высшей точкой военно-стратегической нестабильности в международных отношениях второй половины XX века. Он обозначил рубеж окончания политики «балансирования на грани войны». Наступила эра «конфронтации по правилам», где международные противоречия вылились в жёсткое, но мирное политическое, экономическое и военно-технологическое соперничество. [3]

Взаимно гарантированное уничтожение сделало бы бессмысленным первый ядерный удар; международная стабильность стала основываться на взаимном страхе перед угрозой применения ядерного оружия.

В эти же годы шли переговоры о сокращении обычных вооружений. Появилась и новая проблема, связанная с освоением космического пространства, которое, по мнению большинства стран, не должно было стать ареной гонки вооружения.

Борьба с распространением ядерного оружием начала принимать новые формы: в виде объявления отдельных регионов мира безъядерными: Район Антарктики по Договору 1959 года; позже статус безъядерной зоны получила Латинская Америка по Договору Тлателолко 1967 года; далее — Южная часть Тихого океана Договором Раротонга 1985 года (позже статусом безъядерных зон были наделены Юго-Восточная Азия (Бангкокский договор 1995 года); Африка (Договор Пелиндаба 1996 года); Средняя Азия (Семипалатинский договор 2007 года).

Второй период холодной войны [1962—1979] известен как период разрядки международной напряжённости. Заключались договоры между ФРГ и СССР, Польшей, ГДР, Чехословакией. Было также заключено соглашение по Западному Берлину, подписаны первые советско-американские договоры об ограничении вооружений (ПРО и ОСВ). В 1975 году прошло Совещание г. в Хельсинки по безопасности и сотрудничеству в Европе, где предпринимались попытки обеспечить мирное сосуществование двух систем и обсудить его сложности и противоречия. Был достигнут военно-политический паритет между СССР и США.

В конце 60-х гг. международные отношения в Европе также характеризовались поисками путей к ослаблению обстановки международной напряженности. Политика силы в условиях военно-стратегического паритета оказалась бесперспективной. В правительствах западных стран стала пробивать себе дорогу идея переговоров, обозначился поиск путей к безопасности через сотрудничество и обеспечение доверия в Европе.

Инициатива созыва совещания европейских государств для обсуждения мер по обеспечению коллективную безопасность в Европе, принадлежала СССР и другим странам социалистического блока. В марте 1969 г. страны Организации Варшавского Договора обратились ко всем странам Европы с призывом приступить к практической подготовке общеевропейского совещания.

В Хельсинки были зафиксированы принципы взаимоотношений между государствами: уважение прав, принципа суверенности государств, неприменение силы или угрозы силой, нерушимость границ, территориальная целостность государств, мирное урегулирование споров, невмешательство во внутренние дела, уважение прав человека и основных свобод, сотрудничество между государствами, добросовестное выполнение обязательств по международному праву. [4]

СБСЕ сыграло важную роль в создании и установлении новых норм для международного сообщества. Од-

нако еще более важен тот факт, что СБСЕ положило начало процессу создания системы институтов и процедур, призванных упрочить приверженность этим нормам. Заключительный акт СБСЕ не имел обязательной юридической силы для подписавших его государств, однако стал неформальным пактом о ненападении в Европе, который определил принципы взаимодействия на международной арене и расширил пути для экономического сотрудничества.

Третий период холодной войны [конец 70-х — середина 80-х гг. (1979—1985)] известен как конец разрядки, ознаменован новым обострением международного противостояния двух систем. Мы наблюдаем заметное ухудшение советско-американских отношений, новый виток гонки вооружений. В этот период представлена американская программа СОИ. Заметен также рост вмешательства США в политику стран Ближнего Востока и Латинской Америки. С советской же стороны был введён советских войск в Афганистана и представлена «доктрина Брежнев» — ограничение суверенитета стран социалистического лагеря, что вызвало усиление трений внутри него. Этот период ознаменован началом кризиса мировой социалистической системы, но тем не менее два центра биполярного мира предпринимают попытки продолжения политики холодной войны.

В международных отношениях снова стала возрастать роль силы. США и страны НАТО, в особенности, не опасаясь противодействия Советского Союза, стали шире использовать силу для отстаивания своих интересов в региональных и локальных конфликтах, делая это под лозунгами защиты демократии и защиты прав человека. В международных отношениях стало занимать большое место «мировое сообщество», под которым понималось применение странами международного сообщества многообразных, в том числе и силовых мер для прекращения кровопролития в отдельных конфликтах. Среди этих мер особое внимание стало уделяться такому инструменту, как «гуманитарная интервенция», т.е. вооружённое вмешательство в конфликт третьих стран, как правило, многостороннее, предпринимаемое коалициями государств из гуманитарных побуждений.

Последний период холодной войны [1985—1991] — распад биполярной системы.

В 1985 году в СССР приходит к власти М. Горбачёв и провозглашает «новое политическое мышление» в СССР; в обиход советских граждан вводятся слова «гласность» и «перестройка». В 1989 был проведён вывод советских войск из Афганистана. Подписание в Париже «Хартии для новой Европы» в 1990 году провозглашало окончание полувековой эры противостояния двух держав.

В 1989—1990 гг. в СССР была признана нерентабельность СЭВ, был начат переход на рыночные цены в торговле с восточноевропейскими странами, однако коммунистические режимы стран Восточной Европы не хотели следовать примеру реформ в СССР. Москва отказалась поддерживать восточноевропейских коммунистов в воп-

росах внутренней политики их стран. Коммунистические режимы в Восточной Европе стали разрушаться.

Данный период характеризовался большим количеством попыток прийти к компромиссу по вопросу о сокращении ядерных вооружений. После того, как М. Горбачёву удалось в 1987 г. углубить внутренние реформы, он добился прорыва и на международной арене. Согласно Варшавскому договору по РСМД, в течение трёх лет стороны должны были уничтожить все ракеты наземного базирования с радиусом действия от 500 до 5500 км. В 1990 г. страны НАТО и ОВД подписали договор об ограничении обычных вооружённых сил в Европе, согласно которому происходило сокращение и регламентация размещения воинских контингентов и военной техники на континенте, исходя из принципа географических районов. Наибольшие сокращения коснулись Центральной зоны, где ОВД и НАТО непосредственно соприкасались (Бенилюкс, Германия, Венгрия, Чехословакия и Польша). После саморазрушения СССР, Россия из-за устаревших положений ДОВСЕ, принятых в условиях существования единого СССР, оказалась в крайне невыгодных оборонительных условиях, из-за чего понадобилась модификация договора. В 1991 г. непосредственно перед ГКЧП США и СССР подписали договор о новом сокращении ядерных вооружений (СНВ-1), на этот раз стратегического характера, согласно которому СССР имел право на 6,5 тыс. боеголовок, а США на 8,5 тыс. Реализация договора была затруднена из-за саморазрушения Союза.

Горбачев признал неизбежность распада социалистического лагеря, более того многие западные лидеры видели реальные шаги советских лидеров в направлении

улучшения отношений с Западом. Решение о выводе войск из Афганистана, официально позитивная реакция на падение Берлинской стены и смену коммунистических режимов в странах Восточной Европы, визит Горбачева в Рим и историческая встреча с Папой Римским в 1989 г. свидетельствовали о реальной трансформации советского внешнеполитического курса. Лидер СССР вынужден был признать, что ситуация в стране требовала изменения внешнеполитического курса. Ресурсы и возможности страны реализовывать прежнюю политику на международной арене были ограниченными. Официальной датой распада СССР принято считать 26 декабря 1991 года. [5]

С саморазрушением СССР перестала существовать структура биполярной системы, хотя ее последствия и сформированная ею среда продолжали ощущаться в международных отношениях еще несколько лет. Ликвидация мировой системы коммунизма привела к унификации правил международного взаимодействия, мир стал превращаться в «глобальное общество».

Противостояние двух соперников в «холодной войне» завершилось неожиданным для большинства аналитиков распадом Советского Союза и укреплением позиций США. Возможности «победившего» блока западных стран для реализации собственных интересов в мире резко возросли. Однако окончание «холодной войны» вряд ли корректно оценивать в терминах победы и поражения, как бы того не хотелось многим. Скорее, следует сказать, что завершился очередной этап в развитии международных отношений. 90-е годы открыли перед бывшими противниками новые возможности реализации своих исторических амбиций.

Литература:

1. Мегаэнциклопедия Кирилла и Мефодия: Холодная война <http://www.megabook.ru/Article.asp?AID=684838>
2. Черчилль У.: Мускулы Мира. — М. Эксмо, 2009. — С. 469–470
3. Liberum Arbitrium: <http://www.obraforum.ru/lib/book3/chapter6.htm>
4. СБСЕ. Заключительный акт: http://www.osce.org/documents/mcs/1975/08/4044_ru.pdf
5. Liberum Arbitrium: <http://www.obraforum.ru/lib/book3/section4.htm>

К вопросу о классификации «мягких»¹ головных уборов скифо-саков

Головченко Н.Н., студент

Алтайская государственная педагогическая академия (г. Барнаул)

Первую попытку создания классификацию скифо-сакских головных уборов предпринял П.К. Степанов. Опираясь на материалы раскопок курганов скифской знати, он, разделил женские уборы на три типа: «ко-

кошник», «остроконечный» и «тиара» [23]. В последующем, эта классификация неоднократно дополнялась и изменялась исследователями.

Л.С. Клочко, обращаясь, как и П.К. Степанов, к жен-

¹ «Мягкие» головные уборы т.е. изготовленные из органических материалов (кожа, войлок, дерево).

ским головным уборам скифов, разделила их уже на четыре группы: шапки, покрывала, повязки-диадемы и цилиндрические уборы [6, 7, 26]. Главным достоинством данной классификации является, на наш взгляд, обращение исследователя к форме головного убора как к «групообразующему» признаку, что, однако, не помешало ей нарушить единство критериев при выделении групп.

Т.В. Мирошина, обращаясь уже к мужским головным уборам скифов, подразделяет последние на башлыки так называемого «куль-обского типа», «башлыки на изображениях Скилура и Палака» [12], высокие головные уборы с плоским верхом и широким назатыльником (исследователь именует их *tyaga*) [14]. Выводы исследователя трудно принять без купюр, поскольку при выделении типов использовались разнородные критерии.

К.А. Акишев, опираясь на материалы собственных раскопок кургана Иссык в Семиречье, предложил именовать форму реконструированного им головного убора, стреловидной [1]. Необходимость в этом названии не выглядит очевидной, поскольку морфологически, иссыкская находка является идентичной остроконечным уборам у П.К. Степанова [23] и конусовидным уборам у Т.В. Мирошиной и Л.С. Ключко [14; 8].

Основой для еще одной классификации скифо-сакских головных уборов, послужили Горно-алтайские находки. Последние, по мнению исследователей, их изучавших, хорошо делятся на две группы. Первую, по мнению Н.В. Полосьмак, составляют «войлочные шлемы», носившиеся взрослыми и детьми обоих полов [17], вторую — сугубо женские головные уборы, четырех основных типов [14, 18; 20, 26].

Итогом многолетнего изучения скифо-сакского костюма, и головных уборов, стала обобщающая монография С.А. Яценко «Костюм древней Евразии» [26]. В этой работе автор сделал безуспешную попытку привлечь для комплексного анализа все известные, на сегодняшний день, источники. Итогом этого исследования явилось создание яркой панорамы эволюции одежды древних иранцев. В частности, были разработаны классификации иранских головных уборов различных эпох. Однако, при их создании автор, как и многие его предшественники, не избежал соблазна и нарушил единство критериев при выделении типов вещей.

Таким образом, скифо-сакские головные уборы, представляют собой одну из малоизученных категорий материальной культуры древних кочевников. Серьезным препятствием их успешному изучению, является отсутствие общепринятой терминологии и классификации последних [4, 12, 14, 17, 25, 26].

Настоящая работа посвящена изложению нашего видения указанных проблем.

Понятийный аппарат

«Головные уборы» — это категория вещей, функци-

ональное назначение которых заключается в том, чтобы защищать голову носителя в условиях непогоды или боя, служить социально-дифференцирующим маркером носящего и, возможно, его оберегом; основными элементами уборов являются: «наголовник», «завязки», «назатыльник» и «шпиль»¹.

«Наголовник» — основная часть головного убора, покрывающая голову носящего.

«Завязки» — многофункциональный элемент головного убора, представленный в виде завязок, наушников, нащечников и, возможно, подвесок, крепившихся к височным сторонам уборов.

«Назатыльник» — элемент головного убора, закрывающий теменную область, шею и, иногда, плечи носящего.

«Шпиль» — коническая конструкция вершины головного убора, наличие или отсутствие которой определяет форму убора.

Источниковая база

Источниковая база исследования представлена находками головных уборов (в курганных захоронениях скифской и сакской знати: Чертомлык [4, 11], Келермес [14, 26], Татьяна Могилы [9, 26], Иссык [1]; в мерзлотных погребениях пазырыкской культуры Горного Алтая: Ак-Алаха I [17, 18, 26], Пазырык [17, 18, 26]) и их изображениями (на персепольских барельефах [24]; на персидском ковре из пятого Пазырыкского кургана [18]; на афинских вазах [25] и причерноморских каменных изваяниях [16]). Всего 49 экземпляров «мягких» головных уборов.

Классификация

Предлагаемая нами классификация скифо-сакских головных уборов основана на разработках В.А. Городцова [11 с. 46–47].

Основными структурными элементами классификации являются: категория, группа, отдел и тип.

Категория — представляет собой комплекс вещей одного назначения, в нашем случае, — все головные уборы. Категория делится на две группы.

Группа — включает в себя головные уборы, объединенные материалом изготовления: «мягкие» (текстильные) и металлические (шлемы) уборы. Группы подразделяются на отделы.

Отдел — объединяет головные уборы, имеющие одинаковую форму наголовников. В группе «мягких» головных уборов выделяется 3 отдела: конические, полусферические и цилиндрические уборы. В группе металлических головных уборов выделяется 2 отдела: конические и полусферические шлемы, они в контексте данной работы не рассматриваются.

Тип — составляют уборы, объединенные устойчивым сочетанием таких признаков как «завязки» и «назатыльники». В каждом отделе 4 типа, выделяемых по возможным комбинациям признаков «завязок» и «назатыльников» (с завязками и с назатыльником, с завязками, но

¹ Начальные украшения, парики и прически мы предлагаем рассматривать в качестве самостоятельных категорий убранства.

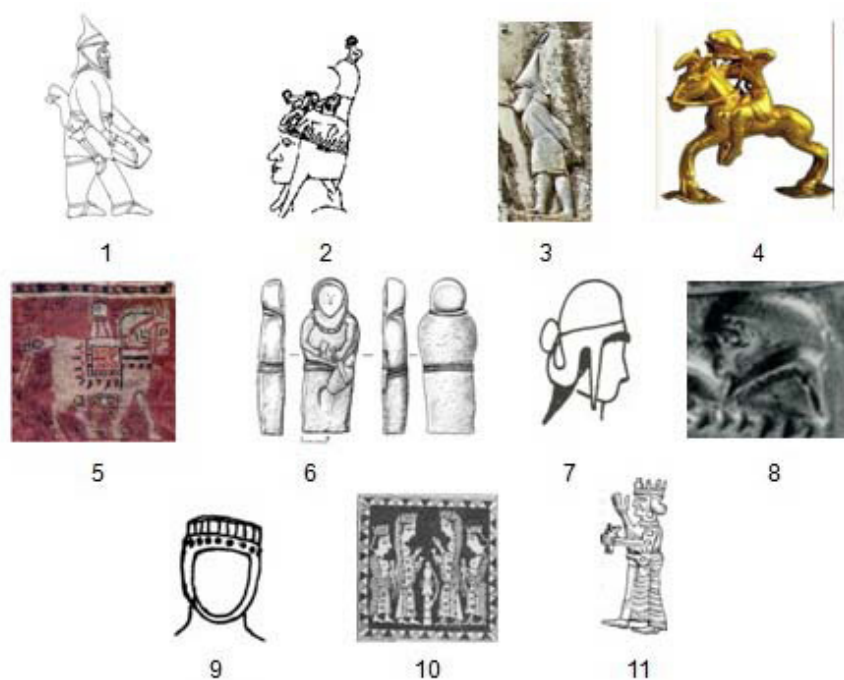

Рис. 1. 1 – изображение на барельефах (прорисовка); 2 – войлочный головной убор из кургана I, могильника Ак-Алаха I; 3 – барельеф «Скунха – сак»; 4 – фигурка из Сибирской коллекции Петра I; 5 – изображение на ворсовом ковре из 5 Пазырыкского кургана; 6 – каменное изваяние из Кривого рога; 7 – изображение на афинской вазе; 8 – изображение на пластинке из кургана Сахновка; 9 – реконструкция головного убора из Александровского кургана; 10 – изображение на ворсовом ковре из 5 Пазырыкского кургана; 11 – изображение на пластинке из Амударьинскогоклада

без назатыльника, без завязок, но с назатыльником, без завязок и без назатыльника).

Группа I: «Мягкие» головные уборы (49).

Отдел I: Конические головные уборы (28 шт).

Тип I: уборы с завязками и с назатыльником (2 шт).

Тип представлен изображениями (скифов-стрелков на афинских вазах V – IV вв. до н.э. [25; 26, рис. 23], саков на персепольских барельефов (см. рис. 1.1) [24, стр.26], жрецов на пластинках из Амударьинского клада [2, с. 10, рис. 4]).

Тип II: уборы с завязками без назатыльников (11 шт).

Тип представлен находками головных уборов (в пазырыкских курганах Горного Алтая (см. рис. 1.2) [17, рис. 1, 2, 3, 4, 5; 18, с. 87, рис.2.58], могильнике Уири, Синьцзян [17, рис. 3.]). А так же уборы данного типа изображены у скифов-стрелков на афинских вазах V – IV вв. до н.э. [25; 26, рис. 23]. Аналогичные головные уборы встречаются на скульптурках у возничего колесницы из Амударьинского клада, и юноши из Халчаяна I в. до н.э. – I в.н.э. [1, с. 43, илл. 56].

Тип III: уборы без завязок с назатыльником (8 шт).

Тип представлен находками останков головных уборов (в курганах Карагодеуашх, Чертомлык и Келермес [26, рис. 22, 23, 36], и в кургане Иссык [1, с. 43]). Аналогичные уборы встречены на предметах афинской вазописи [26, рис.23]. Подобный головной убор реконструировала Л.С.Клочко для киммерийского война, [10, с. 192–193.,

рис.2, в]. Схожие уборы изображены у «мага» на пластинке из Амударьинского клада [24, с. 73], и на персепольском барельефе – «Скунха – сак» (см. рис. 1.3) [24, с. 59].

Тип IV: уборы без завязок и без назатыльника (7 шт).

Тип представлен находками головных уборов (в районе Черченя, уезд Цемо [17, табл.1.4], в погребальных комплексах могильника Ак-Алаха и Пазырык [18, с. 76, рис. 2.47; 3, с. 31–35], в материалах могильника Гу-му-гоу, Синьцзян [17, табл. I, рис. 10], в погребальных камерах Мордивновского кургана [26, рис. 36]). Аналогичный убор у всадника с фигурки из Сибирской коллекции Петра I (см. рис. 1.4) [18, с. 27, рис. 2.3]. Уборы этого типа изображены на медальоне из Херсонеса [26, рис. 27].

Отдел II: Полусферические головные уборы (12 шт).

Тип I: уборы с завязками и с назатыльником (2 шт).

Тип представлен изображениями (войнов на ворсовом ковре, из пятого пазырыкского кургана (см. рис. 1.5) [21, рис.14]; на персепольском барельефе, Артаксеркса I, он одет на слугу, который держит навес над царем [21, рис. 8]; на оковке со сценой «войны, вернувшиеся с набега» [2, с. 145, рис. 192]).

Тип II: уборы с завязками без назатыльника (5 шт).

Тип представлен находками головных уборов (в курганах: третьем пазырыкском [18, с. 89, рис. 2.59]; первом Верх-Кальджина II [18, с. 88, рис. 2.59]; Уландрык I [26, рис.46.]), и их изображениями на каменных изваяниях (из

Кривого Рога (см. рис. 1.6) и кургана 1, у с. Колоски [16, илл. 34, 65]).

Тип III: уборы без завязок с назатыльником (1 шт.).

Тип представлен изображениями (скифа-стрелка на афинской вазе (см. рис. 1.7) [26, рис. 23], и всадника на персидской печати [21, с. 28, рис. 17]).

Тип IV: уборы без завязок и без назатыльника (4 шт.).

Тип представлен находкой головного убора (в кургане 2 могильника Большие Белозерки [26, рис. 36]), и изображениями (на скульптурке человека со светильника (район поселка Иссык [2, с. 40., рис. 48]); на пластинках из кургана Сахновка (см. рис. 1.8), «персонажи 9 и 7» [26, рис. 27], на изваянии у станицы Воровсколеской [26, рис. 22]).

Отдел III: Цилиндрические головные уборы (9 шт.).

Тип I: уборы с завязками и с назатыльником.

На данный момент тип артефактами недокументирован. Мы предполагаем, его наличие на основании того, что, во-первых, височные подвески могли выполнять во-твную роль наушников или завязок. Во-вторых, большинство наших сведений об уборах этого типа фрагментарны, и представляют собой лишь часть реальных

предметных комплексов, поэтому при их реконструкции имеет место гипотетичность, т.е. допускается не одна, а несколько вариантов реконструкции [5, с. 67].

Тип II: уборы с завязками без назатыльника (1 шт.).

Тип представлен, головным убором, обнаруженным в Александропольском кургане (см. рис. 1.9) [26, рис. 36 7].

Тип III: уборы без завязок с назатыльником (4 шт.).

Тип представлен находками головных уборов (в курганах: Чертомлык [26, рис. 36 1, 2], 22/2 у Красного Перекопа [26, рис. 36 6]), и их изображениями (у «женщин в молитвенных позах» на ковре из пятого Пазырыкского кургана (см. рис. 1.10) [21, с. 16, рис. 6.], и у женщины в сцене религиозного характера из коллекции Клерка [21, с. 19, рис. 9]).

Тип IV: уборы без завязок и без назатыльника (4 шт.).

Тип представлен находкой головного убора (в кургане Толстая Могила [26, рис. 36 2]), и изображениями (на ковре из пятого Пазырыкского кургана [26, рис. 46 2], на «служанках» женщин в молитвенных позах с ковра из пятого Пазырыкского кургана (см. рис. 1.10) [21, с. 16, рис. 6.], на женщине, в молитвенной позе, с пластинке из Амурдарьинского клада (см. рис. 1.11) [21, с. 19, рис. 10]).

Литература:

1. Акишев К.А. Курганы Иссык. Искусство саков Казахстана. М.: Искусство, 1978. 129 с.
2. Артамонов М.И. Сокровища саков. М.: Искусство, 1973. 269 с.
3. Баркова Л.Л., Чехова Е.А. Войлочный колпак из второго пазырыкского кургана // СГЭ вып. LXIV, 2006. с. 31–35.
4. Боровка Г.И. Женские головные уборы Чертомлыцкого кургана // ИРАИМК. Вып. 1, 1921. С. 169–192.
5. Клейн Л.С. Археологические источники. Ленинград, 1978. — 115 с.
6. Ключко Л.С. Новые материалы к реконструкции головного убора скифянок // Древности Степной Скифии. Киев, 1982. С. 118–130.
7. Ключко Л.С. Скифские налобные украшения VI–III вв. до н.э. // Новые памятники древней и средневековой художественной культуры. Киев, 1983. С. 37–58.
8. Ключко Л.С. Реконструкція конусоподібних головних уборів скиф'янок // Археологія. Вип. 56, 1986. С. 14–24.
9. Ключко Л.С. Головні убір з кургану Тетянина Могила // Археологія №3, 1991. с. 58–63.
10. Ключко Л.С., Васина З.О. Жиноче вбрання населення чорноліської культури // Музейні читання. Матеріали наук. конф., грудень 2000 р. (Видп. ред. Ж.Г. Арустамян). Київ, 2001. с. 26–40.
11. Мартынов А.Н., Шер Я.А. Методы археологического исследования. М.: 2003, с. 47.
12. Мирошина Т.В. Об одном типе скифских головных уборов // СА. №3, 1977. С. 79–94.
13. Мирошина Т.В. Скифские калафы // СА. №1, 1980. С. 30–45.
14. Мирошина Т.В. Некоторые типы скифских женских головных уборов IV–III вв. до н.э. // СА. №4, 1981. С. 46–69.
15. Мирошина Т.В. Греческие головные украшения Северного Причерноморья // КСИА. Вып. 174, 1983. С. 10–17.
16. Ольховский В.С., Евдокимов Г.Л. Скифские изваяния VII – III вв. до н.э. М., 1994. — 184с.
17. Полосьмак Н.В. Воинские шлемы пазырыкцев // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 1998. С. 148–151.
18. Полосьмак Н.В., Баркова Л.Л. Костюм и текстиль пазырыкцев Алтая (IV–III вв. до н.э.). Н.: ИНФОЛИО, 2005. 228 с.
19. Ростовцев М.И. Эллино-скифский головной убор // ИАК. Вып. 63, 1917. С. 69–101.
20. Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.-Л. 1953. С. 123.
21. Руденко С.И. Искусство Алтая и Передней Азии (середина I тысячелетия до н.э.). М.: Вост. лит., 1961–67 с.
22. Смирнов А.П. Скифы. М.: изд-во: «Наука», 1966. — 198 с.
23. Степанов П.К. История русской одежды. II г., Вып. I, 1915. С. 15–40.

24. Фаррох К. Персы. М.: ЭКСМО, 2009. 342 с.
25. Яценко С.А. Костюм Скифии в архаическое (7–6 вв. до н.э.) и «классическое» (5–4 вв. до н.э.) время: к вопросу об этнических изменениях // Античная цивилизация и варварский мир. Краснодар, 2000. С. 24–31.
26. Яценко С.А. Костю древней Евразии. М.: Восточная литература, 2006. 658 с.

The United Nations Current History: Contribution of Kofi Annan to the Organisation Reforming Process

Лёвина К.А., студент
Ульяновский государственный университет

Since the very moment of inauguration as the UN Secretary-General in 1997, Kofi Annan has been deeply concerned about the problem of strengthening the United Nations Organization and that issue has become a priority for him. During his tenure Secretary-General submitted and approved numerous ideas and reform proposals so that United Nations' actions were carried out on the basis of the most advanced international practice.

Kofi Annan aimed at the perfection of the United Nations actions as an institute, a special establishment, and his program of transformations is often called administrative and budgetary reform of the UN. The institutional reforms outlined in this report consist of three types of measures. The first are those that the Secretary-General can and will undertake on his own initiative within the UN Charter, concerning largely the organization and management of the Secretariat programmes and funds. The second are complementary measures that reside within the jurisdiction of Member States, including the structure and functioning of intergovernmental bodies, which require their approval. Finally, several more fundamental proposals are advanced for serious consideration and deliberation and possible action in the longer term [1, p. 5].

Reform proposals were submitted by the Secretary-General in the form of reports, and then the General Assembly approved them and adopted resolutions on them. The report practice has become extended in the sphere of the Organization strengthening. These analytical works contain offers on transformations of practically all aspects of the United Nations actions. Classifying the reports on the coverage, they can be divided into key and thematic reports.

On July 14, Kofi Annan released Maurice Strong's initial plan to begin reforming the United Nations. The 95-page document, entitled *Renewing the United Nations: a Programme for Reform* (A/51/950), is a step-by-step program to implement many of the recommendations advanced by the UN-funded Commission on Global Governance in its 1995 report entitled *Our Global Neighborhood*. The reform plan comes as no surprise. Maurice Strong was a member of the Commission on Global Governance and a lead author of its report. He was the first appointment of Kofi Annan, just days after Annan's selection as UN Secretary-General. As Exec-

utive Coordinator for Reform, Strong was hired specifically to restructure the sprawling UN system into the mechanism for global governance described in *Our Global Neighborhood* [2].

The reform plan was welcomed in Washington as evidence that the new Secretary-General was serious about reducing the bloated world-wide bureaucracy. A promise to eliminate 1000 staff positions and reduce overhead costs from 38 percent to 25 percent were the plan's key features heralded in the media. Little, if any, attention was focused on the effect of the reform plan on the structure of the institution. The report itself says: «Reform is not intrinsically an exercise in cutting costs or reducing staff. It is an exercise to assure the Organizations' relevance in a changing world...» [1, p. 87].

The document consists of two parts: the first part contains the thematic review of the basic elements of the reform, describes a new structure of the UN management proposed by the Secretary-General and summarizes key sectoral measures which are being carried out, has already been carried out or are offered to member states. The second part contains more detailed descriptions of all series of measures on reform.

1997 reform package included a number of changes in secretariat structure the most considerable of which was the creation of United Nations Department of Economic and Social Affairs which replaced three existing departments. Moreover two programs were combined within the framework of United Nations Office on Drugs and Crime. The competence of UN Human Rights Center was transferred to Office of the United Nations High Commissioner for Human Rights. We should mention that the reform has nothing to do with reducing costs and everything to do with the consolidation of power.

All the secretariat work was divided into 5 areas: peace and security, economic and social affairs, sustainable development, humanitarian issues and human rights. Executive Committees have already been organized for each of four areas. The fifth area, human rights, is considered to cross all areas and is therefore represented on each of the other Executive Committees. Virtually every one of the more than 130 UN agencies, commissions, committees, and funds, has been assigned to one or more of these four UN «Departments.» The heads of these new departments, along with

several selected senior staff, constitute the new Senior Management Group [2].

Three important new structures were created after the report. First of all, in 1997 the post of the First Deputy Secretary-General was introduced in order to strengthen and facilitate the management of the Organization at the top level. Secondly, the Secretary-General established his own cabinet in a format of Senior Management Group which included all heads of secretariat departments and also heads of funds and UN programs. Its objective is to ensure strategic coherence and direction in the work of the Organization [3]. The SMG has enabled the United Nations to refine its leadership and management by allowing senior managers to plan together, share information, pool efforts, coordinate activities, avoid duplication, and work for common objectives.

The report also contained measures on increasing the budgetary efficiency of the Organization (*Result Based Management*). Besides, the measures on UN combat readiness strengthening and deployment of UN peacekeeping operations especially in the field of postdisputed peacebuilding were suggested. The proposal implied making sufficient amendments to the UN Charter such as «Stronger cooperation» is required from nations that have «relevant capabilities» and «regional or sub-regional organizations» such as NATO; «Global security can be said to exist only if the [Security] Council can dispatch military forces rapidly and with the requisite predictability and reliability.» [1, p. 37].

Among the desirable UN changes which also demanded amendments to the Charter the report outlined the transformation of United Nations Trusteeship Council to the trustees of the global commons. Global commons is defined to be «The atmosphere, outer space, the oceans beyond national jurisdiction, and the related environment and life-support systems that contribute to the support of human life [4].» The United Nations Center for Human Settlements (HABITAT) is being incorporated into the United Nations Environment Program (UNEP). The restructured UNEP will administer all environmental treaties, more than 300 currently, and will become the implementation and enforcement arm of the UN Trusteeship Council. Programmatic activity is being shifted to the United Nations Development Program (UNDP), into which will also be folded the United Nations Children's Fund (UNICEF), and the United Nations Population Fund (UNFPA). The disadvantages of the decentralized system of the UN Specialized Agencies were to be eliminated but all their benefits must be preserved. Moreover, immediate structural change included the creation of a new International Criminal Court [4].

The program of the reforms containing in this report was approved by the General Assembly (A/RES/52/12).

The second reforms package which was contained in the Report *Strengthening of the United Nations: an Agenda for Further Change* included measures on adjusting the UN actions (session, reports, etc.) in accordance with the priority aims endorsed in United Nations Millennium Declaration, improvement of work in the field of public information,

perfection of cooperation quality and distributions of resources on the priority bases [5]. Furthermore, the report contains the idea of curtailing the volume of official meetings and documents due to the fact that Many smaller Member States found it practically impossible to play a meaningful role in even the most crucial activities of the General Assembly and the Economic and Social Council and even larger countries find it increasingly difficult to keep track of — let alone actively participate in — the full range of annual meetings [5, p. 9].

This program was also approved by the Assembly (A/RES/57/300).

We should notice that Kofi Annan intentionally avoided talking about Organization strengthening issues on which political consensus was unattainable (for example, Security Council reform). However, he still underlines the importance of reforming the General Assembly by rationalizing its agendas, Security Council by offering greater transparency and Economic and Social Council by continuing the annual dialogue with the Bretton Woods institutions and the World Trade Organization [5, p.8]. Consequently, his reform is generally characterized as administrative and institutional. It is important to notice that Kofi Annan considered that the process of the United Nations reformation should be consistent but constant at the same time, and it should cover as many UN activities as only possible. Therefore he initiated the creation of various Panels which studied the ways the United Nations could be strengthened (Panel on UN Peace Operations, Panel of Eminent Persons, High-level Panel on Threats, Challenges and Changes, etc.).

In September 2003 while giving a speech at the 58th sessions of the General Assembly Kofi Annan drawn the audience attention to irreconcilable differences between member states concerning the character of modern threats and the appropriateness of the use of force for their elimination. He also declared his intention to call High-level Panel on Threats, Challenges and Changes, a so-called «Wise Men Panel» (A/Res/58/16). In December 2004 its report *A More Secure World: Our Shared Responsibility* (A/59/565) was published. It contained about 100 recommendations which should be used during the process of general approaches development and rationalization of joint actions mechanisms in order to react more efficiently to the most dangerous challenges including terrorism [6].

The report *In Larger Freedom — Towards Development, Security and Human Rights for All* (A/59/2005) which followed the «Wise Men Panel» report in many aspects was based on it. In this report Kofi Annan suggested resolute transformations in United Nations principal organs structures hoping that they would be accepted by member states at 2005 Millennium Development Goals Summit.

The General Assembly's work was urged to be rationalized by conducting an internal reform and facilitating its interaction with civil society structures. The General Assembly should take bold measures to rationalize its work and speed up the deliberative process, notably by streamlining its agenda,

its committee structure and its procedures for holding plenary debates and requesting reports, and by strengthening the role and authority of its President. It should give focus to its substantive agenda by concentrating on addressing the major substantive issues of the day, such as international migration and the long-debated comprehensive convention on terrorism [7, p. 40].

The Security Council should be broadly representative of the realities of power in today's world. The Secretary-General supports the principles for reform set out in the report of the High-level Panel, and urges Member States to consider the two options, Models A and B, presented in that report, or any other viable proposals in terms of size and balance that have emerged on the basis of either Model [7, p. 43].

The Economic and Social Council should be reformed so that it can effectively assess progress in the UN's development agenda, serve as a high-level development cooperation forum, and provide direction for the efforts of the various intergovernmental bodies in the economic and social area throughout the UN system. The Council should also convene timely meetings, as required, to assess threats to development, such as famines, epidemics and major natural disasters, and to promote coordinated responses to them [7, p. 44].

The report also proposed a creation of Human Rights Council replacing the Commission on Human Rights which suffered from declining credibility and professionalism. HRC should be introduced either as a UN principal organ or a subsidiary of the General Assembly, whose members would be elected directly by the General Assembly, by a two-thirds majority of members present and voting [7, p. 45]. Today we already know that the member states chose the second variant.

The report *In Larger Freedom – Towards Development, Security and Human Rights for All* included initiatives on

making amendments to the Charter such as an exclusion of out-of-date references to «the enemy states» in articles 53 and 107, chapters XIII «The Trusteeship Council», article 47 about Military Staff Committee together with all references to this committee in articles 26, 45 and 46 [7, p. 52].

Not all the report suggestions were welcomed by member states during 2005 Summit. 2005 World Summit Outcome (A/RES/60/1) contained rather careful recommendations which didn't assume qualitative changes including those of the Security Council.

Nevertheless, reforming process took its course. In 2006 the Secretary-General published the next report *Investing in the United Nations: for a Stronger Organization Worldwide* (A/60/692) which raised the issue of further Secretariat reorganization. It contained daring ideas on the reformation of Secretariat management within the next five years. In the second half of 2006 three more reports which developed these ideas were published: *Comprehensive Review of Governance and Oversight*, the report of the Panel on the Redesign of the UN system of administration of justice and the review prepared by the High-level Panel on System-wide Coherence (A/63/362). All these reports proposed the far-reaching recommendations concerning key administrative procedures and structures. If these recommendations had been confirmed by Member States, they would have been capable of changing the Organization methods of work considerably.

Summarizing the work on the UN reformation done by Kofi Annan we should admit that even though some reforms proposed by the Secretary-General were vague or too drastic and progressive to be accepted by the world community, he took a big step forward in the field of the UN strengthening and his initiative in United Nations reorganization was supported by a number of world leaders including Angela Merkel, Barack Obama and Dmitry Medvedev.

Bibliography:

1. Renewing the United Nations: A Programme for Reform (A/51/950). — Access: http://www.ubuntu.upc.edu/civil_society/documents/4/esp
2. UN Reform. Restructuring for global governance. — Access: <http://sovereignty.net/p/gov/ggunreform.htm#9>
3. UN official website, Senior Management Group. — Access: <http://www.un.org/sg/management.shtml>
4. Our Global Neighborhood. The Report of the Commission on Global Governance. — Access: <http://www.libertymatters.org/globalgovernance.htm>
5. Strengthening of the United Nations: an Agenda for Further Change. — Access: http://www.ubuntu.upc.edu/civil_society/documents/8/fra
6. A More Secure World: Our Shared Responsibility. — Access: <http://www.un.org/secureworld/>
7. In Larger Freedom – Towards Development, Security and Human Rights for All. — Access: <http://www.libertysecurity.org/IMG/pdf/RapportONU2005EN.pdf>

Русско-монгольские дипломатические отношения 1607–1679 гг. как фактор присоединения Сибири

Милюков А.Н., учитель истории
Школа № 1013 (г. Москва)

Русско-монгольские отношения завязываются, согласно летописным источникам, в XII веке. На протяжении XIII–XIV вв. Древнерусское государство находилось в зависимости от ханов Золотой орды, что, в своем роде, оказывало большое влияние на связи в области экономики, политики и культуры. Начиная со второй половины XIV в. монгольская империя приходит в упадок и в последующие столетия происходит ее распад на ряд самостоятельных ханств и княжеств. В свою очередь, русско-монгольские связи постепенно угасают.

Отношения между Россией и Монголией восстанавливаются в начале XVII в. Определенное влияние на этот процесс оказало продвижение русских на Восток. Постепенно связи развивались и крепились, в особенности после того, как в состав России вошли земли, расположенные восточнее озера Байкал.

Историю русско-монгольских отношений затрагивали в своих трудах многие историки, начиная с XVIII в. Первые исследования русско-монгольских отношений в XVII в. принадлежат участникам российской академической экспедиции по Сибири в 30–40-х гг. XVIII в. Г.Ф. Миллеру и И.Е. Фишеру. В дальнейшем данная проблема изучалась В.К. Андриевичем в работе «История Сибири с древнейших времен до установления главенства г. Тобольска», В трудах В.В. Бартольда и Н.Н. Козьмина, посвященных вопросам истории Средней Азии, Сибири, Хакасии. Работы С.В. Бахрушина и Л.П. Потапова также посвящены истории Саяно-Алтая и Сибири. В работе А.П. Окладникова имеются сведения о третьем Алтын-хане Лубсантайджи и его брате Гэндун-Дайчине, который правил хотогойтами после падения Алтын-ханства, о их политическом значении в Монголии в тот период. В монографии И.Я. Златкина «История Джунгарского ханства» рассматриваются ойратско-русские взаимоотношения, содержатся некоторые общие сведения о связях русских с княжеством Алтын-ханов. Сведения о русско-монгольских отношениях имеются в работах Ш.Б. Чимитдоржиева «Русско-ойратские (западно-монгольские) отношения в XVII веке», «Взаимоотношения Монголии и России. XVII–XVIII вв.» и «Россия и Монголия». Безусловно, наиболее ценные материалы и выводы содержатся в работах известного исследователя русско-монгольских отношений XVII в. Н. П. Шастиной. В 1949 г. Нина Павловна опубликовала статью «Алтын-ханы Западной Монголии в XVII в.», а позже и монографию «Русско-монгольские посольские отношения XVII века» посвященную Алтын-ханам и их связям с русскими. В них исследованы отдельные русские посольства в Западную Монголию, которые достигли наиболее значимых резуль-

татов в развитии взаимоотношений между Алтын-ханами и Русским государством.

Начиная с 1607 года между русскими поселенцами и монгольским населением Сибири, начинается взаимный процесс обмена дипломатическими посольствами, который продолжался вплоть до конца XVII века. Русские послы, проникая далеко вглубь монгольских кочевий, имели перед собой много различных задач. Первостепенной задачей, конечно же, было установление дипломатических отношений, причем приветствовалось приведение монгольских правителей к присяге на верность русскому царю. Однако ими также проводилась работа по сбору сведений о военном контингенте монголов, а также составление карт и описание местностей, по которым проходило посольство. Так, например, в статейный список служилых людей Т. Петрова и И. Куницына, направленных в Калмыцкую землю, представляет собой важный источник информации, содержащий сведения о быте, нравах, численности калмыков, а также о структуре их общества [1, с. 52–54]. В другом статейном списке, предоставленном атаманом Тарского города В. Тюменцем и десятником И. Петровым, содержатся сведения о переговорах с Алтын-ханом о принесении присяги на верность русскому царю, а также о церемониале приема русского посольства. Данный документ содержит весьма интересную информацию о религии монголов, а также, опираясь на географические названия, помогает восстановить маршрут посольства [1, с. 56–64].

Рассматривая русско-монгольские дипломатические отношения, можно выделить следующие посольства: Т. Петрова и И. Куницына, направленное к калмыцким князьям, а также несколько посольств отправленных к Алтын-хану — В. Тюменца, Я. Тухачевского и Д. Огаркова, С. Греченина и В. Старкова, З. Литосова. Несмотря на то, что вышеуказанные посольства не всегда достигали поставленных целей, они все же внесли значительный вклад в освоение и присоединении новых территорий. Во-первых, целью всех русских посольств, являлось склонение монгольских ханов и ойратских князей к принесению присяги русскому царю. При этом, данная присяга рассматривалась русской стороной как вассальная зависимость монгольского или ойратского правителя от русского царя. С точки зрения политики колонизации, данная процедура была необходима, так как приобретаемый статус монгольского правителя давал определенные гарантии в дальнейшем развитии отношений. Следует отметить, что с монгольской стороны данная присяга, чаще всего, рассматривалась как равносильный договор, что вызывало в дальнейшем споры. Характерным примером может слу-

жить начальный период посольских связей Русского государства с Алтын-ханами. Тем не менее, в большинстве случаев, русским послам удавалось склонить монгольских феодалов к принесению присяги на верность русскому царю.

Во-вторых, следует отметить значительные результаты русских посольств. Деятельность послов приводила к расширению ореола обитания русского населения в Сибири, а также способствовала вливанию новых народностей в состав Русского государства. Дипломатия также способствовала развитию торговых связей с местным населением, что положительно сказывалось на развитии городов и экономики данного региона.

В-третьих, все посольства, отправленные русской стороной, носили исключительно мирный характер, направленный на достижение желаемых результатов дипломатическим путем. Так, не в одном статейном списке нет угроз применения военной силы Российского государства в случае отказа монгольского или ойратского феодала присягнуть на верность русскому царю. В XVII в. Россия пыталась избежать конфликтов и столкновений в Сибири, поэтому московское правительство настойчиво рекомендовало сибирским воеводам приводить местное население к присяге «с ласкою, а не с жесточью», облагать местное население налогом в таком размере, чтобы не разорять жителей, и отнюдь не вымогать больше чем следует [2, с. 14]. Так, к примеру, прибывший в Москву Дружина Огарков, был наказан в присутствии монгольских послов за нанесенные оскорбления Алтын-хану и его бли-

жайшим родственникам во время пребывания посольства в ставке хана. Несмотря на то, что русское правительство было весьма обеспокоено сведениями, содержащимися в статейном списке Д. Огаркова, которые противоречили представленным результатам посольства Я. Тухачевского, все же было решено устроить «показательную порку» нерадивому послу, тем самым «угодить» монголам и не портить с ними отношения. Подобную политику мирной колонизации Сибири, на мой взгляд, можно объяснить тем, что российское государство, пережившее «смутное время», в первую очередь уделяло внимание безопасности на западном и южном направлении. Политика на Востоке, если можно так выразиться, была отодвинута на второй план и направлена на постепенное освоение и заселение земель Сибири. Военный контингент Сибирских городов составлял, в среднем, 300–500 человек, который имел, в большей степени, оборонительный характер. Периодические конфликты на Западных границах не позволяли держать в Сибири большой военный контингент войск, как и быстрая переброска войск из центральных регионов России в Сибирь, в случае начала боевых действий, также не представлялась возможным. Поэтому, единственно приемлемой политикой на Восточных границах было урегулирование спорных вопросов путем переговоров и мирной дипломатии.

Исходя из всего вышесказанного, можно сказать, что в постепенном освоении и присоединении территорий Сибири, главная роль отводилась именно политике мирных переговоров и дипломатии.

Литература:

1. Материалы по истории русско-монгольских отношений. 1607–1636 гг. М., изд. Вост. лит., 1959.
2. Шастина Н.П. Русско-монгольские посольские отношения XVII в. М., Восточная литература, 1958.

Вклад ростовских купцов Парамоновых в просвещение и образование народа

Окопная О.П., кандидат исторических наук, преподаватель
Ростовский государственный медицинский университет

Одним из показателей здоровой государственной жизни является забота о просвещении народа всех слоев населения. Жизнь настойчиво выдвигает к гражданам государства требования стремиться познать мир и человека, овладеть опытом предыдущих поколений, постоянно повышать свой уровень образования и грамотности. Это проблема является насущной сегодня, но она требовала решения в к. XIX – н. XX вв.

Один из крупнейших торговых центров России и, безусловно, самый крупный для всего обширного и богатого юго-восточного района – Ростов-на-Дону особенно нуждался в указанный период в новых образовательных учреждениях. На 1898 г. учебных заведений в городе составляло 82, из них 16 – городских начальных, одно го-

родское 5-классное, одно мореходное, одно техническое, железнодорожное, 6 церковно-приходских, 12 школ грамотности [1, 53] и т.п. И не одного высшего учебного заведения.

Представители купеческой династии Парамоновых, понимая важность увеличения числа образованных людей в Области войска Донского, принимали участие в решении вопросов финансирования, оборудования уже существующих и открытия новых учебных заведений.

Торговый казак, Елпидифор Трофимович Парамонов, не получивший достойного образования, но располагая большими средствами и осознавая свой гражданский долг, неустанно интересовался и способствовал своими трудами прогрессивному развитию образования и просве-

щения на Дону. Из его послужного списка в должности председателя Ростовского-на-Дону Биржевого комитета видно, что Елпидифор Трофимович принимал участие в различных попечительских советах и комитетах учебных учреждений. В 1884 г. он был назначен Войсковым Наказным атаманом почетным членом Попечительского Совета Новочеркасского Атаманского технического училища. Деятельность Парамонова на этом посту была продуктивна. За свою усердную деятельность на данном поприще 7 ноября 1896 г. он был награжден золотой медалью для ношения на груди на Станиславской ленте, а в мае 1900 г. — золотой медалью для ношения на шее на Владимирской ленте от министерства Народного просвещения [2, 69].

9 сентября 1894 г. Елпидифор Трофимович был избран в состав Комитета мореходных классов имени графа П.Е. Коцебу, открытых в городе ещё в 1876 г. Вместе с другими представителями комитета, Е.Т. Парамонов добился разрешение у министерства финансов открыть при училище дальнего плавания приготовительную мореходную школу [3, 2]. А 27 июня 1902 г. Ростовская-на-Дону Городская дума избрала Елпидифора Трофимовича в члены попечительского комитета Ростовского-на-Дону мореходного училища дальнего плавания.

С 10 апреля 1902 г. Е.Т. Парамонов был избран Ростовским-на-Дону Купеческим обществом в члены попечительского Комитета Ростовского-на-Дону Коммерческого училища [2, 70]. В 1911 г. благодарные потомки учредили четыре стипендии при данном учреждении, одна из них носила имя торгового казака Е.Т. Парамонова [4, 2]. Также он входил в состав попечительского совета женского пансионата Билинской [5, 3].

Для широкого развития просвещения и культуры необходимо было создание школ. Парамоновы выделяли средства на их открытие и финансирование. Младший сын Е.Т. Парамонова, Н.Е. Парамонов стал организатором учреждения школ для взрослых, так называемых воскресных школ, обучение в которых было бесплатным, преподаватели трудились часто безвозмездно. На средства Николая Елпидифоровича были организованы несколько воскресных школ в городе и районе, в которых часто велась революционная пропаганда и распространялась литература издательства «Донская Речь». Такая воскресная школа была открыта в Затемерницком поселении [6, 11]. При воскресных школах меценат стремился открыть библиотеки и читальни.

В 1910 г. общество попечителей служащих на Владикавказской железной дороге решило открыть собственную народную школу, для которой требовалось помещение. Н.Е. Парамонов дал согласие обществу на аренду части дома Темерницкая библиотека-читальня, предоставив её на льготных условиях [7, 3]. Новая школа стала школой смешанного типа, что дало возможность учиться в ней детям разных сословий.

Парамоновы выступали за образование для всех граждан Российской империи. Вместе братья Петр и Ни-

колай Елпидифоровичи пожертвовал 10 тысяч рублей на женскую гимназию ст. Нижне-Чирской [7, 3].

1 сентября 1912 г. стала работать воскресная школа в Александровск-Грушевске (г. Шахты) на Власовском руднике Н.Е. Парамонова. Владелец организовал и финансировал школу. Он стремился, чтобы его рабочие были образованными людьми [8, 1].

Следует отметить, что Н.Е. Парамонов часто организовывал лекции просветительского характера для служащих и рабочих своих рудничных предприятий. Так, на имя писателя Б.И. Сыромятникова от управления рудниками фирмы Товарищества «Е.Т. Парамонова — Сыновья» было послано письмо такого содержания: «Многоуважаемый Борис Иванович! Я узнал, что 2 апреля Вы в Ростове читаете лекцию — «Немецкая культура и немецкое варварство». Обращаюсь к Вам с просьбой рудничного общества прочесть эту лекцию и у нас на рудниках, за что будем Вам очень и очень благодарны. Аудитория будет состоять из меньшинства интеллигенции и большинства рабочих... Условия, предложенные Вами принимаю вперед... Надеюсь, что Вы не откажете... рудничному населению, голодавшему духовной пищей послушать Вас» [9, 1].

В области развития народного просвещения Парамоновы принимали непосредственное участие в строительстве школьных учреждений. На Власовском руднике на средства Н.Е. Парамонова была построена большая школа для детей шахтеров (ныне МОУ СШ № 30 г. Шахты) [10, 158]. Ростовскому писателю В.С. Сидорову довелось учиться в этом учебном заведении: «Парамонов-младший выстроил школу в качестве гимназии для детей своих работников... В Александровск-Грушевске, да и в Ростове-на-Дону не было подобных школьных зданий. Двухэтажное здание с античной колоннадой...» [11, 2] — писал Сидоров.

В ноябре 1911 г. братья Петр и Николай Елпидифоровичи приступили к исполнению воли их умершего отца. Газета «Приазовский край» сообщала: «По завещанию Е.Т. Парамонова, его сыновья Петр и Николай, решили выстроить начальное смешанное училище с тремя отделениями на Пушкинской улице, между Малым проспектом и Ткачевым переулком» [12, 3]. В ноябре 1913 г. местная печать сообщила об окончании строительства училища наследниками Е.Т. Парамонова: «Вышло крупное здание мужской и женской гимназии» [13, 3].

«Здание училищ имени Е.Т. Парамонова является одним из лучших школьных зданий в Ростове-на-Дону. Это двухэтажный дом, построенный в греческом стиле... Каждое училище имело светлый рекреационный зал, отдельные парадные входы и гардеробные. При училищах находится большой двор, часть которого была отведена под площадку для детских игр, а часть — под древонасаждения» [14, 3] — сообщал «Приазовский край». По обычаю того времени 2 ноября 1913 г. состоялось освящение здания школы имени Е.Т. Парамонова [15, 3]. В этот торжественный день братья Петр и Николай Елпидифоро-

вичи пожертвовали 500 рублей на нужды беднейших учеников городского начального училища [16, 3].

Городская администрация того времени выразили купцам благодарность, за пожертвование городу школы. Было решено — разместить в ней мраморную доску с именами жертвователей и портрет Е.Т. Парамонова, имя которого было присвоено школе. Также были проведены выборы школьных попечителей, которыми стали супруги — Петр и Лидия Парамоновы [17, 4].

Закончив строительство училища, Парамоновы, образуемые новыми идеями, составили проект нового училища при мельнице своей фирмы. В новом училище должны были учиться дети рабочих и служащих мельницы Товарищества «Е.Т. Парамонова — Сыновья» [18, 3]. Жертвователи учредили в нем ремесленные курсы.

Осенью 1913 г. на Власовском руднике было закончено строительство двухэтажного здания народного училища для рабочих. По величине оно было похоже на среднее учебное заведение. Вокруг училища были посажены деревья и обнесен забор. В 1913/1914 учебном году в нем обучалось около 400 учеников обоего пола. С января 1914 г. здесь были открыты бесплатные образовательные курсы, на которых обучалось 200 человек. Николай Елпидифорович также желал открыть на 1914/1915 учебный год ремесленный отдел, но война не дала осуществить его замысел [19, 4].

На средства Парамоновых строились также народные дома, где людям предлагались не только «здоровые развлечения», но и возможность расширять свои познания. Учредители ставили задачу популяризации разумных развлечений, прежде всего, для рабочих, через образовательные лекции, постановку спектаклей, организацию библиотек. Ещё в 1899 г. был построен в ст. Нижне-Чирской Народный дом [20, 5]. Отец Е.Т. Парамонов выделил средства на строительство данного учреждения, а его младший сын Н.Е. Парамонов стоял в деле организации Народного дома. В 1913 г. братья Петр и Николай Елпидифоровичи пожертвовали городу деньги на постройку Народного дома [21, 2] в Ростове-на-Дону. Супруга Петра Елпидифоровича, Лидия Парамонова входила в состав членов правления [22, 2] и строительной комиссии общества народного дома [23, 3–4], а также состояла членом правления дамского благотворительного совета, который также принимал участие в решении вопросов образования и просвещения донского края.

Братья Парамоновы стояли за организацию высшего учебного заведения в г. Ростове-на-Дону. В органах го-

родского самоуправления проводились заседания по этому вопросу, активные общественные деятели организовывали собрания, собирали деньги, и было создано Общество народных университетов, в которое входил Н.Е. Парамонов.

Для будущего университета были нужны большие средства, поэтому активно привлекались состоятельные люди, которых волновали вопросы просвещения. Так, братья Петр и Николай Елпидифоровичи в октябре 1913 г. пожертвовали на ростовский университет 30 тысяч рублей [24, 2], а затем ещё 10 тысяч рублей в пользу ростовского Общества народных университетов. Местная печать писала: «Будем надеяться, что это не последнее крупное пожертвование в пользу чуткого к интересам народных масс недавно организованного Общества народных университетов» [25, 3].

Петр Елпидифорович Парамонов был председателем попечительского совета Донского Коммерческого Института, организованного в годы гражданской войны. Сочувствующие и заинтересованные круги ростовского общества обеспечили материальную базу института. 26 августа 1918 г. состоялось первое организационное собрание попечительского совета и учебного комитета, на котором председателем попечительского совета института был единогласно избран П.Е. Парамонов [26, 30].

В дополнение ко всему выше перечисленному, следует отметить, что представители купеческой династии Парамоновых — Иван и Елпидифор Трофимовичи, Петр и Николай Елпидифоровичи ежегодно вносили 300 рублей на плату за право обучения беднейших учеников и учениц в местном реальном училище и женской гимназии [27, 323].

Итак, представители ростовской купеческой династии Парамоновых принимали самое активное участие в делах образования и просвещения населения Дона. Они входили в состав различных общественных, просветительских, благотворительных и попечительских организаций, которые стремились своей деятельностью повысить число образованных и грамотных людей. По сути, участие в деле организации просвещения и образования стало семейным делом. Сыновья, для которых отец был непререкаемым авторитетом, видели его постоянную, усердную деятельность в различных просветительских организациях и своего рода учились у него, а также выполняя последнюю волю отца — пункты его завещания, оказались вовлечены в решение вопросов просвещения и образования населения Области войска Донского.

Литература:

1. Весь Ростов на Дону 1898 год. Торгово-промышленная справочная книга. Издатель: А.И.Теръ-Абрамиан. Ростов н/Д. 1898.
2. ГАРО, ф. 170, оп. 1, д. 355, л. 68–69.
3. Ростовское мореходное училище. // Приазовский край. 1903. 5 марта.
4. В коммерческом училище. // Приазовский край. 1911. 12 июля.
5. Хроника. // Приазовский край. 1904. 19 августа.
6. ГАРО, ф. 826, оп. 1, д. 28, л. 11.

7. Новая школа. В сфере благотворительности. // Приазовский край. 1910. 4 мая.
8. Материалы архива музея Артемовского района г. Шахты.
9. ОР РГБ, ф. 366 Сыромятников, к. 38, д. 30, л. 1.
10. Швецов С.Д. В старом Ростове. Ростов н/Д: Ростовское книжное из-во. 1971.
11. Сидоров В.С. Парамоновы. // Крестьянин. 2001. 16–25 апреля.
12. По завещанию Е.Т. Парамонова. // Приазовский край. 1911. 20 ноября.
13. Заседание. // Утро Юга. 1913. 8 ноября.
14. Новая школа. // Приазовский край. 1913. 2 ноября.
15. Освящение школы. // Приазовский край. 1913. 3 ноября.
16. Товарищество Е.Т. Парамонова. // Утро Юга. 1913. 3 ноября.
17. Училище имени Е.Т. Парамонова. // Приазовский край. 1913. 7 ноября.
18. Новое училище. // Утро Юга. 1913. 10 декабря.
19. Рудник Парамонова. // Утро Юга. 1914. 11 сентября.
20. Станица Нижне-Чирская. Ходатайство об освобождении Н.Е. Парамонова. // Приазовский край. 1918. 16 августа.
21. Народный дом. // Утро Юга. 1913. 1 ноября.
22. Народный дом. // Приазовский край. 1913. 4 марта.
23. Народный дом. // Утро Юга. 1914. апрель.
24. Крупное пожертвование. // Приазовский край. 1911. 18 июля.
25. Крупное пожертвование. // Утро Юга. 1913. 21 октября.
26. Известия Донского коммерческого института. Ростов н/Д. 1918.
27. ГАРО, ф. 301, оп. 8, д. 2013, л. 323.
28. Ростов Благотворительный. Ежегодный справочник. Ростов н/Д.: РРЦ. 2002.

ПСИХОЛОГИЯ И СОЦИОЛОГИЯ

Все плюсы и минусы обязательного медицинского страхования в новом законе.

Вознюк Г.А., кандидат социологических наук, директор
Филиал ООО «СК «АК БАРС-Мед» в Нижнекамском районе и г. Нижнекамске

*Памяти моего руководителя,
доктора социологических наук
Зиятдиной Флюре Газизовне
посвящается*

Система медицинского страхования в России за последние годы претерпела существенные изменения, обусловленные социально-экономическими преобразованиями в стране, которые изменили функциональную организацию медицинского страхования, форму его проведения и виды социальных гарантий для работающего и неработающего населения.

Сейчас стало огромной потребностью для населения на всей территории РФ, в том числе и в нашей Республике, получать не только бесплатную, но качественную и доступную медицинскую помощь по обязательному медицинскому страхованию. Поэтому, страховые компании как участники организации медицинского страхования обязуются информировать застрахованных лиц о видах, качестве и об условиях предоставления им медицинской помощи, а также о необходимости получения полиса ОМС. [1]

С момента утверждения Правил обязательного медицинского страхования, где подробно прописано, как именно должны выполняться те или иные меры закона, закрепились определенные позиции всех участников организации медицинского страхования.. [2] Это своего рода «дорожная карта» для всех участников рынка медицинских услуг — от пациентов до сотрудников федерального и территориальных фондов ОМС.

В новом законе появляются несколько принципиальных новаций.

Во-первых, теперь получить медицинскую услугу по полису ОМС можно в любом регионе России, а не только там, где зарегистрирован человек. Во-вторых, это можно сделать не только в государственном или муниципальном медучреждении, но и в частном или ведомственном, если оно станет участником программы ОМС. И при этом не понадобится доплачивать за лечение и консультации, входящие в программу обязательного медицинского страхования. В-третьих, человек может самостоятельно выбрать страховую медицинскую компанию, медучреждение и врача, которые будут его обслуживать.

Первое, на что хотелось бы обратить внимание работающих граждан, — работодатель больше не будет обес-

печивать своих работников медицинскими полисами. Отныне каждый должен будет позаботиться о себе сам — самостоятельно выбрать страховую компанию, самостоятельно написать в нее заявление на обслуживание и самостоятельно забрать медицинский полис. Подчеркнем: гражданину за приобретение полиса ничего не нужно платить. Эта обязанность по-прежнему лежит на работодателях, которые делают регулярные отчисления в социальные фонды, в том числе медицинский.

Однако обещанное новым законом право пациента на выбор медучреждения в ближайшее время не будет реализовано. Потому что сам механизм выбора, по сути, отсутствует. Порядком, установленным Минздравсоцразвития РФ, амбулаторно-поликлиническая помощь оказывается гражданам по месту проживания. То есть пациентов и дальше будут прикреплять к больницам, поликлиникам по территориям.

Что касается страховых компаний, то для них усиливаются основные функциональные обязанности по новому законодательству в части:

- контроля объема, сроков и качества медицинской помощи, оказанной застрахованным гражданам в соответствии с условиями договора страхования;
- защиты прав застрахованных в случае выявления нарушений в оказании им медицинской помощи, проведение проверок доступности медицинской помощи в ЛПУ.
- оплаты медицинской помощи ЛПУ (согласно представленных счетов-реестров).

При этом объем проверок при плановых экспертизах по новому законодательству увеличился в 2 раза по круглосуточному и дневному стационару, и до 8 раз при амбулаторно-поликлинической медицинской помощи.

В новом законе наряду с правами четко обозначены обязанности застрахованного лица. При обращении за медицинской помощью застрахованные лица обязаны предъявить полис ОМС, за исключением случаев оказания экстренной медицинской помощи.

Для получения полиса каждый гражданин должен будет предоставить в страховую компанию заявление о получении полиса ОМС единого образца. Согласно за-

кону достаточно будет один раз обеспечить работника полисом, который не будет меняться в зависимости от места работы, и будет действовать на всей территории Российской Федерации, его главное преимущество экстерриториальность.

Основной функцией института социального страхования является обеспечение достойного уровня жизни индивида и воспроизводство человеческих ресурсов в результате наступления страховых рисков.

Однако принятые в новом законе положения в отношении субъектов обязательного медицинского страхования и его участников не снимает ряд проблем в системе обязательного медицинского страхования, которые в полной мере не могут обеспечить пациентов качественной и доступной медицинской помощью, а именно:

- низкая информированность населения об их правах в системе ОМС;
- проблемы реализации защиты прав застрахованных в ОМС РФ и РТ (нет четких механизмов для реализации этих прав, прописанных в законе).
- отсутствие механизма возмещения медицинским учреждением денежных средств застрахованному лицу;
- отсутствие единых стандартов диагностики и лечения на территории РФ;
- отсутствие конкретного перечня получения бесплатных услуг в рамках программы государственных гарантий.

Исследователи подтверждают значимость внутренней удовлетворенности человека осуществляемыми государством мерами по регулированию социально-экономических отношений, поскольку они непосредственно связаны с уровнем и качеством жизни каждого человека.

Литература:

1. Федеральный закон № 326 от 29.11.2010 г. «Об Обязательном медицинском страховании в РФ». [электронный ресурс]
2. Российская газета № 55, 18.03.11 г.

Принятый Федеральный закон «Об ОМС» не носит революционный характер и в корне не меняет сложившуюся с 1993 года систему обязательного медицинского страхования. Новый документ в первую очередь направлен на усиление защиты прав граждан на получение бесплатной медицинской помощи, повышение ответственности страхователей и страховщиков в части исполнения своих публичных обязательств. По анкетированию респондентов на предмет удовлетворенности качеством медицинской помощи в лечебно-профилактических учреждениях г. Нижнекамска и Нижнекамского муниципального района за период с января по март 2011 года при получении стационарной медицинской помощи количество неудовлетворенных граждан составляют всего 7%, тогда как в амбулаторно-поликлинической помощи 70% опрошенных.

Такой результат, скорее всего, обусловлен тем, что в результате модернизации здравоохранения и сокращения коечного фонда граждане чаще лечатся в амбулаторных условиях. Никто не отрицает тот факт, что медицинское страхование является социально-экономическим фактором качества жизни, поскольку оно предполагает удовлетворение основной базовой потребности человека — его здоровья. Хочется верить, что принятый закон — это начало нового этапа в развитии обязательного медицинского страхования, но для этого в системе ОМС необходимы принципиально новые подходы к страхованию граждан, деятельности субъектов и участников системы ОМС, а главное механизм финансирования учреждений здравоохранения. И тогда вся принятая новизна будет направлена на обеспечение качественной и доступной медицинской помощи нашим людям.

Multiculturalism: Ideology, Policy, Academic Study

Кушнарёва Е.С., ст.преподаватель
Томский политехнический университет

‘Multicultural’ and ‘multiculturalism’ are ubiquitous terms. They are heard in political debates, in the language of ethnic group leaders, in local government strategies and budgets, in educational settings, in health care, in popular media, in commercial marketing and in scientific publications. The widespread use of the terms ‘multicultural’ and ‘multiculturalism’ can be seen as marking a significant change in the discourses in which societies, schools, organizations, and so on, describe and understand themselves. However, given the wide range of actors, contexts, interpre-

tations and usages of these terms, it is apparent that there is no single view or strategy implied. Multiculturalism can mean many things and can refer to practices, policies, attitudes, beliefs and ideologies. The different meanings and interpretations has led to the use of adjectives for distinguishing between forms of multiculturalism, such as ‘critical and difference’ multiculturalism [1], ‘cosmopolitan and pluralist’ multiculturalism [2] and ‘liberal and illiberal’ multiculturalism [3].

Policies and ideologies regarding diversity, minorities and culture vary greatly from one society to another. Societies

do not have the same history, the same collective representations of the nation and the same minority groups. These differences can affect processes of integration and people's attitudes. Social psychological research has shown, for example, that evaluations of multiculturalism and the endorsement of minority rights are influenced by categories of minority groups and the ways in which they are defined [4]. Not all minority groups are perceived to have equal moral claims. Multicultural recognition and rights is considered a more appropriate demand for 'involuntary' groups (original inhabitants, descendents of slaves, refugees) than for immigrant workers. These immigrants would have waived their demands and rights by voluntary leaving their country of origin. Self-determination implies a personal responsibility for one's situation and position. Therefore, multiculturalism and minority rights tend to be endorsed less in relation to immigrant workers than in relation to involuntary minorities.

The term multiculturalism describes the complex range of issues associated with cultural and religious diversity in society, and the social management of the challenges and opportunities such diversity offers.

Social psychologists have tended to examine multiculturalism in terms of attitudes and ideologies. Empirical studies on multicultural attitudes indicate that the general support for multiculturalism is not very strong among majority groups in many Western countries. Apart from Canada where majority members have been found to favour multiculturalism [5], studies in other countries have found moderate support, such as in Australia and the USA [6] or low support, such as in Germany, Switzerland, Slovakia and the Netherlands [7].

Multiculturalism is not only about the majority group accepting and recognizing minority groups, but implies acceptance and recognition on the part of minorities too. Some studies have examined the endorsement of multiculturalism among ethnic minority group members. In many (European) countries, multiculturalism is typically seen as identity threatening for the majority group and identity supporting for minority groups. For minority groups, multiculturalism offers the possibility of maintaining their own culture and obtaining higher social status in society. Majority group members, on the other hand, may see ethnic minorities and their desire to maintain their own culture as a threat to their cultural dominance and group identity. Following social psychological theories that emphasize the role of group status and interests in the dynamics of intergroup relations [8], it can be expected that groups are more in favour of multiculturalism when they see gains for themselves. Hence, it is likely that multiculturalism appeals more to ethnic minority groups than to majority group members, who in turn endorse assimilation more strongly. Several studies in different countries have confirmed this expectation [9], including a study examining multicultural attitudes among majority and immigrant groups in 21 European countries [10]. This group difference in attitudes towards multiculturalism is even stronger among majority and minority in-

dividuals who identify relatively strong with their own ethnic group.

There are many different responses to the challenges that multiculturalism throw up. It is not surprising, therefore, that there are so many different understandings of the term. Indeed, it has been argued by Samad [11] that the term 'multiculturalism has different implications and meanings depending on its social, political and disciplinary location' and so multiculturalism may be understood as either 'conservative or radical, and social policy based upon it can have different implications and outcomes depending on the context in which cultural difference is negotiated' [11, p. 240]. Therefore, an important starting point for the discussion of multiculturalism is to distinguish three different primary understandings of the concept:

- . multiculturalism as an ideology
- . multiculturalism as a social issue
- . the academic study of multiculturalism

Multiculturalism as an Ideology

Many social commentators, particularly in the UK context, take the term multiculturalism to refer primarily as an ideological concept, particularly as a social programme of change. When taken in this sense, multiculturalism is seen as an effort to create (or impose) a series of social relations between specific defined groups, most often with the aim of establishing some level of social equality and social justice. Although this is for many the main objective of multiculturalism, it is arguably to understand multiculturalism only on this level is both misleading and unhelpful. Indeed, as Pnina Werbner argues, 'there are as many multiculturalisms as there are political arenas for collective action . . . *Multiculturalism is always a specific negotiated order and no amount of abstract philosophical or legal reasoning can prescribe a single «just» model*' [12, p. 263].

Within such arenas, the issue of multiculturalism becomes one of contest, often setting up those who proscribe a suitable multicultural programme against those who are in opposition to such a programme of equality and social justice (anti-multiculturalists). In this case, the ideology of multiculturalism is often perceived (on both sides) as politically left-of-centre and progressive, and the charge is commonly made by anti-multiculturalists that such multicultural policies (or programmes) are anti-nationalist. Therefore, it is common to hear in public debates the distinction being made between multiculturalism (as a policy of separation and/or segregation) and integration. Any context of multiculturalism does need to be developed with regard to national issues (particularly issues of national identity), and it is a mistake to assume that any ideology of multiculturalism will be necessarily anti-nationalistic. For some, the concept of multiculturalism may be ideologically distinct from integration, but in social practice the processes of multiculturalism often do require some implementation of policies of integration at some level.

Multiculturalism as a Social Issue

The second aspect of discussing multiculturalism is the use of the term to describe social issues. In this sense, there is common use of 'multiculturalism' to summarise a state of social organisation (a particular social context). That is, multiculturalism is used in this way to describe a context where there is some level of perceived (and recognised) diversity. Most often this starts with demographic data—i.e. numerical descriptors of populations—which are used to demonstrate that a particular social context has sufficient diversity at some level (particularly cultural or ethnic diversity) to be classified as 'multicultural'.

It is important, however, to note that multiculturalism is not merely a matter of numbers and population percentages. The term multicultural is sometimes conflated with particular population statistics, with the assumption that there is a certain proportion or percentage of 'minorities' that make a society 'multicultural'. It is arguable that this is not the case. For example, Scotland has approximately 5 per cent of its population that is considered to be minority ethnic and/or religious, whilst in England the ratio is 10 per cent. These figures, of course, contrast with other contexts, such as Malaysia, where the native population (Bumiputra or Malays) make up just over half of the total population, with the remainder being non-Malay Malaysians (see the papers by Ahmed and Ibrahim in this issue). In the case of the United Arab Emirates (UAE) (particularly in Dubai and Abu Dhabi), the ratio is even higher, with figures suggesting that the national Emirati (Arab) population make up only 10–20 per cent of the overall population, with the remaining 80–90 per cent non-nationals being resident in the country as temporary migrant workers. All of these examples could be considered to be multicultural societies, with visible cultural and religious diversity. It is a difficult, and probably needless, judgement to make that a particular country is 'more' multicultural than any other. It is probably quite inevitable that the higher the proportion of minority ethnic population, the greater the challenges that such diversity may create for the native or majority population for governance, management and the maintenance of a distinct identity.

Academic Study of Multiculturalism

In contrast to the above two, it is necessary to note that there is another important aspect of multiculturalism that needs to be clearly delineated. That is, the academic study of multiculturalism. This study is not necessarily ideological, although as Werbner notes [12, p. 263] scholars in this field are often ideologically driven.

The study of multiculturalism—in contrast to any particular ideology or public discourse of multiculturalism—is an attempt to understand and analyse various contexts and experiences of diversity. An important basis for this is that there is no single 'form' or experience of multiculturalism, it is not an 'ideal' state, nor does any multicultural context neces-

sarily have a clear end goal. Instead multiculturalism is about a process of management (and governance) in which differences are fore-grounded, whilst at the same time there is recognition of the importance of connections and a common area of engagement across differences. The study of multiculturalism seeks to understand such processes.

In summary, multiculturalism is about changes—the twenty-first century is a time of rapid and unavoidable change. These changes happen through the forces and flows of globalisation, through breath-takingly fast technological changes, and also social and cultural changes coming through the rapid spread of ideas, through new media (both broadcast and information media). The processes of multiculturalism both reflect and generate some of these changes. To pursue the study of multiculturalism is to try to understand how some of these changes operate within particular contexts of nation-states across the world. Multicultural studies examine the ways in which change resulting from such globalisation leads to difference and diversity, relations between different groups, and the ways in which these differences are perceived and governed.

Multiculturalism is concerned with complex issues that involve many questions and dilemmas. There are promises and there are important pitfalls. Considering the psychological and social importance of ethnic and racial identities, a focus on groups and group differences is understandable and, to a certain extent, useful, for example, for improving inter-group relations. It can, however, also lead to a situation in which these identities become overwhelming or unidimensional and society, out-groups and in-groups oblige people to place this particular identity in the forefront of their minds and make it central in their behaviour. Multiculturalism can turn into an obsession with differences and group identities, leading to a widening of divisions between groups and a hampering of individual choices and opportunities.

Multiculturalism is about the delicate balance between recognizing differences and developing meaningful communalities, between differential treatment and equality, between group identities and individual liberties. There are different kinds of diversity and different forms of multiculturalism that try to accommodate cultural differences. Some differences are relatively easy to accept and to recognize, but others go against moral convictions and basic premises of society. There are limits to pluralism and moral diversity as there are limits to tolerance and what is acceptable. Tolerance does not imply the relativism found in some forms of multiculturalism that celebrate diversity and argue that one should refrain from value judgements in assessing other groups. Tolerance always has limits and does not imply a full acceptance and valuing of all social practices of other groups, such as potentially harmful activities, illiberal internal rules and undemocratic actions.

The debate on the way to manage cultural diversity continues and social psychologists increasingly try to make a contribution to these debates. In doing so, it is important to examine not only ethnic and cultural identities and

intergroup relations, but also to focus on differences within groups and intragroup processes, on the ways that religious identities are understood and used in society and for organ-

izing collective action, and on people's reasoning about tolerance and civil liberties related to concrete dissenting practices and behaviours.

References:

1. Turner, T. (1993). Anthropology and multiculturalism: What is anthropology that multiculturalist should be mindful of? *Cultural Anthropology*, 8, 411–429.
2. Hollinger, D. (2000). *Postethnic America: Beyond Multiculturalism*. New York: Harper Collins.
3. Appiah, K.A. (2005). *The Ethics of Identity*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
4. Augoustinos, M., & Quinn, C. (2003). Social categorization and attitudinal evaluations: Illegal immigrants, refugees or asylum seekers? *New Review of Social Psychology*, 2, 29–37.
5. Berry, J., & R. Kalin (1995). Multicultural and ethnic attitudes in Canada: An overview of the 1991 national survey. *Canadian Journal of Behavioural Science*, 27, 301–320.
6. Citrin, J., Sears, D.O., Muste, C., & Wong, C. (2001). Multiculturalism in American public opinion. *British Journal of Political Science*, 31, 247–275.
7. Arends-Tóth & Van de Vijver, F.J. R. (2003). Multiculturalism and acculturation: Views of Dutch and Turkish-Dutch. *European Journal of Social Psychology*, 33, 249–266.
8. Sidanius, J., & Pratto, F. (1999). *Social Dominance: An Intergroup Theory of Social Hierarchy and Oppression*. Cambridge, UK: Cambridge University Press.
9. Deaux, K., Reid, A., Martin, D., & Bikmen, N. (2006). Ideologies of diversity and inequality: Predicting collective action in groups varying in ethnicity and immigrant status. *Political Psychology*, 27, 123–146.
10. Schalk Soekar, S. (2007). *Multiculturalism: A Stable Concept With Many Ideological and Political Aspects*. Tilburg, The Netherlands: University of Tilburg.
11. Samad, Y. (1997). The plural guises of multiculturalism: conceptualizing a fragmented paradigm. In *The politics of multiculturalism in the New Europe: racism, identity and community*, edited by T. Modood, and P. Werbner. London: Zed Books.
12. Werbner, P. (1997). Afterword: writing multiculturalism and politics in the New Europe. In *The politics of multiculturalism in the New Europe: racism, identity and community*, edited by T. Modood, and P. Werbner. London: Zed Books.

Специфика формирования и функционирования интернет-сообществ: социальный аспект

Невесенко Е.Д., аспирант

Санкт-Петербургский государственный университет сервиса и экономики

Развитие технической функциональности Интернета способствовало активизации в виртуальной реальности новых потоков аудитории, привело к росту деловой и социальной активности, формированию новых форм коммуникации и общения в данной среде.

Сегодня Интернет — это среда, насыщенная различными направленными социальными процессами, некоторые из которых находят свое отражение в реальности: в режиме он-лайн обсуждаются социально-значимые вопросы, формируется общественное мнение в отношении тех или иных проблем жизни общества. Развитие коммуникационных возможностей Интернета стало предпосылкой формирования в виртуальной реальности специфических групп пользователей, объединяемых определенным кругом интересов самого различного порядка. Наблюдаемые социальные интернет-образования получили на-

звание «интернет-сообщества» (или виртуальные сообщества).

Проблематика, поднимаемая социологией в отношении интернет-сообществ, достаточно обширна. В частности, можно выделить следующий круг вопросов. Во-первых, актуальным является вопрос о причинах и специфике формирования интернет-сообществ как сетевых объектов. Во-вторых, в качестве значимой выявляется проблема роли виртуальных сообществ в социализации личности. В-третьих, рассматривается вопрос о влиянии интернет-сообществ на те или иные социальные процессы и проблемы, волнующие как конкретное общество, так и все мировое сообщество в целом. Это, конечно, не весь перечень актуальных вопросов, поднимаемых социальной наукой в данной предметной области. Тем не менее, представленный перечень проблем позво-

ляет сформировать определенное отношение к этому объекту исследования.

В рамках данной статьи мы постараемся раскрыть понятие «интернет-сообщество» как таковое, а также осветить социальную специфику его формирования и функционирования в среде Интернет.

Как правило, под понятием «интернет-сообщество» понимается группа людей со сходными интересами, которые общаются друг с другом посредством Интернета. Однако определение, представленное в статье Д. Шикеры «Интернет-сообщества как субъекты, формирующие глобальную информационную среду: понятие, происхождение, типы», нам представляется более информативно отражающим специфику данного социального объединения: «Интернет-сообщество — это стихийно или целенаправленно сложившаяся система постоянных пользователей-соавторов интернет-ресурса, которые в рамках политики данного ресурса осуществляют информационный обмен на установленную тематику, ведущийся на основе ранее принятых правил, запретов и санкций к нарушителям, служащий целям поддержания и развития ресурса» [1].

Мотивацией для формирования интернет-сообщества могут являться различные основания. К примеру, интернет-сообщество может быть создано с целью активизации в Интернете обсуждений каких-либо проблем, считающихся пользователями значимыми, и влияния посредством сформированного в виртуальной среде общественного мнения на сложившуюся ситуацию. Другим основанием может служить стремление авторов сконцентрировать на одном веб-ресурсе некоторую специфическую информацию, интересную определенному кругу лиц. Также в качестве побудительной силы может выступать коммуникативный аспект, стремление к обмену научной информацией или проведению профессиональных консультаций и т.д.

Таким образом, на основании изучения предметной направленности интернет-сообществ можно сформулировать следующую их классификацию:

1. Тематические сообщества: возможные тематические направления сообществ — спорт, экономика, политика, культура и т.д. В качестве примера можно отметить спортивное сообщество сайта Sport.ru (www.sport.ru);

2. Географические сообщества: это сообщества, отражающие социальные аспекты определенной страны, региона, города и т.д. Наглядным примером является форум Санкт-Петербурга (<http://www.spbtalk.ru/>);

3. Сообщества потребителей: возможные тематические направления — автомашины, сотовые телефоны, компьютерные инновации и т.д. Примером может служить автомобильный форум Санкт-Петербурга (<http://www.spbdrive.ru/forum/index.php>);

4. Профессиональные сообщества: возможные тематические направления — бизнес, дизайн, IT. К примеру, бизнес-форум (<http://www.biznet.ru/>);

5. Сообщества прямого общения: целью таких сообществ (так называемых сайтов знакомств) является ус-

тановление дружеских или романтических отношений. За примером обратимся к сайту Dating.ru (<http://dating.ru/>) или сайту LovePlanet (<http://loveplanet.ru/>);

6. Гендерные сообщества: к этому виду интернет-сообществ можно отнести петербургский женский сайт (<http://www.womanspb.ru/forum.html>);

7. Протестные сообщества: сообщества, специализирующие критическим отношением к людям, событиям, явлениям. К примеру, форум антивоенного движения (<http://forum.voinenet.ru/>).

8. Маргинальные сообщества: сообщества, развивающиеся в среде Интернет культуру различных маргинальных групп (панки, готы, гопники и т.д.). С целью ознакомления с этим видом сообщества предлагаем обратиться к форуму готов (<http://www.4gots.ru/forum/>) [1].

В качестве «площадок» существования сообществ можно выделить такие варианты, как чаты, форумы, блоги, он-лайн дневники, социальные сети и т.д. — все они отличаются между собой спецификой используемого программного обеспечения, характером общения между пользователями и т.д.

Следует отметить, что «открытие» веб-ресурса — это лишь начальный этап формирования сообщества. Для того, чтобы создать на сайте активную деятельность, необходимо приложить ряд усилий по привлечению интернет-аудитории. Для реализации этой цели, как правило, используют целый комплекс стратегических мер: оптимизация сайта под поисковые системы, почтовые рассылки, интернет-реклама (баннеры, контентная реклама), использование «площадок» сайтов-друзей и др. [2, с. 54] в сопровождении постоянного администрирования ресурса.

С. В. Бондаренко в своей работе «Жили они долго?! и...» отмечает, что «формирование сетевых сообществ — это искусство коммуникации, и даже если сообщества не относятся к категории сообществ *межличностного общения*, (выделено автором) их создателям все равно приходится ежедневно прилагать усилия по привлечению внимания и по организации коммуникации через регулярно обновляемый контент» [3]. Мы хотим сделать уточнение в контексте данного определения, включив межличностное общение в более широкое понятие социального взаимодействия индивидов в сообществе, являющееся наиболее актуальным для нашего социологического исследования.

Привлечение и удержание на веб-ресурсе пользователей, которые впоследствии составят основную аудиторию интернет-сообщества, осуществляется посредством размещения актуальной информации и «раскрутки» значимых тем. Пользователя привлекает на сайт его информационное наполнение. Оценив качество и развнутость информационного блока сайта, скорость пополнения и обновления информации, характер обсуждения целевых вопросов, пользователь увеличивает количество посещений данного ресурса, включается в активные обсуждения и привносит свой вклад в жизнь сообщества, постепенно становясь его полноправным членом.

Таким образом, обобщая имеющуюся информацию по привлечению новых пользователей в сообщество, отметим два возможных пути осуществления этой деятельности — экстенсивный и интенсивный [3]. Вариант экстенсивного привлечения характеризуется расширением аудитории сайта за счет привлечения новых пользователей (с этой целью используется комплекс обозначенных выше стратегических мер). Интенсивный путь, в свою очередь, обусловлен «увеличением времени, которое пользователи проводят во взаимодействиях, а значит, чаще принимают участие в жизни виртуального коллектива» [3]. Это происходит за счет грамотного составления и реализации программы постоянного поддержания интереса членов сообщества к деятельности виртуальной группы.

Различают целенаправленно создаваемые и стихийно формируемые интернет-сообщества. Примером целенаправленно создаваемых виртуальных сообществ может служить, допустим, клуб автолюбителей Mitsubishi Lancer (<http://www.lancer-club.spb.ru/forum/>). К стихийно возникающим сообществам можно отнести социальные группы, объединяющиеся на основании какой-либо определенном темы или отношения к чему-либо в рамках единого веб-ресурса. Например, в рамках форума автолюбителей стихийно может возникнуть направление сторонников или противников того или иного автомобильного бренда.

Хотелось бы также отметить, что сообщества, создаваемые с четко поставленной целью, более организованы, устойчивы и жизнеспособны, чем сообщества, возникающие стихийно. Стихийно создаваемые сообщества, как правило, держатся на энтузиазме как создателей веб-ресурса, так и «лидеров мнений» локального сетевого социума [3].

Изучая виртуальные сообщества, нельзя не отметить присутствие в рассматриваемых социальных объединениях специфической социальной стратификации, главным критерием которой являются властные полномочия. На основании степени обладания властными полномочиями выделяются следующие группы: системные администраторы (администраторы серверов), модераторы и пользователи [4].

Системные администраторы обладают самым высоким статусом в сообществе, их полномочия включают следующие властные функции: определение характера информационной наполненности веб-ресурса, решение вопросов допуска пользователей к информации, определение функциональных обязанностей модераторов, мониторинг посещаемости ресурса и т.д.

Модератор играет на сайте роль куратора протекающих на ресурсе процессов. В его обязанности входит: мотивация участников сообщества к активной деятельности и обсуждениям, наблюдение и коррекция процессов общения, контроль поведения пользователей сайта, применение санкций к нарушителям на основании принятого в сообществе регламента. Модератор обычно назначается системным администратором.

Пользователи ресурса — это особая группа, основа любого сообщества, обладающая определенными правами и обязанностями, зафиксированными в установленных правилах, деятельность которых контролируется представителями вышестоящих инстанций.

В статье Д.А. Иванченко «Специфика социального взаимодействия индивидов в интернет-сообществах» представлен анализ социальной структуры различных интернет-сообществ, в рамках которого выделены формальные и неформальные социальные группы пользователей, ранжируемые на основании степени проявляемой ими активности, определяемой количеством и характером размещаемых сообщений (так называемых «постов»). Автор выделяет следующие формальные статусы членов сообщества (по возрастающей) — «гость», «новичок», «гуру», «ветеран», «VIP», «тысячник» и т.д. Среди неформальных можно отметить такие статусы, как «лидер», «авторитет», «звезда», «провокатор», «чудак», «флудер» и пр. [5]. Для каждого статуса характерно наличие конкретной роли и функций, определяющих положение пользователя в сообществе.

Для обеспечения оптимального функционирования сообщества и поддержания благоприятных условий существования его членов вводится комплекс норм и правил поведения, общеобязательный к соблюдению для каждого пользователя веб-ресурса. В случае нарушения установленных правил, в отношении пользователя применяются различного вида санкции: от просто предупреждения до «банна» (принудительного исключения участника из сообщества). Причинами применения административных мер может служить (на примере правил поведения, установленных на форуме автолюбителей Санкт-Петербурга, <http://www.petercars.ru/forum/>):

- флуд (размещение однотипной информации на нескольких «ветках» форума или разных форумах, одной повторяющейся фразы, символов, букв, слов, одинаковых графических файлов или просто повторяющихся коротких сообщений на веб-форумах, в чатах и блогах или бессмысленных потоков информации, часто с недобрым умыслом);
- создание одинаковых топиков (топик — зд. тема, предмет обсуждения на форуме, блоге);
- использование нецензурных выражений;
- оскорбление других участников сообщества;
- использование e-mail зарегистрированных пользователей форума в целях рассылки спама;
- двойная регистрация и «захват» ников [6].

Данный перечень правил поведения, в своей основе, стандартен для большинства веб-ресурсов.

Для интернет-сообщества характерно также формирование определенной организационной культуры, что выражается в наличие некоторой системы ценностей, установок, норм и правил поведения, которые принимает каждый участник сообщества.

В рамках интернет-сообщества развивается и другая, так называемая «неуправляемая» культура, основу ко-

торой составляют стереотипы поведения, традиции, специфичность лексики [7, с. 61] и т.д., отражающая степень устойчивости социальной интернет-группы и характер взаимодействия между ее участниками.

С.В. Бондаренко выделяет интересную особенность, касающуюся способности аудитории интернет-сообщества оперативно реагировать на социальные проблемы и различные события, происходящие в обществе и в мире, и, как следствие, оказывать на них некоторое влияние [8, с. 112]. В этом направлении активную деятельность осуществляют различные социальные сети, ярким примером которых является система микроблоггинга Twitter [9]. Доказательством значимости, в частности, веб-ресурса Twitter, в общественной жизни является признание и активное использование этого микроблоггинга известными политическими и общественными деятелями [9].

Таким образом, исследуя интернет-сообщества можно представить следующую специфику их формирования и функционирования:

- для формирования интернет-сообщества необходимы определенные мотивы, в качестве которых, к примеру, могут выступать возможность привлечения внимания общественности к какой-либо проблемной ситуации, концентрации некоторой информации на одном ресурсе, обмен научной информацией;
- сообщества существуют в рамках различных веб-ресурсов, среди которых можно выделить чаты, форумы, блоги, он-лайн дневники, социальные сети;
- для активизации деятельности сообщества применяется комплекс мероприятий, способствующей решению этой задачи;
- вопрос привлечения и удержания пользователей решается посредством размещения на сайте актуальной информации и «раскрутки» значимых тем;
- для оптимального функционирования сообщества необходимо регулярное администрирование ресурса;
- целенаправленно создаваемые сообщества, как правило, характеризуются большей организацией, устойчи-

востью и жизнеспособностью по сравнению с сообществами стихийно формируемыми;

— для сетевых сообществ присуще наличие специфической социальной стратификации. Социальные страты определяются, главным образом, на основании степени обладания властными полномочиями;

— структуру интернет-сообщества составляют формальные и неформальные социальные группы пользователей, ранжируемые на основании степени проявляемой ими активности;

— для любого интернет-сообщества характерно наличие правил поведения, общеобязательных к соблюдению для каждого пользователя веб-ресурса. По отношению к нарушителям применяются соответствующие санкции;

— в рамках интернет-сообщества развивается определенная организационная культура, которая сплачивает участников сообщества посредством устанавливаемых формальных и неформальных правил.

Интернет-сообщество, его социальные составляющие — это достаточно интересные в научном плане объекты, требующие особого внимания со стороны исследователей интернет-пространства. Изучение структуры интернет-сообщества, особенностей его внутренней культуры позволит понять специфику информационно-познавательной и коммуникативной деятельности, осуществляемую аудиторией сайта.

На базе веб-ресурса проводятся исследования социальных процессов, протекающих в киберпространстве, изучается общественное мнение, затрагивающее значимые социальные проблемы, и отношение «лидеров мнений» к ним; рассматривается специфика взаимодействия виртуальной реальности с физической средой, а также и последствия такового взаимодействия, чему, в той или иной мере, способствует сформированные и развивающиеся в Сети интернет-сообщества.

В следующих статьях мы планируем продолжить исследования интернет-сообществ в социальном аспекте и рассмотреть характер и последствия их влияния на региональные социальные процессы.

Литература:

1. Шакула Д. Интернет-сообщества как субъекты, формирующие глобальную информационную среду: понятие, происхождение, типы: сайт научно-культурологического журнала «RELGA» — 2006 — [Электронный ресурс]. URL: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=1055&level1=main&level2=articles> (дата обращения: 30.03.2011).
2. Гуров Ф.Н. Продвижение бизнеса в Интернет: все о PR и рекламе в сети / Гуров Филипп Никитич. — М.: Вершина, 2008. — 136 с.
3. Бондаренко С.В. Жили они долго?! и...: интернет-издание «Компьютера-Онлайн» — 2004 [Электронный ресурс]. URL: <http://oldwww.computerra.ru/offline/2004/529/32074/?print> (дата обращения: 30.03.2011).
4. Бондаренко С.В. Стратификация в сетевых сообществах межличностного общения. [Электронный ресурс]. URL: http://library.by/portalus/modules/psychology/referat_show_archives.php?subaction=showfull&id=1106582741&archive=1129709116&start_from=&ucat=15& (дата обращения: 08.04.2011).
5. Иванченко Д.А. Специфика социального взаимодействия индивидов в интернет-сообществах: сайт Российской академии наук Института социологии РАН [Электронный ресурс]. URL: http://www.isras.ru/abstract_bank/1208188722.pdf (дата обращения: 29.03.2011).

6. Основные правила форума автоклуба Санкт-Петербурга [Электронный ресурс]. URL: <http://www.petercars.ru/forum/> (дата обращения: 29.03.2011).
7. Костина А.В. Интернет-сообщества: что обсуждается в Интернете? От думера — до фурри. От игнора — до троллинга. — М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011—176 с.
8. Бондаренко С.В. Виртуальная структура виртуальных сетевых сообществ — Ростов-на-Дону: издательство Ростовского Университета, 2008—320 с.
9. США поддержат российских интернет-активистов. Информационная статья: сайт Русской службы Би-би-си — 2011 [Электронный ресурс]. URL: http://www.bbc.co.uk/russian/international/2011/02/110216_clinton_internet_support.shtml (дата обращения: 30.03.2011).

Терапия и профилактика профессионального выгорания у представителей помогающих профессий

Райкова Е.Ю., кандидат психологических и философских наук, доцент
Высшая школа психологии (институт)

Одним из проявлений профессионального воздействия на личность является синдром «психического выгорания» (burnout), широко известный и исследуемый в зарубежной психологии. Под психическим выгоранием (burn-out) понимается комплекс особых психических проблем, возникающих у человека в связи с его профессиональной деятельностью. Впервые они были описаны Х.Дж. Фрейденбергером в 1974 г. Работая психиатром в одном из центров здоровья, он наблюдал большое количество работников, испытывающих постепенное эмоциональное истощение, потерю мотивации и работоспособности, изменения в состоянии здоровья и интеллектуальной сфере. Это были специалисты так называемых помогающих профессий — людей, с полной самоотдачей и с большим воодушевлением работавших в общественных организациях. После нескольких месяцев такой добровольной деятельности у этих людей наблюдался целый ряд характерных симптомов: истощение, раздражительность, цинизм и т.д., которые Х.Дж. Фрейденбергером по контрасту с начальным «эмоциональным горением» назвал «эмоциональным выгоранием» [14]. Позднее С. Condo определяет «burnout» как «состояние дезадаптированности к рабочему месту из-за чрезмерной рабочей нагрузки и неадекватных межличностных отношений» [8].

Социальный психолог Сг. Maslach, исследуя когнитивные стратегии людей, помогающие им преодолевать эмоциональное возбуждение, обратила внимание на тот факт, что данные стратегии оказывают влияние на профессиональное поведение работников [15]. Основной причиной выгорания она определяла эмоциональную перегрузку, вызванную взаимоотношениями между профессионалом и его клиентом, «тем, кто оказывает помощь и тем, кто ее получает» [16, с. 29]. В.Е. Орёл, анализируя труды Сг. Maslach, указывает на то, что она видела психологическую опасность таких взаимоотношений, поскольку профессионалы имеют дело, прежде всего с людскими проблемами, несущими в себе отрицательный

эмоциональный заряд, которые тяжелым бременем ложатся на их плечи. Такая ситуация переживается работником как длительно воздействующий стресс и проявляется в изменении отношения к себе и другим. Работник испытывает чувство эмоционального истощения, проявляет бессердечное отношение к клиентам, у него снижается стремление к самореализации, уверенность в своей компетентности, вера в успех [9].

В настоящее время феномен «психического выгорания» в различных отечественных и зарубежных исследованиях имеет разное звучание (эмоциональное выгорание, профессиональное выгорание, синдром профессионального сгорания и т.п.), но при внимательном анализе данных определений наблюдается схожесть трактовок. Согласно современным данным под «психическим выгоранием» понимается состояние физического, эмоционального и умственного истощения, проявляющееся в профессиях социальной сферы.

Р. Кючонас даёт определение «синдрому выгорания» как «сложному психофизиологическому феномену, сопровождающемуся эмоциональным, умственным и физическим истощением из-за продолжительной эмоциональной нагрузки» [8]. В.В. Бойко определяет эмоциональное выгорание как выработанный личностью механизм психологической защиты в форме полного или частичного исключения эмоций в ответ на избранные психотравмирующие воздействия, и указывает, что это приобретенный стереотип эмоционального, чаще всего профессионального, поведения. Отчасти, это и функциональный стереотип, поскольку позволяет человеку дозировать и экономно расходовать энергетические ресурсы. Но цена такой «экономии» слишком высока: «нарушения могут затрагивать разные грани трудового процесса — профессиональную деятельность, личность профессионала, профессиональное общение» [1, с. 95]. Поэтому рассматривать психическое выгорание как профессиональное выгорание вполне правомочно, поскольку это яв-

ление рассматривается в аспекте личной деформации под влиянием профессиональных стрессов как совокупность стойких негативных эмоциональных переживаний и установок относительно своей работы и субъектов делового общения [7].

По мнению отечественных и зарубежных исследователей (В.В. Бойко, Н.Е. Водопьянова, К. Маслач, В.Е. Орел, Б. Перлман, Е.Л. Старченкова, Х.Дж. Фрейдбергер, Е. Хартман и др.), выгорание — динамический процесс и возникает поэтапно. Психическое выгорание включает в себя три основных составляющих, проявляющихся поэтапно: эмоциональная истощенность, деперсонализация (цинизм) и редукция профессиональных достижений. Под эмоциональным истощением понимается чувство эмоциональной опустошенности и усталости, вызванное собственной работой. Деперсонализация предполагает циничное отношение к труду и объектам своего труда. В частности в социальной сфере деперсонализация предполагает бесчувственное, негуманное отношение к клиентам, приходящим для лечения, консультации, получения образования и других социальных услуг. Клиенты воспринимаются не как живые люди, а все их проблемы и беды с которыми они приходят к профессионалу, с его точки зрения, есть благо для них. Редукция профессиональных достижений представляет собой возникновение у работников чувства некомпетентности в своей профессиональной сфере, осознание неуспеха в ней [10]. Иными словами, на последнем этапе специалист переживает утрату профессионального мастерства.

Выявленные три компонента выгорания, в какой-то степени, отражают специфику той профессиональной сферы, в которой впервые был обнаружен этот феномен. Особенно это касается второго компонента выгорания, а именно, деперсонализации, несущей на себе явный отпечаток сферы социального обслуживания людей и оказания им помощи.

Как мы видим, описанные проявления профессионального выгорания представляют собой хорошо диагностируемые симптомы, поэтому сам феномен психического выгорания зачастую рассматривается как синдром. В Международной классификации болезней (МКБ-Х) синдром выгорания отнесен к рубрике Z73 — «Стресс, связанный с трудностями поддержания нормального образа жизни» [17, с. 51]. Его все чаще связывают с состоянием предболезни. Синдром «выгорания» берет свое начало в хроническом повседневном напряжении, эмоциональном переутомлении, переживаемом человеком. Эмоционально-мотивационное утомление, при котором появляются субъективные переживания усталости, мотивационная и эмоциональная неустойчивость, может привести к хроническому переутомлению.

Интересна точка зрения на синдром эмоционального выгорания как «антисистему» с присущими ей «антифункциями» (антимотивационной, антикогнитивной, дерегуляторной), выполняющими противоположное по направленности традиционным функциям психических явлений

действие в процессе профессионального становления личности, предложенная В.Е. Орлом [9, с. 39]. Рассматривая структуру выгорания, он описывает иерархию в зависимости от уровня проявления симптомов:

- 1) микроуровень (индивидуально-психологический — преобладают эмоциональные симптомы);
- 2) мезоуровень — (межличностные симптомы — доминируют мотивационные нарушения);
- 3) макроуровень — (организационный уровень — вершину образуют когнитивные симптомы).

Основные проявления «выгорания» сводятся к ощущению усталости, отсутствию сил, наблюдается сниженный энергетический тонус, падает работоспособность и появляются различные симптомы физических недомоганий, склонность к злоупотреблению успокаивающими или возбуждающими средствами и т.д. У профессионала появляется отрицательная психологическая установка в общении с партнерами (коллегами, клиентами, пациентами, руководством, членами семьи и друзьями). Это приводит к конфликтам и утрате веры в свои возможности как профессионала и может стать причиной смены жизненного сценария и полного отказа от профессиональной деятельности в избранной сфере.

Личностные характеристики, провоцирующие выгорание, В.И. Орел называет «катализаторами», а тормозящие его процесс — «ингибиторами» выгорания. Так, люди с определенными чертами личности (тревожные, чувствительные, эмпатичные, склонные к интроверсии, имеющие гуманистическую жизненную установку, склонные отождествляться с другими) больше подвержены синдрому психического выгорания. «Ингибиторами» синдрома психического выгорания выступают оптимизм, высокая самооценка, интернальная Я-концепция, конфликтостойчивость, увлеченность, проницательность, целеустремленность [9, с. 59].

По мнению многих исследователей, психическое выгорание в большей степени свойственно представителям помогающих профессий, чья работа связана с интенсивным, тесным общением с людьми, эмоциональным перенапряжением (врачи, священники, педагоги, юристы, социальные работники, психологи, психотерапевты и т.д.). От работников помогающих профессий требуются такие качества как коммуникабельность, эмпатия (проникновение во внутренний мир другого человека за счет сопричастности его переживаниям), принятие личных устремлений, инициатив и индивидуальных особенностей клиентов, гуманизм и милосердие. Труд представителей помогающих профессий сопровождается достаточно интенсивным и длительным общением (особенно в случае оказания помощи в разрешении проблем и трудностей клиента). Все это требует больших психологических и физиологических затрат, а следовательно, рано или поздно представители помогающих профессий начинают испытывать большое напряжение, а в последствии из-за больших перегрузок эмоциональное, физическое и умственное истощение [6; 7; 13]. Ниже в таблице 1 приведены данные относи-

Таблица 1. Средние значения основных характеристик выгорания у представителей различных профессиональных групп

Профессиональная группа	Компоненты выгорания	Эмоциональное истощение	Деперсонализация	Профессиональная эффективность
Учителя школ		21. 25	11. 0	33. 54
Преподаватели вузов		18. 57	5. 57	39. 17
Социальные работники		21. 35	7. 46	32. 75
Работники медицины (врачи и медсестры)		22. 19	7. 12	36. 53
Работники службы психического здоровья (<i>психологи, психиатры, психотерапевты, обслуживающий персонал</i>)		16. 89	5. 72	30. 87
Другие профессии: (<i>юрисконсульты, адвокаты, офицеры полиции, офицеры службы надзора, священники, библиотекари, работники агентств</i>).		21. 42	8. 11	36. 43

тельно уровня выгорания у представителей различных профессий [10].

Из приведенной таблицы видно, что наиболее склонны к выгоранию представители педагогической сферы, социальные работники и медики, что подтверждается и рядом исследований. Анализ выгорания у представителей разных профессиональных групп показывает, что выгорание обуславливается не отдельным фактором профессии, а целым ее комплексом, совокупным влиянием профессии, ее социального статуса, престижа в обществе и других характеристик.

Профессиональная деятельность представителей помогающих профессий (название говорит само за себя) носит помогающий характер и приобретает статус помогающих отношений. По определению К. Роджерса «помогающие отношения» — это «отношения, в которых, по крайней мере, одна из сторон намеревается способствовать другой стороне в личностном росте, развитии, лучшей жизнедеятельности, развитии зрелости, в умении ладить с другими» [12]. Чтобы они достигали своих целей, эти отношения должны обладать следующими свойствами со стороны помогающего: «принятие-демократичность», активное личное участие, чувство понимания со стороны профессионала и доверие к нему, обеспечение ощущения пациентом самостоятельности в решениях.

Кроме выше указанных, возникновение профессионального выгорания у представителей помогающих профессий обусловлено следующими особенностями профессиональных ситуаций [3]:

- монотонность работы, особенно если ее смысл кажется сомнительным;
- вкладывание в работу больших личностных ресурсов при недостаточности признания и положительной оценки;
- строгая регламентация времени работы, особенно при нереальных сроках ее исполнения;
- работа с «немотивированными» клиентами, постоянно сопротивляющимися усилиям помочь им, и незначительными, трудно ощутимыми результатами такой работы;

- напряженность и конфликтность в профессиональной среде, недостаточная поддержка со стороны коллег и их излишнего критицизма;

- нехватка условий для самовыражения личности на работе, когда не поощряются, а подавляются экспериментирование и инновации;

- работа без возможности дальнейшего обучения и профессионального совершенствования;

- неразрешенные личностные конфликты специалиста;

- неудовлетворенность профессией, которая основана на осознании неправильности ее выбора, несоответствия своих способностей требованиям профессии, результативности своего труда и т.д.

В сущности, происхождение синдрома профессионального выгорания невозможно однозначно связать с теми или иными организационными, личностными или ситуационными факторами, скорее, он является результатом сложного взаимодействия личностных особенностей человека, ситуации его межличностных отношений с его профессиональной и рабочей ситуацией, в которой он находится.

Лонгитюдинальные исследования показывают, что выгорание относительно стабильно во времени, однако флуктуации выгорания зависят от влияния личностных и организационных факторов [цит. по 10]. Следовательно, создание определенных социальных условий и применение терапии для коррекции личностных факторов способно изменить картину.

Анализ организационных факторов, куда включаются условия материальной среды, содержание работы и социально-психологические условия деятельности представителей помогающих профессий, позволяет утверждать, что труд данных специалистов сопряжен с повышенными нагрузками в деятельности, со сверхурочной работой, значительным количеством клиентов, частотой их обслуживания, высокой степенью глубины контакта с ними. Непосредственный контакт с клиентами, острота их проблем обычно способствуют возникновению выгорания. Наиболее ярко показано влияние этих факторов в тех

видах профессиональной деятельности, где острота проблем клиентов сочетается с минимизацией успеха в эффективности их решения. Это работа с хронически больными людьми, людьми, страдающими неизлечимыми заболеваниями (СПИД, рак и некоторые др.), работа с умирающими людьми и т.д. [цит. по 10]. При этом отмечается, что любая критическая ситуация с клиентом, независимо от ее специфики является тяжким бременем для работника, отрицательно воздействуя на него и приводя, в конечном счете, к выгоранию.

Кроме того, анализ данных факторов позволяет определить те факторы, которые способствуют выгоранию и те, наличие которых на оптимальном уровне будет способствовать профилактике профессионального выгорания. Обобщенный анализ отечественных и зарубежных исследований показывает, что способствуют выгоранию у представителей помогающих профессий: высокая рабочая нагрузка; отсутствие или недостаток социальной поддержки со стороны коллег и руководства; недостаточное вознаграждение за работу; высокая степень неопределённости в оценке выполняемой работы; невозможность влияния на принятие решений; двусмысленные, неоднозначные требования к работе; постоянный риск штрафных санкций; однообразная, монотонная и бесперспективная деятельность; необходимость внешне проявлять эмоции, не соответствующие реалиям; отсутствие выходных, отпусков и интересов вне работы. Существенное влияние оказывает дестабилизирующая организация деятельности и неблагоприятная психологическая атмосфера в коллективе [7; 13].

Как указывает В.Е. Орел, одним из самых важных среди социально-психологических факторов, рассматриваемых в контексте выгорания, являются социально-психологические взаимоотношения в организации, как по вертикали, так и по горизонтали [10]. Решающую роль в плане профилактики выгорания играет социальная поддержка от коллег и людей, стоящих выше по своему профессиональному и социальному положению, а также других лиц (семьи, друзей и т.д.). Ссылаясь на ряд исследований, В.Е. Орел доказывает, что существует отрицательная зависимость между выгоранием и социальной поддержкой у представителей практически всех профессий, связанных с оказанием профессиональной помощи людям. Наиболее значимой для работников является поддержка от супервизоров и администрации. Более того, интраперсональные конфликты в группе работников (т.е. по горизонтали), гораздо менее психологически опасны, чем конфликты с людьми, занимающими более высокое профессиональное положение. Социальная поддержка может быть своеобразным буфером между стрессорами и результатами их деятельности и показателями состояния. Работники, получающие поддержку, могут лучше сопротивляться стрессовым воздействиям и, тем самым, быть менее подвержены выгоранию [10].

Отношение к своей профессиональной деятельности также является важным фактором, способствующим или препятствующим выгоранию, наряду с определенными

установками по отношению к особенностям поведения реципиентов (учеников, больных, клиентов и т.д.). Так, тактика отстранения от клиентов в виде самоотчуждения, или отсутствия значимости в своей работе у социальных работников и у медицинского персонала дает низкие или средние значения выгорания. Медицинский персонал, работающий в сообществах и имеющий тесный непосредственный контакт с пациентами и их эмоциональными проблемами более подвержен влиянию стрессовых факторов, чем медицинский персонал больниц, основными функциями которого являются профессиональные контакты и надзор за больными. Среди социальных работников наиболее подвержены выгоранию работники общественных агентств по сравнению с их коллегами, имеющими частную практику. В педагогической деятельности, например, учителя, характеризующиеся наличием опекающей идеологии во взаимоотношениях с учениками, а также репрессивную и ситуационную тактики, демонстрировали высокий уровень выгорания. Кроме того, атмосфера в коллективе учащихся и их отношение к учителю и учебному процессу могут провоцировать возникновение выгорания у педагогов. Выгорание у мужчин, в большей степени, вызывается невнимательностью учеников, а у женщин — их непочтительностью [10, 11]. Внутри профессиональные различия наблюдаются и в среде служителей церкви. Сравнительный анализ склонности к выгоранию среди трех групп священников: приходских священников, монахов и священников, имеющих духовный сан, показал, что наиболее подвержены влиянию исследуемого феномена представители первой группы [Там же].

Во многих исследованиях показана важность фактора «наличие обратной связи» как значимого элемента профилактики выгорания. Отсутствие обратной связи соотносится со всеми тремя компонентами выгорания, приводя к повышению уровня эмоционального истощения и деперсонализации и снижая профессиональную самооценку [4]. Кроме того, одним из важных факторов, взаимодействующих с выгоранием, является степень самостоятельности и независимости сотрудника в своей деятельности и возможность принимать важные решения [5].

Профилактические, лечебные и реабилитационные мероприятия должны направляться на снятие производственного напряжения, повышение профессиональной мотивации, установление баланса между затраченными усилиями и получаемым результатом. Мерами профилактики профессионального выгорания могут быть следующие условия организации деятельности:

- сотрудник не должен находиться долгое время один на один со своей профессиональной или личной проблемой, у него всегда должна быть возможность обратиться за помощью, советом к коллегам, супервизору;
- важна общая дружеская атмосфера поддержки и взаимопонимания в коллективе;
- организация супервизии как метода мониторинга душевного состояния и равновесия сотрудника, для свое-

временной корректировки отношения к работе; — необходимо постоянно делиться своим опытом и проблемами с профессиональным сообществом;

— выгоранию препятствует постоянное осознание процесса работы, своего участия в нем, наращивание профессиональных качеств, постоянная рефлексия и концептуализация своего опыта переживаний, связанных с общением с клиентами;

— общение с профессиональным сообществом;

— создание и внедрение обучающих программ по преодолению выгорания и развивающих программ, направленных на осознание и раскрытие творческого потенциала сотрудника, повышения его ощущения самоэффективности.

Однако, существенная роль в борьбе с синдромом профессионального выгорания отводится самому сотруднику. Представляется целесообразным для профилактики профессионального выгорания необходимость:

— использование «технических перерывов», что необходимо для обеспечения психического и физического благополучия (отдых от работы);

— освоения путей управления профессиональным стрессом — изменение социального, психологического и организационного окружения на рабочем месте; построение «мостов» между работой и домом;

— освоение приёмов релаксации, визуализации, ауто-регуляции, самопрограммирования;

— стремление профессионально развиваться и самосовершенствоваться (обмен профессиональной информацией за пределами собственного коллектива чрез общение на курсах повышения квалификации, конференциях, симпозиумах, конгрессах);

— уход от ненужной конкуренции (бывают ситуации, когда её нельзя избежать, но чрезмерное стремление к выигрышу порождает тревогу, делает человека агрессивным, что способствует возникновению профессионального выгорания);

— изменение установки по отношению к жизни, к ее смыслу, восприятие ситуации выгорания как возможности пересмотреть и переоценить свою жизнь, сделать ее более продуктивной для себя;

— поддержания хорошей физической формы (сбалансированное питание, ограничение употребления алкоголя, отказ от табака, коррекция массы тела) [3; 5].

Указанные профилактические меры способствуют повышению имеющихся у сотрудника жизненных ресурсов.

Хорошей профилактикой синдрома эмоционального выгорания профессионалов является балинтовская группа. Акцент в работе балинтовской группы делается на различных особенностях терапевтических взаимоотношений, на реакциях, трудностях, неудачах, которые консультанты сами выносят на обсуждение. Группа профессионалов встречается несколько раз в месяц (продолжительность встречи 1,5–2 часа). Стиль ведения занятий — недирективный. Занятия в балинтовских группах позволяют участникам прояснить стереотипы действий, пре-

пятствующие решению проблем, устанавливать более эффективные взаимоотношения с клиентами. В работе семинара могут использоваться ролевые игры, элементы психодрамы, приемы эмпатического слушания, невербальной коммуникации и др.

Кроме этого, в целях направленной профилактики профессионального выгорания следует стараться рассчитывать и обдуманно распределять свои нагрузки; учиться переключаться с одного вида деятельности на другой; проще относиться к конфликтам на работе; не пытаться быть лучшим всегда и во всем. Помнить, что работа это не вся жизнь, а только ее часть.

В.А. Винокур обращает внимание на тот факт, что синдром «выгорания» у «помогающих» профессионалов является одним из источников формирования деструктивной терапевтической среды и снижения качества оказываемой медицинской и консультативной помощи. В последние годы в мировой медицинской и консультативной практике все активнее развивается тенденция рассматривать состояние здоровья персонала как один из важных факторов оценки качества работы учреждения, поскольку это отражает степень удовлетворения интересов не только пациентов (клиентов), но и оказывающих им помощь профессионалов. Один из очевидных выводов, которые вытекают из многочисленных исследований профессионального «выгорания», заключается в принципиальной возможности сделать работу медиков, психологов-консультантов и других «помогающих» профессионалов менее стрессовой без снижения требований к ней, но при этом более эффективной за счет добавления к ней новых «степеней внутренней свободы» [4]. Исходя из этого, внимание к своему собственному здоровью должно становиться частью профессиональной культуры сотрудника и даже, в определенной мере — показателем его профессиональной компетентности. Иррациональные когнитивные установки, неадекватное эмоциональное и поведенческое реагирование, тенденция подавлять в себе, вытеснять различные переживания, эмоциональные реакции и даже различные расстройства, связанные с работой, отсутствие обращения за психологической помощью или для супервизии могут свидетельствовать о низкой компетентности и профессиональной культуре.

Таким образом, профессиональное выгорание у представителей помогающих профессий представляет собой комплекс психических переживаний и поведения, которые сказываются на работоспособности, физическом и психологическом самочувствии, а также на интерперсональных отношениях работника. Синдром «профессионального выгорания» — ответная реакция на длительные рабочие стрессы межличностного общения. Несмотря на относительную стабильность данного синдрома, организация соответствующей профессиональной среды и использования сотрудниками индивидуальных стратегий «восполнения внутренних ресурсов», способны оказать существенное корректирующее воздействие.

Литература:

1. Бойко, В.В. Правила эмоционального поведения: Методическое пособие / В.В. Бойко. — СПб.: Питер, 1997. — 172 с.
2. Бойко, В.В. Энергия эмоций в общении: взгляд на себя и на других / В.В. Бойко. — М.: Издательский дом «Филинь», 1996. — 154 с.
3. Бусовикова О.П. Исследование формирования синдрома эмоционального выгорания в профессиональной деятельности социальных работников / О.П. Бусовикова, Т.Н. Мартынова // Сибирская психология сегодня: Сборник научных трудов. — Вып. 2. — Кемерово: Кузбассвузиздат, 2003. — 410 с.
4. Винокур В.А. Методика психологической диагностики профессионального «выгорания» в «помогающих» профессиях. [Электронный ресурс] // Медицинская психология в России: электрон. науч. журн. 2010. N 1. URL: <http://medpsy.ru>.
5. Водопьянова, Н.Е. Синдром выгорания. Диагностика и профилактика / Н.Е. Водопьянова, Е.С. Старченкова. — СПб.: Питер: Питер-принт, 2005. — 336 с.
6. Гришина, Н.В. Помогающие отношения: профессиональные и экзистенциальные проблемы // Психологические проблемы самореализации личности. СПб.: Изд-во Спб. ун-та, 1997 — С.143–156.
7. Елдышова О.А. Профессиональное выгорание в помогающих профессиях. //Роль служб экстренной психологической помощи по телефону в решении проблемы сиротства в России: I Международная конференция детских телефонов доверия 17–18 ноября 2006 г.: Сборник статей выступлений. — Москва, 2006. —С. 38–41
8. Лэнгле, А. Эмоциональное выгорание с позиций экзистенциального анализа: теоретическое исследование / А. Лэнгле // Вопросы психологии. — 2008. — №2. — С. 3–16.
9. Орёл В.Е. Феномен «психического выгорания»: теория, проблемы диагностика // Орел, В.Е. Структурно-функциональная организация и генезис психического выгорания: Автореф. ...д-ра пс. н. / В.Е. Орел. — Ярославль, 2005. — 51 с.
10. Орел, В.Е. Феномен «выгорания» в зарубежной психологии. Эмпирические исследования / В.Е. Орел //Психологический журнал. — 2001. — №1. — С. 16–21.
11. Пашук, Н.С. Личностные черты как детерминанты возникновения и развития феномена «психического выгорания» у преподавателей вузов / Н.С. Пашук // Психологический журнал. — 2008. — № 1. — С. 19–24.
12. Роджерс, К. Взгляд на психотерапию. Становление человека. Пер. с англ. / Общ. ред. и предисл. Е.И. Исениной. — М.: Прогресс, 1994. — 480 с.
13. Ронгинская, Т.И. Синдром выгорания в социальных профессиях / Т.И. Ронгинская // Психологический журнал, 2002. — том 23. — № 3. — С. 19–24.
14. Freudenberger H.J. Staff burn-out . / Journal of Social Issues, 1974. Vol. 30. P. 159–165.
15. Maslach C. // Professional bumout: Recent developments in the theory and research. Washington: D. C: Taylor & Trancis, 1993. P. 19–32.
16. Maslach C., Leiter M.P. The truth about burnout: How organization cause personal stress and what to do about it. San Francisco, CA: Jossey-Bass, 1997. — 186 p.
17. World Health Organization. The ICD-10 Classification of Mental and Behavioral Disorders: clinical descriptions and diagnostic guidelines. Geneva: WHO. 1992.

Механизмы прерывания контакта у больных артериальной гипертензией

Скрипка Е.Ю., студент

Белорусский государственный университет

Общепризнанным является тот факт, что артериальная гипертензия относится к числу психосоматических заболеваний. Артериальная гипертензия (АГ) включается согласно МКБ-10 в рубрики F04–F07 («Органические, включая симптоматические, психические расстройства»). Впервые в качестве заболевания, имеющего психогенное происхождение, артериальная гипертензия в числе других была отмечена Ф. Александером [1].

Артериальная гипертензия представляет собой сердечно-сосудистое заболевание, при котором наблюдается стойкое повышенное давление крови в крупных артериях. При АГ значение систолического (верхнего) давления превышает 140 мм рт.ст., а диастолического (нижнего) — 90 мм рт.ст. Повышенное артериальное давление — основной фактор риска развития сосудистых заболеваний мозга, ишемической болезни сердца, сердечной и по-

ческой недостаточности, поражений глаз и др. Ишемическая болезнь сердца — наиболее частая причина смерти (в СНГ 36%). Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) назвала ИБС «величайшей эпидемией человечества». За последние 10 лет в странах СНГ смертность от ИБС среди мужчин и женщин 35–45 лет возросла на 40%. Исходя из вышеперечисленных фактов, изучение данного заболевания является весьма актуальным [4].

До сих пор в исследованиях АГ как психосоматического расстройства гораздо больше внимания уделялось характерологическим и поведенческим компонентам личности больного. Исследования психологических защит (или «механизмов прерывания контакта» в терминологии гештальт-терапии) были в основном направлены на определение того, насколько в целом для гипертоников характерно использование зрелых/незрелых психологических защит и какие именно защиты применяются наиболее часто. Однако были получены противоречивые данные.

Новизна данного исследования заключается именно в рассмотрении особенностей механизма прерывания контакта у больных АГ.

Говоря об актуальности исследования, следует отметить, что она диктуется высокой распространённостью артериальной гипертензии и вытекающей из этого необходимостью более подробного изучения данного заболевания. Также следует подчеркнуть, что разработка проблемы важна для профилактики психосоматических заболеваний и диагностики в процессе психотерапии. **Целью** данного исследования явилось выявление типичных для больных артериальной гипертензией механизмов прерывания контакта.

Методологические основания исследования

В данном исследовании, статистической гипотезой которого является предположение о наличии особого профиля механизмов прерывания контакта у больных артериальной гипертензией с преобладанием ретрофлексивных механизмов, теоретической базой стала концепция гештальт-терапии, разработанная В.Перлзом, П.Гудменом, Польштерами и др.

Гештальт-терапия представляет собой интегрированный экзистенциально-феноменологический подход, включивший в себя множество успешных разработок (психоаналитические разработки З.Фрейда, законы гештальт-психологии М. Вертгеймера, В. Келера, К. Коффки). Для понимания того, каким образом в гештальте объясняется возникновение и интерпретируется содержание телесного симптома, необходимо краткое изложение основных терминов и понятий.

Понятие о целостности организма, о неделимости и отсутствии принципиальной разницы между телесным и психическим составляют отправную точку теории. Согласно Перлзу, психическая деятельность — деятельность целостного организма, осуществляемая на более низком энергетическом уровне по сравнению с физической. От-

вергается разделение внутреннего и внешнего, как разделение ума и тела; внешние и внутренние силы, движущие человеком, неотделимы друг от друга. Между индивидом и средой существует «контактная граница», которая и определяет отношения человека и среды; где контакт является собой формирование гештальта, а своевременный уход — его завершение. [5, с. 54].

Понятие контакта в гештальте означает взаимодействие, которое происходит между двумя субъектами. Контакт есть осознание поля, а также того, что в нём происходит — что отвергается, что присваивается. Само по себе осознание даёт возможность проживания яркой и красочной жизни.

Осмысленная деятельность возможна лишь тогда, когда человек осознаёт свои потребности и находит успешные пути их удовлетворения. При осознании потребности она выделяется в фигуру, остальное становится фоном до тех пор, пока потребность не будет удовлетворена в должной степени. Как только выделяется та или иная потребность, у человека появляется энергия, которая даёт возможность начать активную деятельность. В том случае, если возбуждение блокируется, возникает тревога, которая переживается как особое физическое состояние, выражающееся в желании двигаться, некой суетливости, учащённом сердцебиении и т.д. Тревога является весомым фактором развития психосоматического расстройства. Её возникновение связано с нарушением цикла контакта, который включает в себя несколько фаз (предконтакт, собственно контакт, финальный контакт и постконтакт). В том или ином виде тревога замещает настоящее переживание, присутствуя в составе механизмов прерывания контакта на любой из его стадий. Тревога препятствует удовлетворению потребностей. В тех случаях, когда тревога не осознаётся, речь может идти о том, что Перлз назвал «сопротивление сопротивлению», или «дополнительное сопротивление» [2].

Симптом возникает как одна из разновидностей творческого приспособления, но позднее невротизируется и становится неотъемлемой частью структуры личности [2].

Симптом возникает там, где есть амбивалентность, разногласие. Основанием для возникновения симптома является не ситуация обеднения возможностей, а ситуация невозможности. Две противоположности блокируют друг друга, и человек оказывается парализованным и вынужденным искать суррогатную форму удовлетворения взаимоблокированных потребностей. При этом симптом, частично удовлетворяя обе потребности, в то же время подавляет обе эти потребности. Это напряжение противоположных сил «застывает» в симптоме, существует в форме хронического напряжения низкой интенсивности.

Поскольку симптом связан с тревогой, а тревога является маркером несостоявшегося контакта, то следует рассмотреть механизмы прерывания контакта как феномены, связанные с возникновением тревоги [6].

Существует шесть основных механизмов прерывания контакта: интроекция, проекция, конфлюенция, ретрофлексия, эгоизм и дефлексия.

С психологической точки зрения *интроекция* представляет собой некритичное принятие чужих концепций, стандартов поведения и ценностей. Интроекция противоречивых или несовместимых концепций или ценностей ведет к дезинтеграции личности. При интроекции граница между самостью и миром смещена вглубь самости, поэтому от нее мало что остается.

Проекция — это помещение во внешний мир тех частей собственной личности, с которыми индивид не желает (или не может) отождествить себя (или которые не может выразить).

Слияние возникает, когда индивид не ощущает границы между собой и окружением. Это состояние присуще новорожденным, а также взрослым людям в момент экстаза, сильной концентрации или при ритуальных действиях.

«*Ретрофлексия* означает, что некоторая функция, изначально направленная от индивида на мир, меняет свое направление и возвращается к инициатору». Одним примером этого процесса является нарциссизм. Суицид, замена убийства, — второй пример. В результате в личности возникает раскол между «собой-исполнителем и собой-реципиентом».

Функция интроекции, проекции, слияния и ретрофлексии состоит в «прерывании усиления возбуждения данного типа до уровня, с которым индивид не может совладать. Эти механизмы приводят к неврозу лишь при их неадекватном и хроническом действии. Все они полезны и необходимы при временном применении в конкретных обстоятельствах».

Эготизм проявляется через торможение, через удержание себя в момент, когда, чтобы достигнуть финального контакта, необходимо обратное. При эготизме невозможно достичь спонтанности, так как не может быть отброшен осмысленный, размеренный, «педантичный» характер работы по ориентации и манипуляции, который был типичен для предыдущих фаз.

Дефлексия состоит в уклонении от контакта и перенесении переживаний в промежуточную зону умственных процессов (мысли, фантазии или мечтания), т.е. в зону не связанную ни с внешней реальностью, ни с реальностью внутреннего мира [2, 3, 5].

Диагностируя механизм прерывания контакта, гештальт-терапевт определяет локализацию тревоги в определенной точке цикла контакта.

Таким образом, формирование симптома в теории гештальт-подхода тесно связано с механизмами прерывания контакта, и их обнаружение является частью способа облегчения состояния клиента и устранения его симптома.

Методология и методы исследования

Механизмы прерывания контакта действуют бессознательно, то есть человек не в состоянии, не достигнув должного уровня осознания, распознать, что происходит с ним. Однако каждый механизм проявляет себя на семантическом уровне, а также на уровне телесных ощущений.

Нами было выдвинуто предположение о том, что профиль механизма прерываний контакта у больных артериальной гипертензией будет отличаться от такового у здоровых людей. Мы выделили те семантические «маркеры» механизмов прерывания контакта, которые позволяют терапевту понять, какой механизм актуален для клиента.

В качестве метода исследования нами было выбрано анкетирование, поскольку его несомненные преимущества заключались в наглядности полученных результатов, а также простоте применения для респондентов.

Пилотажные анкеты представляли собой расставленные в произвольном порядке утверждения (всего 48 утверждений), содержащие маркеры, отмечающие бессознательную склонность к применению того или иного механизма прерывания контакта. Использовалась дихотомическая шкала оценки высказываний (согласие/несогласие).

Целью анкетирования было получение представления о том, какая именно защита является предпочитаемой и наиболее часто используемой. Далее для каждого испытуемого был произведен подсчет данных, и данные были отправлены для обработки в программу статистической обработки данных.

Аналогичная методика, продемонстрировавшая в полной мере свою валидность и уместность, была разработана Плутчиком, но, в отличие от используемой в данной работе, она была адаптирована к психоаналитической традиции [7].

В выбранной нами парадигме такого рода анкета разрабатывается впервые.

Испытуемые были организованы в две группы путём простой случайной выборки. В экспериментальную группу вошло 18 человек обоих полов, возраст — от 17 до 26 лет. У всех участников была диагностирована артериальная гипертензия. Диагноз был поставлен приблизительно 2 года назад (то есть, испытуемые отбирались таким образом, чтобы стадия болезни не влияла на результаты исследования) и являлся актуальным на момент проведения исследования. В контрольную группу вошли 18 человек, возраст — аналогично, от 17 до 26 лет, также обоих полов. В эту группу были включены люди, никогда в жизни не страдавшие от повышенного артериального давления. Для повышения репрезентативности мы постарались отобрать людей различных профессий. На наш взгляд, выборка в конечном итоге обладала такими необходимыми свойствами, как однородность и репрезентативность.

Анкеты были анонимными, требовалось только указание пола, возраста, а также времени, которое прошло с момента выставления первый раз диагноза артериальной гипертензии (для экспериментальной группы).

Обсуждение полученных результатов

При проведении исследования мы сравнивали данные, полученные в экспериментальной и контрольной группе, и определяли значимость различий.

Поскольку независимые выборки были с нормальным распределением, то оправданным было применение *t*-критерия Стьюдента, который предназначен для выявления различий в уровне исследуемого признака. Значимые различия были получены для переменной «ретрофлексия», «дефлексия» и «интроекция» ($p < 0,05$). Средние значения по данным переменным в контрольной группе достоверно ниже, чем в экспериментальной, а значит, в результате проведения статистической обработки данных, было подтверждено предположение о наличии особого профиля защит у больных артериальной гипертензией.

Подтвердилось предположение о том, что ретрофлексивные механизмы выступают основным механизмом прерывания контакта у больных артериальной гипертензией. Важно отметить, что следующие по частоте встречаемости защиты — это дефлексия и интроекция. Это свидетельствует о том, что люди, больные артериальной гипертензией чаще переадресуют к себе то, что испытывают по отношению к внешнему миру, стремятся скорее сдерживаться, чем отреагировать свои эмоции, стараются контролировать себя (ретрофлексия); им свойственно стремление уклоняться от контактов в промежуточную

зону (мысли, мечты, фантазии), «забалтывать» сложные для них ситуации (дефлексия); а также переживать определённые феномены как принадлежащие своему внутреннему миру, в то время, как на самом деле они приходят извне (интроекция).

Заключение

Полученные результаты являются очередным подтверждением наличия психологических факторов в возникновении артериальной гипертензии.

В ходе работы гипотеза о том, что больные АГ используют некоторые механизмы прерывания контакта чаще, чем люди, которые не страдают от данного заболевания, подтвердилась, и такими механизмами были ретрофлексия, дефлексия и интроекция.

Полученные сведения могут быть использованы для психотерапевтической работы с больными артериальной гипертензией, а именно для выявления нарушений в цикле контакта, для построения соответствующих терапевтических интервенций, а также для разработки различных методов работы с клиентами, направленных на повышение осознания и улучшения качества жизни в целом.

Литература:

1. Александер Ф. Психосоматическая медицина: принципы и применение. — М.: ЭКСМО-ПРЕСС, 2004. — 334 с.
2. Перлз Ф. Эго, голод и агрессия. — М.: Смысл, 2000. — 352 с.
3. Польстер И., Польстер М. Интегрированная гештальт-терапия. — М.: Смысл, 1997. — с. 10–137.
4. Сайт Всемирной организации здравоохранения: <http://www.who.int/mediacentre/factsheets/fs317/ru/index.html>.
5. Ф. Перлз. Внутри и вне помойного ведра. — СПб.: Петербург-21 век, 1995. — 441 с.
6. Edwards, R.W.H. Psychosomatic Disease and Health: A Gestalt Therapy Approach. — Masters Thesis, Antioch University, Yellow Springs, Ohio, 1985.
7. Plutchik R., Kellerman H., Conte H.R. A structural theory of ego defenses and emotions / Izard E. (ed.) Emotions in personality and psychopathology. N.Y., 1979. P.229–257.

Сравнение патопсихологических и нейропсихологических методов исследования нарушений мышления

Скрипка Е.Ю., студент

Белорусский государственный университет

На сегодняшний день психиатрическая практика предполагает всё более расширенное участие психологов в решении отдельных вопросов. Таковыми являются, в первую очередь, дифференциальная диагностика психических заболеваний, мероприятия по поиску новых форм и средств обследования больных, разработка реабилитационных и психокорректирующих рекомендаций, различные мероприятия по профилактике инвалидизации и др.

Прикладной областью психологии, которая направлена на решение задач психиатрической клиники, является патопсихология. Также в арсенал диагностических

методов клинических психологов включены методы клинической нейропсихологии.

Как патопсихологические, так и нейропсихологические методы позволяют получить полноценную картину психического нарушения, выявить различные особенности нарушений мышления, а также сопоставить полученные данные для полноценного анализа дефекта.

В чём же состоит отличие данных методов?

Согласно определению Б.В. Зейгарник (1969), патопсихология исследует структуру нарушений психической деятельности, закономерности ее распада в их сопоставлении

с нормой, при этом она дает классификацию психопатологических явлений в понятиях современной психологии.

В патопсихологическом исследовании мышление выступает как усвоение и использование знаний. Однако это усвоение происходит не в виде простого суммирования фактов, а в виде процесса синтезирования, обобщения и отвлечения, в виде применения новых интеллектуальных операций. Мышление опирается на систему понятий, которые дают возможность «отразить действие в обобщенных и отвлеченных формах».

В патопсихологическом исследовании мы используем классификацию нарушений мышления Б.В. Зейгарник, которая выделяла нарушения операциональной стороны мышления, нарушения логического хода мышления, а также нарушения личностного (мотивационного) компонента мышления.

При использовании патопсихологических методик, мы в первую очередь исходим из задачи исследования, что в некоторых случаях может способствовать субъективности психолога, поскольку его действия направлены на выявление того, о чём он заранее предполагает. В соответствии с задачами исследования осуществляется подбор методического материала.

Нейропсихологическое обследование имеет две основные задачи — дифференциальная топическая диагностика и описание структуры нарушений психических функций на основе синдромаобразующей составляющей в виде указания на нарушение фактора (факторов), лежащего в основе их дефицитарности и функциональных перестроек.

Исходя из теории высших психических функций Выготского, мышление существует благодаря взаимодействию высоко дифференцированных мозговых структур, каждая из которых вносит свой вклад в динамическое целое, и участвует в функциональной системе на своих собственных ролях.

А.Р. Лурия, основоположник отечественной нейропсихологии, уделяет внимание анализу нарушений продуктивного мышления, которые могут наступить при локальных поражениях мозга. Лурия отмечает поэтапное протекание мыслительного процесса — от выделения конкретной цели, которая бы сохранялась на протяжении всей деятельности, далее к предварительной ориентировке в условиях поставленной задачи, затем к этапу, на котором формируется гипотеза или схема действий, далее — переход к подбору правильных операций, и к процессу осуществления их. При проведении исследования внимание концентрируется в том числе на анализе того, на каком из этапов возникают нарушения мышления.

В нейропсихологии на основе анализа клинических данных была разработана общая структурно-функцио-

нальная модель работы мозга как субстрата психической деятельности. Эта модель, предложенная А.Р. Лурией, характеризует наиболее общие закономерности работы мозга как единого целого и является основой для объяснения его интегративной деятельности. Каждая высшая психическая функция осуществляется при участии всех трёх блоков мозга, вносящих свой вклад в ее реализацию. Блоки мозга характеризуются определенными особенностями строения, физиологическими принципами, лежащими в основе их работы, и той ролью, которую они играют в осуществлении психических функций. Мышление является сложнейшей психической функцией, для осуществления которой требуется констелляция работы множества различных отделов мозга. Анализируя данные, исходя из модели блоков мозга, можно судить о наличии физиологических нарушений той или иной локализации.

Следует отметить, что использование нейропсихологических проб всегда комплексное и следует отработанной схеме.

Таким образом, можно прийти к выводу, что основная разница между патопсихологическими и нейропсихологическими методами заключается в способе анализа полученных данных, а также в рассмотрении разных сторон одного и того же процесса — мышления. Если патопсихологическое исследование направлено на изучение непосредственной феноменологии, то есть того, что мы видим в клинике, то нейропсихологическое производит анализ и сопоставление первичных дефектов, непосредственно связанных с нарушенным фактором, и вторичных расстройств, которые возникают по законам системной организации функций. Это сопоставление позволяет уяснить структуру нейропсихологического синдрома в целом и поставить топический диагноз. Точность нейропсихологических методов составляет до 97%, что подтверждено результатами зарубежных исследований.

Патопсихологические методики, построенные на количественном анализе данных, предоставляют возможность получить данные о структуре личности. В исследовании нарушений мышления анализ личностных качеств имеет огромное значение, поскольку познавательная деятельность в немалой степени определяется личностными диспозициями, а также особенностями мотивационной сферы.

Ограничение нейропсихологии состоит в том, что её методы не предназначены для изучения личности, поскольку личность человека невозможно свести к психическим процессам. Сфера, которую затрагивает нейропсихологическая диагностика — это исследование эмоционально-личностных нарушений, которое включает в себя оценку эмоциональных состояний, сознания.

Литература:

1. Ениколопова, Е.В. Новые методы нейропсихологического исследования / Е.В. Ениколопова. — М., 1989. — С.51–63.

2. Зейгарник, Б.В. Патология мышления / Б.В. Зейгарник. — М. : Издательство Московского университета, 1969. — 380 с.
3. Зейгарник, Б.В. Патопсихология / Б.В. Зейгарник. — М. : Издательский центр «Академия», 1999. — 208с.
4. Лурия, А.Р. Высшие корковые функции человека и их нарушения при локальных поражениях мозга / А.Р. Лурия. — М. : Академический проект, 2000. — 354 с.

Особенности нарушений мышления у больных простой и параноидной формами шизофрении

Скрипка Е.Ю., студент

Белорусский государственный университет

Шизофрения — хроническое психическое заболевание, которое относится к группе психозов, т.е. психических расстройств, характеризующихся грубым нарушением контакта с реальностью, неадекватностью поведения, бредом и галлюцинациями. При шизофрении наблюдается распад внутреннего единства между чувствами, мышлением и волей, что лишает больного адаптации к социальной среде. Расстройства мышления, воли и эмоций придают поведению больного особый характер. Всё это происходит на фоне относительной сохранности памяти и формальных интеллектуальных функций.

Одной из причин различных взглядов на этиологию и патогенез шизофрении является высокая вариативность симптомов от формы к форме, различные виды течения, индивидуальные особенности проявлений заболевания.

Если говорить о нарушениях мышления, то, в зависимости от формы шизофрении, картина значительно различается. В настоящее время существует достаточно большое количество работ, направленных на изучение нарушений мышления при шизофрении, однако данный феномен представляется не исчерпавшим своего потенциала для понимания некоторых аспектов психической деятельности больных, а также для выделения особенностей применения различных методов диагностики.

Нами было проведено исследование, целью которого являлось определение специфики нарушений мышления, выявленной по данным пато- и нейропсихологического исследования у больных параноидной и простой формой шизофрении.

В исследовании нас, помимо основной цели, интересовало то, как позитивные и негативные симптомы проявляют себя в нарушениях мышления при различных формах шизофрении; является ли возможным сопоставить различные нарушения с особенностями мозговой организации; существуют ли особенности лево- и правополушарной симптоматики в зависимости от формы шизофрении.

Для проведения эксперимента было сформировано две независимых выборки. В первую вошли 9 пациентов с диагнозом F 20.0 — параноидная форма шизофрении по МКБ-10, во вторую — 9 пациентов с диагнозом F 20.6 — простая форма шизофрении.

Отбор испытуемых проходил с учетом диагноза, а также с личного согласия испытуемых. Все пациенты находились в состоянии ремиссии. Возраст испытуемых обеих выборок — от 26 до 47 лет. С каждым респондентом из двух выборок было проведено пато- и нейропсихологическое обследование.

В результате проведенного исследования были выделены некоторые закономерности. Для всех испытуемых характерны проявляющиеся в той или иной степени нарушения мышления. В группе испытуемых, больных параноидной формой шизофрении нарушения мышления выражены более резко, поскольку неадекватные, несоответствующие норме ответы проявлялись практически в два раза чаще, чем в группе испытуемых с простой формой шизофрении. Также подтвердилась гипотеза о существовании дифференциации в нарушениях мышления у больных параноидной и простой формой шизофрении:

Среди больных параноидной формой шизофрении более выражены виды нарушений, связанные с мотивационной сферой (по сравнению с простой формой): если среди больных простой формой чаще выступают псевдоабстрактные ответы, относящиеся к нарушениям обобщения, то среди больных параноидной формой — практически половину неадекватных ответов составляют разноплановые и резонёрские суждения. Также у больных параноидной формой шизофрении отмечалось большее количество нарушений логического хода мышления.

Соотношение нарушений различных компонентов было следующим: у больных параноидной формой о нарушении операционального компонента свидетельствовало 25% неадекватных ответов, простой формой — 45%; о нарушениях логического хода мышления — 28% ответов у больных параноидной формой, 22% — простой формой; о нарушении мотивационного компонента — 47% ответов у испытуемых с параноидной формой, 33% — простой.

Также выявилась статистически значимая разница относительно левосторонней и правосторонней нейропсихологической симптоматики: у больных простой формой выявлялись сложности, связанные с выполнением заданий, в которых задействовано пространственное мыш-

ление, понимание эмоционального содержания и другими функциями, которые современные авторы приписывают деятельности правого полушария. Иными словами, функции, соотносимые с работой правого полушария, у них были угнетены, по сравнению с левополушарными. У больных параноидной формой шизофрении нарушения мышления свидетельствовали скорее о гиперактивности правого полушария (о чём мы могли судить по пробам на пространственное мышление, понимание грамматических форм, мышление аналогиями, синтез, символизм, продуцирование ассоциаций, продуцирование образов).

На данный момент считается, что при поражениях конвекситальных отделов лобных долей страдает произвольное, сознательное, опосредованное речью подчинение психических процессов и поведения в целом различным программам. При этом левое полушарие имеет большее отношение к произвольному контролю, чем правое, что объясняется связью с речевыми процессами. Правое полушарие — образное и эмоциональные формы регуляции поведения; такого рода регуляцию мы можем наблюдать у больных в состоянии декомпенсации, когда всё их поведение обусловлено структурой бреда либо галлюцинаторным синдромом.

Предположение об угнетении правого полушария при простой форме шизофрении и о гиперактивности правого при параноидной вполне сочетается с современными данными на этот счёт.

Литература:

1. Зейгарник, Б.В. Патология мышления / Б.В. Зейгарник. — М. : Издательство Московского университета, 1962. — 380 с.
2. Рубинштейн, С.Л. О мышлении и путях его исследования / С.Л. Рубинштейн. — М. : Медицина, 1958. — 289 с.
3. Лурия, А.Р. Высшие корковые функции человека и их нарушения при локальных поражениях мозга / А.Р. Лурия. — М. : Академический проект, 2000. — 354 с.

Особенности структурно-функциональной организации мозга при шизофрении

Скрипка Е.Ю., студент

Белорусский государственный университет

Нарушения познавательных процессов занимают особое место в клинической картине шизофрении. Структура нейрокognитивного дефицита, а также степень нарушений влияют непосредственно на уровень социальной дезадаптации, на профессиональную деятельность больного. Именно поэтому важным является изучение нарушений познавательных процессов, а также анализ связи между особенностями структурно-функциональной организации мозга больного шизофренией и между феноменологией нарушений познавательных процессов, между теми явлениями, которые мы видим в клинике.

Для клинического психолога изучение структуры нейрокognитивного дефицита при шизофрении представляет

Что касается нарушений по факторам мозга, то следует отметить встречающиеся нарушения: — модально-неспецифических факторов (связанных с работой неспецифических срединных структур мозга (инертности — подвижности нервных процессов, активации — дезактивации, спонтанности — аспонтанности)) в большинстве у больных простой формой шизофрении (5 из 9 человек, параноидная — 2 из 9) — жалобы на заторможенность, снижение общей активности, нарушения динамики психических процессов;

— факторов, связанных с работой ассоциативных (третичных) областей коры. Они отражают процессы взаимодействия различных анализаторных систем, а также работу третичных зон — префронтальных и височно-теменно-затылочных зон (возникновение сложных галлюцинаторных образов — 8 из 9 больных параноидной формой шизофрении);

— факторов межполушарного взаимодействия. Обеспечивают закономерности совместной работы левого и правого полушария мозга, связаны со структурами мозолистого тела.

Выявленные закономерности могут быть использованы для повышения эффективности диагностической и коррекционной работы психолога с больными. В диагностической работе знание таких закономерностей может способствовать выбору наиболее чувствительных методов для конкретных форм шизофрении.

особый интерес, поскольку такого рода знание позволит более точно интерпретировать нарушения психической деятельности, а значит, повысить эффективность психодиагностики, подобрать наиболее адекватное медикаментозное и психотерапевтическое лечение.

Несмотря на то, что исследования шизофрении в данном ракурсе проводятся уже в течение длительного периода, особенности нейропсихологической картины при шизофрении до сих пор остаются не совсем ясными, а полученные данные имеют разрозненный и противоречивый характер. Это связано с отсутствием единой научной парадигмы, с рассмотрением нарушений познавательных процессов отдельно от общего состояния больных, а также с

применением в некоторых исследованиях сугубо количественного метода анализа данных.

Результаты зарубежных исследований поднимают ряд вопросов — насколько одни когнитивные процессы страдают больше чем другие, что является причиной этому; какие нарушения первичны, какие вторичны; почему в некоторых случаях когнитивные нарушения прогрессируют, а в других происходит спонтанное восстановление функционирования [3].

Структурные нарушения, обнаруженные методом компьютерной томографии, анализ корреляций с когнитивными и негативными синдромами послужили основанием для создания модели шизофрении, согласно которой, существуют два типа заболевания — характеризующийся наличием продуктивной симптоматики и другой тип, для которого характерны структурные изменения в головном мозге и дефицитарная симптоматика в клинической картине. Позднее в самостоятельную категорию выделяется нейрокогнитивный дефицит, получая статус «третьей ключевой группы симптомов» шизофрении, наряду с позитивными и негативными симптомами (А. Breier, 1999).

Общим для различных исследований является вывод о том, что нейрокогнитивный дефицит при шизофрении является генерализованным, что позволяет предположить нарушения в функционировании многих анатомических структур мозга [7].

К таким выводам приходят Т.Sharma, Ph.Harvey, G.D.Tollefson, полагая, что нарушения возникают по причине лобно-срединно-височной дисфункции, включающей в себя дизэнцефальные регионы мозга [6, 9].

Таким образом, невозможно выделить специфическое для шизофрении поражение конкретного участка мозга, а это значит, что в патологический процесс вовлечены различные отделы головного мозга. Было показано, что у больных шизофренией имеет место нарушение всех когнитивных функций, включая восприятие, память, внимание, мышление и другие (Goldstein G. and Shemansky W.J., 1995; Palmer B.W. et al., 1997; Wiedi K. et al., 2001; Johnson-Selfridge M. et al., 2001; Liu S.K. et al., 2002; Good K.P. et al., 2002; Gooding D.C. et al., 2002; Seidman L.J. et al., 2002).

О патологических изменениях в височных долях свидетельствуют нарушения памяти и внимания, за счёт которых страдает составление и выполнение планов, ре-

шение новых проблем, требующих привлечение новых знаний [1].

Другие авторы отмечают нарушение исполнительных функций, связанных с нарушениями в лобной доле. К исполнительным функциям относятся значимые способности, которые активируются в новых, не закреплённых в опыте ситуациях, требующих оригинальных решений. Обычно они проявляются в процессах антиципации, постановки цели, планировании, контроле, а также использовании обратной связи [8].

Согласно К. Фриту, нарушение исполнительных функций связано не столько с нарушениями непосредственно в префронтальной коре, а скорее с проблемами взаимодействия между префронтальной корой и другими областями мозга. Такие взаимодействия в свою очередь зависят от долговременных связей между областями мозга, а также от извилин, в которые вовлечены подкорковые структуры, такие, как базальные ядра. Этот вывод основан на том, что больные с локальным поражением лобных отделов не похожи на людей, страдающих от шизофрении, хотя бы тем, что не испытывают галлюцинаторного синдрома.

В исследовании Zalewski показано, что дисфункция фронтальной коры при шизофрении ведет к гиперактивности подкорковых систем, что в свою очередь приводит к нарушению проведения импульсов, вызывает замедление передачи информации у больных шизофренией [4].

Недостаточность лобных отделов проявляется в угнетении при выполнении «мотивационной» задачи, в нарушениях эмоционально-волевой сферы [2].

Также были выдвинуты предположения об органическом поражении ассоциативных зон коры (как системном заболевании), дающем картину своеобразных агностических расстройств, нехарактерных для других нозологических форм психических заболеваний.

Недавние исследования (Pearlson et al.) подтвердили предположение о вовлечении мультимодальных ассоциативных зон коры головного мозга в качестве неврологического субстрата нейропсихологических нарушений. Именно за счёт нарушения координирования данными зонами нижележащих структур объясняется возникновение негативных симптомов [5].

Перечисленные структурно-функциональные особенности мозга у больных шизофренией являются наиболее проверенными и доказанными в клинической практике.

Литература:

1. Лебедева И.С., Орлова В.А., Каледа В.Г., Цуцельковская М.Я. РЗОО слуховых вызванных потенциалов при шизофрении // Журнал неврологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. 2000. — Т. 100, № 11. — С. 47–49.
2. Сумароков А.А. Соматогенные и психосоциальные факторы при шизофрении: Дис. . докт. мед наук / А.А. Сумароков. Томск, 2002. — 312 с.
3. Hollis C. & Taylor E. Schizophrenia: a critique from the developmental psychopathology perspective. // Neurodevelopment and Adult Psychopathology, pp. 213–233. Cambridge University Press, Cambridge.
4. Johnson-Selfridge M., Zalewski K. Moderator variables of executive functioning in schizophrenia: meta-analysis findings // Schizophr. Bull. 2001. — Vol. 27, No 2. — P. 305–316.

5. Pearlson G.D., Petty R.G., Ross C.A., Tien A.Y. Schizophrenia: a disease of heteromodal association cortex? // Neuropsychopharmacology, 1996; 14:1–17.
6. Sharma T., Harvey Ph. Cognition in schizophrenia. Impairments, importance, and treatment strategies // University Press, Oxford. 2000.
7. Somaia Mohamed, Jane S. Paulsen, PhD; Daniel O'Leary, PhD; Stephen Arndt, PhD; Nancy Andreasen, MD, PhD — Generalized Cognitive Deficits in Schizophrenia // Arch Gen Psychiatry. 1999;56:749–754.
8. Stuss D.T., Benson D.F. The Frontal Lobes. — N.Y.: Raven Press, 1986. — 303 p.
9. Tollefson G.D. Cognitive function in schizophrenic patients // J. Clin. Psychiatry. 1996. Vol. 57. Suppl. 11.

Морфологический анализ районов г. Волжского с различным уровнем предпочтительности проживания

Соколов Р.В., ст.преподаватель

Волжский политехнический институт (филиал) Волгоградского государственного технического университета

Морфологический анализ — один из наиболее распространенных методов исследования городской среды. Как правило, под морфологией города понимают распределение различных артефактов (различные объекты городского хозяйства, парки, жилые районы, а также элементы природного ландшафта городской территории) в городском пространстве [5;15].

Уже на ранних этапах городских исследований данный метод нашел широкое применение в социологии. Это позволило чикагцам (Э. Берджесс, Р. Парк, Р. Макензи) в своей детально проработанной классификации методов исследования, которой было посвящено около четверти классической работы «Город» [6], определить морфологический анализ как одно из основных направлений социологических исследований городской среды.

Природу явлений, исследуемых морфологическим анализом в социологии, чикагцы определяют следующим образом: «Скопление большого количества людей в пределах ограниченной области, как это представлено в современном городе, делает возможным, и, в то же время, необходимым объединение общих усилий для удовлетворения некоторых основных потребностей всех жителей. Способ, с помощью которого были удовлетворены эти потребности, институционализируется. Средства, которые были созданы для удовлетворения этих потребностей, составляют физическую структуру города в качестве социального механизма». И далее: «...Эти факторы могут иметь важное отношение к экологической организации города и могут определить направление селективных и распределительных процессов, которые приводят к группировке населения» [6; 195].

Современные социологи обращают внимание на эффективность морфологического анализа в сочетании с другими методами изучения городской среды. В этом случае определяются не только различия материальной среды города, но и выявляется смысл каждого элемента, в отдельности и системно [5;18]. Типичным примером подобного исследования является наложение выявленных

морфологических различий городской среды на карту общественного мнения в отношении удовлетворенности районами проживания, качеством их инфраструктуры и т.п.

Именно такой подход к исследованию предпочтений места проживания молодых людей был осуществлен в 2008 году в городе Волжском (Волгоградская область). Волжский — второй по численности населения город в области, относится к числу средних российских городов и, в зависимости от категоризации, относится либо к числу городов с численностью населения от 100 до 499,9 тыс. [3], либо — от 250 до 500 тыс. [4].

Объектом исследования стали выпускники школ г. Волжского, среди которых был проведен опрос (1112 респондентов). Одним из открытых вопросов анкеты был следующий: «Если бы у Вас была бы возможность изменить место жительства, в какой район (микрорайон, квартал) Вы бы переехали?» Ответ на этот вопрос определял предпочтения школьников.

Для определения степени предпочтительности районов проживания на основании полученных данных был введен коэффициент. Поскольку различные районы города были представлены различным количеством респондентов (старая и новая части города различаются по составу возрастных когорт), использование абсолютных величин (т.е. выбравших определенный район) автоматически приводит к существенным искажениям данных. Использование коэффициента, который условно был назван коэффициентом предпочтительности района с точки зрения проживания, позволил устранить данные искажения.

К—коэффициент предпочтительности района с точки зрения проживания. Он определялся через отношение количества респондентов, желающих переехать в данный район, к количеству проживающих в нем (см. формулу 1). В случае, когда районы были представлены только респондентами, желающими переехать туда, за коэффициент принималась частота данного мнения.

Таблица 1. Распределение районов города по рангам предпочтительности с точки зрения проживания в них

Ранг	Районы города
1 (высший)	Кварталы: 1, 1А, 3, 5, 8, 10, 12, 13, 14, 18, 35, 36, 37, 39. Микрорайоны: 14, 18, 22, 23, 27, 30, 37, 38. Поселки: Metallург, Южный
2 (средний)	Кварталы: 2, 2А, 15, 21, 21А, 22, 23, 38, 40, 41, 42. Микрорайоны: 7, 9, 10, 10/16, 13, 16, 17, 21, 24, 25, 31 Остров Зеленый. Поселки: Краснооктябрьский, Паромный, Рабочий.
3 (низший)	Кварталы: А, Б, В, Г, Д, Е, 6, 7, 9, 20, 26, 27, 29, 30, 34, 100, 101, 102. Микрорайоны: 8, 11, 12, 19, 26, 32.

Формула 1. Расчет коэффициента предпочтительности районов города с точки зрения проживания

$$K = \frac{\text{число желающих переехать}}{\text{число проживающих}}$$

На основании полученных коэффициентов районы города были распределены на 3 ранга предпочтений (см. табл. 1), а для наглядности была составлена карта (см. рис. 1).

На полученной карте можно выделить 8 крупных территориальных зон. Для удобства морфологического описания каждой из зон 1, 2 и 3-го рангов была присвоена буквенная часть.

С целью выявления материальных различий зон, проведем морфологический анализ и определим инфраструктурные особенности установленных зон:

Зона 1а. Исторический центр города (зона притяжения 1) представляет собой жилые кварталы с застройкой от двух до пяти этажей, расположенные вдоль центрального проспекта (проспект им. Ленина) и одноименной площади.

В центре города расположено значительное количество административных учреждений. Среди них — администрация города, налоговая инспекция, филиал Пенсионного фонда, Торгово-промышленная палата города (ТПП), а также городской суд, прокуратура, УВД города, ЗАГС, Расчетно-кассовый центр по г. Волжскому Центрального банка (Банк России) и др. В районе расположено два храма Русской Православной Церкви, а также **молитвенный дом** «Церковь Благовестие Евангельских Христиан **Бaptистов**». Объектами социально-культурного назначения являются: **парк культуры и отдыха** «Гидростроитель», Дворцы культуры «Волгоградгидрострой», «Октябрь», а также дворец Волжской филармонии (бывший ДК «Молодежный»), спортивно-развлекательный центр (СРК) «Спутник» и Центр детско-юношеского творчества (ЦДЮТ). Здесь же находятся картинная галерея, выставочный зал, краеведческий музей города, кукольный театр и две крупнейшие библиотеки города (одна из которых центральная). Спортивные объекты представлены стадионом им. Логинова,

одним из двух плавательных бассейнов города, школой гимнастики и спорткомплексом «Волга». В зоне исторического центра находятся два государственных вуза: Волжский институт строительства и технологий (ВИСТех), Волжский филиал Московского энергетического института (МЭИ (ТУ)). Коммерческая инфраструктура состоит из нескольких небольших офисных центров (ул. Ленина, 34; ул. Ленина, 44; ул. Ленина, 52; ул. Ленина, 64, ул. Ленина, 73 и др.), а также банков («Мастер-банк», «Промсвязьбанк», «Росбанк», «Русский стандарт», «NZ-банк», «Хоум Кредит энд Финанс Банк», «БИНБАНК», «СКБ-банк», «Центр-Инвест», «Сбербанк» и др.). Бывшая гостиница «Волжская», превращенная в офисный центр, функционирует не в полную силу. Необходимо отметить, что количество банков в этом районе существенно выше, чем в остальных частях города. Среди крупных объектов торгово-бытовой сферы отметим два муниципальных рынка, в том числе «Центральный», самый большой в городе. Торговые центры (ТЦ) представлены ТЦ «ЦУМ» (пл. Ленина) и ТЦ «Ил Фаро» (пл. Свердлова). В районе расположено более десятка баров, кафе и ресторанов, что немного меньше, чем в зоне 1б. Самый крупный из них — ресторан гостиницы «Ахтуба», находящейся на площади Ленина.

Внутри зоны и на границе с зоной 3а встречаются «вкрапления» сегментов зоны 2-го ранга.

Зона 1б. В новой части города предпочтения молодежи локализуются вокруг ул. Мира (зона притяжения 2). Жилая застройка этой части города состоит из пяти-, девятиэтажных домов, с более современной планировкой. Более высокие здания представлены незначительно. Также в зону входят два, удаленных от основной застройки коттеджных поселка — Metallург, Южный. Поселки были основаны в 80-х годах прошлого века и являются образцами относительно современного массового индивидуального строительства жилья.

Район характеризуется динамикой развития, которая проявляется в темпах строительства жилья. Хотя в последнее время темп заметно снизился. Для данной территории характерны более высокая плотность населения и проживание более молодых, нежели чем в исторической части города, когорт. Как и в зоне 1а присутствуют объ-

екты социально-культурной сферы, но в значительно меньшей степени. Минимально представлены административные учреждения, в частности «Многофункциональный центр по предоставлению государственных и муниципальных услуг» (АУ МФЦ). В районе расположено два храма Русской Православной Церкви, один из которых находится в стадии возведения.

Существенным отличием района является развитая торгово-бытовая сфера. Здесь расположен самый крупный торгово-развлекательный центр (ТРЦ) «Волга-Молл», а также ТЦ «Вегас» и ТЦ «Волжский пассаж». Для зоны, больше чем для других, характерна тенденция реконструкции квартир первых этажей в офисы или магазины и перевода их в нежилой фонд. Большая их часть расположена по улице Мира. Отметим, что в средней части зоны имеется разрыв в виде зоны 2 б.

Зона 2а. Пространственная середина города. Значительная часть территории зоны представлена следующими объектами:

1. Предприятия. Самые крупные — ОАО «Энерготехмаш» и МУП Автоколонна 1732.
2. Храм Русской Православной Церкви (РПЦ).
3. Городская больница им. Фишера.
4. Строящийся «Федеральный центр трансплантации почки и диализа».
5. Гаражно-строительные кооперативы (ГСК).
6. Торговые центры. Наиболее значимым изменением данного района в последние 5—10 лет стало строительство ТЦ и ТРЦ на его территории. Первыми из них стали ТЦ «Гермес» и «Простор», далее ТЦ Сити», а в последние два года список пополнился еще тремя: ТЦ «Идея», ТРЦ «Планеталето», ТЦ «Пекин».
7. Среди культурно-бытовых объектов наиболее значимым является недавно открывшийся Волжский драматический театр.
8. Свободное пространство. На территории района расположен пустырь, который постепенно застраивается торговыми центрами и автостоянками.

Зона 2б. Зона существенно меньше по размерам, нежели другие и, несмотря на более низкий рейтинг, в основном обладает теми же характеристиками, что и зона 1б.

Зона 2в. Зона представлена поселками (Паромный, Краснооктябрьский, Уральский) и дачными массивами. Для территории характерна удаленность от города и слаборазвитая инфраструктура, в первую очередь, торгово-бытовая. Представляется, что престижность району добавляет строительство современных коттеджей состоятельных горожан, а также экология (чистый воздух, близость зеленых насаждений, реки).

Зона 2 г. Остров Зеленый представлен несколькими дачными обществами, в которых динамично развивается строительство коттеджей, а также несколькими десятками 2- и 3-этажных домов, существенная часть которых признана ветхими и подлежит расселению по государственной программе. В остальном, характеристики зоны аналогичны характеристикам зоны 2в.

Зона 3а. Основная часть жилого массива состоит из застройки от 2 до 5 этажей. Спецификой зоны является достаточно большое количество общежитий.

Неконсистентной особенностью зоны является наличие нескольких, оценочно трех, зон элитного жилья. Все они возникли после приватизации детских садов или бывших административных зданий, ставших после реконструкции, по сути, жилыми коттеджами с огороженной территорией, охраной и системами видеонаблюдения.

Торгово-бытовая сфера определена как слаборазвитая. Относительно недавно в зоне появился единственный торговый центр «Новый Рим».

В состав зоны входит так называемый «больничный городок» («Станция скорой медицинской помощи», 2 роддома («Волжский Областной клинический перинатальный центр» и «Родильный дом городской больницы №3»), «Городская больница №2», «Городская больница №3», «Городская детская больница»).

В целом, для территории характерна слаборазвитая инфраструктура, удаленность от основных районов занятости. В районе низкая плотность населения и проживают, преимущественно, пожилые когорты. Существенное влияние оказывает близость авто — и железнодорожного вокзалов, транзитных путей и промышленной зоны. Что касается последней, отметим, что в непосредственной близости от железнодорожного вокзала находится ОАО «Волжский абразивный завод» — безусловный лидер среди предприятий города по выбросам загрязняющих веществ [1; 82].

Зона 3б. Характеристики жилья аналогичны зоне 1б. Значимым отличием, снижающим престижность, является менее развитая инфраструктура, минимальное присутствие маршрутов муниципального транспорта и удаленность от одной из основных транспортных магистралей города — ул. Мира.

Таким образом, морфологический анализ демонстрирует высокий уровень согласованности между насыщенностью районов города объектами управленческой, коммерческой, торгово-бытовой и культурно-развлекательной инфраструктуры, транспортной доступностью, с одной стороны, и предпочтениями молодых волжан, с другой.

Наряду с предпочтениями новых районов Волжского с более современным, комфортным жильем, развитой торгово-бытовой сферой, молодежь демонстрирует предпочтения, ориентирующиеся на исторический центр города. Данное явление существовало и раньше, оно типично для жителей республик бывшего СССР и было выявлено при проведении крупномасштабного исследования, реализованного советскими социологами во главе с Коганом Л.Б., в конце 80-х [2].

Специфичностью предпочтений молодых волжан является более высокая, чем ряда районов города, оценка удаленных городских пространств (поселков) с более низкими характеристиками культурно-развлекательной и торгово-бытовой сферы. Можно предположить, что зоны хорошо оцениваются в связи с высоким уровнем экологических характеристик района (чистый воздух, близость зе-

ленных насаждений, река), а также в связи с широкими возможностями для индивидуального строительства жилья. Удаленность от города, вероятно, не оценивается как критическая, что предполагает ориентацию молодежи на до-

статочно высокие стандарты потребления, в частности, не только на наличие собственного автотранспорта, но, по сути, планируемый отказ от пользования общественным транспортом.

Литература:

1. Ключникова Н.М. Районирование города Волжского по типу воздействия промышленных предприятий на атмосферу / Н.М. Ключникова / Стрежень: Научный ежегодник / Под ред. М.М. Загорулько. Вып. 5. — Волгоград: Издатель, 2006. С. 82—88.
2. Коган, Л.Б. Быть горожанами / Л.Б. Коган. — М.: Мысль, 1990. — 205 с.
3. Распределение городов и поселков городского типа по числу жителей. [Электронный ресурс] / Федеральная служба государственной статистики. Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/demo12.htm
4. Численность населения Российской Федерации по городам, поселкам городского типа и районам на 1 января 2010 года. [Электронный ресурс] / Федеральная служба государственной статистики. Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/b10_109/Main.htm
5. Чешкова А. Методологические подходы к изучению городской пространственной сегрегации / А. Чешкова / Российское городское пространство: попытка осмысления / Отв. ред. В.В. Вагин; Сер. «Научные доклады». Вып. 116. М.: МОНФ, 2000. 165 с.
6. Park, Robert E., Burgess E., McKenzie, Roderick D. The city / Robert E. Park, E. Burgess, Roderick D. McKenzie. — Chicago: Univ. of Chicago, 1970. — 239 p.

Система социальной защиты участников боевых действий

Шерифов А.М., магистрант

Саратовский государственный технический университет

Особое место в системе государственной политики РФ занимают меры социальной поддержки военнослужащих, сотрудников правоохранительных органов и спецслужб, привлекаемых к военной защите государственных интересов, борьбе с терроризмом, обеспечивающих суверенитет Российской Федерации, в том числе в форме участия в боевых действиях, в связи с тем, что они подвергают повышенной опасности свою жизнь и здоровье. Это, в свою очередь, ведет к риску их гибели, причинения вреда здоровью и инвалидизации.

Государство является главным субъектом социальной защиты, выражающим интересы военнослужащих. Это — его неотъемлемая функция. Однако, как показывает мировая практика, в конституции права граждан порой только сформулированы. Их реализация — проблема, которая должна еще решаться.

На сегодняшний день в сфере социальной политики РФ проводимой в отношении участников боевых действий на Северном Кавказе и Афганистане за последние два десятилетия, накопилось много проблем. Отсутствие единого государственного органа по делам и проблемам ветеранов усугубляет положение. Средства, направляемые государством на поддержку ветеранов, распыляются по разным учреждениям и организациям. Общественных ветеранских организаций в России зарегистрировано несколько десятков тысяч, но они работают нескоординировано.

Невнимание чиновников к этой группе людей, как на региональном, так и на федеральном уровне, зачастую, делает их положение униженным, что приводит к эмоциональному дискомфорту и постоянной тревоге.

Современная политика социальной защиты участников боевых действий представляет собой проблемное поле, требующее комплексного изучения. Для наглядности составим таблицу 1.

Рассматривая представленную схему более внимательно важно выявить обязанности, действия и роли каждого из ведомств участников.

Основным профилирующим министерством является **Министерство обороны РФ**. Имея в своей структуре департамент социальных гарантий МО РФ, составной частью которого является управление социального обеспечения граждан, уволенных с военной службы, данная организация априори должна была бы решать проблемы своих подопечных. Но на практике достучаться до верхушки Минобороны практически невозможно. А само по себе социальное обеспечение участников боевых действий не является проблемой, первостепенной важности для Минобороны, так как на первом месте — выработка и проведение государственной политики в области обороны.

Минобороны России осуществляет свою деятельность как непосредственно через органы управления военных округов и военные комиссариаты, так и во взаимодей-

Таблица 1.

ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УРОВЕНЬ						
Министерство обороны РФ	Мин Здрав Соц Развития РФ	Общественная Общероссийская организация и инвалиды войны в Афганистане	Российский союз ветеранов Афганистана	Уполномоченный по правам человека		
РЕГИОНАЛЬНЫЙ УРОВЕНЬ						
Министерство по делам гражданской обороны и чрезвычайным ситуациям по Саратовской области	Министерство здравоохранения Саратовской области	Мин соц развития Городской комитет по труду и соцразвитию	Общественная организация войны в Афганистане и других локальных войн	Реабилитационный центр	Саратовская региональная общественная организация инвалидов войн в Афганистане	
МУНИЦИПАЛЬНЫЙ УРОВЕНЬ						
Военкомат	УСЗН	ЦСОН	Общественная организация «Боевое братство»	Организация инвалидов боевых действий	Организация участников боевых действий в Чечне	Саратовская региональная общественная организация инвалидов войны в Афганистане

твии с иными федеральными органами исполнительной власти, органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления, общественными объединениями и организациями

Другое федеральное министерство — **Минздравсоцразвития** в большей степени имеет отношение к решению проблем участников БД. Здесь разрабатываются программы оптимизирующие процесс социального обеспечения инвалидов. Для этого существует Департамент по делам инвалидов и Департамент организации медицинской помощи и развития здравоохранения. Которые утверждают порядок предоставления набора социальных услуг участникам боевых действий — обеспечение необходимыми лекарственными средствами, санаторно-курортным лечением, получением ежемесячных выплат и многое другое.

Общественные организации военной направленности, как правило, в большинстве своем имеют серьезную историю, и ограниченные ресурсы, черпающие себя из пожертвований, благотворительных акций. Большого веса подобные организации не имеют, но являются серьезным подспорьем в процессе достижения мелких целей.

Общероссийская общественная организация инвалидов войны в Афганистане (ОООИВА) представляет интересы свыше 43 тысяч инвалидов боевых действий в Афганистане, Чеченской Республике, участников боевых действий и контртеррористических операций.

Главное предназначение вместе с Российским Союзом ветеранов Афганистана и другими ветеранскими организациями ОООИВА — обеспечение комплексной реабилитации инвалидов и лиц, пострадавших при исполнении обязанностей военной службы (служебных обязанностей).

Деятельность Уполномоченного по правам человека относительно данной группы граждан направлена на привлечение постоянного внимания органов законодательной и исполнительной власти, органов местного самоуправления, судебных и правоохранительных органов, всех должностных лиц, а также широкой общественности к проблемам соблюдения конституционных прав участников боевых действий для принятия необходимых мер. Для решения этой задачи Уполномоченный строит свою деятельность на основе взаимодействия и сотрудничества с органами государственной власти, местного самоуправления, общественными организациями, СМИ.

На региональном уровне усилятся роль Министерства социального развития и Министерства здравоохранения, так как именно они выделяют средства для выплаты пособий, льгот, дотаций. Однако за конкретной помощью сюда не обратишься, остается только надеяться только на общественные организации. На данном уровне их положение более уязвимое, ввиду недостатка средств и условного ограничения в действиях.

Министерство здравоохранения Саратовской области осуществляет оказание специализированной медицинской помощи, определяет сроки и последовательность действий. Взаимодействует с Министерством здравоохранения

и социального развития Российской Федерации, федеральными государственными учреждениями, с медицинскими учреждениями, подведомственными Министерству и медицинскими учреждениями, находящимися в ведении муниципальных образований Саратовской области.

Дополнительную поддержку по предоставлению социальных гарантий оказывает **городской комитет по труду и соцразвитию**. Сюда входят оплата 50% стоимости лекарств по рецептам врачей, снижение на 50% платы за жилое помещение и коммунальные услуги, возмещение расходов на абонентскую плату за телефон и радио... Жителям города этой категории денежные выплаты назначаются районными УСПиЗН по месту жительства и зачисляются на расчетный счет в банке, указанный гражданином в заявлении-обязательстве.

Общественные организации на региональном уровне утверждают, пропагандируют и осуществляют свои социальные и благотворительные программы; оказывает социальную правовую и реабилитационную помощь инвалидам ветеранам и семьям погибших в вооруженных конфликтах, привлекает на добровольных началах граждан к активной благотворительной деятельности. За счет своих средств и добровольного участия населения оказывают всяческую поддержку инвалидам и ветеранам Афганской и Чеченской войн, других локальных конфликтов, а также семьям погибших.

В соответствии со ст. 13 ФЗ «О ветеранах», социальная защита ветеранов предусматривает осуществление системы мер, направленных на создание условий, обеспечивающих экономическое и моральное благополучие ветеранов, предоставляющих им дополнительные права и гарантирующих ветеранам льготы, в частности, по медицинскому, протезно-ортопедическому обслуживанию, санаторно-курортному лечению, обеспечению лекарствами и изделиями медицинского назначения.

На муниципальном уровне конкретной организацией куда чаще всего обращаются инвалиды войн является военкомат. Здесь можно добиться путевок, компенсаций, льгот и минимальных денежных выплат.

УСЗН осуществляет выдачу пособий по инвалидности. В ЦСОН инвалид имеет право получать социальное обслуживание. За последние годы количество инвалидов нуждающихся в помощи возросло. Растет как качество оказываемых услуг, так и количество. Поэтому социальные работники ЦСОН не всегда успевают справляться со своими обязанностями.

Общественные организации на данном уровне плохо развиты, имеют маленькую структуру и минимум средств. Их цель больше морально-волевая поддержка товарищей по войне и несчастью.

Министерства по делам ветеранов есть в 50 странах мира. В России тоже необходимо создать министерство или единый государственный орган по делам ветеранов, которые защищали и отстаивали бы права участников боевых действий. Армия в России призывная, и челове-

ческая жизнь практически ничего не стоит. При таком положении дел гораздо легче посылать людей на войну и не нести никакой ответственности — ни перед теми, кто воюет, ни перед родственниками — в случае гибели или увечья военнослужащего. Люди, занимающиеся сегодня социальной защитой, должны иметь в виду, что участники боевых действий это люди со своеобразным жизненным опытом. Эта категория нуждается в особом подходе.

Приверженец **критического подхода** Герберт Маркузе утверждал, что толерантность или терпимость явля-

ется одной из составляющих здорового общества, также он считал, что толерантность могут проявлять сильные и добродетельные люди. То есть, чтобы современное общество было полноценным, следует терпимо относиться к участникам боевых действий, которые нуждаются в социальной защите и помощи. Необходимо помочь военнослужащим адаптироваться в гражданской жизни. Для решения этой проблемы нужно задействовать все силы, как на федеральном так и на региональном уровне, привлечь различные общественные, коммерческие организации.

Основные проблемы молодежи в Дагестане

Шерифов М.Ш., магистрант

Саратовский государственный технический университет

Старшее поколение, опираясь на свой жизненный опыт, стремится наиболее эффективно помочь молодежи подготовиться к жизни, помогая решать возникающие перед ними проблемы. Но эти проблемы определяются с позиции взглядов старшего поколения, забывая о том, что молодежь — это активный субъект социальной жизни, и она имеет свой взгляд на окружающий мир, встречающиеся в нем проблемы. И именно молодому поколению предстоит решать для себя как с этими проблемами бороться. Молодежные проблемы — это актуальная тема для современной России, и ей должна заниматься не только наука, исследующая эти проблемы в книгах и журналах, но и молодежные организации, комитеты, министерства. Наша страна — одна из крупнейших держав мира, включающая в себя большое количество регионов, который каждый по своей сути уникален и имеет свою специфику, влияющую на проблемы молодого поколения. Для лучшей эффективности решения молодежных проблем необходимо учитывать региональные аспекты каждого субъекта страны.

Мне бы хотелось поговорить о самом южном регионе нашей страны, республике Дагестан. Мое внимание к этому региону привлек тот факт, что за последние 5–7 лет здесь увеличилась доля старых проблем, и появились новые, которых не было еще 10 лет назад, такие как проституция, наркомания. В результате анализа прессы я пришел к такому выводу, что в республике существуют две остро стоящие проблемы: это наркомания и трудоустройство среди молодых дагестанцев.

О проблемах республики давно говорит вся страна, и сам регион стал проблемой всей страны. Дагестан получает дотации от федерального бюджета больше, чем остальные регионы страны от 70 до 90 %, но при этом проблемы молодежи не уменьшаются, а наоборот, растут. Получая такие огромные деньги, руководство республики не знает или не хочет пустить их в нужное русло, и они уходят в чей-то карман. За последние 5–7 лет уровень жизни в регионе вырос, но параллельно с ним растут

молодежные проблемы. Наркомания среди молодежи — актуальная проблема дагестанского общества. Очень быстро она распространяется в молодежной среде, среди наркоманов можно увидеть все слои дагестанского общества, не имеет значение пол, возраст, социальное положение, вероисповедание.

В республике определены дополнительные меры по борьбе с этим злом, создана антинаркотическая комиссия, которую курирует и возглавляет президент Дагестана, уже это говорит о серьезности проблемы. Он единственный президент в регионах, который занимается такой программой. На заседание в правительстве, посвященном этой проблеме, не раз говорилось, что наркомания стимулирует рост насилия, преступности в регионе, ведет к уничтожению молодого поколения и распространению СПИДа среди молодых. Принятые меры пока не дают своих плодов, распространение и употребление наркотиков растет. По данным наркодиспансера всего в республике официально зарегистрировано 6,8 тыс. человек, но по словам главного врача Дагестанского наркодиспансера эта цифра не совсем реальная, а в действительности число наркоманов составляет приблизительно 40 тыс. человек. Многие из них не обращаются в лечебные центры, наркодиспансеры, бояться негативного мнения среди близких, друзей и общества в целом. Изменился состав наркоманов, негативным для окружающих становится участвовавшие факты приобщения женщин в возрасте до 24-х лет и употребление наркотиков. Этот факт пагубно влияет на статистику рождаемости и детскую смертность. Выявлены такие факты, что женщины занимаются сбытом, распространением и перевозкой наркотиков.

По данным группы информации и общественных связей УФСКН РФ по республике Дагестан, из 292 женщин отбывающие наказание на территории региона, 153 осуждены за употребление, сбыт и распространение наркотиков и одурманивающих средств. Возрастная планка среди наркоманов в Дагестане опустилась с 22 до 12–14 лет. Почти 70% употребляющие наркотики в республике

составляют молодые люди, возраст которых не достиг и 30 лет. Детская смертность из-за употребления наркотических веществ возраста в 40 раз. По результатам опроса ВЦИОМ среди жителей республики о серьёзности ситуации с наркоманией свидетельствуют, что 75% дагестанцев считают эту проблему актуальной. Половина опрошенных обеспокоены ростом наркомании. Основная масса опрошенных уверены, что наркомании представляет угрозу для их родных и близких, а меры принятые для борьбы с этим злом, недостаточны.

Со слов директора ФСИН РФ В. Иванова на итоговой коллегии ведомства, объем поставок наркотиков в Дагестане вырос в 60 раз. Краткие данные о проводимой Управлением ФСИН РФ по РД работе по борьбе с наркоманией среди молодежи на территории республики Дагестан по состоянию на 01.10.2009 г. на учете в наркологическом диспансере республики состоят 6221 человек. Из них: наркоманов 4079 человек (в том числе шприцевые 2369), токсикоманов 137 (из них подростков 8), наркопотребителей 340 человек (из них женщин 113, подростков 43), лиц призывного возраста (1982–1991 г.р.) – 215 человек. Естественно, это официальные данные, на самом деле их число на много больше. По правоохранным данным сотрудниками УФСИН России по РД за 2009 год выявлено 1198 наркопреступлений, по которым возбуждено 830 уголовных дел, изъято из незаконного оборота 202,7 кг наркотических средств. Антинаркотическая деятельность в Дагестане осуществляется в соответствии с Федеральной целевой программой «Комплексные меры противодействия злоупотреблению наркотиками и их незаконному обороту за 2005–2010 г.». Профилактика наркомании необходима среди молодежи подростков. Не маловажной причиной популярности наркотиков в регионе является большая проблема с трудоустройством.

Проблема трудоустройства давно привлекла к себе внимание, как по всей стране, так и в Дагестане. Большинство выпускников ВУЗов сталкиваются с этой проблемой. Этому способствует много факторов: во-первых, информация о вакансиях на предприятиях и организациях не прозрачна и большинстве случаев не реальна; во-вторых, на предприятиях заинтересованы в специалистах, уже имеющих опыт, и не желают подготавливать студентов, окончивших ВУЗ у себя в организации; в третьих, отсутствие желания у самих новоиспеченных специалистов работать в производственной сфере, зная, что работа тяжелая и малооплачиваемая.

Для решения этих проблем в регионе создаются множества центров, мероприятия которых направлены на то, чтобы мотивировать молодое поколение на работу в производственной сфере и его вовлечение в бизнес. Так же в республике приняты республиканские программы для обеспечения рабочих мест для студентов и снятие столь сильного напряжения на рынке труда. Бизнес — единственная трудовая деятельность молодых дагестанцев, так как большинство предприятий закрыты, а на те, которые еще работают, — тяжело устроиться. Сама моло-

дежь хочет заниматься предпринимательской деятельностью, иметь свое дело так как оно приносит хорошую прибыль и работаешь, как говорится «на себя». Для вовлечения большого количества молодежи в бизнес, комитет по делам молодежной политики Дагестана объявил конкурс на лучший бизнес-проект. Победителям вручат от 20 до 60 тысяч рублей. Конечно, это мизерная сумма для реализации своих идей, но радует, что идут работы в этом направлении.

В начале года в столице республики Махачкале прошел круглый стол на тему — «Проблема трудоустройства молодежи, пути решения». Цель данного мероприятия — довести до студентов информацию о мерах поддержки малого бизнеса в Дагестане и о принятых государственных программах в данной области. Были приглашены представители различных структур власти, бизнеса, ну и конечно сами студенты старшекурсники. Каждому из них была дана возможность поделиться мнением по данной проблеме и предложить свои пути решения проблемы. Мнения были различные, и беседа получилась очень живой. Начальник отдела социально-экономических программ комитета по молодежной политике высказался с таким мнением, что основная проблема молодежи по данному вопросу — не желание работать на производстве, молодежь желает не чего не делать и при этом получать постоянную зарплату. От приглашенного генерального директора рекламного агентства прозвучало такое мнение, что на самом деле безработицы в республике не существует, а есть «лень», «принципы» и «не желание» работать на тяжелой работе у себя в республике. В Дагестане молодежь сразу предпочитает высокие должности, хорошие кабинеты, а за пределами региона готовы работать грузчиками, разнорабочими на стройках. Студенты, в свою очередь, считают, что проблема на самом деле в том, что многие государственные организации не желают обучать молодых специалистов, а ищут уже профессионалов в данной работе. Получился замкнутый круг, менеджеры предприятий не хотят лишний раз тратиться, находясь и так в очень сложных экономических условиях и большинство из молодых людей остаются на улице с дипломом на руках.

На мой взгляд, проблема трудоустройства, конечно, связана с экономической нестабильностью в стране, в настоящее время нет той связи между ВУЗами и предприятиями, как это было в советское время, когда организации уже на 4–5 курсах выискивали и «охотились» за способными студентами, оплачивали им стажировку и переквалификацию, старались держаться за каждого работника, обеспечивая все условия и социальную поддержку. У молодежи остро выражается недоверие к власти и особенно это заметно на дагестанской молодежи, где взгляды на работу и в целом на жизнь немного отличаются от других регионов страны. Государство должно расширить производство и доступность к бизнесу, снижать налоги для начинающих, помогать кредитами. Нужно менять в корне молодежную политику, контролировать финансовые средства, направленные на борьбу с молодеж-

ными проблемами. Когда молодой человек не работает и не может реализовать себя, видя при этом то беззаконие, которое творится во власти, где все вопросы решаются с помощью взяток, существует большой риск попасть под негативное воздействие, а безденежье его толкает на преступление. Из-за этих нерешенных вопросов в регионе и, в целом по стране, растет количество наркоманов и преступников.

Хочется отметить и положительные примеры реализации мероприятий молодежной политики республики. Это, прежде всего, потрясающие достижения в сфере спорта, когда целые виды спортивных дисциплин, представляющих Россию на международной арене, практически полностью представлены республиканскими спортсменами такие как вольная борьба, боевое самбо и т.д.

Это стало возможным благодаря традиционным устоям и традициям здорового образа жизни, а также преемственности поколений, когда накопленные знания передаются от мастера к ученику. Несмотря на отставание в развитии спортивной инфраструктуры в регионе, для многих юношей спорт открывает двери в больший мир, давая им положительный импульс в развитии личности. Анализируя сложившиеся проблемы в социальной сфере молодежной политики, её положительные и отрицательные стороны можно сделать вывод, что там где присутствуют сильные традиции в регионе и в семье, памятуя о том, что семья является главным институтом воспитания нового поколения, молодежь показывает прекрасные достижения. Там же где она предоставлена сама себе, — начинаются социальные проблемы.

ПЕДАГОГИКА

Общие подходы к формированию методики преподавания теории графов в вузе

Авдеюк О.А., кандидат технических наук, доцент; Крохалев А.В., кандидат технических наук, доцент;

Приходькова И.В., ст.преподаватель

Волгоградский государственный технический университет

В связи с введением в вузах федеральных государственных образовательных стандартов третьего поколения, для преподавателей возникла необходимость в постановке или переработке учебных курсов согласно новым требованиям. Это потребует не только тщательного анализа содержания дисциплин при составлении рабочих программ, но и выработки иных подходов к методике преподавания.

Дисциплина «Дискретная математика» входит в учебные планы направлений подготовки бакалавров «Информатика и вычислительная техника», «Программная инженерия» и включает в себя, в зависимости от направления, такие разделы как математическая кибернетика, теория функциональных систем, общая алгебра, теория автоматов, теория множеств и др., а также содержит раздел теории графов. Следует отметить, что для указанных направлений теория графов имеет большое прикладное значение, так как алгоритмы теории графов в настоящее время являются простым, доступным и мощным средством решения вопросов, относящихся к широкому кругу проблем [6, с. 4] и позволяют запрограммировать ряд задач из области автоматизации управления производства, экономики, теории массового обслуживания, компьютерной химии, логистики, обработки информации и др.

Для построения методики преподавания раздела по теории графов целесообразно привлекать как традиционные методы обучения [1,3,7] (объяснительно-иллюстративный, репродуктивный), так и исследовательский метод и проблемного изложения. Традиционно, аудиторная нагрузка разделяется на лекционные и практические занятия. Уже на первой лекции можно применить элементы проблемного обучения, направленные на решение нестандартных научно-учебных задач нестандартными методами [7]. Действительно, студентам дать самостоятельно решить задачу о семи кёнигсбергских мостах, ставшей впоследствии одной из классических задач теории графов. А в дальнейшем рассказать, как родоначальник теории графов Леонард Эйлер в 1736 году в одном из своих писем сформулировал и предложил решение данной задачи, тем самым положив начало теории графов. Подобный подход к подаче материала можно применять на таких темах как раскраска графов, гамильтонов граф, поиск маршрутов в графах (например, ал-

горитм Тэрри), определение ядра графа и т.д. По нашему мнению, не стоит оказываться и от традиционного типа чтения лекций — вводной, обобщающей, текущей [4,с.171,7]. Для активизации лекций следует также проводить:

- по предварительно сформулированным вопросам студентов лекции-консультации [4,с.172,7];
- лекции-диалоги, в которых содержание подается через серию вопросов, на которые студенты должны отвечать по ходу лекции [4,с.172,7];
- лекции-конференции, на которых студенты выступают с докладами на определенные темы.

При составлении плана проведения и формировании содержания лекций необходимо помнить, что «лекция должна стать руководством к самостоятельной работе студента» [5, с. 12].

Процесс обучения по дисциплине «Дискретная математика» предусматривает практические занятия (ПЗ), которые играют важную роль в выработке у студентов навыков применения полученных знаний для решения практических задач [7]. Методика проведения практических занятий может быть различной, мы предлагаем использовать следующие подходы при проведении ПЗ при изучении раздела теории графов.

Во-первых, известно, что алгоритмы теории графов не адаптированы для непосредственной реализации на ПЭВМ, поэтому целесообразно в качестве домашнего задания предложить студентам рассматриваемые на лекциях алгоритмы закодировать на языке программирования высокого уровня, исследовать трудоемкость полученного варианта.

Например, при решении задачи на определение метрических характеристик графа (диаметр, радиус, эксцентриситет, центральные вершины) в литературе рассматривается метод простого перебора множества значений расстояний между вершинами на предмет нахождения максимального расстояния (диаметр графа), максимального удаления от вершины (эксцентриситет) и т.д. Студентам было выдано задание на разработку соответствующего программного алгоритма на основе некоторой матрицы, описывающей граф G. В результате на одном из практических занятий, студентом был предложен алгоритм, в котором использовалась квадратная матрица рас-

стояний $R(G)$ между вершинами и все решение задачи свелось элементарно:

- к поиску максимума в $R(G)$, который соответствует диаметру графа;
- к поиску максимума в каждой строке $R(G)$, который соответствует эксцентриситету вершины графа, причем максимумы строки образуют столбец эксцентриситетов (одномерный массив) $EC(G)$;
- к поиску в столбце $EC(G)$ минимального значения, которое соответствует радиусу графа $r(G)$;
- к сравнению значений в столбце $EC(G)$ с $r(G)$, и, в случае совпадений, определяются центральные вершины.

Данный алгоритм в дальнейшем оказался эффективным и для «ручного» решения ряда задач на использование метрических характеристик графа.

Интересно предложить студентам самостоятельно найти эквивалентные алгоритмы теории графов, решающие одну и ту же задачу, и провести их сравнительный анализ, предоставить на практике время для представления найденных решений сокурсникам.

Во-вторых, на практических занятиях рассматривать такие задачи, в условиях которых явно не прослеживается раздел теории графов, который необходимо привлечь для решения. Например, даже такую простую задачу, как разделение группы из N человек по матрице несовместимости

на две подгруппы [6, с. 6] совместимых людей, можно решить как с использованием алгоритма построения двудольного графа, так и с помощью алгоритма раскраски графа.

В-третьих, рекомендуется помимо практических занятий, выделять часы на лабораторные работы для непосредственного программирования типовых графовых алгоритмов под руководством преподавателя.

В качестве задания на выполнение семестровой работы (вид самостоятельной работы студента) [2], помимо традиционных вариантов работ, можно предложить студентам самостоятельно: найти проблемную задачу из области экономики, проектирования интегральных схем и схем управления, химии, биологии, теории расписаний и т.п.; сформулировать постановку задачи; провести анализ существующих подходов к решению поставленной проблемы; решить задачу с использованием аппарата теории графов, указав на преимущества и возможные недостатки предложенного варианта решения.

Как показывает практика, применение перечисленных подходов при преподавании раздела теории графов курса «Дискретная математика» позволяет более эффективно развивать творческие способности студентов, их интеллект, способствует более качественному усвоению учебного материала, умений и навыков решения задач из профессиональной сферы.

Литература:

1. Авдеюк О.А. Методика преподавания дисциплин «Дискретная математика» и «Математическая логика и теория алгоритмов» / О.А. Авдеюк, А.В. Муха Ю.П., Скворцов М.Г. // Изв-я Волгоградского государственного технического университета: межвуз. сб. науч. ст. № 3 / ВолгГТУ. — Волгоград: РПК «Политехник», 2003. — (Сер. Новые образовательные системы и технологии обучения в вузе. Вып.9) — С.74–75.
2. Авдеюк О.А. Методика организации и контроля качества выполнения самостоятельной работы студентами безотрывной формы обучения / О.А. Авдеюк, А.В. Крохалев, К.В. Приходьков, А.Н. Савкин // Изв-я Волгоградского государственного технического университета: межвуз. сб. науч. ст. № 8 (68)/ВолгГТУ. — Волгоград: ИУНЛ, 2010. — (Сер. Новые образовательные системы и технологии обучения в вузе. Вып.7) — С.13–15.
3. Авдеюк О.А. Проблемы заочного обучения и пути их решения / О.А. Авдеюк, Е.Н. Асеева // Международный журнал экспериментального образования. — 2011. — № 3. — С.146–147.
4. Анненкова О.С. Лекция как метод обучения в профессиональном образовании / О.С. Анненкова // Тезисы доклада международной научно-практической конф. «Гарантии качества профессионального образования», Барнаул, 2010. — С.170–172.
5. Веников В.А. Мировоззренческие и воспитательные аспекты преподавания технических дисциплин (на примере электротехники и электроэнергетики) / В.А. Веников, Я.А. Шнейберг. — М.: Высшая школа, 1989. — 175 с.
6. Мельников О.С. Занимательные задачи по теории графов: учеб. — метод. пособие / О. С. Мельников. — Мн.: «ТетраСистемс», 2001. — 144 с.
7. Педагогика высшего образования [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <http://www.pedagogics-book.ru/index.html> (дата обращения: 24.03.2011).

Технология духовно-нравственного воспитания преподавателя профессионального образования в процессе обучения

Азимова Н.Э., преподаватель

Бухарский технологический институт пищевой и легкой промышленности.

Ключевые слова: профессиональное образование, преподаватель, просвещение, нравственность, воспитание, образование, урок, педагогика, новая педагогическая технология, гармонично развитый, метод, средство, занятие, проблема, сравнение, обобщение, конкретизация.

В целях развития общества требуется подготовка умелых, досконально знающих свою профессию предпринимчивых, инициативных, гармонично развитых, в духовно-нравственном характере, специалистов для всех сфер производства. Такие специалисты должны быть вооружены современной техникой, технологией её использования и иметь опыт участия в этом процессе.

Этого можно достичь только путём внедрения новых педагогических технологий в процесс учебы и формирования высокой профессиональной квалификации будущих специалистов, так как новые педагогические технологии являются силой, которая приводит в действие все реформы в образовательной сфере, даёт возможность повысить процесс учёбы и воспитания до уровня искусства и таланта. Для обеспечения будущих преподавателей такими реформами, в первую очередь, вырисовывается необходимость их воспитания гармонично развитыми в духовно-нравственном характере.

Итак, необходимо обращать внимание на следующие аспекты в процессе духовно-нравственного воспитания будущих преподавателей профессионального образования:

- представить, почувствовать и осмыслить духовно-нравственные понятия и возможности студента;
- духовно-нравственное воспитание студентов при взаимосвязанности духовного наследия, религии, учения тасаввуф, обрядов, внешних и внутренних духовных особенностей личности, махали и духовности семьи;
- повысить активность самостоятельного мышления студента;
- организация составного содержания урока и взаимопонимания преподавателя со студентами, изучение смыслового качества и состояние учебных материалов, а также содержания урока.

Необходимо отметить, что выбор учебных материалов для урока, точное определение цели, принятие во внимание реальных возможностей преподавателя и студентов, выбор метода, средства для понятного, точного объяснения учебной информации создаёт большую возможность для формирования в студентах духовно-нравственных понятий при помощи изучаемой темы.

В процессе учёбы и воспитания было бы целесообразно при доведении до студентов духовно-нравственных понятий основывать темы и информации на следующих аспектах:

1) актуальность, понятность, лаконичность и научность;

2) совместимость с возрастом, умственной способностью, требованиями и потребностями студента;

3) уровень способности направлять преподавательские и ученические отношения к цели;

4) улучшение уровня подготовки и познавательной деятельности студентов.

Исходя из вышеуказанного основной целью изучаемых тем в процессе учёбы и воспитания является использования ожидаемого результата в качестве ресурса.

При этом преподаватель обязан выполнять следующие действия:

- контролировать деятельность студентов в процессе урока;
- обеспечение полной реализации цели урока;
- комментирование точки зрения студентов;
- направление внимания студентов, на ресурсы, выражающие духовно-нравственное воспитание взаимосвязанные с определённой темой;
- призывать к обоснованию мыслей доводами;
- составлять краткое заключение к каждой точке зрения.

Урок должен проводиться на основе проблемного типа обучения, который отвечает требованиям современного образования и новых педагогических технологий, потому что проблемное обучение проводится при исследованиях, спорах и дискуссиях. Проблематичное образование имеет свои особенности: развивает самостоятельное мышление и творческие способности студентов, даёт возможность анализировать и синтезировать, сравнивать, обобщать, конкретизировать фонетические материалы с помощью умственных действий и получать новую информацию. Поэтому студент старается мыслить самостоятельно и творчески, а также защищает свою точку зрения в процессе проблемного обучения.

При этом студент пытается выявить духовно-нравственную сторону темы и на её основе воспитывает свои аналогичные понятия.

Принимая во внимание цель, результат занятия для достижения этой цели и результата преподаватель должен подчиняться нескольким педагогическим, психологическим и методическим условиям:

- иметь углубленную научно-теоретическую подготовку по определённому предмету и теме;
- иметь информацию об этапах организации и реализации проблемного обучения;
- знать проблемы учения и воспитания, а также находить их решения;

- правильный выбор способов и средств обучения исходя из содержания темы занятия.

Новая педагогическая технология — это комплекс новых систематизированных, научно — теоретически и методически основанных форм, способов и средств процесса образования и воспитания. При сообразности смысла, формы, способа и средства обеспечивается целостность цели, задачи, деятельности и педагогического результата.

По нашему мнению, использование элементов новой педагогической технологии в процессе учёбы и воспитания создаёт большие возможности для точного планирования процесса образования и воспитания, предопределения результатов, анализирования, достижения желаемого результата, а также для экономии времени и сил. Творчество, способность создавать, предприимчивость студента возрастает, и его потребности удовлетворяются на уровне его требований и желаний.

Распространение новой педагогической технологии в процессе образования и воспитания повышает творчество, способность создавать, мастерство преподавателя, выводит студента на уровень перехода от объекта образования к его субъекту. Более того, новая педагогическая технология

1) помогает преподавателям в комплексном решении образовательно-воспитательных задач по общему развитию студентов;

2) оказывает практическую помощь преподавателям в выявлении реальных учебных возможностей студентов, в планировании работ, достижении результатов деятельности, формировании опыта и квалификации в освоении знаний глубоко и тщательно;

3) приучает к важности постоянного определения основных, важнейших средств учёбы;

4) создаёт возможность выбора самых удобных способов и средств в воспитании духовно-нравственных, трудовых, идеологических особенностей студентов;

5) обучает создавать самые удобные нравственно-психологические, образовательно-воспитательные, гигиенические, эстетические условия в процессе занятий;

6) даёт возможность выбора конкретных способов и средств, воспитывающих потребность к освоению учебных материалов и знаниям;

7) создаёт возможность использования трёх компонентов методического творчества в учебном процессе: мотивация — управленческая деятельность — познавательная деятельность и тщательная организация. Именно поэтому, сейчас как никогда необходимо внедрять новые педагогические технологии в процесс образования и воспитания. Также следует обратить внимание на тот аспект, что новая педагогическая технология повышает результативность образования и воспитания. Для повышения уровня обученности и воспитанности студентов на основе новых педагогических технологий следует принимать во внимание следующие действия:

- постоянный анализ результатов деятельности;
- распределение форм и типов образования и воспитания;
- выбор важнейших, необходимых и альтернативных проектирующих средств;
- учёт региональных и национальных особенностей;
- способность предвидения желаемого результата;
- обеспечение взаимосвязанности и целостности процесса образования и воспитания.

Анализ результатов проведённых опытов показывает, что для воспитания духовности и нравственности студентов путём усвоения духовно-нравственных ценностей, идеалов прошлого, ставшие содержанием гуманитарных наук, требуется следующее:

а) изучение опыта прошлого поколения и на этой основе опираться на педагогические и психологические законы при формировании личного опыта;

б) принимать во внимание особенности гуманитарных наук и юношеского возраста;

в) распределять смысл, формы, типы учебных занятий, исходить из методических особенностей взаимосвязанности и целостности работ на уроке и вне урока.

В высшем образовании урок является основной формой достижения целей образования и воспитания. В процессе урока студенты усваивают законы природы, общества, развития мышления (в процессе изучения естественных, математических, гуманитарных наук), приобретают профессиональный опыт (при изучении наук по специальности), воспитывают в себе полноценную личность.

Некоторые факторы формирования сознания здорового образа жизни студенческой молодежи

Атаханова С.О., соискатель

Узбекский государственный университет мировых языков

Формирование сознания здорового образа жизни студенческой и учащейся молодежи высших учебных заведений и учреждений средне-специального образования в Республике Узбекистан является составной частью идеи

«гармонично развитого поколения», превратившейся годы независимости в общенациональное движение, ибо воспитание гармонично зрелой личности невозможно без сознания здорового образа жизни.

Сознание здорового образа жизни это комплекс знаний и навыков по самосохранению здоровья человека, целенаправленное отношение к своей деятельности с учетом защиты собственного здоровья и здоровья общества, а также охрана жизни человека от имеющихся в современных жизненных ситуациях от различных рисков и угроз медицинского, экологического, социального и экономического характера. В настоящее время целенаправленное формирование указанных навыков и знаний через семью и национальные традиции, систему образования, другие различные социальные системы является велением времени, которое убедительно показывает, что сознание здорового образа жизни является сложным по содержанию и разветвленным философским, идейным, социально-политическим понятием. Сознание здорового образа жизни из-за дня в день приобретает большую значимость, интегрируется с различными сферами жизни, с социальной точки зрения и совершенствуясь, эволюционно развиваясь и трансформируясь, превращается в социально-философскую категорию.

Педагогическим содержанием сознания здорового образа жизни является целенаправленная организация педагогического процесса, сориентированного на формирование сознания здорового образа жизни, и этот педагогический процесс направляется на формирование в учащихся отборных, научных, исторических, практических знаний и опыта посредством различных педагогических инструментов, методов и форм, с учетом возрастной дифференциации учащихся.

Формирование сознания здорового образа жизни в Узбекистане у студенческой молодежи осуществляется через:

- 1) систему высшего и средне-специального образования;
- 2) систему семейного воспитания, через прививание семейных и национальных ценностей;
- 3) целенаправленную деятельность государственных и негосударственных систем.

Имеются *экономический, социальный, антропогенный, политический, исторический, педагогический, психологический, национально-ментальный и интегрированный факторы* формирования сознания здорового образа жизни.

Экономические факторы: экономический фактор обладает двумя главными гранями. Во-первых, формирование сознания здорового образа жизни требует целенаправленных издержек. Возьмем на примере Узбекистана, здесь пропаганда здорового образа жизни поднята на уровень вопросов государственного значения. Вопрос здорового поколения приравнен к вопросу государственной важности. Определенные статьи государственного бюджета ежегодно расходуются на обеспечение и совершенствование деятельности инфраструктуры здоровья. С другой стороны, сознание здорового образа жизни является фактом, непосредственно связанным с жизненными условиями человека и его экономическими воз-

можностями. Следовательно, возникновение отдельных социальных болезней, например анемии, туберкулеза, связано с семейным бюджетом и его приоритетным распределением. Следовательно, экономический рост общества и семьи является основой повышения условий здорового образа жизни. Здесь мы видим, что формирование и повышение сознания здорового образа жизни непосредственно в одинаковой степени связано и с вниманием, уделяемым государством на проблемы ЗОЖ, и с экономическими возможностями как личности, так и возможностями семьи.

Социальные факторы: Человек живет в общественной среде, представляет собой общественное явление, в этой связи, имеющиеся в обществе социальные ценности оказывают свое влияние на человека. Такое влияние может быть как положительным, так и негативным. Роль социального фактора в формировании человека, в формировании его сознания огромна. Также с педагогических точек зрения очень важно проявляемое обществом отношение к сознанию здорового образа жизни, что оценивается как один из главных факторов в этой сфере. Если окружающая учащегося среда основана на ценностях здоровья, формирование в нем сознания здорового образа жизни протекает намного легче и эффективнее, а если нет, то и результат будет соответственный.

Антропогенные факторы: На сегодняшний день сознание здорового образа жизни человека не может существовать без воздействия антропогенных факторов окружающей среды. Антропогенные факторы, в связи с осознанной или не осознанной деятельностью человека, приводят к огромным изменениям окружающей среды. В результате меняются и условия обитания человека. В этой связи, человеческое сознание является не только социально-психологическим явлением, в его формировании важное значение приобретают экологические, природные и генетические факторы. Все человеческие свойства, характеризующие его как антропогенное существо, оставляют свои следы на сознании здорового образа жизни.

Политические факторы: Процесс формирования сознания здорового образа жизни зависит не только от уровня образовательной системы, а также связан с отношением к рассматриваемому вопросу, и политической волей существующей политической системы к данной актуальной проблематике. Если государством не будет поддерживаться развитие сознания здорового образа жизни с финансовой, экономической и социальной точки зрения, в широких слоях населения формирования сознания здорового образа жизни начнет прихрамывать. Следовательно уровень, степень и качество формирования сознания здорового образа жизни зависит и от его альтернативного развития и целенаправленности. Если провести анализ на примере Узбекистана, проведение с первых же годов независимости политики социальной защиты, поднятие социальной задачи «здорового поко-

ления», «гармонично развитого поколения» на уровень общенациональной, уделяемое специальное внимание вопросам здоровья матери и ребенка, репродуктивному здоровью, формирование и государственная поддержка детского спорта и создания инфраструктуры здоровья, когда рассматриваемые вопросы становятся приоритетными направлениями государственной политики, свидетельствует о том, что в стране были предприняты полномасштабные социально-организационные меры именно для формирования сознания здорового образа жизни. Без политической воли невозможно полноценно и полномасштабно сформировать все условия для формирования здорового образа жизни.

Исторические факторы: сознание здорового образа жизни считается явлением историческим. Ибо, как только человечество сформировалось в качестве социального явления, его интересуют вопросы собственного здоровья, правила охраны здоровья, правила достижения долголетия. Вопросы сознания здорового образа жизни являлись неотъемлемой составной частью всех древних цивилизаций. В частности Греко-Римской, Древней Китайской, Древнеиндийской, Согдийской культур, Египетской культуры, а также всех существующих религиозных конфессий (христианской, еврейской, буддийской, исламской). Еще в те времена были разработаны различные аспекты и рецепты охраны здоровья человека, примитивные навыки оказания медицинской помощи. Следовательно, весь накопленный на сегодня багаж знаний и опыт по формированию сознания здорового образа жизни является составной частью современного сознания ЗОЖ.

Педагогические факторы: сознание здорового образа жизни эффективно формируется лишь в процессе целенаправленного педагогического процесса, и может дать педагогические результаты. Раз уж так, для превращения сознания здорового образа жизни в сознание массовое, необходимо формировать целенаправленный, непрерывный, системный педагогический процесс. Без этого педагогического процесса невозможно сформировать полноценное сознание здорового образа жизни. Педагогический аспект сознания здорового образа жизни проявляется в своеобразных педагогических концепциях, средствах, методах, а также используемых педагогических формах. Следовательно, наше время диктует необходи-

мость разработки единого педагогического стандарта и методологии по формированию сознания здорового образа жизни с применением современных педагогических инноваций, а также с учетом сегодняшних условий и проводимых в Узбекистане широкомасштабных реформ, направленных на создание демократического гражданского общества, модернизации, либерализации и демократизации.

Психологические факторы: каждый человек имеет свои неповторимые черты характера и особенности. Психология человека и есть тот аспект, который создает эту особенность и неповторимость. Без учета психологии человека как личности, невозможно определить актуальные задачи и приоритетные направления формирования сознания здорового образа жизни данной личности. По этому, при формировании сознания здорового образа жизни требуется уделять особое внимание фактору человеческой психологии.

Национально-ментальные факторы: в структуре национальных ценностей, обрядов и традиций, морально-этических норм и эстетического воззрения каждого народа, каждой нации изначально существуют идеи сознания здорового образа жизни. В составе узбекских национальных ценностей такие афоризмы, как «В здоровом теле — здоровый ум», «Здоровье — бесценный дар», «Здоровье — дорожка золота» с древних времен впитывались в сознание наших предков. Следовательно, приобретает особое значение систематизация и упорядочение всех знаний и опыта о здоровье и сознании здорового образа жизни, накопленных в системе национальных ценностей нашего народа.

Интегрированные факторы: Педагогический процесс современности требует интеграции различных социальных сфер. Система педагогических наук и масштабы ее аспектов изо дня в день разветвляются. Не используя таких направлений педагогики, как акмеология, андрагогика, дефектология, дидактика, а также применяя педагогические инновации и методы интерактивного обучения в структуре сознания здорового образа жизни, вряд ли возможно эффективное формирование сознания здорового образа жизни. Следовательно, процесс формирования сознания здорового образа жизни может дать желаемый успех через плановую ориентацию различных социальных и педагогических аспектов на исследуемую цель.

Организация проектных домашних заданий учащихся по математике с использованием средств информационных технологий

Бакулина Е.А., аспирант

Мордовский государственный педагогический институт имени М.Е. Евсевьева

В статье рассматривается одна из наиболее актуальных проблем школьного образования — проблема организации домашнего задания в обучении математике. Автором раскрываются особенности домашнего учебного проекта, этапы его организации. Приводится пример организации домашнего учебного проекта с использованием средств информационных технологий.

Ключевые слова: домашнее задание; учебный проект; обучение математике.

На рубеже XXI века в российской системе образования обозначилось основное направление ее модернизации — приоритет личностного образования и самореализации ученика. В связи с этим, наблюдается изменение акцентов в организации учебного процесса:

1. Обучение без всего интеллектуального потенциала человека должно исчезнуть, значит, *преподаватель должен уметь организовывать мыслительную деятельность учащихся*. А это требует дополнительной его подготовки.

2. Преподавание, построенное только преимущественно на передаче информации, должно быть заменено или существенно дополнено обучением, ориентированным как на настоящее, так и на будущее. *Меняется статус преподавателя*.

3. Меняется содержание образования: не информация о деятельности плюс немного деятельности, а *деятельность, основанная на информации*. При этом в качестве содержания образования выступает и социокультурный контекст, в котором осуществляется жизнедеятельность.

4. Поскольку деятельность является содержанием обучения, требуются *новые формы его организационного освоения*. На смену традиционным приходят формы активного, инновационного обучения: игры, анализ конкретных ситуаций, разыгрывание ролей, разновидности дискуссий, тренинги, *самостоятельная и исследовательская работа*.

5. Изменение целей, содержания и форм обучения оказывает существенное влияние и на характер *общения преподавателя и обучаемого*, а также учащихся между собой, на атмосферу их взаимодействия, партнерство, равенство в выборе, поступках, ответственность, положительный эмоциональный фон — все это становится перманентной доминантой отношений [1].

Одним из наиболее эффективных путей организации образовательного процесса с данных позиций является реализация учебных проектов. Однако очевидным является то, что в рамках урока достаточно сложно осуществить полноценную исследовательскую работу (у учащихся не возникает необходимости задуматься над тем, как лучше построить работу, в классе творчество учащихся ограничено инструкцией и временными рамками), проблема осложняется и сокращением часов на изучение

математики и это при возрастании требований к уровню знаний, умений и навыков выпускников школ. В данной ситуации необходимо обратить свое внимание на пересмотр методики организации работы с домашними заданиями, в частности реализовывать в рамках домашних заданий учебные проекты.

Зачастую домашние задания не настраивают ученика на активную работу, их выполнение может быть осуществлено на уровне формальных действий, без творческого подхода и даже без понимания выполняемых операций. Объем и содержание домашнего задания по математике не всегда рационально подобраны учителем, что подталкивает учащихся к формальному отношению к выполнению работы, к списыванию и к уменьшению времени, реально затрачиваемого учащимися на эту работу. В ходе выполнения учебного проекта в рамках домашнего задания учащиеся самостоятельно добывают знания и находят пути решения проблем. Выполнение учащимися учебного проекта предусматривает разнообразные методы и формы учебной деятельности, поскольку достижение основной цели проекта предполагает решение частных задач. При этом осуществляется личностно-ориентированный подход к организации такого учебного исследования, когда участник проекта разрабатывает отдельную его часть, с учетом своих склонностей и интересов.

Например, выполнение учебного проекта «Проценты» (6 класс) обуславливает поисково-исследовательскую деятельность учащихся в таких направлениях, как история (написание математического сочинения «Откуда возникли проценты»), социология (определение тематики и самостоятельное составление задач на проценты), математика (рассмотрение различных способов решения задач на проценты), русский язык (редактирование), художественный дизайн и информатика (оформление, создание компьютерной презентации полученных результатов исследовательской работы) и т.д.

Условимся учебные проекты, выполняемые в рамках домашних заданий по математике, называть домашними учебными проектами.

Под учебным проектом подразумевается вид творческой работы учащихся, в котором предлагается разработка замысла, идеи, детальное рассмотрение практической задачи, лабораторное исследование и т.д., оформление результатов работы и защита проекта (пре-

зентация) [2]. Работа над домашним учебным проектом подразумевает выполнение этих же этапов, однако следует отметить ряд особенностей, присущих таким учебным проектам, главной из которых является самостоятельное выполнение учащимися домашних учебных проектов. В домашних условиях ученик лишен возможности обратиться за помощью к учителю, поэтому выполняя домашний учебный проект, учащийся опирается на свой индивидуальный опыт. Учитель при этом оказывает опосредованное методическое руководство. Учитель вместе с учащимися определяет проблему, которую потребуется решить учащимся в ходе выполнения домашнего учебного проекта. При необходимости учитель определяет конкретные задания, которые необходимо выполнить учащимся, дает четкие рекомендации по решению заданий. Если проект выполняет в группе, то учитель должен каждому участнику разъяснить, какую часть работы он должен выполнить. Для облегчения работы учитель может подготовить специальные бланки, содержащие формулировки заданий и рекомендации к ним.

Контроль выполнения такого домашнего задания также не маловажен, учащиеся должны четко знать, какой форме и в какие сроки представить результат работы. Выполненный проект должны быть представлен на обсуждение всего класса (защита проекта) на одном из уроков математики, либо в рамках внеклассного мероприятия. Отметим, что результаты домашнего учебного проекта могут быть использованы на последующих уроках с целью объяснения нового материала, либо обобщения уже изученного.

Таким образом, учитель должен выступать не столько в роли интерпретатора науки и носителя новой информации, сколько умелым организатором систематической самостоятельной поисковой деятельности учащихся по получению знаний, приобретению умений и навыков и усвоению способов умственной деятельности.

Обобщив выше сказанное, можно сказать, что организация домашнего учебного проекта имеет следующие этапы:

1. Целеполагание и выявление логической структуры домашнего учебного проекта;
2. Отбор средств и методов, используемых при организации домашнего учебного проекта;
3. Разработка заданий для домашнего учебного проекта;
4. Определение форм учебной деятельности и дозирование помощи учащимся при самостоятельном выполнении домашнего учебного проекта;
5. Итоговой анализ.

Успешное выполнение учащимися домашних учебных проектов является наличием мотивации к их выполнению. Одним из средств мотивации выступает грамотное использование информационных технологий, которые способны реализовать наглядность обучения, обеспечить индивидуализацию и дифференциацию, позволяют создать творческую учебную среду, позволяющую ученикам со-

вершенствовать навыки собственного интуитивного мышления [1].

На сегодняшний день известно достаточно большое количество качественных продуктов, предназначенных для компьютерной поддержки изучения математических дисциплин, причем, для работы со многими из них не требуется глубокое знание компьютера («Живая геометрия», тренажер «Графики функций», программа «Графер» и многие другие).

Приведем пример домашнего учебного проекта по теме «Признаки параллелограмма» с использованием программной среды «1С: Математический конструктор», предназначенной для создания полноценных (в том числе автономно функционирующих и имеющих настраиваемый интерфейс) интерактивных моделей по математике, работа с которыми сочетает в себе элементы конструирования, динамического варьирования и учебного эксперимента.

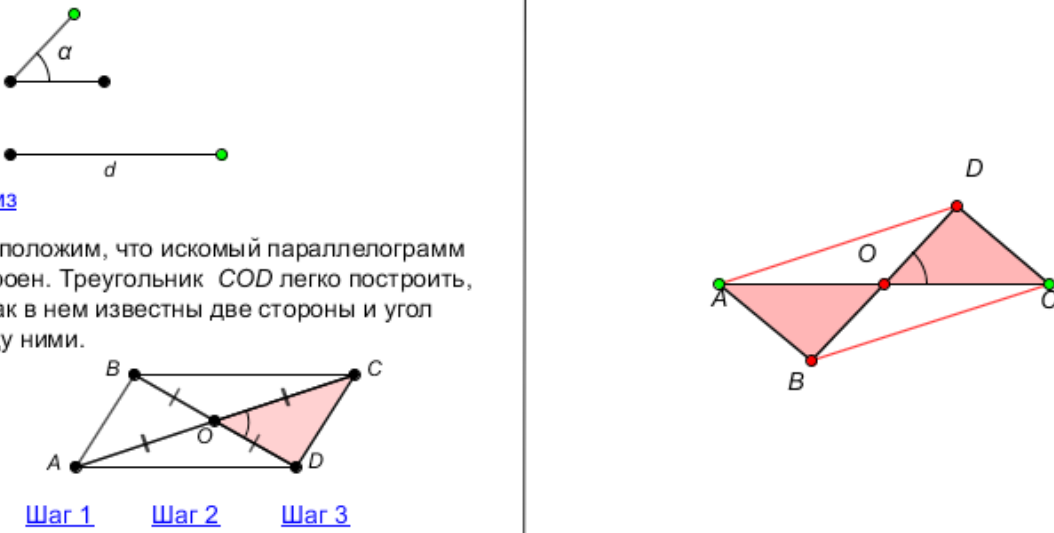
Учитель подбирает задания, целью которых является самостоятельная формулировка и доказательство признаков параллелограмма. Выполняются задания с использованием программной среды «1С: Математический конструктор», с помощью которой учащиеся строят графические модели задач, экспериментируя с данными моделями (изменяют значения сторон параллелограмма, величины углов и т.п.), формулируют и доказывают признаки параллелограмма. Результатом решения каждого задания является интерактивная модель, которая демонстрируется на уроке. Данный проект может выполняться как в групповой форме, так и индивидуально. Итак, учащиеся должны выполнить следующие задания:

Постройте четырехугольник, у которого противоположные стороны попарно равны. Докажите, что этот четырехугольник является параллелограммом. Сформулируйте на основе этого первый признак, по которому можно отличить параллелограмм от других видов четырехугольников. Проверьте правильность построения, используя определение параллелограмма.

2) Постройте четырехугольник, у которого две противоположные стороны параллельны и одновременно равны. Докажите, что построенный четырехугольник — параллелограмм. Сформулируйте на основе этого второй признак параллелограмма. Проверьте правильность построения, используя первый признак.

3) Постройте две прямые, пересекающиеся под произвольным углом в точке O . Отложите на одной из них отрезки $AO - OC = a$, на другой отрезки $DO = OB = d$. Докажите, что четырехугольник $ABCD$ — параллелограмм. Сформулируйте этот признак параллелограмма. Проверьте правильность построения с помощью второго признака. Размеры каких элементов, кроме диагоналей, надо знать, чтобы построить точно такой же параллелограмм? Измерьте выбранный Вами элемент и постройте по двум диагоналям и выбранному Вами элементу параллелограмм, равный данному.

На диагонали AC построить параллелограмм ABCD со второй диагональю $BD=d$ и углом между диагоналями α .

Анализ

Предположим, что искомый параллелограмм построен. Треугольник COD легко построить, так как в нем известны две стороны и угол между ними.

[Шаг 1](#) [Шаг 2](#) [Шаг 3](#)

[< < К началу](#)

Выберите, переместите объект. При нажатых Shift или Ctrl можно выбрать несколько объектов. -6,83 : +8,08

Рис. 1. Модель решения задачи

Решая данное задание, учащиеся приходят к выводу, что для построения параллелограмма необходимо наличие следующих элементов: диагоналей и угла между ними. На основании этого строится графическая модель решения данной задачи (Рис. 1).

Выбирая последовательно команды «Анализ», «Шаг 1», «Шаг 2», «Шаг 3» ученик демонстрирует способ построения параллелограмма.

Результаты данного домашнего учебного проекта могут быть продемонстрированы на уроке, посвященном рассмотрению признаков параллелограмма.

Литература:

1. Борисова, Н.В. Образовательные технологии как объект педагогического выбора / Н.В. Борисова. — М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2000. — 146 с.
2. Филоненко, Л.А. Учебные исследования в домашних заданиях по математике как средство развития творческой самостоятельности учащихся 5–6 классов: автореф. дис. ... канд. пед. наук : 13. 00. 02 / Л.А. Филоненко. — Омск, 2004. — 22 с.

Подобные домашние учебные проекты можно спроектировать практически по любой теме школьного курса математики, от класса к классу их содержание будет лишь усложняться («Треугольники», «Ромб», «Квадрат», «Свойства и графики тригонометрических функций», «Свойства и графики четных и нечетных функций» и другие). Использование домашних заданий как способа организации учебных проектов по математике способствует повышению уровню знаний учащихся, а также позволяет формировать положительное и добросовестное отношение к домашним заданиям.

Социально-педагогическое партнерство: историко-генетический анализ становления

Балалиева О.В., соискатель

ГБОУ ДПО Свердловской области «Институт развития образования» (г. Екатеринбург)

Дошкольное образование сегодня претерпевает существенные изменения. Эти изменения обуславливают как позитивные тенденции развития дошкольного образования, так и сложные проблемы, требующие решения: обеспечения качества образования, как главной задачи российской образовательной политики, а так же привлечения социально-педагогических сил в дошкольное образование как одного из факторов развития образовательной среды дошкольных учреждений.

Для выяснения сущности социально-педагогического партнерства остановимся на философско-методологических подходах к осмыслению развития идей о взаимодействии, так как в фундамент социально-педагогического партнерства было заложено понятие «социальное взаимодействие».

Значительный вклад в разработку учения о взаимодействии как основополагающей категории, о всеобщей связи явлений и объектов был внесен И. Кантом (1724–1804). Прежде всего, связывая взаимодействие с практикой («опытом»), Кант выводит «закон взаимодействия». «Все субстанции, поскольку они могут быть восприняты в пространстве как одновременно существующие, находятся в полном взаимодействии».

Следующим этапом в постижении сущности взаимодействия как категории философии стали работы Гегеля. В.Ф. Гегель (1770–1831) рассматривал взаимодействие как самостоятельное явление и как категория. Вся диалектика Гегеля исходит именно из взаимодействия: «Диалектикой мы называем высшее разумное движение, в котором такие кажущиеся безусловно раздельными (моменты) переходят друг в друга благодаря самим себе, благодаря тому, что «они суть, и предположение (об их раздельности) снимается».

Стоит уточнить, что к середине XIX в. понятие «взаимодействия» становится достоянием оформляющейся в то время социологии как самостоятельной отрасли науки. В русле этих высказываний О. Конт (1788–1857) одним из первых начал рассматривать общество по аналогии с биологическим организмом, подчеркивая его целостность и взаимозависимость его частей. По Конт, существование самого общества основывается на выработке согласия и обеспечении преемственности. Более очевидно, что Конт исходит из идеи взаимодействия.

Подобные подходы обнаруживаются и в работах К. Маркса, который понимает общество как «продукт взаимодействия людей» [4, с. 21–25].

Среди специфических воспитательных парадигм выделяется социально-педагогическая парадигма Пауля Наторпа (1854–1924), который рассматривал социальную

педагогику как направление интеграции воспитательных сил общества с целью повышения культурного уровня народа. Наторп считал, что человек становится человеком только благодаря человеческой общности и утверждал, что отдельный человек, без учета его теснейшего взаимодействия и взаимного влияния с другими людьми, есть просто абстракция. Человек становится «мудрым», т.е. совершеннолетним и, следовательно, воспитанным, не иначе, как через общение, в общении [2, с. 50].

Формирование общей концепции в осмыслении взаимодействия вовсе не означает полного схождения взглядов ученых на это явление.

Одни ученые трактуют взаимодействие наиболее обобщенно: как объективную, универсальную, проявляющуюся основу всего сущего, поэтому в качестве определяющего, раскрывающего понятия используется процесс.

«Взаимодействие — философская категория, отражающая процессы воздействия различных объектов друг на друга, их взаимную обусловленность, изменение состояния, взаимопереход, а также порождение одним объектом другого» [8, с. 81].

«Взаимодействие — понятие для обозначения воздействия вещей друг на друга, для отображения взаимосвязей между различными объектами...» [6, с. 74].

Далее хотелось бы отметить, что образовательная ситуация первой половины XX века имела свои характерные черты, которые во многом и определили направления развития педагогических взаимодействий в этот период. Традиционный подход в организации обучения и воспитания продолжал закрепление и усиление субъектно-объектных отношений учителя и учащегося. Богатая экспериментальная образовательная практика подкреплялась новейшими изысканиями в психологии, физиологии, конкретной социологии, что в итоге определяло гуманистическую направленность развития педагогических взаимодействий, становления социально-педагогического партнерства как явления.

На основе широкой практики воспитания и обучения детей под руководством С.Т. Шацкого проводилась большая исследовательская работа, разрабатывались вопросы организации, содержания и методов новой школы, семьи и общественности.

Многие исследователи реформаторской педагогики послужили основой для развития коллективистской, коммунарской методик воспитания. Таким новационным (реформаторским) опытом воспитания стала педагогическая система А.С. Макаренко (1888–1939). Подкрепляя на практике педагогическую систему, Макаренко детально прорабатывал технологические аспекты воспитательного

процесса: развитие системы самоуправления, рост общественной «активности», «принцип параллельного действия» в системе педагогических взаимодействий; разработку системы внутриколлективных зависимостей и т.п. [4, с. 61].

Существенное влияние на развитие идей социального партнерства оказала деятельность В.Н. Сорока-Росинского в детской трудовой коммуне, где дети и воспитательный персонал составляют тесную группу содружественного творчества. «Для полного слияния работ школы и детского сада и единого педагогического воздействия необходимо установить тесную организационную связь детского дома и школы», — отмечает автор в своей статье «Детский дом». В.Н. Сорока-Росинский заостряет внимание на совместной работе педагогического коллектива школы и детского сада, на ее необходимости [7, с. 148].

В целом для периода советской педагогики 1920–30-х гг. был характерен поиск новых подходов в построении педагогических взаимодействий, установлении социального партнерства, которые бы соответствовали изменившемуся после Октябрьской революции пониманию роли образования в развитии государства.

Поиски в области развития педагогических взаимодействий в отечественной педагогике были приостановлены почти на полтора десятка лет войной и послевоенным восстановлением. Однако, уже в конце 50-х начале 60-х гг. построение педагогических взаимодействий, ориентированных на гуманистический характер, просматривалась в практике советской педагогики.

Одним из ярких примеров этой тенденции является организация и жизнедеятельность Павлышской школы под руководством В.А. Сухомлинского (1918–1970). Он отдавал себе отчет в том, что «детство — важнейший период человеческой жизни, не подготовка к будущей жизни, а настоящая, яркая, самобытная, неповторимая жизнь».

Основа его педагогической системы построена на осознании многоаспектности педагогических взаимодействий, которые понимаются им

1) как неразрывное единство учебного и воспитательного начал;

2) создание условий для разностороннего взаимодействия педагогического и детского коллективов;

3) формирование единого воспитательного коллектива, где учительский и ученический коллективы являются обобщенными субъектами воспитания;

4) расширение сферы воспитания от школьного до семейно-школьного, общественного (социального) воспитания детей и подростков;

Система организации жизнедеятельности, предложенная Сухомлинским, способствовала гуманистическому осмыслению педагогического процесса.

В поиске новых форм родился опыт так называемого содружества школы и производства. В конце 60-х годов он был проанализирован в работах И.Б. Первина, А.Т. Куракина, Н.Д. Шуровой, П.Г. Година. Сопоставление полученных тогда результатов с опытом взаимодействия совре-

менных школ и их базовых предприятий дает возможность уловить тенденции дальнейшего развития. В силу благоприятных условий (наличие крупного производства и сложившихся на его базе сплоченных, социально-зрелых трудовых коллективов, заинтересованное отношение руководителей предприятий и органов народного образования, помощь и поддержка партийных органов, наличие энтузиастов-педагогов и общественников) были разработаны и реализованы на практике модели взаимодействия коллективов школы и промышленного предприятия (Свердловская область), школы и сельского хозяйственного производства (Ставропольский край). Сложившаяся в 60–70-е годы модель взаимодействия школы с производственным коллективом должна уступить место другой модели. Стержнем ее должны стать трудовые связи школы и предприятия. Эти связи инструментуются как связи партнерства, сотрудничества, когда школа и производство выступают на паритетных началах в решении тех или иных задач, заключают между собой договора, проверяют их выполнение.

Педагогическое взаимодействие как самостоятельное понятие входит в научный оборот уже с конца 1960-х гг, хотя часто заменяется уточняющимися синонимами: взаимосвязь, сочетание и т.д. Поначалу подходы к взаимодействию разрабатывались преимущественно в области теории обучения (работы С.П. Баранова, М.А. Данилова, И.Я. Лернера, В. Оконя, М.Н. Скаткина и др.) и характеризуют взаимосвязь абстрактных, научно-теоретических понятий. Но уже в 70-х гг прошлого века акцент в понимании педагогического взаимодействия начинает смещаться из области теоретических построений в практику, точнее, в сферу воспитательной работы. В этот период появляются сборники педагогических научно-практических трудов: «Взаимодействие коллектива и личности в практике коммунистического строительства», «Социально-педагогические проблемы взаимодействия школы и базового предприятия» и т.п. В этот период в педагогических публикациях начинает развиваться направление, связанное с «воспитательными взаимодействиями», «воспитательными системами школы» (В.А. Караковский, Л.И. Новикова, В.Д. Семенов, Н.Е. Шуркова и др.) [4, с. 73–74].

В 80-х гг в отечественной педагогике оформилось новое направление — педагогика сотрудничества, партнерства. Воплощенное в деятельности педагогов-новаторов (Ш.А. Амонашвили, И.П. Волков, И.П.Иванов, Е.И.Ильин, В.Ф.Шаталов и др.), это движение давало возможность эффективных и конструктивных взаимодействий педагога и ученика в учебной деятельности.

Таким образом, изыскания в области образования XX–XXI вв. могут быть отмечены как значимый этап в становлении педагогики взаимодействий. Поэтому актуальной потребностью развития отечественной педагогики является освоение новых форм педагогических взаимодействий, адаптация и коррекция их с учетом специфики образовательного учреждения.

В конце 80-х — начале 90-х гг. необходимость преодоления разрыва между теоретическими изысканиями и реальной практикой образования, т.е. в области педагогических взаимодействий уже ощущается.

Так в учебнике «Педагогика» (1988) под редакцией Ю.К.Бабанского, где впервые было указано, что «взаимная активность, сотрудничество педагогов и воспитываемых в процессе их общения в школе наиболее полно отражается термином педагогическое взаимодействие» [1, с.29]. Эта фраза стала своего рода отправным пунктом научного и практического освоения педагогического взаимодействия как явления.

А.В. Мудрик во «Введении в социальную педагогику» (1997) посвящает взаимодействию отдельную главу. В наиболее общем виде, по его мнению, «взаимодействие можно рассматривать как организацию совместных действий индивидов, групп, организаций, позволяющую им реализовать какую-либо общую для них работу». Основу взаимодействия в социальной педагогике, согласно педагогическому подходу А.В.Мудрика, составляет личностный подход, который, являясь базовой ценностной ориентацией педагога, определяет «стратегию его взаимодействия с личностью и коллективом в воспитательном процессе на основе субъект-субъектных отношений».

В учебном пособии «Педагогическая поддержка ребенка в образовании» (2006) предлагается изучать взаимоотношения и взаимодействия ребенка и взрослого в рамках таких взаимосвязанных друг с другом явлений, как: защита, помощь, поддержка, сопровождение, партнерство.

Партнерство является предметом изучения и вспомогательным средством во многих сферах деятельности человека и рассматривается как процесс взаимодействия, существующих между участниками какой-либо совместной деятельности.

Н.Н. Хридина называет партнерство — формой организации компании, фирмы, которая создается на основе договора между партнерами, в котором оговариваются их права, обязанности, ответственность и т.д.

По мнению П.Н. Третьякова: социальное партнерство — это приемлемый для социальных субъектов вариант отношений, мера консенсуса их потребностей, интересов, ценностных ориентиров, основанных на принципах социальной справедливости.

В.А. Михеев считает социальное партнерство цивилизованной системой общественных отношений в социально-трудовой сфере, строящаяся на согласовании и защите интересов работников, работодателей, органов государственной власти и местного самоуправления на основе договоров, соглашений, компромисса, консенсуса по актуальным проблемам экономической, социально-политической жизни [5, с.237].

Основой понятия «социальное партнерство» выступает конструктивное взаимодействие заинтересованных сторон. Так, в исследовании О.Д.Никольской социальное партнерство в сфере дошкольного образования

рассматривается как особый тип взаимодействия образовательных учреждений с участниками образовательного процесса, государственными и местными органами власти, общественными организациями, нацеленного на согласование и реализацию интересов участников этого процесса.

Для нас значимо психолого-педагогическое наполнение термина «социальное партнерство». Л.Г. Гуслякова рассматривает социальное партнерство как один из видов социальной технологии. По мнению автора, диалог как метод социальной работы — это процесс взаимодействия социального работника и клиента, который выступает в форме социального партнерства, направленного на предотвращение и разрешение социальных конфликтов.

В контексте проводимого нами исследования заслуживает внимание позиция Александровой Т.И., которая дает определение социальному партнерству в системе образования как процессу взаимодействия, при котором представители различных социальных групп, имеющих собственные интересы в сфере образования, организуют совместную деятельность для повышения эффективности данного взаимодействия.

Мы будем понимать под социально-педагогическим партнерством процесс взаимодействия ДОО с представителями различных социальных групп, имеющих собственные интересы в сфере дошкольного образования, с целью развития образовательной среды и повышению эффективности данного взаимодействия.

В трудах Арнаутовой Е.П., Дороновой Т.Н., Даниловой Т.И., Ивановой В.М., Никольской О.Д. и многих других исследователей были разработаны новые подходы к реализации социально — партнерских отношений в ДОО, формы и направления их практической реализации.

Исследователи предлагают свои формы и методы активизации позиций родителей в воспитании детей, в сотрудничестве с детским садом, разработали свои структурно-функциональные модели данного взаимодействия. Наиболее разработанными в системе партнерства представляются технологии социально-психологической работы представителей дошкольного образования с семьей, опирающиеся на отечественный опыт семейной терапии (Э.Г. Эйдемиллер, В.В. Юстицкий и др.), семейное консультирование (Ю.А. Алёшина, А.А. Бодалев, А.И. Луньков и др.)

В современных условиях особая роль уделяется управленческому мастерству. Перед руководителем образовательного учреждения стоят задачи динамичного развития содержания воспитательно-образовательной работы, повышение ее эффективности и качества. В условиях ограниченного финансирования деятельности ДОО, приводящего в ряде случаев к невозможности для детских садов решать свои текущие вопросы хозяйственной деятельности и материального стимулирования работников, огромную практическую значимость приобретают знания руководителями ДОО законных способов привлечения внебюджетных финансовых материальных средств: ис-

пользование благотворительной деятельности граждан и организаций, заключение договоров дарения, пожертвования и принятия наследства по завещанию [3, с. 87].

Итогом становления социально-педагогического партнерства как явления будет считаться:

* Привлечение в образовательный процесс ДОУ большого количества социально-педагогических партнеров;

* Интеграция усилий всех социально-педагогических партнеров с целью развития образовательной среды дошкольного учреждения;

* Оптимизация совместной деятельности с представителями различных социальных структур: педагогические

вузы, общеобразовательные школы, психолого-медико-педагогические комиссии, детские поликлиники, культурные центры, спортивные организации, дошкольные образовательные учреждения, общественные организации, депутатский корпус и др.;

* Обеспечение учета требований работодателей к качеству образования дошкольников и к содержанию подготовки педагогов ДОУ;

* Упрощение процедуры корректировки старых и разработки новых методических материалов и образовательных программ, отвечающих требованиям государственного образовательного стандарта.

Литература:

1. Бабанский Ю.К. Педагогика: учеб. пособие [Текст] / Ю.К.Бабанский. — М.: Просвещение, 1988. — 386 с.
2. Доценко И.Г. Социально-педагогическая деятельность: от классики до современности [Текст] / И.Г.Доценко // Педагогика. — 2009. — № 1. — С.50—54.
3. Казакова И.Н. Привлечение внебюджетных средств в ДОУ: пособие [Текст] / И.Н.Казакова. — М.: ТЦ Сфера, 2006. — 144 с. — (Приложение к журналу «Управление ДОУ»).
4. Коротаева Е.В. Педагогическое взаимодействие: опыт проблемного анализа: моногр. [Текст] / Е.В.Коротаева. — Екатеринбург: УрГПУ, 2007. — 276 с.
5. Михеев В.А. Основы социального партнёрства: теория и политика: учеб. пособие [Текст] / В.А.Михеев. — М.: Экзамен, 2001. — 448 с.
6. Слободчиков В., Громыко Ю. Российское образование: перспективы развития [Текст] / В. Слободчиков, Ю.Громыко // Директор школы — 2000. — № 2.
7. Сорока-Росинский В.Н. Педагогические сочинения [Текст] / В.Н.Сорока-Росинский. — М.: Педагогика, 1991. — 238 с.
8. Фролова И.Т. Философский словарь [Текст] / И.Т.Фролова. — М.: Политиздат, 1981. — 365 с.

Некоторые особенности обучения профессии: на основе семейного образования в узбекской семье

Бегматова Д.М., аспирант

Самаркандский государственный институт иностранных языков

Вопросы профессиональной социализации в семье являются актуальными и важными для узбекской семьи. Так как профессиональная социализация внутри семьи, как традиционно, так и в нынешнее время, активно практикуется. И данным ракурсе семья является ключевым звеном подготовки требуемых специалистов в различных сферах деятельности. Учитывая что Узбекистан перешел на рыночные экономические отношения и всячески развивает малый и средний бизнес, то вопрос о профессиональной социализации в семье становится злободневным в нескольких ракурсах: и для самих семей, и для подрастающего поколения, в плане их профессиональной подготовки и подготовленной интеграции в жизнь социума, и для системы образования, и для развития экономики страны.

В Узбекистане некоторые профессиональные навыки и умения, касающиеся национальных ремесел и кустар-

ного производства передавались из поколения в поколение именно в институте семьи, и семья являлась полигоном формирования специалистов.

Что является семейным обучением?! Семейное обучение это организация педагогического процесса в рамках и условиях семьи, с использованием возможностей, традиций, целей семьи, и главной задачей семейного обучения является формирование специалиста.

Как в недавнем прошлом, так и многие тысячелетия назад, ремесленные и кустарные производства являлись семейным делом, делом чести и достоинства. Семейный выбор производственного дела становилось основной социализации всей семьи, ее главным атрибутом, на базе которого общество определяло данной семье ее социальный статус. После независимости в Узбекистане национальные традиции семейного образования и профессиональной социализации процесса обучения были

возрождены. Сегодня, когда были профессионально восстановлены и государством юридически защищены институты ремесленного и кустарного производства, спрос на семейное образование в различных ее формах все более развивается и широко используется. Среди широко применяемых в нынешнее время, но традиционно существовавших национальных ремесел и кустарных производств, можно перечислить следующие виды работ:

- хлебопечение (*нонвойлик*, узбекские лепешки);
- золототкаческий и златошвейный промысел (*зардўзлик* — шитье халатов золотыми нитками, парчовых халатов);
- золотых дел мастер (*заргар* — ювелирное искусство);
- профессия живописца (*наққошлик*);
- гончарное ремесло (*кулол*);
- производство и сооружение тандыров (*тандирсоз* — печей для печки лепешок);
- производство и вышивание тюбетеек (*дўппидўзлик*);
- знахарство, т.е. народная медицина (*табиблик*);
- строительство домов (*курувчи*);
- сооружение для зимнего периода сандалов, специальных сооружений, служащих для согрева помещения и людей (*сандалсоз*);
- поварное искусство (*ошпаз*);
- подготовка образованных женщин-педагогов, которые обучали женщин грамоте, давали образование по гуманитарным наукам (*отин ойи*);
- сооружение сундуков (*сандиқдўзлик*);
- сооружение национальных спальных убавкивающих кроваток для новорожденных (*бешиқдўзлик*);
- изготовление детских игрушек (*қўғирчоқсозлик*);
- ткачество, в особенности натурального шелкового атласа и мн. др.

В народном творчестве узбеков можно найти очень много примеров, когда именно профессиональное качество становилось основой формирования различных пословиц, поговорок, песен и танцев. Например, «Цену золота может оценить только ювелир» (Зар кадрили заргар биледи), «В доме горски муки нет, но есть два тандира» (Уйда чакса уни йўк, том бошида қўш тандир — это сказано о спесивом человеке), «Бош омон бўлса, дўппи топилади» (Была бы голова целая, а тюбетейка найдется), «Дўппини ерга қўйиб ўйламоқ» (Серьёзно обдумать, буквально — Спокойно подумать, поставив тюбетейку на землю), «Тилла сандиқ очилди, ерга бодом сочилди» (Открылся золотой сундук, и на землю посыпался миндаль) и др.

Особенности педагогического процесса в семье характеризуется тем, что именно родители, часто отец, или мать, выступают в роли педагога, человека, который целенаправленно организует, направляет и производит процесс обучения. Для них, т.е. для родителей собственные дети являются субъектом обучения. Но довольно часто родители не имеют специального педагогического образования. По-

этому они организуют данный процесс стихийно, на основе рефлексии происходящего момента и определения тех или иных прерогатив. В семейном обучении и речи не может быть о научном подходе. Данный процесс зависит от многих составляющих, что вредит качеству обучения, так как данный процесс можно прервать в любое время (нужно посмотреть за младшим братом), можно отказаться от него (сегодня не занимаемся, так как свадьба у родственников), в данном процессе нет его всесторонней разработанности (учебных планов, эпатов передачи материала и организации учебного процесса, учебников, методических разработок), волеизъявления самого учащегося (т.е. часто родители решают за детей, что они будут обучаться тому или иному ремеслу), в данном процессе не всегда соблюдаются педагогические нормы и условия труда (получили заказ, выполняется вразрез усталости или сна) и т.д.

Но не смотря на эту внешнюю профессиональную некомпетентность обучающего персонала и отсутствие методических вспомогательных материалов, в семейном обучении результативность процесса обучения бывает очень высока. Потому что данный процесс имеет такие особенные характеристики, которые способствуют полноценному и всестороннему овладению профессией, как:

а) Именно семейно передается самая необходимая, важная и секретная информация о профессии, которая способствует разработке продукта наивысшего качества и формирует человека-профессионала — мастера своего дела. Внутри этой секретной информации находятся и секретные условия производства, и ингредиенты, необходимые в каждом конкретном случае, и технология производства, и способы работы, и мастерство производителя. В узбекской семье традиционно такие секреты передавались чужим только в том случае, если у семьи не было продолжителя рода, т.е. не был рожден мальчик, или ребенок.

б) Семейное обучение изначально направлено на результативность. Если нет результативности, то и семейного обучения не будет. Т.е. если семейное обучение не справляется задачей передачи необходимых знаний, то оно отказывается, отказывается не от себя, как способа организации обучения, оно отказывается от ученика, находит именно такого, кто будет способствовать не только передачи знаний и навыков, но и будет способен сохранить и развить традиции. Именно передача всей накопленной бызы данных, всех навыков и умений является основной целью семейного обучения. Для семейного обучения важно, чтобы подготовленный специалист мог давать запланированный результат. Таким образом, результативность семейного образования при обучении ремеслам и кустарному производству основывается не на насыщенности учебного процесса различными педагогическими технологиями и методами (хотя здесь также наблюдается активность и изобретательность), а на подборе наиболее совершенной кандидатуры для их передачи.

в) Семейное обучение это — непрерывное обучение. Оно может происходить в любое время, и в любых условиях. Семейное обучение это на самом деле реально внед-

ренный в жизнь и деятельность конкретного индивидуума интерактивный педагогический процесс, в котором постепенно, закономерно, целенаправленно и рефлексивно созревает, т.е. формируется будущий специалист. В семейном образовании есть полноценный, доступный, основанный на обоюдном доверии, личностный контакт. Ученик может спросить у преподавателя тот или иной вопрос именно тогда, когда он будет готов задать этот вопрос. И получит ответ на него, так как прежде всего в образовании, в формировании данного ученика заинтересован педагог. В семейном образовании — формирование специалиста является жизненной позицией педагога, его стремлением и целью. Есть большие плюсы в этом, ученик интересуется проблемой, и именно тогда, когда он эмоционально, эмпирически, диалектически и умственно готов к получению ответа, тогда он его и получает. Социальный заказ в умах и чаяниях ученика, помогают ему быстрее и результативнее осваивать заданный урок. Данная непрерывность и основательность дает свои плоды, в виде результативности всего педагогического процесса.

г) Семейное обучение — это национальные и семейные традиции, мораль, эстетика и духовная направленность конкретной семьи. Поэтому, семейное образование это часть духовно-нравственной составляющей всего общества. Это образец саморегуляции, самостоятельности, самоопределения общественных институтов. Поэтому, сегодня семейное образование необходимо признать как неформальную часть системы образования государства.

д) 2011 год в Узбекистане объявлен годом развития малого и среднего бизнеса. Одним из активно формирую-

щихся направлений малого и среднего бизнеса в Узбекистане является развитие народных ремесел и кустарного производства. Т.е. развитие государственности, экономики страны, малого и среднего бизнеса нельзя представить без народных промыслов. Следовательно, необходимо поощрять и развивать семейное образование, направленное на передачу знаний, навыков и умений по национальным ремеслам. Необходим научный педагогический подход к семейному образованию. Необходимо насыщать и вооружать семейное образование современными новыми педагогическими методами и технологиями. Нужно переосмыслить опыт и деятельность семейного процесса обучения, для определения необходимых трансформаций.

е) Семейное образование в Узбекистане заполняет необходимую нишу в системе образования. Но, семейное образование несмотря на то, что оно формирует специалистов пока официально не признано. Оно продолжает действовать вне системы официального образования. Хотя и для семейного образования важны такие вопросы, как обмен педагогическим опытом, обмен педагогических форм, способов, технического оснащения и вооружения новыми технологиями. Поэтому, крайне важно включать семейное образование в широкомасштабную деятельность по развитию инновационной педагогики.

Таким образом, семейное образование в Узбекистане имеет свои исторические корни и сегодня важно использовать потенциал семейного образования для развития малого и среднего бизнеса, для продвижения страны по пути прогресса.

О некоторых возможностях применения игровых упражнений при изучении грамматики немецкого языка

Беззубова В.В., аспирант

Военное государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования (г. Москва)

Ни один из аспектов обучения иностранному языку не был на протяжении многих лет предметом столь интенсивных обсуждений и дискуссий, как грамматика.

Известно, что грамматика немецкого языка объективно трудна для усвоения. Часто у слушателей снижается мотивация изучения немецкого языка именно из-за трудностей грамматического оформления высказываний.

Анализируя немецкую грамматическую систему, Е.В. Шуман выделил ряд особенностей, объясняющих, почему русскоязычным обучающимся не легко изучать немецкий язык [2, с. 93]. Одной из них является внутрисловесная синтаксическая особенность, заключающаяся в наличии в немецком языке глаголов с отделяемыми приставками и возвратных глаголов. Внутрисловесной синтаксической особенностью возвратных глаголов является строго определенное соотношение между личной формой глагола

и возвратным местоимением, ведущее к обязательному употреблению минимум двух слов в рамках глагола-сказуемого в предложении.

Употребление возвратных глаголов не должно осложнять процесс грамматического оформления учащимися своих высказываний. Помочь обучающимся в овладении таким сложным грамматическим явлением как возвратные глаголы, можно посредством игры.

Используя игровые упражнения на занятии по иностранному языку при работе над грамматической стороной речи преподаватель одновременно решает целый ряд учебных задач. Во-первых, работа над сложными грамматическими явлениями иностранного языка проходит в непринужденной атмосфере игры, которая способствует более быстрому и прочному усвоению материала с затратой минимальных усилий со стороны слушателей.

Во-вторых, с помощью игр преподаватель осуществляет оценку уровня остаточных знаний по изучаемой теме (если слушатели были знакомы с данным грамматическим явлением ранее), не концентрируя на этом внимание группы. В-третьих, достигается максимально интенсивное и одно-временное включение обучающихся в процесс обучения, что не всегда удается в рамках традиционного занятия.

В данной статье сделана попытка представить систему игровых упражнений, применяемых при изучении возвратных глаголов на материале лексической темы «Alltag/Tagesablauf».

На этапе знакомства с данным грамматическим явлением, после первичного предъявления материала можно провести игру-догадку, в которой слушателям предлагается вычленив из текста (приложение №1) рефлексивные глаголы с возвратными местоимениями и заполнить таблицу (таблица №1).

приложение №1

«Katarinas Party»

Warum setzt du dich nicht an den Tisch, Markus, nimm doch Platz! Und ihr Alex und Ursula, warum steht ihr an der Tür, kommt an den Tisch, setzt euch! Hallo, Ursula! Alex! Hört ihr mich nicht? Setzt ihr euch endlich? Oder bleibt ihr an der Tür stehen? Und was macht da Peter, der muss neben Anton sitzen, aber er setzt sich neben Anne. Was kann das bedeuten?

Und diese lauten Zwillinge? Wo sind sie am Tisch? Ach ja, die beiden setzen sich gerade auf das weiche Sofa links von dem Tisch. Und ich? Ich setze mich, natürlich mit meiner lieben Susanne! Und zusammen setzen wir uns an das Fenster.

Таблица 1.

ich	wir
du	ihr
Er/sie	Sie

После того как таблица заполнена, игрокам предлагается восстановить отсутствующие формы глаголов, личных или возвратных местоимений в ниже следующем тексте (приложение №2).

Markus setzt _____ links von Katharina. Alex und Ursula _____ sich neben ihn. Die Zwillinge sagen: «_____ setzen _____ nur neben Anna». Anton ist unzufrieden: «Wieso _____ euch neben Anna? Ich will _____ neben Anna setzen». Anna ist glücklich: «Setzt _____ neben mich? Super!» Sind alle am Tisch? Aber nein! Susanne fehlt wie immer. Ach ja, da kommt sie schon und _____ rechts von Katharina.

Следующим примером игрового упражнения, которое можно использовать как на этапе тренировки, так и на этапе контроля, является настольная игра «Mein Tagesablauf» [3, с. 71–72]. Для этой игры понадобится кубик, монетки вместо фишек и настольная карта (приложение №3).

Вначале преподаватель просит обучающихся поставить их фишки (монетки) на то время, в которое они обычно встают. Далее игроки по очереди кидают кубик и продвигаются по игровому полю, рассказывая при этом, что они делают в это время. При этом необходимо обратить внимание игроков на то, что каждое предложение должно содержать указание на время (um ...Uhr ich). За каждое правильно сформулированное предложение игроки получают баллы (от 1 до 3 на усмотрение преподавателя). В случае, когда слушатель называет осуществляемую им деятельность недостаточно точно или слишком обобщенно, другие игроки могут задавать ему уточняющие вопросы. Для поддержания интереса в процессе игры можно ввести следующее правило: когда кто-то из игроков первым объявляет о том, что в это время у него начинается учеба, объявляется «стоп-игра!» (Spielstop!)? это означает. Что все игроки переставляют свои фишки на 30 минут назад. Игра продолжается. Достижение цели, является вторичным, так как основным является правильная формулировка предложений и получение максимального количества баллов.

Еще одним игровым заданием, применяемым на этапе тренировки, является игра-пантомима. В основе данной игры лежит групповая работа. Обучающиеся делятся на две группы, каждая из которых получает набор карточек (приложение №4). Участники по очереди берут одну картинку и представляют изображенное на ней действие, предлагая своей команде угадать глагол, описывающий его. Участнику, отгадавшему глагол, предстоит придумать с названным глаголом несколько примеров.

Данные пантомимические упражнения служат не только для развития двигательной памяти, но и, прежде всего, реализации учебной цели на занятии, а именно тренировки и закреплению грамматического материала. Они также помогают отвлечься и «разрядить» обстановку на занятии.

При более углубленной работе над возвратными глаголами немецкого языка в рамках лексической темы «Alltag/Tagesablauf» в целях знакомства и пассивного усвоения дополнительного лексического материала (themenübergreifender Wortschatz) предлагается после двукратного предъявления глаголов (сначала в тексте, а затем в языковом упражнении на тренировку формообразования) следующее игровое задание (таблица 1).

Отдельной трудностью в работе с возвратными глаголами является их употребление в составе сложного глагольного сказуемого (в сочетании с модальными глаголами) а также образование форм императива. Их тренировке должно уделяться особое внимание, поэтому считаем необходимым посвятить этой теме дополнительное время, предложив слушателям следующую «Игру-ситуацию», состоящую из 2 инсценировок. В игре принимают участие 3–5 человек. Один из них берет на себя роль старшины роты, остальные играют новобранцев.

Инсценировка 1. Слушатель, играющий роль старшины, должен объяснить солдатам распорядок дня в

Приложение № 3.

9.30	9.45	10.00	10.15	10.30	11.00 Nacht	S T A R T
9.15	9.00	8.45	8.30	8.00	7.45	
6.15	6.30	6.45	7.00	7.15	7.30	
6.00	5.45	5.30	5.15	5.00	4.45	
3.00	3.15	3.30	3.45	4.00	4.30	
2.45	2.30	2.15	2.00	1.45	1.30	
12.00	12.15	12.30	12.45	1.00	1.15	
11.45	11.30	11.15	11.00	10.45	10.30	
9.00	9.15	9.30	9.45	10.00	10.15	
8.45	8.30	8.15	8.00	7.45	7.30	
Z I E L	6.00 Tag	6.15	6.30	6.45	7.00	7.15

Приложение № 4
Reflexive Verben

армии, используя возвратные глаголы / выражения с ними (sich kalt waschen, sich hei duschen, sich schnell rasieren, sich kämmen, sich erholen, sich ausruhen, sich tagüber beeilen, sich über Befehle nicht ärgern, sondern freuen sich immer edel benehmen, sich vorstellen, sich kein Filme ansehen, sich um Schwächeren kümmern, sich an Aufgaben erinnern, sich in der Armee wohl fühlen, sich anziehen, sich ausziehen, sich umziehen) в сочетании с модальными sollen и dürfen.

Слушатели, играющие роль солдат, должны не только выразить готовность к выполнению приказа, но и задать уточняющие вопросы, например:

Ihr sollt euch morgens duschen.	Ja, wir sollen uns morgens duschen. / Ja, ich soll mich morgens duschen.	Wie schnell sollen wir uns morgens duschen? / Wie schnell soll ich mich morgens duschen?
Ihr dürft euch von 12.00 bis 13.00 ausruhen.	Ja, wir sollen uns von 12.00 bis 13.00 ausruhen. / Ja, ich soll mich von 12.00 bis 13.00 ausruhen.	Sollen wir uns von 12.00 bis 13.00 ausruhen und dabei fernsehen? / Soll ich mich von 12.00 bis 13.00 ausruhen und dabei fernsehen?

Таблица 1.

1. Hast du _____ schon um einen Studienplatz an der Uni _____?	sich beeilen
2. Ich hatte gestern Fieber, aber heute _____ ich _____ wieder besser.	sich freuen
3. Ich möchte _____ heute die Ausstellung «Briefmarken der Welt» _____.	sich fühlen
4. Nach dem Fußballspiel waren wir so schmutzig, dass wir _____ sofort _____ mussten.	sich benehmen
5. Ich möchte _____ diesen Pullover _____, aber leider kann ich ihn _____ nicht _____.	sich vorstellen
6. Hans _____ bitte die Hände vor dem Essen.	sich ansehen
7. Habt ihr _____ schon für eine neue Wohnung _____?	sich leisten
8. Wir _____ schon auf die Weihnachtsferien.	sich irren
9. Er hat nicht recht gehabt, er hat _____.	sich bewerben
10. Darf ich _____, mein Name ist Enzensberger.	sich entscheiden
11. Die Menschen sollten _____ um die Umwelt _____.	sich kümmern
12. Wir müssen _____, dass wir nicht zu spät kommen.	sich ärgern
13. Das Leben in Deutschland hatte ich _____ ganz anders _____.	sich erinnern
14. Ich habe Peters Adresse vergessen; könnt ihr _____ noch an seine Adresse _____?	sich waschen
15. Er hat _____ schlecht _____; ich habe _____ über sein schlechtes Benehmen sehr _____.	sich verletzen
16. Achtung, hier liegt Glas, du musst aufpassen, dass du _____ die Füße nicht _____.	sich kaufen

Инсценировка 2. Слушатели инсценируют первое утро в казарме. Старшина пытается разбудить проспавших подъем солдат громкими репликами в форме императива, например *Wascht euch schnell!*, солдаты торопятся выполнить приказание, призывая друг друга к действию. Например, *Waschen wir uns schnell!* (слушатели используют выражения из первой инсценировки).

Принимая на себя определенную роль, человек говорит не от своего имени, а от имени персонажа, что способствует снятию психологического барьера при говорении на иностранном языке, а также помогает активизировать пассивные знания лексики и грамматики.

Игра позволяет сгладить внутренние противоречия

личности, в ней происходит «внутреннее уравнивание», поэтому у учащихся в условиях игрового обучения обычно улучшается актуальное психологическое состояние» [Арутюнов, Чеботарёв, Музруков, 1984: 9]. Переход от обычной работы к игровой деятельности, сам процесс включения человека в игру отвлекает его от обычного состояния, вносит элемент новизны в его жизнь, что само по себе способно поднять настроение человека.

Итак, игра является инструментом обучения, который активизирует мыслительную деятельность обучаемых, позволяет сделать учебный процесс привлекательнее и интереснее, заставляет волноваться и переживать, что формирует мощный стимул к овладению языком.

Литература:

1. Арутюнов А.Р., Чеботарёв П.Г., Музруков Н.Б. Игровые задания на уроках русского языка: Книга для преподавателя. М.: Русский язык, 1984. 217 с.
2. Шуман Е.В. Учёт специфики грамматики немецкого языка в учебном процессе //Иностр. языки в школе — 2006. — № 4. — с. 93—98.
3. Rinvolucr M., Davis P. 66 Grammatikspiele Deutsch als Fremdsprache. Ernst Klett Sprachen GmbH, Stuttgart, 1999. 118 с.

Нравственное воспитание школьников на уроках истории

Горшенина Н.М., учитель истории и обществознания
МОУ СОШ №4 (Татарстан, г. Лениногорск)

*Воспитание — великое дело:
им решается участь человека.*
В.Г. Белинский

В числе глобальных проблем человечества проблема воспитания подрастающего поколения для всех народов и государств является одной из самых актуальных. В процессе воспитания личности исключительное значение имеет формирование ее нравственности.

Задача истории, как предмета гуманитарного цикла, сводится к тому, чтобы способствовать формированию нравственных качеств на основе знакомства с историческим опытом народов, выработанным человечеством и передаваемым им духовные ценности. Так источниками нравственной культуры могут стать:

- труды выдающихся мыслителей отечественных и зарубежных;
- народная педагогика;
- нравственные формы религиозных учений, притч, сказаний, легенд;
- произведения искусства, где воплощены духовные идеалы.

Исторический материал на уроке должен осмысливаться учениками разумом и сердцем, влиять на формирующиеся ценности, на складывающуюся этическую и нравственную культуру и, в конечном счете, на самовоспитание учеников. Роль учителя истории в этом процессе становится побудительной и направляющей, но, ни в коем случае не навязывающей свои ценности.

Воспитательные задачи урока можно свести к следующим:

- научить определять суть и содержание духовных ценностей, без которых не обходилась ни одна эпоха, (что есть добро и зло и как менялись представления о них в разные периоды истории человечества; какие эпохи двигались в сторону нравственного прогресса, а какие склонялись к материальным ценностям; какие цивилизации не выдержали испытание временем и почему их ценности оказались слабее других цивилизаций и т.д.);
- вызывать к высшим ценностям (любви, мужеству, братству, самоуважению к жизни, согласной с идеалами), в равной степени показывая и злой опыт истории;
- способствовать формированию толерантности в отношении тех ценностей, которые существуют в разных цивилизациях и в отношении ценностей, носителями которых являются другие учащиеся.

Уроки истории призваны помочь пережить и осмыслить великие свершения прежних времен, использовать все положительное в прошлом. Ведь извечно желание здорового общества: так воспитать детей, чтобы они наследовали и приумножали материальные и духовные ценности, созданные человечеством. Однако критический анализ

пережитого показывает: прошлое нельзя воспринимать в идиллическом свете. В жизни наших предков было немало негативного. Изучение истории помогает нам преодолеть то, что было отрицательного в прошлом.

При изучении истории сегодня, когда, например, вскрываются факты страшных преступлений сталинизма, возникает желание выступить в роли судьи. Но нужно удержаться и учеников от стремления судить своих предков, на чью долю выпали войны, революции, террор. Нравственная задача учителя при этом — «перенести» школьников в изучаемую эпоху, добиться ее глубокого понимания. Недопустимо и снисходительно — ироничное отношение к историческому материалу, что может принести учителю легкую популярность, но не способствует воспитанию историей. Сопереживание и сострадание человеку прошлого — вот что необходимо на уроке.

Школьные уроки истории побуждают подрастающего человека мыслить, вызывают желание дерзать, быть душевно причастными к великим деяниям народа. Идет урок в 8 классе по теме «Тайные общества. Выступление на Сенатской площади». Обычное вступление. Объявляю тему. Настороженное выражение лиц учащихся. И вот перед учащимися репродукция картины художника Р.Р. Ференца «Восстание декабристов на Сенатской площади». Я описываю ее: «Зимний день. На берегу реки Медный всадник. У памятника Петру на Сенатской площади с ружьями наперевес застыли войска. Гремит залп. В кого стреляют солдаты? Почему здесь разыгрывается трагедия? Обо всем этом мы узнаем вскоре. Но чтобы правильно понять то, что произошло в декабрьский день 1825 года в Петербурге, вернемся к периоду, когда разгромившие Наполеона войска возвращаются домой». Продолжаю свой рассказ, обращаю внимание, что главным стимулом возникновения освободительного движения среди дворянской военной молодежи было чувство патриотизма. Эту мысль подчеркиваю отрывками из стихов, высказываниями декабристов. Гремит на уроке голос Рылеева, беспощадный Пестель приговаривает к смерти семью царя. Перед учащимися встает плеяда истинных и верных сынов Отечества.

Большую роль в нравственном воспитании на уроках играет оценочная деятельность школьников. Ребенок самостоятельно осмысливает как собственный нравственный опыт, так и опыт других людей. При изучении темы «Знать и рыцарство в средние века» по всеобщей истории в 6 классе дети узнают об этических нормах класса феодалов, которые использовали доходы от войн, грабежей и труда крестьян в основном на подарки, охоту,

содержание большой свиты слуг и воинов. Знатный феодал должен быть щедрым, не считая денег, тратить свое богатство, делая это напоказ. Для него достойными занятиями были война, рыцарские подвиги, а тяжелые заботы о хлебе насущном он предоставлял «грубой черни». В сказаниях о рыцарях в 10–12 веках воспевались смелость, воинская удаль, презрение к смерти. Позднее, в 12–14 вв., в период расцвета рыцарской литературы, главным мерилom оценки поведения стала «честь». Феодалы приписывали высокие моральные качества только своему классу, связывая их с «благородным происхождением». Считалось, что «благородные» наделены от рождения и лучшими моральными качествами: они храбры, щедры и великодушны. К «неблагородным» правила рыцарской чести не применялись. В повседневной жизни, в семье феодалы были грубы, жестоки. Провожу с ребятами беседу, чтобы установить современное значение нравственных понятий и терминов, о которых шла речь на уроке. Выясняем, что благородным сейчас называют человека честного и справедливого, рыцарским называем смелое и великодушное поведение. Когда в наши дни человек желает подтвердить правдивость сказанного, он дает слово «чести» — честное слово.

Эффективным приемом нравственного воспитания являются специально составленные познавательные задачи. Они классифицируются по содержанию, уровню сложности познавательной деятельности учащихся, по их роли в учебной деятельности. По содержанию можно выделить задачи на раскрытие отношения к людям труда, на раскрытие отношения к труду. Учащиеся, отвечая на поставленные вопросы, используют полученные ранее знания, например, о подсечном земледелии. Они говорят о том, в чем состоит сельскохозяйственный труд, подчеркивают, что для выполнения этой работы нужны сноровка, сила, опыт, настойчивость, воля, трудолюбие.

К урокам иногда, следуя совету Лизинского М.Н., использую эпиграфы: «Ты хочешь стать лучше — тебя ждет дорога. Лень преследует всех — попробуй преследовать ее сам. Горчица — самое замечательное лекарство от вредности. Каждый раз, когда хочется о ком-нибудь сказать

плохо, его можно воспользоваться». Такие фразы создают положительный настрой у ребят и способствуют их хорошей работе на уроке. На уроках истории дети воспитываются историей. Учащиеся должны понять, что история, прежде всего, учит их не быть слепой и жалкой игрушкой, средством в руках политиканов. За красивыми словами и лозунгами следует распознавать истинные цели тех, кто за ними стоит, и научиться делать осознанный выбор.

Памятка учителю истории

1. Задача учителя истории — дать работу душе ученика, чтобы опыт времени и предыдущих поколений был в его руках, как компас, открыл дорогу собственному опыту жизни, провел ученика по следам тех, кто оставил нам после себя тропы своего времени и своих жизней.
2. Задача учителя любить историю, которую ты преподаешь, и любить тех, кому ты её преподаешь.
3. Воспитывать историей — это значит решать судьбу не только одного человека, но и державы в целом.
4. Научи учеников искать следы истории, чтобы по ним проникнуть в глубину исчезнувших столетий.
5. Покажи ученику, что укрепление Отечества шло рука об руку с его защитой.
6. Не превращай прогулку по дорогам истории в беготню, внимательно рассмотри богатство исторического наследия на всем историческом пути народов.
7. Будь наблюдателем прошлого, а не прокурором, научи детей понимать минувшие эпохи с позиции образа жизни тех народов и людей, которые ты изучаешь.
8. Помоги разглядеть в истории поток времени, в который дети должны влиться своими жизнями.
9. Пробуди нравственным примером из истории сердце и мысль учеников и дай возможность поработать над своим нравственным выбором.
10. Помоги понять ученикам, что опыт истории дан им для размышления над своим настоящим и будущим.
11. Будь уважителен к выбору ученика и его нравственной позиции.

Литература:

1. Барташева Н.А., Воронина М.В. Духовная жизнь России: имена, идеи, лица. // Первое сентября, — 2008, № 20.
2. Бахтина О.И. Нравственное воспитание в 5 классе. // Преподавание истории в школе, 2007, № 1
3. Лизинский В.М. Приемы и формы в учебной деятельности. М.: Педагогический поиск, 2009.
4. Михеев Б.Н. Формирование гуманистических чувств на уроках истории. // Преподавание истории в школе, 2009, № 5

Развитие образной памяти детей старшего дошкольного возраста с нарушениями слуха

Горькина Е.В., студент

Научный руководитель: Голицына Н.В.

Московский педагогический государственный университет

В данной статье представлены способы экспериментального исследования образной памяти у детей старшего дошкольного возраста с нарушениями слуха. В ней описаны некоторые методики коррекционной работы, направленные на развитие образной памяти детей данной категории, а также представлены варианты обработки и оценки результатов. Приемы и методы, представленные в статье, могут быть применены практическими работниками в дошкольных учреждениях на занятиях и во внеурочной деятельности.

Ключевые слова: дети с нарушениями слуха; старший дошкольный возраст; образная память; коррекционная работа; социальная адаптация.

Под памятью в психологии понимаются процессы организации и сохранения прошлого опыта, делающие возможным его повторное использование в деятельности или возвращение в сферу сознания.

Память — важнейшая психическая функция, лежащая в основе обучения. В процессе психического развития происходит изменение способов запоминания, возрастает роль выделения в материале семантических связей, т.е., как и другие высшие психические функции, память из непосредственной превращается в опосредованную, из произвольной — в произвольную. Кроме того, происходит возрастание объема запоминаемого материала, увеличение прочности его удержания.

Память как познавательный процесс обеспечивает целостность и развитие личности. Из всех видов памяти — моторной, эмоциональной, образной и словесно-логической, особое внимание в этой работе уделяется образной памяти. Исключительно сильная образность лежит в основе феноменальной памяти. Механизм образной памяти совершенно противоположен. Сначала человек воспринимает события, цифры, буквы, слова и переводит в безграничный запас образов.

В настоящее время в детской психологии и педагогике, проблема развития образной памяти у детей с нарушенным слухом является одной из актуальных и обсуждаемых, поскольку образная память обеспечивает адаптацию личности ребенка, за счёт подсознательной переработки поступающей информации. Существенный в этом направлении поиск позволил ведущим ученым-дефектологам, таким, как Р.Д. Бабенкова, В.З. Базаев, Н.Г. Байкина, Р.М. Боскис, Т.А. Власова, Л.С. Выготский, А.П. Гозова, А.И. Дьячков, В.Н. Зайцева, Т.С. Зыкова, А.О. Костянян, В.И. Лубовский, Т.В. Розанова, Б.В. Сермеев и др., внести весомый вклад в содержание обучения и воспитания слабослышащих и глухих детей, в разработку основ подготовки таких детей к активной самостоятельной жизни. Учитывая огромную значимость развития психических процессов в интеллектуальном становлении ребёнка с нарушениями слуха, большую роль играет развитие образной памяти. Как считал Л.С. Выготский, память становится домини-

рующей функцией и проходит большой путь в процессе своего становления.

Образная память у неслышащих детей так же, как у слышащих, характеризуется осмысленностью. Процесс запоминания у них опосредуется деятельностью по анализу воспринимаемых объектов, по соотнесению вновь воспринятого с удержанным ранее. В то же время специфические особенности развития зрительного восприятия, в первую очередь то, что неслышащие дети отмечают в окружающих предметах и явлениях яркие, контрастные признаки, часто — несущественные, влияют на эффективность их образной памяти. Неслышащие дети раньше познают в объектах специфическое, чем особое и общее, отмечают несущественные детали в ущерб главным, но менее заметным. У слышащих детей эти два вида познания предметов развиваются одновременно, что приводит к всевозрастающему у них числу «ступеней специфического узнавания». Особенности возникающего образа предмета зависят от восприятия и влияют на последующее запоминание и воспроизведение.

Нами было проведено экспериментальное исследование образной памяти детей старшего дошкольного возраста с нарушениями слуха. Экспериментальное исследование проводилось в подготовительной группе детского сада компенсирующего вида и для сравнения мы исследовали детей с сохранным слухом. В экспериментальном исследовании было задействовано восемь детей с нарушениями слуха и восемь детей с сохранным слухом. Для обследования нами были подобраны и модифицированы методики: Р.С. Немова; Т.Е. Рыбакова; Т.Е. Розановой; С.Д. Забрамной, О.В. Боровик. Выбранные нами методики исследования образной памяти подходят для проведения диагностического психолого-педагогического обследования детей старшего дошкольного возраста с нарушениями слуха.

«Запомни фигуры». (Р.С. Немов.)

Цель: Определить особенности зрительной памяти.

Оборудование: Доска, мел, листочки бумаги, ручки;

Условия игры: просмотрев все 5 фигур, ребята должны в течение 5 минут на своем листке бумаги восстановить по памяти увиденное.

Ход занятия: Мы повторяем с ребёнком геометрические фигуры. Утвердившись, что ребёнок знает их, рисуем на доске 5 геометрических фигур (круг, квадрат, прямоугольник, треугольник, овал). Ребёнок должен внимательно посмотреть и запомнить их. И, через 7–8 секунд стираем с доски все геометрические фигуры и просим ребёнка нарисовать все фигуры, которые он запомнил в той же последовательности.

Оценка результата: высокий уровень — когда ребёнок по памяти рисует все 5 геометрических фигур в той же последовательности; средний — 5 и 4 в разной; низкий — 3 и т.д.

«Узнавание фигур» (Т. Е. Рыбаков).

Цель: Определить уровень развития произвольной образной памяти;

Оборудование: Рисунок (А) и рисунок (Б).

Рис.А

Рис.Б

Ход занятия: Наглядный материал представлен на (рис.А). Мы используем наглядный материал, подготовленный, для данной методики в течение 10 сек. Показываем ребёнку рисунок (А) (девять различных фигур) с установкой запомнить предъявляемые фигуры. Затем рисунок убираем, а ребёнку немедленно предъявляется рисунок (Б), где все виденные схематические фигуры из рисунка (А) разбросаны среди других двадцати пяти фигур. В рисунке (Б) ребёнок должен найти первые девять фигур.

Оценка результата: высокий — когда ребёнок без ошибок показывает 9–8 фигур; средний — 7–5; низкий 4 и т.д.

«Весёлые картинки» (Т.В. Розанова).

Цель: Изучение кратковременной памяти;

Оборудование: Набор карточек со словами, достаточно хорошо знакомыми глухим детям. На одних карточках помещается 2 слова, на других — от 3 до 7 слов (всего 27): 1) лампа, санки; 2) книга, мясо, лодка; 3) волк, стул, молоко, бумага; 4) нос, вода, ботинки, дом, лопата; 5) подарок, мел, диван, птица, машина, забор; 6) мороз, дерево, кукла, парта, день, картина, погода.

Ход занятия: Ребёнку предъявляем сначала карточки с двумя словами, мы прочитываем вслух слова на карточках (слова после этого убираются) и сразу ребёнок воспроизводит слова вслух. Таким путем выясняются возможности детей старшего дошкольного возраста удерживать в памяти 2, 3, 4, 5, и 7 слов при их одноразовом предъявлении.

Оценка результата: Каждое слово — это один балл. Всего 27 слов.

Высокий уровень: 27–25 баллов; средний уровень: 24–17 баллов; низкий уровень — 16 баллов.

«Восстанови рисунок по памяти».

Цель: Определение объёма зрительной памяти;

Оборудование: один большой лист, разлинованный в клетку бумаги и маленькие листы по количеству участников с таким же количеством клеток, как и большой.

Ход занятия: На большом листе зачеркнуто несколько клеток в разных местах. Смысл задания заключается в том, что ребёнок в течение минуты должен запомнить, какие именно клетки зачеркнуты на большом листе, и после того, как большой лист убирается, зачеркнуть на своих листочках те же самые клетки.

Оценка результата: высокий уровень — все 6 клеточек; средний — 5 и 4; низкий 3 и т.д.

«Особенности зрительной памяти».

(С.Д. Забрамная, О.В. Боровик).

Цель: Определить особенности зрительной памяти;

Оборудование: девять картинок;

Ход занятия: Изображенные на таблице предметы до начала обследования вырезаются и наклеиваются на картон. Перед ребёнком кладем 9 картинок. Даем инструкцию: «Посмотри, как расположены картинки». Затем картинки убираются, и ребёнку предлагается следующая инструкция: «Возьми картинки и положи их, так как они лежали в самом начале».

Оценка результата: высокий уровень — ребёнок все картинки положил, так как они и лежали; средний — 1–2 ошибки; низкий 3–4 ошибки.

«Весёлые рисунки».

Цель: Определить объём образной памяти;

Оборудование: картинка с изображением предмета; лист бумаги и карандаши и фломастеры;

Ход занятия: Ребёнку показывается картинка с предметом. Спрашивают: «Это что?». Потом дают инструкцию: «Посмотри и запомни, что на картинке изображено». Через тридцать секунд убирается картинка, и ребёнок должен нарисовать что запомнил.

Оценка результата: высокий уровень — точно изображён предоставленный предмет; средний — не точно; низкий — отказался или не нарисовал.

В результате нашего исследования, мы определили, что дети с сохранным слухом справились с методиками лучше, чем дети с нарушениями слуха. Нами было выявлено, что у 76% детей с сохранным слухом имеют высокий уровень зрительной памяти, 24% средний уровень зрительной памяти. А у детей с нарушениями слуха высокий уровень зрительной памяти составляет 35%, 40% средний уровень и 25% низкий уровень зрительной памяти.

Проведённое нами исследование показало, что у детей с нарушениями слуха имеются следующие особенности образной памяти: они реже пользуются приемами опосредствованного запоминания, что отрицательно сказывается на сохранении образов в памяти; сложившиеся системы образов оказываются менее дифференцированными, менее прочными, менее устойчивыми к помехам

со стороны сходных образов, чем у их слышащих сверстников. Специфические трудности глухих детей связаны с необходимостью интегрировать, воссоздавать образ фигуры мысленно без опоры на непосредственное восприятие целой фигуры, оперировать образами. В отличие от слышащих детей, дети с нарушениями слуха часто путали места расположения предметов, сами изображения предметов. Дети с нарушениями слуха запоминают неточно образы, или смешивают их со сходными образами (предметами).

Литература:

1. Бертынь Г.П., Рознова Т.В. Клинико-психологическое изучение глухих детей со сложным дефектом // Дефектология. — 1993. — № 1.
2. Блонский П.П. Избранные педагогические и психологические сочинения. — Т. II. — М., 1979.
3. Боскис Р.М. Глухие и слабослышащие дети. — М., 1963.
4. Корсунская Б.Д. Методика обучения глухих дошкольников речи. М.: Просвещение, 1969.
5. Программа воспитания и обучения слабослышащих дошкольников со сложными (комплексными) нарушениями развития/под ред.Л.А. Головниц. — М.: ОМИЦ «Граф-пресс», 2006.-128с.
6. Методические рекомендации к пособию «Практический материал для обследования психолого-педагогического обследования детей» авторов С.Д. Забрамной, О.В. Боровика. — М., 2005.

Таким образом, для развития образной памяти необходимо совершенствовать познавательную деятельность детей, развивать их речь, формировать мыслительные операции, анализ и синтез, сравнение, абстракцию. На основе проведенного диагностического эксперимента разработана система коррекционно-развивающей работы по развитию образной памяти детей старшего дошкольного возраста с нарушениями слуха. Подробное описание методики формирующего эксперимента планируется в следующей публикации.

Музыкальное образование старшеклассников в общеобразовательной школе: вчера, сегодня, завтра

Егорова А.М., аспирант

Уральский государственный педагогический университет (г. Екатеринбург)

Старший школьный возраст (или период ранней юности) — период жизни и развития человека от 15 до 17 лет (IX — XI классы). «Слово *юность* обозначает фазу перехода от зависимого детства к самостоятельной и ответственной взрослости» [8]. Психологический словарь дает такое определение: «юношеский возраст — это возраст энергии, энтузиазма, дерзаний, романтически окрашенного стремления к большим делам».

Данный период характеризуется следующими физиологическими особенностями:

- завершается бурный рост и развитие организма;
- нарастает мышечная сила и работоспособность;
- заканчивается половое созревание.

Основными видами деятельности становятся учение и труд, ведущим видом деятельности — учебно-профессиональная деятельность, связанная с предстоящим выбором профессии, направленная на поиск места в жизни. Кроме развития познавательно-профессиональной направленности этот вид деятельности обеспечивает новый уровень самоопределения учащихся.

Самоопределение формирует умение строить жизненные планы, находить средства их реализации. «Самоопределение, как профессиональное, так и личностное, становится центральным новообразованием ранней

юности. Это новая внутренняя позиция, включающая осознание себя как члена общества, принятие своего места в нем» [10, с. 322].

Самосознание выходит на новый уровень. «Оно связано с необходимостью оценить качества своей личности с учетом конкретных жизненных устремлений» [12]. На основе самосознания происходит открытие своего внутреннего мира, появляется потребность выразить свою индивидуальность. Старшеклассники стремятся к самопознанию, самовоспитанию, «решается задача становления человека как субъекта собственного развития» [16, с. 267] (основные мотивы — «найти себя», «сделать себя»).

Самовоспитание направлено не только на преодоление тех или иных недостатков и развитие положительных качеств, но и на формирование личности в соответствии со своими идеалами.

Образцом для подражания становятся гармонично развитые люди. В человеке, прежде всего, уважают интеллектуальные качества, живость ума, культуру, образованность.

В этом возрасте формируется мировоззрение (научное и гражданское), крепнут этические убеждения, нравственные установки, ценностные ориентации. Появляется интерес к «вечным» проблемам: смысла жизни, счастья,

любви, долга, свободы личности. В своем поведении старшеклассник все более ориентируется на собственные взгляды и убеждения.

Высокого уровня развития достигают волевые качества: инициативность, самостоятельность, настойчивость, выдержка.

На данный возрастной период приходится расцвет умственной деятельности. Мышление характеризуется высоким уровнем обобщения и абстрагирования, приобретает теоретическую и критическую направленность. Мыслительная деятельность активна и самостоятельна. Преобладает аналитико-синтетическая деятельность, стремление к сравнениям, школьники стараются понять диалектическую сущность явлений.

Эмоциональная сфера становится значительно богаче: повышается эмоциональная восприимчивость, способность к сопереживанию. Значительное место в эмоциональной жизни занимают чувства, отличающиеся богатством и многообразием переживаний. Связаны они с интимной сферой отношений людей — чувством любви. Юношеские мечты о любви отражают потребность в эмоциональном тепле, понимании, душевной близости.

Также старшеклассников отличает повышенная реактивность (чувствительность) — их интересует все, что нового происходит в литературе, искусстве, моде. Увлекаются всем ультрасовременно модным.

Для учащихся старших классов искусство, и музыка в первую очередь, становится жизненной потребностью, действенным фактором социализации. «В связи с глобальным распространением СМИ, посвящающих значительную часть времени искусству, в частности — музыке, её роль в становлении личности неизмеримо возросла. Музыка становится одним из наиболее действенных и актуальных факторов воспитания молодежи» [15, с. 12]. «Потребность в музыке обусловлена не только возросшим стремлением старшеклассника к постижению собственного духовного мира, самовыражению, но и сложившейся социокультурной ситуацией, в которой музыкальная компетентность молодого человека является одним из главных показателей его социометрического статуса» [15, с.4].

Однако, в связи с многолетними сложившимися особенностями музыкального образования в общеобразовательной школе, обязательные уроки музыки в старших классах не были предусмотрены. Не предусматривает их и нынешний федеральный государственный стандарт общего образования. Он рекомендует изучать музыку с 1 по 7 классы, с 8 по 9 классы — интегрированный курс «Искусство», в 10 и 11 классах — «Мировую художественную культуру». Несмотря на то, что предметы эстетического цикла (Искусство и МХК) преподаются с 8 по 11 классы, являются обязательными для изучения учащихся, тем не менее, решить проблему музыкального образования старшеклассников они не могут, в силу ограниченности часов, отводимых на изучение музыкального искусства.

Школьное музыкальное образование заканчивается именно тогда, когда в нем нуждается формирующаяся

личность старшеклассника. Полученные ранее музыкальные знания и умения частично утрачиваются либо «растворяются в потоке музыкального суррогата». «Систематическое обогащение индивидуального опыта с музыкой новыми знаниями, практическими умениями способствует положительным изменениям в её восприятии, препятствует распространению потребительского отношения к музыкальному искусству» [7, с. 5–6]. «Музыкальная классика способна воспитать иммунитет к музыкальной антикультуре и сформировать музыкальную культуру, так как обладает богатым идейно-эмоциональным содержанием и воспитывающим потенциалом» [3, с.4–5].

«С отключением школы от руководства музыкальным развитием старшеклассников и прекращением их систематического общения с музыкальной классикой происходит разрушение основ их музыкальной культуры, заложенных в процессе семилетнего музыкального образования» [3, с.4]. «Многие хотели бы слушать серьезную музыку и даже пробуют, но, не понимая ее, оставляют это занятие» [6, с.4]. Тем не менее, старшеклассники музыкой активно интересуются, но только той, которая им доступна, и тогда речь идет об односторонности предпочтений, поверхностности знаний о музыке. «Бесспорно, из всех искусств музыка сегодня оказывает наибольшее влияние на умы и души людей. Для молодежи она сейчас наиболее популярное и, казалось бы, наиболее известное искусство. О музыке много говорят, о ней идут жаркие дискуссии на страницах молодежных газет и журналов», однако «...сегодняшние увлечения, предпочтения и споры молодежи касаются лишь небольшой части, или сферы, музыкального искусства» [6, с. 3].

Д.Б. Кабалевский в свое время упрекал систему школьного образования в том, что она отказывает старшеклассникам в музыкальном образовании: «А ведь это именно тот возраст, когда у ребят активно формируются мировоззрение, идейные взгляды, нравственные идеалы, эстетический вкус. И в этот период школа отказывается от такого могучего средства воздействия на духовный мир ребят, каким является искусство!» [4, с. 185]. З.К. Кальниченко: «Необходимость непрерывного пополнения музыкально-эстетических знаний порождается возрастающей в современных условиях ролью искусства как средства воздействия на нравственный мир личности» [7, с. 128]. У Н.Н. Телышевой читаем: «Именно в тот момент, когда старшеклассник более всего нуждается в помощи, грамотном руководстве и организации своей жизнедеятельности, в общении со знающим, в том числе, компетентным в музыке человеком, он этой возможности лишен, поскольку в старших классах школы музыка не преподаётся» [15, с.4]. Л.А. Ежова так высказывается по этому поводу: «Возрастной уровень развития психики старших школьников, их стремление к самопознанию, «философствование», возросшие возможности саморегуляции потенциально создают условия привлечения учащихся к освоению серьезной музыки» [3, с. 5].

Понимая всю важность проблемы, отечественные педагоги-исследователи всегда искали любую возможность включить в образовательный процесс старших школьников музыкальное образование.

В педагогической практике на протяжении нескольких десятилетий музыкальное образование старшеклассников в общеобразовательной школе реализовалось в форме факультативных занятий и в сфере развивающего дополнительного образования (кружки, секции, студии, клубы и т.д.).

Ведущим видом музыкальной деятельности обычно избирается слушание музыки (Н.Л. Гродзенская (1969), К.П. Португалов (1980), Д.Б. Кабалевский (1968), М.Ю. Самакаева, Е.Н. Таллин, Л.А. Ежова, Е.А. Бодина, Е.Я. Бурлина и многие другие). Подавляющее число исследователей и практиков считают данный вид музыкальной деятельности наиболее доступной и массовой формой приобщения старшеклассников к музыке, «наиболее устойчивой и престижной формой музыкального поведения молодежи» (Л.А. Ежова). Как правило, занятия носят просветительский характер, направлены на расширение музыкального и общехудожественного кругозора, на воспитание музыкально-художественного вкуса, ориентированы на высокохудожественные образцы музыкального искусства.

В 1968 году в Москве были организованы «Вечера ровесников» (или «Музыкальные вечера для юношества»), которые были адресованы в первую очередь молодежи. Они были задуманы не как обычные концерты, а как серьезные беседы о музыке, представляя собой самостоятельную ценность познавательного характера. Д.Б. Кабалевский так определял задачу этих бесед: «Не только знакомить слушателей с исполняемыми произведениями, но и раскрывать перед ними музыку как одно из удивительнейших проявлений человеческого гения, показать музыку в её связях с другими искусствами, с историей человеческого общества, раскрывая ее многообразные жизненные связи, словом, говорить о музыке как о большой, важной и ценной части жизни. Всей жизни в целом, жизни каждого из нас, каждого нашего слушателя в частности» [5, с.5].

Проблема формирования у учащихся старших классов потребности в музыкальном самообразовании была рассмотрена в диссертационном исследовании З.К. Кальниченко [7]. Формой приобщения старшеклассников к музыке была выбрана школьная дискотека. Этот вид внеклассной воспитательной работы помогает объединить учащихся на основе интереса к музыке, самостоятельному творчеству, межличностному неформальному общению. Воспитательный процесс осуществляется на двух уровнях — среди участников дискотеки (дискотека — творческий коллектив, ориентированный на пропагандистскую и культурно-просветительскую деятельность в школьной дискотеке) и в массовой аудитории посетителей дискотеки. Для членов клубного объединения стимулом приобщения к музыкальному самообразованию являлась необходимость выступлений с сообщениями на занятиях клуба,

участие в подготовке и проведении программ школьной дискотеки, передач школьного радио, общешкольного фестиваля искусств, недели музыки, песенных конкурсов, в выпуске школьной музыкальной газеты, «Музыкального календаря», оформление стенда «Послушай, посмотри» и т.д. Среди посетителей школьной дискотеки — регулярная пропаганда музыкальных знаний, привлечение к подготовке и участию в музыкально-познавательных играх, конкурсах, диспутах, дискуссиях.

Ещё один, достаточно популярный и любимый вид музыкальной деятельности среди молодежи — инструментальное музицирование. Образование вокально-инструментальных ансамблей в общеобразовательных школах, клубах, Дворцах, Домах детского творчества — явление достаточно частое. Как показывает практика, основу исполнительского репертуара составляет самодельная песня, сочиненная в самом коллективе. Однако односторонняя ориентация только на творческую самостоятельность сужает интерес некоторых исполнителей к народной музыке, классическому наследию, произведениям профессиональных композиторов. Вопросы методики музыкально-эстетического образования и воспитания участников вокально-инструментальных ансамблей рассмотрены Б.А. Брылиным в книге «Вокально-инструментальные ансамбли школьников» [1].

Широкое распространение информационных технологий внесло свои коррективы в образовательную сферу. Особый интерес у современных исследователей вызывает вопрос применения компьютерных технологий в музыкальном образовании: освоение учащимися старших классов музыкального компьютера, как инструмента творчества (И.М. Красильников, М.И. Фролов, И.Р. Черешнюк и др.), также возрос интерес к современным видам и формам музыкальной деятельности, в частности — электронному инструментарию (И.М. Красильников, Н.Н. Тельшева). Ведущим инструментом массового любительского музицирования стал синтезатор. Его освоение старшеклассниками занимает устойчивые позиции в системе дополнительного образования в общеобразовательной школе. Видами компьютерного музыкального творчества являются создание звуковых образов, звуко-режиссерская аранжировка музыкальных композиций, музицирование, композиция и др.

Перспективы оптимизации музыкального образования старшеклассников в настоящее время связывают с деятельностью профильных классов. Учебный план в подобных классах отличается достаточной гибкостью и подвижностью и позволяет ввести музыкально-образовательные дисциплины. В сложившихся условиях необходимо изыскивать любые возможности включения элементов музыкального образования в содержание учебного процесса профилей. Одним из вариантов может стать задействие потенциала элективных курсов (они же — курсы по выбору), позволяющих осуществлять музыкальное образование в контексте профильной направленности обучения.

Несмотря на то, что проблема музыкального образования школьников все время находится в центре внимания педагогов, тем не менее, она остается малоразра-

ботанной. Аномальная ситуация в области музыкального образования старшеклассников настоятельно требует своего разрешения.

Литература:

1. Брылин Б.А. Вокально-инструментальные ансамбли школьников: Кн. для учителя. — М.: Просвещение, 1990. — 109 с.
2. Гродзенская Н.Л. Школьники слушают музыку. — М.: «Просвещение», 1969. — 77 с.
3. Ежова Л.А. Принципы интерпретации и отбора дидактического материала в условиях общего музыкального образования старшеклассников: Дис. ...канд. наук: 13.00.02. — Кострома, 2006. — 166 с.
4. Кабалаевский Д. Воспитание ума и сердца: Книга для учителя. — М.: Просвещение, 1984. — 206 с.
5. Кабалаевский Д.Б. «Ровесники»: Беседы о музыке для юношества. Вып.1. — М.: Музыка, 1980. — 120 с.
6. Кадцын Л.М. Музыкальное искусство и творчество слушателя: Учеб. пособие для вузов. — М.: Высш.шк., 1990. — 303 с.
7. Кальниченко З.К. Формирование у учащихся старших классов потребности в музыкальном самообразовании в школьной дискотеке: Дис. ...канд. наук. — Москва, 1985. — 234 с.
8. Кон И.С. Психология ранней юности. — М.: Просвещение, 1989. — 256 с.
9. Красильников М.И. Электронное музыкальное творчество в системе художественного образования /И.М. Красильников. — Дубна: Феникс+, 2007. — 496 с.
10. Кулагина И.Ю., Колюцкий В.Н. Возрастная психология: Полный жизненный цикл развития человека. Учебное пособие для студентов высших учебных заведений. — М.: ТЦ «Сфера», 2001. — 464 с.
11. Португалов К.П. Серьёзная музыка в школе: пособие для учителей. — М.: Просвещение, 1980. — 144 с.
12. Психологический словарь /Под ред. В.В. Давыдова, А.В. Запорожца, Б.Ф. Ломова и др. — М.: Педагогика, 1983.
13. Самакаева М.Ю. Развитие восприятия музыки у старшеклассников. — Свердловск, 1989.
14. Саркитов Н.Д. Беседы о популярной музыке в средней школе /Воспитание музыкой: Из опыта работы /Сост. Т.Е. Вендрова, И.В. Пигарева. — М.: Просвещение, 1991. — 205 с.
15. Телышева Н.Н. Воспитание личности старшеклассника в процессе освоения синтезатора в системе дополнительного образования: Автореф. дис. ...канд. пед. наук: 13.00.01. — Москва, 2006. — 19 с.
16. Шаповаленко И.В. Возрастная психология (Психология развития и возрастная психология). — М.: Гардарики, 2005. — 349 с.

Роль родителей в гендерной социализации ребенка

Захарова И.В., аспирант

Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева

Родители по отношению к ребенку являются основными агентами гендерной социализации. Как утверждают многие исследователи, первый ее этап происходит в семье. В связи с этим назрела необходимость педагогизации родителей. Под педагогизацией понимают целенаправленный процесс утверждения в сознании родителей знаний, схем, способов деятельности и поведения, оценок, помогающих им эффективно решать свои педагогические задачи в семье: выстраивать бесконфликтные, доверительные отношения с близкими, предотвращать появление отчужденности в отношениях с детьми, успешно реализовывать социальные роли сына или дочери, мужа или жены, отца или матери, сознательно готовить своих детей к выполнению этих социальных ролей.

Оценивая семью как фактор гендерной социализации ребенка, отмечают следующие предпосылки необходимости педагогизации родителей:

1) хотя бы того родители или нет, но они всегда неизбежно влияют на психическое и сексуальное развитие детей;

2) семья влияет на ребенка через систему отношений — родителей между собой, каждого из них по отдельности и обоих вместе с ребенком;

3) успешность влияния семьи во многом зависит от степени его согласованности с существующими у ребенка врожденными особенностями маскулинности-феминности;

4) семья служит своего рода преломляющим фильтром на пути вхождения ребенка в гендерную культуру.

В условиях традиционного семейного воспитания универсальными ключевыми фигурами воспитания детей с учетом их гендерных особенностей выступают родители, при этом подходы их к воспитанию часто диаметрально противоположны. Отцы более дифференцированно относятся к ребенку в зависимости от его пола, чем матери.

Они, как правило, почти не взаимодействуют ни с сыновьями, ни с дочерьми на протяжении первого года жизни. Скорее всего, этому способствует устойчивое мнение, что в первые годы жизни дети, независимо от пола, отождествляют себя с матерью и демонстрируют привязанность к ней. Хотя имеются и противоположные данные о том, что уже в течении первых двух лет жизни у мальчиков развивается устойчивая привязанность к отцу, если отец проявляет заботу о сыне. Отцы проявляют вдвое большую активность во взаимодействии с сыновьями, чем с дочерьми. В то же время они больше утешают девочек, когда они огорчены, чаще их одобряют, чем мальчиков.

Матери менее дифференцированно относятся к детям разного пола по сравнению с отцами. Но тем не менее матери более снисходительны и терпимы к сыновьям и разрешают им в большей степени проявлять агрессию в отношении родителей и других детей, чем девочкам. Матери предпочитают не прямые или более психологические воздействия и на сыновей и на дочерей, в то время как отцы ориентированы чаще на физические наказания.

Ряд исследований посвящен влиянию отсутствия отца на гендерную социализацию ребенка:

- Отсутствие отца сильнее сказывается на полоролевой социализации мальчика, чем девочки.

- В семьях, где отсутствует отец, черты, свойственные мужской роли, возникают у мальчиков медленнее.

- Мальчики, лишенные отца, более зависимы и агрессивны, чем мальчики из полных семей. Им труднее дается усвоение мужских половых ролей, поэтому они чаще гипертрофируют свою маскулинность, проявляя грубость и драчливость.

- Отсутствие отца влияет на полоролевую ориентацию ребенка в возрасте до 4-х лет сильнее, чем отсутствие отца в более старшем возрасте.

Мальчики усваивают женские установки и женские взгляды на жизнь, а общество получает безынициативных, слабых, не способных разрешить трудности мужчин. Приходя в ребенка мужественность, приветствуя послушание, безоговорочное следование всем приказам матери, пассивность, женщины сами искажают мужскую природу. Мальчик должен обязательно иметь перед собой пример мужского поведения, мужского варианта реагирования на существующие трудности, мужского способа разрешения трудной ситуации.

Однако отсутствие отца нельзя рассматривать независимо от других факторов. Много зависит от отношения матери к отцу, от возраста ребенка, от наличия других взрослых, которые могут компенсировать отсутствие отца.

Известно, что мальчики являются более желанными детьми для родителей, особенно, если речь идет о первенце. Этому способствует устоявшееся представление о большей социальной ценности мужчин по сравнению с женщинами. Поэтому родители в первую очередь стремятся дать качественное образование именно сыновьям.

Родители больше обеспокоены, если их сыновья ведут себя кик «маменькины сынки», чем когда их дочери ведут

себя сорванцами. В то время как родители склонны осуждать несамостоятельность мальчиков, они позволяют девочкам быть зависимыми от других и даже одобряют это. В результате мальчики усваивают принцип, что следует рассчитывать на свои собственные достижения, чтобы обрести самоуважение, в то время как самоуважение девочек зависит от того, как к ним относятся другие (Смелзер Н., 1994). В поведении родителей проявляется постоянное стремление держать дочку как можно ближе к себе: на вербальном и невербальном уровнях девочке внушается неуверенность в своих возможностях, необходимость в опоре и поддержке другого человека.

С раннего детства у детей в зависимости от пола формируются и закрепляются качества личности, соответствующие нормативным представлениям о маскулинности-фемининности. У мальчиков — это активность, настойчивость, сообразительность, уверенность в себе, у девочек — уступчивость, пассивность, зависимость. Это же касается и полоролевого поведения детей. Девочкам обычно не дают играть солдатиками, пистолетами, мальчикам — куклами, детской посудой. Игрушки для девочек чаще связаны с миром дома, с выполнением стереотипных действий; мальчикам чаще покупают игры, стимулирующие фантазию, сообразительность, поисковую активность.

Выделяют четыре основных способа конструирования взрослых гендерной роли ребенка:

- «социализация через манипуляции»,
- «вербальная апелляция»,
- «канализация»,
- «демонстрация деятельности».

Гендерная социализация через определенные манипуляции означает озабоченность родителей теми или иными внешними проявлениями своего ребенка. Например, родители могут постоянно вне зависимости от ситуации восхищаться физическими данными и силой своего сына или выражать озабоченность внешностью ребенка-девочки.

Вербальная апелляция — это усиление действия первого способа. Родители подчеркивают прекрасные физические данные ребенка, его внешность, красоту, силу, ловкость, богатырские способности, умение дать сдачи обидчику и может не замечать его достаточно низких интеллектуальных способностей. Ребенок приучается смотреть на себя глазами матери, отца, а вербальная апелляция усиливает действие манипулятивного процесса. Девочка получает представление о том, что внешний вид, красивая одежда — это очень важно, а для мальчика приоритетным направлением развития становится занятие спортом, боевыми искусствами.

«Канализация» означает направление внимания ребенка на определенные объекты, способствующие формированию стереотипной гендерной роли в семье, например, девочкам на игрушки, соответствующие игре в «дочки матери» или просто имитирующие предметы домашнего обихода, мальчикам же покупают конструкторы, трансформеры, разнообразные машинки, игры-стратегии.

Для них не существует игр, направленных на домашнюю сферу. Дети часто получают знаки социального одобрения за игру с игрушками, «соответствующими своему полу».

«Демонстрация деятельности» означает ожидание от ребенка деятельности соответствующей не только тому полу, к которому принадлежит ребенок, но и воспроизведения такого вида деятельности, который осуществляет родитель аналогичного с ним пола. То есть девочки учатся вести себя, действовать «как мама», мальчики — «как папа».

Таким образом, следование гендерным стереотипам проявляется в том, что родители в процессе социализации ориентируют мальчиков в отличие от девочек на стиль жизни и деятельности, способствующий большей личностной самореализации.

По своей сути, в настоящее время для родителей, жестко влияющих на гендерную социализацию своего малыша, на формирование его гендерной роли в семье, ребенок — материал для конструирования некоего вымышленного ими образа, из которого они лепят все, что им захочется, не учитывая реальных потребностей, способностей, возможностей и желаний самого ребенка. Но ведь для того, чтобы ребенок вырос человеком, способным бо-

роться со всеми тяготами жизни, самостоятельным, решительным, сильным, ответственным, имеющим собственное мнение, процесс социализации в семье должен предусматривать его активность, освоение гендерной роли через его собственный анализ отношений между членами семьи. Таким образом, важнейшим условием правильного протекания процесса полоролевой идентификации является наличие и фактически и психологически полной семьи с адекватным исполнением родителями традиционных половых ролей. Формирование гармоничного для пола поведения требует одновременного восприятия ребенком обеих ролей: мужской у отца и женской у матери. Полоролевая идентификация происходит не только через копирование аналогичной роли взрослого, но и путем противопоставления, через противоположную роль родителя другого пола. Необходимо также осуществлять воспитание детей не как бесполок существ, а как сыновей и дочерей, мужчин и женщин с учетом всех половых и индивидуальных особенностей личности. Так как достигнуть этих условий в жизни удается не всегда (вряд ли все семьи будут полными), то следует учитывать возможные отклонения в становлении гендерной идентичности ребенка и по возможности предупреждать их.

Литература:

1. Боуби Дж. Привязанность. — М.: Гардарики, 2003.
2. Гусева Ю.Е. Формирование гендерных представлений и полоролевого поведения у дошкольников в семье и детском саду. Гендерные проблемы в современном общественном сознании. Материалы первой межвузовской студенческой конференции. — СПб.: СЗАГС, НИЯК, 2001.
3. Клёцина И.С. Гендерная социализация. Учебное пособие. СПб.: РГПУ им. А.И.Герцена, 1998.
4. Клёцина И.С. Психология гендерных отношений: Теория и практика. СПб.: Алетейя, 2004.
5. Лорбер Дж. Пол как социальная категория. Хрестоматия по курсу «Основы гендерных исследований». Под ред. О.А. Ворониной. — М.: МЦГИ, 2000.
6. Борисенко Ю.В., Портнова А.Г. Проблема отцовства в современном обществе. Вопросы психологии. 2006. № 3.

К вопросу о педагогических технологиях

Кобзева Н.А., ст.преподаватель
Томский политехнический университет

В статье представлен анализ некоторых научно-педагогических исследований понятия педагогическая технология.

Ключевые слова: образовательные, педагогические технологии, технологический подход к обучению

The article presents an analysis of some scientific and educational research concepts of educational technology

Key words: educational technology, technological approach to teaching

В педагогической науке и практике появляются и получают развитие педагогические технологии. В источниках как научного, так и публицистического характера предпринимаются попытки соединения разных взглядов, точек зрения на раскрытие сущности и содер-

жания педагогических технологий.

Изучение этой проблемы как зарубежными, так и отечественными учеными, позволило получить более полное представление о педагогических технологиях, как на методологическом, так и на практическом уровне. Обозна-

чилось содержание «педагогической технологии» как педагогической категории, определились и иерархические уровни развития педагогических технологий.

Понятие «технология» является одним из самых популярных в современной науке об образовании. Педагогическая технология — это содержательная техника реализации учебного процесса (В.П. Беспалько) [1]. Технология обучения — это составная процессуальная часть дидактической системы (М.А. Чошанов) [2]. Педагогическая технология — это набор процедур, обновляющих профессиональную деятельность учителя и гарантирующих конечный планируемый результат (В.М. Монахов) [3].

Педагогическая технология означает системную совокупность и порядок функционирования всех личностных, инструментальных, и методологических средств, используемых для достижения педагогических целей (М.В. Кларин) [4].

В последние десятилетия в педагогической практике начали широко применяться различные образовательные технологии, хотя мысль о технологизации процесса обучения высказывал ещё Я.А. Коменский почти 400 лет назад. Он призывал сделать обучение «техническим», т.е. таким, чтобы всё, чему учат, имело успех. За рубежом, прежде всего в США, интерес к образовательным технологиям возник в середине XX в., когда появились первые программы аудиовизуального обучения, т.е. обучения с помощью технических средств. Термин «образовательные технологии», появившийся в 1960-х гг., означает построение педагогического процесса с гарантированным результатом.

Педагогика давно искала пути достижения если не абсолютного, то хотя бы высокого результата в работе с воспитанниками и постоянно совершенствовала свои средства, методы и формы [5].

Долгое время считалось, что если найти определенные приёмы или методы, то желаемая цель будет достигнута. Постепенно педагогическая практика накопила множество средств, методов и форм обучения и воспитания, но результаты их применения не всегда были однозначны.

Очевидно, что оптимизация педагогического процесса путём совершенствования методов и средств, является необходимым, но не достаточным условием. Отбор методов, средств и форм должен совмещаться с реализацией конкретной цели и отработкой системы контроля показателей обучения и воспитания. Этому и призвана помочь технологизация педагогического процесса.

Особенность преимуществ применения современных образовательных технологий: меняются функции преподавателя и студента, преподаватель становится консультантом-координатором (а не выполняет информирующую — контролирующую функцию), а студентам предоставляется большая самостоятельность в выборе путей усвоения учебного материала. Образовательные технологии дают широкие возможности дифференциации и индивидуализации учебной деятельности.

Понятие «образовательная технология» является более широким, чем «педагогическая технология» (для педагогических процессов), так как образование включает, кроме педагогических, ещё разнообразные социальные, социально-политические, управленческие, культурологические, психолого-педагогические, медико-педагогические, экономические и другие смежные аспекты. С другой стороны, понятие «педагогическая технология» относится ко всем разделам педагогики.

В зарубежной литературе используются следующие близкие термины:

technology in education — технологии в образовании,
technology of education — технологии образования,
educational technology — педагогические технологии.

Зарубежные подходы к определению педагогических технологий представлены как определениями, которые связаны с использованием в педагогическом процессе различного оборудования, так и определениями, основанными на комплексном использовании технических и человеческих ресурсов.

Например, М. Кларк считает, что смысл педагогической технологии заключается в применении в сфере образования изобретений, промышленных изделий и процессов, которые являются частью технологии нашего времени.

Ф. Персиваль и Г. Эллингтон указывают, что термин «технология в образовании» включает любые возможные средства представления информации: оборудование, применяемое в образовании, такое как телевидение, различные средства проекции изображений и т.д. Другими словами технология в образовании — это аудиовизуальные средства.

Д. Финн заметил, что только наивные люди считают, что технология это просто комплекс аппаратуры и учебных материалов. Но это и способ организации, образ мыслей о материалах, людях, учреждениях, моделях и системах типа «человек-машина».

П.Д. Митчелл в результате анализа более ста источников, связанных с изучаемой дефиницией, считает, что педагогическая технология это область исследования и практики в рамках системы образования, имеющая связи (отношения) со всеми аспектами организации педагогических систем и процедурой распределения ресурсов для достижения специфических и потенциально воспроизводимых результатов.

На основе анализа публикаций зарубежных и российских исследователей можно сделать следующие выводы.

Технологический подход к обучению означает:

1. Постановку и формулировку учебных целей, ориентированных на достижение предполагаемого результата обучения.

2. Организацию хода обучения в соответствии с учебными целями.

3. Оценку текущих результатов и их коррекцию.

Признаки педагогической технологии:

1. цели (для чего необходимо преподавателю ее применять);

2. наличие диагностических средств;
3. закономерности взаимодействия педагога и учащихся, позволяющие программировать педагогический процесс;
4. система средств и условий, гарантирующих достижение педагогических целей;
5. средства анализа процесса и результатов деятельности преподавателя и учащихся.

В связи с этим значимыми свойствами педагогической

технологии являются ее целостность, оптимальность, результативность, применимость в реальных условиях

Таким образом, педагогическая технология обучения может рассматриваться как системный метод создания, применения и определения всего процесса преподавания и усвоения знаний с учетом технических и человеческих ресурсов и их взаимодействия, ставящий своей задачей оптимизацию форм образования.

Литература:

1. Беспалько В.П. Слагаемые педагогической технологии. // Издательство: Педагогика — 1989.
2. Чошанов М.А. Дидактика и инженерия // Издательство: БИНОМ. Лаборатория знаний, — 2010 г.
3. Монахов В.М. Методологические основы теории // 2006 г. — Педагогический журнал Казахстана «Коллеги»!
4. Кларин М.В. Развитие «педагогической технологии» и проблемы теории обучения // Советская педагогика — 1984 — № 4, с. 117–122
5. Сакович С.М. Инновационные технологии и методы обучения в профессиональном образовании // URL: <http://www.mai.ru/events/sfiro/articles.php>

Computer-Assisted Language Learning for Supporting English Classes

Nadezda A. Kobzeva,

Senior lecturer

National research Tomsk Polytechnic University

Abstract: *This article provides a brief overview of how CALL (Computer-Assisted Language Learning) within ICT (Information and Communication Technology) are being used for language teaching and aims to focus not on a technical description, but rather on the pedagogical questions that teachers have considered in using ICT to develop students' communicative competence, to stimulate students' creativity and critical thinking*

Key words: *behavioristic, communicative, integrative Computer-Assisted Language Learning*

Professional activity in modern society makes new demands on the modern engineers' professional competencies. Nowadays, English Foreign Language (EFL) is among of the top priorities in engineering education. In order to be required as professional engineers in a globalized multicultural world, graduates of polytechnic universities need to acquire EFL knowledge. Most of specialists recognized it as the passport for better professional career, better pay, advanced knowledge and cultural awareness because most of resource books, Internet resources, business correspondence, documents are written and printed in English. Furthermore, English is the dominant language for business writing correspondence with the entire world.

Thus, the higher education environment urgently requires developing new strategies that are supported by ICT. These strategies goal at preparing a new generation of qualified engineers to the modern society needs. The ICT usage as an effective teaching tool has contributed to raise the quality and efficiency of academic EFL Classes in Technical University.

As a result, the university must not only provide forming EFL competences in the educational process but at the same

time must encompass the continuous EFL competences in the educational development with help of ICT usage as a teaching /learning device.

So as to prepare high technology engineers, Tomsk Polytechnic University (TPU) defines up-to-date innovations in the field of the content of engineering education, chooses ICT technologies of educational activities, improves international cooperation with help of Intensive EFL programs. Moreover, eight educational programs of specialist training have been worked out and implemented in English. The programs are based on Educational policies and initiatives of the European Union in its political and educational context allow the University graduate to have profound knowledge of English [1].

Realizing the mentioned objectives concerning EFL training, the Chair of English Language and Technical Communication of TPU tends to implement those contemporary and practically significant skills, namely, providing English language praxis closely related to future professional activities which, undoubtedly, assist professional EFL communicative forming during the process of getting higher engineering education. At a pragmatic level, curriculum de-

velopers and TPU's language teachers are now faced with the methodological question of how to integrate ICT into EFL learning process to achieve maximum effect and results.

One the helpful strategy to encourage EFL acquisition may be using CALL as an effective approach. Teachers should also consider the advantages of CALL: the ability to capture students' attention; lower students' stress; «a powerful self-access facility [2].

Therefore, it may be challenging for teachers to add ICT in class activities in order to develop students' target language proficiency and provide motivation. These are the most significant issues that are forcing the higher education sector to develop new strategies supported by ICT.

ICT can contribute in several ways to the EFL learning process:

- it can provide instructional content in ways that better stimulate students' motivation;
- it can ensure the independence of education from time and place; and
- it can be used to assure collaborative learning.
- it can contribute to better prepare students to the new needs and challenges of the knowledge society [3].

About CALL

The CALL suggests that the computer can serve a variety of uses for language teaching. It can be a tutor which offers language drills or skill practice; a stimulus for interaction; a tool for writing and research, a source of limitless authentic materials

The current philosophy of CALL based on student-centered materials that allow learners to work on their own. CALL is essentially a tool that helps teachers to facilitate the language learning process. The design of CALL materials generally takes into consideration principles of language pedagogy and methodology, which may be derived from different learning theories (e.g. behaviourist, cognitive, constructivist) and second language learning theories such as Stephen Krashen's hypothesis [4].

In this study we intend to give a brief review of the application of CALL programmers for both teaching language aspects and learning EFL. The use of the CALL and ICT does not constitute a method, it is a facility in which a variety of methods approaches, and pedagogical ideas may be implemented.

In behavioristic CALL the computer is used as a vehicle for delivering instructional materials to the learners. Computer is ideal for carrying out repeated drills, since the machine does not get bored with presenting the same material and since it can provide immediate non-judgmental feedback.

Communicative CALL focuses more on using the target language exclusively and creates an environment in which using the target language feels natural, both on and off the screen.

Integrative CALL is based on two important technological

developments: multimedia computers and the Internet. Multimedia technology allows a variety of media (text, graphics, sound, animation, and video) to be accessed on a single machine. Multimedia technology as it currently exists thus only partially contributes to integrative CALL. Using multimedia may involve an integration of skills (e.g., listening with reading), but it too seldom involves a more important type of integration-integrating meaningful and authentic communication into all aspects of the language learning curriculum. Fortunately, though, another technological breakthrough is helping make that possible – electronic communication and the Internet.

The Internet. Computer-mediated communication (CMC) is probably the single computer application to date with the greatest impact on language teaching. This communication can be asynchronous through tools such as electronic mail (e-mail), which allows each participant to compose messages at their time and pace, or in can be synchronous. Computer-mediated communication allows users to share not only brief messages, but also lengthy documents—thus facilitating collaborative writing. Using the World Wide Web, students can search through millions of files around the world within minutes [5].

Behavioristic, communicative, integrative CALL represent computer as a tutor to form linguistic competence:

Grammar. CALL Programmes designed for teaching grammar include drill and practice on a single topic and programmes for test preparation. **Pronunciation.** Pronunciation programmers generally allow students to record and playback their own voice and compare it to a model. **Vocabulary.** This category includes drill and practice programs, multimedia tutorials, and games. **Listening.** This category includes programmers which are specifically designed to promote second-language listening. **Reading.** This category includes reading programmers designed for English learners. Text reconstruction programmers allow students to manipulate letters, words, sentences, or paragraphs in order to put texts together. They can be used to support reading, writing, or discussion activities. Popular examples include, Gapmaster, Super Cloze, Eclipse Text Tangles, and Double Up. **Writing.** Most software for supporting writing falls under the Computer as Tool category. Exceptions include tutorials such as Sentence Combining, SentenceMaker, and Typing Tutor [5].

The computer as strong incentive category includes software which is used not so much as a tutorial in itself but to generate analysis, critical thinking, discussion and writing. The perspectives of CALL development are in creating technologies for the educational environment. But those who apply computer technology to pedagogy will undoubtedly find ways to enrich their educational programmer and the learning opportunities of their students.

References:

1. URL: <http://www.tpu.ru/eng/mission.htm>

2. Philip, M. (1986) CALL in its Educational Context, in LEECH, G. and CANDLIN, N.L. Computers in English Language Teaching and Research. London: Longman, p 7
3. Maria Helena Lima Baptista Braz, Sean Wolfgang Matsui Siqueira, Rubens Nascimento Melo Information and Communication Technology for Supporting Civil Engineering Education // URL: <http://www.ineer.org/events/icee2003/proceedings/pdf/3357.pdf>
4. Krashen, Stephen D. Second Language Acquisition and Second Language Learning. Prentice-Hall International, 1988.
5. С.С.Калиніна. The Functions of Computer Assisted Language Learning in Formation of Linguistic and Communicative Competences // URL: <http://eprints.zu.edu.ua/785/1/04ksslcc.pdf>

Black English в американской системе образования

Кушнарёва Е.С., ст.преподаватель
Томский политехнический университет

18 декабря 1996 года школьный совет города Окленд, штат Калифорния (этот город особенно славится своей культурной терпимостью) опубликовал «Оклендскую резолюцию» с предложением узаконить преподавание на Black English (Ebonics), родном языке негритянских детей: на литературном английском им тяжелее учиться. Резолюция сработала как детонатор: разразилась буря политических дебатов, «культурных войн», начались слушания в Сенате и многочисленные конференции лингвистов и культурологов. Главное выражение предоставления Black English особого школьного статуса — очень простое: дети, обучаемые на нем, так и не освоят литературного английского, не смогут справиться с тестами, не впишутся в общество, говорящее на английском языке, останутся социальными маргиналами, не преуспеют в жизни.

Хотя спор о правомерности Black English как полноценного языка угас, решение школьного совета города Окленд все же поднял эти прения. Каждую четверть в школьном округе Окленд многие афроамериканские студенты приносили домой табель успеваемости с плохими оценками. Афроамериканцы составляют 53% учащихся школьного округа, 71% из них — дети из малообеспеченных семей; средний балл таких учащихся составляет 1.8 по сравнению с остальными школьниками, чей средний балл равен 2.4. школьный совет Окленда поставил перед собой задачу решить эту проблему. Резолюция о Ebonics (Ebonics Resolution), название выдуманного проекта, официально назвал Ebonics правильным языком. Этот проект был создан для использования Ebonics в обучении афроамериканских школьников литературному английскому языку. Предполагалось, что эта инициатива поможет темнокожим участникам в достижении успеха. Но вместо этого резолюция породила противоположные взгляды и дискуссии. Многие не признают, что Ebonics — это язык со своими собственными правилами и что, несмотря на расхождение во мнениях, резолюция, принятая школьным советом Окленда, имела позитивные результаты.

Дискуссия о языке — одна из наиболее важных дискуссий для темнокожих детей. У многих темнокожих детей, посещающих школьное городское гетто, плохая успеваемость; афроамериканские школьники отстают в чтении более чем на два года от государственной нормы [1, с. 283]. По статистике, существует много мифов о темнокожих учащихся и их способностях. За последнее десятилетие правительство финансировало исследовательскую работу по выявлению помех или недостатков, от которых страдают темнокожие школьники [2, с. 282]. Эта точка зрения, названная «deficit theory» (теория недостатка), предполагает, что темнокожие учащиеся зачастую испытывают недостаток в том, что имеют другие учащиеся. Согласно этой теории, дети испытывают нехватку культуры, потому что они выросли в бедном окружении. В области языка эта теория придерживается мнения вербального лишения; другими словами, у детей «внутреннего города» сало средств вербального выражения. Согласно данной теории, говорящие на Ebonics приходят в школу, не умея говорить на развитом, логически построенном языке. Кроме того, школьные психологи, мало разбирающиеся в вопросах о языке темнокожих детей, довели до конца это исследование. Дело в том, что темнокожие дети не развиты лингвистически — это следствие американской системы привилегированности классов. К сожалению, многие дети, в том числе и афроамериканские, осознают, что Black English — «диалект, не имеющий престижа» [2, с. 24]

В результате мифов, Ebonics, вызывает негативные отклики у людей, не говорящих на нем и не понимающих его культуру. В США более 20 миллионов афроамериканцев говорят на Black English, и молодежь низшего и рабочего классов изучают этот диалект, как свой первый язык [3, с. 225]. Тем не менее, темнокожее население не всегда используют Black English и вид Black English зависит от пола, возраста, социально-экономического статуса и географической области [2, с. 22]. Однако, Ebonics — это языковая система со своими правилами. Именно поэтому, многие лингвисты полагают, что учителям следует как можно больше узнать об этом языке, чтобы эффек-

тивно обучать темнокожих детей. Основной проблемой, послужившей причиной принятия резолюции Окленда и новым образовательным планом в этой области, является плохая успеваемость многих афроамериканских школьников. Не смотря на то, что язык — не единственная причина, все больше и больше преподавателей соглашались с тем, что когда учитель исправляет речь темнокожих учащихся, это негативно влияет на чувство их собственного достоинства. Цель резолюции — дать возможность афроамериканским студентам быть вовлеченными в процесс обучения и вызвать к нему интерес, а также повысить успеваемость.

В 1996 году, до того как была принята резолюция о Ebonics, начальная школа в городе Прескотт была единственной школой, где большинство учителей добровольно участвовали в программе Standard English Proficiency. Эта программа, принятая в 1981 году, признает Ebonics полноценным языком со своими правилами и поддерживает использование языка в содействии обучению школьника читать и писать на литературном английском языке [4, с. xi]. Учащиеся начальной школы Прескотта добились успеха, и это послужило причиной для более тщательного рассмотрения данной программы в Окленде. Цель программы Standard English Proficiency — использовать родной язык и культуру школьников в их обучении литературному английскому языку. Философия программы в том, что: «Мы обучаем вас второму языку, не исправляя родной язык с которым вы пришли в школу» [4, с. 80]. Учителя учатся воспринимать язык и не насмехаться над речью родителей или родственников темнокожих школьников. Они учатся принимать во внимание, что если учащийся может выразить мысль на любом языке, то он или она имеет общее представление об этом [4, с. 155]. Учителя всегда должны поддерживать самовыражение школьников на уроках. Они также должны признать, что Ebonics — является полноценным языком со своими правилами и структурами, и невербальными элементами. Учителя начали включать культуру, язык и способность писать и читать в планы уроков. По мере того как школьники взрослеют, учителя могут говорить на литературном английском, но это не обязательно. Школьникам раздаются творческие задания: упражнения и тексты, где нужно указать на различия между их родным языком и литературным. Эта программа не придает большое значение тому, как хорошо учащийся овладевает и говорит на английском; она акцентирует на обучении грамотности [4, с. 80].

Вопрос о Ebonics, как языке, важен для афроамериканской молодежи, живущей во «внутреннем городе». Их речь — часть их культуры и индивидуальности. Если учитель постоянно исправляет учащихся, то у них возникает вопрос о законности своей национальной особенности, равно как и у любого другого учащегося мог бы возникнуть такой же вопрос. С 1930-х годов учащиеся заявляли, что афроамериканский язык происходит от африканской языковой системы [5, с. 55]. По мнению специалистов в области африканских языков, Ebonics сохранил форму

структуры слога Негро-Конго африканских языков. Поэтому в Black English нет группы согласных. Такие слова как west, best, land, swift становятся wes, bes, lan, swif.

Способ общения детей зависит от их воспитания. В афроамериканском обществе дети ходят в детские сады, где формируется их индивидуальность, которая напрямую связана с их способностью говорить на своем родном языке. «В своем обществе их поощряют за быстрые устные ответы, за творческие игры слов и звуков, за импровизацию знакомых историй и тем и за способность перехитрить «оппонента» с помощью вышеуказанного объяснения» [6, с. 121]. Афроамериканцы используют различные общественные правила — правила, по которым люди говорят в процессе общественной коммуникации. Например, темнокожих детей учат творчески подходить к вопросу, ответ на который известен. Такие эмоциональные качества могут потенциально помочь школьнику отличаться от одноклассников. Тем не менее, если учитель не понимает различий между Black English и литературным английским языком, такие стилистические различия могут быть приняты за ошибки.

Чтобы лучше понять Ebonics как язык, необходимо установить культурную ценность данной лингвистической системы. По мнению Женеви Смитерман, лингвиста, изучающей Black English, существует четыре основных категории «говорения» на Black English [7]. Африканская коммуникация появилась в процессе так называемого «вопроса-ответа». В этом типе спонтанного вербального общения утверждения говорящего являются ответом на выражения слушающего. Здесь не рассматривается как невоспитанность выкрикивание и восклицание в качестве одобрения того, что было сказано. Смысл тоже является неотъемлемой частью коммуникации. Это так называемое «искусство устного оскорбления», когда говорящий в шутливой форме критикует слушающего. Это социально принятая форма разговора, ведь с использованием юмора оскорбление принимается не так остро. Если слушающий не намеревается ответить оскорблением, они вместе могут над этим посмеяться. Ebonics — язык, который дорожит своими звуками и следовательно, тоновой семантике, ритму и флексиям языка придается большое значение; именно поэтому «разговор-напевание» так часто используется в разговорах, когда люди в хорошем настроении. Другая культурная особенность Ebonics — использование большого количества подробностей в повествованиях. Говорящий может использовать историю в объяснении своей точки зрения или чтобы убедить слушающего согласиться со своим рассуждением. Хотя такой лингвистический стиль повествования приветствуется среди темнокожих, он вызывает раздражение у белых, которые хотели бы, чтобы говорящий четко выразил свои мысли и поторопился с выводами.

Текст резолюции о Ebonics, как и сами идеи данного документа, вызвал много волнений и заново поднял спор о Black English, который считался закрытым несколько лет назад. Данный документ назвал Ebonics «основным

языком» школьников и утвердил его «генетически обоснованным» языком. Было изложено, что темнокожие — не коренные носители Black English или других диалектов английского языка. Многие критики полагают, что Ebonics не заслуживает соответствующего устойчивого положения в обществе по сравнению с другими принятыми языками. Сторонники резолюции заявили, что средства массовой информации неверно истолковали документ и дезинформировали общественность. Местные власти города Окленда попытались уточнить выражение «генетически обоснованный», добавив, что они имели в виду определенные структуры «появились» в Африке. Сторонники также полагают, что сегодняшняя критика отражает страх того, что бесплатные средние школы не имеют должного успеха.

Некоторые афроамериканцы полагают, что согласно резолюции темнокожие учащиеся не умеют правильно и понятно говорить на литературном английском языке и единственный способ в этом преуспеть — понизить нормы. Приверженцы резолюции настаивают на том, что принцип программы — добиться успеха учащихся, а не понизить стандарты; согласно предложенному плану, учителя

будут ожидать от детей того же, что и раньше, но действовать будут по-другому. Основное ошибочное толкование резолюции то, что школьников будут обучать на языке Ebonics. Тем не менее, сторонники резолюции оспаривают эту точку зрения. Резолюция не призывает к тому, чтобы преподаватели учили школьников на Ebonics; она поддерживает идею того, чтобы учителя использовали Black English, чтобы помочь школьникам выучить литературный английский язык. педагоги, поддерживающие эту программу, используют свои знания для того, чтобы помочь школьникам в обучении.

Прения о Black English не новы в истории США. Тем не менее, сравнительно недавнее решение школьного совета Окленда опять выдвинуло проблему обучения темнокожих детей на первый план. Ни один из школьников не должен быть подвержен насмешкам и быть дискриминированным ввиду своей культуры. Каждый школьник имеет право на дружелюбную атмосферу в классе, в которой рождается стимул к учебе. Темнокожего ребенка нужно рассматривать как полноценного школьника и, несмотря на его неудачи, учитель должен помогать ему и верить в его успех.

Литература:

1. Durkin, D. 1979. Teaching Them to Read. Boston, Ma: Allen and Bacon, Inc.
2. Brooks, Charlotte K., ed. 1985. Tapping Potential: English and Language Arts for the Black Learner. Urbana IL: National Council of Teachers of English.
3. Ball, Arnetta F. 1991. Organizational patterns in the oral and written expository language of African-American adolescents: Choice vs. ability. Paper presented to the annual meeting of the American Educational Research Association, Chicago, Illinois.
4. Perry, Theresa and Lisa Delpit, eds. 1998. The real Ebonics debate: Power, language, and the education of African-American children. Boston: Beacon.
5. Smith, Ernie. 1998. What is Black English? What is Ebonics? In Theresa Perry and Lisa Delpit, eds., The Real Ebonics Debate: Power, Language and the Education of African-American Children, 49–58. Boston: Beacon Press.
6. August Meier and Elliott Rudwick. 2002 Along the color line explorations in the Black experience 1st paperback ed. University of Illinois Press.
7. Smitherman, Geneva. 1977. Talkin' and testifyin': The language of Black America. Boston: Houghton Mifflin Co. [Reissued 1986: Detroit: Wayne State U. Press].

Трудности использования проектной деятельности в обучении

Митрофанова Г.Г., аспирант

Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина

Модернизация образования, приведение его в соответствие с новыми историческими условиями требует последовательного и кардинального его изменения на всех уровнях и во всех элементах. Важнейшей задачей реформирования образования является внедрение в практику обучения новых технологий, обеспечивающих интеллектуальное, творческое и нравственное развитие личности. Специфической формой творчества, способом развития человека являются, по мнению сов-

ременных ученых, проектная деятельность и метод проектов.

Методу проектов посвящено немало исследований в зарубежной и отечественной педагогике. А как обстоит дело с практикой его использования в системе общеобразовательной, средней и высшей профессиональной школы? Автором данной статьи было проведено анкетирование среди преподавателей школ, колледжей и вузов Ленинградской области. Был задан вопрос: «Используете

ли Вы метод проектов в своей работе?» Только 2% респондентов дали положительный ответ. На вопрос: «Что мешает Вам использовать метод проектов?» 29,5% респондентов ответили, что они слышали о методе проектов, но не знают о нем ничего. 43% респондентов ответили, что им мешает недостаток времени и на подготовку, и на проведение проектной деятельности на уроке. Действительно, подготовка к использованию метода проектов занимает очень много времени. Кроме того, каждый преподаватель старается экономить учебное время. 27,5% респондентов сказали, что они пробовали использовать метод проектов, но успеха не добились. Учащиеся выполняли проект без энтузиазма, как обычную работу. В чем причины неудачи?

Для того чтобы проанализировать трудности в использовании метода проектов, необходимо определить, что такое проект. Н.Ю. Пахомова, исследуя метод проектов в своей работе «Метод учебного проекта в образовательном учреждении», рассматривает учебный проект как с точки зрения учителя, так и с точки зрения учащегося. Учебный проект с точки зрения учащегося — это деятельность, направленная на решение интересной проблемы, сформулированной самими учащимися в виде цели и задачи, когда результат этой деятельности — найденный способ решения проблемы — носит практический характер, имеет важное прикладное значение и, что весьма важно, интересен и значим для самих открывателей» [9, с. 17]. А что такое учебный проект с точки зрения учителя? Это интегративное дидактическое средство развития, обучения и воспитания, которое позволяет вырабатывать и развивать специфические умения и навыки проектирования [9, с. 23]. Таким образом, автор подчеркивает, что в ходе проектной деятельности должна решаться проблема, которая сформулирована самими учащимися. А как дело обстоит на практике? Зачастую учителя сами называют проблемы, которые учащиеся должны решить. А ведь проблема, которую мы выдвигаем, может не быть лично значимой для них. В то же время учащимся трудно определить проблему самостоятельно, исходя из учебной темы. Как поступить учителю? Во-первых, существуют учебная тема и тема проекта. Вовсе необязательно они должны совпадать. Тема проекта должна быть сформулирована таким образом, чтобы в нем учащийся мог видеть скрытую проблему. Например, учебной темой по английскому языку у студентов педагогического колледжа может быть «Средства массовой информации». Тему проекта можно сформулировать следующим образом: «Плюсы и минусы телевидения». Проблема может стать лично значимой, если она сформулирована самими учащимися. Как подвести их к формулировке проблемы? Для этого существуют наводящие вопросы. Можно задать следующие вопросы:

1. Какие передачи Вы любите смотреть по телевизору?
2. Что Вы думаете о фильмах, демонстрируемых по телевидению?
3. Что Вы думает о рекламе на телевидении?
4. Каково влияние телевидения на подрастающее поколение?

Отвечая на данные вопросы, студенты могут прийти к формулировке проблемы: «Влияние телевидения на подрастающее поколение в основном отрицательное». Иногда, чтобы ответить на наводящие вопросы, учащиеся могут не владеть достаточной информацией. Преподаватель должен дать возможность студентам ознакомиться с ней, дав текст для чтения. Таким образом, первая трудность, с которой сталкиваются педагоги, состоит в организации самостоятельного определения студентами, учащимися проблем, т.е. первого этапа проектной деятельности.

Следующей трудностью является организация следующего этапа — целеполагания. Чаще всего цели бывают сформулированы нечетко. Можно использовать «Дерево целей» и метод SMART для постановки конкретной, реалистичной и достижимой цели.

На третьем этапе проектной деятельности — этапе выдвижения гипотезы — учителя сталкиваются с новой проблемой. Не всегда удачно идет «мозговая атака». Зачастую учителя не до конца понимают ее назначение, которое состоит в выдвижении как можно большего количества идей. Автор книги «Латеральное мышление» Эдвард де Боно предупреждает, что нельзя критиковать идеи на данном этапе [2, с. 187]. Ведь критикуя некоторые из них, которые нам кажутся на первый взгляд бессмысленными, неудачными или неподходящими, мы рискуем потерять в лице студентов и учеников генераторов идей. Ведь гипотеза — это предполагаемый способ решения проблемы. Для ее выдвижения необходимо иметь как можно больше идей, которые должны анализироваться и подвергаться выбору только после «мозговой атаки», а не во время ее проведения.

Четвертый этап — планирование проекта — сопряжен с двумя трудностями. Первая из них заключается в неумении студентами и учениками составить план деятельности. Т. Лазарев в своей статье «Проектный метод: ошибки в использовании» указывает на следующие типичные ошибки, встречающиеся при анализе планов школьных проектов: туманная логика достижения целей, слабо прописанные связи между деятельностью, задачами и целями проекта; отсутствие графика выполнения мероприятий и работ по проекту; определение требуемых ресурсов «на глазок»; отсутствие распределения ресурсов по времени и по работам, неиспользование объективных критериев выполнения пунктов плана; отсутствие анализа возможных рисков проекта [6, с. 10]. Преподаватель должен научить студентов, учащихся сопоставлять цели и задачи, выработать график выполнения мероприятий для достижения цели, определять ресурсы, определить время выполнения того или иного пункта плана, установить время текущего, промежуточного и итогового контроля выполнения проекта. Для того чтобы формировать элементарные навыки составления плана, можно использовать обычные уроки. На занятии по иностранному языку можно предложить написать план пересказа текста, план сочинения. На занятиях по математике, фи-

зике, химии можно дать задание написать план решения задачи. Кроме того, на данном этапе преподаватель может столкнуться с тем, что студенты и ученики часто не умеют работать в команде. Во-первых, необходимо правильно сформировать микрогруппы. А.В. Конишева, исследующая проблемы организации проектной деятельности при обучении иностранному языку, предлагает организовывать группы согласно психологической совместимости. Она считает, что в микрогруппе должны быть ученики с разным уровнем владения языком, мальчики и девочки [5, с. 144]. Во-вторых, необходимо научить их работе в сотрудничестве. Для этого существуют различные методы, например, метод *jigsaw* (пила), разработанный профессором Эллиотом Аронсоном. Применение данного метода на обычных занятиях способствует развитию умения работать в сотрудничестве.

На следующем этапе проектной деятельности — выполнении проекта — преподаватель очень часто сталкивается с отсутствием или недостаточным уровнем развития информационных умений у студентов и учеников. Ведь они должны уметь не только находить необходимый материал из нескольких источников, но и уметь анализировать его и делать выбор. Преподавателю необходимо отрабатывать данное умение на занятиях.

Кроме того, на данном этапе многим преподавателям трудно проследить, как идет работа над проектом. Необходимо организовать не только итоговый, но и текущий и промежуточный контроль. Однако следует избегать мелочной опеки. Ведь функция преподавателя на всех этапах — консультационно-координирующая.

На этапе презентации, когда студенты, учащиеся предъявляют продукты своей деятельности, учитель должен воздерживаться от оценки. Здесь он является только наблюдателем. Оценка проекта осуществляется на следующем этапе — рефлексивном. Многие педагоги забывают об этом этапе и завершают проект презентацией. Однако для формирования умения самостоятельной работы важно научить обучаемого анализировать свою деятельность. Поэтому на данном этапе анализируется не только сам проект, но и деятельность студентов или учащихся. В.П. Белогрудова в своей статье «Об исследовательской деятельности учащихся в условиях проектного метода» приводит вопросы для рефлексии, предлагаемые немецкими дидактами Бахманом, Бихелем, Бишофом, Борхардом. Эти вопросы помогают учащимся оценить процесс и результаты проектной деятельности:

— Что мы сделали? (Вопрос помогает ученикам вспомнить ход всего проекта от начала до конца.)

— Как мы это сделали? (Учащиеся анализируют задачи, методы их решения, трудности, неудачи, интересные находки и спонтанные идеи.)

— Зачем мы это делали? (Вопрос побуждает учеников оценить цели проекта, пользу и значимость отдельных заданий и проекта в целом.)

— Какие умения нужны были для этого? (Вопрос помогает оценить умения, приобретенные ими в результате

проекта. Учащиеся понимают, что для проекта нужны не только хорошие языковые знания, не меньшую роль играют также организаторские умения, умение работать в команде, умение отвечать за порученное дело.)

— Какие роли мы на себя принимали в работе над проектом? (В процессе обсуждения этого вопроса учащиеся отмечают, что выполнение этого проекта потребовало от них использования различных ролей: художника, декоратора, гида и т.п.)

— Какой опыт мы приобрели каждый в отдельности и в группе? (Учащиеся оценивают компетентность и неуверенность отдельных учеников, делятся своими мыслями и эмоциями, оценивают помощь и поддержку группы. Многие делают для себя открытие: «Я даже не предполагал, как я уже много знаю в языке». Учащиеся убеждаются в том, что проект активизирует скрытые резервы каждого, что также способствует успеху.)

— Какие альтернативы могли бы быть? (Учащиеся обсуждают процесс деятельности: что можно сделать быстрее, лучше, в чем и каких им не хватает знаний, что они в следующий раз сделают иначе.)

Такие параметры для саморефлексии дают возможность анализировать не только конечный, но и промежуточный результаты, осознавать правильность выбора цели, соответствие методов работы поставленной цели, оптимальность темпа работы и выполнения плана работы [1, с. 10].

Таким образом, преподаватели, использующие метод проектов, могут столкнуться с трудностями на всех этапах проектной деятельности. Однако все эти трудности преодолимы, если не подменять субъект-субъектные отношения субъект-объектными, если учитель постепенно переходит от информационно-контролирующей функции к консультационно-координирующей, если организуемая преподавателем проектная деятельность органично встроена в учебно-воспитательный процесс, а не является чем-то случайным, эпизодическим явлением. Ведь формировать умения проектной деятельности можно и на обычных уроках. В связи с этим Н.Ю. Пахомова выделяет три вида уроков. Первый вид — проектный урок, включает в себя или целиком состоит из работы над проектом. Второй вид — урок, на котором ставится триединая дидактическая цель не только относительно освоения того или иного предметного содержания, но и относительно формирования и развития универсальных умений, относящихся к проектным умениям. Это может быть проведение практических урочных занятий с включением частично самостоятельной деятельности учащихся. Такие занятия нацелены как на формирование проектной деятельности, так и на закрепление усвоенных предметных теоретических и практических знаний. Третий вид — урок, на котором помимо освоения предметного содержания происходит перевод предметных умений в общеучебные и универсальные. Эти уроки позволяют формировать проектную деятельность поэтапно с одной стороны, так и активизировать познава-

тельную деятельность учащихся по предмету с другой [10, с. 108].

Для достижения целей обучения в нашей педагогической деятельности мы придерживаемся общедидактических и методических принципов. Такие же принципы существуют и в проектной деятельности. Они определены нашими отечественными учеными. В качестве таковых Т.В. Душеина называет принцип решения проблем [3, с. 38], И.А. Колесникова и М.П. Горчакова-Сибирская — принципы пошаговости, обратной связи, продуктивности [4, с. 39], Н.В. Матяш — принцип ориентации на зону ближайшего развития, принцип совместной деятельности [7, с. 26]. При организации проектной деятельности

преподаватель обязан опираться на них, если он желает достичь цели. Е.С. Полат в своей работе «Новые педагогические и информационные технологии в системе образования» отмечает, что умение пользоваться методом проектов — показатель высокой квалификации преподавателя, его прогрессивной методики обучения и развития учащихся [8, с. 67]. Это показатель высокой креативности, которая помогает преподавателю, опираясь на позитивные моменты традиционного обучения, использовать современные технологии. Ведь сочетание инноваций и традиций как проявление одного из законов диалектики — закона единства и борьбы противоположностей — способствует развитию педагогической науки и практики.

Литература:

1. Белогрудова В.П. Об исследовательской деятельности учащихся в условиях проектного метода // Иностранный язык в школе. — 2005. — №8
2. Боно Э. Латеральное мышление. Минск: ООО «Попурри», 2005—384 с.
3. Душеина Т.В. Проектная методика на уроках иностранного языка // Иностранный язык в школе. — 2003. — №5
4. Колесникова И.А., Горчакова-Сибирская М.П. Педагогическое проектирование. М.: Академия, 2007
5. Коньшева А.В. Организация самостоятельной работы учащихся по иностранному языку. — СПб.: Каро, 2005—208 с.
6. Лазарев Т. Проектный метод: ошибки в использовании // Первое сентября. — 2011. — № 1. — С. 9—10
7. Матяш Н.В. Психология проектной деятельности школьников. Автореф. дис. ... докт. психол. наук. — М., 2000.
8. Новые педагогические и информационные технологии в системе образования. Под ред. Е.С. Полат. — М.: Издательский центр «Академия», 2003
9. Пахомова Н.Ю. Метод учебного проекта в образовательном учреждении. — М.: АРКТИ, 2005
10. Пахомова Н.Ю. Проектное обучение — что это? Из опыта методической работы: Дайджест журнала «Методист» / Сост. Е.М. Пахомова. Науч. ред. Э.М. Никишин. — М.: АПК и ПРО, 2004

Средства и методы формирования универсальных учебных действий младшего школьника

Петрова И.В., аспирант

Татарский государственный гуманитарно-педагогический университет (г. Казань)

Новые федеральные государственные стандарты образования декларируют, как основной приоритет системы образования формирование у школьников общеучебных умений и навыков, а также способов деятельности, а не только освоение учащимися конкретных знаний, умений и навыков в рамках отдельных дисциплин.

Важнейшей задачей современной системы образования является формирование универсальных учебных действий, обеспечивающих школьникам умение учиться, способность к саморазвитию и самосовершенствованию [3, с. 3]. Именно поэтому «Планируемые результаты» Стандартов образования (ФГОС) второго поколения определяют не только предметные, но метапредметные и личностные результаты. Основные результаты обучения детей в начальной школе — это формирование универсальных способов действий, воспитание умения учиться —

способности к самоорганизации с целью решения учебных задач, индивидуальный прогресс в основных сферах личностного развития — эмоциональной, познавательной. В результате обучения у ребёнка должны формироваться: желание и умение учиться, инициативность, самостоятельность, навыки сотрудничества в разных видах деятельности.

Именно поэтому сегодня учитель начальных классов переосмысляет свой педагогический опыт и ставит перед собой вопросы: Как обучать детей? Как формировать умение учиться? Что значит уметь учиться? Как формировать и развивать универсальные учебные действия у учащихся?

Ответы на эти вопросы мы найдём в программе надпредметного курса «Мир деятельности» для учащихся 1—4 классов общеобразовательных школ, автором ко-

торой является Л.Г. Петерсон. Курс разработан в рамках образовательной системы «Школа 2000...», пока находится в стадии апробации. Курс «Мир деятельности» не входит в число обязательных учебных дисциплин, поэтому учителя могут использовать элементы курса в предметных уроках, включать в классные часы или использовать во внеурочной деятельности.

Основной целью курса «Мир деятельности» для 1–4 классов общеобразовательной школы является создание теоретического фундамента для формирования у учащихся общеучебных и деятельностных умений и связанных с ними способностей и личностных качеств как необходимого условия построения современной модели образования [6, с. 5]. Курс состоит из четырёх содержательно-методических линий: организационно-рефлексивной, коммуникативной, познавательной и ценностной.

Основной, системообразующей линией данного курса является организационно-рефлексивная линия: именно здесь закладываются и формируются те знания и умения детей, которые определяют их умение учиться, готовность и способность к саморазвитию. Остальные три линии являются поддерживающими, сопровождающими основную линию, но без них деятельностные умения, освоенные ребёнком, не принесут ожидаемого эффекта [6, с. 6].

В первом классе у детей складывается представление об учебной деятельности. Учащиеся находят ответ на вопрос: Что значит уметь учиться? Они знакомятся с двумя основными шагами учебной деятельности — «Что я не знаю?» и «Сам найду способ!». Младшие школьники учатся фиксировать затруднение в учебной деятельности, ставить цель, строить способ достижения цели. Мы формируем и развиваем у учащихся умение проверять свою работу по образцу с опорой на алгоритм, также знакомим с алгоритмом исправления ошибок. Ученики учатся выполнять инструкции, чётко следовать образцу. Таким образом, мы формируем у первоклассников регулятивные универсальные учебные действия. Регуляция — это не что иное, как управление действиями, это основа основ успешности любой деятельности, это умение управлять своей деятельностью. А.Г. Асмолов в пособии «Как проектировать универсальные учебные действия. От действия к мысли» отмечает, что «в начальной школе можно выделить следующие регулятивные учебные действия, которые отражают содержание ведущей деятельности детей младшего школьного возраста: умение учиться и способность к организации своей деятельности (планирование, контроль, оценка); формирование целеустремлённости и настойчивости в достижении целей, жизненного оптимизма, готовности к преодолению трудностей. [3, с. 76–77]. Так целеполагание, планирование, освоение способов действия, освоение алгоритмов, оценивание собственной деятельности являются основными составляющими регулятивных универсальных учебных действий, которые становятся базой для учебной деятельности.

В рамках занятий по коммуникативной линии данного курса учитель знакомит детей с основными правилами об-

щения, правилами поведения на уроке, учащиеся выводят простейшие правила работы в парах, группах, а самое главное приобретают опыт совместной работы. В реальной практике не все педагоги любят применять групповую, парную работу на уроках. Почему? Многие учителя наивно полагают, если дать групповое или парное задание, то все пойдёт само собой. На уроке очень часто возникает излишний шум, ссоры, некоторые из детей абсолютно не участвуют в работе. Это происходит на наш взгляд только потому, что школьниками не освоены модели деятельности в паре, в группе. Необходимо формировать представление детей о том, что важно обмениваться мыслями, понимать друг друга, договариваться, а также учить детей общаться, продуктивно сотрудничать друг с другом.

Задача ценностной линии — сформировать у ребёнка нравственно-этические и ценностные ориентиры, которые придадут его деятельности созидательный смысл [6, с. 7]. У учащихся формируются первые представления о ценностях жизни, строится ценностная диаграмма класса.

Познавательная линия направлена на передачу учащимся инструментов познания [6, с. 6], учащиеся учатся работать с информацией, с текстами, строят опорные сигналы и алгоритмы.

Таким образом, в руках у педагогов появился инструмент, который позволяет грамотно формировать у детей универсальные учебные действия.

В результате апробации данного курса мы заметили, что полученные знания и первичные умения на уроках по курсу «Мир деятельности», учащиеся переносят на предметные уроки. Мы видим, что общеучебные умения обладают свойствами универсальности, надпредметности, широтой применения и возможностью перенесения с одного учебного материала на другой.

Одним из неперенных **условий формирования универсальных учебных действий на всех ступенях образования** на наш взгляд является обеспечение **преемственности** в освоении учащимися этих действий. Большая ответственность в этом деле возлагается как на каждого педагога в отдельности, так и на весь педагогический коллектив в целом. **Учитель играет ведущую роль в формировании учебных действий у учащихся.** Поэтому подбор содержания урока, разработка конкретного набора наиболее эффективных учебных заданий (в рамках каждой предметной области), определение планируемых результатов, выбор методов и форм обучения — всё это требует от педагога грамотного подхода.

Федеральный государственный образовательный стандарт второго поколения строится на системно-деятельностном подходе. Следовательно, сегодня предстоит отойти от традиционной передачи готового знания от учителя ученику. Задачей учителя становится не только наглядно и доступно на уроке всё объяснить, рассказать, показать, а включить самого ученика в учебную деятельность, организовать процесс самостоятельного ов-

ладения детьми нового знания, применения полученных знаний в решении познавательных, учебно-практических и жизненных проблем. Многие учителя-практики в своей деятельности сталкиваются с трудностями, обусловленными низкой мотивацией учащихся на предмет получения новых знаний, активности в учебной деятельности. Разрешением этого вопроса является использование активных форм и методов обучения на уроке. Одним из эффективных средств, способствующих познавательной мотивации, а также формированию универсальных учебных действий является создание проблемных ситуаций в учебном процессе.

А. М. Матюшкин характеризует проблемную ситуацию как «особый вид умственного взаимодействия объекта и субъекта, характеризующийся таким психическим состоянием субъекта (учащегося) при решении им задач, который требует обнаружения (открытия или усвоения) новых, ранее субъекту неизвестных знаний или способов деятельности». Иначе говоря, проблемная ситуация — это такая ситуация, при которой субъект (ученик) хочет решить какие-то трудные для себя задачи, но ему не хватает данных и он должен сам их искать [5, с.19]. Проблемная ситуация — средство организации проблемного обучения, это начальный момент мышления, вызывающий сознательную потребность учения и создающий внутренние условия для активного усвоения новых знаний и способов деятельности. [5, с.11].

Наиболее общие дидактические способы создания проблемных ситуаций, которые могут быть использованы при изучении различных предметов, намечены М.И. Кругляком, И.Я. Лернером, М.И. Махмутовым, И.К. Тарасенко, Р.А. Хабибом, М.Н. Скаткиным, Е.Л. Мельниковой. Эти исследователи рассматривают различные способы предъявления учащимся заданий. Учитывая, что противоречие составляет основное звено проблемной ситуации, можно рассматривать некоторые общие пути и способы создания проблемных ситуаций, получившие наибольшее распространение в практике обучения, как способы заострения противоречий в сознании учащихся.

Проблемная ситуация возникает, когда учитель преднамеренно сталкивает жизненные представления учащихся с фактами, для объяснения которых у школьников не хватает знаний, жизненного опыта. Преднамеренно столкнуть жизненные представления учащихся с научными фактами можно с помощью различных наглядных средств, практических заданий, в ходе выполнения которых школьники обязательно допускают ошибки. Это позволяет вызвать удивление, заострить противоречие в сознании учащихся и мобилизовать их до решения проблемы. Например, на уроке окружающего мира в первом классе по теме «Кто такие птицы?» мы можем создать следующую проблемную ситуацию:

– Назовите отличительный признак птиц. (Это животные, которые умеют летать.)

– Посмотрите на слайд. Каких животных вы узнали? (Летучая мышь, бабочка, воробей, курица.)

– Что общего у этих животных? (Умеют летать.)

– Можно их отнести к одной группе? (Нет.)

– Умение летать будет отличительным признаком птиц?

– Вы что предполагали? А что получается на самом деле?

Какой вопрос возникает? (Что является отличительным признаком птиц?)

Проблемную ситуацию можно создать, побуждая учащихся к сравнению, сопоставлению противоречивых фактов, явлений, данных, т.е. практическим заданием или вопросом столкнуть разные мнения учащихся. Так, на уроке русского языка в первом классе по теме «Имя собственное. Слова, которые произносятся одинаково, а пишутся по-разному» мы предлагаем учащимся следующую ситуацию:

– Одна девочка-первоклассница написала о себе в газету. Вот что у неё получилось:

«Здравствуйте! Меня зовут аня. Я живу в городе казани. Я люблю читать сказки. Мои любимые сказочные герои – бура-тино, золушка. А ещё я люблю играть с шариком».

– Исправьте ошибки. Запишите последнее предложение в тетрадь.

– Как вы написали слово шарик в предложении? (Разные ответы: шарик, Шарик.)

– Посмотрим на экран. В чём затруднение? (Мы видим, что у некоторых ребят это слово записано с большой буквы, а у других с маленькой.)

– Какой вопрос возникает? (Кто прав?)

– Что нужно сделать? (Остановиться и подумать.)

В школьной практике широкое применение получили проблемные ситуации, возникающие при несоответствии известного и требуемого способов действия. Учащиеся сталкиваются с противоречием в том случае, когда их побуждают выполнять новые задачи, новые действия старыми способами. Поняв несостоятельность этих попыток, они убеждаются в необходимости овладения новыми способами действий.

Создание проблемных ситуаций на уроках дает возможность активизировать мыслительную деятельность учащихся, направить ее на поиск новых знаний и способов действий, так как «следующий этап работы в классе — решение поставленной задачи. Дети высказывают разные предложения, как можно решить поставленную задачу. Если дети быстро предлагают удачное (результативное) решение, дело учителя решить, можно ли переходить к следующему этапу урока. Если учитель не сомневается в том, что большинство детей понимают суть открытия (или это предложение сделано практически одновременно многими детьми), то можно двигаться дальше. Однако иногда возникает ситуация, когда суть хорошей идеи понимают один — два человека в классе, а остальные ещё не готовы воспринять её. Тогда учитель должен намеренно «нейтрализовать» догадавшихся детей, заставляя тем самым остальных продолжать додумывать» [1, с.34]. А.К. Дусавицкий, Е.М. Кондратюк, И.Н. Толмачёва в книге «Урок в развивающем обучении» отмечают: «На этом этапе работы учителю важно обеспечить участие каждого ребёнка

в совместных действиях по удержанию и решению учебной задачи» [2, с.25].

На таком уроке реализуется исследовательский подход к обучению, принцип деятельности, смысл которого заключается в том, что ребёнок получает знание не в готовом виде, а «добывает» его в процессе своего труда. Именно такой урок на наш взгляд нужен сегодняшнему ученику. Урок, на котором учитель учит ребёнка учиться, обучает деятельности. А.А. Леонтьев отмечает «Обучать деятельности — это значит делать учение мотивированным, учить ребенка самостоятельно ставить перед собой цель и находить пути, в том числе средства, ее достижения (т.е. оптимально организовывать свою деятельность), помогать ребенку сформировать у себя умения контроля и самоконтроля, оценки и самооценки» [4, с.5].

Представленный ниже фрагмент урока русского языка в третьем классе по теме «Непроизносимые согласные» иллюстрирует организацию работы класса в технологии деятельностного подхода.

Ученики под диктовку записывают слова: сказка, рассказ, книжка, суббота, класс.

– Какие орфограммы встретились в этих словах? (Удвоенные согласные и парные согласные.)

– Какие слова отнесём к первой группе, какие ко второй?

– Что мы знаем о парном согласном звуке на конце и в середине слов? (При произношении он может оглушаться.) Как проверить орфограмму?

– Что происходит с удвоенными согласными при произношении? (Они сливаются в один звук.)

– Ребята, запишите под диктовку слова: радостный, грустный, праздник.

Учащиеся работают в тетрадях, одновременно у доски с обратной стороны работают два ученика.

– Какие получились результаты? (Разные: радостный, грустный, праздник и радосный, грусный, праздник.)

– Кто согласен с первым ответом? Со вторым? Мнения разделились. Почему? (Мы не знаем, как проверить.)

– Что у нас возникло? (Затруднение.)

– Чем это задание похоже на предыдущее? (Там тоже орфограмма – согласная.)

– Чем оно не похоже на предыдущее? (Там были слова, в которых согласные произносились, а здесь нет.)

– Какова причина вашего затруднения? (У нас нет знаний – нужно или не нужно писать согласную в слове, если её не слышно.)

Важно, чтобы собственное знание о незнании воспринималось детьми как ценный результат урока и становилось стимулом дальнейшего освоения содержания.

– Вам важно знать, как пишутся слова: с согласной или без неё? (Да. Мы должны уметь грамотно писать диктанты, сочинения, переписываться по электронной почте.)

– Какую цель поставите на уроке? (Узнать пишутся ли в словах согласные, если они не произносятся.)

– Какая же тема урока сегодня? (Непроизносимые согласные.)

– Что нам поможет узнать пишутся ли в словах согласные, если они не произносятся? (Правило или алгоритм.)

– Значит, какая наша задача? (Составить алгоритм или вывести правило.)

– Какой способ мы будем использовать при выведении правила? (Обычно мы выводим правило на основе наблюдения и сравнения.)

В процессе такой систематической работы на уроке мы формируем и развиваем у учащихся регулятивные, познавательные, коммуникативные действия. Учащиеся учатся фиксировать затруднения в собственной деятельности, выявлять причины этих затруднений, определять цель своей дальнейшей работы, выбирать средства и способы достижения поставленной цели, осуществлять поиск необходимой информации. Ученики учатся сравнивать, анализировать, делать вывод, формулировать своё мнение и позицию, координировать различные позиции в сотрудничестве.

Таким образом, сегодня, на наш взгляд, использование в начальной школе курса Л.Г. Петерсон «Мир деятельности», включение в урок проблемных ситуаций, построение урока в технологии деятельностного метода обучения способствует формированию универсальных учебных действий у учащихся, даёт возможность детям вырасти людьми, способными понимать и оценивать информацию, принимать решения, контролировать свою деятельность в соответствии поставленными целями. А это именно те качества, которые необходимы человеку в современных условиях.

Литература:

1. Воронцов А.Б. Организация учебного процесса в начальной школе: Методические рекомендации// Серия «Новые образовательные стандарты». — М.: ВИТА-ПРЕСС, 2011. — 72 с.
2. Дусавицкий А.К. Урок в развивающем обучении: Книга для учителя/ А.К. Дусавицкий, Е.М. Кондратюк, И.Н. Толмачёва, З.И. Шилкунова. — 2-е изд. — М.: ВИТА-ПРЕСС, 2010. — 288 с.
3. Как проектировать универсальные учебные действия в начальной школе: от действия к мысли: пособие для учителя / [А.Г. Асмолов, Г.В. Бурменская, И.А. Володарская и др.]; под ред. А.Г. Асмолова. — М.: Просвещение, 2008. — 151 с.
4. Леонтьев А.А. Что такое деятельностный подход в образовании? // Начальная школа плюс ДО и После. — № 01, 2001, с. 3–6
5. Матюшкин А.М. Проблемные ситуации в мышлении и обучении/ А.М.Матюшкин. — М.: Просвещение, 1972. — 208 с.

6. Петерсон Л.Г. Программа надпредметного курса «Мир деятельности» по формированию общеучебных организационно-рефлексивных умений и связанных с ними способностей и личностных качеств у учащихся 1–4 классов общеобразовательной начальной школы. — М.: УМЦ «Школа 2000...», 2009. — 40 с.

Метод case-study как современная технология профессионально-ориентированного обучения студентов

Покушалова Л.В., доцент
Томский политехнический университет

*Зачем использовать метод case-study?
Потому, что о мудрости нельзя рассказать в словах.*
[5]

К числу наиболее эффективных методик преподавания английского языка профессии относится метод кейс-стади. Сущность метод кейс-стади заключается в самостоятельной иноязычной деятельности обучаемых в искусственно созданной профессиональной среде, которая даёт возможность соединить воедино теоретическую подготовку и практические умения, необходимые для творческой деятельности в профессиональной сфере. Обучаемым предлагается осмыслить ситуации профессиональной деятельности, которые предусматривают необходимость решения проблемы. В процессе разрешения возникшей проблемы обучаемые вынужденно актуализируют необходимый для этого комплекс усвоенных знаний. Кейс-метод позволяет учитывать профессиональную подготовку студентов, интересы, выработанный стиль мышления и поведения, что даёт возможность широко использовать его для обучения иностранному языку профессии.

Принято считать, что техника кейс-метода была разработана в начале 20-х годов прошлого века в Гарвардской бизнес-школе. Однако основы этой методики лежат в глубокой древности. Одним из первых кейсологов был Сократ, который много веков назад понял, что знание, полученное человеком в готовом виде, менее ценно для него и потому не так долговечно, как продукт собственного мышления. Задачу учителя он видел в том, чтобы помочь своим слушателям самостоятельно «родить» знания, которые в каком-то смысле уже содержатся в их головах, как ребёнок во чреве матери [1]. Тысячелетия спустя использование метода, прародителем которого был Сократ, назовут ментальным переломом в образовании и имя ему будет метод кейс-стади.

Так что же это такое кейс и метод кейс-стади?

Метод кейс-стади — это не просто методическое нововведение — это метод активного обучения на основе реальных ситуаций. Можно сказать, что этот метод направлен не столько на освоение конкретных знаний, или умений, сколько на развитие общего интеллектуального и коммуникативного потенциала студентов и преподавателей.

Кейс — это маленькое литературное произведение, позволяющее не только получить информацию, но и по-

рузиться в атмосферу происходящего. Это помогает студентам представить себя в реальной жизненной ситуации, а не просто решать сложную задачу.

Проблема внедрения кейс-метода в практику высшего профессионального образования в настоящее время является весьма актуальной, что обусловлено двумя тенденциями:

- первая вытекает из общей направленности развития образования, его ориентации не столько на получение конкретных знаний, сколько на формирование профессиональной компетентности, умений и навыков мыслительной деятельности, развитие способностей личности, среди которых особое внимание уделяется способности к обучению, смене парадигмы мышления, умению перерабатывать огромные массивы информации;

- вторая вытекает из развития требований к качеству специалиста, который, помимо удовлетворения требованиям первой тенденции, должен обладать также способностью оптимального поведения в различных ситуациях, отличаться системностью и эффективностью действий в условиях кризиса.

М. Долгоруков относит метод «case study» к «продвинутому» активным методам обучения. Этот метод имеет сильные стороны, к которым можно отнести:

- возможность работы в группах на едином проблемном поле;
- использование краткой информации, снижающей степень неопределенности в условиях лимита времени;
- использование принципов проблемного обучения;
- возможность получения студентами не только знания, но и глубокое осмысление теоретических концепций;
- возможность создания новых моделей деятельности;
- выработки навыков простейшего обобщения информации. [2]

Кейс-метод требует подготовленности студентов, наличия у них навыков самостоятельной работы. Неподготовленность студентов, неразвитость их мотивации может привести к поверхностному обсуждению кейса, поэтому кейс-метод на занятиях английского языка рекомендуется применять на старших курсах, т.к. необходим опре-

Таблица 1.

Методы, интегрированные в кейс-метод	Характеристика его роли в кейс-методе
Моделирование	Построение модели ситуации
Системный анализ	Системное представление и анализ ситуации
Мысленный эксперимент	Способ получения знания о ситуации посредством ее мысленного преобразования
Метод описания	Создание описания ситуации
Проблемный метод	Представление проблемы, лежащей в основе ситуации
Метод классификации	Создание упорядоченных перечней свойств, сторон, составляющих ситуации
Игровые методы	Представление вариантов поведения
«Мозговая атака»	Генерирование идей относительно ситуации
Дискуссия	Обмен мнениями по поводу проблемы и путей её решения

делённый запас знаний по специальности и достаточный уровень владения английским языком. Кроме того, будучи сложным и эффективным методом обучения, кейс-метод не является универсальным и применяется особенно успешно только в сочетании с другими методами обучения иностранным языкам, т.к. сам по себе не закладывает обязательного нормативного знания языка. В таблице 1 представлены возможности интеграции разных методов при организации работы с кейсом.

Что дает использование кейс-метода в изучении иностранного языка? [4]

- Повышает уровень знания иностранного языка в целом. Использование терминов и их понимание более эффективно, чем простое их заучивание, так как требует умения их использовать;

- Развивает творческое мышление, заставляя думать на языке;

- Развивает навыки проведения презентации (умение публично представить свою работу на иностранном языке);

- Учит формулировать различные типы вопросов;

- Развивает умение вести дискуссию, аргументировать ответы, что способствует развитию речи без опоры на готовый текст;

- Совершенствует навыки профессионального чтения на иностранном языке и обработки информации;

- Учит работать в команде и вырабатывать коллективное решение;

- Позволяет полноценно решить индивидуальную и групповую самостоятельную работу студентов.

Разбирая кейс, студенты фактически получают на руки готовое решение, которое можно применить в аналогичных обстоятельствах. Увеличение в «багаже» студента проанализированных кейсов, увеличивает вероятность использования готовой схемы решений к сложившейся ситуации, формирует навыки решения более серьезных проблем.

Процесс создания кейса представляет собой сложную педагогическую систему и осуществляется в несколько этапов: [6]

- Формирование дидактических целей. На этом этапе определяется место кейса в структуре учебного курса, выявление знаний, умений и навыков, формирование социальных компетенций студентов. Методической целью может быть иллюстрация к теории и чисто практическая ситуация, или их совмещение. Цель должна быть весомой, чтобы заинтересовать студентов. Этому будет способствовать напряженность ситуации, конфликт или драматичность, которые позволят принять быстрое, своевременное и правильное решение. Кейс должен быть написан понятным студенту языком, без лишней терминологии;

- Построение программной карты кейса. Карта состоит из определенных тезисов, которые воплощаются в тексте. Это как бы каркас, который обрастает информацией, деталями для решения проблемы. Составляется схема кейса:

- а) обозначается действие, действующие лица, дается их характеристика;

- б) описывается ситуация (симптомы);

- в) указываются элементы среды (внешние факторы);

- Социальная система для кейса. Сюда мы можем отнести организацию, учреждение, которые имеют непосредственное отношение к тезисам;

- Сбор информации в избранной системе. Информация дается объективной, достаточной и достоверной для составления тезисов;

- Построение модели ситуации. Ситуация максимально отражает деятельность системы представленной в кейсе;

- Выбор жанра кейса. Преподаватель, который составляет кейс, выбирает вид кейса;

- Написание текста кейса. Это самая трудная часть, поскольку необходимо адекватно отразить собранную и проанализированную информацию, при этом помнить об аудитории, для которой составлен кейс;

- Диагностика правильности и эффективности кейса. Проводится учебно-методический эксперимент, построенный по определенной схеме, для выяснения эффективности кейса;

- Внедрение кейса в практику обучения.

Таким образом, приходим к выводу, что студент рассматривает случай, приведенный в кейсе, вникает в него, может прогнозировать и демонстрировать свое решение, выносимое на обсуждение. [5]

Решение кейсов рекомендуется проводить в 5 этапов:

- Первый этап — знакомство с ситуацией, ее особенностями;
- Второй этап — выделение основной проблемы (основных проблем), выделение факторов и персоналий, которые могут реально воздействовать;
- Третий этап — предложение концепций или тем для «мозгового штурма»;
- Четвертый этап — анализ последствий принятия того или иного решения;
- Пятый этап — решение кейса — предложение одного или нескольких вариантов (последовательности дейс-

твий), указание на возможное возникновение проблем, механизмы их предотвращения и решения.

Подводя итог выше сказанному, следует еще раз отметить, что метод кейс-стади предоставляет студентам отличную возможность творчески применять пройденный языковой материал на базе своих профессиональных знаний и позволяет студентам адаптироваться к реальным и потенциально возможным ситуациям. Будучи интерактивным методом обучения, он завоевывает позитивное отношение со стороны студентов, которые видят в нем возможность проявить инициативу, почувствовать самостоятельность в освоении теоретических положений и овладении практическими навыками. Не менее важно и то, что анализ ситуаций довольно сильно воздействует на профессионализацию студентов, способствует их взрослению, формирует интерес и позитивную мотивацию к учебе.

Литература:

1. Гончарова М.В. Кейс-метод в обучении иноязычному общению менеджеров // Студент и учебный процесс: иностранные языки в высшей школе. Сборник научных статей / Под ред. Ю.Б. Кузьменковой. — М.: Центр по изучению взаимодействия культур ФИЯ МГУ им. М.В.Ломоносова, 2004. (Дискуссионный клуб FLT: современные тенденции и опыт профессионалов. Вып. №5. С. 95—100.
2. Долгоруков А.М. Case study как способ понимания // Практическое руководство для тьютера системы Открытого образования на основе дистанционных технологий. М.: Центр интенсивных технологий образования, 2002. С. 21—44
3. Козина, И. Case study: некоторые методические проблемы /И.Козина // Рубеж. — 1997. — № 10—11. — С. 177—189.
4. Колесник Н.П. Кейс-стади в интерактивном обучении педагогике /Методические рекомендации — в 2-х частях /41 — СПб НП «Стратегия будущего», 2006 198 с — 13,25 п.л.,
5. Михайлова Е.А. кейс и кейс-метод: общее понятия //Маркетинг.1999.№1.-с 109—117.
6. http://www.vshu.ru/lections.php?tab_id=3&a=info&id=2600

Функциональность хора в пространстве древнегреческого представления

Редько А.М., педагог

Пермский музыкальный колледж

В предлагаемой работе автор рассматривает хор как сценическую форму тем самым, анализируя функциональные свойства коллективного участника в пространственной нише античного театра на примере греческих трагедий «Персы», «Орестея», «Прометей Прикованный», а также «Эдип-Царь», «Антигона» великих трагиков Эсхила и Софокла.

Ключевые слова: хор, функциональность, античный театр, древнегреческая трагедия.

Redko A.M. — The teacher of the Perm musical college

Functionality of chorus in space of ancient Greek representation

In offered work the author considers chorus as the scenic form thereby, analyzing functional properties of the collective participant in a spatial niche of ancient theatre on an example of the Greek tragedies «Persians», «Oresteja», «Prometheus Prikovannyj», and also «Edip-tsar», «Antigona» of great tragedians of Eshila and Sofokla.

Keywords: chorus, functionality, ancient theatre, Ancient Greek tragedy.

Древнегреческий театр возник из сельских празднеств в честь Бога Диониса. Вначале Дионис считался богом производительной силы природы, и греки изображали его

в виде козла или быка. Однако позже, когда население древней Греции познакомилось с возделыванием виноградников, Дионис стал Богом виноделия, а потом и Богом

поэзии и театра. Несколько раз в году происходили празднества, посвященные Богу Дионису, на которых пели дифирамбы (в форме хвалебных песен). На этих празднествах выступали и ряженые, составлявшие свиту Бога Диониса. Форма непосредственного участия включения в обряд всех постепенно сменялась формами соучастия, расслоения действующих лиц на исполнителей, зрителей и особое образование — *хор*, возникший, из свиты сопровождающий Бога Диониса. Жители Фракии, Фригии и Лидии поклонялись божеству, свиту которого составляли обитатели гор, лесов — «*менады*», «*вакханки*», «*сатиры*». Со временем этот культ распространился по всей Элладе. Под звуки флейты чествовали своё божество, окружённое жителями лесов, и люди много чудес приписывали ему (Богу Дионису). Он мог наслать безумие на нарушавшего обычай, в его присутствии зацветали мачты кораблей, превращаясь в виноградную лозу. Это божество почитали, прежде всего, те, кто трудом своим будил землю, кто сажал и возделывал виноград. Торжественная часть праздника дала рождение трагедии.

Трагедия, по свидетельству Аристотеля, «ведет свое начало от запевал дифирамба. Эти запевалы, отвечая на вопросы хора, могли рассказать о каких-либо событиях из жизни бога и побуждать хор к пению. К этому рассказу примешивались элементы актерской игры, и миф как бы оживал перед участниками праздника. В ходе развития греческой трагедии круг сюжетов мифологии, (помимо мифов о Боге Дионисе), вошли рассказы о судьбах героев древности — Эдипа, Агамемнона, Геракла и Фесея. Мифология греков выросла из стремления объяснить окружающий мир, и была тесно связана с религией. Греческая трагедия целиком основывается на мифологии. Но сквозь мифологическую оболочку отражалось в трагедии современная общественная жизнь. По свидетельству самих греков, трагедия уже во второй половине VI века до нашей эры достигла значительного развития, используя богатое наследие эпоса и лирики. Усилению действенной стороны трагедии очень способствовало нововведение трагика Феспида. Он выделил из хора особого исполнителя — актера. Ранние греческие трагедии напоминали, скорее всего, лирические кантаты и почти сплошь состояли из песен хора и актера» [1, с. 666].

В трагедии до Эсхила было ещё очень мало действия. Эсхил, (автор героико-патриотических поднимающих большие исторические и религиозно-философские темы произведений), ввёл второго актёра, открыв этим возможность более глубокой разработки трагического конфликта и усиления действенной стороны театрального представления. Введение второго актёра повлекло за собой и развитие диалога. В ранних трагедиях хоровые партии составляют более половины пьесы, а в более поздних хор играет уже значительно меньшую роль. При Эсхиле определилась классическая форма строения трагедии и порядок трагического представления.

Почти все дошедшие до нас трагедии начинаются с *пролога*, в котором содержится завязка действия. Затем

следует *парод* — песня, которую исполняет *хор*, вступая на *оркестру*. Далее идет чередование «*эписодиев*» (диалогических частей, исполняемых актерами, иногда при участии хора) и «*стасимов*» (песен хора). Заключительная часть трагедии называется «*эксодом*» (песня, исполняя которую хор покидает сцену). В трагедиях встречаются также «*гипорхема*» (радостная песня хора, звучащая, как правило, в кульминационный момент, перед катастрофой), «*коммосы*» (совместные песни-плачи героев и хора), монологи героев. Обычно трагедия состояла из 3–4 *эписодиев* и 3–4 *стасимов*. «*Стасимы*» разделяются на отдельные части-строфы и антистрофы, строго соответствующие по структуре одна другой. При исполнении строф и антистроф хор двигался по оркестру то в одну, то в другую сторону. Строфа и соответствующая ей антистрофа написаны всегда в одном и том же размере, а новые строфа и антистрофа — в другом. Таких пар в «*стасиме*» бывает несколько; их замыкает общий эпод (заключение). Песни хора обязательно исполнялись под аккомпанемент флейты.

Обращаясь к хору конкретно как действующему герою в процессе анализа раскроем его функциональность в древнегреческом сценическом представлении. Вначале определим, что представляет собой хор.

Хор (греч. *chorós*), обязательный коллективный участник древнегреческого спектакля (V век до нашей эры). Древнегреческая драма была основана на чередовании хоровых и речевых партий. В трагедиях Эсхила хор состоял из 12 человек, Софокла — около 15 человек, в комедиях — до 24 человек. Подбор и оплату хора брал на себя «*хорег*» (руководитель хора — богатый гражданин Афин). Непосредственную его подготовку к выступлению осуществлял «*хородидаскал*» (буквально — учитель хора).

Возвращаясь к великому трагику Эсхилу, остановимся на трагедии «Персы». Хор состоит из персидских старейшин, треносы которых тоже составляют значительную часть трагедии — около половины ее. Было нечто подобное до поэта в оратории значительную часть, которой составляли ритуального происхождения славословия и плачи («*треносы*»). Обладая фантазией истинного поэтического гения и философской глубиной постижения конфликтов, постепенно преодолевается та ведущая роль, которую все еще играет в некоторых произведениях поэта хор, его сплошные треносы и торжественные песнопения.

Строго продумана композиция. В начале драмы «Персы», в ее величаво-торжественном пародии, лирически выраженное смутное опасение надвигающейся катастрофы чередуется с эпическим и одическим восхвалением персидских полчищ и их военачальников во главе с «царем царей» Ксерксом. Но уже конец этого первого выступления хора, его эпод, звучит печальным аккордом: Ата обольстила и ослепила главаря похода, и это приводит к беде. Затем, после рассказа вестника о полном поражении, после печального предсказания тени Дария и, наконец, когда появляется жалкий Ксеркс, хор будет

в горьких треносах изливать свою скорбь о потере Персией былой мощи, славы и величия, о гибели поименно названных военачальников и множества участников похода, потопленных в море и сраженных копьями эллинов. Так, возвеличивая и оплакивая побежденного врага, хор подчеркивает величие самой победы и прославляет победителей, лирическая патетика плачей хора звучала для слуха афинян гимнической радостью славословия. Но, наряду с этой лирической функцией, хор выступает и как своего рода *«резонер»* (прямой выразитель идеи автора). Устами хора высказывается основная мысль поэта, гордого демократической свободой эллинов, противопоставленной рабской зависимости персов от власти деспотического царя, устами тех же персидских старейшин автор выражает свое сознание неизбежности справедливого возмездия. Мы (зрители) сочувствуем им, переживаем за героев, что отчасти делает и хор, который кроме этого обосудает поступки и действия действующих лиц.

Останавливаемся на другом произведении. По жанру «Орестея» ближе оратории ввиду большого количества хоров и их значительных размеров. Есть хоры моралистически-философского или религиозно-философского содержания, однако уже в конце Агамемнона хор обнажает мечи, чтобы вступить в борьбу с Эгисфом. Хор аргосских старцев вспоминает о трагическом прошлом в доме Агамемнона и воспеваает мудрого и справедливого Зевса, но в начале трагедии в интонации хора угадывается предчувствие чего-то ужасного и неотвратимого. Этим предчувствием хор будет делиться с нами еще не раз на протяжении всей трагедии. Родовое проклятье, кровная месть, восстановление справедливости — основные движущие силы трагедии, еще выразительнее эта мысль подчеркнута в песне хора, исполняемой уже, после того как стало известно о падении Трои. Поет хор в первом стасиме (узнав от Клитемнестры о взятии Трои). И тут же от конкретного факта (наказания Александра, т.к. его поступок есть преступление против Справедливости) хор переходит к общим размышлениям: за ударом Зевса можно проследить, он свершил, как замыслил. Возвращаясь в мыслях к началу троянского похода, хор произносит три роковых для царя слова: «ради многожужней жены». Царю еще до начала войны пришлось расплачиваться ценой за свой поступок: из всех событий этого времени хор вспоминает самое мрачное (зловещую смерть Ифигении, принесенной отцом в жертву богине Артемиде, чтобы добиться прекращения ветров, крушивших в гавани греческие корабли). Хор желает себе благополучия, не вызывающего зависти. Победа над Троей не поддается в устах хора однозначной оценке: она справедлива в той мере, в какой несет заслуженную кару Парису; она выходит за пределы справедливости, будучи оплачена слишком дорогой ценой. Эта внутренняя противоречивость совершившегося не может не накладываться отпечатка и на судьбу Агамемнона, — поэтому хор, проводив царя во дворец, вместо радостного победного славения прислушивается к встревоженному голосу своего сердца. Тот факт, что хор развивает мысли

Кассандры, особенно важен: суждение составляющих хор аргосских старцев, при всей их объективности, остается все же человеческим мнением, Кассандра же, приобщившись благодаря ясновидению к божественному знанию, придает оценке событий непререкаемую авторитетность. Убийство Агамемнона, о котором хор узнает из криков убиваемого, один из наиболее драматичных эпизодов трагедии. Хор старейших, (до того был единый), распадается на голоса отдельных старцев. На наших глазах нечто целое перестает быть таковым, что подчеркивает трагизм ситуации. Хор чувствует себя в полном смятении, лишаящем его способности здраво рассуждать и вынести окончательное решение. Но хор здесь не только олицетворяет народ: отчасти, он выражает и точку зрения автора, который против совершенного преступления и считает его несправедливым. В четвертом эпизодии «Агамемнона» хор осуждает Клитемнестру, и хотя в аргументах Клитемнестры хор видит несостоятельную попытку возложить вину на божество, сам он все же, в конце концов, вынужден признать в смерти Агамемнона дело рук демона, вмешательство могучего божества, ненасытного в жестокости. Убежденная вера в появление Ореста — мстителя за отца, присущая еще Кассандре и хору в Агамемноне, составляет в начале «Плакальщиц» основу поведения хора. В Оресте хор плакальщиц видит руку Справедливости. Больше того: если в «Агамемноне» хор видит справедливость кары, постигшей поочередно Париса и Агамемнона, но не побуждает никого к ее свершению, то в «Плакальщицах» размышления хора о божественном законе возмездия предназначены как раз для того, чтобы обосновать необходимость действий Ореста в свете божественного права. Хор выступает от имени народа, чье правовое сознание требует мести за убитого царя. Выяснению вопроса о вине Ореста и его преследовании Эриниями посвящена вся заключительная часть трилогии. Как мы видим, образ хора Эриний довольно динамичен, в противоположность более ранним статичным образам поэта Эсхила.

Среди сохранившихся трагедий автора «Прометей Прикованный». Мы видим здесь скромную роль хора, наконец изображение Зевса как жестокого тирана не находят себе аналогий в других известных нам эсхилиовских творениях. Стонет хор, оплакивая муки титана, слушает его рассказ и предпринимает попытки образумить Прометея. Хор Океанид — женский хор, и это не случайно, ведь именно женщине в идеале присуще сострадать, утешать в горе, оплакивать муки. Поражает краткостью и незначительным содержанием хоровых партий, если подойти к хору с точки зрения декламационно-риторической, то сразу можно увидеть, как он необходим для углубления общего монументально-патетического стиля трагедии.

В греческой трагедии хор подчас сообщал и действующим лицам, и зрителям волю богов или предрекал дальнейшие события. Занимательность греческой трагедии основывалась не столько на неожиданных поворотах сюжета, сколько на логике действия.

У Софокла каждая пьеса являла собой самостоятельное целое, со своей завязкой, развитием действия и развязкой, если героями Эсхила были обычно боги или люди, то герои Софокла были обыкновенными людьми, характеры которых он идеализировал. Идея неотвратимости судьбы наиболее явно чувствуется в партии хора, который всё время присутствует в оркестре и своим пением сопровождает развитие действия, хор у Софокла стоит выше страстей, владеющих героями, и выражает высшую мудрость, общую волю сограждан, которой отдельный человек должен подчиняться.

У Эсхила в «Персах» хору отводится функциональная направленность: он повествует, восхваляет и оплакивает, выступая от имени персидского народа, а также выражая иногда и точку зрения самого автора. В каждой части «Орестей» хор выполняет определенные задачи. В «Агамемноне» аргосские старцы выражают то предчувствие, то сомнение, то осуждение. Также партии хора важны для передачи настроения героев и самой атмосферы повествования. В «Плакальщицах» хор не столько оплакивает кончину царя, сколько подстрекает Ореста на убийство. Наиболее ярко выраженный образ принимает хор в третьей части. На наших глазах происходит удивительная метаморфоза: злобные преследующие Ореста Эриннии превращаются в благосклонных Эвменид, где главным двигателем процесса является Справедливость. В «Прометее Прикованном» хору отведена малозначительная роль. Нежные Океаниды появляются, чтобы сострадать и утешать Прометея, контрастом подчеркивая его непримиримый дух.

Понять функциональность хора в греческой трагедии, следует помнить, что он существовал в ней еще до ее превращения в драму, как неизбежный элемент богослужебной обрядности. С развитием трагедии как драмы поэты положительно борются с этим неустранимым пережитком. Борьба ведется в двух направлениях: 1) делаются попытки оживить сплошную массу двенадцати — а со времени Софокла пятнадцати — «хоревтов» (хористов). Первоначально они исполняли свои партии все, solo же брал на себя один корифей; теперь поэты стараются ввести некоторое разнообразие в исполнение «хорических» (хоровых) партий, привлекая к solo, кроме корифея, еще кое-кого из «хоревтов» (хористов) — одного, двух и более. 2) Стараются поставить отношение хора к действию на рациональную почву. Это отношение было большим местом античной трагедии: чем более в ней развивался драматизм, тем более постоянное присутствие двенадцати (или пятнадцати) лиц должно было казаться неестественным. Оно отчасти было причиной того обычая, согласно которому неудобные и невозможные при свидетелях действия (например, убийство) происходили за кулисами. Иногда поэт предпочитал под каким-нибудь предлогом удалять на время хора: так поступил Софокл в «Аянте», в сцене самоубийства героя. Точно так же обязательное присутствие хора было причиной того, что место действия в течение всей пьесы оставалось неизменным (отсюда пресловутое

«единство места»). Если же поэту желательно было перенести театр действия, то для этого опять нужно было на время удалить хор: так поступил Эсхил в «Евменидах», когда действие из Дельфов переносится в Афины. Неразрешимой стала задача с тех пор, как в трагедию была введена интрига, совершенно исключая присутствие многих лиц; Деянира, Медея, Федра обязывают хранить молчание о том, что они ему доверили, но неестественность этим не уменьшается: сообщение тайны остается психологически невероятным. В последнее время, поэтому Еврипид предпочитал просто игнорировать присутствие хора: действие развивается, как если бы хора не было, он только заполняет антракты своими песнями, которые часто никакого отношения к действию не имеют. — Со всем тем следует признать, что участие хора представляло поэтам также немаловажные выгоды. Чередование лирического элемента с драматическим, музыки с действием приятно разнообразило драму — тем приятнее, чем более вследствие развития драматизма действие трагедии подчиняло себе умы зрителей. Затем, обладая хором, поэт имел возможность через него выражать свое собственное отношение к изображаемому действию, делая из него (по счастливому выражению Шлегеля) «идеального зрителя» происходящего на сцене. Наконец, в силу условности драматургической техники хорическая песня прикрывала скачки во времени; где, поэтому такой скачок был желателен, там вставлялось лирическое интермеццо. С течением времени изобретение занавеса лишило хорическую песню этого технического значения; но сакральное значение хора как составной части богослужебной обрядности удержалось до самого конца жизни греческой трагедии.

Мы обозначили, что хор — театрализованная сценическая модель — представляет собой синтез элементов ритуальной культуры. Во-первых, достаточно явно прослеживались истоки культуры ритуальных народных форм, принесшие в хор этого театра основную игровую функцию — повествование и комментирование игрового действия. Во-вторых, форма и суть исполняемых текстов свидетельствовали о сильном взаимовлиянии религиозных идей. И, наконец, внешний облик, и принцип существования на сцене хористов возведены в особый эстетический ритуал, подчёркивая этим стиль. Функциональное многообразие хора имеет принципиальный характер. Их состав (имеется в виду хора) может быть не только деперсонифицирован но, и представлен основными персонажными фигурами, попутно с пением нередко выполняющими определённые сценарные действия. В результате хор перестаёт быть сугубо статическим элементом либреттной структуры, а за счёт соединения вокального исполнения и движения он (хор) приобретает выразительные дополнительные возможности.

Хор в контексте сценической формы стал естественным продолжателем, наследником ритуальных церемоний и народных праздников, первоначально представляя собой группу танцоров и певцов, комментировавших происходящее театрализованное действо. Благодаря активному

участию хора в представлении и постоянному его присутствию на сцене, он стал восприниматься как полноценное действующее лицо спектакля. Как заметил Аристотель в «Поэтике»: «хор следует считать одним из актёров, чтобы он был частицей целого» [1, с. 666]. Значение хора в древнегреческом театре связано с общенародным характером театра: хор выражал отношение зрителей к событиям пьесы, служил своеобразным «гласом народа» (хор в «Персах» и «Агамемноне» Эсхила, «Антигоне» Софокла) и одновременно выступал также как действующее лицо («Молящие» и «Эвмениды» Эсхила).

Однако хор в античной греческой трагедии эволюционировал. Функциональность хора — в создании посредством песнопений особого способа общения с божественными силами, хор как бы активизировал космическую

энергию сакрального пространства сцены, используя в своих выступлениях магические заклинания, так и элементов шаманской культуры.

Рамки статьи не позволяют охватить перспективную тему. В задачу данной работы входит рассмотрение лишь некоторых акцентов, которые на основании практического опыта исследователя представляются первостепенными в актуальности растущего в наши дни интереса к хоровому с направлением театральным исполнительству. Собранный нами исторический материал помогает рассмотреть тему статьи в контексте нашей диссертации о хоровом детском театре, об исполнительских его возможностях для применения инновационных технологий в процессе хормейстерской работы с детскими хоровыми коллективами.

Литература:

1. Аристотель. Сочинения. Поэтика. М., 1983, с. 666.
2. Эсхил Трагедии. Калининград, 1997.
3. Ярхо В. Драматургия Эсхила и некоторые проблемы древнегреческой трагедии. М., 1978.

Проектирование модели подготовки педагогов к деятельности по гражданскому воспитанию учащихся средствами национальных традиций в пространстве малого города

Тоторкулова К.А., аспирант

Карачаево-Черкесский государственный университет им. У.Д. Алиева.

Научный руководитель – Савинова Л.Ф., доктор педагогических наук, профессор

The Planning of Model of Teachers' Training for the Civil Training of Pupils through the National Traditions in the Area of the Town

В статье раскрываются теоретические подходы к педагогическому проектированию. Разработана инновационная модель подготовки педагога к компетентной деятельности по гражданскому воспитанию учащихся средствами национальных традиций; раскрыты ее структурные компоненты (модули) и педагогические условия реализации в условиях воспитательного пространства малого города.

Ключевые слова: педагогическое проектирование, проектирование модели, инновационная модель подготовки педагога; модули модели, педагогические условия реализации модели, уровни подготовки педагогов.

There are theoretical principles of teachers' planning in the article. The new model of teachers' training of activity of civil training of pupils through national traditions is made here; its structural components and the teaching conditions of model's realization in the conditions of teaching area of the town are described.

Key words: planning of teaching, planning of model, the new model of teachers' training, the components of model, the teaching conditions of model's realizations, the teachers' training levels.

Для возрождения России как самобытного и самодостаточного государства, уважаемого мировым сообществом, необходимо чтобы растущие поколения развивались и становились субъектами собственной жизнедеятельности, определяющие смысл своей жизни как саморазвитие и самоактуализация во имя служения на-

роду и Отечеству. Как показывают исследования и педагогическая практика, современная школа в большинстве случаев не готова к воспитанию самостоятельно развивающегося человека, гражданина своей страны. Утрата духовных и социокультурных корней приводит к разрыву межнациональных связей и отношений. Совершенно оче-

видно, что ни «общечеловеческие ценности», ни особенности «национальной идеи» не стали конструктивными факторами в консолидации современной России. По нашему глубокому убеждению, общим основанием новой идеологии (а значит и основой воспитания) сегодня могут выступить идеи патриотизма и гражданственности. В этом контексте с особой остротой актуализируется значимость гражданского воспитания учащихся средствами национальных традиций, характеризующая развитие человека как субъекта культуры народа: гражданственность, свободу, ответственность, социализированность.

Новая ситуация в обществе требует подготовки педагога нового типа, как отмечает Е.П. Белозерцев: процесс обновления общественной жизни «объективно требует новых гражданских качеств учителя. Они не могут быть раз и навсегда заданными». [2, с. 37]. Необходимость целевой подготовки педагогов к гражданскому воспитанию учащихся средствами национальных традиций обуславливается и тем, что недостаточная степень гражданственности у школьников становится сегодня одним из наиболее негативных факторов, препятствующих развитию общества, нации, реализации ими своих жизненных планов.

Понятие «проект» в переводе с латинского означает «брошенный вперед», то есть замысел в виде прообраза объекта. Генезис понятия показал, что проектирование, сложившееся в технических отраслях знаний в середине XX века, широко распространилось и в гуманитарной сфере: появилось дизайнерское, экономическое, экологическое, педагогическое и другие виды социального проектирования. Правоммерно, на наш взгляд, утверждение Н.О. Яковлевой, считающей, что в основе педагогического проектирования находятся не только технические корни, но и педагогические: прежде всего прогнозирование, в частности, опытно-экспериментальное, основы которого заложены в 70–80-х годах. [9].

В отечественной педагогике педагогическое проектирование рассматривается в двух аспектах: этап любой отдельной педагогической деятельности при решении конкретной учебно-воспитательной задачи, особый вид педагогической деятельности, который является «непременным условием осуществления регулятивной функции педагогики» (В.В. Краевский). Второй аспект предполагает проектирование педагогических систем разных типов и уровней, педагогических процессов и ситуаций как результата функционирования этих систем. Под педагогическим проектированием в науке понимается предварительная разработка предстоящей деятельности учащихся и педагогов: разработка конкретных уроков, отдельных тем, целых учебных дисциплин, комплексов учебных занятий или учебных предметов. Педагогическое проектирование способствует созданию более технологичных педагогических объектов, включая и педагогические процессы. Использование педагогического проектирования сводит к минимуму рутинную работу и оставляет больше места для конструирования, творческого поиска. В педагогике под проектированием понимается создание новых

проектов, новых учебных планов, лабораторий и студий, новых образовательных программ.

Волгоградская научная школа по педагогическому проектированию (В.И. Данильчук, В.В. Зайцев, В.И. Ильин, Е.А. Крюкова, Н.К. Сергеев, В.В. Сериков и др.) придерживаются следующей логики проектирования, которая понимается как взаимосвязанные и взаимодополняющие этапы: 1) разработка замысла; 2) диагностическое задание цели; 3) определение состава и условий, ведущих к новообразованию; 4) обобщенная характеристика педагогической ситуации; 5) динамическое структурирование процесса (расстановка во времени); 6) нахождение педагогических средств; 7) продумывание вариантов поведения педагога; 8) диагностика результатов. [147]. Несмотря на интенсивные поиски ученых единой теории педагогического проектирования до сих пор нет. Недостаточно изученными остаются вопросы терминологии данной проблемы, ее содержательного наполнения.

В процессе исследования генезиса и для более четкого уяснения сущностной характеристики понятия «педагогическое проектирование» прослежена его взаимосвязь с метакатегориями как «моделирование», «конструирование», «прогнозирование», «программирование», «планирование», «деятельность» и «концептуализация». Анализ взаимоотношений указанных понятий показал, что проектирование является исходным, включающим, доминантным термином. Все понятия тесно переплетаются. Моделирование, конструирование, прогнозирование, программирование и планирование входят в проектирование в качестве его составных частей. Проектирование неразрывно связано с понятиями «деятельность», «концептуализация», здесь их значения совпадают. Назначение проектирования — в создании технологии, то есть технология является его продуктом.

Результатом исследовательских усилий явилось собственное понимание педагогического проектирования как особого вида профессиональной деятельности педагога, представляющего собой систему технологических регулятивов, обеспечивающих построение целостного учебного процесса.

Однако проектирование имеет и ряд существенных отличий от перечисленных выше метакатегорий. Четкое разграничение прогнозирования от проектирования можно определить, исходя из цели, результатов и критериев оценки. С этих позиций главная цель прогнозирования, описания характеристик будущего объекта, а проектирования — его построение. Результатом первого выступает абстрактное представление будущего объекта, а второго — конкретное, детальное его построение. Прогноз оценивается исходя из-за соответствия намеченной цели. неправомерно отождествление планирования и проектирования. Проект обладает большей детализацией, допускает меньше неоднозначности при реализации, чем план. В научной литературе определены отличительные особенности проектирования и моделирования. Так, первое отличие модели от проекта — в цели ее создания.

Модель используется для изучения объекта, получения информации о нем; проект — для создания, воплощения этого же объекта в реальности. Другая особенность заключается в том, что модель «представляет», «замещает» реально существующий оригинал, в то время как абстрактное образование, в проекте, напротив, фиксируется конкретное представление о будущем объекте или процессе с учетом различных условий.

Предпринятое исследование подходов к уяснению сущности проектировочной деятельности позволяет сделать выводы, что проектирование — теория функциональная несет в себе совокупность технологических процедур и ряд объектов — педагогических конструктов (образовательный процесс, методическая система обучения и воспитания, методическая система педагога, преподавателя).

По нашему глубокому убеждению, технологический подход выступает теоретико-практическим инструментарием проектирования педагогических объектов (педагогические системы, педагогические процессы, педагогические ситуации), а также является особым механизмом, который позволяет выстраивать логически последовательную систему соответствующих элементов, включающую в себя в структуры целей образования, содержание образования, проектирование учебных планов и программ, моделей группирования обучающихся, методы контроля и отчетности, способы оценки обучения.

Основываясь на теоретических подходах, мы пришли к заключению, что педагогическое проектирование — это процесс, которому присуща цикличность и определенная логика построения системы. Цикл процессов 4-х этапный: планирование, оценка, коррекция и реализация. В диссертационном исследовании за основу взят подход И.А. Колесниковой, выделившей четыре этапа в проектировочной деятельности: 1) целеполагание; 2) прогноз; 3) конструирование практики; 4) получение и оценка результатов. Следует отметить особенности проектирования модели подготовки педагога к осуществлению гражданского воспитания учащихся средствами национальных традиций, заключающийся в следующем: обучающийся имеет диплом о высшем образовании, определенный профессиональный, жизненный и методический опыт.

С.Г. Вершловский выделяет несколько моделей, различающихся степенью «андрагогизации» образовательного процесса: традиционную, функционально-ролевую, инновационную. [35, с. 4]. Инновационная модель постдипломного образования соответствует тенденциям модернизации школьного образования и прогрессивного развития социальной реальности в целом. Она привносит в настоящее некоторые элементы будущего. Подобная модель носит прогностический характер. В исследовании разработана модель третьего типа — инновационная (схема 1). Диалектика процесса подготовки педагогов к осуществлению гражданского воспитания учащихся средствами национальных традиций сформулирована нами, исходя из структурных компонентов педагогического процесса (целевой, содержательный, процессуальный, диагности-

ческий и результативно-оценочный). Структурно модель представлена тремя модулями: целевым, содержательно-процессуальным, диагностическим. В первом модуле определены цель, задачи, теоретико-методологические основы подготовки педагогов к осуществлению гражданского воспитания учащихся средствами национальных традиций, принципы постдипломного образования. Во втором модуле представлены направления работы всех субъектов воспитательного пространства малого города: университета, органов управления образования, общеобразовательных школ, учреждений культуры, спорта, здравоохранения, общественных организаций, фондов, советов, движений. В третьем модуле определены уровни и критерии оценки готовности педагогов к осуществлению гражданского воспитания с учащимися средствами национальных традиций, а также методики диагностики. Проблематика проектирования подобной модели рассматривается нами на трех уровнях: целевом, содержательно-процессуальном и диагностическом.

Цель подготовки педагога к осуществлению гражданского воспитания средствами национальных традиций сформулирована, исходя из реалий современного образования и переформулирована в соответствии с конкретными целями и условиями осуществления образования. Сегодня, как отмечает М.Г. Ермолаева, актуально расширение пространства самостоятельности обучающихся взрослых, перемещение акцента с процесса преподавания на процесс учения самих специалистов, освоения ими знаний и опыта на основе увеличения внеаудиторной самостоятельной работы за счет сокращения аудиторной, сведения ее к разумному минимуму. [6, с. 68]. Обозначенные в модели задачи, если сформулировать их в обобщенном плане, сводятся к тому, чтобы оказать позитивное влияние на педагога, обеспечив с помощью различных информационно-активных средств принятия им аналитико-исследовательской позиции по отношению к новым способам гражданского воспитания учащихся на основе национальных традиций.

В процессе методологического обоснования модели по инициативе Карачаево-Черкесского государственного университета было сформировано воспитательное пространство малого города, в которое в качестве субъектов вошли общеобразовательные школы города Карачаевского, отдел образования учреждения культуры и спорта.

Основываясь на богатом эмпирическом опыте, ученые (Е.В. Бондаревская, С.Г. Вершловский, М.Т. Ермолаева и другие) отмечают особую эффективность не курсов институтов повышения квалификации, а внутришкольную методическую учебу педагогов, связь их с вузом, который они окончили и магистерскую подготовку специалистов. Данный перечень мы дополнили такими эффективными формами подготовки педагогов к осуществлению гражданского воспитания с учащимися, как участие в опытно-экспериментальной работе в общеобразовательных школах, научно-практических конференциях, конкурсах социально-значимых для микрорегиона проектов, функциони-

ровании в общеобразовательных школах мастер-классов. Кроме того мы предполагаем и подготовку педагогами-практиками кандидатских и докторских диссертационных исследований. Создание единой системы всех участников воспитательного процесса в сфере гражданского воспитания средствами национальных традиций в условиях малого города служит целям повышения качества образования и воспитания подрастающего поколения, усиливает культуросообразную функцию образования.

Для современной социокультурной ситуации развитие педагогического образования характерны новые подходы к профессиональной подготовке педагога в системе непрерывного образования: приоритетно развитие социально-нравственного, общекультурного и этносоциокультурного потенциала личности учителя.

Карачаевский народ за свою многовековую историю создал уникальную национальную культуру и внес свою весомую ленту в общечеловеческую культуру. Права Х.Х.М. Батчаева, утверждающая в своей монографии «Традиционная педагогическая культура карачаевского народа» [1], что «без исторической памяти — нет традиции, без традиции — нет культуры, без культуры — нет воспитания, без воспитания — нет духовности, без духовности — нет личности, а без личности — нет народа как исторической личности». [1, с. 5]. В модели выявлены средства национальных традиций по четырем приоритетным направлениям: гражданское отношение к планете Земля; гражданское отношение к Отечеству малой родине; гражданское отношение к семье; гражданское отношение к себе.

Система знаний у педагога по проблеме гражданского воспитания в контексте национальных традиций проявляется как во внутреннем, так и во внешнем пространстве человека, включая аспекты и индивидуальности и личности, в результате чего складывается цепочка развития.

Процесс подготовки педагогов к осуществлению гражданского воспитания с учащимися средствами национальных традиций будет успешным при определенных условиях.

В философской науке понятие «условие» толкуется как категория, выражающая отношение предмета к окружающим явлениям, без которых он существовать не может. В философском понимании условия составляют ту среду, обстановку, в которой явление возникает, существует и развивается. Философское понимание толкования понятия «условие» требует педагогического осмысления.

В своем исследовании мы придерживаемся определения «условия», данного в монографии Е.В. Бережновой «Прикладное исследование в педагогике». [3]. Под условием ученым понимается обстоятельство, специально создаваемое исследователем, при котором возможно то или иное его эффективное действие. [3, с. 136].

Для выявления комплекса педагогических условий, способных эффективной подготовке педагога к осуществлению гражданского воспитания учащихся средствами национальных традиций, мы использовали следующие направления:

— перестройка поствузовского образования работников образования на основе андрагогического подхода в аспекте исследуемой проблемы;

— выявление сущности и содержание подготовки педагогов к осуществлению деятельности в исследуемом направлении на курсах повышения квалификации;

— выявление специфики и особенностей этой подготовки;

— определение подходов к повышению творческого потенциала педагогов их саморазвития и движения к педагогическому мастерству.

В исследовании выявлены две группы педагогических условий: 1) организационно-педагогические; 2) содержательно-процессуальные. К организационно-педагогическим условиям относятся:

— формирование воспитательного пространства малого города и разработка механизма взаимодействия со всеми партнерами;

— разработка программы подготовки педагогов к осуществлению гражданского воспитания с учащимися средствами национальных традиций с ориентацией на становление коллективного субъекта образовательного процесса, который представляет собой сообщество преподавателей и педагогов, объединенных едиными целостно-смысловыми ориентирами профессиональной подготовки.

Содержательно-процессуальная группа условий включает:

— формирование содержания образования на основе учета трех пространств: 1) смыслового, отражающего место изучаемого вопроса в системе человеческих смыслов (конкретного слушателя); 2) нормативного, описывающего обсуждаемый предмет как сложившуюся систему знаний; 3) диалектического или дискуссионного, в котором осуществляется преобразование и развитие обсуждаемого вопроса или темы. (Вершловский С.Г., 2007)

— ориентация на расширение пространства самостоятельности обучающихся педагогов.

Исходя из логики подготовки педагога к осуществлению гражданского воспитания учащихся средствами национальных традиций, за основу взяты подходы Е.В. Бондаревской, выделившей четыре уровня педагогической культуры учителя: массовый уровень, достаточный уровень, высокий, высший уровень. [4, с. 327].

Массовый уровень готовности педагога к осуществлению гражданского воспитания учащихся средствами национальных традиций, характеризует его деятельность без достаточной опоры на профессиональные знания и умения в исследуемом направлении. Педагог не ведет творческий поиск и не имеет потребности в творческом росте. Этот уровень еще называют непрофессионально-репродуктивным. Достаточный уровень характеризует педагога, который, опираясь на знания и умения в исследуемом направлении воспитательной деятельности, добивается средних результатов. В творческом поиске участвует эпизодически, устойчивой потребности в соб-

твенном творческом росте не испытывает, довольствуется достигнутым. Этот уровень Е.В. Бондаревская называет профессионально адаптивным.

Высокий уровень (профессионально-творческий) характеризует педагога, который обладает необходимыми для осуществления гражданского воспитания с учащимися на основе национальных традиций, ведет творческий поиск путей решения новых педагогических задач, имеет устойчиво проявляющуюся потребность в профессиональном росте, добивается хороших результатов в общении и воспитании большинства учащихся, подкрепляя известные методы собственными педагогическими находками. Вы-

сший уровень (индивидуально-творческий). Педагог этого уровня не только бережно сохраняет и воспроизводит культурные образцы педагогической практики, но сам творит их, создает авторские дидактические и воспитательные системы, методики, технологии. Этот педагог имеет собственный стиль, индивидуальный педагогический почерк.

Резюмируя вышеизложенное, отмечаем, что разработанная в исследовании модель, с одной стороны, является средством представления и преобразования объекта, которого еще нет в реальности; а с другой, выступает в качестве последовательной цели при определении стратегии инновационных преобразований в условиях малого города.

Литература:

1. Батчаева Х.Х.-М. Традиционная педагогическая культура карачаевского народа (история, теория, практика). — Казань: Изд-во Казан, ун-та, 2002. — 417 с.
2. Белозерцев Е.П. Образ и смысл русской школы. — Волгоград: Перемена, 2000. — 461 с.
3. Бережнова Е.В. Прикладное исследование в педагогике: Монография. — М. — Волгоград: Перемена, 2003. — 164 с.
4. Бондаревская Е.В. Воспитательный потенциал базового учебного курса «Духовно-нравственная культура». // Развитие личности в образовательных системах Юга России, Центральной Азии и Казахстана: материалы докладов XXVIII международных психолого-педагогических чтений. — Ростов-на-Дону: ИПОПИЮФУ, 2009. — 41. — 428 с.
5. Вершловский С.Г. От повышения квалификации к пост дипломному педагогическому образованию. //Андрагогика постдипломного педагогического образования: научно-методическое пособие. — СПб: АППО, 2007. — с. 6—33.
6. Ермолаева М.Г. Современные технологии постдипломного образования. //Андрагогика постдипломного педагогического образования: научно-методическое пособие. /Под ред. С.Г. Вершловского, Г.С. Сухобской. — СПб: СПбАППО, 2007. — с. 64—86.
7. Краевский В.В. Образование, воспитание, социализация в контексте педагогической науки. //Мир образования — образование в мире, 2001. — №2. — с. 11—22.
8. Саранов А.М., Куликова СВ. Аксиологические основы российской педагогической науки и практики: учеб. пособие. — Волгоград: Перемена, 2003. — 185 с.
9. Яковлева Н.О. Проектирование как педагогический феномен. — Педагогика. — 2002. — №6. — с. 8—14.

Пути формирования системы социального партнерства в профессиональных колледжах

Уринов У.А., соискатель

Бухарский технологический институт пищевой и легкой промышленности

Formation ways of system of social partnership in professional colleges

Uygun Abdullaevich Urinov – the competitor, Republic of Uzbekistan

Bukhara technological institute of food and light industry

В данной статье рассматривается проблема обеспечения рынка труда выпускниками профессиональных колледжей, соответствующих запросам работодателей. Автор предлагает для решения вопроса три этапа: подготовительный, организационный, системообразующий, в которых, последовательно излагается организация процесса социального партнёрства.

Ключевые слова: социальное партнерство, социальная защита, рынок труда, работодатель, профессиональная подготовка, профессиональный профиль, квалификационная характеристика.

In the given article considered the problem of maintenance of labour market by graduates of the professional colleges corresponding to inquiries of employers. The author offers three stages for the decision of the question: preparatory, organizational, system forming. In which consistently stated, organisation of the process of social partnership.

Keywords: social partnership, social protection, labour market, employer, vocational training, professional profile, qualifying characteristic.

Социальное партнерство в профессиональном образовании понимается как особый тип взаимодействия профессиональных учреждений с субъектами и институтами рынка труда, государственными и местными органами власти, общественными организациями, нацеленное на максимальное согласование и реализацию интересов всех участников этого процесса.

В период становления рыночных отношений главной социальной защитой гражданина становится уровень его профессионального образования. Это требует эффективного функционирования системы профессионального образования.

Эффективное функционирование системы профессионального образования возможно лишь при ее ориентации на удовлетворение потребностей рынка труда, конкретных запросов работодателей, т.е. когда профессиональное образование становится инструментом решения экономических проблем, обеспечения соответствия спроса и предложения специалистов по профессиям, соответствующие запросам работодателей и имеющие необходимые навыки, знания и умение.

Решение этой проблемы требует формирования принципиально новой системы отношений — отношений социального партнерства между профессиональными образовательными учреждениями и предприятиями, объединениями работодателей, трудящихся, органами труда, т.е. со всеми потребителями продукции образовательных учреждений.

Новая система отношений позволит профессиональным образовательным учреждениям полнее учитывать требования работодателей, быстрее реагировать на изменения конъюнктуры рынка труда и в конечном итоге позволит учебным учреждениям выполнить свое главное предназначение — обеспечивать качественную профессиональную подготовку по специальностям, востребованным на рынке труда.

Установление и укрепление связей с предприятиями, органами труда, территориальными органами управления позволит профессиональным учебным заведениям обеспечить:

- доступ к информации о рынке труда (специалистов каких профессий и сколько требуется на рынке труда);
- учет требований работодателей по содержанию подготовки специалистов (профессиональный профиль, квалификационные характеристики);
- корректировку старых и разработку новых учебных материалов и программ обеспечивающих подготовку специалистов, отвечающих требованиям работодателей;
- более широкие возможности для организации практики учащихся;

— возможности для организации краткосрочной стажировки преподавателей для ознакомления с новейшими типами оборудования и технологическими процессами;

— более широкие возможности трудоустройства выпускников;

— инициирование новых совместных коммерческих проектов для пополнения внебюджетных фондов образовательных учреждений (открытие курсов по повышению квалификации работников предприятий, создание совместных мастерских, магазинов, центров обслуживания населения и др.).

Вместе с тем, очевидная заинтересованность всех участников системы социального партнерства в скорейшем ее становлении еще не означает, что процесс этот будет идти гладко и без проблем. Этому мешают многие объективные и субъективные причины: разобщенность работодателей не только индустрии, но и учебных учреждений; отсутствие должного контакта между органами управления образованием и органами труда и др. В этой связи успех в формировании системы социального партнерства в профессиональном образовании в значительной степени зависит от самих образовательных учреждений, инициативы, энергии их руководителей, понимания ими всей важности партнерства, способности убедить в его необходимости и вовлечь в него всех своих потенциальных партнеров, как на рынке труда, так и на рынке образовательных услуг, а также продуманности и последовательности этапов организации этого процесса.

Первый этап – подготовительный

Основная цель подготовительного этапа — определение круга задач, необходимых решать профессиональному колледжу. Для чего рекомендуется получить ответы на следующие вопросы:

- Что следует понимать под системой социального партнерства?
- Какие проблемы учебного заведения можно решить через развитие системы социального партнерства?
- Кто может стать основным партнером для данного учебного заведения?
- Что учебное заведение может дать своим реальным и потенциальным партнерам?

Чтобы ответить на все вопросы следует провести анализ реальных и потенциальных партнеров и выявить их интересы. Анализ следует провести в том секторе экономики, для которого учебное заведение готовит кадры. Изучить информацию о том, какими предприятиями, организациями и профессиональными ассоциациями он представлен; каким образом данный сектор видится в страте-

гическом плане развития региона, каким потенциалом он обладает.

Важным являются сведения и об образовательных учреждениях, действующих в сегменте рынка образовательных услуг; следует собрать полную информацию о профессиональных стандартах или квалифицированных характеристиках и о существующих образовательных стандартах на различных уровнях профессионального образования.

Важной задачей первого этапа, без решения которого невозможно перейти к следующему, является достижение мотивации всего коллектива учебного заведения на необходимость выполнения сложной и трудоемкой работы по формированию устойчивой системы сотрудничества с различными категориями социальных партнеров. Результатом успешного завершения первого этапа формирования системы социального партнерства должно стать :

- нацеленность коллектива учебного заведения на развитие социального партнерства;
- база данных потенциальных социальных партнеров по категориям существующих и потенциальных форм сотрудничества с ними ;
- база данных учебных заведений, работающих в том же сегменте рынка образовательных услуг;
- база данных существующих образовательных программ;
- анализ перспектив развития данного сектора экономики в конкретном регионе;
- оценка перспективности подготовки специалистов для данного сектора экономики на определенном образовательном уровне (количественный анализ оценки рынка труда).

Второй этап – организационный

Целью данного этапа является установление устойчивых связей с социальными партнерами. В рамках его подготавливаются договора о сотрудничестве, отрабатывается технология взаимодействия с различными категориями социальных партнеров, т.е. создаются элементы будущей системы социального партнерства, определяются формы социального партнерства, формируется круг социальных партнеров учебного заведения.

Не всегда профессиональным колледжам удается успешно установить контакты с работодателями. Это может происходить как по объективным, так и по субъективным причинам. Порой это может случиться из-за отсутствия взаимных интересов, или неумения найти взаимные интересы из-за отсутствия определенных коммуникативных навыков, из-за неумения со стороны представителя учебного заведения правильно выстроить переговорный процесс, подготовиться к встрече, закрепить результаты переговоров. Для чего рекомендуется тщательно готовить каждый визит социальному партнеру.

Подготовить визит, а именно :

— цели визита и задачи, которые необходимо решить в ходе визита следует предварительно обсудить на рабочем совещании в учебном заведении;

— до визита к социальному партнеру желательно получить максимум доступной информации о нем, чтобы показать знание и заинтересованность в процессе общения (размер предприятия, основные направления деятельности, принадлежность к профессиональным ассоциациям и т.д.);

— необходимо заранее договориться о встрече и строго следовать этой договоренности;

— при выборе контактного лица (сотрудника, направляемого к социальному партнеру), желательно обеспечить равный социальный статус (недопустимо к директору крупной фирмы направлять преподавателя или, тем более, студента);

— заранее подготовить презентационный пакет учебного заведения и предложения по сотрудничеству. Представителя учебного заведения снабдить личной визитной карточкой;

— при организации встречи на территории учебного заведения, необходимо обеспечить спокойную, уютную атмосферу, предусмотреть кофейную, или чайную паузу.

Закрепление результатов переговоров:

- подготовка документов по итогам переговоров;
- обсуждение проектов, подготовленных документов на рабочем совещании в учебном заведении, корректировка документов;
- подготовка к следующему контакту с социальным партнером;
- поддержание достигнутых результатов через постоянные контакты.

Важнейшей задачей второго этапа является оценка рынка труда.

Специалисты учебного заведения должны осуществлять эту деятельность, привлекая различные источники информации, в том числе данные государственной и ведомственной статистики, отделов труда, органов управления образованием, разработки исследовательских центров, результаты собственных исследований и опросов и др.

Оценку квалификационных требований работодателей, степени соответствия знаний и умений выпускников потребностям рынка труда учебное заведение может проводить, используя простейшие социологические приемы и методы (анкетирование, интервьюирование).

Результатом второго этапа формирования системы социального партнерства, должны стать:

— подписанные договора о сотрудничестве с различными категориями социальных партнеров о прохождении практики студентами, о трудоустройстве выпускников, об экспертизе учебно-методической документации, о непрерывном образовании, о стажировке педагогических работников и т.д.;

— статистические и аналитические материалы о положении на рынке труда, его количественных и качест-

венных параметрах, структуре квалификационного спроса по интересующим профессиям.

Основным итоговым результатом второго этапа должно стать создание основных структурообразующих элементов будущей системы социального партнерства.

Третий этап – системообразующий

Целью данного этапа является объединение в систему имеющихся и создающихся элементов социального партнерства. Взаимодействие с партнерами становится устойчивым и постоянным, поддержка контактов с работодателями переходит в разряд важнейших функциональных обязанностей персонала профессионального колледжа. Для этого вносятся уточнения в должностные инструкции, мероприятия по социальному партнерству включаются в план работы учебного заведения и т.д. Одним из важнейших направлений деятельности образовательного учреждения становится формирование организационных структур социального партнерства, объединяющих всех участников этого процесса, регулирующих отношения между ними.

В частности, Попечительские Советы, которые включают в себя представителей учебных заведений, индустрии, профессиональных ассоциаций, органов управления образованием, органов труда. Деятельность этих Советов осуществляется согласно Положению о социальном партнерстве в среднем специальном, профессиональном об-

разовании в Республике Узбекистан.

На заключительном, третьем этапе формирования системы социального партнерства, взаимодействие учебного заведения со всеми заинтересованными сторонами выводится на технологический уровень. Формируются технологии социального партнерства на уровне учебного заведения.

Итогом третьего этапа должны стать:

- должностные инструкции различных категорий работников учебного заведения, дополненные обязанностями по работе с социальными партнерами;
- план работы учебного заведения с мероприятиями по социальному партнерству;
- типовые документы по социальному партнерству, включающие в себя договора, положения о практике студентов, о стажировке преподавателей, о работе Попечительского Совета, о согласовании учебно-методических материалов, о трудоустройстве выпускников и т.д.;
- постоянно действующий Попечительский Совет;
- устойчивое сотрудничество с различными категориями социальных партнеров.

Профессиональным колледжам необходимо, чтобы достигнутые на последнем этапе результаты постоянно поддерживались и закреплялись, так как в переходном периоде нет еще устойчивости в функционировании социального партнерства и сама система, находится под влиянием субъективных начал в управлении социальным развитием.

Пропедевтический курс как педагогическое условие развития профессиональной компетенции студентов-регионоведов в курсе языковой подготовки

Фалькович Ю.В., ст.преподаватель
Томский политехнический университет

Тенденции социально-экономического и культурного развития современного общества ставят новые задачи перед системой профессионального образования, которое призвано обеспечить эффективную подготовку специалистов, способных работать в новых условиях. Проблема повышения эффективности подготовки в высшей школе в полной мере относится и к новым специальностям: так, развитие экономических, политических и культурных связей между регионами России и зарубежными партнерами в разнообразных сферах деятельности обусловило появление нового направления вузовской подготовки — специальности 350300 «Регионоведение». Проблематике профессиональной подготовки студентов-регионоведов посвящены работы, в которых рассматривается роль отдельных учебных дисциплин в развитии профессиональных качеств будущих специалистов (Н. В. Кузьмина, О.В. Мороз, Н.Ю. Хлызова и др.). Однако фактически отсутствуют работы, посвященные целенаправленному изу-

чению роли и места иноязычной подготовки в развитии профессиональной компетенции студентов-регионоведов.

Регионовед призван выполнять посредническую функцию при осуществлении межкультурной коммуникации в рамках социально-экономического и политического взаимодействия регионов. В связи с этим важным инструментом профессиональной деятельности становится перевод с одного языка на другой. Вопросы обучения переводу студентов-регионоведов рассматривались исключительно в работе Доан Фу Локк на материале китайского языка; однако до сих пор в указанном контексте не изучалось обучение английскому, наиболее употребительному языку из имеющих статус международного языка межкультурного делового общения. Деятельность по переводу связана с проблематикой переводческой компетенции, но имеющиеся теоретико-практические исследования её формирования и развития касаются подготовки специалистов-лингвистов, но отнюдь не регионоведов.

Наблюдение за процессом профессиональной подготовки студентов-регионоведов в вузе показало, что, с одной стороны, языковая подготовка играет важную роль в развитии профессионально важных качеств специалиста. С другой стороны, несмотря на достаточно высокий уровень владения иностранным языком, студенты-регионоведы испытывают затруднения, препятствующие решению коммуникативных задач в ситуации межкультурного профессионального общения. Причиной этих затруднений во многих случаях является нарушение коммуникативной состоятельности продуцируемого текста перевода, что свидетельствует о недостаточной готовности студента-регионоведа к осуществлению переводческой деятельности. Квалификационные требования ГОС по специальности 350300 «Регионоведение» предусматривают готовность и способность студентов осуществлять перевод, однако это не отражено в разделе «Иностранный язык» (ГСЭ.Ф.01). Решение проблемы связано с поиском педагогических условий совершенствования курса профессионально-ориентированной языковой подготовки в вузе. В частности, такие условия представляется целесообразным создавать в форме спецкурса по переводу за счёт часов, отводимых на учебную дисциплину «Профессиональный иностранный язык». Однако в поисках новых путей повышения эффективности процесса формирования и развития профессиональной компетенции студентов-регионоведов необходимо опираться на учёт особенностей современной образовательной парадигмы, выдвигающей в качестве основных принципы сознательности и деятельности в организации учебного процесса.

Указанные принципы исключительно важны для формирования разнообразных компетенций. В то же время они отражают сущность контекстного подхода в обучении: обучающийся должен самостоятельно обретать знания через деятельность, что подразумевает активизацию мотивационного аспекта, а также создание благоприятных условий для усвоения новых знаний. Традиционно в педагогике указанные вопросы рассматриваются в связи с проблематикой пропедевтики. Однако на материале языковой подготовки такие научные исследования немногочисленны, а в отношении перевода как новой дисциплины теоретико-практического плана они отсутствуют.

В справочной литературе пропедевтика определяется как предварительная, элементарная подготовка к усвоению нового знания, а пропедевтический курс рассматривается как вводный курс в какую-либо дисциплину. Для того чтобы уточнить эти понятия, был предпринят их анализ в трудах классиков педагогики (Я. А. Коменский, К.Д. Ушинский, С.И. Гессен, И.Г. Песталоцци и др.) и современных исследователей (Т. А. Боровских, А.В. Петров, Л.Н. Коврижкина, М.В. Потапова и др.). Несмотря на определённую общность взглядов на пропедевтику, авторы по-разному интерпретируют это понятие. Наиболее соответствующей целям нашего исследования представляется точка зрения М.В. Потаповой, так как в её работах вводится понятие методологического уровня, на котором должны осущест-

вляться как систематизация ранее полученных знаний, так и предварительное изучение какой-либо дисциплины, а также указывается возможность интеграции знаний. Следовательно, представляется целесообразным утверждать, что пропедевтический курс как средство реализации пропедевтики способен выполнять функцию педагогического условия формирования переводческой компетенции студентов неязыкового вуза средствами конкретного учебного предмета, способствуя формированию готовности обучающихся к реализации будущей профессиональной деятельности, то есть являться одной из сторон закономерности образовательного процесса.

Пропедевтика как педагогическое условие обеспечивает целостность образовательного процесса и предполагает:

1) преднамеренное включение преемственных связей между различными ступенями обучения как в содержание учебного материала, так и в организацию видов учебно-познавательной деятельности;

2) последовательное включение преемственных связей между структурными элементами знаний, а также видами учебно-познавательной деятельности, относящимися к разным образовательным концентрикам, т.е. самостоятельными структурными единицами курса (модули, блоки) [1].

На основании результатов анализа работ выявлены черты, характеризующие пропедевтический курс, на основании чего определены его функции: имплицитное введение обучающихся в науку через окружающие их уже знакомые образы действительности с тем, чтобы привести в систему имеющиеся знания и опыт, как жизненный, так и учебный (функция систематизации); создание более комфортных условий с целью преодоления затруднений в обучении (функция фасилитации); поддержание и развитие интереса обучающихся к конкретному предмету и к обучению в целом через осознание необходимости соответствовать новым задачам обучения (функция мотивации). Следовательно, пропедевтический курс целесообразно рассматривать как средство реализации пропедевтики и важное педагогическое условие развития профессиональной компетенции студентов.

В результате доказано, что «вводный курс» и «пропедевтический курс» (ПК) не являются равнозначными понятиями; выявлены их дифференцирующие признаки: 1) *цели* — ПК направлен на предварительное изучение новой учебной дисциплины посредством систематизации уже имеющихся знаний на доступном методологическом уровне, в то время как «Введение в специальность» и «Вводный курс» направлены на создание новой фундаментальной теоретической основы для дальнейшего изучения предмета; 2) *мотивация* — ПК инициирует, т.е. пробуждает мотивацию и формирует готовность реализовывать полученные знания, умения, навыки в процессе обучения, «Вводный курс» осуществляет дальнейшее развитие уже имеющейся мотивации; 3) *фактор интеграции* — ПК полностью интегрируется в учебный процесс, а «Вводный курс» и «Введение в специальность» высту-

пают как самостоятельные учебные дисциплины; 4) *компетентностный* фактор — ПК формирует «зачатки» некоторых необходимых качеств как отдельных элементов в составе профессиональной компетентности, «Вводный курс» также целенаправленно, но в полном объёме формирует отдельные качества; 5) *характер* используемого *материала* — в ходе реализации ПК используется такой материал, на основе которого новые знания формируются во взаимосвязи «практика-теория», т.е. они не имеют чисто теоретического характера, что наиболее приемлемо для дисциплин «деятельностного плана», к которым относится иностранный язык. При реализации же вводного курса предусматривается освоение преимущественно теоретических знаний на глубинном уровне; 6) *фактор преемственности* курсов — ПК по конкретной дисциплине предшествует вводному курсу. При этом установлено, что ПК может способствовать более эффективному прохождению вводного курса, интенсифицируя освоение содержания вводного курса, который, в свою очередь, закономерно обуславливает более интенсивное освоение основного курса.

В результате решения задачи об определении сущности пропедевтики и пропедевтического курса мы пришли к следующему заключению: разнообразие точек зрения по этому вопросу в конечном итоге можно свести к двум позициям: 1) традиционный взгляд на курс пропедевтики как педагогическое условие в организации педагогического процесса по отдельным учебным предметам; 2) новое видение сущности пропедевтики, которое формируется с учётом компетентностного подхода, так как формирование переводческой компетенции в условиях курса языковой подготовки достигается путем овладения новым профессионально-значимым видом деятельности — переводом с иностранного на родной язык. Кроме того, овладение этой деятельностью предполагает создание мотивационного базиса, осознание цели деятельности, путей и форм принятия решения с целью получения конечного результата. Для этого в организационном плане требуется чёткое соотнесение нового знания и практики, на основании которых формируется новая компетенция. Деятельностный подход позволяет обеспечить систематизацию имеющихся знаний, сочетать их с приобретением новых знаний, что в совокупности необходимо для успешного овладения новой деятельностью в рамках спецкурса языковой подготовки.

Место и роль ПК в современной образовательной системе в целом определены на основе анализа комплекса нормативных документов, уточнены на примере специальности 350300 «Регионоведение» и конкретизированы на материале учебной дисциплины «Профессиональный английский язык» и спецкурса обучения переводу студентов-регионоведов. В диссертации доказано, что эта роль приобретает новое звучание — ориентацию на формирование отдельных важных элементов, определяющих сущностные параметры компетенций, предписываемых нормативными документами и напрямую связанных со спецификой учебного предмета.

Специфика дисциплин, определяющих языковую подготовку студентов-регионоведов, обусловила необходимость рассматривать пропедевтику с позиции контекстного подхода, т.е. деятельности, вектор которой направлен на формирование компетенции. Специфика предмета обусловлена характером переводческой деятельности, который методикой рассматривается с двух сторон — как процесс деятельности и как продукт деятельности. Под переводческой деятельностью понимается совокупность переводческих действий, определяемых переводческими стратегиями, что в результате приводит к переводческому решению, которое воплощается в продукте переводческой деятельности — тексте перевода.

На основе проведённого сопоставительного анализа уточнено понятие ПК в контексте компетентностного подхода. Пропедевтический курс — интегрированный курс, направленный на систематизацию и обобщение уже имеющихся знаний с целью формирования компетенций, которые являются компонентами профессиональной компетенции будущего специалиста.

Пропедевтика и пропедевтический курс исследуются в контексте ряда дисциплин, таких как биология, медицина, история, философия, юриспруденция, математика, информатика, физика и другие, однако иностранный язык в этом перечне не представлен. При этом предусмотренные нормативными документами, регламентирующими обучение ИЯ, дисциплины «Вводный курс», «Введение в специальность», «Введение в переводоведение» не могут рассматриваться в качестве пропедевтических курсов в связи со сформулированной выше идеей о неравнозначности вводного и пропедевтического курсов.

Опираясь на полученные результаты исследования, сформулирована комплексная цель пропедевтического курса непосредственно обучения переводу — создание благоприятных условий развития и совершенствования языковой компетенции, которая в свою очередь является условием развития профессиональной компетенции студентов-регионоведов.

Установлено, что ПК создает благоприятные условия для обучения переводу путем активизации познавательной деятельности на основе специально сформированных алгоритмов переводческой деятельности, что в результате способствует принятию правильного переводческого решения с опорой на учебный и жизненный опыт студента и специфику его будущей профессиональной деятельности. Кроме того, создаются благоприятные условия для личностного развития студентов, что выражается в повышении эрудиции, мобилизации интеллектуальных ресурсов, сосредоточенности на принятии переводческого решения, в совершенствовании пластичности и гибкости мышления, способности быстро переключать внимание с иностранного языка на родной, ориентируясь на закономерности восприятия письменного текста реципиентом. Тем самым доказано, что ПК является педагогическим условием развития профессиональной компетенции студентов-регионоведов путем формирования их

готовности к выполнению профессионально-значимой деятельности — переводу.

Проектирование любого курса, в том числе пропедевтического, должно осуществляться в соответствии со строго определенными принципами отбора и методической организации содержания. Исследование явлений пропедевтики и ПК с позиции истории и его современного состояния позволило выявить и систематизировать принципы проектирования ПК, которые характеризуются как педагогические: принцип элементарности ориентирует на первоначальное освоение знаний посредством деятельной интуиции; принцип интеграции как слияние нескольких областей знаний при сохранении индивидуальности отдельных наук; принцип темпоральности определяет вероятную длительность периода обучения, имеющего пропедевтический характер; принцип концентричности определяет расположение учебного материала по концентрикам, что предполагает рассмотрение одних и тех же понятий всякий раз на более высоком уровне осмысления.

Перспектива интеграции ПК в учебный процесс по конкретной дисциплине связана с необходимостью учёта методических принципов при его проектировании. Поскольку иностранный язык, как было указано выше, не представлен в перечне работ по исследованию пропедевтики, то методические принципы сформулированы нами на основе теоретико-методического обоснования явления пропедевтики, его места и роли в современной образовательной системе. Это принципы:

- инициирования познавательной деятельности — обеспечивает формирование мотивации;
- краткости предоставления теоретического материала — распространяется на отбор теоретического мате-

риала и его представление в сжатой форме;

- системности в отборе и организации материала по блокам — дополняется принципом логической последовательности при его распределении внутри блоков;

- фрагментарности подачи материала — связан с дозированием материала и определением того фрагмента в структуре занятия по профессиональному английскому языку, в рамках которого возможна презентация этого материала;

- интегрированной цикличности — определяет периодичность занятий, предусмотренных пропедевтическим курсом;

- преемственности — предусматривает опору на опыт обучающегося (учебный и личный);

- профессиональной ориентированности — связан с уточнением компетентностной составляющей ПК.

Таким образом, определены основные позиции, важные для проектирования пропедевтического курса как педагогического условия, дополнен методологический базис создания пропедевтического курса с учётом новых принципов, обусловленных спецификой предмета на основе контекстного подхода и ориентацией на компетентностный подход.

Все вышесказанное свидетельствует о лингводидактическом потенциале пропедевтического курса обучения переводу, доказывают возможность его интеграции в курс языковой подготовки студентов-регионоведов и тем самым подчеркивают актуальность пропедевтики в современной образовательной системе. Кроме того, можно утверждать, что пропедевтический курс в качестве педагогического условия, обеспечивает развитие профессиональной компетенции студентов-регионоведов.

Литература:

1. Песталоцци И.Г. Как Гертруда учит своих детей // Избранные педагогические сочинения. М.: Педагогика, 1981. Т. 1. 336 с.
2. Потапова М.В. Пропедевтика как дидактическое условие преемственности в системе непрерывного физического образования: дис. ... канд. пед. наук. Челябинск, 2001. 278 с.

Активизация познавательной деятельности на уроках биологии

Цветкова Л.И., учитель
МОУ «Ульт-Ягунская СОШ» Сургутского района

Урок — это зеркало общей и педагогической культуры учителя, мерило его интеллектуального богатства, показатель его кругозора и эрудиции.

В. Сухомлинский

В условиях модернизации образования главным направлением развития средней школы является повышение качества образования, создание условий для развития личности каждого ученика через совершенство-

вание системы преподавания. Невозможно добиться успехов в решении задач, поставленных перед учителем, без активизации познавательной деятельности, внимания учащихся, формирования и развития устойчивого позна-

вательного интереса к изучаемому материалу. Важное условие творческого мышления учащихся — наличие у них общей культуры мышления, поэтому учебная деятельность на уроке направлена прежде всего на развитие интеллектуальных умений учащихся: умений анализировать, синтезировать, находить причинно-следственные связи, обобщать, делать выводы, классифицировать, сравнивать...

Формирование познавательных интересов и активизация личности — процессы взаимообусловленные. Познавательный интерес порождает активность, но в свою очередь, повышение активности укрепляет и углубляет познавательный интерес.

Вопросы активизации учения школьников относятся к числу наиболее проблем современной педагогической науки и практики. Реализация принципа активности в обучении имеет определенное значение, т.к. обучение и развитие носят деятельностный характер и от качества учения как деятельности зависит результат обучения, развития и воспитания школьников.

Ключевой проблемой в решении задачи повышения эффективности и качества учебного процесса является активизация учения школьников. Ее особая значимость состоит в том, что учение, являясь отражательно — преобразующей деятельностью, направлено не только на восприятие учебного материала, но и на формирование отношения ученика к самой познавательной деятельности. Одним из существенных недостатков знаний учащихся остается формализм, который проявляется в отрыве заученных учащимися теоретических положений от умения применить их на практике.

Одной из важнейших проблем дидактики является проблема активизации учащихся на уроке? На уроках биологии для развития познавательного интереса учащихся я использую всевозможные биологические задачи. Верным является утверждение, что коль нет познавательной задачи, нет и работы мысли, есть задача — есть поиск ее решения. Постановка задач в процессе обучения повышает активность учащихся. Ученики исследуют явление, ищут пути его решения, выдвигают различные предположения, приводят доказательства, а это, несомненно, способствует активизации мыслительной деятельности школьников, развитию логического мышления, познавательной самостоятельности и в итоге формированию и развитию познавательного интереса к биологии.

На уроках биологии использую следующие типы задач:

- а) Задачи, способствующие развитию логического мышления.
- б) Задачи на распознавание натуральных объектов.
- в) Задачи на формирование умений выдвигать и доказывать гипотезы.
- г) Задачи, способствующие развитию исследовательских навыков.
- д) Задачи, помогающие устанавливать связь теоретических знаний с практическими.
- е) Задачи, связанные с самонаблюдением.

ж) Задачи, содержащие новую для учащихся информацию.

Задача 1. Один юннат рассказал об опыте, который он начал за 2 недели до урока. Он вырастил проросток фасоли и, когда стебель достиг 15 см, срезал его верхушку примерно настолько, насколько прищипывал корешок проростка. Ежедневно наблюдал, что происходит с этим растением. Делал записи в дневнике наблюдений. Предположите, как выглядели результаты опыта.

Задача 2. Желая подготовить семена к посеву, ученик поместил их в две пробирки с водой. В одной пробирке семена проросли, а в другой — нет. Как это можно объяснить?

Задача 3. Дачник-любитель посеял весной семена моркови, но большинство из них не проросли. Как объяснить эту неудачу? Что необходимо было предварительно сделать дачнику? Выскажите всевозможные предположения.

Задача 4. У каких растений — болотных, луговых или пустынных — корневая система должна уходить в землю на большую глубину? Почему вы так считаете?

Задача 5. Клетки кожицы листа прозрачные, бесцветные. Какое значение в жизни растения имеет такая особенность их строения?

Задача 6. Почему слизни в знойные дни укрываются под камнями, дисками, а в сырую погоду их можно увидеть ползущими по земле или на растениях.

При проведении уроков биологии для активизации мыслительной деятельности использую и ситуационные задачи. Представьте ситуацию, проанализируйте, составьте диалоги, возможно инсценирование.

1) Мама пришла домой, где увидела подруг своей дочери (сына), распивающих спиртные напитки. Представьте решение этой проблемы.

2) Во время стирки родители находят в карманах одежды сына (дочери) таблетки неизвестного названия. Как решить данную проблему?

3) Вы в случайной компании видите, что употребляют наркотики. Обозначьте проблемы, представьте пути их решения.

Для активизации познавательной деятельности учащихся в процессе изучения биологии — создание проблемной ситуации на основе высказываний. Предлагаю учащимся прокомментировать высказывания:

1) «Кто не любит природу, тот не любит человека». Ф. Достоевский

2) «Грандиозные вещи делаются грандиозными средствами. Одна природа делает великое дело даром». А. Герцен

3) Известный географ и путешественник А. Гумбольдт утверждал, что «человеку предшествуют леса, а сопровождают пустыни». Почему так считает ученый?

Средством развития познавательного интереса к уроку биологии являются также познавательные игры. К игре, как любой форме, предъявляются психологические требования:

• Как и любая деятельность, игровая деятельность на уроке должна быть мотивирована, а учащимся необходимо испытывать потребность в ней.

- Важную роль играет психологическая и интеллектуальная готовность к участию в игре.

- Для создания радостного настроения, взаимопонимания, дружелюбия учителю необходимо учитывать характер, темперамент, усидчивость, организованность, состояние здоровья каждого участника игры.

- Содержание игры должно быть интересно и значимо для её участников; игра завершается получением результатов, представляющих ценность для них.

Учебная игра выполняет несколько функций:

оказывает воздействие на личность обучаемого, развивая его мышление, расширяя кругозор;

учит ориентироваться в конкретной ситуации и применять знания для решения нестандартной учебной задачи;

мотивирует и стимулирует познавательную деятельность учащихся, способствует развитию познавательного интереса.

Приведу некоторые примеры познавательных игр, которые применяю на практике:

а) Игры-упражнения.

б) Игра-поиск.

в) Игры-соревнования.

г) Сюжетно-ролевые игры.

д) Познавательные игры-путешествия.

Активизация познавательной деятельности в обучении биологии, позволяет мне достигать определенных результатов:

1) обучение активизирует мыслительную деятельность,

без которой школьнику очень сложно учиться, тем более с интересом;

2) у большинства учащихся сформировалась положительная мотивация к изучению предмета, познавательный интерес не только к отдельным темам курса, а в целом к биологии;

3) возросла эффективность развития интеллектуальных и творческих способностей учащихся;

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. Только стимулируя познавательную деятельность самих ребят и повышая их собственные усилия в овладении знаниями на всех этапах обучения, можно добиться развития познавательного интереса к биологии;

2. В обучении надо активно работать над развитием всех учащихся, как сильных по успеваемости, так и слабых;

3. Использование рассмотренных приемов в учебном процессе способствует развитию познавательного интереса, углублению знаний учащихся по курсу биологии;

4. Педагогическая теория приобретает действенную силу только тогда, когда она воплощается в методическое мастерство учителя и стимулирует это мастерство. Поэтому система методических средств и приемов активизации познавательной активности школьников нуждается в практическом освоении каждым учителем, в выработке соответствующих умений и навыков.

Литература:

1. Бондарук М.М. Занимательные материалы и факты по общей биологии в вопросах и ответах 5–11 классы — Изд. Учитель: Волгоград, 2007
2. Высоцкая М.В. нетрадиционные уроки по биологии в 5–11 классах — Изд. Учитель: Волгоград, 2004
3. Дмитриев Г.Н. Познавательные задачи по ботанике и их решения. — Арктоус, 1996.
4. Леонтьева О.М. Биология. 6 класс. Пособие для учителя. — М.: 1998.
5. Муртазин Г.М. Активные формы и методы обучения биологии. — М.: Просвещение, 1989.
6. Пустохина О.А. Урок в современной школе — Изд. Учитель: Волгоград, 2009
7. Скаткин М.Н. Проблемы современной дидактики. — М.: Педагогика, 1980.

МЕДИЦИНА

Этиология нарушения слуха и речи у глухих и слабослышащих детей

Барабанов Р.Е., студент

Московский педагогический государственный университет

Современные исследователи в области сурдопсихологии (Д.И. Тарасов, А.Н. Наседкин, В.П. Лебедев, О.П. Токарев и др.) пришли к выводу, что все причины и факторы нарушений слуха следует разделить на три группы:

Первая группа — это причины и факторы, приводящие к возникновению наследственной глухоты или тугоухости.

Вторая группа — факторы, воздействующие на развивающийся плод во время беременности матери или приводящие к общей интоксикации организма матери в этот период (врожденное нарушение слуха).

Третья группа — факторы, действующие на сохранный орган слуха ребенка в процессе его жизни (приобретенное нарушение слуха). Вместе с тем исследователи полагают, что достаточно часто поражение слуха возникает под действием нескольких факторов, оказывающих воздействие в различные периоды развития ребенка. Соответственно при этом выделяют фоновые и манифестные факторы. Фоновые факторы, или факторы риска, создают благоприятный фон для развития глухоты или тугоухости. Манифестные факторы вызывают резкое ухудшение слуха.

Фоновые факторы можно определить как факторы наследственного происхождения, к ним следует отнести различные нарушения метаболизма. К фоновым факторам врожденного происхождения возможно отнести перенесенную матерью во время беременности вирусную инфекцию. Особое влияние оказывают неблагоприятные воздействия на плод антибиотиков, каких-либо лекарственных препаратов, или асфиксия при родах. Справедливости ради необходимо заметить, что эти факторы могут не привести к появлению тугоухости, но вызвать условные повреждения слухового анализатора, что последующие воздействия нового вредоносного фактора (например, заболевание ребенка вирусной инфекцией) вызовут выраженное нарушение слуха.

В сурдологической практике выделяют три основные группы детей с нарушениями слуха: глухие, слабослышащие (тугоухие) и позднооглохшие дети.

Клиническая картина глухих детей указывает на глубокое стойкое двустороннее нарушение слуха, которое определяется прежде всего наследственностью, врожденными или приобретенными в раннем детстве факторами — до овладения речью (постнатальный период). В случае,

когда глухих детей не обучают речи специальными средствами (не оказывают должной сурдологической и логопедической помощи по каким-либо внешне социальным причинам), они становятся немыми — глухонемыми, как называли их не только в бытовой практике, но и в научных работах до 1960-х годов прошлого столетия. При этом, большинство глухих детей имеют остаточный слух. Они воспринимают только очень громкие звуки (силой от 70 до 80 дБ) в диапазоне не выше 2000 Гц. Как показывает практика и вместе с ней проведенные исследования, глухие лучше слышат более низкие звуки (до 500 Гц) и практически не воспринимают высокие (свыше 2000 Гц). Если глухие ощущают звуки громкостью 75–90 дБ, то принято считать, что у них тугоухость третьей степени. Если же глухие ощущают только очень громкие звуки — силой более 90 или 100 дБ, то состояние их слуха определяется как тугоухость четвертой степени. Длительное обучение таких лиц речи обеспечивает в конечном итоге формирование речи, приближающееся к нормальному или хотя бы способствующее общению в социальной среде. Далее невозможно не сказать о том, что глухота вызывает вторичные изменения и нарушения в психическом развитии ребенка — более медленное и протекающее с большим своеобразием развитие речи. Отпечаток накладывается на все стороны познавательной деятельности данного лица.

Слабослышащие (тугоухие) — дети (лица) с частичной недостаточностью слуха, приводящей к стойкому нарушению речевого развития. К слабослышащим относятся дети с весьма большими различиями в области слухового восприятия. Слабослышащими принято считать лица, начинающих слышать звуки громкостью от 20–50 дБ и больше (тугоухость первой степени) и если он слышит звуки только громкостью от 50–75 дБ и больше (тугоухость второй степени). Соответственно у разных детей сильно варьирует и диапазон воспринимаемых звуков по высоте.

Конечно, недостатки слуха у ребенка приводят к замедлению темпа в овладении речью, к восприятию речи на слух в искаженном виде, изменению строя фонетико-фонематического ряда и т.п. Варианты развития речи у слабослышащих детей разноплановы и во многом зависят от индивидуальных психофизических особенностей ребенка и от тех социально-педагогических и психологи-

ческих условий, в которых он находится, воспитывается и обучается.

Позднооглохшие — это дети, потерявшие слух вследствие какой-либо болезни или травмы после того, как они овладели речью, т.е. в 2–3-летнем и более позднем возрасте. Потеря слуха у таких детей носит тотальный, или близкая к глухоте, характер или близкий к той, что наблюдается у слабослышащего ребенка. На этой почве у ребенка может появиться тяжелая психическая реакция на то, что он не слышит многие звуки или слышит их искаженными, не понимая, что ему говорят. Это порой приводит к полному отказу ребенка от какого-либо общения в окружающей его среде, дает толчок психическому заболеванию (раннему детскому аутизму, ретардации). Задача перед специалистом состоит в том, чтобы научить ребенка воспринимать и понимать устную речь. В случае, если у него имеются достаточные остатки слуха, то данная цель достигается с помощью слухового аппарата. Однако, при более тотальном нарушении слуха необходимыми к применению становятся дактиль, жестовая речь, чтение с губ (редкое явление на сегодняшний день, поскольку специалистов, владеющих этим приемом становится весьма мало) и письменная речь (нарушение которой у глухих и слабослышащих детей носит иногда стойкий характер).

Хочется отметить, что при гемолитической болезни новорожденных, (несовместимость крови плода и матери по резус-фактору или по принадлежности их крови к разным группам), возможно наблюдать нарушение слуха, которое может сочетаться: с общим поражением мозга и олигофренией, с диффузным поражением мозга, с задержкой психического развития, с выраженным гиперкинезом, с поражением ЦНС в виде спастических парезов и параличей, с легким поражением нервной системы и т.д. При этом нарушение слуха может быть обусловлено нарушениями функций мозговых систем, в которых должен осуществляться прием, анализ и синтез звуковой информации (височная доля головного мозга: 20, 21, 22, 41, 42, 52-ое поля), поступающей из внешней среды.

Приобретенное нарушение слуха, возникшее вследствие травмы черепа, может быть связано с нарушением не только рецепторного отдела слухового анализатора, но и его проводящих путей и корковой части. Нередко недостаточность слуха сочетается с нарушением вестибулярного аппарата.

Обязательно, всякому собственному психологическому исследованию детей должен предшествовать сбор подробных анамнестических данных.

Особенности речи глухих и слабослышащих

Ограниченное понимание речи — один из наиболее заметных и массивных симптомов. Экспрессивная речь характеризуется следующими особенностями: запас слов ограничен, отличается диффузностью, расширенностью и неточностью их значений.

В грамматическом строе отмечаются более или менее грубые нарушения (от однословного предложения до развернутой фразы, с ошибками в падежных согласованиях, в употреблении предлогов).

В произношении слов имеется много искажений в структуре слова: интересно, что обычно сохраняется контур слов или хотя бы ударный слог, как наиболее слышимый, на этом основании могут смешиваться слова фонетически сходные.

Характер звукопроизношения слабослышащих лиц будет следующим: 1) смешение звонких и глухих при явлениях озвончения глухих согласных; 2) сигматизмы (в основном призубный и боковой), длительно удерживающиеся замены шипящих свистящими и смешение свистящих и шипящих; неправильное произнесение соноров «р» и «л»; 3) недостатки смягчения; 4) позднее формирование аффрикат; 5) выпадение при стечении согласных одной из согласных.

Голос слабослышащего обычно глухой, интонация малоразвита и невыразительна. Недостаточность своей речи он дополняет жестикულიцией.

Большинство из указанных недостатков соответствует особенностям речи нормального ребенка периода речевого развития; другие недостатки характеризуются неправильными навыками, обусловленными недостаточными и искаженными восприятиями, поступающими в слуховой анализатор. К последним относятся: глухой и слабо модулированный голос, упорные смешения звонких и глухих при явлениях озвончения глухих согласных, трудность воспитания правильных свистящих согласных.

Для выяснения и уточнения тех данных, которые характеризуют слабослышащего ребенка и возможности его дальнейшего развития и обучения, проводится обследование. Оно должно несомненно носить комплексный медико-психолого-педагогический характер. Одно из важных мест в нем занимает обследование слуха.

Отоларинголог проводит обследование слуха аппаратным путем и при помощи речи. Логопед проводит полное логопедическое обследование, в котором должно иметь место и обследование слуха при помощи речи; хотя последнее не может обладать точностью аппаратного обследования, но благодаря теснейшей связи слуха и речи имеет очень важное значение.

Кроме слуховых данных, в логопедическое обследование слабослышащего ребенка должны войти речевой анамнез и состояние речи в момент обследования.

При собирании речевого анамнеза важно выяснить особенности речевого развития слабослышащего ребенка до момента снижения слуха, обстоятельства и время возникновения тугоухости, последующие изменения в речевом развитии (словаря, грамматического строя, звуковой стороны речи), в общем поведении ребенка.

Выяснение формы общения между слабослышащим и его близкими, как, например, жестикულიция, использование остатков слуха, т.е. усиленная громкость речи, речь на ухо, чтение с губ и др., часто помогает понять

причину несоответствия речи тугоухого и степени снижения слуха.

Практическое обследование слабослышащих и глухих детей

На базе кафедры анатомо-физиологических основ дефектологии Московского Педагогического Государственного Университета было проведено ларингологическое обследование слабослышащих, глухих и нормально слышащих студентов дефектологического факультета кафедры сурдопедагогики. В ходе непрямой ларингоскопии, проводимой зеркальным гортанным ларингоскопом диаметром 16 и 27 мм (по М. Гарсия), был проведен осмотр состояния голосовых складок и гортаноглотки.

По результатам исследования каких-либо явных дефектов в анатомическом строении и функционировании голосообразующего аппарата не выявлено. Голосовые связки подвижны и сохраняют тенденцию к нормальному голосообразованию, что должно учитываться при оказании логопедической помощи таким пациентам.

В логопедическом обследовании принимало участие 12 человек в возрасте 18-ти лет. Четверо из них имели 4-ую степень потери слуха, пятеро были с 3-ей степенью потери слуха, двое со 2-ой и один был с нормальным, сохранным слухом.

Что касемо нарушения речи этих обследуемых, то на лицо, с 4-ой степенью потери слуха наблюдается комплексное недоразвитие речи. Прежде всего, это связано с отсутствием необходимой логопедической помощи в раннем дошкольном и школьном периодах. При попытке вызвать голос, мы могли наблюдать неправильно поставленное внешнее (обычное) и речевое (фонационное дыхание). А, как известно, именно правильное дыхание формирует нашу речь. Следовательно, при логопедическом

консультировании таким пациентам необходимо перво-наперво поставить правильное речевое дыхание путем обучения дыхательной гимнастики и сделать акцент на развитие артикуляционного аппарата, поскольку только комплексный подход даст плоды при формировании вербальных средств общения (в данном случае — устной и письменной речи). Что касается обследуемых с 3-ей степенью потери слуха, то здесь ситуация обстоит ненамного, но лучше. Среди речевых нарушений точно можно выделить сигматизм и ламбдацизм, сопряженных также с нарушением фонационного дыхания. Меры воздействия, которые можно применить в данном случае, это сделать упор на фонопедические упражнения, которые способствовали бы развитию голоса, интонации и выразительности, устранению сигматизмов, формированию аффрикат и правильного дыхания, а также дикционную гимнастику. У обследуемого со 2-ой степенью среди речевых нарушений можно было отметить опять же ламбдацизм и шепелявость. Преодолевается данное речевое нарушение путем специальных (стандартизированных) логопедических упражнений. У нормально слышащего наблюдалась легкая степень заикания, основой которого являлись неврозные клонические, смыкательные голосовые судороги голосообразующего аппарата и губные артикуляционные судороги не имеющие связи с патологией слуха.

Вывод, который можно сделать, однозначен: людям, страдающим нарушениями слуха необходима логопедическая помощь. Нецелесообразным является ограничение только сурдологическими методами и приемами. Формирование речи людей с аномалией слуха — это задача двух направлений дефектологии: сурдопедагогики и логопедии. На данном этапе научно-исследовательской работы яркой связи между степенью потери слуха и нарушением речи не выявлено. Изучение данной области будет продолжено далее.

Литература:

1. Лубовский В.И. Специальная психология. — М., 2003.
2. Зайцева Г.Л. Жестовая речь. Дактилология. — М., 2000.
3. Стребелева Е.А. Специальная дошкольная педагогика. — М., 2002.

Оптимизация инфузионной терапии гестоза средней и тяжелой степени в периперационном периоде

Джонбобоева Г.Н, аспирант; Цахилова С.Г., доктор минералогических наук, профессор;

Пырегов А.В., доктор минералогических наук

Московский государственный медико-стоматологический университет

Научно-исследовательский центр акушерства, гинекологии и перинатологии им. В.И. Кулакова

В статье представлены результаты собственного исследования использования сбалансированного по составу препарата ГЭК (гидроксиэтилированного крахмала) — Тетраспана 6 в сравнении с общеизвестными представителями препаратов ГЭК в периперационной инфузионной терапии (ИТ) гестоза средней и тяжелой степени. Эффективность терапии оценивалась на основании изменения цитокинового про-

филя от первых к пятым суткам. Оценивалось состояние водных секторов в динамике для определения объема ИТ.

Ключевые слова: гестоз, инфузионная терапия, препараты ГЭК, цитокины, Тетраспан 6, водные сектора.

Гестоз — тяжелейшее осложнение беременности, которое занимает лидирующую позицию среди всех причин преждевременных родов, материнской и перинатальной смертности. Учитывая тот факт, что проблеме гестоза уделяется пристальное внимание во всем мире, глобальных изменений в интенсивной терапии за последние 70 лет не произошло, что связано со сложным этиопатогенезом гестоза [1,11]. В первую очередь при гестозе, вследствие декомпенсированной, избыточной выработки провоспалительных цитокинов повреждаются эндотелий сосудов, нарушается целостность сосудистой стенки, затем при генерализации циркуляции провоспалительных цитокинов развивается полиорганная недостаточность. В первую очередь нарушаются функции: почек, печени, сердца, головного мозга [11]. Клинически процесс проявляется артериальной гипертензией, как последствие спазма сосудистой стенки, протеинурией, как показатель нарушения функции клубочковой фильтрации и отеками,

вследствие повышения проницаемости эндотелия и перехода жидкости из сосудистого русла в интестиициальное пространство (см.схема):

Вода организма образует два водных пространства: внутриклеточное (2/3 общей воды) и внеклеточное (1/3 общей воды). Небольшое количество воды входит в жидкости полостей тела: брюшной, плевральной и т.д., а также в цереброспинальную, внутриглазную, внутрисуставную жидкости [2,7].

Внеклеточное водное пространство включает два сектора (рис. 1):

1) внутрисосудистый водный сектор, т.е. плазму крови, объем которой составляет около 8 % общей воды организма.

2) интерстициальный водный сектор, содержащий 1/4 всей воды организма (15 % массы тела) и являющийся наиболее подвижным, меняющим объем при избытке или недостатке воды в теле. Включает в себя все жидкие

Схема патогенеза полиорганной недостаточности при ССВО

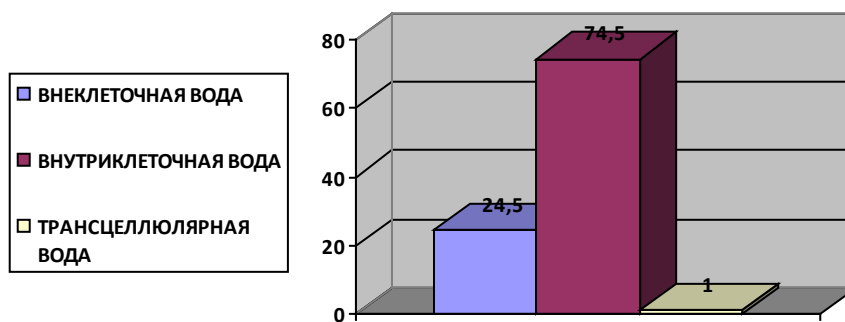
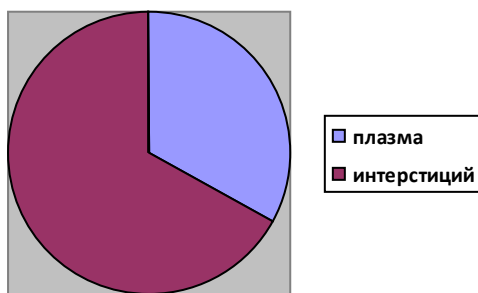

Рис. 1.

фракции организма, не заключенные в клеточные мембраны: плазматическую жидкость и лимфу. В норме объем внеклеточная жидкость является константой, обеспечиваемой гидромеханическими и осмотическими компенсаторными механизмами [2]. По данным S. Albert на циркулирующую жидкость (плазму) приходится 4–5% массы тела, а на межтканевую жидкость и лимфу — 13–15%.

3) В условиях патологии появляется третье водное пространство — вод полостей тела: брюшной, плевральной и т.д. Третьим жидкостным сектором, очень незначительным у здорового человека, является трансселлюлярная жидкость. Ее объем составляет 0,5–1% массы тела. При патологических состояниях объем трансселлюлярной жидкости может существенно возрасти, формируя, так называемое, «третье пространство». Потери жидкости в третье пространство могут достигать значительных масштабов и приводят к тяжелой гиповолемии при отсутствии очевидных внешних потерь жидкости. При гипергидратации, вода по большей части накапливается в интерстициальном водном секторе. Значительная степень гипергидратации проявляется водной интоксикацией. Водная интоксикация может сопровождаться возбуждением нервных центров и появлением мышечных судорог [2,5,7,8].

Детальное изучение механизмов и молекулярных основ системного воспаления при гестозе, расширяет горизонты исследователей для поиска новых вариантов лечения способные воздействовать на звенья патогенеза [9,10,18,19,20]. Так как, ключевую роль в патогенезе гестоза играет эндотелиальная дисфункция, при которой жидкость из сосудистого русла переходит в интерстициальное пространство, обуславливая снижение объема

циркулирующей крови (ОЦК) и гиповолемию, то для устранения этого состояния основным направлением в лечении гестоза стала инфузионная терапия. Для восполнения ОЦК препаратами выбора остаются растворы ГЭК (гидроксиэтилированного крахмала), способствующие улучшению реологических свойств крови, способные связывать и удерживать воду в сосудистом русле, восполнить внутрисосудистый объем, восстановить поврежденный эндотелия, путем закрытия пор в стенках капилляров молекулами крахмала. Уникальными являются их способность торможения выработки и снижения выброса противовоспалительных цитокинов, ингибирование активации эндотелиоцитов, снижают уровень циркулирующих молекул адгезии, ингибируют выброс фактора Виллебранда из эндотелиоцитов, что было доказано экспериментально и клинически [4,6,19,20]. Как известно, инфузионная терапия не лишена своих недостатков и побочных действий, одним из которых является гипергидратация, что ведет к развитию отека легких и сердечной недостаточности. За последнее время в литературе появились данные об использовании в интенсивной инфузионной терапии нового сбалансированного по электролитному составу раствора ГЭК Тетраспана 6 (B Braun®), отличительными преимуществами которого являются:

- сбалансированность по составу, адаптированный к плазме крови, что дает возможность меньшего воздействия на систему гемостаза и функцию тромбоцитов [19,20,21].

- изотоничность и изоионность раствора, препятствует развитию гипонатриемической энцефалопатии, перемещению жидкости из сосудистого русла в межклеточное, предупреждает развитие отека легких, ионный состав Тетраспана 6 обеспечивает стабильность электролитного баланса и времени свертываемости крови, что обусловлено снижением концентрации кальция в крови [21].

- максимально безопасен для почек, вызывая минимальные изменения уровня специфических почечных белков (глутатионтрансферазы альфа и нейтрофильного желатиназо-ассоциированного липокалина) [19,20].

- благоприятно влияет на системный воспалительный ответ, ограничивая секрецию провоспалительных цитокинов [6,10,14].

Целью нашей работы было оптимизировать инфузионную терапию в периоперационном периоде у родильниц с гестозом средней и тяжелой степени, путем сравнительной оценки особенностей сбалансированного раствора ГЭК Тетраспана 6 и общеизвестных ГЭК на основании определения уровня цитокинов (про- и противовоспалительных) в сыворотке крови в динамике на фоне инфузионной терапии.

Материалы и методы: Для контроля за объемом проводимой инфузионной терапии и предупреждения гипергидратации мы динамически отслеживали за состоянием водных секторов неинвазивным биоэлектрическим методом ИДИ (интегральной двухчастотной импедансометрией). Уровень цитокинов (ИЛ-1, ИЛ-6, ИЛ-10) в сыворотке крови определяли с помощью набора реагентов «ИНТЕРЛЕЙКИН 1,6,10 – ИФА – Вектор БЕСТ», разработанных в ЗАО «Вектор-БЕСТ» (Новосибирск). Измерения проводили методом сэндвич-варианта твердофазного иммуноферментного анализа с помощью моно- и поликлональных антител согласно рекомендациям производителей. Индикаторным компонентом реакции служил конъюгат пероксидазы хрена со стрептавидином. В качестве стандарта для сравнения в каждой реакции использовались рекомбинантные цитокины, входящие в состав тест – наборов. По данным титрования стандартных образцов строили калибровочные графики для каждого из изучаемых веществ, по которым определяли их уровень в исследуемой сыворотке крови в диапазоне детектируемых концентраций от 5 до 250 пг/мл. Забор крови, в количестве 10–12 мл, проводили из кубитальной вены в стерильный апиrogenный шприц на 1-х и 5-х сутках после оперативного родоразрешения. Статистическая обра-

ботка проводилась пакетом Microsoft Office Excel 2007. Исследовано 80 родильниц с гестозом: в основной группе $n=40$, в состав инфузионной терапии входил Тетраспан 6, в группе сравнения $n=40$ один из растворов ГЭК. В контрольной группе ($n=30$) родильниц без гестоза инфузионная терапия не включала ГЭК. Обследование проводилось на 1-х и 5-х сутках после оперативного родоразрешения.

Результаты:

1. Мониторинг **водных секторов** показал, что в основной группе на 1-х сутках, отмечается: выраженное увеличение внеклеточной жидкости у 19 (47,5%), умеренное увеличение у 16 (40%), нормальные значения у 5 (12,5%). На 5-х сутках: выраженное – 3 (7,5%), умеренное – 23 (57,6%), норма – 14 (35%). В группе сравнения 1-е сутки: выраженное – 19 (47,5%), умеренное – 15 (37,5%), норма – 6 (15%), к 5-м суткам: выраженное – 7 (17,5%), умеренное – 22 (55%), норма – 11 (27,5%). Контрольная группа: 1-е сутки: умеренное увеличение внеклеточной жидкости – 12 (40%), норма – 18 (60%); 5-е сутки умеренное – 5 (16,7%), норма – 25 (83,3%) (см. табл. 1)

2. При анализе **маркеров воспаления:** на 1 сутках в основной группе: ИЛ1 β – $121 \pm 15,2$, ИЛ 6 – $54,3 \pm 21,1$, ИЛ 10 – $61,7 \pm 13,6$; На 5-е сутки: $114 \pm 22,3$, ИЛ 6 – $46,6 \pm 18,3$, ИЛ 10 – $54,9 \pm 12,6$. В группе сравнения – 1 сутки: ИЛ1 β – $123 \pm 10,9$, ИЛ 6 – $51,3 \pm 28,2$, ИЛ 10 – $63,4 \pm 14,1$; На 5-е сутки: $119 \pm 26,9$, ИЛ 6 – $49,9 \pm 24,6$, ИЛ 10 – $59,2 \pm 18,2$. Контроль: 1-е сутки: ИЛ1 β – $82 \pm 15,2$, ИЛ 6 – $33,3 \pm 21,1$, ИЛ 10 – $98,7 \pm 13,6$; На 5-е сутки: $114 \pm 12,6$, ИЛ 6 – $27,1 \pm 18,3$, ИЛ 10 – $64,9 \pm 12,6$ (см. табл. 2).

Таблица 1.

Изменения показателей водного баланса (увеличение объема внеклеточной жидкости) %	Гр. Сравнения (1сутки)	(5сутки)	Основная группа (1сутки)	(5сутки)	Контрольная группа N=30 (1сутки)	(5сутки)
Выраженное	47,5% (n=19)	17,5% (n=7)	47,5% (n=19)	7,5% (n=3)	0	0
Умеренное	37,5% (n=15)	55 % (n=22)	40% (n=16)	57,3% (n=23)	40% (n=12)	16,7% (n=5)
Норма	15% (n=6)	27,5% (n= 11)	12,5% (n=5)	35% (n=14)	60% (n=18)	83,3% (n=25)

Таблица 2.

	Основная группа	Группа сравнения	Контрольная группа	Основная группа	Группа сравнения	Контрольная группа
Интерлейкин	1 сутки после родов	1 сутки после родов	1 сутки после родов	5 сутки после родов	5 сутки после родов	5 сутки после родов
IL 1 β	$121 \pm 15,2$ ^{1 3}	$123 \pm 10,9$ ^{1 2}	$82 \pm 15,2$ ^{2 3}	$114 \pm 22,3$ ^{1 3}	$119 \pm 26,9$ ^{1 2}	$114 \pm 12,6$ ^{2 3}
IL 6	$54,3 \pm 21,1$	$51,3 \pm 28,2$	$33,3 \pm 21,1$	$46,6 \pm 18,3$	$49,9 \pm 24,6$	$27,1 \pm 18,3$
IL 10	$61,7 \pm 13,6$	$63,4 \pm 14,1$	$98,7 \pm 13,6$	$54,9 \pm 12,6$	$59,2 \pm 18,2$	$64,9 \pm 12,6$

1. Различия статистически значимы между группой сравнения и основной группой

$$p \leq 0,05$$

2. Различия статистически значимы между группы сравнения и контрольной группой

$$p \leq 0,01$$

3. Различия статистически значимы между основной группой и контрольной группой

$$p \leq 0,01$$

Обсуждение: При мониторинге водных секторов отмечается переход от выраженных нарушений к умеренным, с последующей полной нормализацией значений водного баланса на фоне терапии. Исследование доказывает постепенную стабилизацию состояния водных секторов, переход от выраженных нарушений к более умеренным изменениям жидкостных секторов, что подтверждает необходимость продолжения наблюдения и лечения гестоза в позднем послеродовом периоде. При гестозе отмечается увеличение ИЛ 1, ИЛ6 в группах с гестозом по сравнению с контрольной. Уровень ИЛ 10 заметно выше в контрольной группе. К 5-м суткам: отмечается заметное снижение ИЛ 1, ИЛ 6 в основной группе, и умеренное снижение ИЛ1, ИЛ 6 в гр.сравнения. Рост ИЛ 10 отмечен в основной группе. Восстановление баланса между про- и противовоспалительными цитокинами также отмечается в основной группе. В целом наиболее высокие концентрации противовоспалительных цитокинов отмечено при гестозе средней тяжести, наименьшие — при тяжелом течении гестоза, что возможно связано с развитием так называемого «феномена лейкоцитарной де-

прессии». Указанный феномен можно считать критерием тяжести патологического процесса. По группе родильниц с гестозом в целом отмечалось заметное снижение уровня противовоспалительных цитокинов по сравнению со здоровыми беременными. По результатам отслеживается более благоприятное течение послеродового течения в основной группе, где применялся Тетраспан 6, на что указывает ранняя стабилизация состояния водных секторов к 5-м суткам по сравнению с группой, где применялись общеизвестные ГЭК. По анализу цитокинового профиля в динамике с 1-х по 5-е сутки определяется тенденция отчетливого снижения уровней про- и противовоспалительных цитокинов по сравнению с группой сравнения.

Выводы: 1. Метод ИДИ является доступным и неинвазивным для оценки состояния водного баланса организма, что обеспечивает контроль объема и количества ИТ и снижает риск гипергидратации в периоперационном и послеродовом периодах.

2. Активность про- противо—воспалительных цитокинов у родильниц с гестозом зависит от объема и состава инфузионной терапии. Определение цитокинов при гестозе целесообразно для определения динамики, выбора состава и продолжительности инфузионной терапии.

3. В группе, где применялся Тетраспан 6, отмечается раннее снижение уровней провоспалительных маркеров и восстановление равновесия цитокинового профиля, за счет моделирующего воздействия Тетраспана 6 на воспалительный ответ, что доказывает его эффективность и рекомендует его к использованию в составе инфузионной терапии средних и тяжелых форм гестоза.

Литература:

1. Акушерство и гинекология: Клинические рекомендации / Под ред. В.И. Кулакова. — М., 2005.
2. Галушка С.В., Назаров Б.Ф., Шифман Е.М. Водно-секторальные нарушения у родильниц с преэклампсией. Общая реаниматология. — 2007. — № 4. — С.47–50.
3. Галушка С.В., Назаров Б.Ф. Применение препаратов гидроксипрохлоридов при коррекции вводно-секторальных нарушений у родильниц с гестозом. // Альманах анестезиологии и реаниматологии. Материалы 4-й сессии МНОАР. М. 2004 г С.13.
4. Гестозы, АФС и гипергомоцистеинемия: Материалы 4-го Рос. форума «Мать и дитя». М 2002; 385–387.
5. Заварзина О.О. Комплексная интенсивная терапия тяжелых форм гестоза: Автореф. дис. ... д-ра мед. наук. М 1999;
6. Зайнулина М.С., Петрищев Н.Н. Эндотелиальная дисфункция и ее маркеры при гестозе. Журнал акушерства и женских болезней. — 1997.-№1. — С.59–62.
7. Иванов Г.Г., Мещеряков Г.Н., Кравченко Н.Р. и др. Биоимпедансометрия в оценке водных секторов организма// Росс. Журнал анест. и инт. Терапии, 1999, №1. С.59–63.
8. Ильин И.В., Расстригин Н.Н., Суханова Л.П. Осложнения при проведении интенсивной терапии у больных с тяжелыми формами позднего токсикоза// Акуш. и гин. — 1997. — №6.-С. 15–18.
9. Марков Х.М. Молекулярные механизмы дисфункции сосудистого эндотелия // Кардиология. — 2005. — Т. 45, № 12. — С. 62–72.
10. Ребров А.П., Сажина Е.Ю., Тома М.И. Эндотелиальная дисфункция и особенности изменения уровня цитокинов и С-реактивного белка у больных хронической сердечной недостаточностью// Рос. Кард.журнал. — 2005. — №2. —С. 26–31.
11. Репина М.А. Преэклампсия и материнская смертность. — СПб.: СПбМАПО, 2005.
12. Сидорова И.С. И др. Прогностические критерии тяжести течения гестоза // Патология беременности. — 2007. — № 17. — С. 49–54.

13. Boldt et al., Anesth Analg 2007; 104: 425–430.
14. Brunner H., Cockcroft J.R., Deanfield J. et al. Endothelial function and dysfunction. Part II: Association with cardiovascular risk factors and diseases. A statement by the Working Group on Endothelins and Endothelial Factors of the European society of Hypertension// J. Hypertension. — 2005. — Vol.23. — P. 223–246.
15. Dekker G.A., Sibai B.M. Etiology and pathogenesis of preeclampsia: current concepts // Am J Obstet Gynecol. — 1998 Nov; 179 (5): 1359–1375.
16. Egbor M. et al. Preeclampsia and fetal growth restriction: how morphometrically different is the placenta? // Placenta. — 2006. — Vol. 27, N 6–7. — P. 727–734.
17. Grundamann M., Woywodt A., Kirsch T. et al. Circulating endothelial cells a marker of vascular damage in patients with preeclampsia.// Am J Obstet Gynecol. — 2008.-Vol. 198.-P.317–322.
18. Heinze et al., Eur J anaesth 2005, 22 (34): 78–79.
19. Jacob L., Heming N., Guidet B. Hydroxyethyl starch and renal dysfunction // Transfusion Alternatives in Transfusion Medicine. — 2007. — 9 (3). — P. 182–188
20. Warren B.B., Duriux M.E. Hydroxyethyl starch: safe or not? // J. Anest. Analg.-1997.-Vol.84.-P. 193–199.
21. Zander R et al. Konsensus optimaler Volumenersatz Anaesth Intensivmed

Имитационное моделирование динамики алгоритма управления биомеханического тренажера

Егоров С.А., аспирант
Владимирского государственного университета

Действие алгоритма основано на учете величины момента сопротивления. Привод совершает разгибательное движение в суставе до тех пор, пока сопротивление не достигнет порогового значения $M_{кр}$. В этом случае привод переключается на осциллирующий режим, заставляя сустав совершать быстрые колебательные движения малой амплитуды. Такой режим способствует ослаблению сгибательных мышц и снижению болевых ощущений. Осциллирующий режим функционирует некоторый период времени (от нескольких секунд до нескольких минут), задаваемый программно, после чего привод возвращается в исходное положение, заставляя сустав сгибаться и давая возможность для восстановления локального кровообращения и релаксации разгибателей. Затем цикл повторяется вновь.

В приводе реализован алгоритм управления движением шарнирно-рычажной системы тренажера для разработки контрактур с уменьшением болевых ощущений.

Схема работы алгоритма в течение одного цикла разработки показана на рис. 1.

Алгоритм работает следующим образом. Под действием номинального напряжения $U = U_0$ привод совершает разгибание сустава (прямой ход) до тех пор, пока сопротивление не достигнет критического значения $M_{кр}$. Этот момент фиксируется датчиком тока, т.к. потребляемый ток прямо пропорционален преодолеваемой нагрузке:

$$I = \frac{M_2}{c_M}, \quad (1)$$

где c_M — отношение статического синхронизирующего момента двигателя к пусковому току фазы.

При достижении $M_2 = M_{кр}$ происходит переключение на режим осцилляции. Привод под действием управления $U = -U_1$ начинает отрабатывать движение в обратном направлении (сгибание сустава) в течение заданного полупериода осцилляции $T_{осц}$. Амплитуда управляющего напряжения U_1 определяется из условия прохождения заданного угла разгибания за полупериод:

$$U_1 = \frac{2\pi\alpha}{\omega_u T_{осц}} \sqrt{1 + \left(\frac{2\pi T_\gamma}{T_{осц}} \right)^2} U_0. \quad (2)$$

При окончании полупериода в момент времени $\tau = T_{осц}$ происходит переключение управления на прямой ход $U = U_1$, заставляя сустав разгибаться. Разгибание продолжается до тех пор, пока вновь не наступит событие $M_2 = M_{кр}$, после чего совершается второй цикл осцилляции.

В течение каждого колебания в фазу осцилляции счетчик циклов n регистрирует количество совершенных осцилляций. При совершении заданного числа N осцилляций фаза осцилляции заканчивается и привод под действием управляющего напряжения $U = -U_1$ возвращается в исходное положение и цикл разработки заканчивается.

Для работы алгоритма необходимо задать следующие параметры:

$M_{кр}$ — пороговое значение момента сопротивления, характеризующего наступление контрактуры, Н · м;

M — число циклов разработки в течение сеанса разработки;

N — число осцилляций в течение цикла разработки;

$T_{осц}$ — полупериод осцилляции, с;

α — амплитуда осцилляции, град.

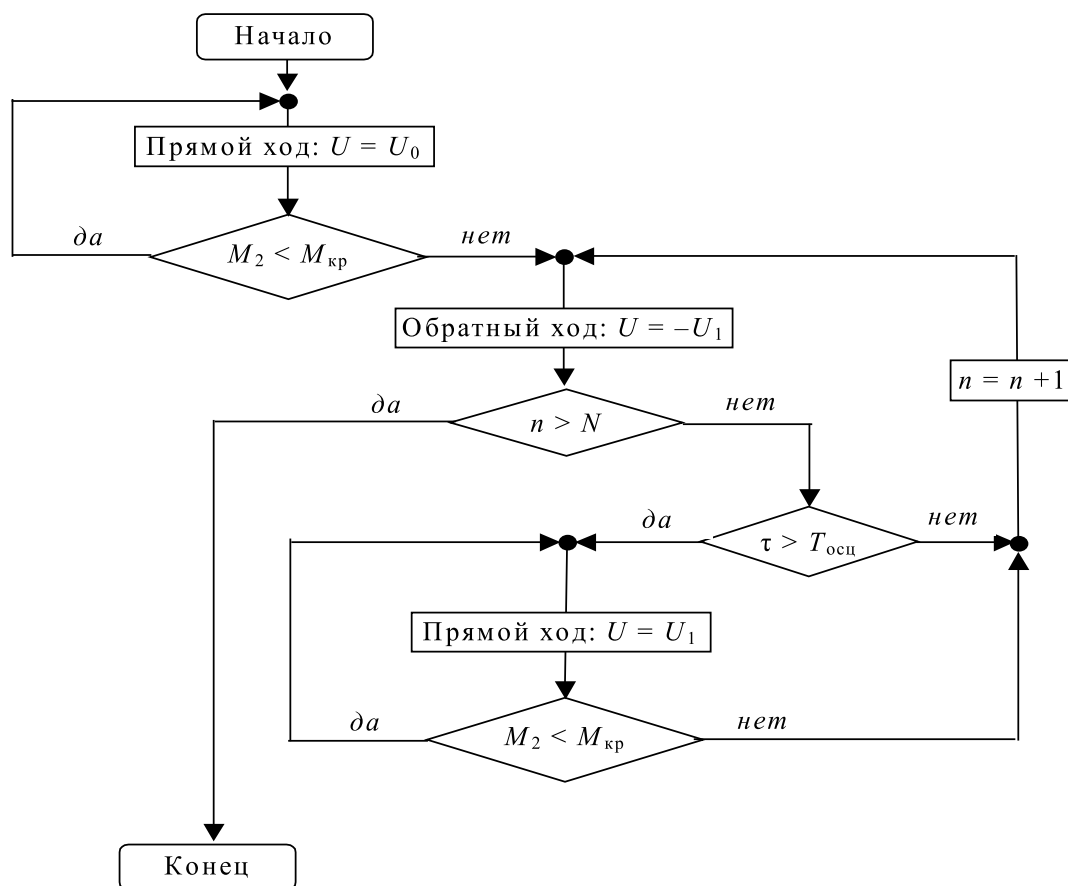

Рис. 1. Схема работы алгоритма в течение одного цикла разработки

Остальные параметры (характеристики двигателя: $\omega_{\text{хх}}$, $M_{\text{П}}$, $J_{\text{рот}}$, U_0 ; редуктора: u , η , J_1 , J_2 ; предельный угол разгибания в суставе $\varphi_{\text{пр}}$) фиксированы и зашиты в ПЗУ микропроцессора. Их можно также перепрограммировать, например, при перенастройке тренажера на другой сустав, замене двигателя или редуктора, но в отличие от перечисленных выше параметров управления они недоступны через пульт пользователя.

Для проверки работоспособности предложенного алгоритма проведен комплекс исследований по имитационному моделированию динамики тренажера.

Заметим, что для работы алгоритма не важен точный вид зависимости (6) и тем более значение показателя контрактуры (который существенно привязан к предложенной модели). Но для имитационной модели необходимо формализованное описание зависимости усилия со-

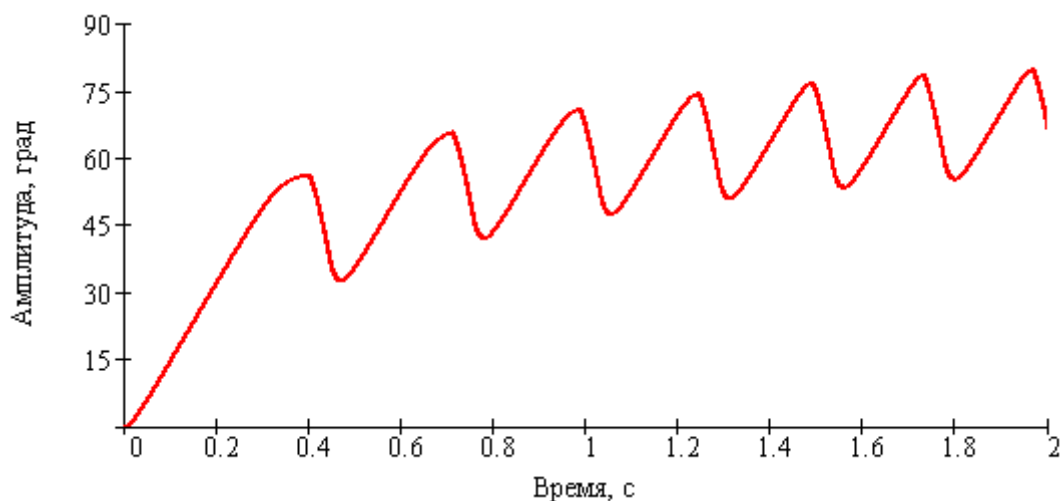

Рис. 2. Диаграмма изменения угла разгибания за цикл разработки

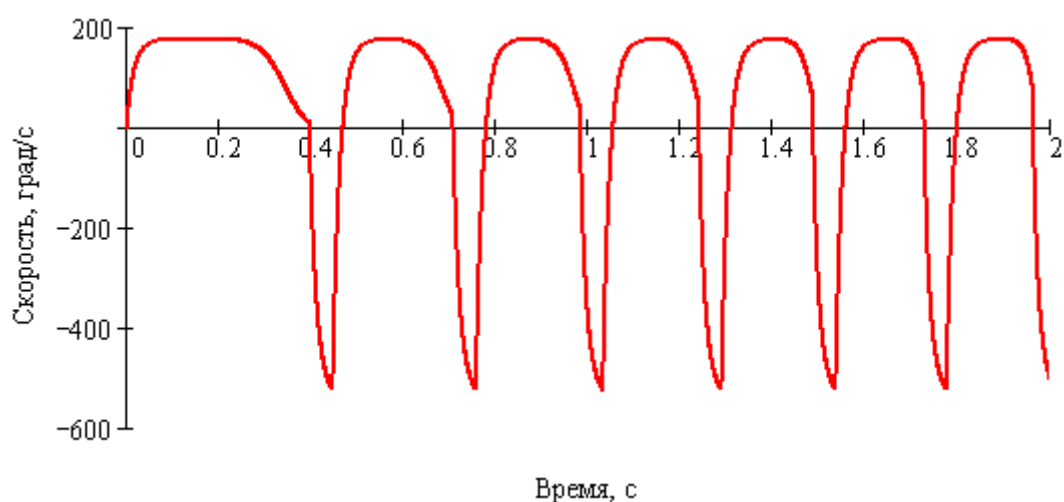

Рис. 3. Диаграмма изменения угловой скорости разгибания за цикл разработки

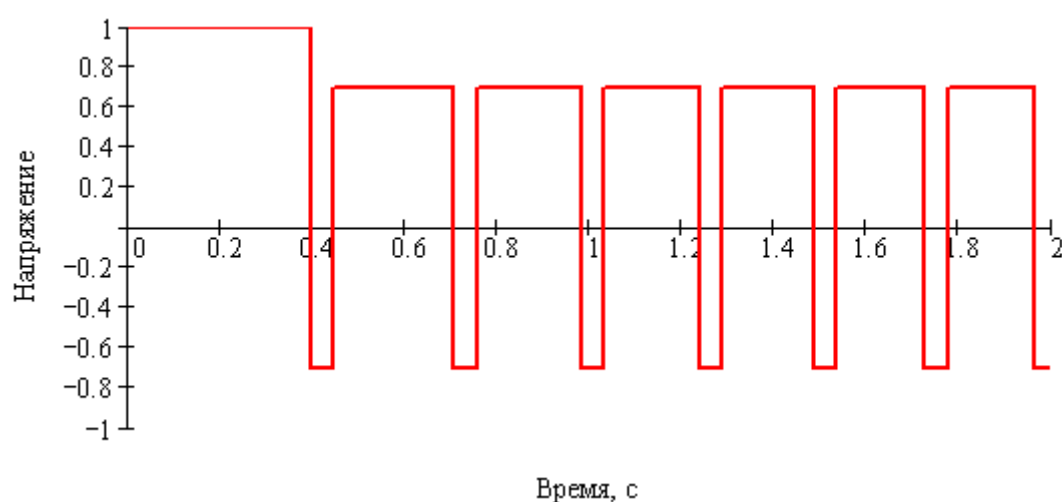

Рис. 4. Диаграмма изменения управляющего напряжения за цикл разработки

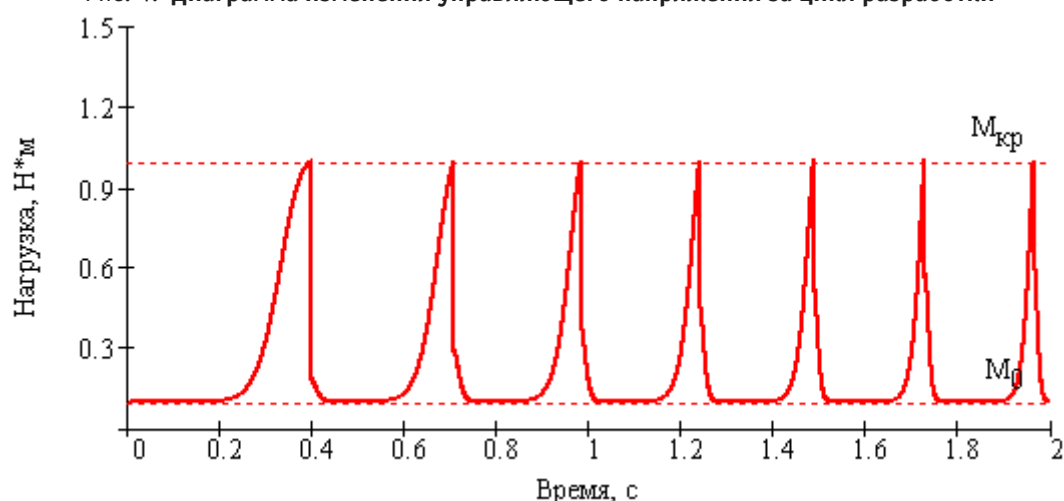

Рис. 5. Диаграмма изменения момента сопротивления за цикл разработки

противления разгибанию от угла разгибания, причем с учетом положительной динамики в процессе разработки.

На рис. 2–6 представлены результаты имитационного моделирования: показаны диаграммы изменения угла и угловой скорости разгибания, управляющего на-

пряжения, момента сопротивления и показателя контрактуры за цикл разработки. Для наглядности предложен идеализированный случай, когда каждая осцилляция эффективна — после каждой осцилляции показатель степени $1/k$ в выражении (6) увеличивается на единицу.

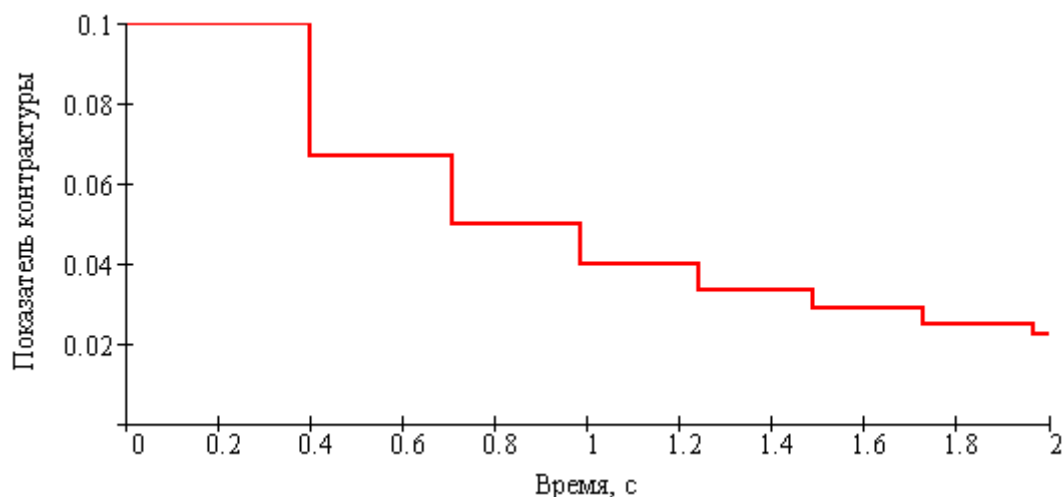

Рис. 6. Диаграмма изменения показателя контрактуры за цикл разработки

Режим осцилляции — $T_{\text{осц}} = 0,1$ с, $\alpha = 20^\circ$. Подвижность в суставе до начала разработки составляла $56,1^\circ$, в конце цикла разработки — $80,1^\circ$. Можно видеть, что обратный ход начинается в момент, когда $M_2 = M_{\text{кр}}$.

Прямой ход в течение каждой осцилляции совершается за большее время, чем обратный. Это связано с тем, что во время прямого хода приводу приходится преодоле-

вать сопротивление, тогда как в течение обратного хода нагрузка помогает тренажеру сгибать сустав.

Основным результатом проведенного моделирования является проверка работоспособности алгоритма. Построенная на диаграммах реализация подтверждает, что алгоритм обеспечивает требуемый режим осцилляции.

Оценка качества жизни пациентов при диагностической и лечебной эндоскопической помощи

Аманжолов Б.Р.¹, главный специалист отделения эндоскопии; Игисинов Н.С.^{2,3}, доктор медицинских наук, профессор; Нарманова О.Ж.¹, доктор медицинских наук; Ташимов Р.И.³, врач-эндоскопист

¹АО «Республиканский научный центр неотложной медицинской помощи»

²Институт общественного здравоохранения АО «Медицинский университет Астана»

³ОО «Central Asian Cancer Institute», г. Астана, Казахстан

Качество жизни, связанное со здоровьем, является одним из ключевых понятий современной медицины, позволяющих дать глубокий многоплановый анализ важных составляющих здоровья человека в соответствии с критериями ВОЗ, то есть физиологических, психологических и социальных проблем больного человека [1]. Исследовательская группа ВОЗ предлагает рассматривать вопросы эффективности и качества медицинской помощи с учетом трех основных критериев: адекватности, экономичности, научно-технического уровня. При этом под адекватностью медицинской помощи понимают необходимость достижения приемлемого для больного «качества жизни» [2, 3, 4, 5].

Качество жизни может служить показателем, на основе которого возможен мониторинг состояния здоровья пациентов после проведенного диагностического и лечебного эндоскопического вмешательства в ранние и отдаленные периоды наблюдения. Оценка влияния диагности-

ческой и лечебной эндоскопической помощи на качество жизни пациентов до настоящего времени остается малоизученной и в настоящей статье представлены данные о влиянии эндоскопической помощи на качество жизни пациентов.

Материал и методы исследования

Изучение качества жизни пациентов, получивших эндоскопическую помощь, было проведено с помощью социологического опроса пациентов. При этом основным источником информации исследования послужили результаты анкетного опроса пациентов поступивших в отделение эндоскопии АО «Республиканский научный центр неотложной медицинской помощи» и получивших эндоскопические лечебно-диагностические процедуры. Информация у пациентов собиралась до и после проведенных медицинских вмешательств. Для сбора информации была

составлена анкета, которая содержала информацию о респонденте; информацию об удовлетворенности медицинской помощью и короткая форма опросника SF-36, которая содержала 11 разделов и 36 вопросов.

В исследовании анализируется опрос 268 пациентов, получивших лечебно-диагностическую эндоскопическую помощь. При этом качество жизни пациентов анализировалось до и после эндоскопической помощи.

По общепринятым методам санитарной статистики [6] определены среднее значение (M), средняя ошибка (m) и 95% доверительный интервал (95% ДИ). Просмотр и обработка полученных материалов осуществлены при помощи компьютера Pentium IV (пакет программ Microsoft Office 2007: Excel, Word, Access; BIOSTAT).

Результаты и обсуждение

Анализ показателей качества жизни пациентов был проведен с учетом вида эндоскопического вмешательства. При этом оценка дана до и после проведения эндоскопического вмешательства с диагностической и лечебной целью.

Так, показатель физического функционирования до вмешательства в I группе (диагностическая эндоскопия) составил $57,4 \pm 1,4$ балла (95% ДИ=54,6–60,2 балла), а во II группе (лечебная эндоскопическая помощь) показатель был ниже — $49,5 \pm 2,5$ балла (95% ДИ=44,6–54,4 балла). При этом различия были статистически значимыми ($p < 0,05$). После проведенных эндоскопических вмешательств данный показатель составил у I группы — $83,0 \pm 1,5$ балла (95% ДИ=80,1–85,8 балла) и во II группе — $70,2 \pm 2,8$ балла (95% ДИ=64,8–75,7 балла). Разница статистически значимая ($p < 0,05$).

Показатель ролевого функционирования до проведения процедур у I группы был низким — $24,5 \pm 2,2$ балла (95% ДИ=20,2–28,8 балла), чем во II группе — $35,3 \pm 3,8$ балла (95% ДИ=27,8–42,8 балла). После проведенных лечебно-диагностических мероприятий показатели составили $87,9 \pm 1,4$ балла (95% ДИ=85,1–90,7 балла) и $84,1 \pm 1,4$ балла (95% ДИ=85,1–90,7 балла) соответственно в I и II группах. Разница в показателях была статистически значимой только при сравнении до и после полученных процедур ($p < 0,05$), что свидетельствует о том, что повседневная деятельность исследуемых пациентов была значительно ограничена их физическим состоянием, т.е. после проведенной лечебно-диагностической эндоскопической помощи показатели улучшились в изучаемых группах.

Показатели интенсивности боли до вмешательства составили в I группе $55,4 \pm 1,3$ балла (95% ДИ=52,9–57,9 балла) и во II группе — $52,1 \pm 2,2$ балла (95% ДИ=47,8–56,4 балла). После проведенных мероприятий данный показатель составил $83,6 \pm 1,5$ балла (95% ДИ=80,6–86,5 балла) в I группе и $77,3 \pm 2,5$ балла (95% ДИ=72,3–82,3 балла).

При этом различия были статистически значимыми ($p < 0,05$) при сравнении данных у изучаемых групп рес-

пондентов до и после получения эндоскопического вмешательства.

Показатели общего состояния здоровья до процедур составили у респондентов I группы — $41,6 \pm 0,7$ балла (95% ДИ=40,2–43,1 балла) и во II группе $43,6 \pm 1,4$ балла (95% ДИ=40,8–46,4 балла), разница статистически не значима. После проведенных мероприятий показатели статистически значимо ($p < 0,05$) улучшились. Так, в I группе показатель составил $56,2 \pm 0,7$ балла (95% ДИ=54,9–57,5 балла), а во II группе был $55,0 \pm 1,5$ балла (95% ДИ=52,0–57,9 балла), т.е. общее состояние здоровья объективно улучшилось, хотя показатели в целом были низкими.

Показатели жизнеспособности в I группе до эндоскопических процедур были оценены в $55,5 \pm 0,8$ балла (95% ДИ=53,9–57,2 балла) и в динамике после проведенных мероприятий имели тенденцию к росту и составили $72,2 \pm 1,3$ балла (95% ДИ=69,7–74,7 балла). Различия были статистически значимыми ($p < 0,05$). Низкие баллы до вмешательства свидетельствовали об утомлении пациента, снижении жизненной активности в связи с болезнью.

Жизнеспособность в II группе до вмешательства составила $56,6 \pm 1,7$ балла (95% ДИ=53,2–60,0 балла), а после проведенных мероприятий была равна $64,5 \pm 1,9$ балла (95% ДИ=60,7–68,3 балла). Установленное различие имело статистическую значимость ($p < 0,05$). Низкие баллы до вмешательства свидетельствовали о тяжести болезни.

Показатель социального функционирования до вмешательства в I группе был низким — $42,3 \pm 1,0$ балла (95% ДИ=40,4–44,3 балла), что свидетельствовало об ухудшении физического и эмоционального состояния, связанного с недугом. После проведенного диагностического вмешательства показатель статистически значимо ($p < 0,05$) улучшился и составил $77,9 \pm 1,8$ балла (95% ДИ=74,4–81,4 балла).

Во II группе показатель социального функционирования до лечения составил $45,2 \pm 2,3$ балла (95% ДИ=40,7–49,8 балла), а после лечебной эндоскопии показатель увеличился $68,3 \pm 2,8$ балла (95% ДИ=62,9–73,7 балла), что свидетельствовало об улучшении состояния здоровья, которое отразилось на физическом и эмоциональном статусе пациентов.

Оценка влияния эмоционального состояния на ролевое функционирование до эндоскопии в I группе показал следующий балл — $69,4 \pm 2,5$ балла (95% ДИ=64,5–74,3 балла), а после вмешательства — $86,2 \pm 1,5$ балла (95% ДИ=83,2–89,1 балла). Низкие показатели до вмешательства истолковывались как ограничение в выполнении ежедневной работы, обусловленное ухудшением состояния в связи с болезнью.

Показатель ролевого функционирования в II группе до лечения составил $45,5 \pm 4,2$ балла (95% ДИ=37,2–53,8 балла), а после лечебной эндоскопической помощи он увеличился в 1,8 раза и составил $83,1 \pm 2,9$ балла (95%

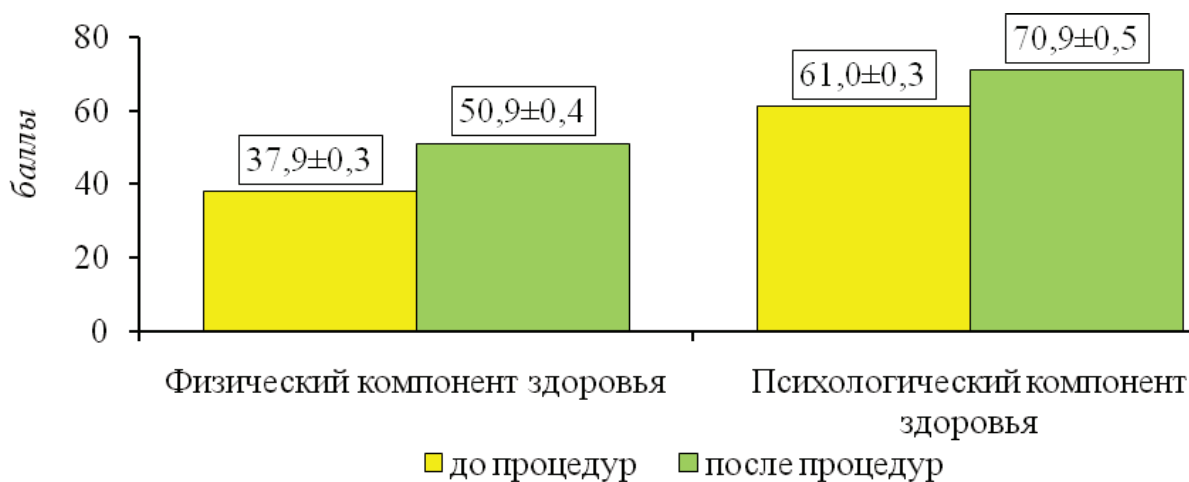

Рис. 1. Оценка в целом физического и психологического компонентов здоровья у респондентов I группы до и после диагностического эндоскопического вмешательства

ДИ=77,4–88,8 балла), т.е. очевидна эффективность оказанной медицинской помощи.

Показатель психического здоровья (рис. 4.45) у пациентов I группы до проведения процедур составил $37,6 \pm 1,0$ балла (95% ДИ=35,7–39,5 балла), а после вмешательства показатель улучшился и составил $62,9 \pm 1,2$ балла (95% ДИ=60,6–65,2 балла), что свидетельствовало о психическом благополучии. Разница статистически значима ($p < 0,05$).

Оценка психического здоровья у пациентов II группы до лечения составила $44,4 \pm 1,5$ балла (95% ДИ=41,5–47,4 балла), что свидетельствовало о наличии депрессивных и тревожных переживаний, связанных с болезнью. После лечения показатель улучшился – $58,6 \pm 2,0$ балла (95% ДИ=54,6–62,6 балла). Разница была статистически значимой ($p < 0,05$).

Теперь обобщим значения общих показателей «Физического компонента здоровья». Так, до вмешательства в I группе (диагностическая эндоскопия) «физический компонент здоровья» составил $37,9 \pm 0,4$ балла (95% ДИ=37,2–38,6 балла), а «психологический компонент» по оценке был выше последнего и составил $61,0 \pm 0,3$ балла (95% ДИ=60,4–61,5 балла) (рис. 1). Различия между указанными компонентами были статистически значимыми ($p < 0,05$).

Оценка компонентов здоровья в I группе после диагностических вмешательств показала следующее: «физический компонент здоровья» – $50,9 \pm 0,4$ балла (95% ДИ=50,0–51,7 балла) и «психологический компонент» – $70,9 \pm 0,5$ балла (95% ДИ=69,9–71,9 балла) (рис. 1). Различия в показателях были статистически значимыми ($p < 0,05$).

«Физический компонент здоровья» во II группе до лечения составил $37,9 \pm 0,6$ балла (95% ДИ=36,7–39,2 балла), а «психологический компонент» – $61,7 \pm 0,6$ балла (95% ДИ=60,4–62,9 балла) (рис. 2). Различия между указанными компонентами были статистически значимыми ($p < 0,05$).

Во II группе (лечебная эндоскопическая помощь) «физический компонент здоровья» после лечения составил $47,8 \pm 0,8$ балла (95% ДИ=46,2–49,3 балла) и «психологический компонент» – $68,2 \pm 0,8$ балла (95% ДИ=66,7–69,7 балла) (рис. 2). Установленные различия в показателях были статистически значимыми ($p < 0,05$).

Проанализировав полученные данные, мы снова подтвердили, что показатели «физического» и «психологического» компонентов до получения медицинской помощи статистически значимо отличались от таковых после получения респондентами различных эндоскопических процедур, в том числе и с учетом от вида вмешательства: диагностическая и лечебная эндоскопическая помощь.

При анализе показателей в зависимости от вида эндоскопической помощи (диагностическая и лечебная помощь) была также установлена корреляционная взаимосвязь между указанными компонентами, с увеличением показателя «физического компонента здоровья» увеличивается показатели «психологического компонента здоровья».

Установлено, что коэффициент корреляции в I группе до диагностической эндоскопии составил $r = +0,51 \pm 0,05$ ($t = 8,5$ и $p < 0,05$), после полученного диагностического эндоскопического вмешательства, коэффициент корреляции между компонентами здоровья составил $r = +0,7 \pm 0,04$ ($t = 12,5$ и $p < 0,05$), т.е. при оценке взаимосвязи происходит изменение в сторону сильной корреляционной связи.

Коэффициент корреляции между «физическим компонентом здоровья» и «психологическим компонентом здоровья» в II группе до лечебной эндоскопической помощи составил $r = +0,44 \pm 0,1$ ($t = 3,9$ и $p < 0,05$), а после полученной медицинской помощи коэффициент корреляции составил $r = +0,55 \pm 0,09$ ($t = 5,1$ и $p < 0,05$).

Корреляционный анализ показал, что после проведенного медицинского вмешательства в изучаемых группах улучшались показатели изучаемых компонентов качества жизни пациентов, при этом в группе, где было проведено

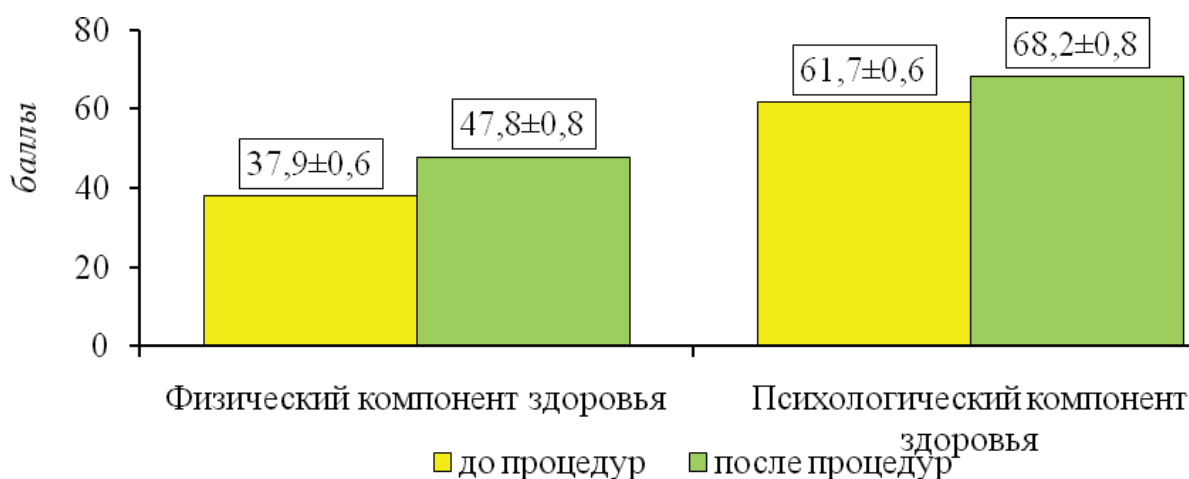

Рис. 2. Оценка в целом физического и психологического компонентов здоровья у респондентов II группы до и после лечебного эндоскопического вмешательства

диагностическое эндоскопическое вмешательство, результат после процедуры был более выражен. В группе, получившие лечебную эндоскопическую помощь изменения также присутствовали, но были менее выраженными, что, несомненно, связано с тяжестью болезни и видом проведенной эндоскопии.

Таким образом, результаты исследования свидетельствуют о снижении качества жизни у пациентов до получения медицинской помощи, которое обусловлено значительным ухудшением физического и эмоционального состояния, на фоне резкого ухудшения здоровья. Качество жизни респондентов до получения лечебно-диагностических эндоскопических вмешательств по всем состав-

ляющим показателям были статистически значимо ниже, чем у пациентов после проведения эндоскопии.

В заключение следует указать, что та сторона вопроса, которая не была освещена и вызывает определенные дискуссии по этой проблеме, требует дальнейшего углубленного исследования. В перспективе результаты проведенного исследования позволят раскрыть те или иные неизвестные закономерности изменения качества жизни от поставленного диагноза, тяжести течения болезни и вида проводимого эндоскопического вмешательства, что позволит совершенствовать научно обоснованные мероприятия по улучшению эндоскопической помощи.

Литература:

1. World Health Organization. Quality of life group. What is it Quality of life? Wid. Hth. Forum. — 1996. — V.1. — P.29.
2. Birnbacher D. Quality of life — evaluation or description? // Ethical Theory Moral Pract. — 1999. — vol. 2. — N 1. — P. 25–36.
3. Новик А.А., Матвеева С.А., Ионова Т.И. Оценка качества жизни больного в медицине // Клиническая геронтология. — 2000. — № 2. — С. 10–13.
4. Вассерман Л.И., Громов С.А., Михайлов В.А. и др. Концепции реабилитации и качества жизни: преемственность и различия в современных подходах / В сб. Психосоциальная реабилитация и качество жизни. — СПб, 2001. — С. 103–114.
5. Новик А.А., Ионова Т.И. Руководство по исследованию качества жизни в медицине. 2-издание / Под ред. акад. РАМН Ю.Л. Шевченко. — М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2007. — 320 с.
6. Применение методов статистического анализа для изучения общественного здоровья и здравоохранения. — М.: ГЭОТАР—МЕД, 2004. — 180 с.

Особенности заболеваемости раком щитовидной железы в Казахстане

Мауенова Д.К.¹, магистрант; Игисинов Н.С.^{1,2}, доктор медицинских наук, профессор

¹Институт общественного здравоохранения АО «Медицинский университет Астана»

²ОО «CentralAsianCancerInstitute»

Эпидемиологические изучения рака щитовидной железы показывают на неравномерность распространения его в мире. Многочисленные эпидемиологические и клинические исследования позволили накопить немало данных о связи развития рака щитовидной железы с самыми различными эндогенными и экзогенными факторами, влияющими на риск развития заболевания [1,2,3]. По данным Международного агентства по изучению рака ежегодно в мире заболевают злокачественными новообразованиями щитовидной железы около 213 тысяч, а заболеваемость составила $3,2^{0/0000}$. При этом заболеваемость в развитых странах ($6,1^{0/0000}$) выше, чем в развивающихся государствах ($2,2^{0/0000}$) [4]. Рак щитовидной железы по ряду биологических свойств является необычной и даже уникальной опухолью. Непредсказуемость биологического «поведения» различных форм рака щитовидной железы диктует необходимость ранней диагностики и определяет различную лечебную тактику [5]. Изучение эпидемиологии рака щитовидной железы позволило отметить, что злокачественные опухоли в эндемичных зонах встречаются в 8–20 раз чаще, чем в благополучных местностях [6, 7].

В настоящей статье изучены особенности заболеваемости раком щитовидной железы у всего населения Казахстана.

Материал и методы исследования

Источниками исследования были учетно-отчетные документы онкологических учреждений республики, у которых впервые в жизни установлен диагноз рак щито-

видной железы. Использованы данные о численности всего населения Агентства Республики Казахстан по статистике [8, 9]. Изучаемый период составил 7 лет (2003–2009 гг.).

По общепринятым методам санитарной статистики [10] вычислены экстенсивные, грубые, возрастные, выравненные и стандартизованные показатели. При стандартизации (вычислен прямым методом) использовано мировое, европейское и африканское стандартное население. Тренды заболеваемости определены методом наименьших квадратов. Определены средние значения (M), средняя ошибка (m), 95% доверительные интервалы (95% ДИ) и среднегодовые темпы прироста/убыли ($T_{пр/уб}$, %). Критерий Стьюдента (t) и достоверность результатов (p) вычислены с помощью программы BIOSTAT для Windows (Version 4.03 by Stanton Glantz).

Результаты и обсуждение

В республике за исследуемый период впервые было зарегистрировано 2 903 больных раком щитовидной железы. Распределение больных по возрасту показало, что высокий удельный вес больных был выявлен в возрасте 50–59 лет (26,4%) (рис. 1).

Средний возраст больных составил $51,2 \pm 0,4$ года (95% ДИ = 50,5–52,0 лет). В динамике средний возраст больных имел тенденцию к снижению с $52,8 \pm 0,8$ лет (2003 г.) до $51,2 \pm 0,7$ лет в 2009 году (рис. 2).

При выравнении среднего возраста больных раком щитовидной железы также наблюдалось снижение, а среднегодовой темп убыли составил $T_{уб} = -0,3\%$ (рис. 2).

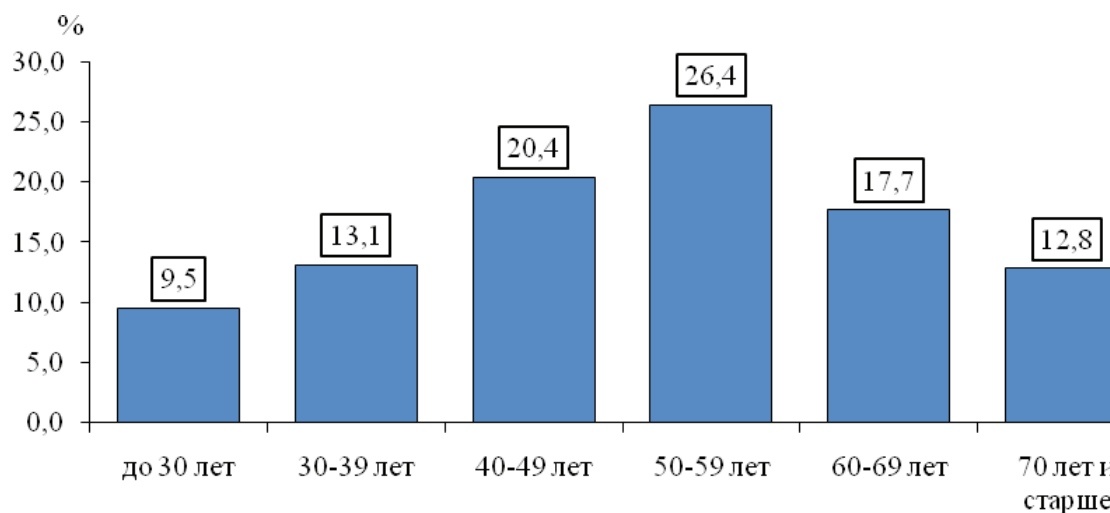

Рис. 1. Удельный вес больных раком щитовидной железы по возрастным группам в Казахстане за 2003–2009 гг.

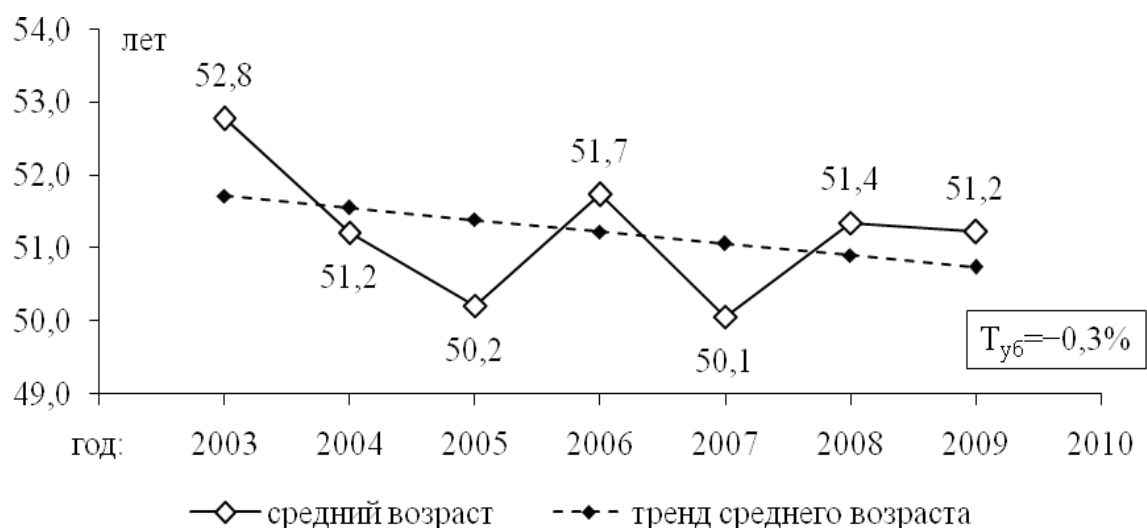

Рис. 2. Динамика показателей среднего возраста больных раком щитовидной железы в Казахстане за 2003–2009 гг.

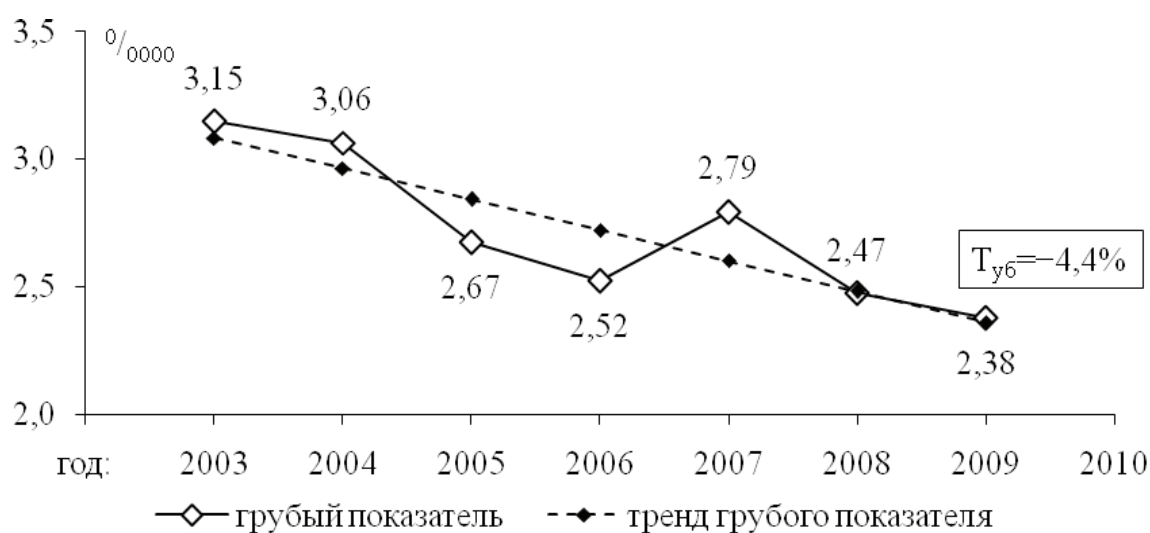

Рис. 3. Динамика грубого показателя заболеваемости раком щитовидной железы в Казахстане за 2003–2009 гг.

Среднегодовой грубый показатель заболеваемости раком щитовидной железы составил $2,72 \pm 0,12^{\circ}/_{0000}$ (95% ДИ = $2,48 - 2,96^{\circ}/_{0000}$). В динамике грубые показатели заболеваемости имели тенденцию к снижению $3,15 \pm 0,15^{\circ}/_{0000}$ (2003 г.) до $2,38 \pm 0,12^{\circ}/_{0000}$ (2009 г.), а при выравнивании также было установлено снижение ($T_{y6} = -4,4\%$) (рис. 3).

С целью исключения возможного влияния возрастного состава всего населения на частоту возникновения рака щитовидной железы в Казахстане, нами произведено элиминирование его с различными стандартами населения (рис. 4).

Полученные стандартизованные показатели заболеваемости были неоднородными и их 95% ДИ во всех случаях не накладывались друг на друга (рис. 4), т.е. различия были статистически значимыми ($p < 0,05$). При этом, возрастной состав всего населения Казахстана отличался от возрастного состава населения Европы и Африки, и приближался к мировому составу населения. Так, стандартизованный (мировой стандарт) показатель заболеваемости

раком щитовидной железы за указанный период практически не отличался от грубого показателя и составил $2,65 \pm 0,13^{\circ}/_{0000}$ (95% ДИ = $2,39 - 2,91^{\circ}/_{0000}$), а в динамике наблюдалось снижение ($T_{y6} = -4,9\%$).

Анализ возрастных показателей заболеваемости раком щитовидной железы выявил унимодальный рост с пиком в возрасте 60–69 лет (таблица 1).

При анализе 95% ДИ возрастных показателей заболеваемости раком щитовидной железы было установлено, что показатели до 60 лет не накладывались друг на друга, т.е. различия были статистически значимыми ($p < 0,05$). 95% ДИ показателей в старших возрастах (50–59, 60–69 и 70 лет и старше) не имели статистически значимой разницы ($p > 0,05$).

Тренды возрастных показателей заболеваемости раком щитовидной железы имели тенденцию к снижению, при этом наиболее высокие темпы убыли были в возрастных группах до 30 лет ($T_{y6} = -6,8\%$) и 70 лет и старше ($T_{y6} = -10,0\%$).

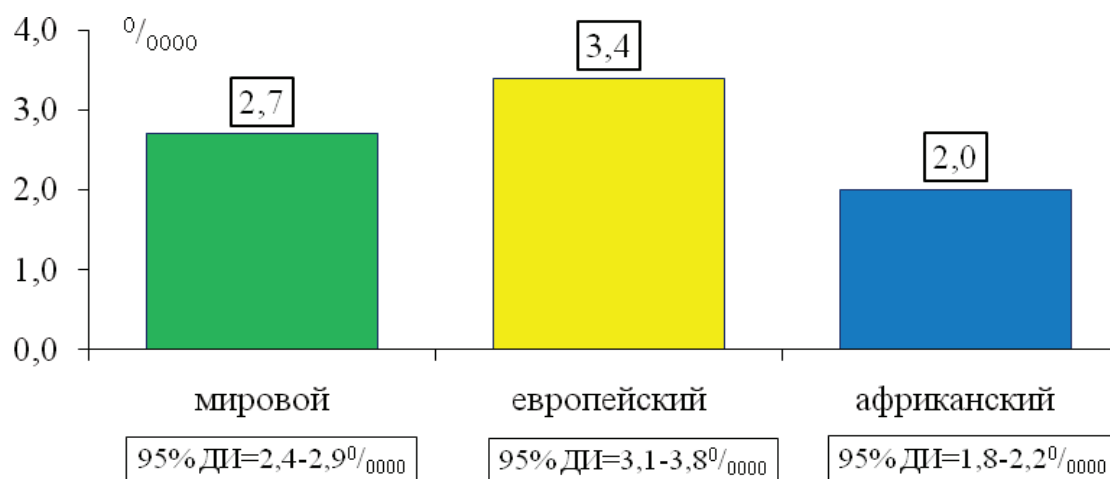

Рис. 4. Стандартизированные показатели заболеваемости раком щитовидной железы в Казахстане за 2003–2009 гг.

Таблица 1. Среднегодовые возрастные показатели заболеваемости раком щитовидной железы в Казахстане за 2003–2009 гг.

Возрастная группа	Заболеваемость, ‰/10000		Тренд, %
	М±m	95% ДИ	
до 30 лет	0,5±0,1	0,4–0,6	–6,8
30–39 лет	2,5±0,1	2,3–2,6	–1,5
40–49 лет	4,0±0,3	3,5–4,5	–5,1
50–59 лет	7,9±0,4	7,0–8,7	–4,3
60–69 лет	8,2±0,4	7,4–9,0	–3,3
70 лет и старше	7,8±0,8	6,2–9,4	–10,0

Выводы

Рак щитовидной железы за последние годы в Казахстане снижается. Средний возраст больных имел тенденцию к «омоложению». В динамике грубый показатель заболеваемости раком щитовидной железы снижается ($T_{\text{уб}} = -4,4\%$). Возрастные показатели рака щитовидной железы были наибольшими в возрасте 60–69 лет ($8,2 \pm 0,4 / 10000$). В динамике все возрастные показатели

снижались. Стандартизованные показатели заболеваемости раком щитовидной железы статистически значимо отличались друг от друга и в динамике также уменьшались. Мировой стандарт заболеваемости был приближен к грубому показателю.

Дальнейшее углубленное эпидемиологическое исследование рака щитовидной железы в республике будет приоритетными научными направлениями наших перспективных исследований.

Литература:

1. Cancer incidence in five continents // Eds.: D.M. Parkin, S.L. Whelan, J. Ferlay et al. IARC, Lyon. — 2003. — Vol. VIII.
2. Романчишин А.Ф., Колосюк В.А., Богатурия Г.О. Рак щитовидной железы-проблемы эпидемиологии, этиопатогенеза и лечения. — СПб.: WELCOME, 2003. — 256 с.
3. Чиссов В.И., Старинский В.В. Злокачественные новообразования в России в 2000 году. — М.: МНИОИ им. П.А.Герцена, 2002. — 264 с.
4. GLOBOCAN 2008, International Agency for Research on Cancer <http://globocan.iarc.fr/>.
5. Липская Е.В., Романчишин А.Ф. Применение двухэтапного лечения больных раком щитовидной железы с доклиническими регионарными метастазами // Современные аспекты хирургической эндокринологии. — Липецк, 1998. — С. 145–146.
6. Напалков Н.П. Общие принципы организации Массовых профилактических осмотров за рубежом // В кн. «Раннее выявление рака при профилактических осмотрах населения за рубежом». М., 1975.
7. Шабад Л.М. Канцерогены и биосфера: научный обзор. М., 1980. 65 с.

8. Демографический ежегодник регионов Казахстана. Статистический сборник. — Астаны, 2007. — 392 с.
9. Демографический ежегодник Казахстана, 2008. Статистический сборник. — Астаны, 2009. — 637 с.
10. СтентонГланц. Медико-биологическая статистика. М.; 1999; 460 с.
11. Россет Э. Процесс старения населения. Демографическое исследование. М: Медицина; 1968; 69 с.

Эпидемиологические особенности заболеваемости катарактой в Казахстане

Корабаева Г.Т.¹, магистрант; Игисинов Н.С.^{1,2}, доктор медицинских наук, профессор;
Асанова С.А.³, врач-офтальмолог; Мауенова Д.К.¹, магистрант

¹Институт общественного здравоохранения АО «Медицинский университет Астана»

²ОО «CentralAsianCancerInstitute», ГККП «Городская больница № 2» (Казахстан)

Катаракта продолжает оставаться одной из основных причин слабовидения и слепоты в мире. По расчетным данным ВОЗ число слепых в мире достигает 28,1 млн. человек с остротой зрения менее 0,05; слепых и слабовидящих — 42,2 млн. При этом в развивающихся странах насчитывается 21 млн. слепых, и 5 млн. слепых и слабовидящих; в странах, находящихся на промежуточной стадии развития — 5,5 млн. слепых и 2,4 млн. слепых и слабовидящих [1,2,3,4].

По данным отдела народонаселения ООН число слепых только вследствие катаракты к 2025 году может увеличиться до 40 млн. человек. В Европе распространенность слепоты составляет 11,4 на 10 тыс. населения, в Северной и Южной Америке — 25,2, а в Африке и Азии частота слепоты достигает 70,0 на 10 тыс. населения.

Учитывая эти данные, ВОЗ дала старт международной программе «Ликвидация устранимой слепоты в мире. Зрение — 2020». В этой связи, в настоящее время катаракта рассматривается не только как одна из актуальных проблем офтальмологии, но и как важнейшая медико-социальная проблема.

В Республике Казахстан в структуре всей офтальмопатологии катаракта и глаукома среди взрослых, по различным данным, в 14,3–22% случаях, и являются причинами двухсторонней слепоты и слабовидения (41,0 и 48,4% соответственно) [5].

Материал и методы исследования

Источниками исследования были учетно-отчетные документы МЗ РК (форма №12). Использованы данные о численности всего населения Агентства Республики Казахстан по статистике [6,7]. Изучаемый период составил 5 лет (2006–2010 гг.).

По общепринятым методам санитарной статистики [8] вычислены экстенсивные, грубые, возрастные, выровненные и стандартизованные показатели. Тренды заболеваемости определены методом наименьших квадратов. Определены средние значения (M), средняя ошибка (m), 95% доверительные интервалы (95% ДИ) и среднегодовые темпы прироста/убыли ($T_{пр/уб}$, %). Критерий Стьюдента (t) и достоверность результатов (p) вычислены с по-

мощью программы BIOSTAT для Windows (Version 4.03 byStantonGlantz).

Результаты и обсуждение

За 2006–2010 гг. в республике у взрослого населения (18 лет и старше) было зарегистрировано 109 277 случаев катаракты, установленной впервые в жизни. В динамике количество больных увеличилось с 20 579 случаев катаракты (2006 г.) до 23 124 случаев в 2010 году, среднегодовой темп прироста больных составил $T_{пр} = +3,0\%$.

В динамике количество больных катарактой по регионам имело различную тенденцию. Так, высокие среднегодовые темпы убыли были в Северо-Казахстанской ($T_{уб} = -4,3\%$), Кызылординской ($T_{уб} = -15,4\%$) и Жамбылской ($T_{уб} = -25,7\%$) областях. Наибольшие темпы прироста больных катарактой были установлены в Павлодарской ($T_{пр} = +25,0\%$), Атырауской ($T_{пр} = +25,1\%$) областях и г. Астана ($T_{пр} = +29,6\%$).

За изучаемый период среднегодовой показатель первичной заболеваемости катарактой у всего взрослого населения (18 лет и старше) в республике составил $199,4 \pm 2,0^{0/0000}$ (95% ДИ = $195,4 - 203,3^{0/0000}$). В динамике показатели имели тенденцию к росту с $194,3 \pm 1,4^{0/0000}$ (95% ДИ = $191,7 - 197,0^{0/0000}$) в 2006 году до $204,5 \pm 1,3^{0/0000}$ (95% ДИ = $201,9 - 207,1^{0/0000}$) в 2010 году. Анализ 95% ДИ показателей первичной заболеваемости катарактой в указанные годы показал, что они не накладывались друг на друга, т.е. различие было статистически значимым ($p < 0,05$), и на рост показателей влияли объективные факторы. Тренды выравненных показателей взрослого населения росли, а среднегодовой темп прироста составил $T_{пр} = +1,8\%$ (рис. 1).

Среднегодовой показатель первичной заболеваемости катарактой у мужчин республики составил $182,5 \pm 2,3^{0/0000}$ (95% ДИ = $178,0 - 187,0^{0/0000}$), у женского населения — $214,3 \pm 3,3^{0/0000}$ (95% ДИ = $207,7 - 220,8^{0/0000}$) (рис. 2). Различие между показателями было статистически значимым ($p < 0,05$).

В динамике показатель первичной заболеваемости катарактой у мужчин имел тенденцию к снижению с $185,8 \pm 1,9^{0/0000}$ (95% ДИ = $182,0 - 189,6^{0/0000}$) в 2006 году

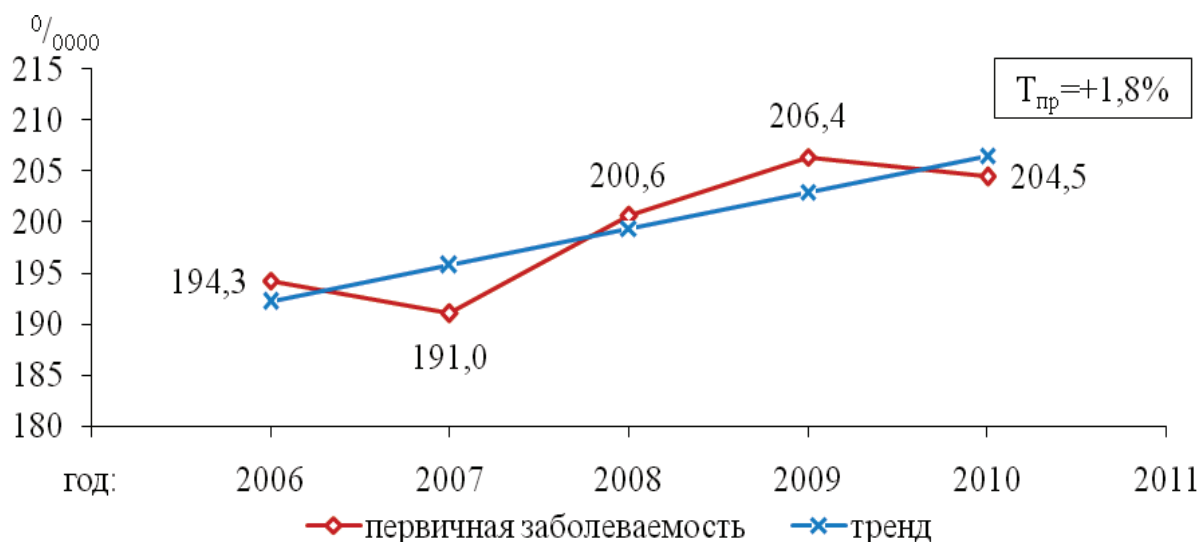

Рис. 1. Динамика показателей первичной заболеваемости катарактой взрослого населения Казахстана за 2006–2010 гг.

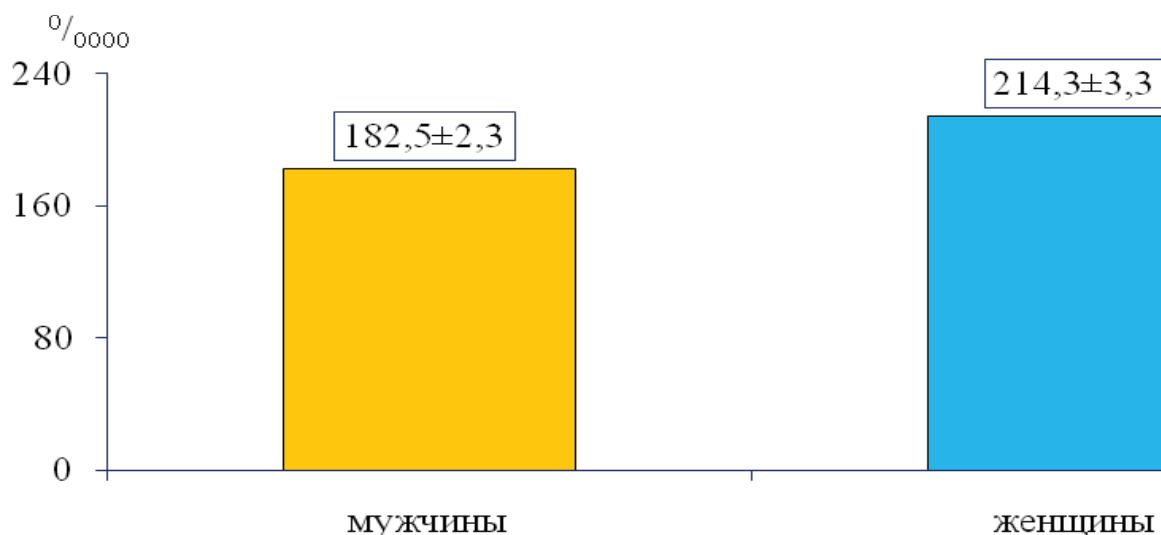

Рис. 2. Среднегодовые показатели первичной заболеваемости катарактой у мужского и женского населения Казахстана за 2006–2010 гг.

до $176,0 \pm 1,8^0/_{0000}$ (95% ДИ = $172,4 - 179,5^0/_{0000}$) в 2010 году (рис. 3). 95% ДИ показателей в эти годы не накладывались друг на друга, т.е. различие было статистически значимым ($p < 0,05$).

При выравнивании показателей первичной заболеваемости катарактой у мужчин наблюдалась тенденция к незначительному снижению, и среднегодовой темп убыли составил $T_{уб} = -0,2\%$ (рисунок 3).

Показатель первичной заболеваемости катарактой у женщин в динамике рос с $201,8 \pm 1,9^0/_{0000}$ (95% ДИ = $198,1 - 205,5^0/_{0000}$) в 2006 году до $229,7 \pm 2,0^0/_{0000}$ (95% ДИ = $225,8 - 233,5^0/_{0000}$) в 2010 году (рис. 4).

Анализ 95% ДИ показателей первичной заболеваемости катарактой у женщин в 2006 и 2010 годах показал, что они не накладывались друг на друга, т.е. различие было статистически значимым ($p < 0,05$) — есть объективные факторы, влияющие на рост показателей.

Установлено, что тренды выравненных показателей первичной заболеваемости катарактой у взрослого женского населения в динамике имели тенденцию к повышению, а среднегодовой темп прироста составил $T_{пр} = +3,3\%$ (рисунок 4).

Первичная заболеваемость катарактой всего взрослого населения по регионам Казахстана имела свои особенности. При анализе низкий показатель был установлен в Атырауской области — $99,1 \pm 10,9^0/_{0000}$ (95% ДИ = $77,8 - 120,4^0/_{0000}$).

При анализе 95% ДИ в регионах с высокими показателями заболеваемости катарактой выявлено, что они накладывались друг на друга, различие было статистически не значимо, т.е. на заболеваемость в указанных регионах влияли одинаковые причинные факторы. Но при этом мы видим, что 95% ДИ показателей в регионах ниже республиканского значения не накладывались с 95% ДИ реги-

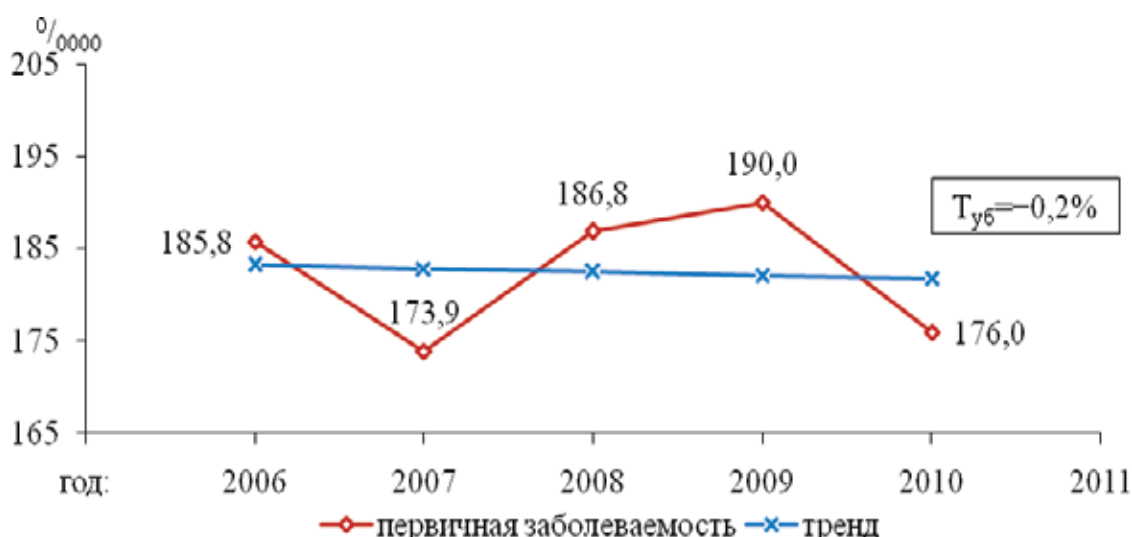

Рис. 3. Динамика показателей первичной заболеваемости катарактой у мужского населения Казахстана за 2006–2010 гг.

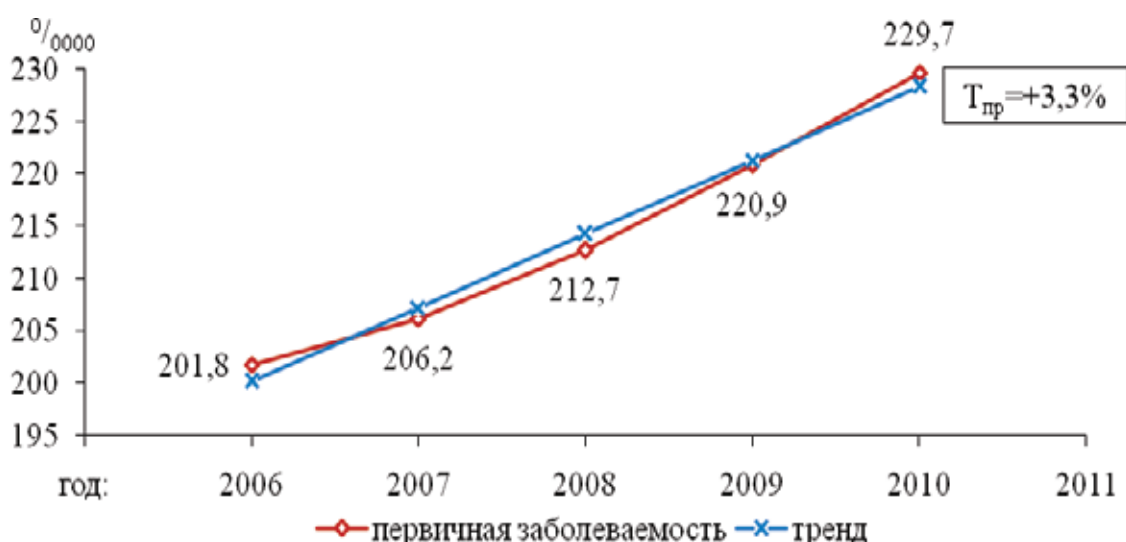

Рис. 4. Динамика показателей первичной заболеваемости катарактой у женского населения Казахстана за 2006–2010 гг.

онов с высокими показателями, т.е. существует статистически значимое различие ($p < 0,05$).

В динамике показатели первичной заболеваемости катарактой у взрослого населения имели различную тенденцию. Так, высокие среднегодовые темпы убывали выравненных показателей заболеваемости были выявлены в Кызылординской ($T_{y6} = -16,0\%$) и Жамбылской ($T_{y6} = -16,0\%$) областях.

В Атырауской ($T_{np} = +17,9\%$), Павлодарской ($T_{np} = +18,1\%$), Южно-Казахстанской ($T_{np} = +18,4\%$) областях и г. Астана ($T_{np} = +26,1\%$) среднегодовые темпы прироста выравненных показателей заболеваемости катарактой взрослого населения были самыми высокими.

Анализ первичной заболеваемости катарактой по регионам республики показал, что в г. Алматы и Северо-Казахстанской, Восточно-Казахстанской, Карагандинской, Алматинской, Павлодарской, Актюбинской и Костанай-

ской областях показатели у мужского населения статистически значимо ($p < 0,05$) были различными при сравнении с показателями у женского населения, поскольку их 95% ДИ не накладывались друг на друга.

Также установлено, что только в Актюбинской области показатели у мужского населения (95% ДИ=199,4–213,0/‰) были статистически значимо ниже, чем показатели у женского населения (95% ДИ=100,7–113,5/‰). В остальных регионах показатели у женщин были выше, чем у мужчин.

Выявленные дескриптивные эпидемиологические особенности первичной заболеваемости катарактой послужат основой для дальнейшего изучения заболеваемости по экологическим зонам и выявления причинно-следственной связи с экологическими факторами риска и катарактой.

Литература:

1. Доклад о состоянии здравоохранения в мире. Система здравоохранения: улучшение деятельности. ВОЗ. Женева, 2000. — С. 27–42.
2. Rouher F, Sole P. Bull. Soc. Ophthal. Fr. — 1990. — Vol. 96. — P. 526–539.
3. Здоровье населения Европы ВОЗ. — 1995. — С. 27–42.
4. Report of the fifth annual meeting of the WHO programme advisory group on the prevention of blindness // WHO/PBL/83.8. WHO. — 1983. — P. 29
5. Ботабекова Т.К., Краморенко Ю.С., Кенжебаев Н.С. Нуждаемость в оперативном лечении больных катарактой в Республике Казахстан // Сб. науч. трудов международной конф. «Актуальные проблемы офтальмологии». — Алматы, 2003. — С. 3–4.
6. Демографический ежегодник регионов Казахстана. Статистический сборник. — Астаны, 2007. — 392 с.
7. Демографический ежегодник Казахстана, 2008. Статистический сборник. — Астаны, 2009. — 637 с.
8. Стентон Гланц. Медико-биологическая статистика. — М.; 1999. — 460 с.

Рак прямой кишки в Казахстане: эпидемиологические аспекты

Нарбаев А.Е.^{1,2}, магистрант; Кожамбетов С.К.^{1,2}, кандидат медицинских наук, доцент;
Игисинов Н.С.^{1,2}, доктор медицинских наук, профессор

¹АО «Медицинский университет Астана», Астана

²ОО «Central Asian Cancer Institute», Астана

За последние десятилетия заболеваемость раком прямой кишки (РПК) в мире, в частности и в Казахстане, неуклонно растет [1, 2, 3, 4]. Связано это, вероятно, с изменением питания людей, увеличением продолжительности жизни, большим количеством канцерогенов в пище и окружающей среде и др. Установлено, что наиболее высокие показатели заболеваемости РПК наблюдаются в экономически развитых регионах северной Америки и западной Европы, а наиболее низкие — в центральной Африке. В экономически развитых странах мира РПК занимает одно из ведущих мест по темпам прироста, значительно опережая большинство других солидных злокачественных новообразований [5]. Многие ученые считают, что учитывая большой контингент населения, подлежащий обследованию, целесообразно максимально ограничить круг лиц подлежащих регулярным профилактическим медицинским осмотрам формируя группы риска. Определение групп риска является одной из задач эпидемиологического наблюдения. В настоящей статье изучены эпидемиологические особенности заболеваемости РПК в Казахстане.

Материал и методы исследования

Материалом исследования послужили данные Казахского научно-исследовательского института онкологии и радиологии, касающиеся рака молочной железы. Исследование ретроспективное за 10 лет (1999–2008). Использованы данные о численности населения Агентства Республики Казахстан по статистике.

По общепринятым методам медико-биологической статистики вычислены экстенсивные, возрастные, грубые

и стандартизованные (МС — мировой, ЕС — европейский, АС — африканский) показатели заболеваемости раком молочной железы. Определены среднегодовые значения (М), средняя ошибка (m), 95% доверительный интервал (95% ДИ), среднегодовые темпы прироста/убыли ($T_{пр/уб}$, %) [6].

Результаты и обсуждение:

Среднегодовой грубый показатель заболеваемости РПК всего населения Казахстана составил $7,1 \pm 0,1^0/0000$. (95% ДИ = $6,9 - 7,4^0/0000$). Грубый показатель заболеваемости РПК у всего населения в динамике снижался с $6,8 \pm 0,2^0/0000$ (1999 г.) до $7,2 \pm 0,2^0/0000$ в 2008 году. При выравнивании данного показателя установлена тенденция к росту, среднегодовой тем прироста составил $T_{пр} = +0,5\%$.

Стандартизованные показатели заболеваемости РПК в Казахстане были различными. При этом выявлено, что наиболее приемлемым для Казахстана оказался МС — $7,2 \pm 0,4^0/0000$ (95% ДИ = $7,0 - 7,4^0/0000$), так как он был относительно близок к НС — $7,0 \pm 0,1^0/0000$ (95% ДИ = $6,7 - 7,2^0/0000$). Среднегодовой АС составил $3,9 \pm 0,1^0/0000$ (95% ДИ = $3,8 - 4,1^0/0000$), а ЕС — $10,4 \pm 0,2^0/0000$ (95% ДИ = $10,0 - 10,7^0/0000$) (рисунок 3.1).

Анализ 95% ДИ стандартизованных показателей показал, что они не накладывались друг на друга. Следовательно, возрастная структура всего населения Казахстана отличалась от стандартов населения мира, Европы и Африки. В динамике выравненные стандартизованные показатели имели тенденцию к росту: МС — $T_{пр} = +0,4\%$; ЕС — $T_{пр} = +0,4\%$; АС — $T_{пр} = +0,2\%$ и НС — $T_{пр} = +0,4\%$.

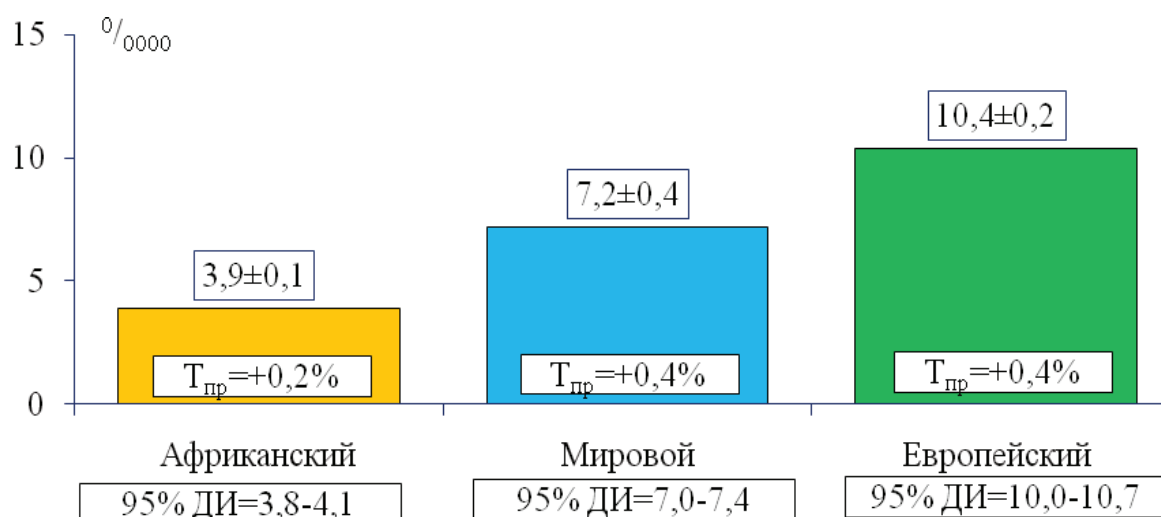

Рис. 3.1. Стандартизованные показатели заболеваемости РПК в Республике Казахстан за 1999–2008 гг.

Половые особенности заболеваемости РПК в Казахстане. Среднегодовой показатель заболеваемости РПК в Казахстане у мужчин за изучаемый период составил $7,2 \pm 0,2^{0/0000}$ (95% ДИ=6,8–7,5^{0/0000}), тогда как у женщин данный показатель был $7,1 \pm 0,1^{0/0000}$ (95% ДИ=6,8–7,4^{0/0000}). Поскольку 95% ДИ накладывались друг на друга значит различия статистически не значимы ($p > 0,05$).

В динамике грубый показатель заболеваемости РПК у мужчин вырос с $6,3 \pm 0,3^{0/0000}$ (1999 г.) до $7,3 \pm 0,3^{0/0000}$ в 2008 году. При выравнивании установлена аналогичная тенденция, а среднегодовой темп прироста составил $T_{пр} = +0,8\%$. У женщин показатели заболеваемости РПК в динамике изменились с $7,2 \pm 0,3^{0/0000}$ (1999 г.) до $7,1 \pm 0,1^{0/0000}$ в 2008 году, но при выравнивании данных выявлена невыраженная тенденция к росту ($T_{пр} = +0,1\%$).

Возрастные особенности заболеваемости РПК в Казахстане. Возникновение и распространенность РПК прямым образом связаны с возрастным составом населения, поскольку одним из наиболее существенных факторов риска является возраст. Так, среди всего населения моложе 30 лет заболеваемость РПК составила $0,12 \pm 0,01^{0/0000}$ (95% ДИ=0,11–0,14^{0/0000}). В 30–39 лет уровень заболеваемости увеличился в 15 раз по сравнению с группой до 30 лет и достиг $1,5 \pm 0,1^{0/0000}$ (95% ДИ=1,3–1,7^{0/0000}). В 40–49 лет частота утраивалась по сравнению с данными 30–39 лет, достигая $4,9 \pm 0,2^{0/0000}$ (95% ДИ=4,5–5,3^{0/0000}). Заболеваемость в 50–59 лет составила $16,0 \pm 0,4^{0/0000}$ (95% ДИ=15,3–16,8^{0/0000}), что в 3,3 раза выше показателей возрастной группы 40–49 лет. Далее в 60–69 лет показатели заболеваемости РПК увеличились в 2,4 раза по сравнению с предыдущим возрастом — $38,0 \pm 0,9^{0/0000}$ (95% ДИ=36,2–39,8^{0/0000}). В возрастной группе 70 лет и старше показатели достигли максимума и составили $56,3 \pm 1,5^{0/0000}$ (95% ДИ=53,4–59,3^{0/0000}), что в 1,5 раза выше, чем в возрасте 60–69 лет. Анализ 95% ДИ возрастных показателей заболеваемости РПК показал, что

они накладывались друг на друга, что свидетельствовало о многофакторности и не идентичности возникновения данной формы рака.

Тренды заболеваемости РПК у всего населения в различных возрастных группах позволяют оценить и охарактеризовать общую тенденцию роста или снижения показателей заболеваемости в определенных медико-географических регионах. По данному вопросу полученные нами результаты позволили констатировать, что общий рост или снижение показателей заболеваемости РПК среди населения обусловлены ростом заболеваемости в одних возрастных группах или снижением в других. Так, тренд заболеваемости РПК у всего населения до 30 лет в первом периоде (1989–1995 гг.) имел тенденцию к росту, а среднегодовой темп прироста выровненных показателей составил $T_{пр} = +0,5\%$. Подобный рост отмечен в старших возрастных группах — 60–69 лет ($T_{пр} = +0,9\%$) и 70 лет и старше ($T_{пр} = +0,8\%$). В остальных возрастных группах тренды заболеваемости РПК имели тенденцию к снижению: 50–59 лет ($T_{yo} = -0,2\%$), 40–49 лет ($T_{yo} = -1,2\%$) и 30–39 лет ($T_{yo} = -1,9\%$). В результате вышеуказанных изменений, в частности из-за роста показателей в возрастных группах до 30 лет и старше 60 лет, общая заболеваемость РПК у жителей республики выросла.

Этнические различия заболеваемости РПК в Казахстане. Этнический состав населения является одним из ведущих эпидемиологических факторов, способствующих возникновению злокачественных опухолей вообще и РПК в частности. В нашей работе анализу подвергнуты две этнические группы населения республики: казахи и русские.

В динамике грубый показатель заболеваемости РПК у казахов (оба пола) вырос с $2,9 \pm 0,2$ (1999 г.) до $3,4 \pm 0,2^{0/0000}$ в 2008 году. При выравнивании также наблюдалась тенденция роста ($T_{пр} = +1,2\%$). Среднегодовой ГП заболеваемости РПК у казахов был $3,0 \pm 0,1^{0/0000}$ (95% ДИ=2,8–3,2^{0/0000}).

Среднегодовой МС заболеваемости РПК у казахов составил $4,5 \pm 0,1^0/0000$ (95% ДИ= $4,2-4,7^0/0000$), а различные стандарты были следующими: европейский — $6,4 \pm 0,2^0/0000$ (95% ДИ= $6,0-6,8^0/0000$), африканский — $2,5 \pm 0,1^0/0000$ (95% ДИ= $2,4-2,6^0/0000$) и национальный — $4,3 \pm 0,1^0/0000$ (95% ДИ= $4,1-4,6^0/0000$). Возрастной состав у казахов (оба пола) оказался более близким к мировому составу населения, где доля молодых возрастных групп больше, чем пожилых лиц.

Анализ возрастных показателей заболеваемости РПК у казахов установил унимодальный рост с пиком в 70 лет и старше — $34,7 \pm 2,1^0/0000$ (95% ДИ= $30,5-38,8^0/0000$). 95% ДИ возрастных показателей заболеваемости не накладывались друг на друга, а имеющиеся различия были статистически значимыми ($p < 0,05$), т.е. объективно влияли различные факторы риска. Тренды заболеваемости РПК по возрастным группам у лиц казахской национальности были неравномерными. Так, высокий среднегодовой темп прироста установлен в возрасте до 30 лет ($T_{пр} = +3,5\%$) и далее в возрастной группе 70 лет и старше ($T_{пр} = +2,6\%$), более низкие темпы прироста были в 50–59 лет ($T_{пр} = +0,1\%$) и 60–69 лет ($T_{пр} = +0,4\%$). В остальных группах отмечено снижение показателей заболеваемости, особенно в 30–39 лет ($T_{уб} = -2,8\%$). Общий рост заболеваемости у казахов обусловлен ростом в вышеуказанных четырех возрастных группах.

Среднегодовой грубый показатель заболеваемости РПК у мужчин казахской национальности был $3,3 \pm 0,1^0/0000$ (95% ДИ= $3,0-3,5^0/0000$), а женщин данный показатель составил $2,8 \pm 0,1^0/0000$ (95% ДИ= $2,6-3,0^0/0000$). В динамике выравненные показатели имели тенденцию к росту, а среднегодовые темпы прироста у мужчин и женщин составили соответственно $T_{пр} = +1,5\%$ и $T_{пр} = +0,9\%$.

Возрастные показатели заболеваемости РПК по полу имели унимодальный рост с пиком в 70 лет и старше. Это было характерно как для мужчин — $52,4 \pm 3,8^0/0000$ (95% ДИ= $44,9-59,9^0/0000$), так и для женщин — $24,8 \pm 1,7^0/0000$ (95% ДИ= $21,4-28,1^0/0000$). Анализ возрастных показателей показал, что до 50 лет, что заболеваемость не имела статистически значимой разницы между полами ($p > 0,05$), поскольку их 95% ДИ накладывались друг на друга. Старше 50 лет заболеваемость РПК у мужчин была статистически значима выше ($p < 0,05$), чем у женщин, о чем свидетельствуют их 95% ДИ, которые не накладывались друг на друга. При этом надо отметить, что показателями между возрастными группами были статистически значимо различными ($p < 0,05$), как у мужчин, так и у женщин.

Тренды заболеваемости РПК по возрастным группам у мужчин казахской национальности имели тенденцию к росту, за исключением возрастных групп 30–39 лет ($T_{уб} = -4,7$) и 40–49 лет ($T_{уб} = -1,7$). Наиболее высокий среднегодовой темп прироста установлен в возрастной группе до 30 лет ($T_{пр} = +7,5\%$). Анализ выравненных возрастных показателей у женщин показал рост только в возрастах 60–69 лет ($T_{пр} = +0,1\%$) и 70 лет и старше ($T_{пр} = +2,5\%$), а в остальных группах отмечено снижение

и наиболее высокий темп убыли установлен у лиц до 30 лет ($T_{уб} = -1,7\%$).

Стандартизованные показатели заболеваемости у мужчин казахской национальности были выше, чем у казашек. Так, МС у мужчин казахов составил $5,7 \pm 0,2^0/0000$ (95% ДИ= $5,2-6,2^0/0000$), а у казашек — $3,6 \pm 0,1^0/0000$ (95% ДИ= $3,4-3,9^0/0000$), разница статистически значима ($p < 0,05$). АС также был выше у мужчин казахов — $3,1 \pm 0,1^0/0000$ (95% ДИ= $2,9-3,3^0/0000$), чем у казашек — $2,1 \pm 0,1^0/0000$ (95% ДИ= $1,9-2,3^0/0000$). ЕС у мужчин казахской национальности составил $8,4 \pm 0,4^0/0000$ (95% ДИ= $7,6-9,1^0/0000$) и у казашек — $5,1 \pm 0,2^0/0000$ (95% ДИ= $4,8-5,5^0/0000$). МС был ближе к НС, который составил у мужчин казахской национальности $5,5 \pm 0,2^0/0000$ (95% ДИ= $5,1-6,0^0/0000$), а женщин казахской национальности — $3,5 \pm 0,1^0/0000$ (95% ДИ= $3,3-3,8^0/0000$). Установленные различия в стандартизованных показателях между мужчинами и женщинами казахской национальности были статистически значимыми ($p < 0,05$). Тренды выравненных стандартизованных показателей у мужчин казахской национальности были более выраженными, чем у казашек.

Среднегодовой ГП заболеваемости РПК у русских (оба пола) был $14,9 \pm 0,3^0/0000$, а его 95% ДИ колебался от 14,4 до $15,5^0/0000$. В динамике ГП у русских в Казахстане имел тенденцию к росту с $13,3 \pm 0,5^0/0000$ (1999 г.) до $15,4 \pm 0,6^0/0000$ в 2008 г. Выравненные показатели доказывали вышеуказанную тенденцию, и среднегодовой темп прироста составил $T_{пр} = +0,6\%$.

Полученный ЕС — $14,3 \pm 0,2^0/0000$ (95% ДИ= $13,8-14,7^0/0000$) был ближе к ГП, чем результаты, полученные при МС — $9,9 \pm 0,2^0/0000$ (95% ДИ= $9,6-10,3^0/0000$) и АС — $5,5 \pm 0,1^0/0000$ (95% ДИ= $5,3-5,7^0/0000$). Показатель НС составил $9,6 \pm 0,2^0/0000$ (95% ДИ= $9,3-9,9^0/0000$) и был сопоставим с МС. В динамике стандартизованные показатели имели тенденцию к росту, так среднегодовые темпы прироста для стандартов составили: мирового — $T_{пр} = +0,3\%$, европейского — $T_{пр} = +0,3\%$, африканского — $T_{пр} = +0,2\%$ и национального — $T_{пр} = +0,3\%$.

Возрастные показатели заболеваемости РПК у русских (оба пола) имели унимодальный рост с пиком в возрастной группе 70 лет и старше — $52,2 \pm 1,8^0/0000$ (95% ДИ= $48,7-55,7^0/0000$). Анализ 95% ДИ возрастных показателей заболеваемости показал, что они не накладывались друг на друга, а имеющиеся различия были статистически значимыми ($p < 0,05$).

В динамике возрастные показатели снижались у лиц до 50 лет, так среднегодовой темп убыли выравненный показателей составил до 30 лет — $T_{пр} = -0,2\%$, в 30–39 лет — $T_{пр} = -0,2\%$ и 40–49 лет — $T_{пр} = -1,3\%$. Рост показателей был отмечен в остальных возрастных группах. При этом самый высокий темп прироста установлен в возрастной группе 60–69 лет ($T_{пр} = +1,0\%$).

У мужчин русской национальности среднегодовой грубый показатель заболеваемости РПК составил $14,9 \pm 0,5^0/0000$ (95% ДИ= $13,9-15,9^0/0000$), а у женщин

данный показатель был $14,9 \pm 0,3^0_{/0000}$ (95% ДИ = $14,3 - 15,5^0_{/0000}$). В динамике выравненные показатели имели тенденцию к росту, а среднегодовые темпы прироста у мужчин и женщин составили соответственно $T_{пр} = +1,3\%$ и $T_{пр} = +0,1\%$.

Возрастные показатели заболеваемости РПК у лиц русской национальности по полу имели унимодальный рост с пиком в возрастной группе 70 лет и старше. Так для мужчин — $111,5 \pm 4,1^0_{/0000}$ (95% ДИ = $103,4 - 119,5^0_{/0000}$), а у женщин почти в 2 раз ниже $58,7 \pm 2,0^0_{/0000}$ (95% ДИ = $54,8 - 62,5^0_{/0000}$). Анализ возрастных показателей показал, что до 60 лет, что заболеваемость не имела статистически значимой разницы между полами ($p > 0,05$), поскольку их 95% ДИ накладывались друг на друга. Старше 60 лет заболеваемость РПК у мужчин по возрастным группам была статистически значима выше ($p < 0,05$), чем у женщин, о чем свидетельствуют их 95% ДИ, которые не накладывались друг на друга. При этом надо отметить, что показателями между возрастными группами были статистически значимо различными ($p < 0,05$), как у мужчин, так и у женщин.

Тренды заболеваемости РПК по возрастным группам у мужчин русской национальности имели тенденцию к росту, за исключением возрастных групп 30–39 лет ($T_{уб} = -1,8$). Наиболее высокий среднегодовой темп прироста установлен в возрастной группе до 30 лет ($T_{пр} = +1,5\%$) и в 40–49 лет ($T_{пр} = +1,5\%$). Анализ выравненных возрастных показателей у женщин показал рост только в возрастах 30–39 лет ($T_{пр} = +0,8\%$) и 60–69 лет ($T_{пр} = +0,7\%$), а в остальных группах отмечено снижение и наиболее высокий темп убыли установлен у лиц 40–49 лет ($T_{уб} = -3,5\%$).

Стандартизованные показатели заболеваемости у мужчин русской национальности были выше, чем у рус-

ских женщин. Так, МС у русских мужчин составил $12,5 \pm 0,4^0_{/0000}$ (95% ДИ = $11,7 - 13,4^0_{/0000}$), а у женщин русской национальности — $8,7 \pm 0,2^0_{/0000}$ (95% ДИ = $8,3 - 9,0^0_{/0000}$), разница статистически значима ($p < 0,05$). Среднегодовой АС за изучаемый период также был выше у мужчин русской национальности — $6,7 \pm 0,2^0_{/0000}$ (95% ДИ = $6,2 - 7,1^0_{/0000}$), чем у русских женщин — $4,9 \pm 0,1^0_{/0000}$ (95% ДИ = $4,6 - 5,2^0_{/0000}$).

ЕС у мужчин русской национальности составил $18,4 \pm 0,6^0_{/0000}$ (95% ДИ = $17,2 - 19,5^0_{/0000}$) и у русских женщин — $12,3 \pm 0,3^0_{/0000}$ (95% ДИ = $11,8 - 12,9^0_{/0000}$). МС был ближе к НС, который составил у мужчин русской национальности $12,2 \pm 0,4^0_{/0000}$ (95% ДИ = $11,4 - 13,0^0_{/0000}$), а женщин русской национальности — $8,4 \pm 0,2^0_{/0000}$ (95% ДИ = $8,0 - 8,8^0_{/0000}$).

Установленные различия в стандартизованных показателях между мужчинами и женщинами русской национальности были статистически значимыми ($p < 0,05$).

Тренды выравненных стандартизованных показателей у мужчин русской национальности были более выраженными, чем у женщин русской национальности.

Таким образом, анализ заболеваемости РПК показал, что в динамике показатели растут, выявлены возрастные и этнические особенности заболеваемости. Тренды у изучаемых этнических групп населения имели различные темпы прироста и убыли, которые также зависели от изменений возрастных показателей. Установленные особенности заболеваемости характеризуют эпидемиологическую картину РПК в Казахстане. При этом дальнейшее изучение в этой области дополняет алгоритм диагностики злокачественных опухолей прямой кишки, который позволит оптимизировать и повысить эффективность противораковой борьбы в плане ранней диагностики указанной формы рака.

Литература:

1. Parkin DM, Pisani P, Ferlay J. Estimates of the worldwide incidence of 25 major cancers in 1990. *Int J Cancer*, 1999, 80.
2. Арзыкулов Ж.А., Сейтказина Г.Д., Игисинов С.И., Махатаева А.Ж. Состояние онкологической помощи населению Республики Казахстан в 2003 году/Показатели онкологической службы Республики Казахстан за 2003 год (статистические материалы), Алматы. — 2004. — 55с.
3. Malcolm A Moore, Gulmira Aitmurzaeva, Zhetkergen Arsykulov, Maratbek Bozgunchiev, Saule Alkeeva Dikanbayeva, Gulnara Igisinov, Nurbek Igisinov, et al. Chronic Disease Prevention Research in Central Asia, the Urals, Siberia and Mongolia — Past, Present and Future // *Asian Pacific Journal of Cancer Prevention*. — 2009. — Volume 10. — P. 987–996.
4. Malcolm A Moore, Sultan Eser, Nurbek Igisinov et al. Cancer Epidemiology and Control in North-Western and Central Asia — Past, Present and Future // *Asian Pacific Journal of Cancer Prevention*. — 2010. — Volume 11. — P. 17–32.
5. GLOBOCAN 2008, International Agency for Research on Cancer <http://globocan.iarc.fr/>
6. Мерков А.М., Поляков Л.Е. Санитарная статистика. Л.: Медицина; 1974; 384 с.

Оценка смертности женщин фертильного возраста в экологической зоне бедствия – Кызылординской области

Терешкевич Д.П.¹, докторант; Игисинов Н.С.^{1,2}, доктор медицинских наук, профессор;
Шарбаков А.Ж.¹, доктор медицинских наук, профессор

¹Институт общественного здравоохранения

АО «Медицинский университет Астана»

²ОО «Central Asian Cancer Institute», Астана, Казахстан

Одной из крупнейших экологических катастроф планеты является Аральская проблема, которая приобрела острейший характер. Социально-экономическая и экологическая ситуация в регионе потребовала законодательного решения и правового регулирования мер социальной защиты населения, проживающего в экологически неблагоприятных районах. При этом все районы Кызылординской области и г. Кызылорда объявлены зоной экологического бедствия [1].

В последние годы охране здоровья женщин уделяют все большее внимание. Статистика показывает, что в заболеваемости и смертности, а также в течении многих заболеваний существуют половые различия. В развитых странах женщины живут дольше мужчин, во многом за счет меньшей смертности от ИБС. Половые различия в заболеваемости и смертности частично обусловлены социальными факторами, такими, как материальная обеспеченность, занятость, медицинское обслуживание, традиционное распределение ролей женщины и мужчины в обществе [2, 3, 4].

Изучение вопросов здоровья женщин, особенно в репродуктивном возрасте является не только приоритетом научных исследований, но важной государственной задачей. Основным индикатором медико-демографических процессов общества является показатель смертности. Уровень смертности зависит от социально-экономического развития страны, благосостояния населения, развития системы здравоохранения, доступности медицинской помощи и т.д. [5, 6].

Анализ длительной динамики показателей смертности дает возможность учесть влияние различных факторов на ее изменения. Безопасное и устойчивое развитие любой страны зависит от динамики демографического развития, поскольку население страны представляет как цель, так и фактор развития [7]. При этом изучение смертности женского населения в репродуктивном возрасте имеет особую медико-социальную значимость. В настоящей статье проанализированы показатели смертности женского населения репродуктивного возраста в экологически неблагоприятном регионе — Кызылординской области.

Материал и методы исследования

Изучаемый период составил 10 лет (1999–2008 гг.). Использованы данные Агентства Республики Казахстан по статистике о смертности и численности женского насе-

ления репродуктивного возраста (15–49 лет) в Кызылординской области [8, 9, 10].

Вычислены экстенсивные, интенсивные, стандартизованные и выравненные показатели смертности у женского населения в репродуктивном возрасте. Стандартизованный показатель вычислен прямым методом, при этом использовано мировое стандартное население. При стандартизации применен усеченный метод стандартизации предложенный Doll и Cook. Динамика показателей смертности изучена за 10 лет, при этом тренды определены методом наименьших квадратов. Определены среднегодовые значения (M), средняя ошибка (m), критерий Стьюдента, 95% доверительный интервал (95% ДИ), среднегодовые темпы прироста ($T_{пр}$, %) и убыли ($T_{уб}$, %) [11, 12]. В таблицах и диаграммах использованы следующие сокращения: ГП — грубый показатель, УСП — усеченный стандартизованный показатель, ‰ — на 1 000 населения.

Результаты и обсуждение

За изучаемый период в Кызылординской области умерло 3 155 женщин в репродуктивном возрасте, что составило 16,1% от общего числа умерших женщин за 10 лет (19 561 умерших). Распределение умерших фертильных женщин по возрастным группам представлено в рисунке 1.

Наибольший удельный вес умерших приходится на поздний репродуктивный возраст 40–49 лет — 40,9% (40–44 года — 18,4% и 45–49 лет — 22,5%). Среднегодовой возраст умерших изучаемой группы женского населения составил $35,0 \pm 0,2$ года (95% ДИ = 34,6–35,5 года). При этом за последние годы отмечена незначительная тенденция к росту данного показателя ($T_{пр} = +0,4\%$).

Среднегодовой показатель смертности женского населения Кызылординской области в фертильном возрасте составил $1,95 \pm 0,05$ ‰ (95% ДИ = 1,85–2,05 ‰).

В динамике показатели смертности женщин в репродуктивном возрасте имели тенденцию к снижению с 2,2 ‰ (1999 г.) до 1,7 ‰ в 2008 году.

Выравненные показатели смертности у женщин в фертильном возрасте также снижались, а среднегодовой темп убыли составил $T_{уб} = -2,3\%$ (рис. 2).

Возрастные показатели смертности женщин фертильного возраста имели унимодальный рост с пиком в 45–49 лет — $4,38 \pm 0,20$ ‰ (95% ДИ = 3,99–4,77 ‰). Выравненные показатели смертности в данной возра-

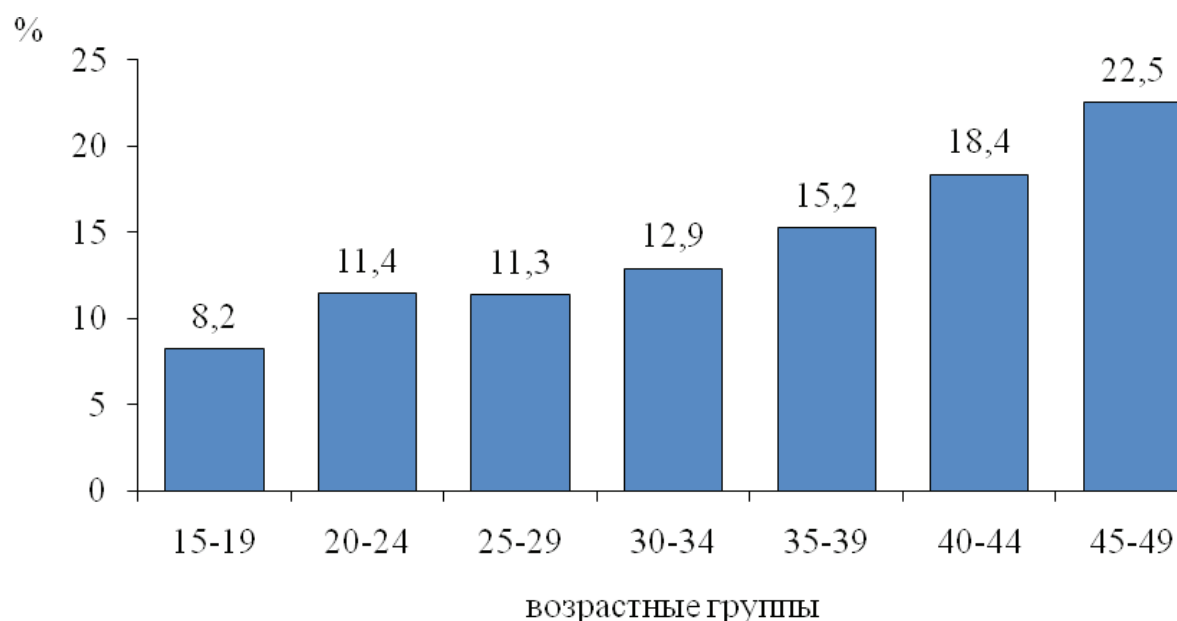

Рис. 1. Удельный вес умерших женщин репродуктивного возраста в Кызылординской области за 1999–2007 гг.

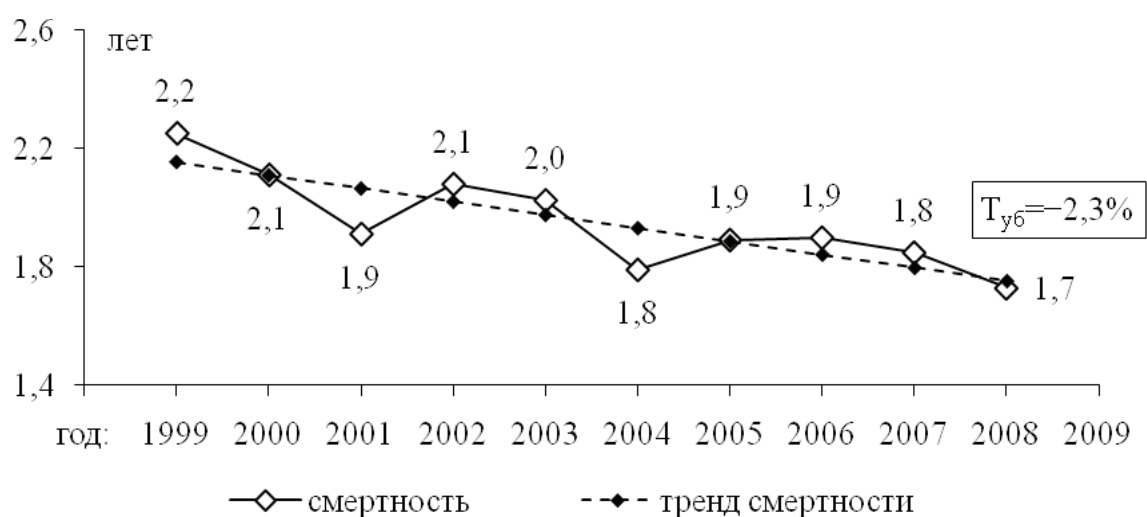

Рис. 2. Динамика показателей смертности женщин репродуктивного возраста в Кызылординской области за 1999–2008 гг.

твой группе имели тенденцию к снижению $T_{y6} = -3,3\%$ (табл. 1). Детальный анализ возрастных показателей показал, что с увеличением возраста показатель несколько крат увеличивается. Так, показатель смертности в 20–24 года была в 1,7 раза выше, чем в возрасте 15–19 лет – $1,33 \pm 0,11\%$. В 30–34 года смертность ($1,86 \pm 0,07\%$) увеличилась в 2,3 раза по отношению к первой возрастной группе (15–19 лет). В следующем возрасте 35–39 лет показатель смертности увеличился в 2,9 раза – $2,35 \pm 0,07\%$. В последующих возрастных группах смертность увеличилась в 3,8 и 5,5 раза соответственно по отношению к 15–19 годам (табл. 1).

Тренды возрастных показателей смертности имели тенденцию к снижению. При этом высокий среднегодовой темп снижения был установлен в 25–29 ($T_{y6} = -5,7\%$) и 20–24 ($T_{y6} = -6,4\%$).

Установлено, что 95% ДИ возрастных показателей не накладывались друг на друга, т.е. различие было статистически значимым ($p < 0,05$) и на формирование изучаемых данных влияли объективно разнообразные причинные факторы.

Выводы:

В Кызылординской области 16,2% умерших женщин приходится на репродуктивный возраст (15–49 лет). Среднегодовой показатель смертности у жительниц Кызылординской области в фертильном возрасте составил $1,98 \pm 0,05\%$ и в динамике имел тенденцию к снижению ($T_{y6} = -2,15\%$). Высокие показатели установлены в позднем репродуктивном возрасте (45–49 лет) – $4,51 \pm 0,17\%$. Тренды возрастных показателей

Таблица 1. Среднегодовые возрастные показатели смертности женского населения Казахстана в репродуктивном возрасте за 1999–2008 гг.

Возрастные группы, лет	Смертность, ‰		T _{пр/уб} %
	M±m	95% ДИ	
15–19	0,80±0,04	0,72–0,89	–3,3
20–24	1,33±0,11	1,11–1,54	–6,4
25–29	1,48±0,11	1,26–1,71	–5,7
30–34	1,86±0,07	1,71–2,01	–1,9
35–39	2,35±0,07	2,21–2,49	–2,1
40–44	3,02±0,10	2,83–3,21	–1,4
45–49	4,38±0,20	3,99–4,77	–4,5

смертности были различными. Так, высокие темпы снижения смертности установлены в раннем фертильном возрасте 25–29 лет (T_{уб} = –7,9%)

Выяснение особенностей смертности у женщин реп-

родуктивного возраста в Кызылординской области с учетом влияния различных эндогенных и экзогенных факторов риска будет приоритетом наших будущих исследований.

Литература:

1. Закон Республики Казахстан от 30 июня 1992 г. N 1468-III О социальной защите граждан, пострадавших вследствие экологического бедствия в Приаралье.
2. Андреев Е.М., Кваша Е.А., Харьков Т.Л. Смертность и продолжительность жизни // Население России 2002. М.: Книжный дом «Университет». – 2004. – С. 108–131.
3. Андреев Е.М., Кваша Е.А., Харьков Т.Л. Проблемы женской смертности в России в последние десятилетия // Вопросы статистики. – 2005. – № 2. – С. 46–53.
4. Вишневский А. Смертность и рождаемость в европейских постсоветских государствах // Инф. бюллетень «Население и общество». – 1998. – № 30.
5. Комаров Ю.М.. Высокая смертность как ведущая причина депопуляции // Профилактика заболеваний и укрепления здоровья. – 2007. – № 5. – С. 4–7.
6. Вунш Г. От смерти к ее причине. Сборник статей. Под ред. Денисенко М.Б., Бахметовой Г.Ш. – М., 2007. – С. 11–43.
7. Кузьмин А.И. Курс лекций «Основы демографии» – М, 2003. – 440 с.
8. Демографический ежегодник регионов Казахстана. Статистический сборник. – Алматы, 2006. – 548 с.
9. Демографический ежегодник регионов Казахстана. Статистический сборник. – Астана, 2007. – 392 с.
10. Демографический ежегодник Казахстана, 2008. Статистический сборник. – Астаны, 2009. – 637 с.
11. Мерков А.М., Поляков Л.Е. Санитарная статистика. – Л.: Медицина, 1974. – 384 с.
12. Стентон Гланц. Медико-биологическая статистика. – М., 1999–460 с.

Динамика показателей первичной заболеваемости катарактой в Приаралье

Игисинов Н.С.^{1,2}, доктор медицинских наук, профессор; Терешкевич Д.П.¹, докторант;
Корабаева Г.К.^{1,2}, магистрант; Мауенова Д.К.^{1,2}, магистрант

¹Институт общественного здравоохранения
АО «Медицинский университет Астана»

²ОО «Central Asian Cancer Institute» (Астана, Казахстан)

В последние десятилетия особое внимание, как ученых, так и работников здравоохранения, привлекают проблемы здоровья населения в экологически неблагоприятных регионах Казахстана. Исследованиями ведущих ученых стран СНГ доказано негативное воздействие за-

грязнения окружающей среды на здоровье различных групп населения. Загрязнение окружающей среды оказывает неблагоприятное воздействие на здоровье, как настоящего, так и последующих поколений. В Казахстане одним из регионов, с экстремальной экологической ситу-

ацией, является территория вокруг Аральского моря [1, 2, 3].

Распространенность и заболеваемость как основные характеристики общественного здоровья являются интегральными показателями, отражающими демографическую ситуацию, уровень социально-экономического развития страны, состояние окружающей среды, и представляют собой важнейшую межведомственную, межгосударственную, международную проблему, в которой особая роль отведена органам здравоохранения и социальной защиты населения.

Цель большинства эпидемиологических исследований — изучение частоты возникновения заболеваний в популяции и определение факторов, обуславливающих их развитие. Эпидемиологические данные являются основой для формирования этиологических гипотез, дают информацию о частоте встречаемости заболеваний, лежат в основе принятия управленческих решений.

Во всем мире около 314 миллионов человек страдают нарушениями зрения, 45 миллионов из них поражены слепотой. Нарушениями зрения чаще страдают люди старшего возраста. Повсюду в мире большому риску подвержены женщины всех возрастов. Около 87 % лиц, страдающих нарушениями зрения, живут в развивающихся странах. Число людей, потерявших зрение в результате инфекционной болезни, значительно уменьшилось, однако распространенность нарушений зрения, обусловленных возрастом, растет. Во всем мире катаракта остается основной причиной слепоты, за исключением наиболее развитых стран [4, 5].

Выявление климато-географических, социально-гигиенических и других факторов, влияющих на возникновение, течение и прогноз заболеваний в т.ч. глазных, необходимы как для организаторов здравоохранения и санитарно-эпидемиологических служб, для возможности обоснованно и целенаправленно проводить необходимые лечебные и профилактические мероприятия. Целью нашего исследования было изучить первичную заболеваемость катарактой в Приаралье (Кызылординская область).

Материал и методы исследования

Материалом исследования были данные из сводной отчетной формы № 12 Министерства здравоохранения Республики Казахстан, в частности, данные о лицах с диагнозом катаракта, установленной впервые в жизни.

Использованы данные о среднегодовой численности населения Агентства Республики Казахстан по статистике. Изучаемый период составил 5 лет (2006–2010 гг.). По общепринятым методам санитарной статистики вычислены экстенсивные (ЭП), интенсивные (ИП) и выравненные (ВП) показатели.

Показатели первичной заболеваемости рассчитаны на 100 000 населения ($^0/_{0000}$). Определены среднее значение (M), средняя ошибка (m), 95 % доверительный

интервал (95 % ДИ) и среднегодовые темпы прироста/убыли ($T_{пр/уб}$, %).

Результаты и обсуждение

За изучаемый период среднегодовой показатель первичной заболеваемости катарактой у всего взрослого населения (18 лет и старше) в Кызылординской области составил $202,3 \pm 17,4^0/_{0000}$ (95 % ДИ = $168,2 - 236,4^0/_{0000}$).

В динамике показатели первичной заболеваемости имели тенденцию к снижению с $292,8 \pm 8,8^0/_{0000}$ (95 % ДИ = $275,6 - 309,9^0/_{0000}$) в 2006 году до $140,7 \pm 5,9^0/_{0000}$ (95 % ДИ = $129,2 - 152,2^0/_{0000}$) в 2010 году. Анализ 95 % ДИ показателей первичной заболеваемости катарактой в указанные годы показал, что они не накладывались друг на друга, т.е. различие было статистически значимым ($p < 0,05$), и на рост показателей влияли объективные факторы. Тренды выравненных показателей взрослого населения снижались, а среднегодовой темп убыли составил $T_{уб} = -16,0\%$ (рисунок 1).

Среднегодовой показатель первичной заболеваемости катарактой у мужчин в изучаемом регионе составил $209,1 \pm 17,1^0/_{0000}$ (95 % ДИ = $175,5 - 242,6^0/_{0000}$), у женского населения — $195,9 \pm 17,6^0/_{0000}$ (95 % ДИ = $161,4 - 230,4^0/_{0000}$) (рисунок 2). Различие между показателями было статистически не значимым ($p < 0,05$).

В динамике показатель первичной заболеваемости катарактой у мужчин имел тенденцию к снижению с $295,2 \pm 12,5^0/_{0000}$ (95 % ДИ = $270,6 - 319,8^0/_{0000}$) в 2006 году до $142,7 \pm 8,4^0/_{0000}$ (95 % ДИ = $126,1 - 159,2^0/_{0000}$) в 2010 году (рисунок 3). 95 % ДИ показателей в эти годы не накладывались друг на друга, т.е. различие было статистически значимым ($p < 0,05$).

При выравнивании показателей первичной заболеваемости катарактой у мужчин наблюдалась тенденция к снижению, и среднегодовой темп убыли составил $T_{уб} = -15,2\%$ (рисунок 3).

Показатель первичной заболеваемости катарактой у женщин в динамике также снижался с $290,5 \pm 12,2^0/_{0000}$ (95 % ДИ = $266,5 - 314,4^0/_{0000}$) в 2006 году до $138,8 \pm 8,2^0/_{0000}$ (95 % ДИ = $122,8 - 154,9^0/_{0000}$) в 2010 году (рисунок 4).

Анализ 95 % ДИ показателей первичной заболеваемости катарактой у женщин в 2006 и 2010 годах показал, что они не накладывались друг на друга, т.е. различие было статистически значимым ($p < 0,05$) — есть объективные факторы, влияющие на снижение показателей.

Установлено, что тренды выравненных показателей первичной заболеваемости катарактой у взрослого женского населения в динамике снижались, а среднегодовой темп убыли составил $T_{уб} = -16,7\%$ (рисунок 4).

Таким образом, анализ первичной заболеваемости катарактой в зоне экологического бедствия в Приаралье (Кызылординской области) показывает, что в динамике показатели имели тенденцию к снижению, различия в показателях между мужским и женским взрослым на-

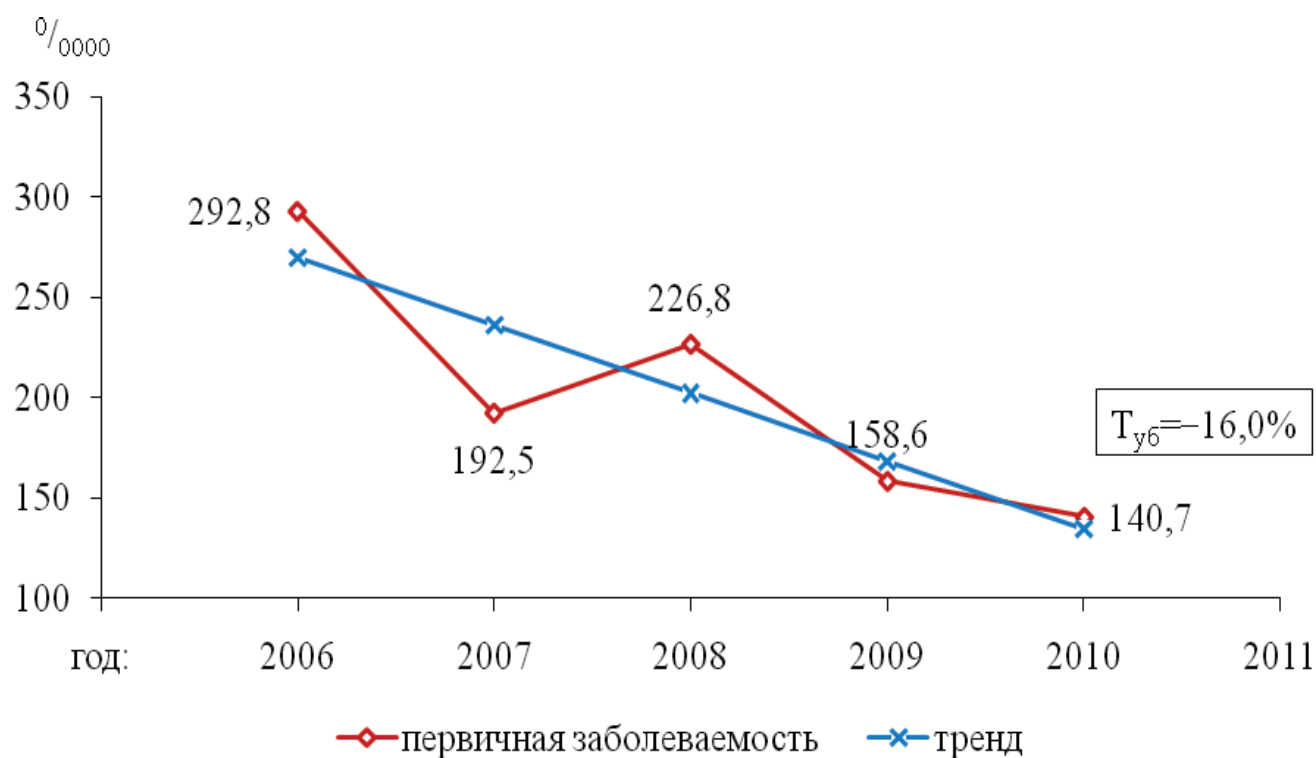

Рис. 1. Динамика показателей первичной заболеваемости катарактой взрослого населения Казахстана за 2006–2010 гг.

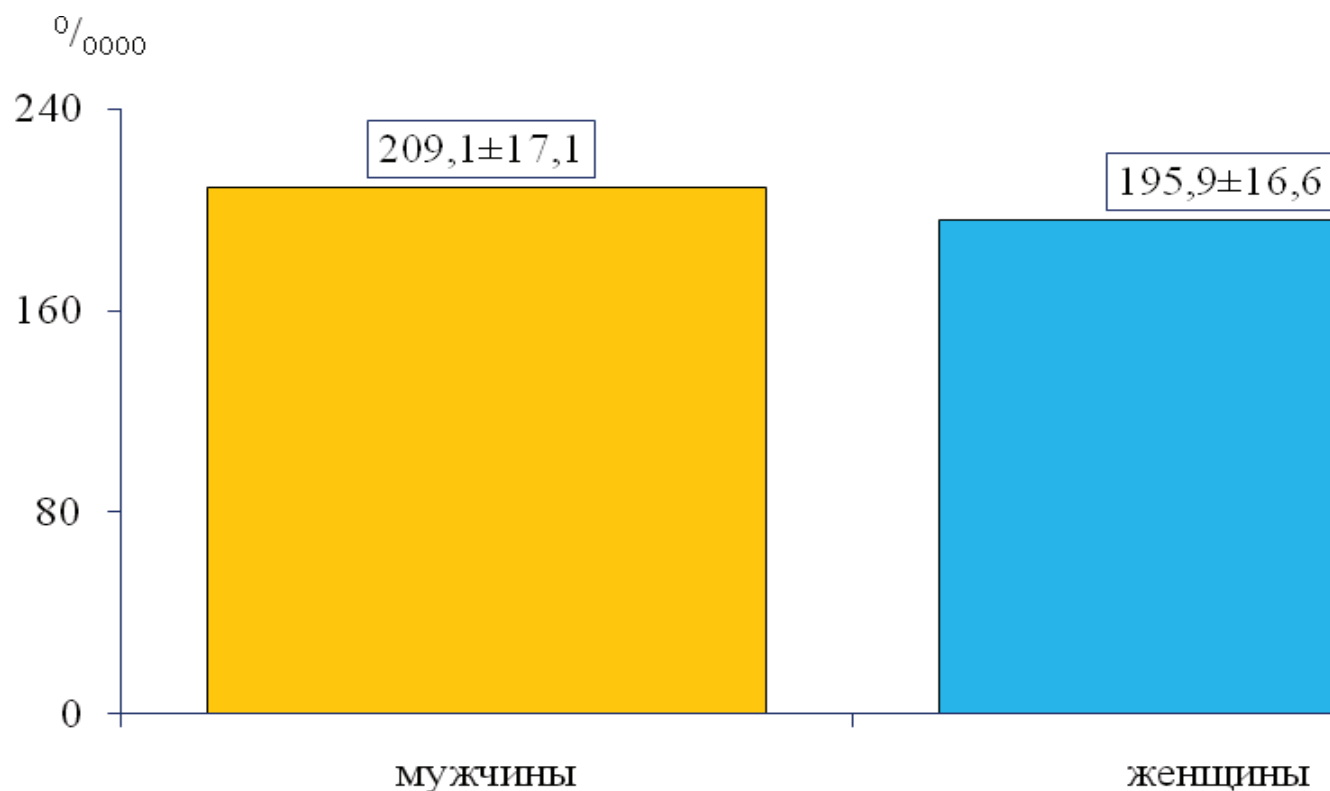

Рис. 2. Среднегодовые показатели первичной заболеваемости катарактой у мужского и женского населения Казахстана за 2006–2010 гг.

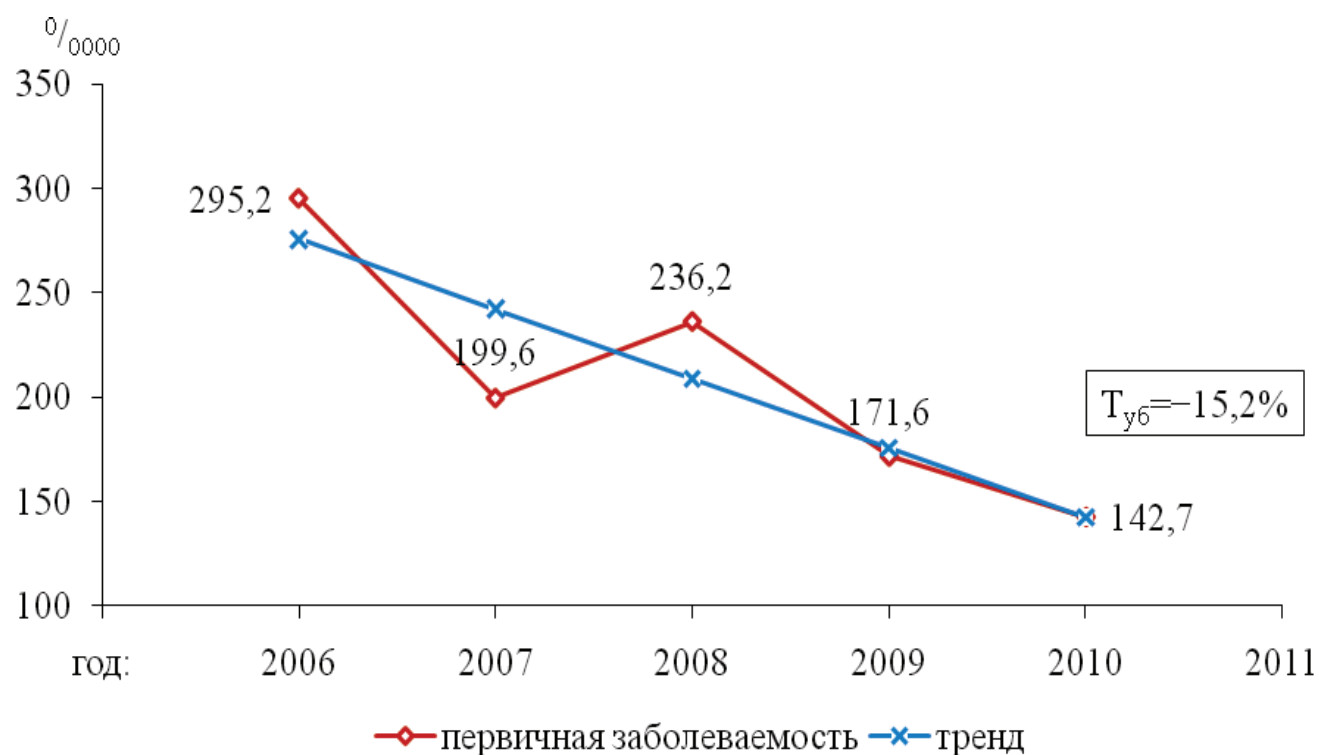

Рис. 3. Динамика показателей первичной заболеваемости катарактой у мужского населения Казахстана за 2006–2010 гг.

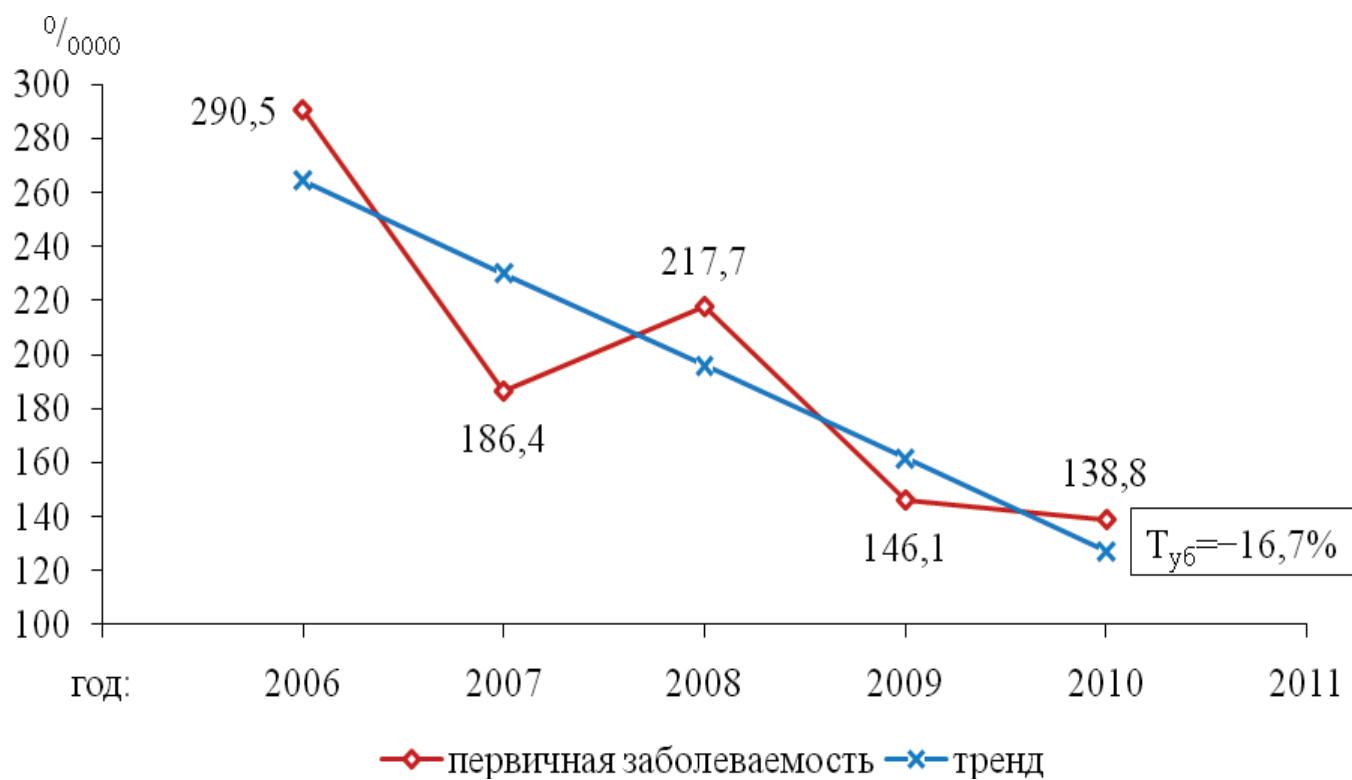

Рис. 4. Динамика показателей первичной заболеваемости катарактой у женского населения Казахстана за 2006–2010 гг.

селением было статистически не значимым ($p < 0,05$). Дальнейшее углубленное изучение заболеваемости ка-

тарактой и установление причин снижения будут приоритетом наших научных исследований.

Литература:

1. Закон Республики Казахстан от 30 июня 1992 года № 1468-XII. О социальной защите граждан, пострадавших вследствие экологического бедствия в Приаралье
2. Аналитические справки о состоянии окружающей среды в областях в 2007 году / Отчеты ОТУООС. — 2008.
3. Отчет Центра охраны здоровья и экопроектирования «Разработка экологических методов оздоровления в регионе оз. Арал». — Астана, 2007. — 183 с.
4. Беляев В.С., Кравчинина В.В. Заболевания глаза в странах с жарким климатом: — Москва: Изд. УДН., 1989. — 118 с.
5. Gieser S.C., Schein O.D. Cataract epidemiology and world blindness//Curr. Opin. Ophthalmol. — 1993. — Vol.4. — P. 10—13.

Системный подход в оценке показателей периферической электрогастроэнтерографии у больных с осложненной язвенной болезнью

Вавринчук С.А., доктор медицинских наук, профессор; Косенко П.М., ассистент
Дальневосточный государственный медицинский университет

Язвенная болезнь (ЯБ) желудка и двенадцатиперстной кишки (ДПК) остаётся широко распространенным заболеванием, охватывающим до 10—15% трудоспособного населения. Нарушения моторно-эвакуаторной функции (МЭФ) желудка и ДПК возникают у 10,0—56,3% больных ЯБ [1,3,5,6,9] и до 65% случаев после её оперативного лечения [3,8,12], что делает проблему своевременной диагностики и профилактики послеоперационных нарушений МЭФ желудка не менее актуальной.

Наиболее информативным современным методом изучения функционального состояния желудка и кишечника является периферическая электрогастроэнтерография (ПЭГЭГ) [2,4,7,10,11].

В отличие от электрогастрографии, ПЭГЭГ описывает электрофизиологические изменения всех отделов ЖКТ с наличием большого количества взаимосвязанных показателей, что обуславливает необходимость использования системного подхода к интерпретации данных ПЭГЭГ на основе современного многомерного статистического анализа (МмСА).

Целью нашего исследования было улучшение качества оказания хирургической помощи больным с осложнённой ЯБ путем совершенствования электрофизиологической диагностики моторно-эвакуаторных нарушений.

Материалы и методы

Нами обследовано 218 пациентов с осложнённой ЯБ желудка и ДПК. Критериями включения пациентов в исследование было наличие подтвержденных эндоскопическим и рентгенологическим методами язвенного кровотечения и пилородуоденального стеноза (ПДС). В

исследование так же были включены пациенты, оперированные по поводу перфорации язвы ДПК и язвенного ПДС. Степень компенсации ПДС определяли по Ю.М. Панцыреву и А.А. Гринбергу [6].

В соответствии с целью исследования все больные были нами разделены на 3 основные группы. Первую группу составили 65 человек с ЯБ желудка и ДПК, осложненной кровотечением; вторую группу — 57 больных с ЯБ, осложнённой ПДС и третью группу — 96 больных с осложненной ЯБ, которым были выполнены органосохраняющие операции. Контрольную группу составили 28 практически здоровых людей (таблица 1).

Для электрофизиологической оценки состояния МЭФ желудка и кишечника использовали ПЭГЭГ, которую выполняли аппаратом «Гастроскан-ГЭМ» по стандартной методике [10].

При анализе ПЭГЭГ мы оценивали:

1. суммарный уровень электрической активности (P_s) органов ЖКТ;
2. электрическую активность (ΣA) по отделам ЖКТ (P_i);
3. процентный вклад каждого частотного спектра в суммарный спектр (P_i/P_s) (%);
4. коэффициент ритмичности (Критм), который характеризует наличие и характер пропульсивных сокращений гладкомышечных структур для каждого отдела ЖКТ;
5. коэффициент соотношения $P_i/P(i+1)$ — отношение ΣA вышележащего отдела к нижележащему.

Для оценки степени компенсации ПДС, нами были дополнительно предложены относительные показатели:

- «показатель компенсации ΣA желудка», который представляет собой отношение значений стимулирован-

Таблица 1. Распределение больных по возрасту и полу

Группа больных	n	Средний возраст (M±m)	Пол			
			М		Ж	
			n	%	n	%
Контрольная группа	28	40,7±4,1	12	42,8	16	57,2
1	65	48,0±2,6	39	60	26	40
2	57	55,3±2,1	39	68,4	18	31,6
3	96	53,1±1,8	67	69,8	29	30,2
Всего	246	50,0±1,38	157	63,8	89	36,2

ного P_i желудка к его базальному значению и характеризует ЭА желудка;

- «показатель компенсации перистальтической активности желудка», который представляет собой отношение значений стимулированного Критм желудка к его базальному значению и характеризует перистальтическую активность желудка.

Многомерный статистический анализ (МмСА) показателей ПЭГЭГ включал в себя сравнение средних значений показателей ПЭГЭГ в независимых группах с расчетом непараметрического критерия Манна-Уитни, кластерный анализ в виде иерархической кластеризации, дискриминантный анализ и метод логистической регрессии.

Анализ полученных данных выполнялся в статистическом пакете Statsoft Statistica 8.0.

Результаты исследования

Сравнение средних значений показателей ПЭГЭГ больных первой группы с контрольными значениями выявило достоверное ($p < 0,05$) снижение у больных с язвенным дуоденальным кровотечением ЭА желудка с одновременным повышением ЭА толстой кишки. Нами так же было отмечено возрастание значений базального и стимулированного $P_i/P (i+1)$ ДПК/тощая кишка, что свидетельствовало о дискоординации моторики данного сегмента кишечника.

У больных с желудочной локализацией язвы сравнение показателей ПЭГЭГ с контрольными значениями выявило достоверные различия по 14 показателям, пре-

имущественно за счет изменения показателей ЭА и коэффициента соотношения отделов ЖКТ.

Для проведения дискриминантного анализа группирующим признаком была определена локализация язвы.

Статистически значимыми признаками оказались:

- базальные значения P_s , P_i/P_s желудка, подвздошной и толстой кишки; $P_i/P (i+1)$ тощая/подвздошная кишка и $P_i/P (i+1)$ подвздошная/толстая кишка; Критм толстой кишки;

- стимулированные значения P_i/P_s тощей кишки; $P_i/P (i+1)$ тощая/ подвздошная кишка, Критм желудка.

Если при сравнении средних значений показателей ПЭГЭГ наибольшее количество достоверных различий в сравнении с контрольной группой было выявлено у больных с желудочной локализацией язвы, то по данным дискриминантного анализа эти пациенты, наоборот, классифицировались как здоровые в 23 % случаев, а больные с дуоденальной локализацией язвы — только в 5,1 % случаев (таблица 2).

Выявление дискриминантным методом более выраженные нарушения МЭФ желудка у больных с ЯБ ДПК, осложнённой кровотечением, по-нашему мнению, объясняются его способностью оценивать не только изменения отдельных показателей ПЭГЭГ, но и их корреляционные взаимосвязи с другими показателями.

Таким образом, созданная на основе дискриминантного анализа электрофизиологическая модель нарушений МЭФ желудка и ДПК у больных с ЯБ, осложнённой кровотечением, в зависимости от локализации язвы показала, что данные группы достоверно отличаются по 10 показателям ПЭГЭГ со средней точностью модели для прогно-

Таблица 2. Прогностическая точность изменений моторики ЖКТ в зависимости от локализации источника язвенного кровотечения по результатам дискриминантного анализа

Матрица переклассификации					
Наблюдаемое распределение		Предсказанное распределение			
Группы пациентов		Группы пациентов			% правильной классификации
		ЯБ ДПК	ЯБ желудка	Контрольная группа	
ЯБ ДПК	n=39	37	0	2	94,8
ЯБ желудка	n=26	2	18	6	69,2
Контрольная группа	n=28	0	0	28	100,0
Всего	n=93	39	18	36	88,8

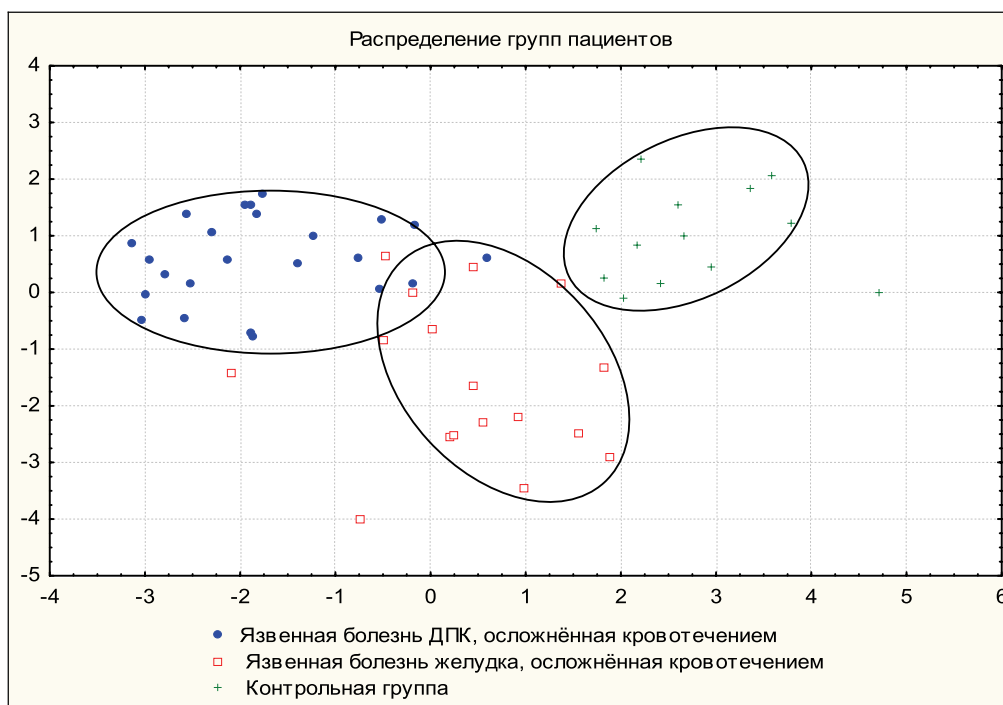

Рис. 1. Распределение групп пациентов с ЯБ, осложненной кровотечением, по показателям ПЭГЭГ в зависимости от локализации язвы на основании дискриминантного анализа

зирования распределения пациентов в ту или иную группу 88,8% (рисунок 1).

Анализ средних значений показателей ПЭГЭГ у больных 2-й группы показал характерные [10] изменения в виде умеренного ($p > 0,05$) возрастания ЭА и перистальтической активности желудка у больных с компенсированным ПДС, статистически значимого ($p < 0,05$) возрастания базальной и стимулированной ЭА и перистальтической активности желудка у больных с субкомпенсированным ПДС, а так же достоверного ($p < 0,05$) снижения стимулированной ЭА и перистальтической активности у больных с декомпенсированным ПДС.

Традиционно все пациенты с ПДС разделяются по степени его компенсации на компенсированный, суб- и декомпенсированный стенозы [6].

Однако результаты до- и послеоперационного обследования пациентов с субкомпенсированным ПДС, свидетельствуют об их неоднородности по характеру изменений МЭФ желудка, что, по-нашему мнению, связано с наличием в этой наиболее многочисленной группе пациентов переходных типов нарушения моторики от компенсации к её декомпенсации, которые не обнаруживаются стандартным методом сравнения средних показателей ПЭГЭГ.

Для выявления этих переходных типов компенсации моторики желудка мы использовали кластерный анализ, в который были включены 40 показателей ПЭГЭГ 24 пациентов с субкомпенсированным ПДС.

В результате кластеризации были выявлены 2 группы больных (рисунок 2). В первую группу вошли 10 (41,6%) пациентов, которых мы соответственно выявленному ха-

рактеру изменений электрофизиологических показателей условно обозначили как группу больных с гипомоторным типом ПДС, и во вторую группу — 14 (58,3%) пациентов, которых мы также условно обозначили как группу больных с гипермоторным типом ПДС.

Анализ средних показателей ПЭГЭГ у больных с гипермоторным типом субкомпенсированного ПДС показал наличие у них крайней степени компенсации моторной функции желудка, что проявлялось умеренным ($p > 0,05$) повышением базальной ЭА и перистальтической активности желудка и кишечника со значительным их возрастанием после пищевой стимуляции ($p < 0,05$).

Показатели ПЭГЭГ у больных с гипомоторным типом субкомпенсированного ПДС отражали уже начальные проявления декомпенсации моторики желудка, что проявлялось повышением базального тонуса желудка и его перистальтической активности ($p < 0,05$) со снижением этих показателей после пищевой стимуляции, обусловленное развитием недостаточности нервно-мышечного аппарата желудка и усугублением его двигательных расстройств.

На основе дискриминантного анализа нами была создана электрофизиологическая модель моторно-эвакуаторных нарушений у больных с язвенным ПДС, включающая выявленные переходные типы нарушения моторики желудка, а так же возрастные особенности значений ПЭГЭГ.

В электрофизиологическую модель вошло 23 показателя ПЭГЭГ, из которых статистически значимыми оказались 17 (таблица 3).

Общий процент правильной классификации наблюдений в соответствующие группы составил 96,2% (таблица 4, рисунок 3).

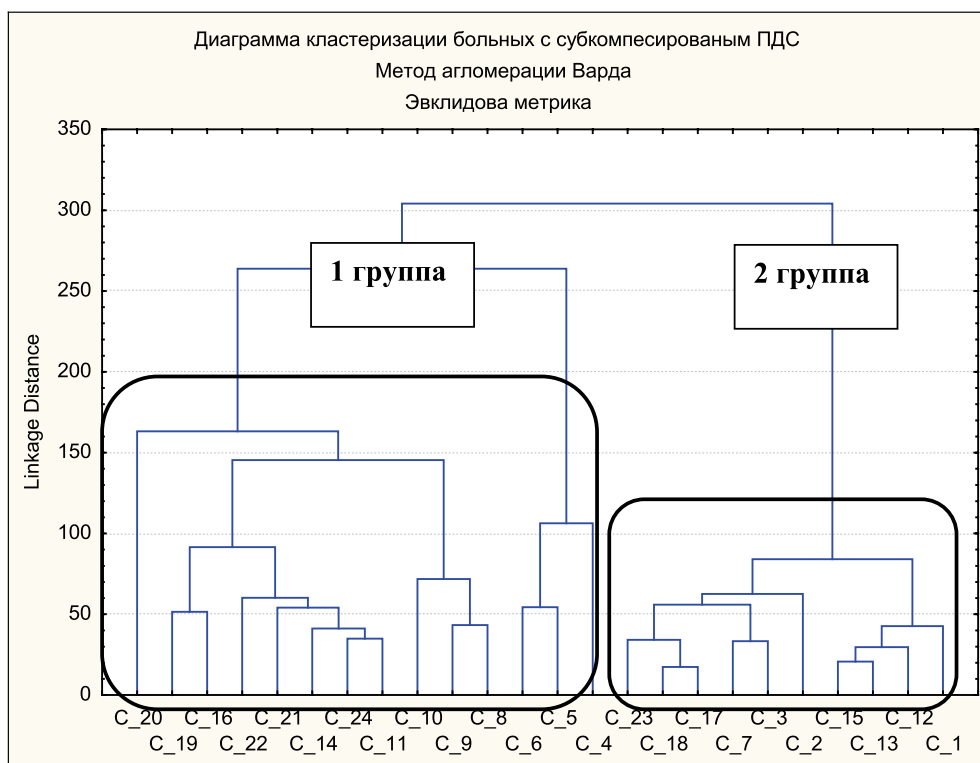

Рис. 2. Дендрограмма объединения в кластеры пациентов с субкомпенсированным ПДС

Таблица 3. Показатели модели определения степени тяжести ПДС по данным ПЭГЭГ

Показатели модели		Показатели дискриминантного анализа					
		Лямбда Уилкса	Частичная лямбда	F статистика	p	Tolerance	1-Toler. (R-Sqr.)
Ps (мВ)	Базал.	0,0099	0,5628	5,0494	p<0,01	0,0001	0,9999
	Стим.	0,0107	0,5211	5,9729	p<0,01	0,0074	0,9925
Pi (мВ)	желудок базал.	0,0091	0,6115	4,1279	p<0,01	0,0006	0,9993
	подвзд. кишка базал.	0,0113	0,4932	6,6770	p<0,01	0,0007	0,9992
	Подвзд. кишка стим.	0,0112	0,5001	6,4959	p<0,01	0,0055	0,9944
	тостая кишка базал.	0,0104	0,5388	5,5637	p<0,01	0,0004	0,9995
Pi/Ps (%)	желудок базал.	0,0096	0,5846	4,6181	p<0,01	0,0212	0,9787
	желудок стим	0,0077	0,7250	2,4646	p>0,05	0,0984	0,9015
	ДПК стим.	0,0078	0,7156	2,5828	p>0,05	0,0439	0,9560
	тощая кишка стим.	0,0078	0,7144	2,5980	p>0,05	0,0182	0,9817
	подвзд. кишка базал.	0,0083	0,6746	3,1344	p<0,05	0,0863	0,9136
	подвзд. кишка стим.	0,0089	0,6257	3,8881	p<0,05	0,0346	0,9653
	толстая базал. кишка	0,0103	0,5414	5,5043	p<0,01	0,0122	0,9877
	ДПК/тощая кишка базал.	0,0095	0,5871	4,5709	p<0,01	0,0808	0,9191
Pi/P (i+1)	ДПК/тощая кишка стим.	0,0071	0,7811	1,8208	p>0,05	0,1112	0,8887
	тощая/подвзд. стим.	0,0081	0,6869	2,9619	p<0,05	0,0452	0,9547
	подвзд./толстая базал.	0,0095	0,5885	4,5434	p<0,01	0,0259	0,9740
	желудка базал	0,0071	0,7885	1,7429	p>0,05	0,0065	0,9934
Критм.	желудка стим.	0,0104	0,5384	5,5727	p<0,01	0,0073	0,9926
	ДПК базал.	0,0107	0,5239	5,9049	p<0,01	0,0162	0,9837
	тощая базал.	0,0069	0,8112	1,5119	p>0,05	0,0087	0,9912
	подвзд. кишка стим.	0,0102	0,5470	5,3815	p<0,01	0,0061	0,9938
	толстая базал.	0,0129	0,4322	8,5370	p<0,01	0,0044	0,9955

Примечание: 17 Шагов, переменных в модели 23, число групп – 5. Лямбда Уилкса: 0,03502 approx. F (60,193)=4,3861; p< 0,0000

Таблица 4. Точность диагностики степени ПДС на основе показателей ПЭГЭГ, полученных в результате дискриминантного анализа

Матрица переклассификации								
Наблюдаемое распределение			Предсказанное распределение					
			Группы пациентов					
Группы пациентов			Контроль- ная группа	ПДС			% правильной классифика- ции	
				Компен- сиро- ванный	Субкомпенсированный			Деком- пенсиро- ванный
					гипермоторный тип	гипомото- рный тип		
ПДС	Компенсированный		0	25	0	0	0	100
	Суб компен- сированный	Гипермоторный тип	0	0	14	0	0	100
		Гипомоторный тип	0	0	0	10	0	100
	Декомпенсированный		1	0	0	0	7	90
Контрольная группа			0	0	1	0	9	90
Всего			1	25	15	10	16	96.2

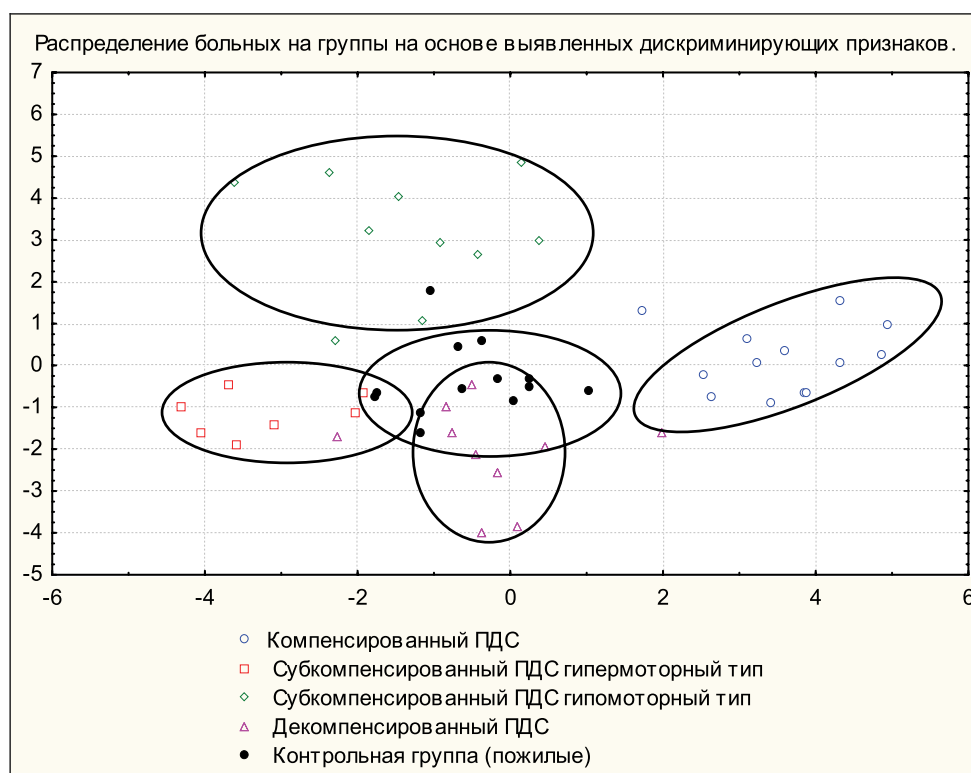

Рис. 3. Распределение больных ЯБ, осложненной ПДС, по показателям ПЭГЭГ на основании дискриминантного анализа с учётом возрастных значений ПЭГЭГ

Для подтверждения соответствия выявленных нами моторно-эвакуаторных нарушений ЖКТ степеням компенсации ПДС был применён метод многофакторной логистической регрессии. Для построения логистических уравнений использовались 40 предикторов (базальные и стимулированные показатели ПЭГЭГ) в разных сочетаниях с их пошаговым исключением из модели.

В созданную модель вошло 27 показателей ПЭГЭГ. Её общая прогностическая точность составила 88,8%.

Таким образом, результаты метода многофакторной логистической регрессии полностью подтвердили

данные дискриминантного анализа о соответствии выявленных моторно-эвакуаторных нарушений ЖКТ уточнённым нами степеням компенсации ПДС.

Системный анализ показателей ПЭГЭГ у больных 3-й группы показал, что после ушивания ПЯ ДПК средние значения показателей ПЭГЭГ соответствовали субкомпенсированному ПДС с нарушением пропульсивной перистальтики и начальными признаками декомпенсации моторики желудка. Это проявлялось статистически значимым возрастанием базальной ЭА и перистальтической активности желудка с их снижением после пищевой стимуляции и за-

держкой появления признаков начала эвакуации пищи из желудка в ДПК до 20 ± 5 минуты исследования.

У больных после радикальной дуоденопластики (РДП), которая устраняла саму язву, сочетанные язвенные осложнения и перидуоденальные рубцовые сращения, лежащие в основе нарушения МЭФ желудка, были отмечены возростание стимулированных показателей P_i желудка и ДПК, коэффициента соотношения P_i/P ($i+1$) желудок/ДПК, восстановление физиологического трёхфазного характера стимулированной электрофизиологической кривой и нормализация времени эвакуации из желудка в ДПК. Эти изменения указывали на восстановление пропульсивной ЭА в области дуодено-гастрального перехода.

Выявленные нами изменения показателей ПЭГЭГ после ушивания ПЯ ДПК и РДП так же были подвергнуты дискриминантному анализу.

Статистически значимыми для оценки выявленных методом ПЭГЭГ различий послеоперационных моторно-эвакуаторных изменений оказались базальные значения P_s , P_i подвздошной и толстой кишки; P_i/P_s желудка и толстой кишки; P_i/P ($i+1$) тощей/подвздошной и подвздошной/толстой кишки; Критм подвздошной кишки, а так же стимулированные значения P_i и P_i/P_s ДПК, P_i/P_s толстой кишки, P_i/P ($i+1$) желудка/ДПК, К ритм желудка и подвздошной кишки. Статистически значимым оказался и показатель компенсации перистальтической активности желудка.

Это подтвердило наличие статистически значимых различий значений показателей ПЭГЭГ здоровых лиц и

в группах пациентов после ушивания ПЯ ДПК и РДП и определило показатели ПЭГЭГ, влияющие на распределение больных по характеру моторно-эвакуаторных нарушений в каждую из групп.

Результаты дискриминантного анализа показали высокую степень различия показателей ПЭГЭГ после ушивания ПЯ ДПК и РДП (рисунок 4).

Наличие межгрупповых различий позволило создать электрофизиологическую модель моторно-эвакуаторных нарушений у больных с ПЯ ДПК после ушивания ПЯ и РДП с высокой прогностической эффективностью, достигающей 92,3% (таблица 5).

У больных ПЯ ДПК после РДП большинство значений показателей ПЭГЭГ было ближе к контрольным значениям, и они в 21,5% случаев классифицировались как здоровые, в то время как больные после ушивания ПЯ были отнесены в группу здоровых лишь в 8,4% случаев.

Полученные нами данные были учтены в практической работе. Мы отказались от ушивания ПЯ ДПК в пользу выполнения РДП, что сократило количество послеоперационных осложнений на 24% и позволило избежать повторных операций по поводу послеоперационных нарушений МЭФ желудка.

У больных с декомпенсированным ПДС на фоне нарушения нервно-рефлекторных связей желудка и кишечника в послеоперационном периоде развивались наиболее тяжелые формы моторно-эвакуаторных нарушений, с

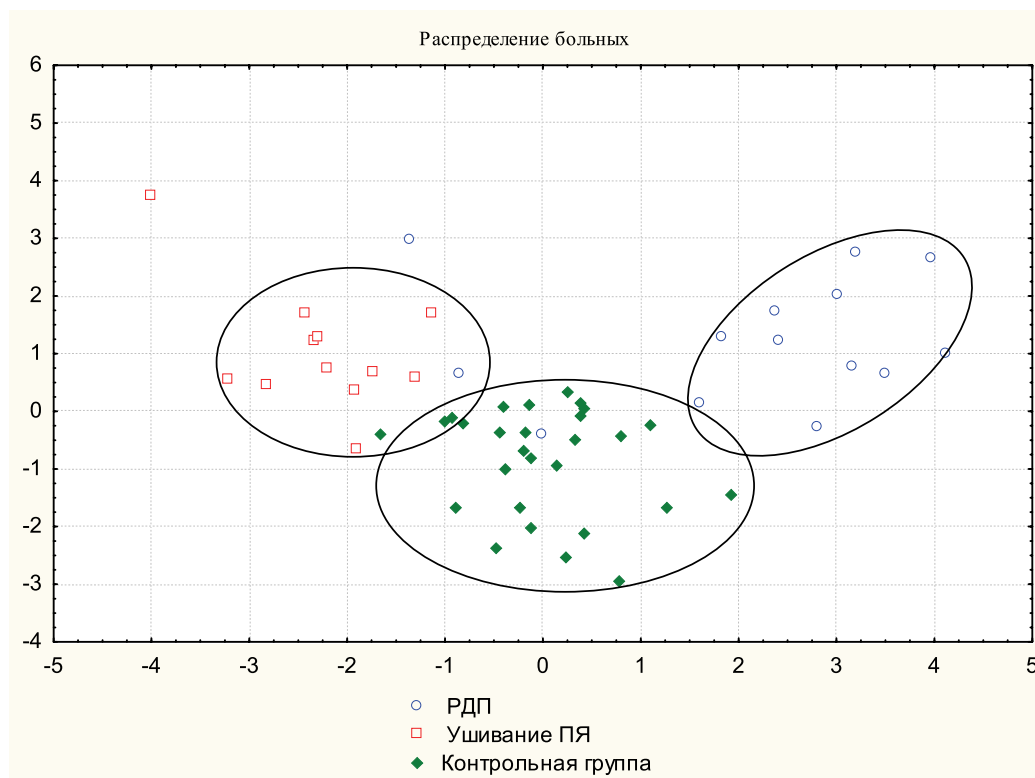

Рис. 4. Распределение больных с ПЯ ДПК после ушивания ПЯ и РДП и лиц контрольной группы по показателям ПЭГЭГ на основании дискриминантного анализа

Таблица 5. Наблюдаемое и предсказанное по данным ПЭГЭГ распределение здоровых лиц и больных с ПЯ ДПК после ушивания ПЯ и РДП

Матрица переклассификации					
Наблюдаемое распределение		Предсказанное распределение			
Группы пациентов		Группы пациентов			% правильной классификации
		Контрольная группа	После ушивания ПЯ ДПК	После РДП	
Контрольная группа	n=28	28	0	0	100
После ушивания ПЯ ДПК	n=26	2	24	0	91,6
После РДП	n=38	6	2	30	78,5
Всего	n=92	92,5	30	26	92,5

развитием атонии желудка после изолированной РДП и атонии культи желудка после его резекции.

Данные о состоянии моторной функции желудка у больных с ПДС после селективной проксимальной ваготомии (СПВ) в сочетании с дренирующими операциями носят разноречивый характер [5,8,12]. Сообщения об электрофизиологической оценке желудка методом ПЭГЭГ после РДП в сочетании СПВ в литературе отсутствуют.

Системный анализ показателей ПЭГЭГ больных 3 группы после РДП в сочетании с СПВ показал что, у больных с гипермоторным типом субкомпенсированного ПДС отмечено статистически значимое снижение стимулированной ЭА и перистальтической активности желудка, что по-нашему мнению было обусловлено денервацией желудка. При этом базальные значения ЭА желудка соответствовали дооперационному уровню, что указывало на отсутствие влияния на неё СПВ. У больных данной группы в послеоперационном периоде отсутствовали признаки послеоперационного гастростаза и, по данным комплексного обследования, уже через 2 недели после операции отмечалась нормализация размеров и моторики желудка.

У больных с гипомоторным типом субкомпенсированного ПДС, напротив, было отмечено снижение базальной ЭА желудка стимулированной ЭА и перистальтической активности желудка с ещё большим их снижением после пищевой стимуляции. Снижение более высоких, чем у пациентов с гипермоторным типом ПДС уровня базальной ЭА желудка мы связываем с восстановлением пассажа желудочного содержимого после РДП. В этой группе больных имелись клинические, рентгенологические и электрофизиологические признаки послеоперационного гастростаза с восстановлением размеров и МЭФ желудка только через 6–7 месяцев после операции.

Выявленные различия показателей ПЭГЭГ у больных гипер- и гипомоторным типом субкомпенсированного ПДС после РМД+СПВ были так же проверены методом дискриминантного анализа.

В созданную модель послеоперационных моторно-эвакуаторных нарушений вошло 13 показателей ПЭГЭГ. Статистически значимыми оказались базальный и стимулированный P_i желудка, базальный P_i тощей кишки, базальный $P_i/P_{(i+1)}$ тощая/подвздошная кишка, базальный Критм желудка и стимулированный Критм подвздошной кишки.

В результате анализа было выявлено, что около 30% больных обеих групп после РДП+СПВ не имели достоверных отличий по показателям ПЭГЭГ от контрольной группы что позволило их классифицировать как здоровых (рисунок 5).

У 71,4% больных с субкомпенсированным ПДС по гипермоторному типу и 70,0% больных с субкомпенсированным ПДС по гипомоторному типу после операции имелись значимые различия электрофизиологических показателей с классификацией их в разные группы. Все пациенты контрольной группы были классифицированы правильно (100%).

Общий процент правильной классификации наблюдений в соответствующие группы составил 86,5% (таблица 6).

Таким образом, системный анализ показателей ПЭГЭГ подтвердил наличие достоверных различий в характере и продолжительности компенсации послеоперационных моторно-эвакуаторных нарушений у пациентов с гипермоторным и гипомоторным типом субкомпенсированного ПДС после РДП в сочетании с СПВ.

Выводы

Системный подход к анализу показателей ПЭГЭГ с использованием МмСА позволил выявить изменения моторики ЖКТ у больных с ЯБ, осложнённой кровотечением, в зависимости от локализации язвы, с наибольшими её изменениями у больных с дуоденальной локализацией язвы.

Применение МмСА показателей ПЭГЭГ у больных с ЯБ, осложнённой субкомпенсированным ПДС, позволило выявить неоднородные по характеру моторно-эвакуаторных нарушений группы больных с наличием переходных типов от компенсации моторики желудка (гипермоторный тип) к её декомпенсации (гипомоторный тип).

Дискриминантным методом и методом многофакторной логистической регрессии подтверждено, что сохранение язвы ДПК, сочетанных язвенных осложнений, перидуоденальных рубцовых сращений и деформация пилоро-дуоденальной зоны после ушивания ПЯ ДПК приводит к моторно-эвакуаторным нарушениям, соответствующим субкомпенсированному ПДС, а их устранение и

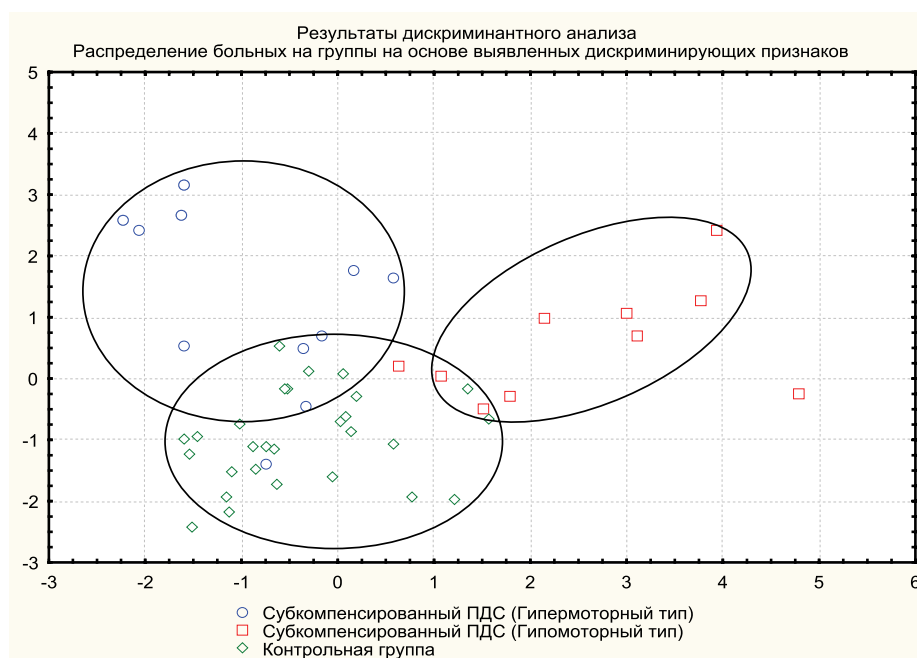

Рис. 5. Распределение больных с различными типами субкомпенсированного ПДС после РДП+СПВ по показателям ПЭГЭГ

Таблица 6. Результаты дискриминантного анализа показателей ПЭГЭГ у больных после РДП+СПВ

Матрица переклассификации					
Наблюдаемое распределение		Предсказанное распределение			
Группы пациентов		Группы пациентов			
		Субкомпенсированный ПДС		Контрольная группа	% правильной классификации
		Гипермоторный тип	Гипомоторный тип		
Субкомпенсированный ПДС	Гипермоторный тип	10	0	4	71,4
	Гипомоторный тип	0	7	3	70,0
Контрольная группа		0	0	28	100
Всего		10	7	35	86,5

пластическое восстановление ДПК при РДП восстанавливает моторно-эвакуаторную функцию желудка.

Системный подход к анализу данных ПЭГЭГ позволил выявить и подтвердить зависимость моторики желудка у больных с ЯБ, осложнённой субкомпенсированным ПДС после РДП в сочетании с СПВ от её дооперационного состояния (гипермоторный и гипомоторный тип).

У больных с субкомпенсированным ПДС по гипермоторному типу отмечено снижение стимулированной электрической и перистальтической активности желудка с сохранением его базальной ЭА на дооперационном уровне, что сопровождалось ранним (до 2-х недель) восстановлением МЭФ желудка.

У больных с гипомоторным типом субкомпенсированного ПДС выявлено послеоперационное снижение базальной и стимулированной электрической и перистальтической активности желудка с признаками послеоперационного гастростаза и длительным (до 6–7 месяцев) восстановлением МЭФ желудка.

Системный подход в оценке данных ПЭГЭГ у больных с осложнённой ЯБ повысил её диагностическую значимость, позволил создать диагностические модели моторно-эвакуаторных нарушений для каждого из этих осложнений и оценить их прогностическую точность. Учёт возрастных особенностей значений показателей ПЭГЭГ повысил её диагностическую ценность.

Литература:

1. Ермолаев И.А. Сравнительные результаты различных видов оперативного лечения при осложненной дуоденальной язве (показания, методы, осложнения, ближайшие и отдаленные результаты): автореф. дис. . канд. мед. наук. — Санкт-Петербург, 2005. — 24с.

2. Использование накожной электрогастрографии для оценки состояния желудочно-кишечного тракта/ Ворновицкий Е.Г., Фельдштейн И.В./ Ворновицкий Е.Г., Фельдштейн И.В.// Бюллетень экспериментальной биологии и медицины. — 1998. — Том 126. — №11. С.597–600.
3. Майстренко Н.А., Мовчан К.Н. Хирургическое лечение язвы двенадцатиперстной кишки. — СПб.: Гиппократ, 2000. — 360 с.
4. Нотова О.Л. Оценка моторной деятельности желудка и различных отделов кишечника по данным периферической полиэлектрографии: Дис.канд.мед.наук.-М., 1987.-271 С.
5. Оноприев В.И. Новые концепции, тактика и технологии хирургического лечения осложнённых дуоденальных язв // Вестник хирургической гастроэнтерологии. — 2006. — №1. — С. 11–16
6. Панцырев Ю.М., Гринберг А.А. Ваготомия при осложнённых дуоденальных язвах. — М.: Медицина, 1979. — 159 с.
7. Периферическая электрогастроэнтерография в диагностике нарушений моторно-эвакуаторной функции желудочно-кишечного тракта/Ступин В.А., Смирнова Г.О., Баглаенко М.В., Силуянов СВ. // Лечащий врач. — 2005. — №2. — С 60–62.
8. Рудик А.А. Сравнительные результаты различных видов оперативного лечения при осложнённой дуоденальной язве [Текст]: дис. ... д-ра мед. наук / А.А. Рудик. — Хабаровск, 2001. — 331 с.
9. Синченко Г.И. Курыгин А.А. Сочетанные осложнения язвы двенадцатиперстной кишки — СПб: Фолиант, 2007.-192с.
10. Смирнова Г.О. Периферическая электрогастроэнтерография в клинической практике. — Пособие для врачей / под ред. проф. В.А. Ступина. — М.: ИД «Медпрактика-М». — 2009. — 20 С.
11. Теоретические предпосылки и экспериментальное обоснование использования электрогастроэнтерографии / Н.С. Тропская, В.А. Васильев, Т.С. Попова // Российский журнал гастроэнтерологии, гепатологии, колопроктологии. — 2005. — №5. — С. 82–87.
12. Kennedy, T. Duodenoplasty with Proximal gastric vagotomy / T. Kennedy // Ann. roy. Coll. Surg. Engl. — 1976. — Vol. 58. — P. 144–146.

Состав воспалительного инфильтрата в слизистой оболочке желудка и генетический полиморфизм цитокинов при раке желудка кишечного типа

Новиков Д.Г., аспирант
Омская государственная медицинская академия

В настоящее время доказана ассоциация рака желудка кишечного типа с *Helicobacter pylori*-инфекцией. Наличие этой ассоциации обусловлено развитием хронического гастрита в ответ на колонизацию слизистой оболочки желудка (СОЖ) *H.pylori* [1]. Длительная персистенция клеток воспалительного инфильтрата, наблюдающаяся при хроническом *H.pylori*-ассоциированном гастрите, оказывает повреждающее воздействие на эпителиоциты СОЖ, отражением чего служит появление в СОЖ атрофических изменений. Дальнейшее повреждение генома эпителиоцитов приводит к возникновению в СОЖ, наряду с атрофическими изменениями, дисплазии/неоплазии, а затем и рака желудка кишечного типа [1, 2]. Поэтому важное значение приобретает не только оценка атрофических изменений СОЖ и выраженности воспаления, но и состава воспалительного инфильтрата, который на сегодняшний день недостаточно исследован. Уровень воспалительного ответа в значительной степени определяется полиморфизмом генов цитокинов [3]. Носительство полиморфных аллелей генов цитокинов определяет риск развития рака желудка кишечного типа, при этом он зна-

чительно варьирует в различных исследуемых популяциях [4].

Таким образом, результаты исследования особенностей воспалительной реакции в слизистой оболочке желудка, в дальнейшем могут позволить оценить индивидуальный риск развития рака желудка кишечного типа у обследуемого пациента.

Цель исследования: Определить особенности состава воспалительного инфильтрата слизистой оболочки желудка и полиморфизма генов цитокинов, регулирующих воспаление, для оценки факторов риска рака желудка кишечного типа.

Материалы и методы. Объектами исследования были фрагменты слизистой оболочки желудка и венозная кровь 82 больных раком желудка кишечного типа, находившихся на лечении в Омском клиническом онкологическом диспансере.

Морфологическому исследованию подвергались фрагменты слизистой оболочки резецированных желудков, забранные из 5 точек: большой и малой кривизны антрального отдела и тела желудка и угла желудка. Отдельно

производился забор фрагментов ткани опухоли. Морфологическая оценка производилась в соответствии с Российским пересмотром классификации хронического гастрита OLGA.

Иммуногистохимическое исследование выполняли на парафиновых срезах. Демаскировка антигенов осуществлялась в цитратном буфере (pH=6,0) при кипячении в водяной бане на протяжении 1 часа. Использовались первичные мышиные моноклональные антитела CD4, CD8, CD20, CD68 производимые «ДАКО» и система визуализации «Histofine». Ядра докрашивались гематоксилином Майера. Подсчет проводился на 1000 клеток, вычислялось процентное их соотношение.

При помощи метода полимеразной цепной реакции в аллель-специфической и ПДРФ-модификациях определялось носительство полиморфных аллелей генов IL-1 β C+3953T (rs1143634) и C-511T (rs16944), TNF- α G-308A (rs1800629), IL-10 G-1082A (rs1800896) и переменное число tandemных повторов в интроне 2 гена IL-1RN. ПЦР проводилась с использованием коммерческих наборов реагентов «SNP-экспресс», производимых НПФ «Литех» и ИХФБМ СО РАН. Этапы амплификации ДНК выполнялись в соответствии с требованиями, указываемыми производителем. Детекцию продуктов амплификации осуществляли в 3% агарозном геле. В исследуемой группе определялось соответствие соотношения частот аллелей равновесию Харди-Вайнберга.

Для статистической оценки полученных результатов вычислялись U-критерий Манна-Уитни и критерий Краскелла-Уоллиса (H). Вычисления и построение диаграмм проводились с помощью пакета статистических программ Statistica 6.0 и Microsoft Excel 2007.

Результаты и обсуждение

Плотность мононуклеарной инфильтрации варьировала в пределах от умеренной до выраженной. При оценке состава мононуклеарного воспалительного инфильтрата было выявлено преобладание CD4+ Т-лимфоцитов, диффузно инфильтрировавших собственную пластинку СОЖ, доля которых составила в антруме $44,1 \pm 8,8\%$ и $35,6 \pm 3,2\%$ в теле желудка. С несколько меньшей частотой встречались CD8+ Т-лимфоциты ($21,5 \pm 6,1\%$ и $16,2 \pm 2,2\%$ в антральном отделе и теле желудка, соответственно). CD20+ В-лимфоциты локализовались в виде скоплений, вне этих скоплений их плотность была низка, их доля составила в антральном отделе $6,3 \pm 1,1\%$ и $4,2 \pm 1,8\%$ в теле желудка. CD68+ макрофаги составили $28,1 \pm 4,3\%$ и $22,3 \pm 6,7\%$ в антральном отделе и теле желудка, соответственно, от общего числа мононуклеарных клеток. При оценке состава воспалительного инфильтрата у больных с различными показателями стадии и степени хронического гастрита было выявлено, что доля CD20-позитивных клеток в собственной пластинке слизистой оболочки коррелирует с градацией воспаления в антральном отделе и теле желудка у больных раком же-

лудка кишечного типа ($H=14,8$; $p<0,05$). Рядом авторов было показано, что количество CD20-позитивных В-лимфоцитов в собственной пластинке СОЖ ассоциировано с H.pylori-инфекцией и коррелирует с выраженностью морфологических проявлений гастрита у детей, значительно снижаясь при эрадикации инфекта [8, 9]. По-видимому, увеличение доли CD20-позитивных клеток, формирующих скопления, при более выраженном воспалении в собственной пластинке СОЖ у больных раком желудка кишечного типа может указывать на длительность течения воспалительной реакции имеющей место также и после возможной спонтанной эрадикации инфекта. Возможность сохранения воспалительного инфильтрата после эрадикации H.pylori показана на примере феномена эксхеликобактерного гастрита [10].

Кроме того, было обнаружено, что в участках собственной пластинки слизистой оболочки желудка, граничащих с зоной опухолевого роста, наблюдается более выраженная инфильтрация CD8- и CD68-позитивными клетками, чем в антральном отделе и теле желудка ($U=5,5$; $p<0,05$ и $U=43,0$; $p<0,05$, соответственно). Инфильтрация собственной пластинки слизистой оболочки желудка CD8- и CD68-позитивными клетками, вероятно, является морфологическим проявлением неспецифического иммунного ответа и ответа Th-1 типа, возникающего в ответ на развитие опухоли. Увеличение количества цитотоксических лимфоцитов в зоне опухоли при раке желудка кишечного типа показано J. Chen и соавторами [11]. Полученные ими результаты указывают на корреляцию между долей CD8+ клеток и характеристиками опухоли по градации TNM [11]. Отсутствие подобной корреляции в нашем исследовании может объясняться оценкой характеристик воспалительного инфильтрата в пограничном с опухолью участке СОЖ, а не в зоне опухолевого роста. В данном случае отсутствует прямая зависимость между этими показателями и увеличение доли CD8+ клеток может рассматриваться скорее как феномен, указывающий на близкую локализацию опухоли.

При исследовании генетического полиморфизма было выявлено, что распределение частот аллелей в исследуемой и контрольной группах соответствует равновесию Харди-Вайнберга. Поиск ассоциации между морфологическими характеристиками изменений в СОЖ и носительством исследуемых полиморфных аллелей генов цитокинов и генотипов с этими аллелями показал, что наличие рака желудка кишечного типа при атрофических изменениях слизистой оболочки желудка, соответствующих стадии II хронического гастрита ассоциировано с носительством генотипа — 1082A/A гена IL-10 ($U=7,5$; $p<0,05$). Носительство генотипа — 1082A/A гена IL-10 связано с меньшей экспрессией белка [12, 13]. Учитывая биологические эффекты IL-10, заключающиеся в подавлении воспалительного ответа, протекающего по Th-1 типу [14], меньшая продукция IL-10, по-видимому, обуславливает более выраженное повреждающее действие, оказываемое клетками воспалительного инфильтрата на

СОЖ, что способствует, вероятно, быстрому протеканию каскада канцерогенеза в СОЖ и появление аденокарциномы уже на стадии II атрофических изменений СОЖ.

На усиление ответа иммунного ответа, протекающего по Th-1 типу указывает тот факт, что доля CD8-позитивных клеток в собственной пластинке слизистой оболочки антрального отдела желудка больных раком желудка кишечного типа достоверно выше у носителей гетерозиготного (-1082 G/A) и гомозиготного (-1082 A/A) генотипов по полиморфному аллелю G-1082A гена IL-10, в сравнении с носителями гомозиготного по нормальному аллелю генотипов ($U=5,0$; $p<0,05$) (рис.2)

Показатели степени хронического атрофического гастрита и мононуклеарной инфильтрации СОЖ в антральном отделе и теле желудка у больных раком желудка кишечного типа коррелируют с количеством полиморфных аллелей генов цитокинов у данного больного. Данная ассоциация, вероятно, обусловлена более выраженным провоспалительным ответом и менее выраженным его подавлением у носителей исследуемых полиморфных аллелей.

Таким образом, состав мононуклеарного воспалительного инфильтрата указывает на сочетание в СОЖ при раке желудка кишечного типа двух типов иммун-

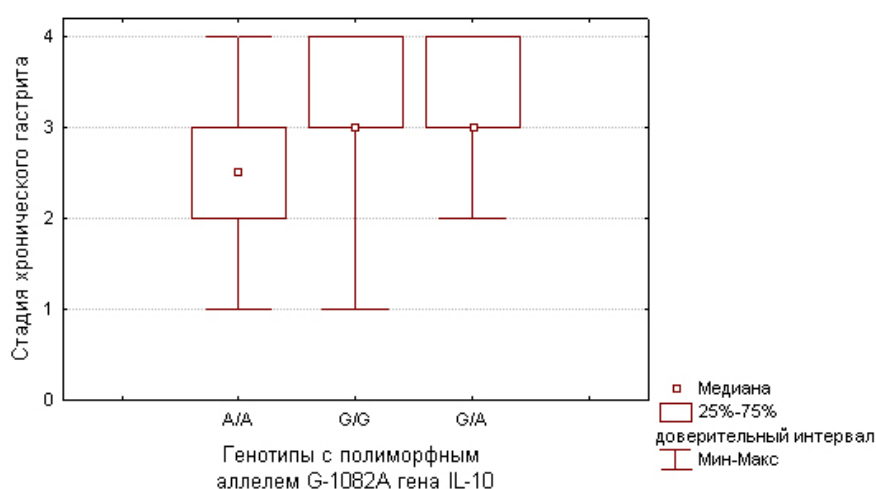

Рис. 1. Распределение стадии хронического гастрита у больных раком желудка кишечного типа в зависимости от носительства генотипов с полиморфным алелем G-1082A гена IL-10

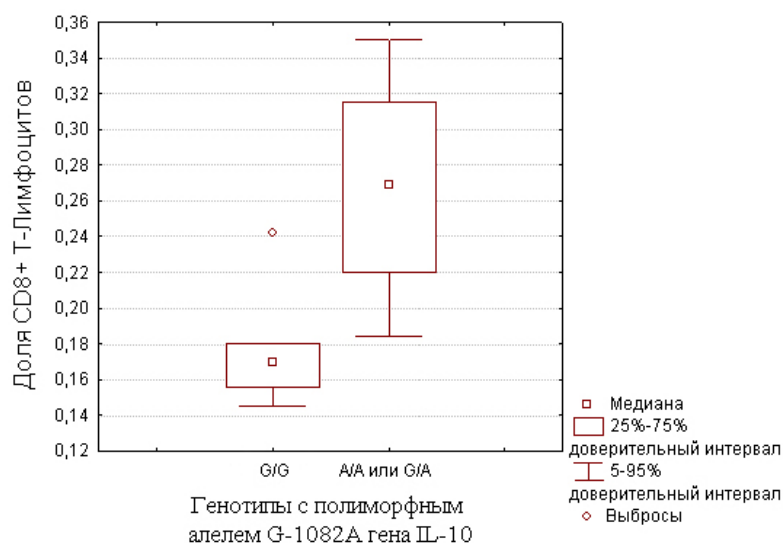

Рис. 2. Выраженность инфильтрации СОЖ CD8-позитивными клетками у носителей генотипов с полиморфным алелем G-1082A гена IL-10

ного ответа: иммунного ответа протекающего по Th-2 типу, обусловленного инфильтрацией СОЖ CD20+ В-лимфоцитами и служащего отражением процесса хронического воспаления и иммунного ответа протекающего по Th-1 типу, являющегося как компонентом хронического воспаления, так и реакцией на опухолевый процесс,

однако распространяющийся в СОЖ за пределы опухоли на пограничные с ней участки. Для пограничных с зоной опухолевого роста участков СОЖ характерна активация и неспецифического иммунного ответа. Кроме того усиление воспалительного ответа по Th-1 связано с носительством полиморфного аллеля — 1082 А гена IL-10.

Литература:

1. Кононов А.В. Воспаление как основа *Helicobacter pylori* — ассоциированных болезней / А.В. Кононов // Архив патологии. — 2006. — №5. — С. 3–10.
2. Konturek P.C. *Helicobacter pylori* infection in gastric cancerogenesis / P.C. Konturek, S.J. Konturek, T. Brzozowski // Journal of physiology and pharmacology. — 2009. — Vol. 60, № 3. — P. 3–21.
3. Shanks A.M. *Helicobacter pylori* infection, host genetics and gastric cancer / A.M. Shanks, E.M. El-Omar // Journal of digestive diseases. — 2009. — Vol.10, №3. — P.157–164.
4. Interleukin-1beta and interleukin-1 receptor antagonist gene polymorphisms and gastric cancer: a meta-analysis. / M.C. Camargo [et al.] // Cancer epidemiology, biomarkers & prevention: a publication of the American Association for Cancer Research, cosponsored by the American Society of Preventive Oncology. — 2006. — Vol.15, №9. — P.1674–1687.
5. Assessment of Atrophic Gastritis Using the OLGA System / K. Satoh [et al.] // *Helicobacter*. — 2008. — Vol. 13, №3. — P. 225–229.
6. OLGA Gastritis Staging in Young Adults and Country-Specific Gastric Cancer Risk / M. Rugge [et al.] // Int. J. Surg. Pathol. — 2008. — Vol. 16, № 2. — P. 150–154.
7. The staging of gastritis with the OLGA system by using intestinal metaplasia as an accurate alternative for atrophic gastritis / L.G. Capelle [et al.] // Gastrointest. Endosc. — 2010. — Vol. 71, №7. — P. 1150–1158.
8. *Helicobacter pylori* increases expression of proapoptotic markers Fas and FasL on CD4 lymphocytes in children / A. Kotłowska-Kmieć [et al.] // Acta biochimica Polonica. — 2009. — Vol. 56, № 3. — P.433–438.
9. В (CD20+) лимфоциты в антральном мукозном слое желудка детей с *Helicobacter pylori* инфекцией / E. Maciorkowska [et al.] // Roczniki Akademii Medycznej w Białymstoku. — 2004. — Vol. 49 № 1. P. 222–224.
10. Ливзан М.А. Экс-хеликобактерный гастрит: неологизм или клиническая реальность? / М.А. Ливзан, А.В. Кононов, С.И. Мозговой // Экспериментальная и клиническая гастроэнтерология. — 2004. — № 5. — С. 55–59.
11. Intratumoral expression of il-17 and its prognostic role in gastric adenocarcinoma patients / Ju-gao Chen // International Journal of Biological Sciences. — 2011. — Vol. 7, № 1. P. 53–60.
12. Smith A.J. Cytokine and cytokine receptor gene polymorphisms and their functionality / A.J. Smith, S.E. Humphries // Cytokine & growth factor reviews. — 2009. — Vol.20, №1. — P.43–59.
13. Interindividual variations in constitutive interleukin-10 messenger RNA and protein levels and their association with genetic polymorphisms / A. Suarez [et al.] // Transplantation. — 2003. — Vol. 75, № 5. — P. 711–717.
14. IL10 interleukin 10 [Homo sapiens] [Электронный ресурс]. — 2011. — Режим доступа: <http://www.ncbi.nlm.nih.gov/gene/3586>.

Изменения в представлении о патогенезе Rh-негативных миелопролиферативных заболеваний

Соколова Н.А., кандидат медицинских наук, ассистент;
Савина М.И., доктор биологических наук, профессор
Российский государственный медицинский университет Росздрава (г. Москва)

Введение

Хронические миелопролиферативные заболевания (ХМПЗ) — это группа клональных гематологических миелоидных расстройств, которые сопровождаются опухолевой трансформацией полипотентной стволовой клетки с последующей пролиферацией миелоидных

клеток, длительно сохраняющих способность к дифференцировке.

Все заболевания этой группы обладают сходной клинико-гематологической картиной: практически бессимптомное начало; затем наблюдается увеличение селезенки, нарастают симптомы интоксикации; пролиферация всех трех ростков кроветворения ведет к гиперклеточности

костного мозга и лейкоцитозу, эритроцитозу, тромбоцитозу периферической крови, выраженность которых зависит от нозологической формы и стадии ХМПЗ [1].

Самым изученным из ХМПЗ является хронический миелолейкоз (ХМЛ). Открытие специфической мутации — реципрокной транслокации между 9 и 22 хромосомой фактически ознаменовало новую эру в исследовании патогенеза опухолей: начались активные поиски генетических дефектов при самых разных онкологических заболеваниях. Однако долгое время патогенез остальных ХМПЗ оставался загадкой. К Ph-негативным ХМПЗ относят все формы этой группы за исключением ХМЛ. В связи с накоплением новых данных о механизмах развития онкогематологических заболеваний в 2008 году Всемирной организацией здравоохранения (ВОЗ) была принята новая классификация опухолевых заболеваний системы крови [2,3]. Современная классификация (ВОЗ, 2008) миелоидных опухолей выглядит следующим образом (представлен фрагмент):

Миелопролиферативные опухоли:

- 1.1 ХМЛ, BCR-ABL1 (Ph)-позитивный;
- 1.2 истинная полицитемия (ИП);
- 1.3 эссенциальная тромбоцитемия (ЭТ);
- 1.4 первичный миелофиброз (ПМФ);
- 1.5 хронический нейтрофильный лейкоз;
- 1.6 хронический эозинофильный лейкоз неспецифицированный;
- 1.7 болезнь тучных клеток;
- 1.8 миелопролиферативные опухоли, неклассифицируемые.

Миелоидные и лимфоидные опухоли с эозинофилией и нарушениями (поломками) в следующих генах: PDGFRA, PDGFRB и FGFR1:

- 2.1 миелоидные опухоли, ассоциированные с реанжировкой гена PDGFRA;
- 2.2 миелоидные опухоли, ассоциированные с реанжировкой гена PDGFRB;
- 2.3 миелоидные опухоли, ассоциированные с реанжировкой гена FGFR1;

Миелодиспластический синдром/миелопролиферативная опухоль:

- 3.1 хронический миеломоноцитарный лейкоз
- 3.2 ювенильный миеломоноцитарный лейкоз
- 3.3 атипичный хронический миелолейкоз, BCR-ABL-негативный
- 3.4 миелодиспластический синдром/миелопролиферативная опухоль неклассифицируемые
4. Миелодиспластический синдром (МДС)
5. Острый миелобластный лейкоз

Современные представления о патогенезе истинной полицитемии, эссенциальной тромбоцитемии и первичного миелофиброза

Более 50 лет со времени выделения в 1951 г.W. Dameshek группы ХМПЗ молекулярно-генетические из-

менения, лежащие в основе Ph-негативных ХМПЗ, оставались неизвестными. Только в 2005 году в результате усилий нескольких групп исследователей была открыта точечная мутация (Jak2V617F) в гене Янус-киназы-2 (Jak-2) [4,5,6].

Семейство Jak-киназ включает в себя 4 фермента: Jak1, Jak2, Jak3, Tyk2, имеющих сходное строение.

Семь гомологичных участков (JH) фермента включают в себя следующие домены:

1. JH1 — каталитически активный киназный домен;
2. JH2 — энзиматически неактивный псевдокиназный домен, осуществляет функцию ингибирования киназы;
3. SH2 (JH3 и JH4) домен
4. FERM (JH6 и JH7) домен, обеспечивает связывание Jak-киназы и трансмембранных цитокиновых рецепторов и регулирует киназную активность фермента.

Функция Янус-киназ заключается в том, что они являются промежуточным звеном между рецепторами на мембране клетки и сигнальными внутриклеточными молекулами. При взаимодействии с определенными рецепторами их лигандов (эритропоэтина, колониестимулирующих факторов, интерлейкинов и др.) происходит изменение конформации рецепторов таким образом, что снимается ингибирующее воздействие JH2-домена и происходит аутофосфорилирование Янус-киназ [7]. Далее активированная киназа фосфорилирует целый ряд белков (семейство STAT, фосфатидилинозитол-3-киназу АКТ, MAP-киназу), которые передают сигналы, направленные на выживание, активацию пролиферации и дифференцировки клеток-предшественников, к ядру [8].

При появлении соматической мутации, которая заключается в замене гуанина на тимин в положении 1849 экзона 14 на коротком плече хромосомы 9p24, что ведет к замене валина на фенилаланин в кодоне 617 полипептидной цепи Jak2, наблюдается постоянная активация Jak2 вне зависимости от связывания цитокинового рецептора со своим лигандом. Появляется эта мутация в гемопоэтических клетках-предшественниках [1]. Поскольку Jak2 все время фосфорилирует белки сигнальных путей, направленных на пролиферацию и дифференцировку клеток-предшественников, это ведет к увеличению числа клеток всех трех ростков кроветворения, что морфологически проявляется в виде гиперклеточности костного мозга.

При помощи современных молекулярно-генетических методов (аллель-специфическая полимеразная цепная реакция (ПЦР), пиросеквенирование, количественная ПЦР в реальном времени) удалось определить частоту встречаемости мутации Jak2V617F при различных ХМПЗ (см. табл. №1). Кроме данной мутации были обнаружены еще несколько других, обычно в коротком участке экзона 12 гена Jak2, которые нарушают пролиферацию и дифференцировку клеток-предшественников способом, близким к таковому при мутации Jak2V617F. Также были обнаружены мутации гена MPL, который кодирует рецептор к тромбопоэтину. Мутация W515L — замена в гене MPL триптофана на лейцин в положении 515. Му-

тация W515K — замена в гене MPL триптофана на лизин. Обе эти мутации выявляются у 5–11 % пациентов с ПМФ и у 9 % с эссенциальной тромбоцитемией без мутации *Jak2V617F*. При мутации MPL W515L сохраняется цитокинзависимый рост эритроидных колоний, но наблюдается гиперчувствительность к тромбопоэтину в клеточных линиях, что приводит к постоянной активации сигнальных путей JAK-STAT/ERK/Akt [9].

Пока остается неясным, как одна мутация может быть основой для различных вариантов ХМПЗ. В настоящее время нельзя придти к заключению, являются ли ИП, ЭТ, ПМФ различными заболеваниями с разными признаками или же фазами одной болезни.

Существует гипотеза, что постепенное накопление мутации *Jak2V617F* (увеличение аллельной нагрузки) обуславливает переход от одного ХМПЗ к другому: при низком уровне мутантного аллеля (основная масса клеток гетерозиготны по *Jak2V617F*) развивается ЭТ; по мере нарастания числа клеток с мутацией, в том числе гомозиготных по ней, развивается ИП, а затем и ПМФ [10]. Однако наличие вариантов ИП, а уж тем более ПМФ и ЭТ, без мутации *Jak2V617F* ставит под сомнение эту гипотезу. С другой стороны существует ряд опытов на мышах: у трансгенных мышей при наличии низкого уровня экспрессии гена *Jak2V617F*, наблюдалось развитие заболевания, напоминающего ЭТ (тромбоцитоз, умеренный лейкоцитоз, без эритроцитоза); в другом эксперименте были получены мыши с повышенной экспрессией мутантного гена и у них развивалось заболевание сходное с ИП [11]. Вероятнее всего существует еще какое-то генетическое нарушение, лежащее в основе этих заболеваний. Предполагается, что существует клон клеток с пре-*Jak2* мутацией, на основе которого возникает субклон клеток с *Jak2*-мутацией [11].

Безусловно, открытие выше указанных генетических нарушений при ХМПЗ, значительно улучшило наше понимание их развития, но осталось еще много неясного.

Современные представления о патогенезе редко встречающихся ХМПЗ

Также в последние годы произошли значительные изменения в нашем понимании развития других Ph-негативных ХМПЗ (кроме ИП, ЭТ, ПМФ), в том числе тех, которые сопровождаются эозинофилией. Механизмы,

лежащие в их основе, сходны с таковыми при ХМЛ в том, что образуется мутантная форма белка с постоянной тирозинкиназной активностью. В настоящее время довольно хорошо изучены мутации с участием генов, кодирующих рецепторы к тромбоцитарному фактору роста (PDGFR α и PDGFR β). PDGFR α и PDGFR β содержат тирозинкиназный домен и в норме активируются под действием тромбоцитарного фактора роста.

В 2003 году J. Cools с соавторами выделили новый химерный ген у значительной части больных с гиперэозинофильным синдромом [12]. Химерный ген формируется путем слияния гена PDGFRA и *Fip1*-подобного гена (*Fip1L1*) в результате интерстициальной делеции на длинном плече 4 хромосомы. Разрывы в области гена PDGFRA обычно локализуются на очень небольшом участке и всегда строго в экзоне 12, а в гене *Fip1L1* на довольно протяженном участке с 7-ого по 10-ый интрон. Новый химерный ген *Fip1L1/PDGFR α* кодирует образование химерного белка *Fip1L1/PDGFR α* , обладающего постоянной тирозинкиназной активностью. Образование гена *Fip1L1/PDGFR α* возможно при транслокации t(2;4)(p24;q12). Таким образом, была доказана клоальность гиперэозинофильного синдрома у части больных, что вызвало пересмотр диагноза и данная патология получила название согласно классификации ВОЗ 2008 года миелоидной опухоли, ассоциированной с реанжировкой гена PDGFRA. Почему наблюдается только эозинофилия при данном типе мутации до конца неясно. Предполагают, что именно эозинофилы наиболее чувствительны к пролиферативному сигналу белка *Fip1L1/PDGFR α* . Выделение больных с данным вариантом мутации важно с точки зрения их терапии, поскольку химерный белок *Fip1L1/PDGFR α* блокируется иматинибом (ингибитор тирозинкиназ), и есть высокая вероятность достижения пациентами стойкой ремиссии [13].

В настоящее время имеется описание более 15 различных слитных генов с участием в их образовании гена PDGFRB. Наиболее часто происходят транслокации с участием локуса 33 хромосомы 5. На хромосоме 5 располагаются гены, кодирующие цитокины, регулирующие эозинофилопоэз: интерлейкины 3, 5, гранулоцитарно-макрофагальный колониестимулирующий фактор. Наиболее изученным является химерный ген ETV6-PDGFRB, образующийся в результате транслокации t(5;12)(q33;p13),

Таблица 1 [9]

Генетическая аномалия	нозоология	Частота, %
<i>Jak2V617F</i>	эритремия	>95
	Эссенциальная тромбоцитемия	50–70
	Первичный миелофиброз	40–50
<i>Jak2</i> экзон 12	эритремия	≈2
MPL W515L/K MPL – ген тромбопоэтинового рецептора	Первичный миелофиброз	≈8

который кодирует химерный белок, обладающий тирозинкиназной активностью. Активность белка ETV6-PDGFR β подавляется иматинибом, поэтому на сегодняшний день терапия первой линии для таких больных — это ингибиторы тирозинкиназ.

В 1992 году было описано ХМПЗ с эозинофилией и фиксированной хромосомной поломкой в локусе 8p11–12 с вовлечением гена рецептора 1 фактора роста фибробластов (FGFR1), который располагается именно на хромосоме 8 в локусах p11 и p12 и имеет 19 экзонов [14]. Партнерами гена FGFR1 при транслокациях могут быть различные гены, уже описано 7 генов, которые при слиянии с FGFR1 кодируют химерные белки с тирозинкиназной активностью. Наиболее изученной и часто встречающейся является транслокация t(8;13)(p11–12;q11–12) в результате которой образуется слитный ген ZNF198-FGFR1, кодирующий белок с постоянной тирозинкиназной активностью, вызывающей пролиферацию клеток через различные сигнальные пути, но главным образом через STAT5. Миелоидные опухоли, ассоциированные с реанжировкой гена FGFR1, плохо поддаются терапии в настоящее время: химерные белки с участием гена FGFR1 устойчивы к известным ингибиторам тирозинкиназ. При лечении используют полихимиотерапию, с помощью ко-

торой удается получить только частичный ответ или стабилизацию заболевания. Больные погибают в среднем через 1,5 года от начала заболевания. Однако открытие мутации, лежащей в основе данного заболевания, позволяет вести активный поиск таргетной терапии — ингибитора белка, кодируемого геном ZNF198-FGFR1 [13].

Заключение

Открытия последних 10 лет привели к пересмотру классификации ХМПЗ, их диагностики и лечения. Если раньше диагностика Ph-негативных ХМПЗ во многом строилась на данных морфологического исследования биоптата костного мозга, то в настоящее время главенствующее положение заняли молекулярно-генетические методы. С 2008 года в основные диагностические критерии ИП, ЭТ, ПМФ был включен такой критерий как наличие мутации Jak2V617F. Для установления варианта клональных эозинофилий обязательно исследование реанжировок в области генов PDGFRA, PDGFRB и FGFR1. Возникает необходимость внедрения соответствующих лабораторных методов (ПЦР в реальном времени, FISH) в крупных клинико-диагностических центрах для правильной диагностики отдельных нозологических форм ХМПЗ.

Литература:

1. Гематология / Рукавицын О.А., Павлов А.Д., Морщакова Е.Ф., Демихов В.Г. и др.; рец. Ключев В.М., Павлова И.П.; Под ред. Рукавицына О.А. — СПб.: ООО «Д.П.», 2007. — 912 с.
2. James W. Vardiman, Juergen Thiele, Daniel A. Arber, Richard D. Brunning, Michael J. Borowitz, Anna Porwit, Nancy Lee Harris, Michelle M. Le Beau, Eva Hellstrom-Lindberg, Ayalew Tefferi, and Clara D. Bloomfield The 2008 revision of the World Health Organization (WHO) classification of myeloid neoplasms and acute leukemia: rationale and important changes // Blood. 2009.V. 114. №5. p. 937–951.
3. Ayalew Tefferi, Juergen Thiele, and James W. Vardiman The 2008 World Health Organization Classification System for Myeloproliferative Neoplasms // Cancer. 2009. V.115. №9. p. 3842–3847.
4. James C., Ugo V., Le Couedic J.P., et al. A unique clonal JAK2 mutation leading to constitutive signalling causes polycythaemia vera. // Nature. 2005.V. 434. p. 1144–1148.
5. Baxter E.J., Scott L.M., Campbell P.J., et al. Acquired mutation of the tyrosine kinase JAK2 in human myeloproliferative disorders. // Lancet. 2005. V.365. p. 1054–1061.
6. Levine RL, Wadleigh M, Cools J, et al. Activating mutation in the tyrosine kinase JAK2 in polycythemia vera, essential thrombocythemia, and myeloid metaplasia with myelofibrosis // Cancer Cell. 2005 V.7. p. 387–397.
7. Saharinen P, Silvennoinen O. The pseudokinase domain is required for suppression of basal activity of Jak2 and Jak3 tyrosine kinases and for cytokine-inducible activation of signal transduction // J Biol Chem. 2002. V. 277. p. 47954–47963.
8. Parganas E, Wang D, Stravopodis D, et al. Jak2 is essential for signaling through a variety of cytokine receptors. // Cell. 1998. V.93. p. 385–395.
9. Соколова М.А. Современные представления о «классических» Ph-негативных хронических миелопролиферативных заболеваниях // Клиническая онкогематология. 2010. Т. 3. №3. с. 235–242.
10. Passamonti F, Rumi E. Clinical relevance of JAK2 (V617F) mutant allele burden. // Haematologica. 2009 V.94. №1. p. 7–10.
11. Ross L, Levine D, Gary Gilliland Myeloproliferative disorders // Blood. 2008.V. 112. № 6. p. 2190–2198
12. Cools J., Deangelo D.J., Gotlib J. et al. A tyrosine kinase created by fusion of the PDGFRA and FIP1L1 genes as a therapeutic target of imatinib in idiopathic hypereosinophilic syndrome. // N. Engl. J. Med. 2003. V. 348. p. 1201–1214.
13. Михайлова Н.Б., Афанасьев Б.В. Клональные эозинофилии // Клиническая онкогематология. 2009. Т. 2. №1. с. 1–10.

14. Rao P.N., Cesarman G., Coleman M. et al. Cytogenetic evidence for extramedullary blast crisis with t(8;13)(q11;p11) in chronic myelomonocytic leukemia. // Acta Hematol. 1992. V. 88. p. 201–203.

Факторы риска рака яичников среди монгольских женщин

Тугжсурэн О., акушер-гинеколог; Жав Б., доктор медицинских наук, профессор;

Авирмэд Д., доктор медицинских наук, профессор

Роддом № 1 (г. Улан-Батор, Монголия)

За последние десятилетие в мире наметился неуклонный рост заболеваемости злокачественными опухолями яичников, который по данным долгосрочного прогнозирования, приближается к уровню заболеваемости раком шейки матки. По данным Л.В. Адамян и соавт., 1999, Е.П. Кузнецова, 2001, А.Г. Солопова, 2004, частота опухолей яичников за последние 10 лет увеличилась с 6–12% до 25% от всех опухолей половых органов.

До сих пор проблема диагностики и терапии доброкачественных опухолей и опухолевидных образований не может считаться решённой. Это основная причина поздней диагностики и неудовлетворительных результатов лечения злокачественных опухолей яичников. По данным исследователей (Краевская И.С., Нечаева И.Д.) процент малигнизированных опухолей яичников достаточно высок (51–88%). Они считают, что злокачественные новообразования яичников в 80% случаев развиваются на фоне доброкачественных опухолей.

Ряд других учёных (Селезнева Н.Д., Железнов Б.И.) установили у больных, госпитализированных с диагнозом «Доброкачественные опухоли», устанавливался истинный характер новообразования. Таким образом, можно рассматривать эти поражения как осложнения доброкачественной опухоли яичников. По данным ВОЗ увеличение заболеваемости и смертности от рака яичников наблюдается во многих странах, и в частности в Сингапуре, Японии, Англии, Испании.

В последнее время в нашей стране повышается заболеваемость раком яичников. Рак яичников занимает второе место по частоте заболевания (12:100000). Это связано с отсутствием единого метода дифференциальной диагностики и недостаточным изучением факторов риска, влияющих на доброкачественные опухоли и опухолевидные образования яичников. Поэтому мы стремились определить факторы риска.

Цель: повысить выявляемость яичникового рака.

Задачи:

- Определить сочетание наиболее значимых факторов риска для возникновения злокачественных опухолей яичников
- Составить логистическую таблицу, уточняющая степень риска образования рака яичников

Материал и методы исследования

Настоящая работа выполнена за период с 2006 по 2009 годам в гинекологических отделах 1-ого роддома и Онкологического центра Монголии.

На каждую пациентку нами составлялась карта, включающая эндогенные и экзогенные факторы, такие как: возраст, наступление менархе, характер менструальной функции, особенности генеративной функции (количество родов, возраст первородящих, число аборт, наличие бесплодия, вредные привычки), методы контрацепции.

Мы определили OR и сделали логистическую регрессию злокачественной и доброкачественной опухоли для репродуктивных, семейных, социально-экономических факторов. OR и доверительные интервалы (95% CI) были вычислены, используя корреляцию. Хотя это не показывают в результатах, возраст при диагнозе всегда включался в модель.

Согласно поставленной цели и задачам, всего нами было обследовано 100 больных и 100 относительно здоровых женщин. С учётом окончательно установленного морфологического диагноза все пациентки были разделены на три группы.

Согласно данным таблицы 1, эпителиальная, эндометриодная и дермоидная кисты существенно не отличились по частоте встречаемости (30.0% соответственно). Наиболее многочисленная группа представлена эпителиальными опухолями (80%) среди которых удельный вес серозных цистаденом составил 60.8%, муцинозных 17.6%, тератом 9.8%. Среди злокачественных опухолей папиллярная цистаденокарцинома составляла 48%, а гранулёзноклеточная цистаденокарцинома составляла 13.8%.

Изучение детородной функции (Таблица 2) показало, что не рожавшие детей женщины показали самое высокое OR=1.6 [0.84; 3.3]. Таким образом увеличение количество родов уменьшается частота развития рака яичников. Были маленькие риски, связанные с выкидышем (OR=1.2 [0.52; 2.75]) и с бесплодием (OR=1.5 [0.41; 5.4]). Аборт показал тоже высокое OR=3.35 [0.55; 4.79] по отношению с теми, у кого не было аборта. Наступление первых родов после 30 лет имел существенное влияние (OR=1.68 [0.71; 3.96]).

Были риски, влияющие на формирование рака яичников: позднее менархе (OR=1.3 [1.04; 3.64]), нерегулярный менструальный цикл (OR=0.94 [0.72; 1.23]). Не было никакой взаимосвязи с дисменореей. ($p > 0.05$). Но

Таблица 1. Распределение больных яичниковыми образованиями по гистологической структуре

Гистологическая структура		
Опухолевидные образования, n=20	Доброкачественная опухоль, n=51	Злокачественная опухоль, n=29
Эпителиальная киста n=6 (30.0%)	Серозная цистаденома n=31 (60.8%)	Папиллярная цистаденокарцинома n=14 (48.3%)
Эндометриодная киста n=6 (30.0%)	Муцинозная цистаденома n=9 (17.6%)	Гранулёзоклеточная опухоль n=4 (13.8%)
Дермоидная киста n=6 (30.0%)	Тератома n=5 (9.8%)	Дисгерминома n=3 (10.3%)
Фолликулярная киста n=2 (10.0%)	Фиброма n=3 (5.9%)	Муцинозная аденокарцинома n=1 (3.4%)
	Папиллярная цистаденома n=3 (5.9%)	Недифференцированная карцинома n=1 (3.4%)
		Малодифференцированная карцинома n=3 (10.3%)
		Умереннодифференцированная карцинома n=1 (3.4%)
		Эндометриодная карцинома n=1 (3.4%)
		Пограничная папиллярная цистаденокарцинома n=1 (3.4%)

гипер и гипоменорея показали самое высокое OR=5.9 [0.88; 8.19].

Противозачаточная внутриматочная спираль влияла на рост яичниковых раков (OR=1.5 [1.3; 4.4]), но использование гормона не было никаких рисков.

Мы сделали модель логистической регрессии оценки степени риска развития рака яичников. В модель были включены возраст, роды, выкидыши, аборт, менархе, контрацептивные методы, наследие, вредные привычки, которые имели существенный эффект на риск яичникового рака.

С увеличением возраста риск возникновения яичникового рака увеличился (Таблица 3). Позднее менархе может

увеличить риск возникновения рака (OR=9.7). Наше исследование показало, что развитие рака уменьшается с увеличением числа родов. У нерожавших женщин был риск яичникового рака (OR=26). Присутствие больше 5 абортов увеличили риск в 5 раз ($p < 0.001$). С увеличением чисел абортов увеличивается риск образований яичников. Внутриматочная спираль увеличила возникновение яичникового рака в 3 раза.

Обсуждение

Проблема ранней диагностики опухолей яичников является чрезвычайно актуальной и сложной.

Таблица 2. Генеративная и менструальная функции

Функции		Рак (n=29)	Доброкачественная (n=71)	OR	(95%CI)
Менархе	Раннее	10	56	3.0	(1.55;5.8)*
	Позднее	19	15		
Менструации	Нерегулярные	7	20	2.7	(1.28;5.73)
	Регулярные	22	51		
	Гиперменорея	6	17	1.9	(0.88;8.19)
	Гипоменорея	2	5		
	Дисменорея	3	24	4.4	(1.21;16.1)*
Роды	Нет	43	34	0.5	(0.2;1.22)
	Есть	9	37		
Аборты	Есть	20	30	2.0	(0.55;5.31)*
	Нет	9	41		
Выкидыши	Есть	5	15	1.9	(0.52;4.75)*
	Нет	24	56		
Кесарево/с	Есть	3	2	3.9	(0.63;25.2)*
	Нет	26	69		
Контрацептивы	Гормоны	4	6	0.6	(0.63;3.1)
	Не гормоны	17	34	1.8	(0.23;5.4)
	ВМС	8	31	1.5	(1.3;4.1)*

*Корреляция является существенной на 0.05 уровнях.

Таблица 3. Модель логистической регрессии

Показатели	В	Wald	p	OR	95.0% C.I.	
					Lower	Higher
Возраст	-0.009	0.234	0.629	0.991	0.957	1.027
Менархе	1.782	18.405	0.000	6.942	2.632	13.411
Менс цикл	-0.884	3.193	0.074	0.413	0.157	1.090
Менс боль	-0.257	0.360	0.549	0.773	0.334	1.791
Контрацептивы		11.143	0.011			
Гормоны	1.067	2.204	0.138	2.906	0.711	11.882
Не гормоны	-0.290	0.141	0.707	0.748	0.165	3.391
ВМС	1.199	2.247	0.134	3.317	0.691	15.915
Аборты	0.845	4.802	0.028	2.628	1.093	4.957
Роды	2.024	7.974	0.005	26.56	1.857	30.836
Бесплодие	-0.608	0.806	0.369	0.544	0.144	2.053
Кесарево	-1.285	3.687	0.055	0.277	0.075	1.027
Наследие	-0.147	0.142	0.02	2.363	0.402	1.855
Курение	-0.378	0.605	0.05	1.685	0.265	1.775

Главная работа этого исследования — то, что это — впервые мы определили факторов риска яичникового рака среди монгольских женщин и сделали модель логистической регрессии. Исследование показывает, что репродуктивная и менструальная функция [2], меньшее число родов, пожилые первородящие увеличили риск яичникового рака [4,5].

Наши результаты показали OR и логистическую регрессию относительно репродуктивной и менструальной функции. В этой ситуации позднее менархе и нерегулярный менструальный цикл составлял наименьший OR (1.3 и 1.0). Наши данные соответствовали результатам F. Хайдара (1993) [6].

Наши исследования показали, что у пациента с раком гиперменоррея встречается в 5 раз больше со сравнением с пациентами с доброкачественными опухолями. Это подобно со исследованием В.Н. Серова, Л.И. Кудрявцевой [7]. Меньшее число родов и первые роды после 30 лет увеличили OR. Наши результаты были сходны с

результатами В.О. Шабриной (2008) [8]. Аборты относились к факторам риска (OR=3.35). Полученные данные соответствовали результатам Victoria L Holt (2005) [9].

Серов В.Н. [7] отметил, что частота бесплодия в 1.5 раза чаще наблюдается у пациентов с раком по сравнению с женщинами с доброкачественной опухолью. Оценивая методы контрацепции, мы заметили, что внутриматочная спираль в 1.5 раза больше влияет на возникновение рака. Данные выводы подтверждают исследования В.О. Шабриной (2008) [8].

Заключение

Исследования показывают, что в Монголии среди яичниковых образований многочисленная группа представлена эпителиальными опухолями (80%). Таким образом, используя приведённое число наблюдений можно рассматривать, что факторы, такие как нерожавшие, аборт, бесплодие, гиперменоррея влияли на развитие яичникового рака среди монгольских женщин.

Литература:

1. MOH. Health indicators, 2008
2. Chiaffarino F, Parazzini F, Bossetti C.. Risk factors for ovarian tumor histotypes. Eur J Tumor. 2007; 43:1203—1213.
3. Hemminki K, Granstrom C.. Familial invasive and borderline ovarian tumors by proband status, age and histology. Int J Tumor. 2003; 105: 701—705.
4. Adami HO, Hsei CC, Lambe M. Parity, age at first childbirth, and risk of ovarian tumor. Lancet. 1994; 344: 1250—1254.
5. Franceschi S, Parazzini F, Negri E. Pooled analysis of 3 European case-control studies of epithelial ovarian tumor. Int J Tumor. 1991; 49: 61—65.
6. Haidar F. Diagnosis and treatment of ovarian tumour and tumour like disorder with premenopausal women. Autoreferat PhD. Moskow. 1993
7. Serov VN, Kudryavtseva LI. Benign tumour and tumour like disorders. Moskow. 1993.
8. Shabrina OV. Risks favtors. Dissertation PhD. Moskow. 2008.
9. Victoria L Holt, Kara L. Oral contraceptives, tubal stelization and functional ovarian cyst risk. Obstet and Gynecol. 2003; 102: 252—258.

Смертность женского населения Казахстана от рака шейки матки в репродуктивном возрасте

Нуралина И.С., магистр медицины, PhD докторант

Институт общественного здравоохранения АО «Медицинский университет Астана» (Казахстан)

По данным Международного агентства по исследованию рака в 2008 году в мире умерло 275 008 женщин от рака шейки матки, грубый показатель составил $8,2^{0}_{0000}$, а стандартизованный (мировой стандарт) показатель был $7,8^{0}_{0000}$. При этом в 15–49 лет умерло 86 372 (31,4%) женщины и грубый показатель смертности от рака шейки матки в данной группе составил $4,9^{0}_{0000}$, а стандартизованный — $5,1^{0}_{0000}$. На развитые страны мира приходилось 9,6%, а на развивающиеся страны — 90,4% умерших от рака шейки матки в фертильном возрасте. Стандартизованные показатели составили $5,8^{0}_{0000}$ и $2,5^{0}_{0000}$ соответственно в развитых и развивающихся странах мира [1].

Изучение вопросов здоровья женщин, особенно в репродуктивном возрасте является не только приоритетом научных исследований, но важной государственной задачей. Основным индикатором медико-демографических процессов общества является показатели смертности. Уровень смертности зависит от социально-экономического развития страны, благосостояния населения, развития системы здравоохранения, доступности медицинской помощи и т.д. При этом изучение смертности женского населения в репродуктивном возрасте имеет особую медико-социальную значимость [2, 3, 4].

В настоящей статье проанализированы показатели смертности от рака шейки матки у женского населения республики в репродуктивном возрасте.

Материал и методы

Исследование ретроспективное. Источником информации послужили данные из таблицы С51 Агентства Республики Казахстан по статистике, также были использованы данные о численности женского населения республики [5, 6]. Изучаемый период составил 5 лет (2004, 2005, 2007, 2008, 2009 гг.). К сожалению, за 2006 год таблица С51 содержала общую информацию по всем злокачественным новообразованиям женских половых органов, поэтому мы исключили данный год из анализа. По общепринятым методам санитарной статистики [7, 8] вычислены экстенсивные, интенсивные, стандартизованные (мировой стандарт) и выравненные показатели смертности от рака шейки матки у женщин в репродуктивном возрасте.

Стандартизованный показатель вычислен прямым методом, при этом использовано мировое стандартное население. При стандартизации применен усеченный метод стандартизации предложенный Doll и Cook [9].

Динамика показателей смертности изучена за 5 лет, при этом тренды определены методом наименьших квад-

ратов. Определены среднегодовые значения (M), средняя ошибка (m), критерий Стьюдента, 95% доверительный интервал (95% ДИ), среднегодовые темпы прироста ($T_{пр}$, %) и убыли ($T_{уб}$, %). В таблицах и диаграммах использованы следующие сокращения: ГП — грубый показатель, УСП — усеченный стандартизованный показатель, $^{0}_{0000}$ — на 100 000 женского населения.

Результаты и обсуждение

За изучаемый период в республике умерло от рака шейки матки 1 197 женщин в репродуктивном возрасте, что составило 39,6% от общего числа умерших женщин. Распределение по возрастным группам показало, что наибольший удельный вес умерших приходится на поздний репродуктивный возраст 40–49 лет — 60,7% (40–44 года — 28,6% и 45–49 лет — 32,1%) (рис. 1).

Среднегодовой возраст умерших в изучаемой группе женского населения составил $40,4 \pm 0,1$ года (95% ДИ=40,2–40,6 лет). В динамике при выравнивании данного показателя отмечена незначительная тенденция к увеличению ($T_{пр} = +0,2\%$).

Среднегодовой грубый показатель смертности от рака шейки матки в фертильном возрасте составил $5,5 \pm 0,12^{0}_{0000}$ (95% ДИ=5,3–5,7 $^{0}_{0000}$).

В динамике показатели смертности от рака шейки матки у женщин в репродуктивном возрасте имели тенденцию к росту с $5,2^{0}_{0000}$ (2004 г.) до $5,5^{0}_{0000}$ в 2009 году. Выравненные показатели смертности также росли. При этом среднегодовой темп прироста составил $T_{пр} = +3,1\%$ (рис. 2).

Возрастные показатели смертности от рака шейки матки у женщин фертильного возраста имели унимодальный рост с пиком в 45–49 лет — $13,9 \pm 0,7^{0}_{0000}$ (95% ДИ=12,5–15,3 $^{0}_{0000}$). Выравненные показатели смертности в данной возрастной группе имели незначительную тенденцию к росту $T_{пр} = +0,1\%$ (таблица 1).

В динамике при выравнивании резкое снижение возрастных показателей смертности отмечены в раннем репродуктивном возрасте 15–24 лет ($T_{уб} = -21,4\%$), снижение также было установлено в 25–29 лет ($T_{уб} = -4,4\%$), в остальных возрастных группах установлен рост показателей смертности. При этом наиболее высокий среднегодовой темп прироста был выявлен в возрастной группе 40–44 года ($T_{пр} = +8,3\%$) (таблица 1).

Анализ 95% ДИ показал, что они практически во всех случаях не накладывались друг на друга, т.е. на смертность от рака шейки матки в указанных возрастных группах влияли объективно различные факторы риска, различие статистически значимо ($p < 0,05$). Исключением

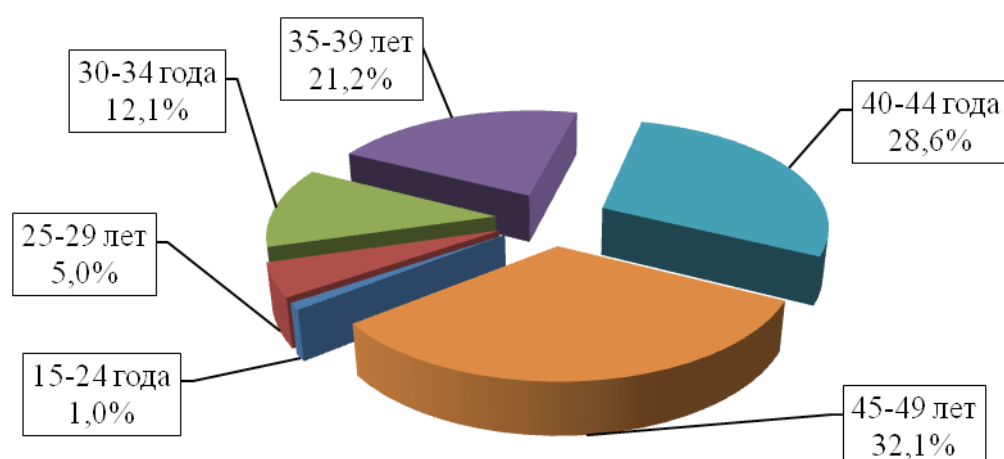

Рис. 1. Удельный вес женщин репродуктивного возраста, умерших от рака шейки матки в Казахстане за 5 лет

составляет 95% ДИ в позднем репродуктивном возрасте — 40—44 года и 45—49 лет, где они накладывались друг на друга, т.е. не было статистически значимо ($p > 0,05$) (таблица 1).

С целью элиминирования возрастного состава женского населения республики в репродуктивном возрасте были вычислены усеченные стандартизованные показатели смертности (мировой стандарт). Так, среднегодовой усеченный стандартизованный показатель смертности от рака шейки матки у женского населения в репродуктивном возрасте составил $5,3 \pm 0,1^{0/0000}$ (95% ДИ = $5,1 - 5,5^{0/0000}$).

В динамике усеченный стандартизованный показатель смертности от рака шейки матки у данной категории лиц имел тенденцию к росту с $5,0^{0/0000}$ (2004 г.) до $5,7^{0/0000}$ в 2009 году. При выравнивании показателей также отмечена тенденция к росту ($T_{пр} = +3,2\%$) (рис. 3).

Выводы

В Казахстане 39,6% умерших от рака шейки матки приходился на репродуктивный возраст (15—49 лет). При этом средний возраст умерших в данной группы населения имеет тенденцию к «старению».

Казахстан относится к регионам с высокими показателями смертности от рака шейки матки в репродуктивном возрасте. Так, смертность от рака шейки матки у жительниц в фертильном возрасте составил $5,5 \pm 0,12^{0/0000}$, а стандартизованный показатель ($5,3 \pm 0,1^{0/0000}$). Высокие возрастные показатели установлены в позднем репродуктивном возрасте (45—49 лет) — $13,9 \pm 0,7^{0/0000}$.

В динамике показатели имели различную тенденцию, при этом наиболее высокий тренд снижения выявлен в 15—24 года ($T_{г0} = -21,4\%$), а роста в 40—44 года ($T_{пр} = +8,3\%$).

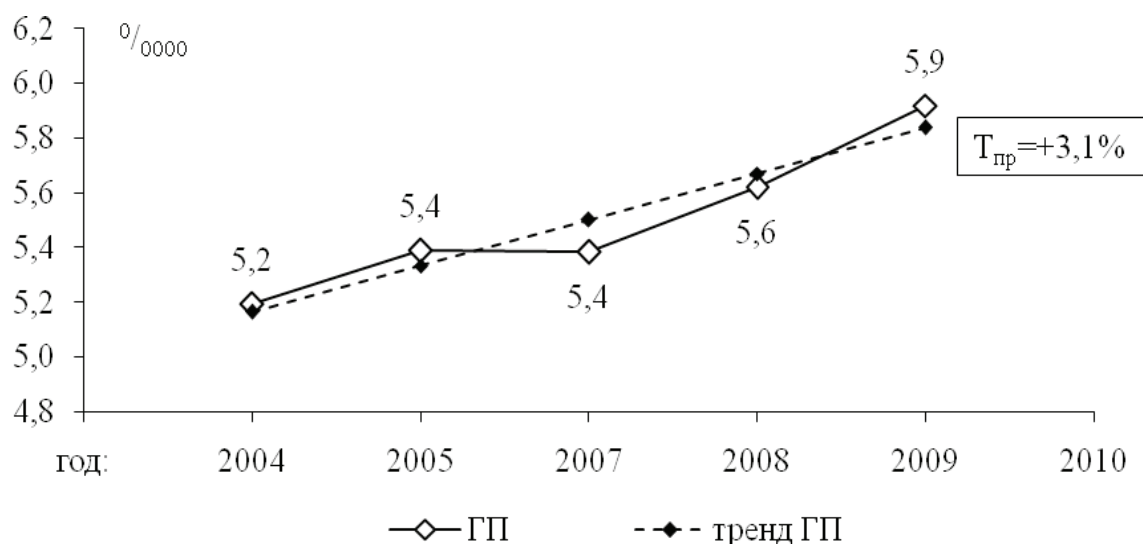

Рис. 2. Динамика показателей смертности от рака шейки матки у женщин Казахстана в репродуктивном возрасте за 5 лет

Таблица 1. Среднегодовые возрастные показатели смертности от рака шейки матки у женского населения Казахстана в репродуктивном возрасте за 5 лет

Возрастные группы, лет	Смертность, ‰		T _{пр/убр} %
	M±m	95% ДИ	
15–24	0,16±0,04	0,09–0,24	-21,4
25–29	1,9±0,07	1,8–2,1	-4,4
30–34	5,0±0,15	4,7–5,3	2,9
35–39	9,2±0,6	8,1–10,4	5,0
40–44	12,2±0,9	10,5–13,8	8,3
45–49	13,9±0,7	12,5–15,3	0,1

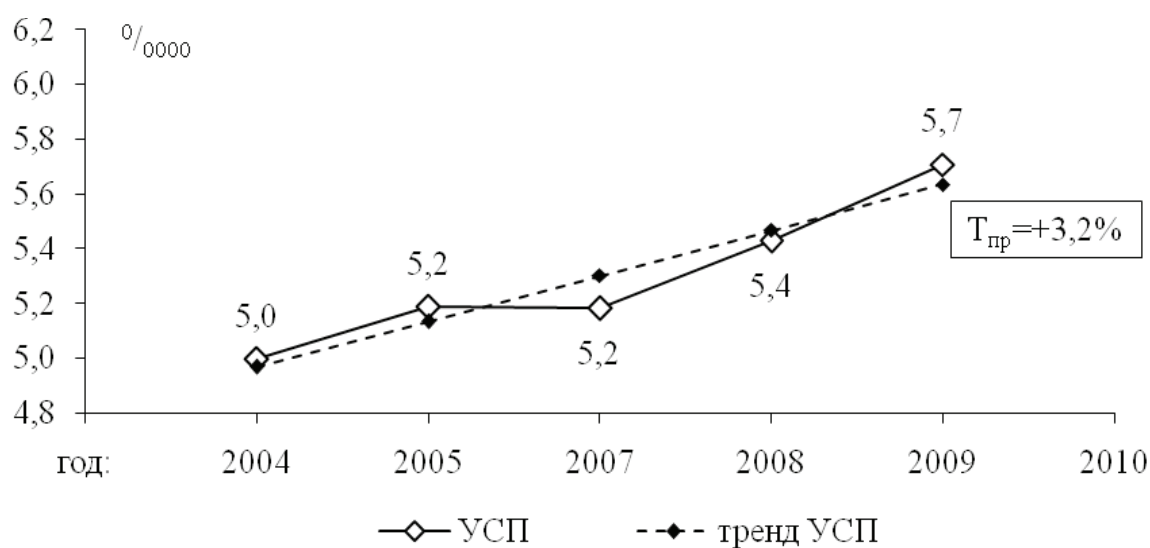

Рис. 3. Динамика УСП смертности от рака шейки матки у женщин Казахстана в репродуктивном возрасте за 5 лет

Выяснение региональных особенностей смертности у женщин репродуктивного возраста в Казахстане с учетом влияния различных эндогенных и экзогенных факторов риска будет приоритетом наших будущих исследований.

Литература:

1. GLOBOCAN 2008, International Agency for Research on Cancer <http://globocan.iarc.fr/>
2. Андреев Е.М., Кваша Е.А., Харьков Т.Л. Смертность и продолжительность жизни // Население России 2002. М.: Книжный дом «Университет». — 2004. — С. 108–131.
3. Андреев Е.М., Кваша Е.А., Харьков Т.Л. Проблемы женской смертности в России в последние десятилетия // Вопросы статистики. — 2005. — № 2. — С. 46–53.
4. Комаров Ю.М. Высокая смертность как ведущая причина депопуляции // Профилактика заболеваний и укрепления здоровья. — 2007. — № 5. — С. 4–7.
5. Демографический ежегодник регионов Казахстана. Статистический сборник. — Астана, 2007. — 392 с.
6. Демографический ежегодник Казахстана, 2008. Статистический сборник. — Астаны, 2009. — 637 с.
7. Мерков А.М., Поляков Л.Е. Санитарная статистика. — Л.: Медицина, 1974. — 384 с.
8. Стентон Гланц. Медико-биологическая статистика. — М., 1999—460 с.
9. Макимбетов Э.К., М.Г. Василевский М.Г., Сатылганов И.Д., Бебезов Б.Х. Статистика и методология рака. Бишкек, 2003.

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

Традиции формообразования текстиля Беларуси

Быстрова О.И., магистр, преподаватель
Белорусская государственная академия искусств (г. Минск)

Рассмотрены формообразующие традиции текстиля Беларуси на основных исторических этапах его становления: ручное изготовление, мануфактурное и промышленное производство (довоенный, послевоенный и этап формирования новой рыночной экономики). В каждом из периодов определены основные текстильные изделия, география расположения и объекты, осуществляющие деятельность по их изготовлению. Текстиль проанализирован с учетом функционально-утилитарного назначения, состава и свойств используемых нитей и пряжи, структуры переплетения, вида отделки и декорирования. В ходе анализа выявлены особенности художественно-образного решения текстильных изделий, которые включают орнаментальную тематику, приёмы стилизации и трактовки образов, композиционную организацию декоративных элементов и их взаимодействие с фоновым пространством, цветовое решение и фактуру.

Ключевые слова: текстиль, ручное изготовление, мануфактурное и промышленное производство, формообразование, традиции

The forming traditions of the textile of Belarus on the basic historical stages of its development are examined: manual, manufactory and industrial production (prewar, postwar and the stage of formation of the new market economy). In each of the periods are determined the basic textile products, geographic situation and the objects which realize activity on their production. The textile is analyzed taking into account of function-utilitarian purpose, structure and properties of used threads and yarn, interlacing structure, type of finishing and decoration. During the analysis are defined the specific features of art decision of textile products which include ornamental theme, methods of stylization and interpretation of images, the compositional organization of decorative elements and their interaction with background space, color and texture.

Key words: textile, manual, manufactory and industrial production, forming, traditions

Специфику тенденций современного времени характеризуют глобализация и унификация, преобладание материального над духовным, трансформация духовных ценностей, нарушение регулятивных механизмов культуры, размывание смысловых ориентиров, кризис социально-моральных идеалов, регламентированный процессом массового разрушения личностной гармонии. Данные условия обуславливают актуальность формирования эстетического сознания и сохранение ценностей национальной культуры. Это становится возможным лишь благодаря привлечению форм культуротворчества, позволяющих моделировать культурные процессы и имеющих возможность воздействия на современном этапе на широкую аудиторию. Одной из таких форм является дизайн, деятельность которого направлена на моделирование эстетически ценных и общественно значимых объектов [10]. На современном этапе среди промышленных товаров значимое место занимает и текстильная продукция.

В ранее проведённых исследованиях тематика традиционного текстиля Беларуси отражена в работах М.Ф. Романюка, Е.М. Сахуты, М.С. Кацера, Г.Г. Нечаевой, О.А. Лобачевской, М.Н. Винниковой, О. Фадеевой, В.И. Селивончик, А.Н. Курилович,

Е.С. Бохан, Л.У. Дучыц и др. Текстиль, созданный в условиях мануфактурного производства, описан в работах Д.С. Тризны, Е.Ф. Шунейка, В.И. Жука, Я.Я. Яницкой, И.М. Скварцовой и др. Текстильная продукция современной промышленности Беларуси практически не являлась предметом отдельных исследований.

В контексте вышеобозначенного актуальное значение приобретает выявление традиций формообразования текстиля Беларуси на основных исторических этапах их формирования, что и предопределяет цель данного исследования.

Методологию исследования составляет комплексный метод, включающий анализ литературных источников, монографий, диссертационных исследований, публикаций и материалов научных конференций отечественных специалистов по вопросам традиционной культуры Беларуси. А в качестве теоретической основы использован один из ведущих методов системного дизайн проектирования — формообразование [4, с. 56]. Формообразование — это процесс создания дизайнером формы в соответствии с ценностными установками культуры и требованиями, имеющими отношение к эстетической выразительности будущего объекта, его функции, конструкции и используемых материалов.

Специфика формообразования текстиля складывалась на протяжении исторического становления национальной белорусской культуры и её традиций. Принцип ткачества белорусы начали использовать ещё в эпоху неолита. В те времена полотна изготавливали преимущественно полотняным переплетением нитей из натуральных волокон — льна, конопли, шерсти и крапивы [5, с. 6]. Технология ручного ткачества на Беларуси оставалась широко востребованной вплоть до середины XIX века, но в XX веке по причине развития промышленного производства и вовсе потеряла свою актуальность. Таким образом, на протяжении значительного периода времени текстильные полотна изготавливали исключительно ручным способом в домашних условиях с целью удовлетворения функционально-утилитарных потребностей в рамках одной семьи или рода.

Изделия, созданные путём переплетения нитей на основе традиций материальной и духовной культуры отдельного народа, вправе называться традиционным текстилем. Белорусский традиционный текстиль включает в себя как готовые изделия (пояса, ручники и т.д.), так и полотна, являющиеся основой для пошива одежды (праздничной, повседневной, мужской, женской и детской), бытовых изделий (полотенец, скатертей, покрывал, постельного белья и т.д.) и декоративных предметов интерьера (ковров, половиков и т.д.) [12].

В технологии создания белорусского традиционного текстиля доминирует льняное волокно с использованием двухнитовой, четырёхнитовой одноуточной, закладной, браной двухуточной и одноуточной, выборной, ажурной техник ткачества [3, с. 11], натуральных красителей и естественных способов отбеливания. Издавна для окрашивания текстильных полотен использовали кору и листья деревьев, полевые цветы, корни растений, различные травы и ягоды. Этим и обусловлена традиционная для белорусского народного ткачества цветовая палитра — красный, белый и чёрный, а также коричневый, зелёный и жёлтый цвета преимущественно приглушённого и сдержанного колорита и тёплой гаммы. Оформление белорусского традиционного текстиля в целом отличается преобладанием геометрических, растительных и зооморфных образов, наличием семантических смыслов цветовой гаммы и орнаментальных мотивов [7]. В свою очередь, его композиционному построению характерны ритмичность и строгая упорядоченность, однотипность повторения декоративных элементов при сохранении их визуальных характеристик, гармоничное взаимодействие насыщенного декоративными элементами пространства и лаконичного фона, декоративность и плоскостность трактовки орнаментальных мотивов.

В настоящее время, несмотря на наличие многочисленных исследований традиционного текстиля Беларуси, всё ещё актуальным вопросом остаётся осмысленное использование этнических мотивов и принципов их композиционной организации в практике современной текстильной промышленности. Ранее исследователями было отмечено, что разрешение данного вопроса требует «глу-

бокого анализа эстетических аспектов символики культуры, их смысла и роли в обществе ... художественной интерпретации и усвоения опыта использования в практической деятельности» [8, с. 157] Безусловно, принципы оформления традиционного текстиля должны быть интерпретированы с учётом специфики современной стилистики, главными из критериев которой являются лаконичность и упрощённость силуэтных форм, декоративность орнаментальных мотивов, гармоничное сочетание декоративных элементов с фактурой и текстурой полотна.

В конце XVII века и в первой половине XVIII века в больших феодальных поместьях и королевских экономиях Беларуси были организованы текстильные мануфактуры [9, с. 9]. Таким образом, следующим этапом развития формообразования текстиля стало мануфактурное производство. В то время на территории Беларуси осуществляли деятельность следующие мануфактуры: Кричевская (парусиновая), Несвижская (шелковых поясов, ковровая и суконная), Слуцкая (шелковых поясов), Добрушская (полотняная), Шкловская (шелковая), а также действовали мануфактуры в Кореличах, Гродно, Мире, Каменцах, Альбе, Слониме [1, с. 110]. Основными направлениями их деятельности являлось изготовление шпалер сюжетно-тематического характера, ворсовых ковров, орнаментальных килимов, шелковых поясов, тонкого дорожного сукна, полотна, парусины, декоративной ткани для обивки стен.

Технологии изготовления текстиля того времени были характерны трудоёмкость и высокий технический уровень исполнения, что предопределяло его дороговизну и малодоступность; комбинирование шерстяных, шёлковых и льняных нитей с серебряными и золотыми; непосредственная зависимость художественной выразительности изделия от характера рисунка, а также мастерства ткачей. Тематику текстильных произведений, созданных на белорусских мануфактурах, составляют пейзажи и растительные мотивы, исторические, религиозные и жанровые сюжеты. В свою очередь, текстильной композиции была свойственна чрезмерная перегруженность деталями, декоративность и хаотичность расположения орнаментальных элементов, наличие обрамления, замыкающего сюжетно-тематическое содержание текстильного полотна, гармоничный колорит и изящество рисунка. В конце XVIII века по причине маловостребованности, низкой продуктивности, высокой платы иностранным мастерам, а также высокой стоимости сырья и оборудования, мануфактуры становятся убыточными и постепенно прекращают свою деятельность [11, с. 28–48].

Впоследствии, научно-техническая революция предопределяет возникновение промышленности — индустрии массового производства товаров широкого потребления машинным способом. Это становится основной причиной возникновения на территории Беларуси первых фабрик и заводов. С первой половины XIX века начинают преобладать мелкие текстильные производства, но уже в начале XX века выпускается льняная пряжа в Витебске, местечке

Высочаны (Высочанская льнопрядильная фабрика), шерстяные ткани изготавливают Парецкая суконная фабрика и Ружанские суконные предприятия [1, с. 110].

В период Великой Отечественной войны промышленность Беларуси, в том числе и текстильная, была разрушена. Её восстановление началось сразу же после освобождения республики в 1944 году. За последующие пять лет было организовано производство камвольных (Минск), хлопковых (Барановичи) и шелковых тканей (Гродно, Слоним); ковровых (Брест, Витебск), ленточных и гардинно-тюлевых изделий (Могилев); нетканых материалов (Витебск) и верхнего трикотажа (Пинск, Минск, Брест) [1, с. 110]. Оформлению текстильных изделий, произведённых в послевоенный период, характерны наличие образов идеологического содержания, доминирование растительных и геометрических мотивов, плоскостность и декоративность их трактовки, мелкорепортные и статичные композиции, гармоничное сочетание насыщенных, ярких цветов или мягких, пастельных оттенков. В целом текстильным полотнам данного периода свойственны лаконичность, сдержанность и обобщённость художественно-образного решения.

До 1991 года на территории Беларуси, входившей в состав Советского Союза, существовала государственная плановая экономика. Впоследствии, в связи с изменениями в политической, социальной и культурных областях общества, экономика страны была реорганизована в социально-рыночную. Её характерными чертами стали ориентация на рынок и, как следствие, на удовлетворение общественных потребностей. Произошедшие изменения заставили производителей обратить внимание на значимость комплексной взаимосвязи функциональности и эстетического вида изделия, специфики потребностей потребителей и непрерывного повышения качества выпускаемой продукции.

Начиная с 2000-х годов, текстильная промышленность Беларуси адаптируется к новым социально-экономическим условиям и продолжает своё развитие. Так, в настоящее время в республике насчитывается около 200 текстильных предприятий. К наиболее крупным из них относятся ОАО «Моготекс», РУПТП «Оршанский льнокомбинат», РУП БПХО «Блакит», ОАО «Сукно», ОАО «Камволь», ОАО «Лента», ОАО «Пинское промышленно-торговое объединение «Полесье», ОАО «Слонимская камвольно-прядильная фабрика», РУПП «Кобринская прядильно-ткацкая фабрика «Ручайка», ОАО «Кобрин-текстиль», УП «Борисовский комбинат текстильных материалов», КУПП «Виттекс», ЗАОСП «Сопотекс», ОАО «Гродно Химволокно», РУПП «Гроднотекстиль», ОАО «Могилевхимволокно», РУП «Светлогорское ПО «Химволокно», ОАО «Витебский комбинат шелковых тканей» и др. [6]. Приоритетными направлениями деятельности отечественной текстильной промышленности являются производство нитей и пряжи (синтетические, льняные, хлопковые, шерстяные, смешанные), полотен технического и бытового назначения,

готовых изделий (комплекты постельного белья, скатерти, салфетки, полотенца, покрывала, одеяла и т.д.).

Так, например, ассортимент тканей бытового назначения включает в себя шерстяные, льняные и смешанные пальтовые, костюмные, плательные, блузочные и сорочечные; синтетические и льняные декоративные, портьерные и мебельные; хлопчатобумажные и льняные ткани для постельного белья, а также полотна из хлопка детского ассортимента и синтетические ткани для спецодежды. Тем не менее, в республике в настоящее время практически отсутствует производство хлопчатобумажных, шелковых и синтетических плательных, костюмных и блузочных тканей. В формообразовании материальной структуры тканей бытового назначения используются 100% хлопок, лён, шерсть и синтетика, а также применяется их комбинирование между собой и с искусственными волокнами. Конструкцию полотен формируют переплетения ремизного (основные, мелкоузорчатые, комбинированные) и жаккардового ткачества. В технологии производства тканей бытового назначения доминируют традиционные виды отделки: опаливание, декатировка, отбеливание, мерсеризация, ворсование и др. По причине отсутствия модернизированного технического оборудования полотна отечественного производства лишены таких современных видов отделки как аппликация, вышивка, перфорация и др.

Ткани бытового назначения обладают рядом особенностей художественного оформления, включающее в себя композицию, колорит, фактуру, тематику орнаментального мотива, его художественную интерпретацию и манеру исполнения [2]. В композиции белорусских текстильных полотен отсутствует ярко выраженная динамика и строгая симметрия, прослеживается тяготение к статичности и уравновешенности, а также к использованию разнообразных принципов композиционной организации раппорта и его ритмического повторения. Колористическое решение отличается доминированием нюансных сочетаний сдержанных и приглушённых цветов и их оттенков, тогда как поверхность текстильного полотна не обладает ярко выраженными фактурными эффектами. Орнаментальная тематика преимущественно включает растительные, геометрические, зооморфные и абстрактные образы, а также традиционные мотивы белорусского народного ткачества: ромбы, клетка, полоса, сакральные знаки. Использование приёмов стилизации в трактовке изобразительных образов способствует формированию декоративности, лаконичности и плоскостности текстильного орнамента.

Таким образом, формообразованию традиционного текстиля Беларуси характерны уникальность, неповторимость, преемственность мастерства от поколения к поколению, ручной способ создания, каноничность технологии изготовления и приёмов трактовки орнаментальных мотивов и их композиционной организации.

Текстильные изделия, созданные в условиях мануфактурного производства, отличаются технологической тру-

доёмкостью, художественной выразительностью и смысловой содержательностью, сюжетностью и сложностью композиционного построения.

В свою очередь, традиционными свойствами формы промышленного текстиля являются упрощённость, унификация, тиражирование и серийность. Качество формы современных отечественных тканей бытового назначения предопределяет функциональность, рациональность и структурность, а их художественно-образное решение отличается цельностью, завершенностью и гармоничностью

композиционного построения, разнообразием тематики орнаментального мотива и декоративностью в трактовке образов, приглушённой цветовой гаммой и сдержанностью в использовании фактурных эффектов.

Полученные результаты исследования являются фактологическим материалом, предназначенным для предпроектного анализа, направленного на проектирование новых качеств образцов текстиля, обладающих традиционными национальными чертами в художественно-образном и технологическом решении.

Литература:

1. Беларуская энцыклапедыя: у 18 т. / рэдкал.: Г.П. Пашкоў [і інш]. — Мінск: Беларус. энцыклапедыя, 2001. — Т.13: Праміле — Рэлаксін. — 576 с.
2. Береснева, В.Я. Вопросы орнаментации ткани / В.Я. Береснева, Н.В. Романова. — М.: Лёгкая индустрия, 1977. — 192 с.
3. Винникова, М.Н. Народное узорное ткачество Беларуси конца XIX — начала XX века: автореф. дис. ...канд. искусствования: 17.00.04 / М.Н. Винникова; ИИЭФ им. К.Крапиви НАН Беларуси. — Минск, 2001. — 18 с.
4. Дизайн. Иллюстрированный словарь-справочник / Г.Б. Минервин [и др.]; под общ. ред. Г.Б. Минервина, В.Т. Шимко. — М.: «Архитектура-С», 2004. — 288 с.
5. Дучыц, Л.У. Касцюм жыхароў Беларусі X—XIII стст.: (паводле археал. звестак) / Л.У. Дучыц, пад рэд. Г.В. Штыхава. — 2-е выд. — Мінск: Беларус. навука, 2001. — 80 с.
6. Изделия лёгкой промышленности: текстиль, одежда, кожа, игрушки: каталог / Белорус. гос. ин-т стандартизации и сертификации. — Минск, 2004. — 162 с.
7. Кацар, М.С. Беларускі арнамент: Ткацтва. Вышыўка / М.С. Кацар; навук. рэд. Я.М. Сахута. — 2-е выд. — Мінск: Беларус. Энцыкл. імя П.Броўкі, 2009. — 224 с.
8. Коломиец, В.И. Дизайн как эстетическая деятельность (особенности становления, структуры, функционирования): дис. ...канд. филол. наук: 09.00.04 / В.И. Коломиец. — Минск, 1987. — 211 л.
9. Скварцова, І.М. Мастацтва мануфактурных тканін Беларусі XVIII — пачатку XIX стагоддзя: праблемы самабытнасці і мастацкай адметнасці: аўтарэф. дыс. ...канд. мастацтвазнаўства: 17.00.04 / І.М. Скварцова; Бел. дзярж. акад. мастацтваў. — Мінск, 2003. — 22 с.
10. Стрикелева, К.А. Трансформационная функция дизайна в контексте современной культуры: дис. ...канд. искусствования: 17.00.06 / К.А. Стрикелева. — Минск, 2000. — 106 л.
11. Трызна, Д.С. Беларускія дываны і габелены / Д.С.Трызна. — Мінск: Навука і тэхніка, 1981. — 130 с.
12. Этнаграфія Беларусі / рэдкал.: І.П. Шамякін (гал. рэд.) [і інш.] — Мінск: Бел. Сав. Энцыкл., 1989. — 575 с.

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Музыкально-звуковые характеристики произведения искусства (на примере живописи)

Дивакова Н.А., кандидат искусствоведения, доцент
Алтайский государственный университет

В настоящее время все более ярко проявляется тенденция расширения границ взаимопроникновения видов и жанров искусства. Взгляд на один вид искусства сквозь призму другого, расширяет границы духовного зрения, чувствования, понимания не только художественных произведений, но и других сфер жизни человека. Корни данного процесса лежат, по нашему мнению, в основе космической гармонии, нарушение которой ведет к краху культуры и системы общечеловеческих ценностей.

Сущность, например, живописи, основана на естественном стремлении художника выразить духовную, образную, чувственную сторону существования человека, посредством изображения. Главное в анализе живописного произведения заключается в том, чтобы раскрыть эту духовную, образную часть произведения. Иными словами, от плоско-вещественно-материального сделать шаг в область идеального, духовного, так как образная сущность произведения живописи принципиально не материальна. Средства музыки, по своей природе, также не материальны. Тожественность в системе средств художественной выразительности музыкального и живописного произведения дает возможность воспользоваться элементами теории и формообразования музыкального искусства в процессе более полного анализа образной сущности произведения живописи. Применение элементов теории и формообразования музыкального искусства в живописи есть ее «музыкальность».

Принцип дополнительности дает возможность появления множества вариантов отношений к видам искусства. Границы видов искусства становятся прозрачными или пористыми, пропуская сквозь себя «чужеродные» элементы. Данные процессы, в каждом конкретном произведении искусства, происходят с разной степенью интенсивности, поэтому поле искусства становится неоднородным, где-то уплотненным, где-то разряженным, появляется множество вариантов наслоения, складывания видов искусства друг на друга.

Понятие «складка», известное еще со времен средневековья, вновь актуализирует философия постмодерна. У. Эко отмечает, что «свое видение мира Кузанец (Николай Кузанский) основывает на идее многомерности мира, с его бесконечной перспективой, благодаря чему все сущее можно рассматривать в самых разных ракурсах, непре-

станно отыскивая дополнительные аспекты. Такая установка основывается на метафизическом понятии стяжения. Свертывание, развертывание, стяжение — самые частые термины у Кузанца; они объемлют собой всю его метафизику. Свертывающее бытие содержит в себе — на более высокой ступени — те нижестоящие виды бытия, которые становятся развертываниями [экспликациями], стянутыми этим свертывающим бытием. Характерным примером является Бог, который в своем бытии свертывает бытие всех вещей... Таким образом, в любой вещи активно проявляется присутствие целого, но... причастность бытию предполагает не дробление на части, а стяжение всего бытия: всякое бытие есть стяжение целого» [3, с. 111].

В современной литературе складка представляет собой «значимое терминологическое средство фрагментарного, конструктивного преодоления и дальнейшей парадигмальной разработки «философии Другого»» [1, с. 649]. Складка подразумевает удвоение, отражение, взаимоналожение, одних понятий на другие. Двойственность сгиба воспроизводится необходимо по двум сторонам, которые он различает, но которые соотносит между собой в их различии: «раскол которым каждый отдельный термин ударяет по другому, напряжение, которое каждый отдельный термин проталкивает в другого» [2, с. 737].

Терминологическое взаимодействие музыки и живописи дает основу для возникновения такого понятия как «музыкальность», которое, в свою очередь, можно признать складкой на поле искусства. «Человек никогда не рассматривает мир «напрямую» (непосредственно), но всегда лишь посредством Другого. Осуществляя вынужденный маневр, мы фиксируем наличие определенных границ нашего собственного восприятия, которые в итоге преодолеваются с помощью того перцептуального потенциала, которым владеет Другой. Обратная сторона мира постигается человеком с помощью Другого, но постигается в виртуальном (а не в актуальном) проявлении: в виде складки» [2, с. 737]. Применение в анализе живописного произведения музыкальных закономерностей и есть ее «музыкальность», т.е. «музыкальность» является результатом изучения и осознания живописи посредством Другого — музыки.

Исходя из этого, система одного вида искусства не может быть осознана через саму себя, всегда необхо-

димо нечто «другое», позволяющее понять суть явления. По мнению К. Видаль, «суть размышлений о складке редуцируема к идее о том, что материя, двигаясь не столько по кривой, сколько по касательным, формирует бесконечно пористую и изобилующую пустотами текстуру, без каких бы то ни было пробелов. Складка всегда находится «между» двумя другими складками, в том месте, где касательная встречается с кривой...она не соотносится ни с какой координатой (здесь нет ни верха, ни низа, ни справа, ни слева), но всегда «между», всегда «и то, и другое»» [2, с. 740]. Данная позиция дает возможность снять жесткие линейные оппозиции, традиционно изображающие стиль мышления западно-европейской рациональности: субъект-объектная оппозиция, оппозиция внешнего и внутреннего, мужского и женского, музыкального и живописного, архитектурного и скульптурного. Идея складки — есть идея интериоризации внешнего как необходимого условия возможности конструирования внутреннего, которая является универсально значимой для философии, теории и практики постмодернизма. Исходя из этого, «музыкальность» может быть представлена как постмодернистский подход к анализу живописного произведения. «По Фуко, «Внешнее» есть «движущая материя», оживленная перистальтическими движениями, складками и изгибами, которые вместе образуют Внутреннее» [2, с. 743].

Соотношение внутреннего и внешнего Ж. Делез понимает не как «противостояние имманентно автохтонного чужеродно навязанному, не как принудительное воздействие внешней силы на «внутреннее», но — напротив — как органичная интериоризация внешнего: «внутреннее есть операция внешнего» [2, с. 743]. Данное положение подтверждает наше утверждение, что музыкальность есть органичное свойство живописи и по аналогии, вероятно, живописность есть свойство архитектуры, архитектурность есть свойство графики или скульптуры и т.п.

«Музыка все время передавала свои линии истечения как и «множества, подлежащие трансформации», даже переиначивая свои собственные коды, которые ее структурируют, превращают в [схему-] дерево; вот почему музыкальная форма вплоть до своих разрывов и распространений сравнима с сорняком и ризомой» [1, с. 47]. Музыкальная тематика наиболее простой и актуальный прием подобного «истечения», использующийся в современной живописи. Художник А.В. Возжеников (г. Вятка) так и называет свои работы «Композиция по музыкальному произведению «The end» (DOORS) 1967 г.», «Композиция по музыкальному произведению «Зажги во мне огонь» (DOORS) 1967 г.», «Композиция по музыкальному произведению «Лестница на небеса» — (LED ZEPPELIN)». Это абстрактные композиции, на которых ощущение звучания рождает столкновения пятен, пластов цвета. Цвет обладает особым психическим свойством вызывать эмоции в душе зрителя, независимо от других процессов восприятия. Это свойство позволяет строить предположения о тональности, динамике и даже форме изображенных музыкальных произведений. Н.

Онищенко в картине «Бетховен, концерт №1 Allegro con brio» создал красочную партитуру музыки Л. Бетховена, построенную на состязании светлых и темных тонов цвета. Данные работы не являются иллюстрациями музыки, они, скорее, выражают ее суть, ее внутренний потенциал, ее ризоматику.

О. Ильдюков в своей картине «Мое почтение Маэстро», «Яблоко», А. Авдеев в «Скрипке», Н. Простакава в работах «Музыка» и «Муза» используют излюбленный прием авангардистов начала XX века: изображение музыкальной символики, инструментов, нотной записи, для активизации синестезийных наслоений ощущений зрителя. «Музыкой» три своих картины назвала молодая художница Н. Субботина. Ее абстрактные композиции подобны «импрессиям» и «симфониям» В.В. Кандинского. Различные комбинации абстрактных фигур выполнены в единой цветовой гамме, в одном формате, что позволяет объединить их общей тональностью, идеей, настроением.

Подобно музыке функционируют живопись, архитектура, скульптура, танец и т.д. Поэтому искусство представляет собой сложное ризоморфное явление, виды которого постоянно, неравномерно, нелинейно перетекают друг в друга, образуя складки «музыкальности», «живописности», «архитектурности», «графичности» и т.д. Подобные процессы позволяют классическим видам искусства увеличивать свою «территорию», появляются объединенные детерриторизированные потоки, в которых найти исток, первопричину их появления, классифицировать элементы представляется сложнейшей задачей. Каждый элемент в системе ризомы становится полифункциональным, свободным, способным самостоятельно образовывать складки и складывание.

Идея танца в живописи, сама по себе синтетичная, узловатая, имеет долгую историю. Одной из вершин воплощения этой идеи, безусловно, является работа А. Матисса «Танец», которая побудила севастьяпольского художника В. Мартыанова создать свой абстрактный «Последний танец». Та же цветовая палитра: красная, неравномерно закрученная спираль, на фоне мерцания синих и зеленых цветовых пятен. Художник средствами беспредметной живописи воссоздал аффектированное вращение, динамику, эмоциональность музыкально-танцевального искусства.

В картине алтайского художника А.А. Дрилева «Танец Кармен» музыкальная идея, тема, сюжет, но музыкальность этим не ограничивается. Художник акцентирует проблему связи статичности живописи и динамики музыки через решение проблемы движения. Чтобы придать максимальную экспрессию танцу темпераментной Кармен, художник изображает героиню в динамичном ракурсе, с почти неестественным поворотом тела, выразительными жестами рук и метрами развивающейся ткани вокруг нее. Художник закручивает в полуокружность все пространство, выделяя его цветом, светом, фактурой. Светлый фон кажется нереальным, чем-то из области воображения, чувств и слуха. Фигуры балерин проносятся

в этой воронке эмоций, волнений, переживаний и музыкальных балетных ассоциаций. На таком фоне фигура Кармен воспринимается очень жизненной и её не академичный балетный танец напоминает музыку новаторской «Кармен — сюиты» Р.К. Щедрина. Яркое цветовое решение героини картины подчеркивает её энергию, эмоциональность, жизненность, реалистичность и противопоставляется тонкому миру эмоций, звучаний и чувств. В картине переплетаются традиции реализма и символизма, танца, музыки и живописи.

Складчатая поверхность искусства постмодернизма формируется по принципу дополнительности. Принцип дополнительности в постмодернизме не «дополняет» до целого и гармоничного, но демонстрирует прибавление смысла, или расширение текста, расширенное видение по смежности смыслов, близости складок, свободной и случайной ассоциации, прибавляет к пучку — пучок, к лабиринту — лабиринт, к складке — складку, к ризоме — ризому. Поэтому каждое произведение искусства предстает в виде сгустка, узла, пучка созданного складками «музыкальности», «живописности», «архитектурности», «театральности» и т.д. Любому произведению искусства надлежит выражать художественный замысел, но оно никогда его не выражает в полной мере, поэтому художник дробит свой творческий акт, полагая предел творения в других своих произведениях.

В картине И. Быковой «Город» композиция из различно окрашенных прямоугольников напоминает фортепианную клавиатуру, очевидно ритмическое чередование размеров темных и светлых «домов-клавиш», полифоническое наложение одних изображений на другие. Ключом к пониманию этой работы является еще одна работа художницы — «Аккорд». В ней выхвачен фрагмент городской среды «Города», о чем говорит обезличенный серый фон картины и те же цветные прямоугольники. По мнению художницы каждый из прямоугольников обладает звуком, которые складываются в непрерывно длящийся аккорд и наполняют музыкой пространство любого города. Способности звучания пространства зафиксированы в работе И. Быковой «Слышу». Цветовое решение этой картины тождественно колориту «Города», его основной тональности. Художница акцентирует внимание на волновой природе звука рождающегося вне человека и заполняющего всю его природу, при условии восприятия звучания пространства сердцем. Три работы художницы, дополняя друг друга, позволяют понимать живопись не только как изображение реальности красками на холсте, но как нечто большее, позволяющее почувствовать не изображенное,

не видимое, но также существующее в изображаемой реальности.

Московский художник Ю. Инюшкин запечатлел живописную «Формулу звука», которая, по его мнению, состоит из обезличенных кристаллов, наслоений желтого, зеленого, красного и синего цветов и всевозможных комбинаций линий. В картине использованы средства выразительности, способные осуществлять звучание, отмеченные, в свое время, в теоретических работах В.В. Кандинского. Данная работа может быть воспринята как точка отсчета в восприятии других его картин: «Воспоминания», «Отражения», «Римский вечер», «Вечер», «Ангел над городом», «Акварельный городок», «Иллюзия возможностей». Тяготение к геометризации, кристалличности, цветовым и формальным наслоениям позволяют «читать» подобные работы как музыкальные партитуры. Аналогичными приемами пользуется художник В. Пьянов (Москва) в работах «Архитектурная инвентаризация», «Античный мир», «Звуки музыки», «Колизей», «Российские Помпеи», «Композиция 95», «Российский Вавилон», «Мелодия абсурда». Художники средствами музыкальной живописи выражают способности архитектурных сооружений звучать, отражать динамику пространств и ход времени, казалось бы, так не свойственные архитектурной и живописной статике. В живописи В. Пьянов выступает как тонкий поэт архитектурного пейзажа и интерьера, держит реалии древнерусской стенописи «на слуху», помнит церковный интерьер и экстерьер «на ощупь». Музыкальная дискретика его письма и духовна и живописна одновременно. Общая тектоника его произведений тяготеет к кристаллической структурности, напоминая об игре граней горного хрусталя, о звучании органа. Таковы его работы «Вариация цвета», «Когда-то мы были птицами», «Церковь жен мироносиц».

Три вида искусства: музыка, живопись и архитектура объединяются на картине С. Попова «Музыка и вдохновение». Образ готического собора, «застывшей музыки», получает конкретное инструментальное воплощение в изображении игры на рояле, скрипке и флейте. Полет нотных листов подобен динамике птичьей стаи объединенной единым, звучным пространством голубого цвета, духовным, почти молитвенным порывом к свету, к совершенству, к идеалу.

Современное искусство, как любая ризома, соответствует принципам сцепления и гетерогенности (любое место ризомы может быть присоединено к любому другому ее месту), множественности, не означающего разрыва, нецентрированности и неиерархичности.

Литература:

1. Делёз, Ж., Гваттари, Ф. Капитализм и шизофрения/ Ж. Делёз, Ф. Гваттари. — М., 2001. — 53с.
2. Пост-модернизм. Энциклопедия. Интерпрессервис. Книжный дом. Минск. — 2001. — 1040с.
3. Эко, У. Искусство и красота в средневековой эстетике/У. Эко. — М., 2000. — 204с.

Ценностные ориентации в субкультуре Донского казачества по модели Гирта Хофстеде

Овчинников А.В., аспирант
Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова

В современной России проблемы, связанные с межэтническими и межкультурными конфликтами, имеют особое значение с позиции развития цивилизации. Успешное управление такими конфликтами предполагает изучение их участников. Таким образом, особой интерес представляет такое историческое, неотрывное от русской культуры, и во многом противоречивое явление как Донское казачество.

Субкультура Донского казачества, как составляющая русской культуры, очевидно, имеет общие признаки с «ядром культуры». Тем не менее, любой субкультуре присуща своя специфика, для выявления которой одним из проверенных способов является её категоризация по существующим научным моделям. Несмотря на то, что модели категоризации культур создавались и были опробованы на сформировавшихся устойчивых культурах, изучение Донского казачества как субкультуры по существующим моделям представляется актуальным. Во-первых, специальных полноценных моделей категоризации субкультур не существует; требуются предпосылки для создания такой узкоспециальной теории. Во-вторых, противоречивость казачества как социокультурного явления может выявить несовершенство моделей, как, например, отсутствие четкой системы измерения культур. В-третьих, Донское казачество изучалось преимущественно с исторической точки зрения, несмотря на давно утратившийся цивилизационный подход в науке.

Сложно выделить общую структуру культуры, т.к. в большинстве своем не однородны. Так исследование субкультуры, как составляющей культуры, скорее даст более детальное и точное представление об объекте исследования, чем о «ядре культуры». Тем не менее они нераздельно связаны, влияют друг на друга, так что результаты исследования культуры в отрыве от её составляющих не могут быть необъективными.

Категоризация культур происходит по конкретным моделям, с использованием определенных параметров дифференциации культур. Например, Гирт Хофстеде подразделял культуры по деятельности (индивидуалистические и коллективистские), мужские и женские, по дистанции власти, по терпимости к неопределенности [1, с. 89–93].

В 1979 исследование Гирта Хофстеде [2, с. pp. 286–316] проведенное в 53 странах показало, что каждый человек, в силу индивидуальных особенностей психики, социального окружения и соответствующих черт культуры, по-своему воспринимает окружающий мир. Он является носителем определенного образа мыслей и потенциальных действий. [3, с. 450–461] Подавляющее большинство социальных моделей поведения людей формируется

мируется в детском возрасте, поскольку именно в детстве человек наиболее восприимчив к процессам обучения. Как только определенные ощущения, формы мышления и способы действий рождаются и закрепляются в сознании индивида: они консервируются и с трудом поддаются изменениям, т.к. для усвоения новой информации требуется отказ от старых образцов. Отказ от привычных ощущений, мыслей и моделей поведения происходит сложнее, чем восприятие с самого начала. Такие механизмы формирования ощущений, мыслей и поведения культурные антропологи называют *ментальными программами* [4, с. 118–140]. Источниками ментальных программ являются культура и социальное окружение: условия, в которых происходит социализация и инкультурация человека.

Ментальные программы определялись исследователем как измерения культуры по принципу разделения по «дистанции власти», «коллективизму/индивидуализму», «маскулинности/фемининности», «отношению к неопределенности». [1, с. 89–93]

Отношение к власти (дистанция власти)

Параметр «дистанция власти» показывает значение, придающееся властным отношениям между людьми в различных культурах и степень различия культур относительно данного признака. [5, с. 89–118]

В Донской субкультуре поразительно сочетаются признаки свойственные культурам как с большой, так и короткой дистанцией власти. Донская субкультура имеет преимущественно иерархическую или вертикальную структуру, в то время как в культурах с короткой дистанцией власти иерархия выражена не так сильно и структура построения властных отношений является горизонтальной. В субкультуре Донского казачества с как в культуре с большой дистанцией власти всем вышестоящим лицам, начальникам или родителям оказывается подчеркнутое уважение и демонстрируется послушание — «без атамана казак сирота» [6, с. 54–56], «атаманом артель крепка» [6, с. 54–56], «без атамана дуван не дуванят» [7, с. 88].

С другой стороны, как и в культурах с короткой дистанцией власти, на Дону большое значение придается таким ценностям, как равенство в отношениях и индивидуальная свобода. Поэтому коммуникация была менее формальна, равенство собеседников подчеркивалось обращением друг к другу на «ты». Также эмоциональная дистанция между вышестоящими персонами и подчиненными у Донцов была незначительна. Любой казак мог подойти к своему атаману с вопросом или высказать критику

ческие замечания, что недопустимо в культурах с большой дистанцией власти.

В семейных отношениях члены казачьей семьи, наделенные властью, также требовали послушания, однако, развитие независимости поощрялось. Главной добродетелью считалось уважение к родителям и старшим членам семьи, однако, дети рассматривались в качестве равноправных членов семьи с того времени, как только они начинают активно включаться в семейную жизнь. [5, с. 89–118]

Социальная ориентация (коллективизм – индивидуализм)

Считается, что индивидуалистические культуры способствуют самореализации их членов. Коллективистская культура, наоборот, характеризуется тем, что в ней групповые цели превалируют над индивидуальными.

К культурам где дети растут в маленьких семьях, они воспринимают свое «я», которое определяет личную идентичность человека и отделяет его от других «я». Причем, в основе классификации других людей лежит не их групповая принадлежность, а индивидуальные признаки. Целью воспитания в таких культурах является развитие самостоятельности, независимости, в том числе и от родителей — «и один в поле воин, если он по-казачьи скроен» [8, с. 1–4]. Более того, ожидается, что ребенок покинет родительский дом как только цель воспитания будет достигнута. Нередко случается, что, уходя из дома, дети сводят контакты с родителями до минимума или даже прерывают совсем. В таких обществах от физически здорового человека ожидается, что он ни в каком отношении не будет зависеть от группы.

У Донских казаков дети росли в больших семьях-родах. Они учились воспринимать себя как часть «мы-группы» — «соборомъ черта поборемъ» [6, с. 54–56]. «Мы-группа» отличает себя от других групп в обществе и является источником создания собственной идентичности. Между казакom и станичниками изначально развивались отношения зависимости. Станица служила защитой для индивида, от которого в ответ требуется постоянная лояльность. Таким образом, в субкультуре Донцов, как и в большинстве коллективистских культур прямая конфронтация с другими людьми считается невежливой, нежелательной. Однако, «личное мнение» можно было высказать в любое время и оно ценилось.

Маскулинность – феминность [5, с. 89–118]

Хофстеде считал, что понятия маскулинность и феминность определяют социальные, заранее определенные культурные роли. Однако существуют различия в культурах относительно того, что считать «мужским», а что «женским». Таким образом Хофстеде в качестве критерия разделения маскулинных и феминных культур предлагает традиционное разделение общества: мужскому началу

приписывается твердость, ориентация на конкуренцию, соперничество и стремление быть первым; женскому — ориентация на дом, семью, социальные ценности, а также мягкость, эмоциональность и чувственность.

Согласно такому разделению в маскулинных культурах центральное место занимают работа, сила, независимость, материальный успех, открытость, конкуренция и соперничество и существует ясное разграничение мужских и женских ролей. В феминных культурах эти признаки считаются не столь важными. На первом плане здесь находятся эмоциональные связи между людьми, забота о других членах общества, сам человек и смысл его существования. Например, конфликты в таких культурах пытаются решать путем переговоров и достижения компромисса, в то время как в маскулинных культурах конфликты решаются в свободной борьбе, по принципу «победит лучший». Соответственно в маскулинных культурах у детей поощряется честолюбие, дух соревнования, самопрезентация. В работе здесь больше ценится результат, и награждение происходит по принципу реального вклада в работу. В феминных культурах при воспитании детей большее значение придается развитию чувства солидарности и скромности.

Донская субкультура поразительно сочетала в себе и признаки и мужского и женского начала. Ценились умение воевать («каковъ на гумне, таковъ и на войне» [8, с. 1–4]), сила («по правде и сила» [6, с. 54–56]), открытость («ходи прямо, гляди смело» [6, с. 54–56]), правдивость («стой за правду горою, тогда и люди за тобою» [6, с. 54–56]), слава («где казакъ, тамъ и слава» [6, с. 54–56]), здоровая конкуренция и смелость («казачья смелость порушит любую крепость» [8, с. 1–4]), смекалка («смекалка во всяком деле казака выручает» [8, с. 1–4]), четкое разграничение мужских и женских ролей («въ Бгаверь, врага — бей, землю ори, жинку — пори» [6, с. 54–56]), силовое решение конфликтов с врагами («кто пожалелъ врага, у того жена — вдова» [6, с. 54–56]), формирование честолюбия и духа соревнования у детей, результат в работе, награждение за дела («чтобы больше иметь, надо больше уметь» [8, с. 1–4]), что соответствует мужскому началу.

Однако, как в культурах с женским началом материальный успех и богатство не ценились, превалировала забота о ближнем, имелся смысл существования, конфликты внутри субкультуры решались путем переговоров (максимум разрешалось стегать друг друга нагайкой) и споров, но не силовым путем. Таким образом получается что субкультура Донского казачества ближе имеет больше мужского начала, чем женского, в противоположность русской культуре.

Отношение к неопределенности (избегание неопределенности). [5, с. 89–118]

В культурах с высоким уровнем избегания неопределенности в ситуации неизвестности индивид испытывает

стресс и чувство страха. Высокий уровень неопределенности, согласно Хофстеде, ведет не только к повышенному стрессу у индивидов, но и к высвобождению у них большого количества энергии. Поэтому в культурах с высокой степенью избегания неопределенности наблюдается высокий уровень агрессивности, для выхода которой в таких обществах создаются особые каналы. Это проявляется в существовании многочисленных формализованных правил, регламентирующих действия, которые дают возможность для людей максимально избегать неопределенности в поведении. В таких культурах постоянная спешка является нормальным явлением, а люди не склонны к принятию быстрых изменений и препятствуют возможным нововведениям.

Донская субкультура имеет много общего с культурами с низким уровнем избегания неопределенности. Казаки в большой степени склонны к риску в незнакомых условиях. Для них характерен более низкий уровень стрессов в неизвестной ситуации. Поэтому молодежь и лихие (с отличающимся поведением и образом мыслей) казаки воспринимались позитивно. Наблюдается отчетливое противоборство относительно введения формализованных правил (казаки считались иррегулярными

войсками), которое было эмоционально окрашено (отличная одежда, подчеркивание своей идентичности). Поэтому правила у Донцов устанавливались только в случае крайней необходимости — войны. В таких культурах как Донская люди считают, что они способны решать проблемы и без множества формальных правил — «куда казака доля не закинет, — все будет казакъ» [6, с. 54–56], «у нашихъ казаковъ обычай таковъ: где просторно, тутъ и спать ложись» [6, с. 54–56], «не тотъ казакъ, что поборолъ, а тотъ, что вывернулся» [6, с. 54–56].

Они в состоянии много работать, если необходимо, но при этом не чувствовать потребности быть постоянно активными. Однако, в субкультуре предпочтительнее размеренность, плановость и подготовка, чем неоправданный риск — «хочешь покою, готуйся до бою» [6, с. 54–56].

Таким образом, исследования субкультуры Донского казачества по существующим моделям категоризации культур свидетельствует о неоднозначности явления Донского казачества. Отсутствие специальных систем измерения субкультур также влияет на неточность и относительность полученных результатов, которые могут быть использованы в решении проблем о происхождении и культурных аспектах жизни Донского казачества.

Литература:

1. Hofstede, Geert (2001). *Culture's Consequences: comparing values, behaviors, institutions, and organizations across nations* (2nd ed.). Thousand Oaks, CA: SAGE Publications// Australian Journal of Management, Vol. 27, No. 1, Giana Eckhardt, June 2002.
2. Hofstede Geert. A Case for Comparing Apples with Oranges: International Differences in Values Journal article by International Journal of Comparative Sociology, Vol. 39, 1998 //Measuring Organizational Cultures: A Qualitative and Quantitative Study across Twenty Cases Journal article by Geert Hofstede, Bram Neuijen, Denise Daval Ohayv, Geert Sanders; Administrative Science Quarterly, Vol. 35, 1990.
3. Hofstede, Geert (July 1978). «The Poverty of Management Control Philosophy». The Academy of Management Review (Academy of Management) 3 (3).
4. Ailon, G. Mirror, mirror on the wall: Culture's Consequences in a value test of its own design//World Journal of Management Vol.1 No.1 September 2009.
5. McSweeney, Brendan (January 2002). «Hofstede's Model Of National Cultural Differences And Their Consequences: A Triumph Of Faith — A Failure Of Analysis». Human Relations 55 (1).
6. Сборник Рогожской старообрядческой казачьей станицы. Изд: Добыш Д.Г., 2008.
7. Федосов П.С. Казачьи традиции и обряды. Ставрополь, 2004.
8. Казачья Вольница № 41, 11.10.2001, Казачьи заповеди и поговорки.

Истоки творчества Казимира Малевича

Симонова О.А., аспирант

Русская христианская гуманитарная академия (г. Санкт-Петербург)

Казимир Малевич был первенцем в семье обедневшего польского дворянина. Отец его Северин Антонович содержал семью, работая, по разным данным, управляющим или инженером на сахароперерабатывающих заводах. Фабрики такого рода строились в украинской глубинке — поближе к сырьевым ресурсам. С большой долей

вероятности можно предположить, что Казимир получал домашнее образование. В своей биографии он написал об окончании пяти классов Агрономического училища.

Литературный стиль Малевича весьма своеобразен. До преклонных лет автора он изобилует «полонизмами», а также многочисленными орфографическими и синтак-

сическими ошибками, что подтверждает версию о значительных пробелах в образовании художника.

Обо всех особенностях такого рода упоминалось достаточно и современниками, и исследователями творчества художника, и самим К.С. «Я шел из глухих деревень<...>через безграмотное свое начало. И вот дошел до столыцы, оставаясь в ней в том же положении» [1, с. 440]. Свое нежелание учиться Малевич обосновывает в автобиографии таким образом: «Вся жизнь крестьян меня увлекала сильно. Я решил, что никогда не буду жить и работать на заводах. И никогда не буду учиться. Я думал, что крестьяне живут хорошо, все имеют, что им не нужно никаких заводов и никакой грамоты. Они все для себя делают сами, вплоть до красок» [2, с. 20].

Мир художника полон яркими впечатлениями из его деревенского детства. В письме М.О. Гершензону он предается воспоминаниям, полным высокой поэзии: «...я вырастал еще в более глухих полях провинции, где казалось, что все немое говорит с тобою, но только внутри себя чувствуешь, как исходящие лучи с полей, неба лесов, гор бьют по клавишам, немые звуки внутреннего только поднимают грудь высоко, и как будто поднимаешься на цыпочки, чтобы увидеть что-то, лежащее по-за ними» [1, с. 423].

Какими же образами наполнен самобытный мир украинской глубинки?

Если вновь обратиться к воспоминаниям художника, перед нами встает красочный патриархальный мир древней обрядности, незатронутый «фабричной» цивилизацией. «Помнятся мне свадьбы, на которых невеста и ее товарки были каким-то цветным узорчатым народом — в костюмах шерстяных цветных тканей, в лентах, вплетенных в косы и головные уборы, в сафьяновых сапожках на медных и железных подковках, голенища расшиты узорами. Жених и его товарищи в серых бараньих шапках, в голубых<...>шароварах, на шитье которых шло не меньше шестнадцати аршин материи, белая вышитая рубаша и широкий красный шерстяной пояс. Невеста ходила с товарками по всем улицам деревни с песней. Всякому встречному на улице делала низкие поклоны, три раза кланялась. Вот на этом фоне во мне развивались чувства к искусству, к художеству» [2, 20].

Несмотря на более чем тысячелетнюю историю христианизации, патриархальный славянский мир нес в себе глубины памяти, уходящие корнями в неолит и даже палеолит. Рассмотрение научно-исследовательской литературы о язычестве восточных славян, не входит в задачи данной статьи. Нас интересует соотношение изобразительного языка Малевича, знаковой системы изобретенного им супрематизма с философией народного творчества Малороссии. Художник сам описывал трепетное ощущение, с которым он прикасался к живому источнику искусства украинских селян: «Деревня<...>занималась искусством<...>она делала такие вещи, которые мне сильно нравились. В этих-то вещах и была вся тайна моих симпатий к крестьянам. Я с большим волнением смотрел, как делают крестьяне росписи, и помогал им вымазывать

глиной полы хаты и делать узоры на печке. Крестьянки здорово изображали петухов, коников, цветы» [2, 20].

Очувтившись в Москве, Малевич достаточно быстро меняет свой творческий почерк. Реализм — импрессионизм — символизм — фовизм — экспрессионизм — кубизм — футуризм — кубофутуризм: таков разброс интересов художника. Он ищет себя, пытается найти свое место в искусстве, за столбить некое художественное пространство исключительно за собой. Рассмотрим несколько этапов наиболее существенных для его творчества.

«Главным героем произведений Малевича неоприми- тивистского периода был крестьянин. Художник сумел предать впечатляющую силу человека, далекого от цивилизации, но гармоничного, благодаря связи с землей. Это ощущение направило живописца на использование монументальных форм, каноничных для изображения святых в древнерусских композициях<...>Как и в иконах в композициях Малевича 1900-х годов отсутствует индивидуальное начало» [3, с. 131]. Но крестьяне художника этого периода совершенно иные, чем святые древнерусской иконописи. На наш взгляд гораздо убедительней заняться поиском истоков его творчества этого периода в малороссийской крестьянской культуре. Вряд ли возможно увидеть нечто общее в изысканности линий допетровской «византийской» иконы и идолоподобности фигур малевичевых баб и мужиков. Связующим звеном между иконописью и его творчеством можно назвать украинскую провинциальную живопись. Только через призму народной культуры можно узреть некую призрачную связь с иконой.

В начале 1910-х художник создает ряд картин выполненных в новой стилистике, в какой-то мере соотносимой с кубизмом: Косарь. 1912. (Нижегородский художественный музей); Уборка ржи. 1912. (ГМА); Лесоруб. 1912–1913. (ГМА) и др. Обычно, вслед за Малевичем, этот цикл соотносят с иконописью, повлиявшей в то время на многих живописцев. Но, будущий великий супрематор использует совершенно иной линейно-пластический строй, близкий любезной его сердцу народной украинской живописи, парсунам и провинциальным «малюнкам» сельских «Вакул»-богомазов. Явной натяжкой было бы соотнести художественно-пластическое решение его картин с живописью, укорененной в византийской традиции.

Мировоззрение художника, выросшего в деревне и впитавшего крестьянскую культуру, напоено аграрной магией: «...не будет ошибки сказать, что мои плоскости есть ростки насыщенного пространства цветом» [1, с. 418]. Цвет в понимании художника обладает почти мистической силой. Подобно палеотворцам, Малевич ощущает символическую значимость цвета, в микрокосме которого собраны представления о макрокосме: «Неизвестно, кому принадлежит цвет — Земле, Марсу, Венере, Солнцу, Луне? И не есть ли, что цвет есть то, без чего мир невозможен» [1, с. 416].

«То, что сделано бессознательно, теперь дает необычайные плоды» [4, с. 186], — пишет художник о создании квадратуры супрематизма своему другу и единомышлен-

нику М. Матюшину. Для нас крайне важно, что Малевич признается в бессознательном наитии «иконы нового искусства», креативности подсознания. То есть квадрат не выводится логически, как последующие постулаты супрематизма, он вырастает из недр подсознания, как правило, закладываемого в детские годы.

Малевич делал попытку видоизменения не только современной ему художественной культуры, но и социальной, при помощи последовательного преобразования в трех квадратах — черном, красном и белом. Создатель супрематизма тремя квадратами, последовательно сменяющими друг друга, предлагает свою парадигму развития культуры. Три цвета у художника указывают путь в новое «миростроение».

В восточнославянской традиционной культуре — это базисное цветовое сочетание. Вышивки, народная роспись керамики и других предметов крестьянского быта, пасхальные писанки — эти аккумуляторы древней языческой философии — изукрашены, как правило, именно этими тремя цветами.

Семантика черного цвета (земли) включала понятия, связанные с цикличным воспроизводством: такие как животворящая мощь, способность «рожать», так и потусторонние функции поглощения, принятия в себя всего живого. Черный цвет матери земли — животворное начало древних земледельцев неолита — «начало удивительных возможностей» [4, с. 186] у Малевича.

Красный — цвет жизни, продолжения рода, реинкарнации, возрождения (достаточно вспомнить захоронения палеолита, впрочем, как и более поздние; цвет пасхального яйца — символа гораздо более древнего, чем история христианства; брачные одежды невесты). У Малевича красный квадрат выполняет аналогичные функции. В супрематической мистерии через этот квадрат происходит преобразование мира.

И, наконец, последний квадрат у художника — белый. Белый цвет издревле считался знаком смерти и одновременно очищения, цвет света и святости. «Белый квадрат<...> является еще толчком к обоснованию миростроения как «чистого» действия, как самопознание себя в чисто утилитарном совершенстве «всечеловека»» [5, с. 188]. То есть у Малевича белый квадрат символизирует новый, совершенный мир; становится метафорой новой философии художественной культуры. Философия цвета у Малевича очень близка ее видению в крестьянском искусстве. Он выбирает корневые цвета, культура использования которых базируется на первых опусах человечества — пещерном творчестве палеолита, и, проходя сквозь тысячелетия, отзываются эхом в традиционной народной культуре.

Геометрическая символика художника также имеет очень древние корни. Сама идея кодирования в геометрических фигурах определенных мировоззренческих категорий восходит к культуре неолита, дорастая до философии космизма в орнаментации дошедшей до нас керамики того же времени. Этот своеобразный код столь укоренен в патриархальном обществе, каковым являлось

крестьянство в России, что доживает фактически до начала двадцатого столетия, а иногда и далее. Смысл изображаемого постепенно терялся — художественная культура трипольского земледельца, наполненная аграрной магией, превращалась в абстрактную схему, традиционно повторяемую из поколения в поколение. Схематическое изображение космоса древности стало нарядной абстракцией, «беспредметностью». Малевичу оставалось только перенести «супрематическую» геометрию народного творчества на пространство холста. С большой долей вероятности, можно вести речь именно о таком развитии событий — художник, скорее всего, бессознательно использовал геометрический код, воспроизводимый украинским крестьянством, разрабатывая свою оригинальную систему супрематизма.

«Квадрат супрематический — такой же элемент, как черточка первобытного человека» [6, с. 110]. Квадрат, ассоциирующийся с устойчивостью, считается, как правило, символом земли. Четыре стороны его — ориентация на стороны света — носит элемент космизма. Языческие божества знаменитого збручского идола, как известно, смотрят «на все четыре стороны», соответствуя идеограмме, образ которой хранится в русских сказках. Если вновь обратиться к семантике народной вышивки, то, как правило, исследователи относят квадрат к земледельческой категории. Идеограмму вспаханного поля изображалась и на различных предметах быта; в частности на туесах и коробах древнего Новгорода «господствовали архаичные символы плодородия в виде ромбов и квадратов «засеянного поля», зачастую в сложной переработке» [7, с. 503]. Малевич переворачивает ромб, поставив его на плоскость, придав ему устойчивость и монументальность. Квадрат в квадрате, своеобразно трансформированная идеограмма поля с точкой зерна, сохраняет идею зарождения новой жизни.

Круг — солярный символ, общий для мировой культуры. «Священным местом в избе была матица (укр. «сволок»), главный средний брус потолка. С матицей связан ряд обрядов и юридических обычаев. Общеславянским, а, следовательно, весьма древним, является устойчивый обычай вырезать на матице «колесо Юпитера», круг с шестигранником и шестилучевой розеткой внутри него» [7, с. 497]. «О прямой контаминации образов «солнце», «яйцо», «зерно» говорит украинский обычай в день Вознесения, ходя по ниве, подбрасывать вверх окрашенные в красный цвет яйца» [8, с. 43]. Древний макрокосм заключен в украинских писанках, в особенности интересны карпатские, наиболее архаичные: «В их декоре наиболее распространена геометрическая орнаментация. Это различные клинчики, ромбы, кривульки, звезды, кресты, солнечные знаки» [9, с. 177]. Во всемирном мифотворчестве достаточно часто яйцо — начало обитаемого мира и даже вселенной. По замыслу Малевича из его геометрической троицы должен быть сотворен новый супрематический мир, а сам художник — егодемиург.

Семантика креста, включенного в другие геометрические фигуры крайне разнообразна. Но, пожалуй, ос-

новное значение этой идеограммы — кодирование идеи пространства. Замечательно точно объясняется генезис такого символизма у Б.А. Рыбакова: «Одним из древнейших выразителей этой идеи пространства, окружающего нас со всех сторон, был знак креста, зафиксированный (за несколько тысяч лет до возникновения христианства) у древних земледельцев энеолита. Крест помещали внутри солнечного круга, чтобы обозначить повсеместность его света, распространяющегося во все стороны. Этих сторон было четыре.<...>В XIX в. богомольцы-паломники, отправляясь на богомолье, крестились и клали поклоны, прощаясь с родными местами, «на все четыре стороны». Почему именно четыре? Ответ ясен — это основные и простейшие географические координаты: восток и запад, юг и север. Или еще проще: вперед и назад, вправо и влево. Идея координат, умение определять страны света появилось, очевидно, еще у бродячих охотников мезолита» [7, с.550–551]. Крест, как круг и квадрат, непременно присутствует в крестьянском домашнем микрокосме — это вышивка и тканое полотно, резьба по дереву и гончарные изделия, и пр. Крест одновременно замыкает и объединяет символику геометрии Малевича. Используя геометрию народного орнамента, создатель супрематической философии, впитавший крестьянскую культуру, подсознательно воспроизводит и его семантику.

Большинство исследователей рассматривают геометрический символизм супрематизма, опять-таки, как заимствование из древнерусского искусства. Вероятно, завораживающее впечатление производит магия слова Малевича, раскрывающего генезис собственного творчества. Но К.С. — известный мистификатор, целеустремленно и убедительно создающий свой миф.

«Создавая символическое духовное искусство, Малевич обращался к выработанным человечеством древним архетипам, несущим в себе те качества, которые он стремился передать в своих абстрактных геометрических построениях, то есть энергию, существующую в самой форме, в сочетаниях одних форм с другими. На этом пути немалое значение для него имело освоение древнерусского искусства с его космической тематикой. Весьма важно, что этот язык обладал своей геометрической символикой...» [3, с.136]. Достоин удивления то, что исследователи, понимая древность символических архетипов, упорно соотносят их с иконописью. Хотя корни такой геометрии уходят в гораздо более глубокие слои культуры человечества — неолит, а возможно, еще глубже.

Именно благодаря обращению к столь глубоким корням, понятным на подсознательном уровне каждому, живописное наследие Малевича, несмотря на свою неоднозначность, ознаменовало собой новую эру в художественной культуре всего мира.

Литература:

1. Малевич К.С. Письма К.С. Малевича разным адресатам в: Черный квадрат. СПб. 2003.
2. Малевич К.С. Биография в: Малевич о себе. Современники о Малевиче. М. 2004.
3. Тарасенко О., Миронов В. Космизм Казимира Малевича в: Малевич. Классический авангард. Витебск. Материалы конференции первого и второго международных пленэров «Малевич. УНОВИС. Современность». Витебск 1997.
4. Малевич К.С. Письмо Матюшину от 27 мая 1915 г. Малевич К.С. Письма к М.В. Матюшину. Публ. Е.Ф. Ковтуна. «Ежегодник рукописного отдела Пушкинского Дома на 1974 год». Ленинград 1976.
5. Малевич К.С. О партии в искусстве в: Издания витебского периода (1919–1922 годы). Статьи и теоретические сочинения. Собрание сочинений в пяти томах. Т.1. Москва 1998.
6. Малевич К.С. Супрематизм. Мир как беспредметность. Публикации 1927 года. Германия. Статьи и теоретические сочинения, опубликованные в Германии, Польше и на Украине. 1924–1930. Собрание сочинений в пяти томах. Т.2. Москва 1998.
7. Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси. Москва 1987.
8. Даниленко В.Н., Шилов Ю.А. Начала цивилизации. Москва 1999.
9. Болтарович З.Е., Глушко М.С., Голубец О.М. и др. Украинские Карпаты. Культура. Киев 1989.

Документально-историческая справка о пути развития и окончании преследований в «Охоте на ведьм»

Фадеева Т.Ф., кандидат философских наук, доцент
Русская христианская гуманитарная академия (г. Санкт-Петербург)

Нельзя вывести одного единственного и безупречно правильного решения по проблематике связанной ведьмами и ведовством, поскольку, можно проследить не-

сколько различных противостоящих друг другу отношений к данной традиции. Существование нескольких сторон в той или иной степени соприкоснувшихся с этой тематикой

усложняет принятие раз и навсегда правильного решения. Можно сказать, что в этом вопросе с одной стороны находятся те, кто в той или иной форме разделял идеи ведовства, а также те кто «активно работал» с ними, т.е. инквизиторы. С другой стороны, располагаются простые обыватели, непосредственно столкнувшиеся с традицией колдовства и втянутые в жесткие политические игры. Непримиримое противостояние этих сторон также добавляет свое понимание и отношение к «Охоте на ведьм», а также связанных с этим вопросов.

При проведении систематического рассмотрения всего того, что связано с темой «Охоты», можно проследить несколько подходов к данной проблематике значительно повлиявших на отношение к ней. Во-первых, нельзя сбрасывать со счетов существование некоторого сакрального знания, которое может применяться на практике (во зло или во благо в зависимости от воли и сознания действующего лица, поскольку как таковое само по себе знание не несет в себе сугубо негативного характера и является пограничным источником). Во-вторых, существует большой страх перед данным видом знания непонимающих (не посвященных) его людей и более того, не желающих хотя бы немного разобраться в данном феномене культуры. В-третьих, те, у которых оно не укладывается в их религиозную доктрину и рассматривается ими как нечто подрывающее существующие религиозные устои. В-четвертых, в этом вопросе присутствует материальная сторона, связанная с получением денег и земельных угодий заинтересованными лицами.

Из вышесказанного следует то, что в основном указанные причины влияли на происхождение идей работавших в ходе проведения «Охоты на ведьм», получившей широкое распространение в средневековом обществе. Однако нужно не забывать о существовании пострадавшей стороны, в большинстве случаев подвергавшейся психологическим нападкам, конфискации имущества и гонениям. Анализируя документы, раскрывающие исторические реалии, можно наблюдать представителей данной стороны «Охоты», которые были лишены здоровья и жизни. Многие примеры, запечатленные в истории, могут служить подтверждением подобных явлений.

За все время человеческой истории, за тысячелетний опыт, отношение и понимание таких понятий как — «ведьма» и «колдовство» менялось неоднократно от положительного отношения до отрицательного. Не один раз маятник человеческих взаимоотношений раскачивался в ту или иную сторону.

Для погружения во многовековую проблематику «за» или «против», «война» или «мир», «охота» или «спокойствие», необходимо непредвзято рассмотреть то, что происходило в прежние века.

Самые тяжелые испытания на долю людей, соприкоснувшихся с данной стороной жизни в Европе, приходится на три столетия с 1450 по 1750 года. Можно видеть, что узаконенное государственной и церковной властью пред-

ставление о ведьмах, как о еретиках, привело к тому, что за столетия репрессий были официально казнены тысячи и тысячи безвинных людей. Однако, несмотря на всю опасность преследования, гонения и страха за свою жизнь, продолжали в это время звучать голоса направленные против «Охоты на ведьм».

Против судебных процессов проводимых над ведьмами и последующих после них страшных казней в XVI-XVII вв. выступали такие выдающиеся личности своего времени как: П. Помпонацци, Агриппа, М. Монтень, К. Томазий и др. Также необходимо отметить, что во второй половине XVI в., в 1563 г., Жан Виер, голландский врач, лейб-медик герцога Клевского, публикует книгу «Дьявольские наваждения, заклинания и яды». [2, с. 109—110] В своем трактате он, с одной стороны, не отрицает существование дьявола и колдовских манипуляций. С другой стороны, в тексте говорится о том, что чаще всего колдуны и ведьмы являются больными людьми, которых следует лечить, прибегая к медикаментозной помощи.

Более того, необходимо отметить, что в конце XVIII в. вопрос «Охоты на ведьм» оставался очень актуальным. В этом контексте показательным является то, что в годы Великой Французской революции был издан (22 августа 1791 г.) специальный декрет по вопросу ведовства. По данному документу на законодательном уровне запрещалось проводить любые процессы над ведьмами и колдунами. Юридически было закреплено, что все те, кто так или иначе был связан с колдовской (оккультной) традицией, не зависимо от их возрастной категории и принадлежности к социальной структуре, безоговорочно признавались душевнобольными.

Однозначного ответа на вопрос о том, кто мог быть причислен к знатокам тайного знания и за какие дела — не существует.

Изучение исторических реалий «Охоты на ведьм» демонстрирует то, что к колдовской (ведовской) традиции относили не только женщин и мужчин. Практически все они несмотря ни на что имели возможность в некоторой степени противостоять властной структуре. Однако «под колеса» религиозной машины «бросались» также и беззащитные животные, попадавшие в жестокие руки инквизиторов и религиозных фанатиков.

Объяснения того, почему тот или иной человек более склонен к данным умонастроениям — в средневековье нет. Однако, Иоганнес Нидер, принадлежавший к доминиканскому монашескому ордену, около 1435 года заявлял о том, что число женщин обладающих тайными знаниями во много раз больше чем мужчин. Из его исследований, проводившихся не один год, становится очевидно, что это происходит постольку, поскольку в самой природе женщины заложено не только злословие, но и склонность к пустым, длительным разговорам. С этим представлением и профессиональным рассуждением в 1510 г. также соглашался немецкий проповедник Гейлер фон Кайзерсберг. Более того, он еще добавлял, причина женской склонности к ведьмовской традиции про-

исходит из-за того, что слабый пол по своей природе больше мужчин легковверен, более утончен, а, следовательно, впечатлителен и склонен ко всяким видам галлюцинаций. [1, с. 56.]

Несмотря на все предпринятые гонения и негативные отношения к ведьмам и колдунам в XVI в., представления о них и их деятельности можно найти окрашенными и в положительный цвет. Так известный юрист и судья по делам ведьм Пауль Гриландус около 1525 г. подчеркивал, что за свершенное колдовство, не приносящее вред, а пользу, как-то: излечение болезней, отведение непогоды, закон не должен оказывать карающего воздействия. С этим мнением был также согласен и один из ведущих демонологов кон. XVI — нач. XVII вв. Франческо-Мария Гваццо, часто выступающий в судебных процессах в качестве консультанта. Составляя свою классификацию магии, он подразделял ее на две части, принадлежность которых зависела от ее происхождения. Во-первых, он выделяет природную магию, т.е. ту, которая через все свои практики оказывает на окружающих только положительное действие и дарована человеку Богом. По его рассуждению данная магия в своих действиях (практиках) использует сведения, основанные на знании секретов природы. К этому виду магии относится, например, присутствующее в библейском тексте описание того, как Тови с помощью рыбьего желчного пузыря вылечил своего слепого отца. Во-вторых, на искусственную магию. По мнению Гваццо все действия в этом разделе магии осуществляются с помощью дьявола и его многочисленных помощников. [1, с. 63.]

Но, несмотря на различные положительные мнения демонологов, даже приносящая пользу *белая ведьма*, использовавшая в своей деятельности знания о природных (натуральных) свойствах растений, попадала в группу преследуемых как церковными, так и политическими властями.

Знахарство, или белая магия, по законодательству принятому после 900 г., каралась по всей строгости закона, как злостное преступление против государственных устоев. Наказанием за причастность к этой деятельности могло служить как отлучение от церкви, так и судебный процесс, с передачей обвиняемой в руки светских властей, для приведения в исполнение вынесенного приговора. [1, с. 63]

По всей Европе, и со временем в Новом Свете, повсеместно стали преследоваться все те, кто осмеливался лечить травами, мазями или настоями. Все эти люди обвинялись в сговоре с дьяволом и против них безотлагательно начинались судебные процессы. В своих работах Жан Винсент также придерживался подобной точки зрения. В книге (ок. 1475 г.) «Против колдовства и тех, кто считает, будто это колдовство не оказывает никакого действия» [1, с. 63–64.] Винсент отмечал: «...те, кто лечит травами, могут делать это только с помощью дьявола, заключив с ним тайный или явный сговор».

В Англии традиция обращения к ведьмам (знахаркам) существовала задолго до распространения христианской

традиции. Как в любом традиционном обществе обычай совершать визиты, обращаясь за помощью к тем, кто использовал знания предков, не был утрачен даже после того, как христианство повсеместно было объявлено государственной религией. Однако многие из тех, кто прибегал к помощи знахарки и получил положительный результат в лечении, после плачевного взаимоотношения с официальной медициной, все же выступали с осуждением данной практики для поддержания государственной и церковной политики. Так, Фуллер в «Holy and Profane State» писал: «Белые и черные [ведьмы] в равной степени виновны, поскольку одинаково вступают в соглашение с Дьяволом». Другой видный английский деятель Джордж Гиффорд также придерживался подобной точки зрения. В своей работе от 1593 г. «Диалоги о ведьмах и ведовстве» («Dialogue») он отмечает необходимость наряду со всеми черными ведьмами уничтожение и белых ведьм. [1, с. 64]

В любое время существует страх перед неизвестным и естественно в этом случае начинает действовать инстинкт самосохранения перед этим неизвестным. Или же, что более характерно, в этих «Охотах на ведьм» происходило вытеснение той культурологической основы, которая отрицалась христианской церковью, и, следовательно, была доктринально опасна для представителей официальной религиозной традиции. Так, например, «...в своей булле от 1258 г. Папа Александр IV разрешил инквизиции преследовать колдунов в тех случаях, когда их действия противоречили правилам веры...». [1, с. 46] Поскольку в случае повального увлечения применением не церковных методов как в религиозно-ритуальных практиках, так и в официально признанной медицинской помощи, денежные средства уходили бы из церковной казны. Все перечисленные элементы могли привести к тому, что паства возможно прекратила бы делать денежные отчисления со своих доходов в церковную казну. Вследствие этого всё выстроенное здание церковной структуры пришло бы в обнищание и упадок. Официальная, светская власть также была заинтересована в крепкой церковной власти, которая в различных сложных для государства ситуациях могла успешно воздействовать на умы людей. Также, с этим на прямую был связан и страх того, что во время осуществляющейся «Охоты» пострадает и какая-то конкретная семья. Следовательно, существует приоритет во времени: «...если не я, то меня». Страх за свою жизнь и жизнь своих близких мог приводить к распространению беспочвенных наветов и наговоров. В-третьих, существовала возможность наживы на чужом несчастье, т.к. после приведения приговора от осужденного оставалось некоторое имущество. В не зависимости от того велико или мало было вознаграждение, возможность обогащения прельщала многих.

В своих проповедях священнослужители также неоднократно призывали свою паству к борьбе с ведьмами. Так в проповеди, произнесенной в Бостоне, в 1689 г., аме-

риканским богословом и писателем, являвшимся идеологом и историком американского пуританства, Коттоном Мазером прямо говорилось, что нет в мире такой ведьмы,

которая может приносить добро и, следовательно, из такого положения делалось заключение, что все они должны быть неукоснительно искоренены.

Литература:

1. Робинс Р.Х. Водовство. Свод основных понятий/ Пер. с англ. Н. Масловой. — СПб.: Азбука-классика, 2005. — 448 с. , ил.
2. Сальман Ж.-М. Ведьмы — невесты дьявола. С. 109—110.

МУЗЫКОВЕДЕНИЕ

Чудо-свирель Эдельвены Смеловой

Игнатова М.А., соискатель
Ростовская государственная консерватория

Несколько десятилетий назад талантливым московским музыкантом Эдельвеной Смеловой были созданы чудесная детская свирель и методика игры на ней. Когда свирель попала в руки мне и моим ученикам, никто из нас даже и не предполагал, что последует далее. Первоначально ставились лишь довольно стандартные методические цели: развить певческое дыхание, музыкальный слух, улучшить интонацию на уроках сольфеджио подготовительных групп музыкальной школы.

Однако чудо-свирель настолько пришлась всем по душе, что мы дули в нее с удовольствием весь урок, тем самым постепенно вытеснив из него все остальное — пение, ритмические игры, задания по теории музыки и все остальное. Далее начались еще более интересные вещи — неожиданно для меня чисто и красиво запели все играющие на инструменте, даже самые, как казалось ранее, безнадежные «гудошники». Дети старались не пропускать уроки сольфеджио и очень быстро разучивали новые пьесы.

Для записи мелодий для свирели я применяла методику Э. Смеловой. Стержневым моментом ее методики является то, что автор предлагает записать музыку, альтернативную нотной. Суть записи музыки по методике Эдельвены Смеловой сводится к следующему. Свирель имеет шесть отверстий. Три первых отверстия (считаем сверху) закрываются пальцами левой руки, остальные три — пальцами правой руки. Цифра 1 означает, что следует закрыть первое верхнее отверстие. Цифра 2 — первое и второе верхние отверстия, цифра 3 — первое, второе и третье верхние отверстия и т.д. Если все отверстия свирели открыты, то звук обозначается цифрой 0. Под цифрами, заменяющими нотные знаки, записывается ритмический рисунок мелодии. Запись музыки по методике Эдельвены Смеловой представляет собой, таким образом, очень простые и удобные для восприятия ребенка цифровки.

Каждая из цифр соответствует определенному звуку. Так, цифра 1 является нотой «си» первой октавы. Цифра 2 соответствует ноте «ля» первой октавы, цифра 3 — ноте «соль» первой октавы. Цифра 4 соответствует ноте «фа-диез» первой октавы, цифра 5 — ноте «ми» первой октавы. Цифра 6 соответствует ноте «ре» первой октавы, а «0» — ноте «до» второй октавы. Если сильно подуть в свирель при закрытых шести отверстиях (цифра 6), по-

лучится звук «ре» второй октавы. Аналогичное явление получается и при закрытых пяти отверстиях (цифра 5) — получается звук «ми» второй октавы. Более подробно с методикой записи мелодий Эдельвены Смеловой можно ознакомиться в ее самоучителях «Свирель поет», «Свирель звонкая поет».

Когда я только начинала заниматься свирелями, у нас вообще не было каких-либо нот для этого инструмента. Поэтому для занятий мною были сделаны переложения некоторых народных мелодий и мелодий музыкальных пьес, которые записывались цифрами по методике Э. Смеловой и поэтому выучивались детьми очень быстро. Их исполняли под аккомпанемент фортепиано или синтезатора. А дети все время (каждый урок!) хотели играть новые мелодии. Брать их было совершенно негде.

Делать переложения для свирели — дело нелегкое, ведь этот инструмент ограничен как в диапазоне, так и в своем звуковом составе. К примеру, на свирели вообще нет диеза, а самый высокий звук, который можно извлечь красиво — «ми» второй октавы. Нужно было что-то делать. В такой ситуации появилась первая моя музыкальная пьеса, написанная специально для полюбившегося всем нам инструмента — свирели, с учетом всех его возможностей и особенностей. Эту пьесу я назвала **«Играем джаз»**.

Начало пьесы — веселый диалог двух свирелей: сначала играет одна, затем то же самое — другая. Во втором и третьем эпизодах обе свирели приходят к «единому мнению» и играют вместе. Пьеса должна звучать энергично и весело, а неожиданные акценты и sforцандо в партии свирели придают звучанию юмористический оттенок.

В среднем разделе одна из свирелей поет меланхоличный задумчивый блюз. Однако эта меланхолия длится недолго — энергия и беззаботность, характерные для этой пьесы в целом, возвращаются в заключительном разделе. При исполнении заключительного раздела можно потопать в такт правой ножкой. А слушатели могут поаплодировать в этот момент. Эта пьеса удивительно позитивна! В ее создании мне очень помогли мои маленькие коллеги, учащиеся музыкальной школы — Кристина Князева и Аделина Логунова, которые воплощали задуманное в самых разных вариантах, когда мы искали самый лучший. Благодаря этому совместному творчеству, из партии свирели было исключено все то, что было технически неудобно исполнять или же не звучало.

М. Игнатова. Играем джаз

Посвящается Логуновой Аделине и Князевой Кристине.

The musical score is handwritten and consists of two systems. The first system begins with a vocal line in the treble clef, followed by piano accompaniment in the grand staff (treble and bass clefs). The piano part includes chords, triplets, and dynamic markings such as *f* and *sf*. The word *Rubato* is written above the first piano staff. The second system continues the piece, with a double bar line and a circled Roman numeral II indicating a new section. The piece concludes with a double bar line and a repeat sign.

The image displays a handwritten musical score for a piece in G major (one sharp). The score is organized into four systems, each containing a vocal line and piano accompaniment.

- System 1:** The vocal line begins with a melodic phrase marked with a slur and an accent (>). The piano accompaniment consists of chords and single notes. A circled Roman numeral 'I' with an arrow points to the end of the first system.
- System 2:** The vocal line continues with a melodic phrase. The piano accompaniment features chords and single notes. A circled Roman numeral 'III' is placed at the beginning of the system.
- System 3:** The vocal line has a melodic phrase. The piano accompaniment includes chords and single notes, with a dynamic marking 'sf' (sforzando) appearing in the right hand.
- System 4:** The vocal line features a melodic phrase with a slur and an accent (>). The piano accompaniment includes chords and single notes, with a dynamic marking 'sf' (sforzando) appearing in the right hand.

The score includes various musical notations such as slurs, accents (>), triplets (marked with '3'), and dynamic markings ('sf'). The key signature is G major (one sharp).

Пьеса «Играем джаз» была записана для свирелей отдельно — это были такие же ноты, что и выше, но под каждой нотой в партии свирели стояла цифра, соответствующая данному звуку.

Еще одна пьеса, написанная мною специально для свирели — **«Индийские Лотосы»**. После того, как она появилась, я решила проверить, как пьеса воспринимается слушателями. Судьи были выбраны самые строгие — «Индийские Лотосы» были исполнены на уроке слушания музыки, где дети заполняют небольшие тесты, отражающие их впечатления о прослушанной музыке. После того, как все дети сдали тесты, я обнаружила среди них один пустой. На мой вопрос, почему там ничего не написано, последовал такой ответ: «Эта музыка загипнотизировала меня своей красотой. Поэтому я ничего не смог написать». Среди на-

званий, придуманных в тот раз для этой пьесы детьми, отмечу «Весеннее вдохновение» и «Волшебные блики».

«Индийские лотосы» написаны для солирующих свирелей и аккомпанирующего вибратона. Лучше всего исполнять эту пьесу с подголоском скрипичного тембра синтезатора, дублирующим на октаву выше верхний звук аккордовой вертикали в партии вибратона, который тянется целый такт (половинными длительностями) в первом разделе, и исполняется четвертями во втором. В заключительном разделе пьесы (последние 4 такта), скрипичный подголосок должен звучать еще на октаву выше, как будто бы растворяясь в воздухе. По задумке автора, вибратон символично воплощает воду, скрипка — играющий на воде солнечный луч, а свирели — цветущие индийские лотосы.

М. Игнатова. Индийские Лотосы

Посвящается Эдельвене Смеловой

dolce

The musical score is written in a single system with four staves per system. The first staff is the vocal line, and the second and third staves are the piano accompaniment. The fourth staff is a continuation of the piano accompaniment. The key signature is D major (two sharps). The tempo/mood is marked *dolce*. The piano part features a steady eighth-note accompaniment in the left hand and chords in the right hand. The vocal line is melodic and expressive. The score is written in a single system with four staves per system. The first staff is the vocal line, and the second and third staves are the piano accompaniment. The fourth staff is a continuation of the piano accompaniment. The key signature is D major (two sharps). The tempo/mood is marked *dolce*.

Еще одна пьеса, написанная мною для ансамбля свирелей и вибратона — **Японская мелодия «Сакура» (Цветущая вишня)**.

Начало пьесы — задумчивый разговор двух свирелей, звучащий очень светло и певуче. Особый колорит этой пьесе придает необычное (квартово-квинтовое) тремоло вибратона, напоминающее звучание восточного ударного музыкального инструмента. В средней части пьесы ансамбль свирелей исполняет соло с трелями, на фоне яркого колокольчикового сопровождения вибратона. В этой части в сопровождении необходимо добавить аккордовый фон, используя синтезатор. Для этого лучше всего подойдет скрипичный тембр, как наиболее светлый и теплый.

«Сакура», как и все мои пьесы, исполнялась в самых разных вариантах. Для исполнения этой пьесы мы привлекали блок-флейты, синтезатор, разные ударные музыкальные инструменты. Следует особо отметить, что мои дети всегда активно и с интересом участвовали в создании новых пьес для свирели — пробовали играть их в разных вариантах, искали на инструменте необычные трели и украшения, иногда немного переделывали мелодии — и эти

варианты мы тоже рассматривали. Иногда нами были придуманы выразительные театральные детали, превращавшие исполнение в игру, чаще всего наполненную юмором. Таков, например, «спор-разногласие» двух свирелей в еще одной из наших пьес, напоминающей, скорее, смешную театральную сцену — «Рондо-коллапс».

Словом, все мы неожиданно как для самих себя, так и для окружающих, превратились в настоящий творческий «источник» — новые пьесы для свирели стали появляться одна за другой, и все они были совершенно разными и по музыке, и по характеру, и по стилю, и по нюансам исполнения, и по исполнительскому составу.

И дети, играющие на свирели, и я так увлеклись творчеством, что было решено создать уникальный ансамбль — Творческую Мастерскую «Лель». Чудо-свирель Эдельмены Смеловой уже в который раз успешно выполнила свою главную задачу — подобно волшебной палочке, наполнила всех нас Великой Магией — Музыкой, предоставив возможность коснуться ее своей Душой не только слушая, но и самостоятельно исполняя, а также, что не менее важно, активно участвуя в ее создании.

М. Игнатова. Японская мелодия «Сакура»

Ко Дню Защиты детей – посвящается детям Японии.

The musical score is handwritten and consists of several systems of staves. The first system includes staves for *svirell I:* and *svirell II:*, both in treble clef with a key signature of one sharp (F#) and a 4/4 time signature. Below these are staves for a piano (p) section and a cello/contrabass section. The piano section features a melodic line with triplets and a bass line with chords. The cello/contrabass section has a melodic line with triplets and a bass line with chords. The score includes various musical notations such as triplets, trills (tr), and tremolos. Handwritten annotations include *cantabile orientale* and *vibrato: cantabile orientale*.

Brillante fantastico

mf

Brillante fantastico

mf

mf

mf

cantabile orientale

cantabile orientale

(tremolo)

(tremolo)

Литература:

1. Смелова Э. Свирель поет. — АПН, Москва, 1991. — 16 с.
2. Смелова Э. Свирель поет. — АПН, Москва, 1992. — 16 с.
3. Smelova E. Reed sings. — Toronto, Canada, 1999, 2008. — 32 с.

«Видения Иоанна Грозного» С. Слонимского: к вопросу специфики интерпретации истории в современной опере

Игнатова М.А., соискатель
Ростовская государственная консерватория

Русская трагедия «Видения Иоанна Грозного», созданная С. Слонимским в 1995 году, стала еще одним обращением выдающегося композитора современности к памятным страницам отечественной истории. В отличие от предыдущих сочинений, «Видения Иоанна Грозного» были написаны композитором С. Слонимским и либреттистом Я. Гординым по историческим документам XVI века, что само по себе свидетельствует о стремлении авторов постичь глубинный смысл прошлого, а не руководствоваться интерпретацией, отраженной в авторских исторических романах.

В либретто оперы использованы лишь исторические источники, и, прежде всего, труд Н. Карамзина «История Государства Российского». Обращение авторов к трудам выдающегося ученого-историка было не случайным, поскольку именно им впервые была дана справедливая и объективная оценка роли личности Ивана Грозного в истории России.

Мысли Н. Карамзина по поводу царствования Ивана Грозного развивали и некоторые другие известные историки — В. Ключевский, С. Соловьев, Н. Костомаров.

Сущность оценки этими историками политической деятельности Ивана Грозного была резко противопоставлена общепринятой. Она заключалась в том, что политический вопрос о порядке и стремление к созданию единой государственности царь превратил в бесцельную и неразборчивую бойню. Тщательно изучив летописные источники, свидетельства современников, Н. Карамзин не нашел никакого иного рационального объяснения внезапной волне террора, которая накрыла Россию после 1560 года, кроме резкого перелома в психологическом состоянии самого Ивана Грозного.

Основная идея оперы «Видения Иоанна Грозного» ясно сформулирована в следующих высказываниях композитора С. Слонимского: «Мне надоело изображение царей как предшественников нынешних мэров, губернаторов, президентов и так далее в роли великих государей. Сам Иван Грозный был губителем. И всякого рода изображение его как великого государя фальшиво, потому что Иван Грозный погубил душу русского человека, погубил вольный Новгород и всю Россию своим правлением. Он

положил начало смутному времени. Едва оправившись от татарского ига, Россия попала, на мой взгляд, под иго тиранов — от Ивана Грозного до Сталина...» [1, с. 21].

Яков Гордин создает, таким образом, текст оперы, поставив в центр далеко не добрые дела и заслуги Ивана Грозного перед Россией, как это делалось в советские и постсоветские времена с их «политическими заказами». В центре произведения высвечены страшные злодеяния Грозного и его окружения, направленные против духовного и физического уничтожения собственного народа. Кровавые расправы над невинными русскими людьми вплоть до стирания с лица земли целых городов, массовое физическое уничтожение инакомыслящих вплоть до священнослужителей — Митрополита Филиппа и Архиепископа Новгородского, разнузданные богохульства и дикий разврат легли в основу событийно-сюжетной канвы новой оперы. Исторические события XVI века объединены в либретто оперы, как и в «Мастере и Маргарите», с мифом (вымышленными картинами гармоничной Новгородской вольницы).

Интерпретация исторических событий в опере С. Слонимского стала неожиданной и, практически, не имеющей аналогов. Исторические события XVI века осмыслены и отражены авторами в ключе эсхатологического мифа. Эсхатология, как известно, является кульминационным пунктом Священного Писания, отраженным в Апокалипсисе Иоанна Богослова.

Еще в XVI веке мятежный князь Андрей Курбский, чудом сбежавший от деяний и зверских расправ Ивана Грозного за границу, в конце первого своего послания указывает на то, что царь Иван есть антихрист-богоборец, «что дьяволом послан на род христианский» [2, с. 73].

В Откровениях Иоанна Богослова (Апокалипсис¹) упоминается о некоем «звере», который придет на землю перед страшными земными бедами и Судным Днем [3, с. 284–288]. Зверь, по Библии, всегда упоминается рядом с лжепророками и царями земными: «И увидел я зверя и царей земных и воинства их, собранные, чтобы сразиться с Сидящим на коне и с воинством Его. И схвачен был зверь и с ним лжепророк, производивший чудеса пред ним, которыми он обольстил принявших начертания зверя и поклоняющихся его изображению: оба живые брошены в озеро огненное, горящее серою» [Там же, с. 289–292].

По мнению историка И. Машникова, образ «зверя» (дьявола) в данном случае, вероятнее всего, является символом идеологии, навязываемой народам земными царями, которые, согласно Библии, «принимали власть на один час», что подчеркивает их кратковременной в масштабе Вселенной и Вечности характер и суть. Царствование этих царей, по Библии, будет мрачным и приведет к неизбежному погружению мира в хаос.

Вот что об Иване Грозном пишет Я. Гордин: «Царь Иван был истово религиозным человеком, но его изломанная натура придавала этой религиозности зловещий характер. Ужасная стихия пренеподней пугала, но манила царя. Кошунственные оргии в опричном «монастыре», наслаждение чужими муками между молитвенными бдениями — все это граничило с сатанинской стихией» [2, с. 73].

Грозный и его адское сатанинское опричное войско, бесчинствовавшее по всей стране и везде оставлявшее за собой массовые казни, опустошенные города и реки, полные трупов — вот основное содержание сюжетно-событийной линии оперы, связанной с главным героем. Оно представляет собой проявление эсхатологических «рецидивов хаоса» (Е. Мелетинский) — дикого разгула-вакханалии и торжества Зла. Такова содержательная основа Эпилогов 1 и 2, а также Видений 1, 3, 5, 7, 9, 11, 12, 13.

Наиболее ярко связь с эсхатологическим мифом проявляется в трактовке окончания оперы (Видения 11–14 и Эпилог 3), представляющего собой крушение мира-космоса и картину его погружения в хаос. Эсхатология, как уже отмечалось ранее, является кульминационным пунктом Священного писания. Эпоха, непосредственно предшествующая концу света, по Библии, будет царством Антихриста, апокалипсический синдром которой проявится в торжестве Зла на земле. Библия, таким образом, точно указывает первопричину хаоса и гибели мира, которую так стремились найти и нашли, в конечном итоге, Н. Карамзин, Я. Гордин и С. Слонимский.

Как известно, эсхатологические мифы о конце мира, временном или окончательном, являются мифами творения «наизнанку», так как они рассказывают о превращении космоса в хаос вследствие пожара, потопа, засухи, землетрясения, иногда — ошибок или страшных грехов людей. О карающей и мощной разрушающей силе огня говорится в эсхатологически окрашенном Новом Завете (второе послание Петра, глава 3, 6–14). В иранской эсхатологии — о финальной катастрофе в результате мирового пожара.

Как отмечает Е. Мелетинский, мифологический хаос большей частью конкретизируется как мрак или ночь, как пустота или зияющая бездна, как вода или неорганизованное взаимодействие воды и огня, а также в виде отдельных демонических (хтонических) существ. Мифологический образ хаоса в «Видениях», как и в Библии, символично представлен в форме первоначальной пропасти (страшной темной реки, по которой Иоанн плывет в Эпилоге). Хтоническое² чудовище (Левиафан) поглощает Иоанна и опричников в геенне³ огненной.

Как отмечает Е. Мелетинский, древний миф всегда персонифицирует мрачные воды хаоса. Библия говорит о борьбе Бога против Дракона (змея) или чудовищной

¹ Откровения Иоанна Богослова (Апокалипсис) в Библии названы видениями. Возможно, этот факт имеет связь с названием оперы С. Слонимского.

² Мифологическое существо, которое связывается с несчастьем и смертью. Хтонические чудовища, как символы смерти, часто упоминаются в Библии.

³ Геенна огненная неоднократно упоминается в Новом Завете как место, где будут гореть грешники.

Рыбы, символизирующей океанический хаос (Левиафан). Огромная рыба (хтоническое чудовище) Левиафан, монстр океанского хаоса, представляет, в данном случае, стихийные силы водных глубин, воплощение их разрушительных сил, а также является мифологическим олицетворением мирового хаоса.

Библия персонифицирует также и другие темные силы. Дракон (змей) по Библии есть дьявол и сатана, низвергнутый Ангелом в бездну [3, с. 290]. Дракон является также и символом смерти, тьмы и дьявола, введшего человека во грех, знаком сатаны и эмблемой всех сил, противостоящих Святой Руси. Тьма по Библии — пристанище Сатаны [Там же, с. 290]. Кровь будет вылита в земные реки, согласно Библии, как Божья кара за смерть невинных святых и пророков [3, с. 286].

Приведем здесь, в качестве подтверждения наших мыслей о трактовке финала оперы «Видения Иоанна Грозного» в ключе эсхатологического мифа слова из последних реплик Иоанна, расшифровывая заложенный в них символический смысл: «Плыву я один по темной реке¹ (темная река — библейский символ первоначальной пропасти, хаоса, символ опасности) на погребальный зов. То ли вода под веслом журчит, то ли невинная кровь (кровь — библейский символ Божьей кары). Мертвая эта река (библейский символ хаоса, пропасти) течет по Святой Руси. Волк (христианский символизм овец сделал хищного волка символом дьявола и ереси, преисподни, а также олицетворением хищности и злобы) безголосый воет по мне. Змей (библейский символ Сатаны) обо мне шипит. Черное озеро (геенна огненная, Ад) впереди. В нем ледяная тьма (пристанище Сатаны). Ужасная рыба Левиафан (библейский символ хаоса) там поджидает меня». Так в финале оперы, всего в нескольких репликах Иоанна отражена библейская идея Нисхождения в Ад Антихриста (Губителя, Сатаны) и его окружения. После последних реплик Иоанна на сцене, с помощью новейших технических средств², воссоздается эффект открытия страшной бездны с полыхающим в ней огнем Ада (неорганизованное взаимодействие воды и

огня также являются библейскими символами хаоса).

Концептуальную связь оперы с эсхатологическим мифом (Апокалипсисом) подчеркивают многочисленные и явные библейские ассоциации. Активизацию библейских мотивов и образных ассоциаций в «Видениях» выявляет в своей диссертации Л. Гаврилова, по мнению которой образ царя стал воплощением Власти, Насилия, Зла, чем и обусловлена одна из очевидных ассоциаций образа Грозного с образом Антихриста.

В последнем, 14 Видении оперы, многочисленные души невинно убиенных появляются на сцене в символических белых одеждах — Митрополит, князь и княгиня Воротынские, Василий и Вешнянка, Посадник Новгородский, новгородцы, молодой боярин, Репнин и многие, многие другие. Каждый из них произносит свое имя, выходит вперед. Постепенно ими заполняется все огромное сценическое пространство. Все одеты в белые саваны, у всех в руках — зажженные свечи. И это не случайно, ведь белые одежды часто упоминаются в Библии как достойные только праведников и святых: «Побеждающий облечется в белые одежды; и не изглажу имени его из книги жизни, и исповедаю имя его пред Отцем Моим и пред Ангелами Его» [3, с. 277–279]. Так в финале оперы, всего в нескольких символических штрихах, отражена и библейская идея Восхождения праведников в град Божий — Небесный Иерусалим³.

Новая ступень осмысления и интерпретации исторического прошлого в «Видениях Иоанна Грозного», проявляющаяся в явном смещении акцентов с точного следования историческим фактам в сторону выявления их глубинного и общезначимого Вечного смысла, была предопределена глубоким слиянием в ней истории, как содержательной основы, и мифа, как особой логики ее осмысления и интерпретации. Мифологический взгляд на мир, в отличие от исторического, изначально служил целям гуманизации мира и поддержания в нем природного и социального порядка. Этим в большей степени объясняется активный интерес к мифу и его постоянное триумфальное возвращение на все новых и новых витках истории.

Литература:

1. Зайцева Т. Динамическая реприза (о творчестве Сергея Слонимского 90-х годов) // Муз. Академия. — 1998. — №2. — С. 16–24.
2. Видения Иоанна Грозного: Буклет к Мировой премьере оперы в Самарском Государственном театре оперы и балета. — М.: Трилистник, 1999. — 141 с.
3. Библия: Новый завет/Синодальное издание. — 118 с.
4. И.Машников. Расшифрованные тайны древних мифов. — М.: Эксмо, 2007. — с. 385.
5. Мелетинский Е. Поэтика мифа / Е.М Мелетинский; Ин-т мировой литературы РАН. — 4-е изд., репр. — М.: Вост. лит., 2006. — 407 с. — (Исследования по фольклору и мифологии Востока; осн. в 1969 г.). — ISBN 5–02–018537 — X (в обл.).

¹ Река как универсальный символ является также и образом человеческой жизни, текущей от истока к устью, от рождения к смерти.

² Имеется в виду Мировая премьера оперы в Самарском Государственном Академическом театре оперы и балета (1999 г.).

³ В христианской культуре Небесный Иерусалим предстает как образ рая, царства святых на небе, олицетворение церкви Христовой. В Апокалипсисе небесный Иерусалим называется «невестой Агнца».

6. Философский словарь. — М.: ИНФА-М, 1998. — 576 с.
7. Полная энциклопедия символов и знаков/ авт.сост. В. Адамчик. — Минск: Харвест, 2006. — 607 с.

Транскрипторская деятельность В.В. Борисовского

Климова В.В., соискатель

Новосибирская Государственная консерватория (академия) им. М.И.Глинки

Вадим Васильевич Борисовский (1900–1972) — замечательный альтист, основоположник отечественной альтовой школы, которая весьма успешно функционирует и сейчас, выдающийся педагог, давший «путёвку в жизнь» немалому количеству исполнителей на альте, среди которых, например, такие, как Е.В. Страхов, Г.И. Матросова, Ф.С. Дружинин, Ю.А. Башмет и др.. Он внёс весомый вклад в российскую и мировую музыкальную культуру. Одна из значительнейших сфер его многогранной деятельности — создание множества транскрипций для альты, которые вполне востребованы в настоящее время, составляют заметную часть концертного и педагогического репертуара альтистов.

Что такое «транскрипция» («обработка», «переложение», «парафраз», «аранжировка»)? Многие, кто, так или иначе, сталкивались с данными понятиями, задавались таким вопросом. Но, насколько нам известно, до сих пор, не существует четкого единого общепризнанного научного определения этого явления. Данные понятия в смысловом плане разработаны совершенно недостаточно; литература по этому поводу более чем скромна. В известных нам работах, а также в кратких энциклопедических статьях практически почти не раскрывается, какого рода деятельность подразумевается в связи с обозначенными терминами — композиторская, исполнительская или какая-либо иная. Подчеркнём особо, что перечисленные наименования в энциклопедических изданиях (отечественных и некоторых зарубежных [2;3;4]), как правило, перечисляются «через запятую», без сколько-нибудь аргументированной демонстрации их специфики, что говорит о незначительных отличиях в их употреблении. В лучшем случае речь идёт о степени вмешательства транскриптора в оригинал музыкального произведения. Автор предлагаемой работы на настоящем этапе исследования вопроса склонен действовать таким же образом. Несомненно, обозначенная проблема требует самостоятельного глубокого изучения на концептуальном уровне; в настоящей статье в полном объёме она рассматриваться не может.

Высокая значимость транскрипций (далее для краткости мы будем по преимуществу использовать это название), в музыкальной культуре, прежде всего исполнительской, в наше время уже не вызывает никаких сомнений. Хотя в первой половине XX века немногочисленные статьи на эту тему, в противовес «осуждению и враждебной критике» [1с.3], были посвящены оправ-

данию транскрипторской деятельности, доказательству её культурно-музыкальной важности и необходимости. Так, Л. Годовский писал: «Шедевры нетленны. Они не тускнеют, сколько бы ни делали их транскрипций, а их внутренняя ценность не может быть преуменьшена, если сохранена необходимость, живость и ценность оригинала. С другой стороны, транскрипция, обработка, парафраз, если они задуманы в творческом плане, являются чем-то реально существующим, что по своей ценности может явиться в свою очередь шедевром и даже превосходить оригинальное сочинение композитора» [1, с. 3]. А великий виолончелист Пабло Казальс говорил: «Я был в числе немногих защищавших транскрипции, пренебрегать ими — большая ошибка... И.С. Бах постоянно занимался этим; почему и нам не следовать его примеру?» [6, с. 83].

Список транскрипций В.В. Борисовского весьма обширен. За свою долгую творческую жизнь он успел создать около двухсот пятидесяти транскрипций разного рода. Практически полный их перечень представлен в приложении к монографии В.А. Юзефовича [6, с. 152–160]. Этот список имеет неоспоримую ценность не только с информативной, но и собственно с научной точки зрения, так как позволяет оценить масштабы работы В.В. Борисовского, и на его основе рассмотреть многие её аспекты.

Приступая к анализу списка, всё же, необходимо отметить некоторые неточности в нём фигурирующие, в частности, отсутствие отдельных обработок и переложений В.В. Борисовского для альты и фортепиано, например, выполненные на основе таких произведений как «Прелюдия» соч. 23 №4 С.В. Рахманинова, «Свадьба Кизе» С.С. Прокофьева.

Кроме того, отметим, что поскольку книга В.А. Юзефовича была издана довольно давно — в 1977 году — её данные в количественном плане в настоящее время можно считать неточными. Многие транскрипции В.В. Борисовского, числящиеся в списке В.А. Юзефовича в качестве неизданных, сейчас уже увидели свет. Речь идёт о таких сочинениях, как «Ноктюрн» А.И. Хачатуряна из музыки к драме М.Ю. Лермонтова «Маскарад», «Ноктюрн» И.Ф. Ласковского, «Сентиментальный вальс» П.И. Чайковского, некоторые пьесы С.С. Прокофьева из балета «Ромео и Джульетта»: «Карнавал», «Сцена прощания и смерть Джульетты», «Смерть Меркуцио», и созданные для двух альтов и фортепиано «Утренняя серенада» и «Танец с мандолинами».

Прежде всего следует иметь в виду существенное разнообразие составов инструментов, для которых Вадим Васильевич создавал свои транскрипции. Большая их часть, конечно же, написана для альты и фортепиано (около 180). В гораздо меньших количествах представлены транскрипции для альты соло и для 2-х альтов соло — около 15; 2-х альтов и фортепиано, альты и виолончели, 3-х альтов и виолончели, виоль д'амур и фортепиано — около 10 для каждого состава инструментов. Имеется 4 транскрипции для альты с оркестром; в единичных случаях фигурируют обработки для 3-х альтов соло; 2-х альтов и 2-х виолончелей; 2-х альтов, виолончели и контрабаса, и также для альты и контрабаса с оркестром. Несомненно, подобное разнообразие свидетельствует не только о стремлении Вадима Васильевича как можно объёмнее и ярче обогатить альтовый репертуар, но и о его постоянных исканиях в этой области.

При анализе списка, составленного В.А. Юзефовичем, становятся яснее художественно-культурные предпочтения В.В. Борисовского как музыканта и как автора транскрипций. Большая часть обработок (около 160), осуществлены на основе произведений зарубежных композиторов. Гораздо меньшее количество — примерно 85 — базируется на творчестве русских и советских композиторов. Думается, это вполне закономерно, поскольку логично объясняется значительно большим выбором ярких произведений, если иметь в виду количественные масштабы западно-европейской музыкальной литературы по сравнению с русской и тем более советской.

На основании рассматриваемого списка, по-видимому, нетрудно сделать выводы об излюбленных композиторах Вадима Васильевича. В первую очередь это Б. Барток, многие произведения которого в свое время пользовались в Советском Союзе особенной популярностью. На базе сочинений Б. Бартока В.В. Борисовский создал более 40 транскрипций. Среди них преобладают пьесы в народном стиле. Остаётся сожалеть, что практически все эти обработки пока так и остались неизданными.

Следом за Б. Бартоком пальму первенства держат произведения русских и советских композиторов. Назовем среди них обработки для альты и фортепиано, прежде всего произведений С.С. Прокофьева — пьесы из балета «Ромео и Джульетта» (1960); П.И. Чайковского, такие как «Подснежник» (1949), «У камелька» (1950), «Страстное признание» (1950) и др.; Д.Д. Шостаковича — пьесы из музыки к/ф «Овод» (1976), «Ноктюрн» (1966), «Весенний вальс» (1962) и т.д. Приблизительно столько же обработок (порядка 10) написаны в связи с произведениями Ф. Шопена и Ф. Шуберта; по большей части это различные вальсы. Однако не все они вышли в печати.

Неоднократно, но в несколько меньшем количестве, Вадим Васильевич обращался к творчеству М.И. Глинки. Вспомним, например, его знаменитую «Неоконченную сонату» (1932), «Вариации» на романс А.А. Алябьева «Соловей» (1973), «Баркаролу» (1952), «Мазурку» (1948) и т.п.

Среди зарубежных композиторов можно выделить Э. Грига — пьесы из сюиты «Пер Гюнт» (1971), Ф. Листа — «Сонет Петрарки №123» (1966), «Романс» (1966). Не следует забывать и многих других композиторов, среди которых фигурируют как зарубежные, так и отечественные — И.С. Бах, К. Дебюсси, Ф. Мендельсон Р.М. Глиэр, Н.Я. Мясковский и другие.

Как видно, перечисленные композиторы представляют разные страны, стили, эпохи. Именно поэтому сами по себе принципы отбора произведений вызывают определенный интерес. Учитывая, что Вадим Васильевич сам был замечательным концертирующим исполнителем и как педагог учил своих учеников «отличать достойную музыку от бессмысленной» [5, с. 14], придавая большое значение «творческому отношению играющего к произведению» [5, с. 63], то, думается, в первую очередь он отталкивался от художественного содержания выбираемых произведений.

Вообще это отдельная и очень важная проблема, требующая пристального внимания — художественные достоинства транскрипций. К сожалению, здесь подчас трудно сделать достаточно аргументированные выводы, поскольку некоторое количество подобных произведений В.В. Борисовского до сих пор остаются неизданными. В основном это касается тех произведений, где альт является участником какого-либо ансамбля; в гораздо меньшей степени — сочинений для альты соло, а так же альты и фортепиано. Несомненно, обоснованные и надёжные оценки художественных качеств транскрипций могут быть сделаны только на основе глубокого, детального и всестороннего музыковедческого, а также исполнительского анализа каждой транскрипции в отдельности, а также всего их комплекса. Также, несомненно, это, по-видимому, дело будущего.

Тем не менее, хотя этот критерий отбора представляется важнейшим, но все же он не является единственным. Вследствие того, что В.В. Борисовский был «педагогом-практиком», как он сам себя называл [5, с. 63], во многих его транскрипциях отчетливо прослеживается теоретико-дидактическая функция. Недаром эти произведения успешно используются в учебном репертуаре и сейчас, причем как в музыкальных школах, сузах, так и в вузах.

Тем не менее, по большей части он всё-таки стремился привести к общему знаменателю обе составляющие — художественную и дидактическую, руководствуясь принципом эффектности (как концертирующий альтист) и эффективности (как не менее выдающийся педагог). И во многом ему это удавалось, хотя, конечно, не все транскрипции В.В. Борисовского были одинаково успешными.

Если окинуть взглядом весь список транскрипций В.В. Борисовского, то отчетливо вырисовываются жанровые предпочтения музыканта, в том числе связанные с формой. Прежде всего следует отметить его интерес к крупной форме. В самом деле, достаточно назвать восемь концертов для альты и один для виоль д'амур — в основном это переложения скрипичных сочинений А. Вивальди, И.Е. Хандошкина, Ю.Э. Конюса. Однако

альтовой обработке подвергаются и виолончельные концерты — Д.Д. Шостаковича, И.Х. Баха, а также концерт для кларнета В. Моцарта. Крупную форму представляют и транскрипции сонат — скрипичных, виолончельных и фортепианных. Среди них сонаты С.В. Рахманинова, Н.Я. Мясковского, Л. Бетховена, А. Роллы. Нельзя не назвать и вариации — они также демонстрируют крупную форму. Это 5 транскрипций в данной форме, среди которых 3 связаны с произведениями русских композиторов.

Малые формы также постоянно привлекали внимание В.В. Борисовского. Необходимо подчеркнуть их жанровое богатство. И всё же в основном они имеют песенно-танцевальный характер. Это ноктюрны, романсы, скерцо, баркаролы, а также элегии, этюды, прелюдии, арии, адажио (нередко из балетов), аллегретто, интермеццо и, конечно, самые разнообразные танцы — вот основной перечень используемых жанров, в этой сфере.

Литература:

1. Годовский Л. По поводу транскрипций, обработок и парафраз./ Транскрипции для фортепиано. Вып.1. М.: Музыка, 1970.
2. Музыкальный словарь Гроува. М.: Практика, 2001.
3. Музыкальный энциклопедический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1991.
4. Музыкальная энциклопедия. М.: Сов. энциклопедия, 1973.
5. Стоклицкая Е. Альтовая педагогика В.В. Борисовского. М.: Музыка, 2007.
6. Юзефович В.В. Борисовский — основатель советской альтовой школы. М.: Сов. композитор, 1977.

Вадим Васильевич Борисовский, как автор транскрипций, стремился охватить как можно более широкий круг интересных произведений различных эпох, стилей, композиторов. Очень многие транскрипции выдающегося альтиста широко исполняются вплоть до нашего времени. Судя по количеству и качеству изданных транскрипций, обработок, переложений и редакций, а также по их неизменной востребованности и в настоящее время, Вадиму Васильевичу Борисовскому в высшей степени удалось решение этой поистине титанической творческой задачи по разноплановому обогащению концертного и педагогического репертуара альтистов.

В заключение ещё раз нельзя не акцентировать тот факт, что разностороннее и по возможности исчерпывающее комплексное изучение транскрипторской деятельности В.В. Борисовского — дело более чем актуальное, настоятельно ждущее своего исчерпывающего исследования.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

Разработка методов управления водным, воздушным, тепловым и пищевым режимами мелиорируемых земель в аридной зоне

Данатаров А., кандидат технических наук, докторант
Туркменский сельскохозяйственный университет

В природе нет другой среды, кроме почвы, так насыщенной жизнью и так интенсивно дарующей ее. Как более правильно и рационально использовать ее. Эта проблема возникла с того времени, когда человек перешел от сбора дикорастущих растений к выращиванию их на полях и возделыванию почвы (Н.П. Панов, Г.И. Галина, 1988). Выращиванием продовольственных, технических и других растений, а также изучением общих приемов возделывания сельскохозяйственных культур, разработкой способов наиболее рационального использования земли и повышения плодородия почвы с целью получения высоких и устойчивых урожаев зерна и другой растениеводческой продукции высокого качества занимается одна из древнейших отраслей сельского хозяйства — земледелие (В.И. Румянцев, 1979). Одним из основных элементов любой системы земледелия является основная обработка почвы, которая оказывает непосредственное влияние на все процессы, происходящие в почве, на взаимоотношения растений с почвой и окружающей средой. Агротехническая роль обработки почвы состоит в улучшении ее физико-химических свойств, водного и пищевого режимов, микробиологической деятельности, а также в очищении почвы от сорняков и ухудшении условий для вредителей и болезней (С.С. Сдобников, 1989).

Углубление знаний в области взаимодействия человека, техники и природы приводит к пониманию, что сегодня нет в общей цепи развития АПК «золотого» звена, воздействуя на которое можно решать все задачи практического земледелия. В настоящее время в общую методологическую схему земледельческой механики системы «почва — рабочий орган — энергия» должны вписаться растения и условия их развития, с одной стороны, и с другой стороны экология — сохранение равновесия агробиоценоза при техногенном воздействии на почву и окружающую среду. Эта особенность важна, ибо мы уже неоднократно пока получали «пощечины» от природы за неразумное воздействие на нее. Водная и ветровая эрозии, вызвавшие пыльные бури в 60—70 годах, засоление, подтопление сотен тысяч гектаров пахотных земель в результате непродуманной системы орошения и многие другие примеры катастрофы глобального и локального значения мы уже наблюдали; сейчас грядет всемирное потепление. Биологические и биохимические особенности сельско-

хозяйственных сред являются первичными и основными при разработке технологий производства сельскохозяйственной продукции. И любой отрыв земледелия от ее биологических основ обязательно приведет к катастрофам и конфликтным ситуациям [3].

Нам сегодня, как никогда, необходимо развивать биологическое сознание не только у исследователей. Осознание роли природных факторов и в образе жизни, и в образе мышления должно стать нормой жизненной позиции каждого человека. Именно биологическое сознание, а не наука биология, поскольку даже в сельскохозяйственных науках есть знание, однако нет подчас полного осознания того, что почва представляет собой живой организм, что это обстоятельство должно быть решающим в создании систем земледелия, в конструировании и создании сельскохозяйственной техники.

В последнее время и у нас, и за рубежом активно обсуждается проблема биоэтики как философская категория.. Сегодня стало уже общепринятым, что «человечество может выбраться из катастрофы сужающего кольца глобальных проблем только радикально перестроив нравственные основы своей жизни, только распространив этические нормы на природу. Однако для того, чтобы благое пожелание превратилось в норму жизни, необходимо природе (и прежде всего земле) признать суверенным субъектом. Этим актом как бы устанавливается, а точнее, восстанавливается моральное основание земледелия» [3,5]. Другой необходимой составляющей образа мышления человека XXI века является биосферное мышление.

Биосферное мышление сегодня должно наполнить и аграрные науки. Основы «биосферного» мышления, к сожалению, распространяются медленно. «Сегодня новое поколение начинает понимать, что в природе все взаимосвязано и каждое событие оказывает свое воздействие на все окружающее, независимо от того, очевидно оно направлено на что-то конкретное или наоборот. К тому же осознание взаимозависимостей — это относительно новый феномен. Для многих современных ученых, техников, политиков, бизнесменов и военных окружающая среда означает одномерную горизонтальную плоскость, созданную пассивной материей, которую можно присваивать и эксплуатировать без последствий для нее. «Механистическое» сознание постигает природу путем таких Ньюто-

новских понятий, как части, доли или отдельные ресурсы, а не взаимодействующие процессы» [5]. Сегодня при быстрейшем темпе развития человечества, производство продовольствия не может рассматриваться без учета влияния на биосферные процессы в глобальном понимании.

Слова «дренаж» английского происхождения. В английском и французском разговорном языках оно означает осушение, отвод воды, сток. Дренаж находится между водным хозяйством, почвоведением и сельским хозяйством, с одной стороны, и строительной и машинной техникой — с другой. В области мелиорации (среднее звено) проводятся постоянные поиски экономически и экологически оправданных решений. Он был изобретен и впервые применен в Англии. Затем беструбчатый дренаж был усовершенствован и сейчас успешно применяется во многих странах мира. Кротодрены являются лучшим буфером против повторного засоления благодаря тому, что их расположение через 1,2 м на глубине 0,6 м, т.е. с отношением 2:1, страхует от подъема засоленных ГВ. Соли попадают лишь на дно дрены, а не на поверхность, и притом в ограниченном количестве, которое может быть удалено из дрен в сброс, если это будет нужно, первыми порциями промывной воды. Дрены, как таковые, являются лучшим буфером против повторного засоления, а близость ГВ к поверхности не мешает промывке сверху [6].

Профессором В.Р. Ридигером, опыты с кротовыми дренами в первые проводились с 1937 по 1949 г. в полевых условиях в Голодной степи на лессовых почвах бывшего Каучукосовхоза №12, Ташкентского аэропорта и на опытных станциях «Золотая Орда» и «Ак-Кавак». Предметом его явилась: получения высоких урожаев сельскохозяйственных культур с минимальными затратами оросительной воды и труда на поливе; регулировать водный, воздушный, тепловой, солевой и питательный режимы почвы; доказать возможность получения прочных дрен в лессовых почвах, для чего разработана технология их закладки, заключающаяся в уплотнении стенок дрен цепочкой дренеров восходящих диаметров при определенной скорости прохождения агрегата, а также в изготовлении дрен в грунте, находящемся в состоянии пластичности и липкости, и быстром высушивании дрен и т.д. Однако он отметил, что широкому внедрению орошения по кротовым дренам пока мешает недостаточная разработка теории и практики этого вопроса, упрощенный подход к закладке дрен, хороших машин и орудий по изготовлению прочных кротовых дрен и недостаток практического опыта у специалистов-ирригаторов, в целом для разработки целого ряда теоретических вопросов этой проблемы необходимо проведение специальных стационарных опытов в производственных условиях в ряде засушливых районов нашей страны [4].

Непременное условие интенсивного земледелия — активизация биологических процессов в почве, т.е. одновременно протекающих процессов создания и разложения органического вещества. При этом накопление органических форм поддерживает благоприятный водно-

воздушный и тепловой режимы почвы, ее поглощающую способность и буферность, в разложение постоянно пополняет запасы минеральных макро- и микроэлементов питания, постепенно высвобождающихся в сбалансированном виде при переработке органических веществ микроорганизмами. Приобретающее ныне в практике использования земли одностороннее направление на разложение органического вещества приводит к потере и старению гумуса, снижает качество почв, подрывает устойчивость земледелия.

Для решения данной проблемы 1989—1994гг. в ТуркменНИИГиМ по теме «Технология нарезки аэрационного дренажа и эффективность его работы в условиях аридной зоны» разработана технология улучшения водно-воздушного, солевого, питательного и теплового режимов с последующим получением гарантированных урожаев, отвечающая требованиям водосберегающих ресурсов и снижению экологической напряженности в аридной зоне. Влияние аэрационного дренажа (АД) на водно-воздушный режим почвы проявляется прежде всего в подпахотном горизонте, где влагоемкость почвы по результатам опытов повышалась на 30% (глубина 30—50 см). Влагоемкость в пахотном слое (глубина 0—35 см) увеличивалась лишь на 6%.

Механический состав грунта опытных участков характеризуется высоким содержанием глинистых частиц от 38% в пахотном слое (средний и легкий суглинок) до 62% в подпахотном слое. Практически изменение расстояния между кротовыми дренами менее 0,9 м не приводит к увеличению коэффициента фильтрации, т.е. данное расстояние является оптимальным для испытываемого участка. В подтверждение полученных результатов зафиксировано изменение объемного веса почвы при различных расстояниях между дренами. Объемный вес почвогрунтов уменьшается на 10—12% по сравнению с монолитом. При расстоянии между дренами 0,6—0,9 м объемный вес практически не изменяется и составляет в результатах опыта 1,33—1,35 г/см³. Наблюдения в последующие три года показали, что зона рыхления постепенно уплотняется, однако исходных показателей плотность все же не достигала, отмечено также увеличение порозности на 27—30% сразу после АД и 5,5—16% на третий год после АД.

Как показали наблюдения, порозность улучшилась в результате увеличения числа крупных водопроводящих и воздухопроводящих пор, а это способствовало увеличению водопроницаемости почвогрунта более 100 раз [1]. Эффективность АД по водопроницаемости почвы, исходя из кривых наблюдается при нарезке дрен на расстоянии в пределах от 0,6—0,9 м. Под воздействием АД почва более активно аэрировалась. Температура почвы на глубине 0,6 м при междренном расстоянии 0,9 м в среднем меньше было на 4,4% (в целом по глубине 9%). АД способствовал перераспределению количественного состава солей по вертикали массива грунта. Значительное содержание солей в пахотном горизонте наблюдается при соблудении промывного режима засоленных почвогрунтов.

Нарезка АД существенно отразилась на основных фазах развития хлопчатника. Фенологические наблюдения показали, что на участках АД и сплошным рыхлением всходы хлопчатника, начало бутонизации, цветение, плодообразование и созревание опережают на 1–4 дня. Данные показатели по контрольному варианту, что в конечном итоге отражается на росте растений, их урожайности [2]. Установлено, что связи с увеличением междуренного расстояния коэффициент фильтрации грунта уменьшается и приближается по величине к водопроницаемости пахотного горизонта. Однако, при уменьшении расстояния между кротовинами до 0,6–0,9 м действие АД стабилизируется, в чем можно убедиться, анализируя кривые зависимости изменения коэффициента фильтрации.

В процессе обработки при наличии аэрации влаги и тепла активизируется разложение органического вещества и в большем количестве выделяется CO_2 . Это имеет большое значение и в процессе растворимости различных веществ в почве. Образовавшаяся в процессе разложения органического вещества CO_2 при наличии вода растворяет фосфаты, что способствует увеличению доступности фосфора для питания растений. Следовательно, если нет микроорганизма, то нет CO_2 , соответственно нерастворимое соединения фосфорной кислоты не может переходить в растворимое состояние. Как показала математическая обработка данных урожайности АД через 0,6–0,9 м существенных различий в вариантах нет, хотя энергетические затраты намного выше, поэтому более эффективным, исходя из последних ограничений, является разреженность АД на расстоянии 0,9 м.

Следовательно, при нарезке АД обеспечивает следующие преимущества по сравнению с первоначальным состоянием почвы: в результате понижения ГВ повышается способность почв накапливать влагу атмосферных осадков в течение вегетационного периода, и, таким образом, растения лучше обеспечиваются влагой; корни глубже проникают (100–150 см) почву; мощное развитие корней улучшает структуру почвы; кротовинах накапливается вода; благодаря улучшению микроклимата увеличивается вегетационный период на 12 дней; дает возможность возделывания разных культур; переходит некапиллярной порозности в капиллярную; становится хорошая водо- и воздухопроницаемость почвогрунтов. Концентрация свежего органического вещества обособленной прослойкой в нижней части пахотного слоя оказывает огромное окультуривающее действие на этот слой и подпочву: сдерживается минерализация органического вещества и потеря минеральных форм от промывания, усиливается накопление гумуса и улучшается его качественный состав, питательные вещества в глубоких слоях почвы становятся доступными для растений; увеличивается период, в течение которого можно обрабатывать почву; повышаются другие агрохимические показатели плодородия почвы; снижается кислотность, увеличивается сумма поглощенных оснований, содержание подвижного фосфора и обменного калия.

Отмечено, для нарезки АД и рыхления подпахотного уплотненного слоя теоретически и экспериментально исследованы и разработаны оптимальные параметры АД и глубокорыхлителя. Технология нарезки АД разработана с учетом грунтовых условий и биологических требований к развитию корневой системы хлопчатника. Обоснована технология нарезки АД и рыхления подпахотного слоя глубокорыхлителем; которая позволяет улучшить агротехнические показатели работы орудий при наименьших затратах. При этом значительно улучшается экологическая обстановка, сокращается поливная и промывная норма до 30%, предотвращаются повышения уровня грунтовых вод и процесс засоления. Техно-экономические расчеты показали, что нарезка АД позволяет снизить эксплуатационные расходы до 30%, обеспечить оптимальной водно-воздушной режим почвы в аридной зоне и повышает урожайность хлопчатника до 10 ц/га.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что воздействие АД на водно-воздушный, солевой и тепловой режимы почвы проявляется в повышении водопроницаемости почвенного и особенно подпахотного горизонта, что обеспечивает эффективное массовое перераспределение в толще массива грунта на всю его глубину. Исследования показали, что в процессе нарезки кротовин плотность грунта околоренной зоны по величине практически не отличалась от плотности монолита грунта. Полости дрен были весьма устойчивы. Качество рыхления проверялось раскрытием зоны разрушения поверхности грунта за проходом рабочего органа. Установлено, что за проходом сплошного ножа, разрушение грунта происходит в виде комьев до критической глубины резания, в данном случае до 0,4 м, а в нижней части происходит трещинообразование. При работе ступенчатого рыхлителя разрушение грунта происходит на всю глубину резания. Активное регулирование влаги, солей и тепла в почве с наличием АД оказывает эффективное воздействие на урожайность хлопчатника и особенно на староорошаемых тяжелых почвах аридной зоны. Результаты экспериментальной проверки подтвердили аналитические предположения об эффективности применения АД на хлопковых системах.

Выводы

Сформулированы основные требования к конструкции и технологии устройства АД на тяжелых грунтах аридной зоны.

Установлена закономерность изменения плотности влагоемкости и фильтрационных свойств почвогрунтов в процессе нарезки АД.

Разработана технология устройства аэрационного дренажа с применением принципиально нового способа и конструкции нарезки кротовин, основанного на протаскивании ступенчатого пассивного ножа с двумя параллельно установленными остроусеченными дренами, размещенными скосами друг к другу и жестко соединенными между собой.

Предложены зависимости и получены экспериментальные подтверждения расчета новой конструкции аэрационного дренажа, позволяющие повысить эффективность и срок службы кротовин до 4 лет.

Установлены зависимости расчета тяговых сопротивлений кротователей, учитывающие конструктивно новые решения нож-стойки и дренов, позволяющие снизить энергоемкость процесса разрушения грунта на 20–25 %.

Разработана методика выбора рациональной области использования АД и оптимизации основных параметров кротователей.

На основании проведенных исследований предложены конструктивные схемы рыхлителей-кротователей, защищенных авторским свидетельством, которые реализованы в образцах новой техники агрегируемой с тракторами класса тяги 4 т.с. наиболее широко распространенных в хозяйствах аридной зоны.

Экономический эффект от внедрения НАД-2–60 только по себестоимости внедряемого мероприятия и удельным капитальным вложениям, фактический годовой экономический эффект составляет 128 руб./га.

Литература:

1. Данатаров А. Технология нарезки аэрационного дренажа и эффективность его работы в условиях аридной зоны. Автореф. дис. канд. тех. наук. Киев. — 1994. с. 3–21.
2. Данатаров А., Байджанов Г. Мелиоративная и экономическая эффективность аэрационного дренажа. «Молодой ученый» ежемесячный научный журнал. Чита. 2010. №8. с. 83–91.
3. Кушнарев А. Новый взгляд на обработку почвы Техніко-технологічні аспекти розвитку та випробування нової техніки і технологій для сільського господарства України Збірник наукових праць Випуск 13 (27) Книга 2 Додатки 2009 с. 15–29
4. Ридигер В.Р. Подпочвенное орошение по кротовым дренам. Изд. «Колос» — Москва. — 1965. — с.3–69.
5. Тищенко П.Д. Культура земледелия /П.Д. Тищенко // Человек и земля: Сборник.— М.: Агропромиздат, 1988.— 70 с.
6. Эггельсманн Р. Руководство по дренажу. Москва. Колос. 1978. — с.80–103.

ДЕМЕТРА – серьезный аргумент в борьбе с вьюнком и подмаренником на зерновых

Кудин С.М., кандидат сельскохозяйственных наук, доцент
Пензенская государственная сельскохозяйственная академия

Озимая пшеница — основная культура как Пензенской области так и Поволжья в целом. Однако ее возделывание в регионе осложняется целым рядом отрицательных факторов, среди которых на одном из первых мест ухудшающееся с каждым годом фитосанитарное состояние сельскохозяйственных угодий. В дополнение к негативным социально-экономическим тенденциям все большее дестабилизирующее воздействие на возделывание озимой пшеницы оказывают природно-климатические условия, выражающиеся в общем потеплении и практически ежегодно повторяющихся весенне-летних засухах, определивших в последние годы сдвиг сроков сева озимой пшеницы в сторону более позднего.

В этих условиях не только возросла агрессивность многих традиционных для региона видов вредителей, болезней и сорняков, но и произошло нарастание численности и хозяйственного значения ранее не проявлявших видов вредных патогенов. Так, в последнее время в Пензенской области в посевах озимых культур наблюдается большой разрыв между и обработкой посевов гербицидами и массовым отращиванием сорняков. В результате этого практи-

чески повсеместное распространение получили следующие виды сорняков: вьюнок полевой, подмаренник цепкий, гречишка вьюнковая, амброзия полыннолистная.

Степень вредоносности сорной растительности в посевах озимой пшеницы является показателем непостоянным, динамичным и постоянно варьирующим, поэтому подбор и изучение гербицидов наиболее оптимально подходящих для защиты озимых зерновых культур является наиболее актуальным.

В России зарегистрировано более 80 гербицидов для защиты посевов зерновых культур от двудольных сорняков. Однако до недавнего времени среди них не было ни одного препарата, который характеризовался бы длительным периодом внесения. Компания «Август» заполнила эту свободную нишу, выведя на рынок новый гербицид ДЕ-МЕТРА, который реально и с высокой эффективностью уничтожает широкий комплекс сорняков и характеризуется длительным периодом внесения от начала кущения до конца трубкования без угнетения основной культуры.

ДЕМЕТРА — системный гербицид на основе флуороксипира (350 г/л). Это единственный препарат, эффек-

тивный одновременно против вьюнка полевого, подмаренника цепкого а так же комплекса других двудольных сорняков во всех фазах роста.

ДЕМЕТРА быстро, в течение одного часа поглощается листьями активно растущих сорняков, а также частично адсорбируется корнями растений из почвы. Действующее вещество (Флуроксипир) распределяется по всему растению, достигает точек роста и провоцирует дисбаланс гормонов роста, что приводит к нарушению деления и роста клеток сорняков.

Широкий диапазон применения (от начала кушения до конца трубкования культуры) позволяет использовать его против появления второй волны сорняков, которой при выращивании озимой пшеницы не придают большого значения.

Гербицид ДЕМЕТРА не обладает последствием и может использоваться во всех типах севооборотов, все это позволяет хорошо очистить поле от вьюнка полевого и подмаренника цепкого перед посевом сахарной свеклы и подсолнечника.

Исследования гербицида ДЕМЕТРА по срокам применения проводились на опытном поле ФГОУ ВПО «Пензенской ГСХА» на полях ООО НПП «Иннаучагроцентр», в 2010 году на посевах озимой пшеницы сорта Безенчукская 380.

ООО НПП «Иннаучагроцентр» находится на зерновом рынке области около 3 лет и занимается реализацией семян зерновых и зернобобовых культур высших репродукций.

Для более полного подавления сорной растительности было решено использовать ДЕМЕТРУ с Гранстаром Про.

Изучались следующие сроки использования гербицида ДЕМЕТРА.

1. Деметра 0,25 л/га + Гранстар Про 0,025 кг/га в фазу кушения озимой пшеницы.

2. Деметра 0,25 л/га + Гранстар Про 0,025 кг/га в фазу трубкования, начала колошения озимой пшеницы.

Опытный участок размещался в зерновом севообороте, предшественник — озимая пшеница. Почвенный покров представлен — выщелоченным тяжелосуглинистым черноземом. Содержание гумуса в пахотном слое — 6,2%, легкогидролизуемого азота — 12,5–13,0, подвижного фосфора — 7,5–8,2, обменного калия — 16,5–18,7 мг на 100 г почвы, реакция почвенного раствора слабокислая, гидролитическая кислотность — 4,8 мг-экв на 100 г почвы, сумма поглощенных оснований — 37,0 мг-экв на 100 г почвы.

Агротехника в исследованиях применялась общепринятая для нашей зоны. Площадь делянки составляла один гектар, учет урожая проводился методом поделяночного взвешивания.

Обработку посевов производили штанговым опрыскивателем ОП 3000.

Все пестицидные обработки в хозяйстве начинают проводить в 3 часа утра, когда температура воздуха близка к оптимальной и варьирует в пределах 12...15 °С. В резуль-

тате таких действий в хозяйстве добиваются более качественного проведения мероприятий по защите растений. Как правило, в это время скорость ветра снижается до 1 метра в секунду и при проведении обработок в данный момент добиваются более качественного нанесения препаратов на растения. При повышении скорости ветра до 4–5 метров в секунду обработки полей пестицидами прекращаются.

Подвоз и заправка воды осуществлялась непосредственно в опрыскиватель при помощи мотопомпы из близлежащего водоема.

Благодаря использованию теплой воды эффективность действия препаратов увеличивается. Расход рабочей жидкости при проведении обработок составил 200 л/га.

Объективность оценки применения гербицидов во многом зависит от нерегулируемых факторов, к которым в первую очередь относятся метеорологические условия, сложившиеся в отчетном году, так острым дефицитом осадков и высокой температурой воздуха характеризовался 2010 год. Так, в начальный период роста и развития растений, в мае месяце осадков выпало 2,5 раза меньше по сравнению со среднемноголетними данными. Температура воздуха была на 3,2°С выше многолетних наблюдений. В дальнейшие периоды развития растений — выход в трубку, колошение, созревание характер погодных условий не изменился. Количество выпавших осадков за этот период составило 2,5 мм, тогда как в обычные годы выпадает 111 мм осадков. Температура воздуха превышала среднемноголетние значения на 5,5°С (табл. 1; рис. 1, 2).

Посев пшеницы был произведен в оптимальные сроки в первой декаде сентября 2009 года. Перед уходом в зиму растения пшеницы хорошо раскустились. Ранней весной была произведена подкормка озимой пшеницы минеральными удобрениями в дозе два центнера аммиачной селитры на гектар.

Ранневесенняя влага и внесенные минеральные удобрения способствовали активному отрастанию озимой пшеницы, но в тот же момент все это спровоцировало рост сорняков.

Подсчет сорняков проводили по общепринятой методике.

На представленном поле озимой пшеницы присутствовали следующие виды сорняков:

Осот розовый 3 шт/м², осот желтый 2 шт/м², подмаренник цепкий 5 шт/м², вьюнок полевой 5 шт/м², Щетинник сизый 8 шт/м², овсюг 1 шт/м², пикульник 3 шт/м², щирица запрокинутая 5 шт/м².

Обработку посевов озимой пшеницы по представленной схеме проводили

1 вариант: 15.05.10.

2 вариант: 2.06.10.

Через 2 недели после обработки провели подсчет сорняков на делянках:

1 вариант: Подмаренник цепкий 1 шт/м², осот розовый 1 шт/м², вьюнок полевой 1 шт/м², щетинник сизый 3 шт/м². Всего 6 штук.

Таблица 1. Метеорологические условия вегетационного периода 2010 года (данные Пензенской ГМС)

Месяцы	Декады	Температура, °С		Количество осадков, мм	
		среднемесяч.	2010 г.	среднемесяч.	2010 г.
Май	I	12,1	17,3	14,4	-
	II	13,8	17,5	13,0	1,3
	III	15,0	15,6	16,0	16,6
	средняя	13,6	16,8	43,4	17,9
Июнь	I	16,0	19,5	14,7	-
	II	18,1	19,8	17,1	0,8
	III	18,9	24,5	18,1	-
	средняя	17,7	21,2	49,9	0,8
Июль	I	18,8	24,4	18,3	-
	II	19,7	25,1	22,6	-
	III	19,4	31,0	20,9	1,7
	средняя	19,3	26,8	61,8	1,7
Август	I	18,7	27,6	19,3	-
	II	17,8	22,9	15,3	5,5
	III	17,7	17,4	15,0	16,0
	средняя	18,1	22,6	49,6	21,5

2 вариант: Осот розовый 1 шт/м² выюнок полевой 1 шт/м², овсюг 0,5 шт /м², Щетинник сизый 3 шт/м², всего 5,5 штуки.

Для более объективной оценки баковой смеси гербицидов было решено подсчитать их биологическую эффективность.

Для определения биологической эффективности гербицидов используют количественный и количественно – весовой методы учета сорных растений. Учеты проводят перед применением гербицида, через 2 недели, через месяц после его применения и перед уборкой. Учитывают видовой состав сорных растений, их количество в расчете на учетную площадку, их сырую и воздушно сухую массу. В связи с острозасушливым годом в последующем нарастания сорняков больше не происходило.

О биологической эффективности судят по сравнению численности или веса их биомассы до и после обработки

или в сравнении с контрольным участком

$$C = \frac{(A - B) * 100}{A},$$

где С – биологическая эффективность в %

А – число в штуках или вес биомассы в граммах сорняков до обработки или на контрольном участке

В – число в штуках или вес биомассы сорняков в граммах после обработки или на обработанном участке.

Биологическая эффективность использования гербицидов на первом варианте составила 81,5 %, на втором варианте 82,8%.

При оценке биологической эффективности применения гербицида ДЕМЕТРА за год исследований можно отметить, что она была практически одинаковой на обоих вариантах.

При уборке посевов провели поделочное взвешивание урожая. В условиях данного года, когда на поле

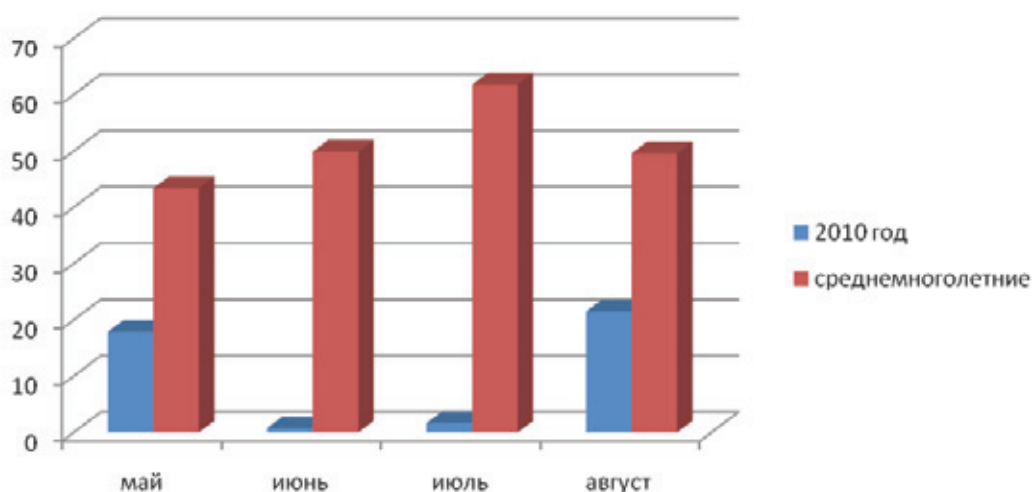

Рис. 1. Количество осадков за вегетационный период 2010 года (данные Пензенской ГМС)

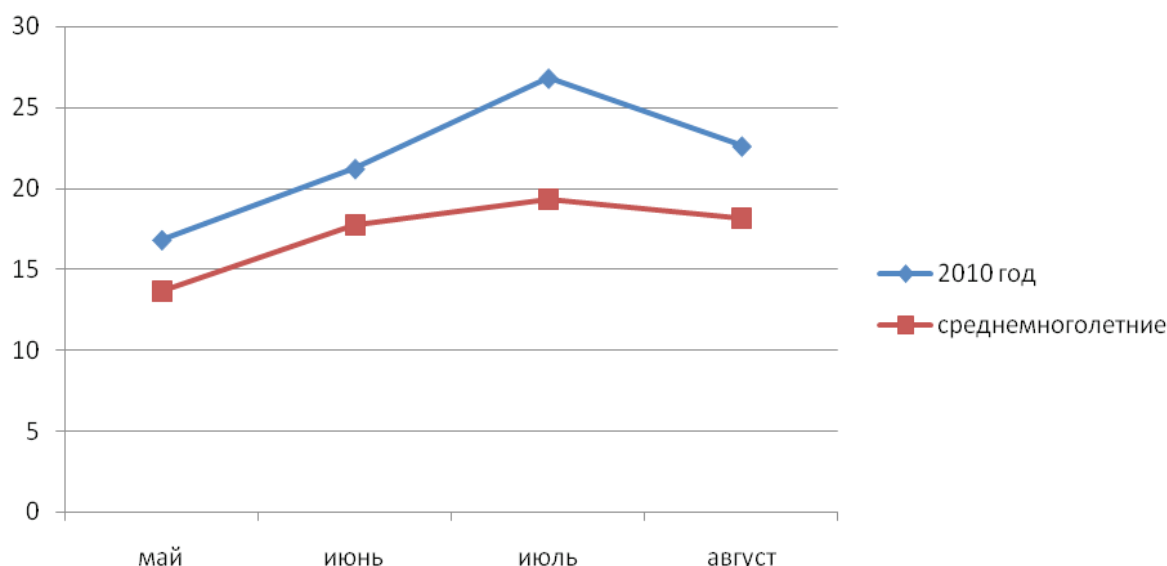

Рис. 2. Температура воздуха за вегетационный период 2010 года (данные Пензенской ГМС)

практически не выпало не одного продуктивного дождя урожайность по сравнению с предыдущими годами была значительно ниже. На первом и втором вариантах урожайность озимой пшеницы составила в среднем 16 ц/га.

Анализируя данные по урожайности озимой пшеницы видно, что гербицид ДЕМЕТРА при более позднем сроке

внесения не вызывает снижения урожайности.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать заключение, что гербицид ДЕМЕТРА может использоваться для эффективной борьбы с сорной растительностью в посевах озимой пшеницы в фазу трубкования начала колошения.

Влияние различных способов предпосевной подготовки семян и технологии сева на динамику появления всходов хлопчатника

Розметов К.С., кандидат сельскохозяйственных наук,
председатель САО имени С. Розметова

Основы нормального роста и развития растений закладываются при получении полноценных и дружных всходов, что обеспечивается высокими посевными качествами семян. При прорастании качественных семян происходит быстрый переход зрелого жизнеспособного семени из состояния вынужденного покоя к состоянию активной жизнедеятельности, к интенсивному росту проростка. Поэтому исследованиям различных сторон физиологии прорастания семян, разработке эффективных методов их предпосевной обработки с целью повышения жизнеспособности проростков придается большое значение.

Изучение закономерностей регуляции процессов формирования, созревания и прорастания семян постоянно находятся в центре внимания физиологов и биохимиков растений. Роль семян обусловлена тем, что они являются для растения структурами воспроизводства и генеративного размножения. Семя определяют как развившуюся после оплодотворения семязачку, заключающую зародыш и запасы питательных веществ. Формированием и полным созреванием семени единожды плодно-

сящего растения завершается жизненный цикл последнего. С момента биологического отчленения семени от материнского растения начинается жизнь нового поколения. Поэтому семя — это своеобразный носитель жизни определенного генотипа. И как носитель жизни семя характеризуется жизнеспособностью — способностью сохранения жизни, размножения вида. Первым видимым проявлением жизнеспособности семян является их прорастание — сложное биологическое явление, механизмы которого во многом еще не познаны [1,2].

Закономерности прорастания семян привлекают внимание не только в силу важности этого процесса в сельскохозяйственной практике, но и в связи с его большим теоретическим значением. Прорастание представляет собой очень быстрый переход зрелого жизнеспособного воздушно-сухого семени от почти неактивного состояния покоя к активации процессов метаболизма. Для понимания физиологии и биохимии прорастания в первую очередь необходимо выяснить, каким образом регулируется столь быстрый запуск физиолого-биохимических процессов,

обеспечивающих и осуществляющих начало роста зародыша. С запуском роста связаны основные процессы метаболизма и, в первую очередь, считывание генетических программ. О том, что программа на прорастание имеется и может быть считана еще в созревающих семенах, говорят хорошо известные факты прорастания семян в плодах.

Для семян многих видов культурных растений соприкосновение с водой при определенных условиях температуры и аэрации оказывается достаточным для активации временно подавленных метаболической и ростовой активности зародыша, для инициации генетических программ развития, превращающих зародыш в росток, а затем в самостоятельный автотрофный организм. Способностью к росту обладают только зародышевые осевые органы семян, но чтобы рост продолжался после начальных стадий прорастания, необходима мобилизация запасных отложений, которые составляют значительную часть семени и у многих видов локализованы в специализированных тканях самого зародыша.

Как известно, гарантия получения дружных всходов напрямую связана с показателем энергии прорастания семян. Естественно, чем она выше, тем меньше разноразнообразие семян, выше эффект их одновременного прорастания как в каждом гнезде, так и на всей площади посевов хлопкового поля.

Этому вопросу посвящены исследования отечественных ученых (Тимирязев, 1949, Мауер 1925, Жуковский и Надежны 1925, Шафрин 1951, Орунов 1958, Губанов 1960, Гольдберг 1961, Васильев 1962, Соловьев 1962, Кулаченко, Васильев 1968, Ибрагимов и др. 1987).

Как показали результаты наших исследований, энергия прорастания исследованных при посеве семян по годам проведения опытов колебалась в пределах 85–93% (табл. 1–3).

В известной степени энергия прорастания семян зависела от способов подготовки. Лучшей она была в вар. 2, 3, 4, в которых испытывались семена, обработанные стимулятором «Супир», а также дражированные. Здесь в зависимости от года проведения исследований энергия прорастания семян колебалась в пределах 85–93%. Худшей она была в вар. 5 и 6, где использовали механически оголенные семена. Хорошей энергией прорастания обладали капсулированные семена (вар. 7 и 8).

При определении лабораторной всхожести семян установлена следующее (табл. 1–3). Лучшей она была в вар. 2, 3 и 4, где проращивались опушенные семена, обработанные препаратом «Супир», и дражированные по способу ВНИИССХ. Хорошей лабораторной всхожести обладали такие семена, капсулированные по способу Института химии и физики полимеров АН УзССР (вар. 7 и 8). В первом случае по годам проведения исследований она колебалась в пределах 94–97%, во втором 94–96%. Снижения лабораторной всхожести, по сравнению с контролем (вар. 1), отмечалось в вар. 5 и 6, где испытывались механически оголенные семена. Здесь она колебалась в пределах 91–92%. Таким образом, способы подготовки

семян к севу оказали заметное влияние на их энергию прорастания и лабораторную всхожесть.

Выше отмечалось, что норма высева семян подсчитывалась при проведении сева в зависимости от их фактического расхода.

Как видно из данных табл. 1–3, наибольшей она была в вар. 1 и 2, где сев проводили рядовым способом. В 1984 г. в этих вариантах на сев израсходовано 106,4 кг/га, в 1985 г. — 104,3 и в 1986г. — 105,2 кг/га. При точном севе наибольший расход отмечался при использовании дражированных семян, который в зависимости от года проведения исследований колебался от 34,4 до 35,2 кг/га, а наименьший был в вариантах, где высевали механически оголенные семена 29,8–31,4 кг/га (табл. 1–3).

В связи с благоприятными погодными условиями периода сева — появление всходов (недостаточные и резкие колебания температуры, выпадение обильных осадков) в опыте, проведенном в 1984 г, отмечалось значительное затягивание сроков их появления, по сравнению с другими годами проведения исследований.

Несмотря на то, что сев был произведен 23 апреля, достаточное для учета количество всходов появилось лишь 17 мая, т.е. на 24 день после сева. В этот срок при рядовом способе сева (вар. 1,2) количество гнезд с взошедшими растениями не учитывалось.

При точном севе дражированными семенами (вар. 3) 17 мая всходы отмечались в 40,1% гнезд, а в вар. 4, где высевались эти же семена, но проводилось мульчирование поверхности почвы навозом — сыпцом, количество гнезд с взошедшими растениями достигло 45,2%. Примерно такое же число взошедших гнезд было и в вар. 8, где на сев использовали и капсулированные семена, а поверхности почвы покрывали мульчей. В вар. 5 и 6, где сев проводили оголенными семенами, количество гнезд с взошедшими растениями было почти одинаковым 36,3–36,5% и заметно уступало этим показателям вар. 3 и 4 и 7,8. Мульчирование верхнего слоя почвы в данном сроке наблюдения не оказало никакого влияния на появление всходов.

При учетах, проведенных 19 мая, наибольшее количество гнезд с взошедшими растениями отмечалось в вар. 4 и 8, где сев хлопчатника проводился точным способом дражированными и капсулированными семенами с мульчированием верхнего слоя почвы.

Примерно такая же закономерность в появлении всходов в зависимости от способов сева и подготовки семян наблюдалось нами при следующим сроке учета — 21 мая.

Через месяц после сева (23 мая) и в конце проведения учета (25 мая) меньшее число гнезд с взошедшими растениями отмечалось в вар. 3 — 72,0% (точный сев дражированными семенами), в вар. 5 — 72,1% (точный сев оголенными семенами) в вар. 7 — 71,7% (точный сев капсулированными семенами). Наибольшее число гнезд с всходами было в вар. 4 — 74,2% (точный сев дражированными семенами + мульчирование), в вар. 6 — 73,6% (точный сев оголенными семенами + мульчирование) и в вар. 8 — 74,3% (точный сев капсулированными семенами

Таблица 1. Влияние различных способов предпосевной подготовки семян и технологии сева на динамику появления всходов хлопчатника (сев 23.IV.1984 г.)

№	Энергия прорастания семян, %	Лабораторная всхожесть, %	Норма высева семян, кг/га	Динамика появления всходов, %									
				Кол-во гнезд с взошедшими растениями					Растения, взошедшие в гнездах				
				17 V	19 V	21 V	23 V	25 V	17 V	19 V	21 V	23 V	25 V
1	82	96	106,4	-	-	-	-	-	17,3	30,6	48,1	51,7	52,1
2	86	98	106,45	-	-	-	-	-	25,7	36,2	53,9	56,6	58,8
3	85	97	34,4	40,1	58,3	65,4	71,7	72,0	15,5	37,0	45,5	53,3	53,4
4	85	97	34,4	45,2	61,1	68,7	73,9	74,2	30,1	46,2	55,1	56,5	56,7
5	79	91	30,4	36,3	58,4	65,3	71,8	72,1	17,0	29,5	37,1	46,3	46,6
6	79	91	30,4	36,5	58,2	64,5	73,2	73,6	18,1	35,1	43,7	49,1	49,3
7	83	96	31,1	40,7	58,7	65,1	70,8	71,1	14,5	30,5	46,2	52,8	53,1
8	83	96	31,1	46,1	62,2	66,6	73,9	74,3	29,8	41,5	54,3	55,8	56,2

Таблица 2. Влияние различных способов предпосевной подготовки семян и технологии сева на динамику появления всходов хлопчатника (сев 1.V.1985 г.)

№	Энергия прорастания семян, %	Лабораторная всхожесть, %	Норма высева семян, кг/га	Динамика появления всходов, %													
				Кол-во гнезд с взошедшими растениями							Растения, взошедшие в гнездах						
				14V	16V	18V	20V	22V	24V	26V	14V	16V	18V	20V	22V	24V	26V
1	84	92	104,3	-	-	-	-	-	-	-	19,3	33,6	46,5	54,8	58,7	61,1	61,4
2	86	95	104,4	-	-	-	-	-	-	-	24,9	43,7	56,8	60,3	62,4	63,9	66,1
3	87	94	35,2	21,0	50,7	69,1	84,8	91,5	92,1	92,2	18,1	36,8	52,7	58,2	63,6	63,0	64,3
4	87	96	35,2	23,8	53,1	76,1	89,8	93,7	93,8	94,1	18,4	38,9	56,9	61,8	66,2	66,8	67,2
5	82	91	29,8	20,9	43,1	56,5	86,9	86,9	98,2	90,4	16,8	32,6	48,3	55,5	60,2	60,7	61,1
6	87	95	31,7	20,4	46,6	76,4	86,5	91,9	94,2	94,7	16,4	39,6	56,1	60,4	63,9	64,2	64,6
7	87	95	31,7	20,4	46,6	75,4	86,5	91,9	94,2	94,7	16,4	39,6	56,1	60,4	63,9	64,2	64,6
8	87	95	31,7	22,2	50,7	80,5	89,2	95,1	95,7	96,1	18,2	40,1	56,8	62,8	67,1	67,8	68,3

Примечание. в вар. 1 подсчет взошедших растений производился на погонном метре в 4-х местах деланки на 4 учетных рядах в 4-х кратной повторности.

Таблица 3. Влияние различных способов предпосевной подготовки семян и технологии сева на динамику появления всходов хлопчатника (сев 2.V.1986 г.)

№	Энергия прорастания семян, %	Лабораторная всхожесть, %	Норма высева семян, кг/га	Динамика появления всходов, %									
				Кол-во гнезд с взошедшими растениями					Растения, взошедшие в гнездах				
				17 V	19 V	21 V	23 V	25 V	17 V	19 V	21 V	23 V	25 V
1	91	94	105,2	-	-	-	-	-	13,9	20,5	36,9	58,5	58,9
2	93	96	105,9	-	-	-	-	-	30,1	48,9	56,3	62,7	63,0
3	93	96	34,9	34,2	51,6	74,8	93,9	94,2	22,5	39,7	57,4	63,1	63,2
4	93	96	34,9	18,7	52,3	78,1	95,1	95,4	19,1	44,1	57,9	64,9	65,3
5	89	92	31,4	26,6	60,2	73,8	89,5	90,1	13,3	44,1	52,7	57,1	57,2
6	89	92	31,4	14,8	46,9	79,4	91,6	92,1	16,3	42,1	52,9	58,4	58,7
7	91	94	32,3	38,3	60,2	77,3	95,4	95,7	18,4	39,8	54,0	62,9	63,2
8	91	94	32,3	17,9	59,5	79,7	96,9	97,1	21,9	47,5	56,3	66,4	66,7

Примечание. В вар. 1—2 подсчет взошедших растений осуществляется на погонном метре в 4-х местах деланки на 4-х учетных кратной повторности

+ мульчирование). Основной причиной, послужившей ускорению появления всходов, явилось мульчирование верхнего слоя почвы навозом — сыпцом. Применение этого агроприема заметно отразилось на снижении уплотнения почвы, вызванного прошедшими в начале мая сильными ливневыми дождями.

Проведенный подсчет взошедших растений в гнезде (табл.1) показал, что сев хлопчатника обычными опущенными семенами, обработанными стимулятором «Супир» (вар. 2), дражированными (вар. 4) и капсулированными семенами (вар. 8) с мульчированием верхнего слоя почвы оказал заметное положительное влияние на всходы. В первом случае

взошедших растений в гнезде при первом сроке учета (17.V) было 25,7%, во втором — 30,1%, в третьей 29,8%. При точном севе капсулированными семенами (вар. 7) эти показатели составили соответственно в данный же срок 14,5%, в вар. 3 — 15,5% (дражированные семена, точный сев), в вар. 5 — 17,0% (точный сев оголенные семена), в вар. 6 — 18,1% (точный сев оголенными семенами + мульчирование). При 2-м и последующих сроках учетов (19, 21, 34, 25V) лучшие показатели всходов по гнездам также были в вар. 2, 4 и где количество взошедших растений колебалось от 56,2 до 58,8%. Наименьшее количество взошедших в гнездах растений отмечено в вар. 5 — 46,6; 6 — 49,3 и в вар. 1 — 52,1%

В опыте, проведенном в 1985 г., посевные семена, независимо от способа подготовки, обладали лучшей, чем в опыте 1984 г. энергией прорастания, которая по вариантам колебалась от 82 до 87% (табл. 2), но имели несколько меньшую лабораторную всхожесть (91–95%). Норма высева семян была примерно такой же, что и в опыте 1984 г.

Сев хлопчатника был осуществлен 1 мая, единичные всходы появились 1 мая, учеты начали проводить 14 мая. При первой сроке учета наиболее высокие темпы появления всходов отмечали в вар. 4 — 33,8% (точный сев дражированными семенами + мульча). Наименьшее количество гнезд с взошедшими растениями наблюдалось в вар. 5 20,9 в вар. 7 — 20,4 и в вар. 3 — 21,0%. Примерно в течение недели в динамике появления всходов преимущество имел вар. 8 — 80,5%. При учете, проведенном 20 мая, наименьшее число всходов — 82,9% отмечалось в вар. 5, а наибольшее в вар. 4 и 8 — соответственно — 89,8 и 89,2%. В последующие сроки учета преимуществом в появлении всходов обладали дражированные (вар. 3 и 4) и капсулированные семена (вар. 7 и 8), по сравнению с оголенными (вар. 5, 6).

При учете взошедших растений в гнездах было выявлено, что через 2 недели и на 16 день после сева (14. 16V) наибольшее число взошедших в гнездах растений было в вар. 2 где применяли рядовой сев опушенными семенами обычной заводской подготовки с предпосевной их обработкой стимулятором «Супир». При первом сроке учета

их количество составило 24,9 при втором — 43,7%. В других вариантах, где применялся точный сев дражированными, оголенными и капсулированными семенами, количество взошедших растений соответственно 16,4–18,4% (14.V) и 32,6–40,1% (16V).

При последующих учетах, большее, по сравнению с другими технологиями сева и способами подготовки семян. Наибольшее количество взошедших растений в гнездах наблюдалось в вариантах с использованием дражированных (вар. 3 и 4) и капсулированных (вар 7 и 8).

В целом независимо от способа подготовки посевных семян в каждом гнезде взошло от 61,1 до 68,3% растений от количества высеянных семян. Худшей полевой всхожестью обладали оголенные семена 61,1%, а лучшей — 68,3% капсулированные. Следует отметить, что полевая всхожесть семян, использованных на посев в опыте 1985 г. , была несколько выше, чем в опыте 1984 г.

В опыте, проведенном в 1986 г. , закономерность динамики появления всходов хлопчатника, была примерно такой же как и в опытах 1984 г. и 1985 г. (табл. 3). В данном опыте наряду с технологией сева и способами подготовки семян определенное положительное влияние на темпы появления всходов оказало мульчирование верхнего слоя почвы навозом — сыпцом.

Таким образом, как установлено проведенными в течение 3-х лет исследованиями, в начальный период по появлению всходов преимущества имел вар. 2, где посев проводился рядовым способом семенами обычной заводской подготовки, обработанными перед севом препаратом «Супир». При точном севе темпы появления всходов были выше в середине и в конце проведения учетов в вариантах, где высевались дражированные и капсулированные семена. Сев оголенными семенами, независимо от климатических условий года, приводил в заметному отставанию темпов появления всходов и сокращению количества взошедших растений в гнездах. В целом технология точного сева заметно повлияла на ускорение темпов появления всходов лишь в вариантах, где высевались дражированные и капсулированные семена, а после посева производилось мульчирование верхнего слоя почвы [3].

Литература:

1. Кандрашина, Т.Ф., и др. Влияние предпосевной обработки семян хлопчатника к неблагоприятным условиям среды //Международный симпозиум «Регуляция покоя и устойчивость растений к неблагоприятным факторам». 25–30 сентябрь, Душанбе, 1989, М.:ВАСХНИЛ, 1989,-с.15.
2. Рахимова, М.М., и др. Использование комплексонатов этилендиаминдиантарной кислоты для повышения посевных качеств семян хлопчатника // Тезисы докладов III Всесоюзного совещания по химии и применению комплексонатов и комплексонатов металлов. Ноябрь 1988, Челябинск, — 1988, С. 251.
3. Розметов, К.С. Подготовки семян хлопчатника и технологии сева в условиях луговых почв нижнего течения Аму-Дарьи. «Молодой ученый» ежемес научный журнал. Межд.н\ж №1 Россия. с. 298–302.

О повышении качества подготовки посевных семян хлопчатника

Розметов К.С., кандидат сельскохозяйственных наук,
председатель САО имени С. Розметова

Конкурентоспособность экономики любой страны во многом зависит от уровня развития наукоемкого, высокотехнологичного производства. Основы нормального роста и развития растений закладываются при получении полноценных и дружных всходов, что обеспечивается высокими посевными качествами семян. При прорастании качественных семян происходит быстрый переход зрелого жизнеспособного семени из состояния вынужденного покоя к состоянию активной жизнедеятельности, к интенсивному росту проростка. Поэтому исследованиям различных сторон физиологии прорастания семян, разработке эффективных методов их предпосевной обработки с целью повышения жизнеспособности проростков придается большое значение [1,2].

В практике хлопководства распространено использование некачественных семян, поэтому сев проводят повышенными нормами, в среднем на один гектар расходуется в 4–5 раз больше семян, чем при точном севе. Расход семян при севе по высоким нормам приводит к загущению рядков и необходимости ручного прореживания проростков до стандартной густоты стояния — 100–110 тыс./га, что требует больших трудовых затрат. При ранних сроках сева или резком похолодании и после продолжительных дождей наблюдается загнивание семян, поражение неокрепших проростков патогенными микроорганизмами. Во избежание массового заражения хлопковых полей используется большое количество фунгицидов, что требует дополнительных финансовых расходов и, с другой стороны, ухудшает экологическое состояние окружающей среды.

В связи с вышеуказанным большое внимание исследователей привлекает разработка новых технологий предпосевной обработки семян хлопчатника, обеспечивающих: повышение посевных качеств семян; стимулирование физиолого-биохимических процессов роста и развития проростков; длительное хранение семян без потерь посевных качеств; возможность проведения точного сева и снижение расхода посевного материала; повышение устойчивости проростков к пониженной температуре, высокой влажности и патогенным микроорганизмам; совместное применение фунгицидов и биостимуляторов-доноров микроэлементов и биоактивных лигандов, воздействующих на физиологические процессы.

Особый практический интерес вызывают новые технологии, которые могут повлиять на рост, развитие и, в конечном итоге, на продуктивность сельскохозяйственных культур. Новейшие методы и технологии могут быть разработаны на основе современной физиологии растений, которая развивается во взаимодействии с различными областями естественных наук, при сочетании не только классических методов исследования и фундаментальных данных, но и новых подходов с применением последних

достижений генетики, биохимии, фитопатологии, физико-химической биологии.

Многочисленными исследованиями установлена, что на эффективность точного сева и полевою всхожесть большое влияние оказывает лабораторная всхожесть и количество посева семян в гнездо.

Оценивая и научно обосновывая перспективы развития точного сева хлопчатника академик Г.М. Рудаков (1968, 1971) подчеркивает, что внедрение этого перспективного эффективного агроприема сдерживается низким качеством посевного материала. По его мнению, при механическом способе подготовки оголенных семян хлопчатника, когда их полевая всхожесть не превышает 50–60%, удовлетворительные всходы при точном севе можно получить только при высева 5–6 семян в гнездо.

Насколько иное мнение высказывают Л.Ф. Колоярова и А.А. Акмалходжаев (1961), а также В.П. Кондатуик (1968). Являясь сторонниками сравнительно высоких норм семян при точном севе, они считают, что все же с улучшением посевных достоинств можно будет снизить норму посева до 4–5 шт. семян в одно гнездо. Из опытов Х.Ахтамова (1972), где изучались нормы посева, установлено, что для схемы 60х30–2 и 90х20–2 достаточно высевать 4 семени в гнездо. Высев в каждую лунку по 3 семени обеспечивая достаточную густоту стояния растений для схем размещения 60–15 и 90–10 с одиночным стоянием в гнезде. В его опытах с уменьшением расстояния между гнездами с 30 до 15 см и с 20 до 10 см отмечено ускорение всходов, увеличилось количество гнезд со всходами.

Исследованиями, проведенными в условиях типичных сероземов СоюзНИХИ Г.А. Гольдбергом, В.Г. Кулаченко и др. (1972), Г.А. Гольдбергом и А.А.Нуждиным (1968–1971), установлено, что при схеме посева 60–30 и норме посева 3 семени в гнездо, в условиях оптимальных сроков сева количество пустых гнезд колеблется в пределах 0,5–0,1%, с одной растением 5–6% с двумя 20–22% и с тремя 70–73%. Авторы утверждают, что при таком количестве посеянных семян достигается полноценная густота всходов.

Е. Мегли, У. Яшевой и С. Чирповым (1989) установлено, что точность посева опущенных оголенных и дражированных семян не должна быть ниже 80%. Уменьшение точности посева до 60% и ниже приводит к уменьшению полноценных и гнезд и увеличению числе пустых гнезд с большими (более 3) количеством растений. Однако в последние годы изменились в некоторой степени сеялка, высеваемые аппараты и диски, а также способы подготовки к севу. В связи с этим нами была поставлена задача выяснить, как идет распределения по гнездам при проведении исследований в условиях засоленных лугово-аллювиальных почв.

В проведенных нами в 1984–1985 гг. опытах было установлено следующее. Как видно из данных табл. 1, в зависимости от способов подготовки семян и технологии сева распределение всходов по гнездам заметно различалось. В контрольном варианте при рядовом способе сева опушенными семенами густота всходов составила в опыте 1984 г. 490,0 тыс/га, в то время как в оптимальном варианте 2 густота всходов составила 553,0 тыс/га. Это свидетельствует о стимулирующем воздействии препарата «Супир» на посевную всхожесть семян хлопчатника.

Заметно больше, чем в вар. 1, отмечалась густота всходов в вар. (553,0 тыс/га), где семена перед севом обрабатывались стимулятором «Супир».

При точном севе, независимо от способов предпосевной подготовки семян, в 71,3–83,5% гнезд количество всходов колебалось от 2 до 4. Наибольшее количество гнезд с 2 всходами было в вар. 7 и 8 соответственно 29,2–29,6 там, где высевались капсулированные семена, а с 3 растениями в вар. 3 – 38,9%.

Почти пятая часть гнезд с 1 растением отмечалась в вар. 5 и 6, где сев производился оголенными семенами. Среднее же количество растений в гнезде при использовании технологии точного сева колебалось в зависимости от способов предпосевной подготовки семян от 2,3 (вар. 5 и 6) до 2,8 (вар. 8).

В связи с тем, что при точном севе оголенными семенами значительная часть гнезд имела по одному растению, густота всходов в вар. 5 и 6 была наименьшей 189,2–194,4 тыс/га. В вариантах при посеве капсулированными семенами густота всходов была довольно высокой и составляла 216,7–224,5 тыс/га.шт. Промежуточное положение по густоте всходов имели варианты 3 и 4, где точный сев осуществлялся дражированными семенами 207,0–211,1 тыс/га.

В опыте, проведенном в 1985 г., когда период сева – появления всходов был значительно короче, чем в опыте 1984 г., распределение всходов по гнездам и их густота оказались следующими (табл.2). При рядовом посеве опушенными семенами обычной заводской подготовки густота всходов составила 535,7 тыс/га. Заметное увеличение густоты по сравнению с 1984 г., объясняется

лучшим посевным качеством семян.

Предпосевная обработка семян перед севом препаратом «Супир» (вар. 2) способствовало повышению густоты всходов до 14,8 тыс/га.

Использование опушенных дражированных семян при осуществлении точного сева способствовало снижению количества гнезд без всходов, а также с 5 и 6 растениями.

В вар. 3 и 4 количество пустых гнезд составило 1,2–1,8% с 1 растением было 10,8–11,1%, с 5 растениями 5,0–8,1%, а с 6 – 2,5–2,8% гнезд.

В большинстве гнезд (79,3–79,4%) наблюдалось по 2,3,4 растения. В среднем же в данных вариантах (3 и 4) количество растений в гнезде составило 2,6 шт., а их густота колебалась в пределах 208,1–212,2 тыс/га.

При проведении точного сева оголенными семенами (вар. 5 и 6) количество пустых гнезд составило 2,1–2,2%, с 1 растением их количество составляло 13,2–14,8%, с 5 – 6,3–8,2%, с 6 всего 0,4%. В основной массе гнезд (76,1–76,7%) возшло по 2,3 и 4 растения, а среднем 2,3 шт. Густота всходов в вар. 5 и 6 составляло 188,4–196,9 тыс/га, или была меньше, по сравнению с вар. 3 и 4 на 23,6–11,2 тыс/га. В вар. 7 и 8, где высевались капсулированные семена, в 2,1–2,2% гнезд всходы отсутствовали в 12,8–13,3% возшло по 1 растению, а 2,2–2,7% гнезд было по 5 растений. Наибольшее количество гнезд (82,3–82,4%) в этих вариантах имело по 2,3 и 4 растения.

Вследствие хорошей сыпучести, несмотря на тщательную регулировку высевального аппарата и гнездующих дисков, высева семян в вар. 7 и 8 был больше, чем в других вариантах, где так же осуществлялся точный сев. В связи с этим вар. 7 и 8 отличались более повышенным средним числом растений в гнезде (2,7–2,8 шт) и густотой всходов. Здесь густота была больше, чем в вар. 3 и 4 на 7,2–13,1 тыс/га, а чем в вар. 5 и 6 – на 24,3–31,0 тыс/га.

В опыте, проведенном в 1986 г., закономерность распределения всходов по гнездам, количество растений в гнезде и густота всходов в целом была такой, как и в 1984–1985 гг. В то время имелись и различия, которые состояли в следующем (табл. 3.) По сравнению с 1984–1985 гг. несколько другим было распределение всходов по гнездам. В отличие от предыдущих лет в 1986 г. во всех

Таблица 1. Влияние способов подготовки семян хлопчатника и технологии сева на распределение всходов по гнездам и их густоту (1984 г.)

№	Распределение всходов по гнездам, %							Среднее кол-во растений в гнезде	Густота всходов, тыс/га. (до прореживания)
	0	1	2	3	4	5	6		
1	-	-	-	-	-	-	-	-	490,0
2	-	-	-	-	-	-	-	-	553,0
3	2,1	10,3	21,3	38,9	15,7	8,3	3,4	2,6	207,0
4	1,3	8,4	20,7	31,2	26,0	9,8	2,6	2,6	211,1
5	1,8	17,7	24,6	33,9	12,8	8,7	0,5	2,3	189,2
6	2,7	19,6	26,7	31,1	16,2	3,5	0,2	2,3	194,4
7	3,2	11,3	29,6	29,5	24,4	1,8	0,2	2,7	216,7
8	3,8	12,3	29,2	32,5	20,4	1,7	0,1	2,8	224,5

Таблица 2. Влияние способов подготовки семян хлопчатника и технологии сева на распределение всходов по гнездам и их густоту (1985 г.)

№	Распределение всходов по гнездам, %							Среднее кол-во растений в гнезде	Густота всходов, тыс/га. (до прореживания)
	0	1	2	3	4	5	6		
1	-	-	-	-	-	-	-	-	535,7
2	-	-	-	-	-	-	-	-	550,6
3	1,2	10,8	25,3	28,0	26,1	8,1	2,5	2,6	212,2
4	1,8	11,1	26,7	30,8	21,8	5,0	2,8	2,6	208,1
5	2,1	13,2	23,5	28,2	24,4	8,2	0,4	2,3	188,4
6	2,2	14,8	27,7	27,6	21,4	6,3	-	2,3	196,9
7	2,1	12,8	31,5	28,5	22,4	2,7	-	2,7	219,4
8	2,2	13,3	30,8	31,2	20,3	2,2	-	2,8	221,2

Таблица 3. Влияние способов подготовки семян хлопчатника и технологии сева на распределение всходов по гнездам (1986 г.)

№	Распределение всходов по гнездам, %							Среднее кол-во растений в гнезде	Густота всходов, тыс/га. (до прореживания)
	0	1	2	3	4	5	6		
1	-	-	-	-	-	-	-	-	534,3
2	-	-	-	-	-	-	-	-	571,5
3	2,3	11,4	24,5	28,7	27,2	5,3	0,6	2,8	210,1
4	2,4	11,8	23,3	30,8	28,4	2,6	0,7	2,9	215,2
5	2,6	11,9	25,2	29,8	26,3	3,8	0,4	2,6	193,7
6	2,8	13,2	26,4	28,3	25,3	3,7	-	2,6	198,6
7	1,8	10,5	24,6	31,2	30,1	1,8	-	3,1	226,8
8	2,3	10,3	25,3	29,7	29,5	2,1	0,2	3,0	219,4

вариантах (3–8) увеличилось количество гнезд с 4 растениями и снизилось с 5–6, а также среднее количество растений и густота всходов.

Независимо от способа предпосевной подготовки семян при технологии точного сева в 80,0–85,9% гнезд количество всходов составляло 2–4 шт.

Таким образом, как показали результаты учета, при рядовом способе сева опушенными семенами обычной заводской подготовки густота всходов, в среднем за 3 года составляла 520,0 тыс/га. При таком же способе сева семена, обработанные перед севом стимулирующим препаратом «Супир», обладали большей потенциальной всхожестью и имели более повышенную густоту всходов, которая составляла в среднем 558,3 тыс/га.

Способы подготовки семян и технология сева оказали неоднозначное влияние на количество растений в гнезде. Больше, чем в остальных вариантах, 2,7–3,1 шт. растений в гнезде оказались в вариантах, где высевались капсулированные семена.

Наименьшее же количество растений в гнезде 2,3–2,6, а также наиболее низкая густота всходов 188,4–198,6 тыс/га получены в вариантах, где высевались механически оголенные семена обычной заводской подготовки.

Данные по распределению всходов, среднему количеству растений в гнезде и густоте всходов, полученные в вариантах, где высевались дражированные семена, были близки с вариантами, где посев проводился капсулированными семенами [3].

Литература:

1. Каримов, Х.Х. и др. Стимулятор прорастания семян хлопчатника в составе капсулирующей смеси //Инф. лист, Душанбе, 1988, октябрь – 2с.
2. Рахимова, М.М., Кандрашина, Т.Ф. Современные химические технологии — достижения научно-образовательного потенциала общества. //Материалы республиканской конференции «Интеллектуальный потенциал-движущая сила гражданского общества», Душанбе, 10 ноября 2005. — с.44–48.
3. Розметов, К.С. Эффективность предпосевной обработки семян хлопчатника в условиях луговых почв. «Молодой ученый» научный журнал. №1. Россия. с. 302–304.

Влияние мульчирования на влажность почвы и мощность почвенной корки

Розметов К.С., кандидат сельскохозяйственных наук,
председатель САО имени С. Розметова

Известно, что под воздействием ветра, дождя и солнца непокрытая почва постепенно утрачивает свое плодородие, разрушается ее структура, образуется почвенная корка. Слишком жаркие дневные температуры в летнее время ведут к перегреву и иссушению; в зимнее время — к резкому переохлаждению и вымерзанию корневой системы многолетних растений. От атмосферных факторов почву можно защитить с помощью мульчирования, то есть покрытия ее различными материалами. Этот агротехнический прием помогает также экономить время и силы при уходе за садом и огородом. Ведь все мульчирующие материалы подавляют рост сорняков, особенно однолетних. Сильнорослые многолетние сорняки могут прорасти, но обычно на ухоженном участке таковых немного и их легко выполоть вручную. Почва под слоем мульчирующего материала летом сохраняет влагу, что уменьшает потребность в поливе. Но для этого его необходимо разложить сразу после дождя или искусственного полива.

Прикрытая мульчей почва меньше нагревается. Исследования показали, что условия роста для корней растений в этом случае более благоприятны, чем на открытых участках. Да и зимой почва лучше сохраняет тепло, что важно при выращивании многолетних растений. Мульчирующие материалы во многих случаях предохраняют растения от вредителей, и от болезней. Например, они защищают от морковной и луковой мух и отпугивают кротов. Проведенные в США исследования показали, что мульчирование поверхности почвы значительно сокращает количество нематод.

Сразу по нескольким параметрам улучшается структура почвы. В ней возрастает содержание гумуса и активизируется жизнедеятельность земляных червей, в результате чего она становится более рыхлой и не закупоривается после дождей и полива. Некоторые мульчирующие вещества, например, хорошо перепревший навоз и садовый компост, обеспечивают растения дополнительным питанием. Однако полностью заменять мульчированием внесение удобрений нецелесообразно, так как растения будут ощущать недостаток питательных веществ.

Как известно, высокие и устойчивые урожаи хлопка в значительной мере зависят от дружных и полноценных всходов хлопчатника, полученных по естественной влаге. В зонах хлопкосеяния период сева — появления всходов совпадает с систематическим повышением температуры воздуха и следовательно ускоренными темпами потери влаги верхними слоями почвы, где располагаются семена хлопчатника. А.А. Оганесян (1940) на основании результатов многолетних исследований пришел к выводам, что для получения полноценных всходов хлопчатника и нормальной густоты стояния необходима высокая влажность почвы [1].

При этом, как утверждает автор, необходимо в первую очередь учитывать предел почвенной влажности. Нередко вследствие быстрой потере влаги в зоне нахождения семени, хлопкоробы вынуждены проводить подпитывающие поливы, которые вызывают резкое охлаждение почвы, и ее сильное уплотнение. Кроме того, при таком поливе происходит значительная задержка всходов.

Одним из приемов сохранения влаги и уменьшения вредоносных действия корки, образующейся после ливневых дождей, плотностью её является мульчирование посевов навозом-сыпцом.

Для получения полноценных всходов хлопчатника при любых условиях и нормальных развития растений в начальный период вегетации и САИМЭ разработана технология сева с мульчированием посевных рядков (Хакимжанов и др., 1986). Она состоит в том, что семена присыпают слоем почвы толщиной 2–3 см, сверху наносят мульчирующего материала 1,0–1,5 см, его также закрывают почвой. В САИМЭ в производственных условиях испытывали различные виды малых загортачей: планчатые, установленные шарнирно к серийному сошнику; отвальные, приваренные к серийному сошнику, и лапчатые. Согласно полученным данным полевого опыта, при севе хлопчатника полевая всхожесть семян при использовании планчатых загортачей составила — 81,5%, отвальных — 67,6% и лапчатых — 54,5%, без мульчирования — соответственно 72,1, 58,6 и 47,2%. На более высокий урожай хлопка — сырца, равный 37,4 п/га получен Х. Хакимжановым, Е. Яшевой и Х. Хидировым (1986) в варианте с использованием навоза в качестве мульчи планчатых малых загортачей.

Нами в 1984–1986 гг. в условиях полевых опытов изучалось влияние мульчирования поверхности почвы на влажность и плотность почвенной корки.

Результаты исследований показали, что мульчирование способствует заметному увеличению влажности почвы в слое расположения семян хлопчатника.

В опыте, проведенном в 1984 г., среднее содержание влаги в слое почвы 0–2 см без мульчирования составляло 6,7%, с мульчей 8,7 или на 2,0% больше. В слое 2–4 см в контроле влажность почвы была 8,7% в вариантах с мульчированием 10,7%, в слое 4–6 см соответственно 10,7 и 12,3%. В слое не 0–6 см среднее содержания влаги и почве без мульчирования составляло 8,7%, а с мульчированием 10,6% или на 1,9% больше (табл. 1).

Еще большая разница в пользу вариантов с после посевным мульчированием поверхности почвы отмечалась при подсчетах влажности в процентах от предельно полевой влагоемкости (ППВ). В этом случае влажность почвы без мульчирования была меньше, чем с мульчей на 8,5%. Аналогичная зависимость влажности почвы в зоне

расположения семян от мульчирования поверхности наблюдалось и при проведении полевых опытов в 1985–1986 гг., что видно из данных табл. 2 и 3.

Одной из важнейших причин, как указывает И. Мамаджанов (1969), которая затрудняет появление всходов хлопчатника, является образование почвенной корки, вследствие выпадения ливневых дождей. Автор подчеркивает, что, чем больше и плотнее почвенная корка, тем больше требуется труда для ее разрыхления. При плотной корке растения ощущают кислородное голодание и развиваются очень слабыми. Кроме того, при разрыхлении ее механическими орудиями многие растения повреждаются и выпадают.

С. Чирповым, Е. Яшевой и К. Эрматовым (1987), в целях лучшего сохранения влаги и предотвращения образования почвенной корки, предлагается использовать на посевах хлопчатника светоразрушающую пленку. Ими установлено, что мульчирование посевов пленкой способствует сохранению влаги и лучшему прогреванию почвы. Она разлагается полностью через 15–20 дней

после раскладки и появления всходов и не мешает проведению междурядных обработок.

Авторы утверждают, что температуре под пленкой на поверхности почвы и на глубине семян, как правило выше, чем в контроле до 4,7 градусов. Так же выше была и влажность почвы. По их данным эти факторы оказали влияние на динамику всхожести семян. На рядках, покрытых светоразрушающей пленкой, при посеве 23 апреля, 8 мая количество взойдящих растений составило 100 тыс./га, а в контроле — лишь 35,2 тыс./га. На участке с пленкой урожай хлопка — сырца был выше, чем в контроле, на 4,6 ц/га. Как указывалось выше во все годы проведения исследований в послепосевной период выпадали атмосферные осадки, количество которых в 1984 г. составило 47,1 мм, 1985 г. — 20,5 мм и 1986 г. 27,9 мм после ливневых дождей на посевах образовалась почвенная корка, плотность которой находилась в прямой зависимости от количества выпавших осадков.

Исследования показали, что наибольшая масса корки и ее толщина были при проведении полевого опыта в

Таблица 1. Влияние мульчирования навозом на влажность почвы по состоянию на 5 день после посева хлопчатника (28.04.1984 г.)

Вариант	Слой почвы, см	Начало делянки		Середина делянки		Конец делянки		Среднее	
		содержание влаги, %	влажность, % от ППВ	содержание влаги, %	влажность, % от ППВ	содержание влаги, %	влажность, % от ППВ	содержание влаги, %	влажность, % от ППВ
Без мульчирования (контроль)	0–2	7,4	32,8	5,6	25,1	7,0	31,1	6,7	29,7
	2–4	8,9	39,6	8,2	36,7	9,0	39,0	8,7	38,7
	4–6	11,2	49,9	9,6	42,7	11,3	50,4	10,7	47,6
	0–6	9,2	40,3	7,8	34,8	9,1	40,5	8,7	38,7
С мульчированием навозом-сыпцом	0–2	9,0	40,1	8,1	36,2	9,0	40,1	8,7	38,8
	2–4	9,5	42,3	11,0	48,8	10,8	47,8	10,4	46,3
	4–6	13,2	58,9	12,5	55,6	12,5	55,5	12,3	56,6
	0–6	10,6	47,1	10,5	46,8	10,8	47,8	10,6	47,2

Таблица 2. Влияние мульчирования навозом на влажность почвы по состоянию на 5 день после посева хлопчатника (6.05.1985 г.)

Вариант	Слой почвы, см	Начало делянки		Середина делянки		Конец делянки		Среднее	
		содержание влаги, %	влажность, % от ППВ	содержание влаги, %	влажность, % от ППВ	содержание влаги, %	влажность, % от ППВ	содержание влаги, %	влажность, % от ППВ
Без мульчирования (контроль)	0–2	8,1	36,0	7,8	34,7	7,9	35,1	7,9	35,1
	2–4	8,6	38,2	8,9	40,0	8,4	37,3	8,6	38,2
	4–6	11,3	50,0	10,2	45,8	10,6	45,2	10,7	45,4
	0–6	9,3	41,8	9,0	40,4	9,0	40,0	9,1	40,8
С мульчированием навозом-сыпцом	0–2	9,2	41,3	8,4	37,3	9,3	41,8	9,0	40,4
	2–4	9,8	44,0	9,6	43,1	9,8	44,0	9,7	43,6
	4–6	13,7	60,0	12,8	52,4	13,2	59,1	13,2	59,1
	0–6	10,9	48,4	10,5	46,6	10,8	48,2	10,6	47,8

Таблица 3. Влияние мульчирования навозом на влажность почвы по состоянию на 5 день после посева хлопчатника (7.05.1986 г.)

Вариант	Слой почвы, см	Начало делянки		Середина делянки		Конец делянки		Среднее	
		содержание влаги, %	влажность, % от ППВ	Содержание влаги, %	влажность, % от ППВ	содержание влаги, %	влажность, % от ППВ	содержание влаги, %	влажность, % от ППВ
Без мульчирования (контроль)	0–2	8,8	39,2	8,9	39,6	8,3	36,8	8,7	38,6
	2–4	9,7	43,0	10,1	44,8	9,7	43,3	9,8	43,7
	4–6	10,2	45,2	11,4	50,8	11,7	52,2	11,1	49,4
	0–6	9,6	42,4	10,1	45,1	9,9	44,1	9,9	43,9
С мульчированием навозом-сыпцом	0–2	9,3	41,1	11,3	50,3	11,0	48,9	10,5	46,7
	2–4	10,6	46,9	12,5	55,4	14,6	63,0	12,4	55,6
	4–6	11,7	51,9	15,3	68,2	19,3	85,6	15,4	68,6
	0–6	10,5	46,6	13,0	57,9	15,0	66,5	12,8	57,0

Таблица 4. Влияние мульчирования на мощность почвенной корки (третий день после дождя)

№ вариантов	1984 г. 6 мая		1985 г. 15 мая		1986 г. 14 мая	
	масса корки, 300 см ² /г	толщина корки, мм	масса корки, 300 см ² /г	толщина корки, мм	масса корки, 300 см ² /г	толщина корки, мм
1	660,3	25,1	281,3	16,2	370,3	18,3
2	665,2	24,7	276,6	16,0	264,4	17,9
3	662,6	25,3	274,8	15,5	372,8	18,4
4	342,4	16,2	176,2	10,3	190,6	10,6
5	666,7	25,5	279,1	16,1	366,7	18,1
6	344,1	16,4	180,4	10,5	192,5	10,8
7	658,4	24,8	283,9	16,4	374,1	18,6
8	346,8	16,7	175,3	10,3	194,2	10,9

1984 г. Здесь в без мульчирования поверхности почвы (вариант 1, 2, 3, 5) масса корки колебалась в пределах 660,3–666,7 г, а её толщина от 24,7 до 25,5 мм. В вариантах же, где поверхность почвы покрывалась навозом-сыпцом, масса корки была значительно меньше и составляла всего 342,4–348,8 г, а толщина 16,2–16,7 мм (табл. 4).

В 1985 г. масса корки и её толщина были значительно, почти в 2 раза меньше, чем в 1984 г. Это объясняется тем, что и количество выпавших после сева осадков было так же в 2 с лишним раза меньше. Масса нормы в вариантах без мульчирования (варианты 1, 2, 3, 5 и 7) колебалась в пределах 274,3–283,9 г., а ее толщина от 15,5–16,4 мм.

Разное уменьшение массы и толщина отмечалось в вар. 4, 6 и 8, где применялось мульчирование поверхности почвы навозом-сыпцом. Здесь масса была в пределах 175,3–180,6 г., а толщина — 10,3–10,5 мм.

Положительное влияние мульчирования на снижение мощности почвенной корки отмечалось и при проведении опыта в 1986 г.

Таким образом, мульчирование поверхности почвы навозом-сыпцом способствовало увеличению влажности почвы в зоне расположения семян на 1,5–2,9 %, или 8,5–13,1 % от ППВ, снижение мощности почвенной корки на 98,6–322,6 г., а её толщина на 5,2–9,1 мм или на 57,6–67,3 % [2].

Литература:

1. Розметов, к.с. рост, развитие и урожайность хлопчатника в зависимости от способов предпосевной подготовки семян и технологии сева в условиях луговых почв нижнего течения Аму-Дарьи. Дисс. на соискание ученой степени к.с\х. наук. Ташкент. 1990. 156 с.
2. Розметов, К.С. Мульчирование //Агропромышленный комплекс Туркменистана. 1988. №4.

ФИЗИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И СПОРТ

О проблеме слабой физической подготовки курсантов 1 курса Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС России

Уколов А.В., преподаватель, лейтенант внутренней службы
Сибирский филиал Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС России

Физическое воспитание — неотъемлемая часть современного общества. Недостаточное развитие физических качеств, таких как выносливость, еще со школы оказывает огромное влияние на сохранность контингента курсантов в ВУЗах силовых структур на этапе начала обучения и является актуальной проблемой для преподавателей физической культуры.

Ключевые слова: физическое воспитание, физические качества, выносливость, силовые структуры

A.V. Ukolov

About the Problem of the Weak Physical Training of Cadets 1 Courses Saint-Petersburg University of the State Fire Service of the Ministry for Emergency Situations of Russian Federation

Physical training is an integral part of a modern society. Insufficient development of physical qualities, such as endurance, from school makes huge impact on safety of cadets in HIGHER SCHOOLS of power structures at a stage of the beginning of training and is an actual problem for teachers of physical training.

Keywords: physical training, physical qualities, endurance, power structures

Взаимосвязи физического воспитания с общими культурными, политическими и социально-экономическими условиями жизни общества весьма сложны и не одинаковы в различных формациях. Физическое воспитание, являясь составной частью общества, его подсистемой, находится в определенных связях, взаимоотношениях с другими социальными подсистемами [Евсеев Ю.И. 2005]. Закономерности функционирования физического воспитания, отражают характер взаимодействия его со средой, который можно сформулировать следующим образом: физическое воспитание, являясь подсистемой общества, формируется и изменяется под воздействием общекультурных, материальных и социальных условий жизни общества и обусловленных ими потребностей, а в процессе функционирования оказывает воздействие на социально-демографические группы [Сластенин В.А. 2002]. Для понимания сущности физического воспитания важно понять, что побуждает человека к двигательной активности, так как этот вид деятельности не связан напрямую с добычей материальных благ, необходимых для жизни.

Проблема физического воспитания студентов во всех ВУЗах является актуальной. Оканчивая школу, лишь 18% выпускников имеют 1 группу здоровья и хорошую физическую подготовку, 51% выпускников с трудом, но справляется со школьной программой физической куль-

туры и 31% молодых людей имеют 3 группу здоровья и ограничение на физические нагрузки [Антипин В.Б. 2006].

При поступлении в ВУЗ силовой структуры, например университет государственной противопожарной службы МЧС России, обязательным является практический экзамен по физической подготовке. Большинство поступающих абитуриентов из числа 51% не сдают вступительный экзамен, а те, кто с большим трудом поступает, отчисляются после первого семестра обучения в связи с академической задолженностью по физической культуре.

Таким образом, перед преподавателями появляется проблема, переходящая со школы и влияющая на сохранность контингента обучающихся курсантов высшего учебного заведения силовых структур. Причина данной проблемы кроется за слабо развитыми физическими качествами, в числе которых одно из главных физических качеств — это выносливость.

Выносливость — это физическое качество позволяющее противостоять утомлению в процессе активной двигательной деятельности. Необходимо отметить, что выносливость характеризует способность организма довольно длительное время преодолевать физическое напряжение без заметного снижения интенсивности деятельности. В этом плане различают общую и специ-

альную (скоростную, силовую, координационную) выносливость.

Для достижения успеха не только в сохранности контингента обучающихся курсантов, но и в подготовке спасателей, огнеборцев, инженеров пожарной безопасности и многих других высококвалифицированных специалистов, необходима организация систематической тренировки, в которой будут рационально использоваться упражнения для развития общей и специальной выносливости. И прежде чем говорить о том, как развить выносливость, необходимо выяснить, что такое общая и специальная выносливость.

Общая выносливость выражается в таком функциональном состоянии организма, которое характеризуется повышенной дееспособностью его органов и систем и в первую очередь сердечно-сосудистой и дыхательной систем.

Специальная выносливость связана со специальными навыками курсанта. Она выражается в настроенности нервной системы на специфическую деятельность, связанную со спасением человеческой жизни или тушением пожара. Эта настроенность дает возможность быстро и точно реагировать на быстро изменяющиеся положения, концентрировать и соизмерять свое внимание и усилия только в нужных направлениях, действовать расчетливо и экономно, сохраняя свежесть сил [Попов А.Л. 2000].

К упражнениям по развитию общей выносливости, укрепляющим мышечную, сердечно-сосудистую и дыхательную системы, относятся: бег, ходьба, передвижения на лыжах, плавание, гребля и различная физическая работа. Общая выносливость воспитывается в результате постоянных, систематических упражнений. Она служит базой для развития специальной выносливости курсанта.

Специальная выносливость может быть развита только путем практических занятий и в первую очередь упраж-

нениями с партнером в условиях схожих с настоящими. Именно такими заданиями осуществляется настройка нервной системы на специфическую деятельность, которая дает ему возможность действовать неумолимо, расчетливо и экономно, без особых усилий. Следовательно, чтобы чувствовать себя уверенным в сложных положениях, возникающих в процессе задания, надо быть к ним подготовленным.

Сосредоточенная, кропотливая работа над совершенствованием любого «узкого» задания приучает курсанта хорошо владеть техникой в каждой ситуации. Применение длительных упражнений в условном бою с огнем помогло решить задачу выработки специальной выносливости у спасателей и пожарных высокого класса.

Каждое тренировочное занятие по развитию специальной выносливости лежит через упражнения на снарядах. Например, при выполнении упражнений на снарядах используется специальный вид нагрузки и чередование работы и отдыха с целью воспитания специальной выносливости.

Так, в задании с «грузом» курсант поднимает **штангу на грудь**, масса которой заранее подобрана под вес выполняющего упражнение и выполняет с максимальной скоростью и интенсивностью 10–15 взрывных коротких выбрасывания перед собой (длительностью от 1 с до 1,5 с), после чего, повторяет упражнение в спокойном темпе, таких 4 серии.

Выводы. Таким образом, для развития специальной выносливости курсанта важно повысить общую выносливость, настроить нервную систему на специфическую деятельность в бою с огнем или за жизнь человека путем специальных упражнений с партнером и с помощью других боевых упражнений. Все это необходимо сочетать с воспитанием таких качеств курсанта государственной противопожарной службы, как настойчивость и упорство.

Литература:

1. Антипин В.Б. Формирование мотивации занятия боксом у юношей путем удовлетворения актуальных потребностей: дис.канд.пед.наук / В.Б.Антипин — Омск, 2006 — С. 125
2. Евсеев, Ю.И. Валеологическая и профессионально-ориентированная направленность физического воспитания. — N21. 2005 — С. 181
3. Попов, А.Л. Спортивная психология: Учебное пособие для специализированных вузов / А.Л. Попов. — М., 2000 — С. 152
4. Сластенин, В.А. Учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений / В.А. Сластенин, И.Ф. Исаев, Е.Н. Шиянов; Под ред. В.А. Сластенина. — М.: Издательский центр «Академия», 2002. — С. 426

ПРОЧЕЕ

Россия и Европейский Союз – сможет ли Россия помочь Евросоюзу преодолеть внутренний кризис?

Лёвина К.А., студент

Ульяновский государственный университет

В конце весны — начале лета 2005 года в Европейском Союзе разразился самый глубокий кризис за всю историю его существования, который проявляется в несовпадении взглядов стран-членов ЕС по основным вопросам дальнейшей интеграции Союза. Показательными были отклонения Европейской Конституции на референдумах во Франции и Нидерландах, безрезультатный саммит Евросоюза в Брюсселе 16–17 июня, на котором ведущие державы не смогли преодолеть острые противоречия по поводу единой сельскохозяйственной политики ЕС, разногласия между Великобританией и Францией в вопросах формирования бюджета ЕС [1], недовольство Германии ролью «Европейского экономического локомотива». Более того, попытка выхода из системного кризиса путем расширения ЕС за счет включения в его состав в 2007 году Болгарии и Румынии не увенчалась успехом, а напротив, усугубила упаднические настроения европейцев.

Общая картина системного упадка, вызванная коренными противоречиями по основополагающим вопросам дальнейшего развития Евросоюза, усугубилась экономическим спадом, вызванным Мировым финансовым кризисом в 2008 году. Кризис обострил и так непростые взаимоотношения между Берлином, Парижем и Лондоном [1] и разобщил их взгляды на финансовую помощь Греции, оказанную стране в апреле 2010 года для преодоления бюджетного дефицита. Хотя и можно сказать, что к началу 2011 года пик внутрисоюзной нестабильности уже пройден, до выхода из кризиса Евросоюзу еще далеко, и кажется, что все возможные внутренние средства уже исчерпаны. Еще на начальных этапах системного кризиса Европа осознала необходимость обратить более пристальный взгляд на восточного соседа в лице Российской Федерации. Новый этап в развитии этих отношений начался после саммита Россия — ЕС, состоявшегося 10 мая 2005 года. На нем были утверждены «дорожные карты» по четырем «общим пространствам» — экономическому, внутренней безопасности, внешней безопасности, культуры и образования, включая науку [2]. Вопрос на 2011 год состоит лишь в том, смогут ли Россия и ЕС продолжить выстраивать линию взаимоотношений, которые способствовали бы выходу Евросоюза из внутреннего кризиса с одной стороны и укреплению позиций РФ на мировой арене с другой.

«Наш постоянный диалог с ЕС создает благоприятные условия для взаимовыгодных экономических связей и расширения научных, гуманитарных и иных обменов. Совместная реализация нами концепций общих пространств является важным элементом всего общеевропейского развития» [3]. Обусловленные географией и историей процессы взаимодействия, при которых любая из сторон получает выгоды в соответствии со своими стратегическими интересами, показывают, что максимально интенсивное взаимодействие и сближение ЕС и России могут обогатить их возможности как партнеров в этом все более небезопасном мире [4, с. 204]. Как Россия сможет помочь Евросоюзу в преодолении кризиса и что выиграет Россия от сотрудничества с ЕС?

Страны Евросоюза обеспечены природными ресурсами лишь на 65%–70%, и, безусловно, они заинтересованы в их стабильной поставке. Если ЕС выработает четкую стратегию сотрудничества с Россией и будет следовать ей, то Европа получит постоянный доступ к природным ресурсам и энергоносителям России, которые составляют почти одну треть мировых запасов. Кроме того, учитывая нестабильную обстановку в странах-поставщиках нефти, таких как Ливия и Бахрейн в начале 2011 года, тесное сотрудничество с Россией в энергетической сфере избавит Европу от второй волны экономического кризиса или, как минимум, минимизирует ее последствия для экономики Евросоюза. С другой стороны, партнерство выгодно для России, так как оно привлечет иностранные инвестиции в нефтяную и газовую индустрию, строительство транспортных коммуникаций и другие проекты. В рамках данного направления осуществляется строительство газопроводов «Северный поток» (Nord Stream), проходящего по дну Балтийского моря и осуществляющего поставку российского газа в Германию, и «Южный поток» (South Stream), который является российско-итальяно-французским проектом газопровода, который пройдет по дну Черного моря. Но, несмотря на очевидную для Европы выгоду от реализации подобных проектов, строительство газопроводов подверглось жесткой критике со стороны некоторых стран-членов ЕС. Сразу после заключения соглашения президент Польши Александр Квасьневский назвал «подписанный пакт Путина — Шрёдера плохим с точки зрения экологии и слабым с экономической и по-

литической точек зрения» [5], а экс-премьер-министр Латвии Айгарс Калвитис заявил, что планируемое строительство «не отвечает единой энергетической политике ЕС» [6]. Данная реакция свидетельствует о расколе Евросоюза изнутри и отсутствия единой политики в отношении России, но выгода, полученная впоследствии от эксплуатации газопроводов, возможно, заставит критикующие страны изменить свое мнение, а, соответственно, сделать шаг к преодолению внутреннего Европейского раскола.

Внутренний кризис Европейского союза, усугубленный Мировым экономическим кризисом, повлек за собой снижение финансирования научных разработок в Европе (с 56,2% инвестиций со стороны бизнес-сектора в НИОКР в 2001 году до 47,8% в 2009), а, соответственно, спад в высокотехнологичном производстве, не смотря на то, что во время встречи на высшем уровне, состоявшейся в Барселоне в марте 2002 года, лидеры стран ЕС приняли решение о том, что инвестиции в НИОКР, как доля от ВВП, должны увеличиться с 1,9% в 2000 году до 3% в 2010 году [7]. Но правильная линия взаимодействия с Россией, которая обладает высокоразвитым образованием и научно-исследовательской деятельностью, которая сосредотачивается в основном на фундаментальных исследованиях, сможет обогатить Евросоюз технологиями и инновационными прорывами, а также вывести Европу на позиции мирового лидера по многим направлениям [4, с. 204]. Специалисты считают, что из 50–55 направлений развития макротехнологий Россия вполне могла бы побороться за доминирование в 17 областях, таких как авиационные и космические, информационные, электронно-ионные, плазменные, атомная энергетика, технология нефтедобычи и переработки, рекомбинантные вакцины [8]. В свою очередь Россия выиграет экономически от привлечения европейских инвестиций, которые могут быть направлены на модернизацию технопарков и финансирование научных исследований. Неправильным будет утверждать, что взаимодействие по данному вопросу не осуществляется вообще. Так, в 2010 году наблюдательный совет РОСНАНО одобрил участие корпорации в Европейском фонде прямых инвестиций (European Private Equity Fund) с целью передачи технологий [9], но это скорее исключение, чем правило.

Европейскому союзу также следует уделить должное внимание инвестированию в российскую экономику. По данным рейтингового агентства Fitch, инвестиционный рейтинг России находится на уровне ВВВ (достаточная кредитоспособность, второй уровень) и может быть повышен в ближайшее время [10], что произойдет на фоне проблем в экономике Европы и США. Инвестируя в экономику России, ЕС не только будет развивать структуру рынка на этом огромном пространстве, но и откроет дополнительные возможности для развития европейского бизнеса. В свою очередь Россия также выиграет от прямых Европейских инвестиций в экономику, которые будут способствовать скорейшему вступлению Российской Федерации в ВТО и развитию дальнейшего торгово-экономического сотрудничества России и ЕС, которое бы не ущемляло Россию.

Российская Федерация действительно заинтересована в выходе Союза из кризиса. В силу того, что российский рынок тесно связан с европейским, экономика России сильно зависит от ситуации в странах ЕС. РФ вносит мощный вклад в антикризисный стабилизационный фонд, в который решено вложить €750 миллиардов, в том числе, через МВФ, в состав которого входит Россия [11]. Кроме того, РФ заинтересована в покупке облигаций Европейского фонда финансовой стабильности (EFSF). Доходность облигаций EFSF составила 2,8%, превысив на 6 базисных пунктов средний показатель аналогичных европейских бумаг. Бумагам был присвоен высший инвестиционный рейтинг AAA. Россия, вопреки тому факту, что еврозона сейчас переживает самый жестокий экономический кризис за все двенадцать лет своего существования, может начать покупать облигации EFSF. У РФ есть средства на подобные покупки: объем международных резервов РФ по состоянию на 18 марта 2011 года составил 500 млрд долларов. И хотя покупка данных облигаций плохо соотносится с «консервативным управлением золотовалютными резервами РФ», так как является на сегодняшний день рискованной инвестицией, аналитики не считают, что это будет потерей денег. Как считают в Fibo Group, «покупка европейских облигаций Россией укладывается в рамки международной политики страны: РФ участвует в программе выхода Европы из финансового кризиса. Вряд ли эти бумаги будут очень дорогими при существующих долговых рисках даже с учетом того, что их гарантом будет весь Европейский союз». Гарантия же со стороны ЕС позволяет верить, что средства, потраченные на облигации EFSF, не пропадут [12] и действительно будут направлены как на выход из кризиса отдельных членов ЕС, в частности Португалии, Греции, Испании, так и на устойчивое экономическое развитие всей конфедерации в целом.

Европейские сообщества представляют собой пестрый конгломерат правовых семей и систем. Так Германия, Австрия, Венгрия и Швейцария принадлежат к системе германского права, Франция, Италия, Бельгия и Испания — к системе романского права, Дания и Швеция — к системе скандинавского права. Особняком стоит Великобритания, система права которой относится к англо-саксонской правовой семье, где основным источником права признается юридический прецедент и отсутствует писаная конституция. Не смотря на работу по унификации и гармонизации коллизионного права, которая ведется с 1967 года в рамках Европейских сообществ Европейской комиссией (КЕС), в праве Европейского союза существует достаточно пробелов и коллизий. В частности, не до конца разработан вопрос о юридических лицах [13], внедоговорных обязательствах. Право Европейского союза предусматривает коллизионную привязку *lex loci delicti commissi* [14], что затрудняет применение права. Конечно, не совсем верно будет утверждать, что в законодательство Российской Федерации отсутствуют пробелы и коллизии, но оно достаточно прозрачно и стабильно. В ближайшем будущем

абсолютно реальным может оказаться тезис о возможности заимствования правовых норм российского законодательства правом Евросоюза с целью его стабилизации.

Российская Федерация является многонациональным государством, в котором мирно сосуществуют представители разных национальностей, а также конгломерат самобытных культур, сопряженных наличием широкой культурно-языковой действительности. В данной сфере Россия выполняет несколько очень важных задач, необходимых для стабильного развития страны — сохранение национальной идентичности, воспитание толерантности и интеграция этнокультурных меньшинств в общество. Россия может передать свой опыт Европе в интеграции огромных масс мигрантов из Азии и Африки [4, с. 205]. Особенно актуальными для ЕС являются проблема исламизации Европы и вопрос интеграции мусульман в христианское общество. С этой точки зрения пример России, где уживаются представители как мировых, так и национальных религий, может быть достаточно показательным. Кроме того, опыт России может быть полезен ЕС в процессе преодоления разногласий между национальными государствами в отношении политической линии Евросоюза, что также послужит шагом к преодолению внутри-европейского кризиса.

Внутренний кризис Евросоюза, отчасти вызванный исламизацией Европы, сопряжен с борьбой с террористическими группами радикальных исламских фундаменталистов и экстремистов. Несмотря на наличие у ЕС контртеррористической стратегии [15], Союз нуждается в сотрудничестве с Россией, которая может оказать помощь ЕС и поделиться богатым опытом ведения анти-террористической войны с представителями различных радикальных структур исламистского толка. Все всяких сомнений Европейский союз нуждается в сотрудничестве с Россией в сфере пресечения контрабанды [4, с. 205] оружия и незаконного оборота наркотиков и психотропных веществ.

При наличии доброй воли и при взаимном учете законных интересов обеих сторон прочное и стабильное будущее отношений между Россией и ЕС, вполне возможно, пойдет на пользу народам всей Европы [4, с. 205]. Российская Федерация заинтересована в помощи Евросоюзу в преодолении внутреннего кризиса и имеет необходимые для этого ресурсы и опыт. Проблема же состоит в том, увидит ли Европа все взаимные перспективы сотрудничества с Россией и откроется ли для конструктивного диалога, не ограниченного вопросом «четырёх общих пространств».

Литература:

1. Maarten Vanheeuverswyn. European Union faces deepest crisis in its history. — Режим доступа: <http://www.marxist.com/Europe-old/european-union-crisis200605.htm>
2. Караганов С.А. Кризис ЕС и политика России. — Режим доступа: http://www.globalaffairs.ru/number/n_5463
3. Путин В. Послание Президента Федеральному Собранию Российской Федерации. 2006.
4. Фролова Е.И. Место России в системе европейской безопасности / Е.И. Фролова // Современная Европа: сб. науч. ст. / под ред. Т.А. Закаурцевой, Т.В. Зверевой. — М.: Восток — Запад, 2008. — С. 204—205.
5. Владимир Водо, Вильнюс; Михаил Зыгарь, Наталия Гриб. Россия получает транзитный удар. Коммерсантъ № 174 (3258) (16 сентября 2005). — Режим доступа: <http://kommersant.ru/doc/609354>
6. Латвия согласна на Nord Stream // Деловой Петербург ISSN 1606—1829— 11:04 05 июня 2008. — Режим доступа: http://www.dp.ru/a/2008/06/05/Latvija_soglasna_na_Nord_S#
7. Чернова С.А. Оценка направлений политики ЕС и РФ в области исследований, технологических инноваций и образования. — Режим доступа: www.rier.ru/works/almanach/0004/almanach0004_385—401.pdf
8. Ганчев П. Европейский союз и Россия // Мировая экономика и международные отношения. 2006. № 1. С.19—21
9. The Supervisory Board Of Rusnano Has Approved Investment In The European Fund For The Transfer Of Technology Which Is To Be Established In Partnership With UniCredit And Fleming Family & Partners. — Режим доступа: <http://www.ffam.ru/news/45826/?PHPSESSID=7ts4rp61cddhpcndhdt0vnp05>
10. Анна Резникова. Россия поднимется в рейтинге благоприятных для инвестиций стран. — Режим доступа: <http://www.rbcdaily.ru/2011/01/11/focus/562949979523621>
11. Москва поможет Европе выйти из кризиса. — Режим доступа: <http://www.utro.ru/articles/2010/05/20/895161.shtml>
12. Россия поможет ЕС. — Режим доступа: <http://expert.ru/2011/03/29/rossiya-pomozhet-es/>
13. Унификация и гармонизация законодательства о юридических лицах в рамках Европейского Союза. — Режим доступа: http://eulaw.edu.ru/documents/publications/chapters/osnovy1_zak-vo_o_ur_licah.htm
14. Сагова Э.А. Унификация коллизионного права в рамках Европейского союза. — Режим доступа: http://science.ncstu.ru/conf/past/2009/xxviii/phil/025.pdf/file_download
15. EU Counter-Terrorism policy: Commission outlines main achievements and future challenges. — Режим доступа: <http://europa.eu/rapid/pressReleasesAction.do?reference=IP%2F10%2F987&format=PDF&aged=0&language=en&guiLanguage=en>

Премия James Dyson Award 2011: изобретателям посвящается

5 апреля стартует 6-ой ежегодный конкурс на соискание международной премии в области промышленного дизайна и инженерного проектирования James Dyson Award 2011

5 апреля 2011 года стартует конкурс на соискание международной премии в области промышленного дизайна и инженерного проектирования James Dyson Award 2011. «Премия Джеймса Дайсона» является международным конкурсом, призванным отметить, поддержать и воодушевить конструкторов и дизайнеров нового поколения. Он проводится под эгидой «Фонда Джеймса Дайсона», одной из задач которого является поддержка молодых инженеров и конструкторов.

В конкурсе могут принять участие студенты инженерно-конструкторских специальностей, факультетов проектирования, промышленного дизайна, инженерных разработок (и лица, окончившие учебные заведения не более четырех лет назад) из России, Австралии, Австрии, Бельгии, Великобритании, Германии, Голландии, Ирландии, Испании, Италии, Канады, Малайзии, Новой Зеландии, Сингапура, США, Франции, Швейцарии и Японии. Для того, чтобы принять участие в конкурсе, необходимо загрузить видеоролик, изображение, рисунок или чертеж своих проектов на веб-сайте www.jamesdysonaward.org, а также текст на английском и русском языках, рассказывающий о том, что вдохновило авторов на создание предложенного изобретения и как проходил этап проектирования. Заявки на участие принимаются с 5 апреля 2011 г. Разработки конкурсантов не обязательно должны быть представлены в законченном виде. Хорошо проработанный (даже «черновой») прототип имеет равные шансы на победу наряду с готовыми решениями.

Определение победителей пройдет в несколько этапов. 6-го сентября членами регионального жюри будут определены национальные призеры в каждой стране — 10 лучших проектов. Победитель национального конкурса получит 1000 фунтов стерлингов и сертификат James Dyson Award. Затем коллектив инженеров-проектировщиков компании Dyson внимательно рассмотрит все национальные проекты и выберет 20 лучших от каждой страны. 18-го октября международное жюри, в состав которого войдут высококвалифицированные проектировщики, инженеры, академики и журналисты, отберет 15 лучших проектов и 8-го ноября Джеймс Дайсон объявит победителя. Победитель (или команда, состоящая не более чем из 4-х человек) международного конкурса на соискание премии Джеймса Дайсона получает сертификат и награду James Dyson Award и 10 000 фунтов стерлингов. Также 10 000 фунтов стерлингов получает ВУЗ/Университет, в котором учится или который окончил автор проекта. Призы будут конвертированы в местную валюту страны победителя по курсу обмена на момент объявления победителя.

В этом году в состав национального российского жюри вошли:

- Андрей Сердечнов, редактор отдела науки и технологий, газеты «РБК daily»;
- Николай Турубар, обозреватель высоких технологий журнала «Итоги», руководитель интернет-проекта о гаджетах Nomobile.ru;
- Умберто Геродо, руководитель курса «Промышленный дизайн» Британской высшей школы искусства и дизайна в Москве.

Этот конкурс организован и проводится сравнительно недавно. Обладателями премии James Dyson Award прошлых лет стали следующие проекты: Skylino (Германия) — рюкзак, предназначенный обеспечить безопасность маленьких детей в поездках на транспорте¹; The Contortionist (Великобритания) — складной велосипед²; Flexi-dex (Бельгия) — гибкая крышка, способная закрыть емкость любой формы³; Kahuna Adventure Equipment (Швейцария) — байдарка с педальным приводом, способная трансформироваться в палатку⁴; SAW (Финляндия) — складная пила, раскрывающаяся одним движением⁵; Longreach (Австралия) — спасательный жилет из водоотталкивающей пены, которая быстро увеличивается в объеме при попадании в воду⁶; Automist (Великобритания) — специальный огнетушитель, устанавливаемый на водопроводный кран в кухне⁷.

¹ Рюкзак имеет специальную конструкцию для поддержки головы и позвоночника ребенка

² В собранном виде его колеса ложатся одно на другое на расстоянии 65 см. Все остальные части велосипеда уме- щаются между колесами, которые при этом могут вращаться, что позволяет катить конструкцию, а не нести ее на себе.

³ Простое нажатие на крышку, и емкость герметично закрыта.

⁴ В отличие от обычных палаток, в ней можно спать не на земле, а на прочной сетке, натянутой на раму, вроде кро- вати-раскладушки

⁵ В сложенном состоянии полотно полностью скрыто, так что пила становится совершенно безопасной

⁶ Система способна выстреливать осветительные снаряды, упрощающие поиск потерпевших бедствие в ночное время суток. Такой жилет позволяет пострадавшему находиться в воде длительное время.

⁷ В случае возникновения пожара, беспроводной датчик тепла включает насос, расположенный под мойкой, ко- торый разбрызгивает воду через распылители для предотвращения распространения пожара.

*Дополнительную информацию с удовольствием предоставит Наталья Жукова,
PR-менеджер Dyson (тел. +7 964 566 54 44, e-mail: Natalia.zhukova@dyson.com)*

О компании Dyson

Компания Dyson ведущий производитель пылесосов в мире. Продукция компании представлена в 45 странах мира. Основными преимуществами пылесосов Dyson по сравнению с традиционными стали: постоянная мощность всасывания, отсутствие мешков и фильтров для сбора пыли, авангар- дный дизайн. Глава компании Джеймс Дайсон — английский инженер-изобретатель, который в се- редине 80-х годов изобрел совершенно новую технологию фильтрации пыли и применил ее в пы- лесосах. Дополнительная информация о решениях, технологиях и текущей деятельности компании публикуется на сайте www.dyson.com.ru.

О Фонде Джеймса Дайсона

Фонд Джеймса Дайсона — это зарегистрированная благотворительная организация, целью ко- торой является поддержка образования в области промышленного дизайна и инженерного проек- тирования, благотворительное финансирование медицинских исследований и проектов в рамках местных общин. Фонд Джеймса Дайсона сотрудничает со школами и университетами в Вели- кобритании и в других странах. Дополнительная информация опубликована на сайте <http://www.jamesdysonfoundation.com>.

Молодой ученый

Ежемесячный научный журнал

№ 5 (28) / 2011. Том II.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор:

Ахметова Г. Д.

Члены редакционной коллегии:

Ахметова М. Н.

Иванова Ю. В.

Лактионов К. С.

Воложанина О. А.

Комогорцев М. Г.

Драчева С. Н.

Ахметова В. В.

Ответственный редактор:

Шульга О. А.

Художник:

Шишков Е. А.

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются.

За достоверность сведений, изложенных в статьях,
ответственность несут авторы.

Мнение редакции может не совпадать
с мнением авторов материалов.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Материалы публикуются в авторской редакции.

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

672000, г. Чита, ул. Бутина, 37, а/я 417.

E-mail: info@moluch.ru

<http://www.moluch.ru/>

Учредитель и издатель:

ООО «Издательство Молодой ученый»

ISSN 2072-0297

Тираж 1000 экз.

Отпечатано в ООО «Формат»,
г. Чита, ул. 9-го Января, д. 6.

Дизайн — студия «Воробей»

www.Vorobei-Studio.ru

Вёрстка — П.Я. Бурьянов

paul50@mail.ru